

СЕРИЯ «МОСТ И МЕЧ» #2

ЩИТ

ДЖ.С. АНДРИЖЕСКИ

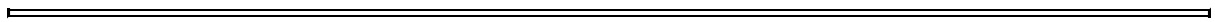
Annotation

От автора бестселлеров по версии USA TODAY и WALL STREET JOURNAL — увлекательная история сверхъестественной войны в суровой альтернативной версии Земли. Содержит сильные романтические элементы. Апокалипсис. Сверхъестественная романтика. «И Смерть будет жить среди них в обличье ребёнка...» Попытки справиться со своей новой ролью «Моста», создания, призванного провозгласить конец для всего человечества — это даже не самая большая проблема Элли. Новые правила культуры видящих и её отношения с печально известным видящим-разведчиком Ревиком продолжают чинить ей проблемы, а жаждущий власти Шулер, которому она помогла попасть в Белый Дом, хочет войны с Китаем. Затем появляется мальчик. Социопат со всеми энергетическими маркерами Сайримна, смертоносного телекинетика, который во время Первой Мировой Войны загубил тысячи невинных душ. Похоже, за сотню лет он ни капли не постарел. Хуже того, он считает, что Элли принадлежит ему. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: эта книга содержит нецензурную брань, секс и жестокость. Только для взрослых читателей. Не предназначено для юной аудитории. «Щит» — это вторая книга в серии «Мост и Меч». Она также связана с миром Квентина Блэка и занимает место в обширной истории/мире видящих.

- [Дж. С. Андрижески](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

Дж. С. Андрижески
Щит

Глава 1

Смерть

Я стараюсь смотреть на смерть объективно. Всё умирает.

Люди умирают. Так было всегда.

Деревья сгорают. Страны воюют друг с другом по причинам, которые в разы ужаснее самих войн. Мир по-своему безумен. Все мы безумны.

Люди не говорят об этом, но все мы это чувствуем. Тот факт, что безумие изображается обыденным, не делает его менее безумным. Теперь я знаю больше о том, как людьми манипулировали годами, по крайней мере, с конца Первой Мировой Войны.

Я также знаю, что ни один из нас не является таким невинным, каким притворяется.

Мы влияем друг на друга, хотим мы того или нет.

Но в этот раз все не абстрактно.

В этот раз я принимала непосредственное участие в том, на что смотрю сейчас.

— Держи его! — Чандрэ поймала ещё одного разведчика за шею.

Её косички взметнулись за ней как тёмный хвост, когда она впечатала в стену миниатюрную женщину тибетской наружности, сбив при этом настенные гобелены и крупы голубой краски. Она засунула ствол пистолета в горло женщины и навела его вверх, показывая в её сознании образ своих намерений, чтобы уж точно без ошибки.

Почти в то же самое мгновение Чандрэ резко перевела взгляд ко мне.

— Держись позади! Я серьёзно, Мост!

Я тоже держала пистолет. А так и не скажешь по тому, как они все со мной обращались. У меня шесть нянек, и все они уверены, что выполняют Божью волю, защищая меня от вреда.

Лидерство оказалось вовсе не таким, каким его рисовали.

И все же я навела пистолет на другого видящего в комнате, мужчину, в то время как Мэйгар, Дорже, Бревин, Алекс и Касс подошли ко мне сзади.

Я знала, что Чандрэ вообще не хотела, чтобы я присутствовала здесь. Все они, даже Касс, предпочли бы, чтобы я осталась на самолёте. Но я не могла просто сидеть там. Может, это эгоистично, но я не могла так поступить. Я отбросила назад отросшую гриву темных волос с лица, жалея, что не завязала её кожаным шнурком, как это делала Касс.

Мои волосы на концах все ещё сохраняли винный цвет после того, как я покрасила их в Сиэтле.

Я говорила на прекси — единственном языке, который знали все видящие.

— Где это? — я навела пистолет на грудь мужчины-разведчика. *«Мы знаем, что ты хранишь это для него, — произнесла я прямо в его сознании. — Ты можешь пойти с нами. Мы позаботимся, чтобы он не отомстил. Мы можем защитить тебя».*

Видящий рассмеялся. Молодой парень с высокими скулами и фиалковыми глазами наверняка надевал контактные линзы, когда работал с людьми. Он плюнул в мою сторону, не утруждаясь отвечать словами на моё предложение.

Я заметила, что он был одет в камуфляжную униформу русской пехоты.

Я шагнула ближе, вытирая лицо.

— Где это? — повторила я и подняла пистолет, прицелившись прямо ему в лицо.

Мэйгар пересёк комнату позади меня. Подойдя к месту, где я стояла, он схватил видящего в поле моего зрения за воротник. Он продолжил тащить его через комнату.

— Мэйгар, подожди! — сказала я по-английски. — Не причиняй ему вреда!

Мускулистый видящий с татуировкой меча и солнца на руке вёл себя так, словно и не слышал меня.

Я раздражённо щёлкнула языком, когда он вытащил охотничий нож из ножен на бедре и показал его другому видящему перед тем, как приставить лезвие к его шее. Он прорычал видящему что-то на русском.

Я видела, как фиалковые глаза утратили всю уверенность по мере того, как он говорил.

Затем я услышала знакомое слово, и фиалковые глаза метнулись прямо ко мне перед тем, как выпучиться от страха.

— Мост? — прошептал он на прекси.

— Где это? — спросил Мэйгар на английском. *«Иначе она прорежет новую дырку на твоём хорошеньком личике. И даже не вспомнит».*

Я опустила пистолет, подавляя раздражение.

Видящий вновь залопотал что-то на русском. Мэйгар на мгновение прислушался, затем посмотрел на меня.

— В соседней комнате, — произнёс он по-английски с акцентом и мотнул головой в ту сторону. — Там коробка. Он говорит, что там только бумаги. Никакой органики, — он тряхнул видящего, снова спросив у него что-то по-русски.

Видящий решительно закивал, снова показывая на дверь.

— Только бумаги, — подтвердил Мэйгар.

Подавляя импульсивное желание отчитать Мэйгара, я вместо этого повернулась и пошла к двери, на которую он показал кивком головы.

Входя в маленькую спальню по ту сторону двери, я прошла мимо Касс, которая наградила меня лёгкой улыбкой, растянувшей шрам на её лице. Её изящные черты проступали и под шрамом, но мне все равно было немного больно его видеть.

Пока мы росли вместе, она всегда казалась мне моделью с её странной смесью внешности тайки, эфиопки, шотландки и чего там ещё она унаследовала от обоих родителей.

Теперь она сжимала пистолет, со своими поразительными

черными и кровавыми на концах волосами походя на модель из журнала про оружие и боеприпасы. Футболка, облегающая её грудь, изображала одну из её любимых героинь комиксов, а слова ниже гласили «Девочке-Космос не нужны причины».

В отличие от моего сводного брата Джона Касс приняла жизнь с видящими так, как я бы не сумела вообразить себе ещё год назад, когда мы были лучшими подругами в Сан-Франциско.

Конечно, месяцы пыток от рук психопата-видящего могут произвести такой эффект.

Почему-то она никогда не винила меня. Хотелось бы мне сказать то же самое про себя.

Коснувшись её плеча на ходу, я вошла в спальню. Хлопающая тряпка прикрывала единственное разбитое окно.

Териан, вышеупомнутый психопат-видящий, производил зачистку с тех пор, как сумел прийти к власти в человеческом мире.

Благодаря мне, самый сумасшедший, самый умный и самый кровожадный видящий, с которым я сталкивалась, теперь стал президентом Соединённых Штатов. Он нашёл способ разделить своё сознание на части, чтобы распределить себя между многочисленными физическими телами, и умудрился поместить одно из этих тел в Белый Дом — все потому, что я убила предыдущего президента, генетически эволюционировавшего человека, который по случайности оказался главой Шулеров, международной сети видящих.

Видите, какая я молодец.

Я подошла к деревянному ящику. Он лежал на кровати со сломанными пружинами, которые просели почти до самого пола. Вся комната воняла сыростью, кошачьей мочой и гнилым деревом.

— Подожди!

Я повернулась. Чандрэ уставилась на меня своими темно-красными глазами.

— Не трогай его, Мост! *D' gaos!* Ты как ребёнок, который бродит весь покрытый кровью в парке с дикими животными.

Я попятилась от ящика, а Касс засмеялась над сравнением, которое выдала Чандрэ.

— Я просканировала его, — сказала я, немного обидевшись. — Никаких бомб, Чандрэ. Никаких ловушек в Барьере. Я только собиралась заглянуть внутрь.

— Ну так не заглядывай. Ты, может, не дорожишь своей жизнью, а мне моя жизнь дорога. Твой муж убьёт меня — буквально — если узнает, что мы вообще пустили тебя сюда.

— Нет, — произнесла я, предостерегая. — Даже не вздумай снова упоминать Ревика.

— Он вообще знает, что ты здесь? — спросила она, прищурившись.

— Нет, — я взглянула на Касс, затем наградила более выразительным взглядом Мэйгара. — ...И я не вижу абсолютно никаких причин, зачем ему нужно об этом знать.

Улыбнувшись, Мэйгар закинул ружье за плечо, выходя обратно в главную комнату. Он послал мне воздушный поцелуй со своих толстых пальцев.

— Можешь сколько угодно врать своему мужу, Мост, — сказал он, подмигивая. — Я не возражаю.

Я проводила его взглядом, прикусив язык.

— Что ж, в таком случае, — сказала Чандрэ, заставляя меня повернуться к ней. Она скрестила мускулистые руки на груди и вскинула бровь. — Раз уж Дигойз единственный, кому ты позволяешь отдавать тебе приказы, я думаю, что в его отсутствие эта честь должна достаться кому-то другому. Я решила, а почему бы не мне?

Касс у дверей вновь рассмеялась, наградив меня извиняющейся улыбкой, когда я взглянула на неё. Потянувшись внутрь своего жилета, Чандрэ вытащила маленькое оливково-зелёное устройство, похожее на камень размером с кулак. Она положила его на ящик, где оно быстро начало вибрировать. Из гладкой поверхности показались щупальца, заставив меня вздрогнуть.

Я все ещё не привыкла к видам и изобилию органических машин. Согласно Мировому Суду, они должны быть нелегальными, но видящие во многом на них полагались, особенно в военных операциях.

Испытывая одновременно восхищение и отвращение, я

наблюдала, как ножки аккуратно ощупывают бока деревянной коробки перед тем, как скользнуть в щели контейнера и в бумаги, запихнутые внутрь.

— И ничего я не позволяю ему командовать мной, — пробурчала я.

— Ну, ты хотя бы притворяешься, что слушаешь его.

Чандрэ подмигнула Касс, когда та вновь засмеялась.

Коснувшись наушника, чтобы прочитать какой-то сигнал от органики, она выпрямилась и прищуренным взглядом уставилась на насекомообразное существо, карабкающееся по ящику. Мы втроём наблюдали, как его бледные щупальца перебирают слои бумаги.

— Оно может обезвредить то, что может находиться внутри? — спросила я.

— Давай будем надеяться на это, Мост, — сказала Чандрэ. — Я не хочу выковыривать кусочки тебя из своих волос, с твоими-то человеческими рефлексам.

Я закатила глаза, крепче скрещивая руки на груди. Очевидно, ей вовсе не казалось странным оскорблять мои навыки видящей, называя меня человеком. Даже при Касс, которая вообще-то была человеком и стояла прямо рядом с нами.

Псевдо-организм издал тихий сигнал прямо перед тем, как его змеевидные ножки убралась в тельце размером в кулак, которое сделалось гладким и как будто безжизненным.

— Все чисто, — объявила Чандрэ.

— Хватай его, — сказала я Мэйгару, который появился на пороге и заглянул через моё плечо. — Поставь с остальными. И проверь стены эхолокатором. Может обнаружиться что-нибудь ещё.

Я смотрела, как Касс следует за Мэйгаром, и видящие вокруг меня рассеялись, делая так, как я сказала.

Никто больше не спорил, когда я говорила им сделать что-то. Даже Мэйгар и Чандрэ подчинялись прямому приказам, если я настаивала, хотя и могли бурчать все это время. Я не уверена, нервировало это меня или успокаивало.

В конце концов, я же «Мост».

Мне пришлось привыкнуть ко многим вещам.

Больше половины мира людей и мира видящих верило, что я — реинкарнация мифологического существа, чьё присутствие на Земле предвещало конец света. Но мне не нравилось думать об этом.

У меня появилось новое имя. Состоялась даже целая церемония.

Мне пришлось надеть синюю мантию. После этого я стала «Дигойз Элиани», по крайней мере, на бумаге.

Имя заставляло меня нервничать. Видящие ставили фамилию наперёд имени, как и многие азиатские народности. Наверное, логично было взять фамилию Ревика, хотя бы временно, но все равно это казалось довольно странным. В конце концов, единственный раз, когда мы с Ревиком действительно обсуждали наш брак — это когда он попросил меня о разводе.

Поскольку у видящих не существовало особенной традиции, по которой женщины брали бы фамилии мужей, я попыталась не придавать этому значения. Но это непросто.

Элиани — уже не такая большая проблема. Я попросила Вэша дать мне имя, которое я по-прежнему могла сокращать до Элли. Вариант «Элиани» был ничуть не хуже остальных.

В любом случае, я не могла оставаться Элисон Мэй Тейлор — по многим причинам.

Не последней из них стало то, что Элли Тейлор разыскивали за предположительные террористические акты примерно в двадцати странах. Опять-таки, я сомневалась, что мы хоть кого-то одурачили, пока Териан жив.

У меня все ещё не было клановой татуировки.

Очевидно, это несло за собой более серьёзные последствия в плане семейных обязательств и все такое, так что Вэш дал мне разрешение повременить. Вне зависимости от того, что Ревик думал о нашем «браке» в эти дни, у меня определённо сложилось впечатление, что он не очень-то любил свою приёмную семью. Я не хотела использовать их в качестве запасного варианта там, где не смогу потом что-то изменить — по крайней мере, пока не поговорю с Ревиком.

Все кланы подали петиции на включение меня в их

родословную, когда Совет Семёрки официально идентифицировал меня как Моста, так что у меня имелись варианты.

А ещё это означало, что кого бы я ни выбрала, кто-то разозлится.

Когда я сказала об этом Вэшу, он улыбнулся и сказал:

— Добро пожаловать в лидерство.

Он не ошибался. И все же, разве обязательно ему так демонстративно радоваться тому факту, что это больше не его головная боль?

В самом Сиртауне моя новая личность оказалась совершенно бесполезной.

Все, кроме Касс и Джона, называли меня «Мост».

Мне пришлось иметь дело с религиозными людьми и видящими, которые приезжали в Сиртаун, чтобы отдать дань уважения — некоторые ехали аж из Южной Америки. Буквально три недели назад в городе происходил фестиваль, где меня просили благословить детей, и многие религиозные личности окрестили своих дочек «Элисон».

Я также благословила как минимум одного «Ревика», что невольно показалось мне милым.

Я практически уверена, что как минимум несколько людей снимали меня на видео в тот день, на сцене, хотя формально любое записывающее устройство запрещено в пределах лагеря.

Моё лицо все ещё время от времени показывалось в новостях — моё настоящее лицо, не аватар — а значит, я все ещё классифицировалась как террорист и враг Мирового Суда.

Так что я не знаю, кого они дурачили.

В любом случае, мне меньше всего нужно, чтобы ещё больше людей доставали меня по поводу Ревика.

Глава 2

Война

12 июня, 1944

Дневники Родерика Бирманна (также известного, как Галейт),
позднее известного как президент США Дэниэл Кейн

Берлин, Германия

*... Думаю, у нас наконец-то достаточно сил, чтобы оказать
перманентное влияние.*

*Молодой Дигойз — это благословение. Я уже ловлю себя на том,
что хочу дать ему больше ответственности, посмотреть, как
далеко может зайти этот талант к стратегии.*

*Он будет моим архитектором нового мира. Среди этого
расового разделения он кажется истинным участником
коллективной работы. Прогрессивным деятелем.*

*Я так хочу доверять ему. Всем своим существом я хочу верить,
что он поможет мне с моим величайшим бременем.*

Этот мальчик — ключ к миру.

*Не к миру в краткосрочном плане. Окончание этих войн — лишь
начало, предпосылка для всего того, что должно последовать. И я не
имею в виду тот тип перемирия, который подразумевает
капитуляцию тех, кого никогда нельзя принуждать к мольбе или
прогибам.*

Я имею в виду настоящее перемирие. Которое продлится долго.

*Что касается Фиграна, то он также должен сыграть свою
роль. Его амбиции кажутся безграничными, но как личность он не
ограничивается ими. Есть в его душе нечто, какой-то ключ к
следующему шагу, окончательному исходу Смещения, который я все
ещё не могу постичь.*

Они все ещё не догадываются, кто они.

Поток пламени освещает тёмное пространство Барьера. Я знаю, что в реальности только что взорвалась ракета и послала вспышку пламени. Деревья падают от удара, птицы взлетают к облакам, крича от страха. Война происходит внизу, в физическом мире — то, что я вижу, действительно реально, а не просто какое-то световое шоу внутри самого Барьера.

Я вижу размытые, нечёткие света людей, отброшенных взрывом.

Я знаю, что они настоящие люди. Я знаю, что их там разрывает на куски, конечности отрываются от туловищ, шрапнель впивается в мягкую плоть и кожу.

Некоторые полностью отделяются от их тел, тут же выброшенные в тёмное небо Барьера.

Будучи все ещё закреплённой за своим телом, я наблюдаю за ними. Поначалу, когда там умерли лишь немногие, я пыталась им помочь. Теперь их слишком много.

Я все равно пытаюсь приободрить тех, кто проходит мимо меня в волнах Барьера.

Я говорю им простые вещи.

Нет, ты не можешь вернуться в своё тело. Ты не можешь силой проложить себе путь обратно в изувеченную плоть. Да, сосуд действительно сломан. Видишь? Вот оно, вон там. Это было твоим телом. Ага, я знаю, выглядит ужасно. Нет, я не Бог и не ангел. Нет, я не знаю, как связаться с твоей женой...

Заставить их слушать сложно.

Большинство бежит от меня. Их страх заставляет их резонировать с другими светами, исчезать — *пуф* — в других, более запутанных местах Барьера. Они не привыкли к темным облакам Барьера и меняющемуся окружению. Они не знают, что в принципе могли бы путешествовать здесь так же, как я, если бы просто расслабились.

Но они не могут расслабиться.

Некоторые, очень немногие, слушают.

Другие видящие пытаются помочь, но этот процесс приводит в уныние. Их слишком много. И для людей все это слишком в новинку.

Пытаться помочь снаружи, пока они ещё не погибли — это ещё более жалко.

За последние несколько недель я быстро научилась этому, даже с Джоном и Касс. Для некоторого из того, что теперь стало для меня обыденной реальностью, просто не существует слов. Даже если сама идея представляет для них интерес, я чувствую пропасть между их воображением и реальностью. Как и все создания, люди объясняют жизнь и смерть в тех терминах, которые они знают на данный момент.

Проблема в том, что они ничего не знают.

Мировой Суд по какой-то причине официально объявил Барьер мифологией. Они описывают наши способности как ребёнка, отрицают наши объяснения просто потому, что предпочитают свои собственные. Когда их объяснения не совпадают с реальностью, они злятся на нас или принижают этот феномен до научного эквивалента «магии». Они ищут лучшее объяснение — лучшую историю, которая объяснит то, что ранее считалось необъяснимым, но при этом не будет противоречить их изначальным предположениям.

Эта война, к примеру.

Для людей она включает в себя сражения за земли и права торговать, потенциал получить больше маленьких бумажек, которые будут означать, что больше людей захотят секса с ними, и они смогут произвести впечатление на совершенно незнакомых людей.

Однако для кого-то вроде меня и всех видящих, с которыми я работаю, эта война — всего лишь изобретение разума безумного видящего. Безумного видящего, который ненавидит людей и хотел бы, чтобы все они исчезли. Безумного видящего, которого я приставила к власти в стране, способной развязать войну со всеми остальными, просто выкрикивая эмоциональные слоганы.

Другие видящие говорят, что это не моя вина.

Однако я ни капли не верю в это. Моё сердце болит, но недостаточно. Я онемела, просто не в состоянии чувствовать столько, сколько должна.

«Сэр? Вы видели достаточно?»

Я поворачиваю голову, моё сознание все ещё разделено. Я сосредотачиваюсь на его лице, смотрю, как оно мелькает со светового на физическое, с позитива в негатив...

И я теряюсь.

Мой разум щелкает обратно.

Я выхожу из Барьера. Моё сознание возобновляет движение в реальном времени...

...Звук взорвался всюду вокруг меня.

Над головой шумели вращающиеся лопасти вертолѐта, бившие по воздуху и кружившие в оглушительном ритме, словно длинные металлические крылья, то заслонявшие солнце тенью, то открывавшие его обратно. Волосы хлестали меня по лицу.

Я встретила взглядом с пилотом — высоким видящим китайской наружности, которого звали Тензи.

«Мы слишком близко», — послал он извиняющимся тоном.

Я выругалась, разозлившись из-за того, как просто меня вытащить.

Мне нужно освоить навык находиться в обоих местах разом.

Некоторое время, каждый день работая с Йерином и Мэйгаром, я, кажется, добивалась прогресса. В последнее время я зашла в тупик, ударившись о стену, которую, казалось, никак не могла преодолеть. Я могла держаться одновременно в двух местах, если никто меня не беспокоил и ничто меня не пугало.

А значит, если всего лишь держаться подальше от всего мира и всех людей, то все будет замечательно.

Иногда, как например, сейчас, я могла удерживать разделение на несколько секунд отвлечения.

Иногда я вообще никак не могла это сделать.

Особенно раздражало замечать это в сравнении с моим вышеупомянутым мужем, Дигойзом Ревиком, который мог разделять сознание на четыре-пять задач, держать внимание сосредоточенным на каждой из них в разной степени, и делать это, кажется, так долго, как ему вздумается.

«Высокочтимейший Мост, — вежливо послал Тензи. — Мы не можем оставаться».

Я пренебрежительно махнула рукой на манер видящих.

«Давай продвинемся немного дальше», — послала я.

«Нет, Высочтимый Мост».

Я обернулась, приподняв брови. Откровенного «нет» я в последнее время не получала.

Мысли Тензи оставались упрямыми. *«Сэр, мы должны возвращаться, — он удивил меня, улыбнувшись. — Вы обещали, Высочтимая. Вэш сказал напомнить вам. Он говорил сказать вам «никаких ещё раз». Если вы будете настаивать и спорить, я имею разрешение посчитать ваши суждения иррациональными и доставить вас обратно по своему усмотрению».*

Я невольно рассмеялась.

— Высочтимая, как же, — проорала я, заглушая шум лопастей.

И все же ему удалось рассмешить меня — непростой подвиг в эти дни. И хоть он перебарщивал с вежливостью, у него имелась своя голова на плечах.

Посмотрев вниз через плексигласовое стекло, я своим уже физическим зрением наблюдала, как пылает огонь. Я сосредоточилась на линии дыма среди деревьев.

Громкий свист нарушил мои мысли.

Тензи дёрнул в сторону ручку управления, похожую на джойстик, и переставил ноги на педалях, чтобы противодействовать вращению. От резкого рывка в сторону мой желудок совершил кульбит. Когда мы потеряли высоту, я схватилась за край двери вертолёт, мельком заметив что-то, просвистевшее мимо нас, когда вертолёт нырнул вниз. Что бы там ни было, оно двигалось громко и быстро.

«Они стреляют по нам, сэр», — послал Тензи.

«Я уже догадалась». Я широко улыбнулась, и он удивил меня, улыбнувшись в ответ.

— Ладно. Вези нас обратно, — сказала я вслух. — Ты выиграл. В этот раз.

Он уже разворачивал нас и набирал скорость. Мы поднялись над лесным покровом и направились к заснеженным горам на юго-западе.

Я оставалась на прежнем месте, стискивала дверцу и смотрела в почти полную темноту. Держась за ремень, удерживавший меня на сиденье, я наблюдала за вспышками небольшого орудийного огня, освещавшими тёмную массу под верхушками деревьев.

Затем мы накренились, быстрее устремляясь в сторону границы с Индией.

Разведчики из Сиртауна держали вокруг нас щит, чтобы скрыть нас в Барьере — в основном, от видящих, работавших или на китайцев, или на американцев. И все же у этих видящих имелись глаза. Если они сумели уловить нас через беспилотник, снимавший изображения, или, черт подери, через бинокль, то они могли идентифицировать меня одной лишь программой распознавания лиц.

По отсутствию Барьерного отпечатка они должны уже знать, что нас защищали видящие. Это могло означать только три вещи: что мы сами видящие, что мы важные персоны, или что мы богачи.

Любая из этих трёх вещей могла вызвать у них желание присмотреться поближе.

Я вспомнила ворчливое предостережение Мэйгара, которое он озвучил при моей последней вылазке. В тот раз он попробовал давить на вину, и это почти сработало. Он напомнил мне, что если меня сейчас поймают, то это повлияет не только на Тензи и меня саму.

Я все равно полетела.

Откинувшись на изодранное виниловое сиденье, я закрыла глаза, вдыхая холодный утренний воздух. В лагере меня ждала куча работы. Теперь мне предстояло просмотреть целые ящики бумаг Галейта. Через несколько дней привезут ещё, при условии, что команда, которую я послала в Баварию, что-нибудь найдёт.

Я могла бы отдать часть видящим Вэша на сортировку, или даже

Адипану, члены которого теперь начали прибывать в город, но тогда пришлось бы рассказать о своих целях большему количеству лиц, чем мне хотелось.

Пока что лишь немногие из Охраны Семёрки знали, ради чего все эти поездки. Я даже не могла рассказать Джону и Касс всю историю целиком. Они — люди, и уязвимы для прочтения любым видящим в поисках информации. Я позволяла Касс ездить с нами и выдала ей ту же историю, что и Вэшу — что я искала артефакты от пирамиды Шулеров, раз теперь она разрушена.

По сути это правда.

Я осознала, что смотрю на моря льда и снега, потерявшись в собственных мыслях, пока мы скользили по просветам между высокими горами. Мы обогнули крутой выступ горной породы, и под моими ногами открылась зелёная и коричневая равнина.

Знакомые черепичные крыши начали перебивать простор длинной равнины. Дома, храмы и более крупные постройки появлялись все чаще, наряду с могильниками, выкрашенными белой краской, и красочными флажками, болтавшимися над крышами зданий.

Затем я увидела каменный дом Старого Города высоко на вершине холма, с его простиравшимися садами и белыми скульптурами.

Рынок и коммуны Сиртауна, включая более скромный с виду лагерь Вэша, тянулись вниз по холму, где здания имели более жилой вид. За балконами висело выстиранное белье, даже в самом лагере, и большинство домов было выкрашено яркой облезающей краской: розовой и белой, оранжевой и красной, небесно-голубой и цвета морской волны.

Мартышки сидели на балконах и покатых крышах, смотрели на шум и суматоху города людей и видящих внизу.

Тензи направил нас к центру белого креста, помечавшего вертолётную площадку над домом Вэша.

Мы приземлились почти гладко.

Повесив подавляющие звук наушники на крючок внутри кабины пилота, я слезла с потрёпанного сиденья, когда вращающиеся лопасти начали замедляться с утихающим жалобным звуком. Низко

пригнувшись и инстинктивно убирая волосы с лица, я убралась из радиуса ветра от лопастей и улыбнулась четырём людям, ждавшим меня по другую сторону.

Сначала я широко улыбнулась Джону.

— Соскучились по мне? — спросила я.

— Нет, — выразительно отозвалась Чандрэ, но улыбнулась.

— Он вернётся, знаешь ли, — прокричал Джон, заглушая шум лопастей. — Было бы неплохо, если бы ты была жива, когда он вернётся...

— Кто? — спросила я, недоуменно взглянув на Джона.

Касс рассмеялась, пока её длинные черные и красные на концах волосы хлестали по её изящному азиатскому личику.

Я широко улыбнулась ей, лишь немного вздрогнув при виде толстого шрама, спускавшегося по лбу с одной стороны, затем по носу, и немного искривляя её широкую улыбку. Я видела, как она смотрит вниз холма с вертолётной площадки, наслаждаясь видом Сиртауна с его цветными молитвенными флажками и домами с бамбуковыми стенами.

— Полагаю, «он» значит «твой муж», — ответил Йерин за Джона, привлекая мой взгляд.

Видящий с узким лицом совершенно неподвижно стоял на платформе вопреки тому, что одеяния хлопали на ветру вокруг его длинного тела. Его тёмные глаза содержали искорку веселья.

— И должен сказать, — добавил Йерин. — Скорее всего, он прав — Дигойз Ревик не одобрит эти твои экскурсии, если последний мой разговор с ним может послужить каким-то намёком. Он выразил беспокойство, что тебя недостаточно защищают, даже в Сиртауне. Он чувствует, что ты слишком на виду, учитывая количество людей, которые уже...

— Где Мэйгар? — спросила я, перебив его.

Они переглянулись.

Все они до последнего знали, что мы с Ревиком договорились не общаться в период его отсутствия. И все же никто, похоже, не понимал, что я не желаю слышать о том, как они говорили с ним.

Осмотревшись по сторонам, отчасти чтобы отвлечься от их многозначительного молчания, я осознала, что Мэйгар действительно отсутствовал. Все ещё являясь моим официальным телохранителем, он никогда не упускал возможности поприсутствовать при приземлении и прочитать мне лекцию на тему исключительной глупости того, как я позволяю, чтобы меня видели за стенами лагеря.

Однажды я бы с удовольствием сказала Ревиду, насколько эти двое похожи.

— Серьёзно? — сказала я. — Где он? Он болен?

— Он отправился в Каир, Мост, — сказала Чандрэ.

— Каир? — я удивлённо повернулась к ней. — Зачем?

— Кто знает? — Чандрэ пожала плечами. — Скатертью дорожка.

— Может, Ревик по нему соскучился, — Касс криво улыбнулась.

Последовало молчание, наполненное лишь стихающим гулом вертолёта. Затем я издала невольный сдавленный смешок. Джон и Чандрэ захохотали вместе со мной, и даже Йерин, который редко понимал наш юмор, улыбнулся этой шутке.

Встреча с Мэйгаром доставит Ревиду такую же радость, как если бы его обмакнули в немытый резервуар канализации. Гольшом.

Глава 3

Фигран

Фигран плывёт. Видит сны... он создаёт вещи своим сознанием.

Диссонанс звучит в перекатывающихся волнах, пустых мечтах, ранее сдерживаемых одной или несколькими запертыми дверьми. Он строит особняки в своём сознании.

Он строит и строит...

Пирамиды больше нет.

Он пытается почувствовать. Он прикладывает усилия...

Ключки сознания искажаются и извиваются, словно мёртвые цветы сквозь облачные призраки света. Они принадлежат ему, эти облака, и все же их непосредственная связь с ним ускользает от него. Освобождённая от уз тел из мяса и костей, освобождённая от Пирамиды, толпа застывает над оставшейся формой.

Они приносят... нервозность.

Что-то в этой толпе пугает его.

Он видит тени. Он видит их и задаётся вопросом...

Стены пропали. Часть его разума, застрявшая в бледном искажённом теле внутри дрейфующего металлического конуса, находит это печальным.

Его отца больше нет. Галейта больше нет.

Фигран спит. Проносясь сквозь тёмную красоту ночи и её бесконечный ковёр звёзд, он дремлет и бездействует. Опасности таятся буквально на расстоянии вытянутой руки, в другой темноте, такой глубокой, что он не может представить себе её глубины. Там таится боль и нечто худшее. Это не та подобная материнской утробе тьма, где он видит сны, а тьма безмолвия, смерти.

Конца бытия.

Голос шепчет, напоминает ему, заставляет сомневаться, задаваться вопросами...

Но с ним все хорошо.

С ним, перенёсшим страдания и искупление, содержащим в себе больше света, ума и воображения, чем тысяча обычных... с ним все хорошо.

Бог наблюдает за его шагами.

Он видел, как Бог его выделяет.

Глубоко внутри подвала дома в горах Баварии мужчина рылся в стопках документов и матерился.

Бумаги окружали его толстым расползающимся кольцом. В камине горел огонь, и он периодически скармливал ему пачки тех бумаг, которые он уже счёл бесполезными, или которые просто раздражали его своим монотонным бюрократическим повествованием.

Он наблюдал, как краешки становятся черными, затем скручиваются и морщатся перед тем, как вспыхнуть пламенем. Он держал их до тех пор, пока огонь почти не обжёг его.

Как и большинство людей, Галейт считал каждый момент своей жизни достойным запечатления, так что сортировка немногочисленных ценных вещей от шлака оказалась сложной и трудоёмкой задачей. Серьёзно, Галейту самому надо было стать нацистом, с такой-то нарциссичной заикленностью на документации собственной жизни.

Но что есть, то есть, и Териану оставалось лишь копаться в этом и надеяться, что его тщательные поиски принесут плоды.

Данная конфигурация тела/личности Териана некогда была ещё одним номером в длинной цепочке. Однако, поскольку Галейт убил большинство его тел, Териан перенумеровал то, что осталось.

Теперь это тело стало Терианом-3.

Тело обладало скандинавской внешностью и достигало 195 см в росте. Когда приходилось притворяться человеком, его идентификационные карты приписывали ему возраст немного

моложе 30 лет. Но он не был человеком. Он был видящим с рангом намного выше среднего и примерно 120-летним телом.

Лишь горстка его прежних версий осталась в материальной форме.

Изначальная копия не выжила — как и первая четвёрка. Те ранние прототипы все оказались разрушены, когда его наставник и друг на протяжении восьмидесяти с лишним лет, создание, некогда известное как Галейт, иногда — как Дэниэл Кейн или Родерик Бирманн или даже как Рабан Новотны, решил истребить большинство тел, являвшихся Терианом.

Коллеги Териана теперь работали над тем, чтобы исправить эту проблему.

И все же даже самый оптимистичный сценарий говорил, что на это уйдёт время. Много времени.

Реальность же заключалась в том, что без Пирамиды это могло оказаться и вовсе невозможным. Если он не найдёт способ отстроить сеть заново, возможно, ему придётся существовать в таком фрагментированном и нескоординированном состоянии, пока его последнее тело не умрёт от естественных или насильственных причин.

Прошло много лет с тех пор, как разным его частям приходилось жить в таком небольшом количестве тел. По правде говоря, он разучился находить компромиссы между более обособленными элементами его личности. Прежде, когда они обитали в отдельных телах, он держал все части в подчинении через строгую иерархию Пирамиды.

Теперь, когда эти личности жили по две-три штуки, втиснутые в одно физическое тело, они сливались друг с другом, спорили, боролись за свои желания и нужды, даже открыто атаковали друг друга.

И все же они никогда не были настолько разделёнными.

С Пирамидой Териан мог координировать все свои тела как единый отряд; сама Пирамида давала им всеобщую структуру.

Теперь они действовали как действительно отдельные существа, вынужденные координировать свои действия как обычные индивиды.

Данный Териан, Териан-3, считал эти хитросплетения борьбы за власть попросту утомительными.

То, как обычные видящие или даже люди справлялись с противоборствующими желаниями и голосами своих сознаний, находилось полностью за пределами его понимания. Его восхищало то, как много индивидуумов умудрялись не совать в рот пистолет, чтобы заглушить эту какофонию раз и навсегда.

Один голос в особенности — принадлежавший тому, что в его сознании казалось рыдающим, подавленным мальчиком, который постоянно нуждался в ободрении — вызывал у Териана желание выколоть себе глаза всякий раз, когда этот голос всплывал в его сознании.

И все же в этом новом мире имелись свои компенсации.

Галейт мёртв.

Териан теперь был Главой сети Шулеров.

Конечно, по крайней мере, на данный момент он жил как король без королевства и без той защиты, которую обеспечивало королевство. Создания, ранее составлявшие ранги Галейта, разбежались по всему земному шару, словно пчелы, которые лишились улья и никак не могут найти дорогу домой. Все, что осталось от исторических записей о Шулерах, находилось в этих коробках, а также в других им подобных, разбросанных по всей Европе и Азии.

К сожалению, Элисон осознала этот факт быстрее, чем он рассчитывал, особенно учитывая тот факт, что её супруг все ещё не объявился.

Териан с усилием поднялся на ноги, размял спину и нашарил в кармане *hiri* — самокрутку из темной травки со сладким запахом, которая обеспечивала лёгкий кайф. Сарки выращивали *hiri* за тысячелетия до того, как люди начали производить её в более распространённых формах.

Прикурив кончик, Териан пососал его несколько секунд, позволяя смоле успокоить его, пока он смотрел на беспорядок на полу вокруг себя.

Он был так уверен, что найдёт здесь что-нибудь.

В этом здании годы назад они обучали Дигойза.

Тогда дом Галейта в горах служил многим целям. Территория для тренировок, центр допросов, место для отдыха. Здесь Галейт развлекал шишек Третьего Рейха экстравагантными вечеринками, которые устраивались, чтобы отплатить Гестапо.

В основном, Галейту нужно было, чтобы они смотрели в другую сторону, пока он экспортировал видящих через Азию. Это место также становилось базой для переговоров, когда через эти горы проходили союзники, а позднее здесь заключили последнее перемирие между Шулерами и древним Советом Семёрки.

Вот ведь в чем дело — Териан знал, что во время той тренировки они кое-что узнали о Дигойзе. В любой тренировке видящего такие сведения становились основой для всего, что следовало потом — кем бы ни был этот видящий, и какой бы ни была его роль в итоге.

И все же в случае с Дигойзом Териан никак не мог вспомнить, что же они о нем узнали. Отсутствие таких воспоминаний говорило о многом.

Первое правило внедрения — начинать с того, что есть.

В настоящий момент у Териана имелась гигантская дыра в его памяти.

Тренировка начиналась с крайне тщательного сканирования. Это сканирование истощало ученика на целые дни, если не на недели.

Должны сохраниться детальные записи. Эти записи могли быть уничтожены с появлением систем электронного хранения данных, если бы речь шла о ком-то другом. Но это же Галейт. Тот факт, что Териан ничего не помнил, говорил о том, что они действительно нашли в прошлом Дигойза нечто стоящее, а значит, должны сохраниться оригиналы.

К сожалению, после шести дней обыска каждого укромного уголка, закоулка и коробки в этом месте, даже после отдиранья половиц и сканирования эхолокатором основания подвала, Териан все равно ничего не нашёл.

Ну... почти ничего.

Он нашёл пожелтевший чек, который указывал, что в какой-то момент они втроем заказывали по несколько порций односолодового

скотча.

Териан перевёл взгляд на камин.

Оттолкнув в сторону стопку истрёпанной бумаги, он подошёл к каминной полке. На камине, представлявшем собой сооружение в форме дымохода из речного камня и почерневшей древесины вяза, спереди имелись старомодные часы, вставленные в обтёсанный кусок строительного раствора. Териан просканировал их своим *aleimi*, но ничего не почувствовал.

Инертная материя все равно мало что давала на сканировании, если только она не содержала в себе какой-то энергетический отпечаток, а его Териан не уловил.

Он начал ощупывать речные камни.

Он нашарил один расшатанный бледно-голубой камешек, сделавшийся гладким от бесчисленных касаний. Териан слегка захихикал, извлекая его из углубления в застывшем строительном растворе.

Сумев схватиться по-настоящему, он полностью вытащил его пальцами.

Когда он сделал это, соседний камешек тоже поддался. Затем следующий.

Териан складывал их на каминную полку, убирая камни и куски строительного раствора, пока не открыл дыру примерно двадцать сантиметров в высоту и тридцать сантиметров в ширину, которая уходила в камень и раствор. Он ощупал содержимое рукой.

Секунды спустя он вытащил кожаную записную книжку толщиной в несколько дюймов, перевязанную потёртым кожаным шнурком.

Териан размотал завязку, стягивавшую обложку.

Он подвинулся ближе к огню, аккуратно листая блокнот.

Ровные квадратные буковки, заполнявшие каждую страницу, не принадлежали Галейту. Териан знал размашистый, каллиграфический почерк своего бывшего босса.

И все же эту манеру написания букв он тоже знал.

Угловатые буквы со странностями в написании и пунктуации,

причудливый рукописный текст совершенно точно был написан Дигойзом Ревиком.

Териан пролистал ещё несколько страниц и обнаружил ещё больше ровных линий, выведенных ручкой.

Он мельком заметил иллюстрации, напоминавшие математические формулы. Дигойз мыслил в нескольких измерениях. В былые времена он рисовал диаграммы на барных салфетках, чтобы проиллюстрировать свои слова, даже будучи пьяным. Галейт называл его своим «многомерным мыслителем», восхищаясь тем, как тот растягивал правила измерений между Барьером и физическим миром.

Очевидным решением стало поручить Дигойзу задание защитить сеть от внешнего внедрения.

Ощувив дрожь предвкушения, Териан перелистывал страницу за страницей, бережно переворачивая каждую, пока не нашёл то самое.

Уставившись на детально прорисованные чертежи оригинальной Пирамиды, Териан ощутил, как по позвоночнику пробегает очередная волна мурашек. Он всегда подозревал, что её создал Дигойз. Он знал это в глубине души даже тогда.

И все же, держать это здесь, в своих руках...

Первые наброски Дигойза, сделанные его рукой.

Насколько мог сказать Териан, изучая тщательно прорисованные линии, последний вариант не слишком отличался от изначальных рисунков — по крайней мере, в основных моментах. Он ласково провёл по деталям пальцем, вновь поражаясь гениальности своего давнишнего напарника. Пирамида все-таки была творением Ревии, не Галейта. И она работала безупречно.

До последних нескольких месяцев.

Подавив эту ноющую и раздражающую часть себя, которая хотела поддаться сентиментальным воспоминаниям, Териан прочёл текст на странице перед первым рисунком. Он надеялся, что записная книжка содержит хоть какие-то намёки на пошаговое возведение Барьерного сооружения.

Но слова посвящались совершенно иной теме.

«...Мальчик меня нервирует».

Териан нахмурился. Угловатый почерк Дигойза продолжался на следующей строчке.

«Прошли уже недели, и я все ещё не могу до него достучаться. Честно говоря, я не понимаю, почему мы не можем просто убить его и рискнуть принять любой результат, но Галейт говорит, что это невозможно. Это как-то связано со стазисом — тем, что та доктор, женщина-видящая с лицом рептилии, сделала с ним. Вопреки тому, кто и что он такое, все в нем вызывает у меня тревогу. Он смотрит на меня так, словно убил бы меня при возможности. Надеюсь, Галейт знает, что делает, позволяя ему жить».

Нахмурившись, Териан пролистал книгу, ища ранние записи, которые могли бы подсказать ему, о ком или о чем говорил Дигойз. Остановившись в случайном месте, он стал читать вслух, слыша интонации Дигойза даже в собственном голосе.

«Они стёрли мой разум почти полностью — вероятно, вскоре после того, как я переехал жить в Памир. Судя по тому, что мы с Галейтом сумели сложить воедино, мне было восемь-девять солнечных лет на тот момент, когда воспоминания просто остановились.

И все же невозможно знать наверняка. Эти игры Семёрки добавляют слой за слоем. Невозможно сказать, где начинается ложь и заканчивается правда.

Я помню гибель своих родителей. Но что касается того, как я очутился в той гнетущей тюрьме в Сиккиме, у меня нет никаких воспоминаний. У меня остались смутные воспоминания о Первой мировой войне, но должно быть, я был слишком молод, чтобы сражаться. Тот период помнится размыто, обретает ясность только тогда, когда я начал учиться у Вэша в двадцать с лишним лет».

Териан пролистал вперёд несколько страниц.

«Пока что Галейт хочет держать того, другого, в неведении. Кажется, тот не в восторге, что его отослали. Он странный, этот Териан. Я не знаю, то ли он откровенно безумен, то ли он самый умный видящий, которого я когда-либо встречал. Галейт говорит мне, что на деле он смесь и того, и другого».

Териан перечитал последнее предложение, нахмурившись ещё сильнее.

Он полистал мятые страницы вперёд, затем назад. Даты записей начинались с недель, посвящённых первым тренировочным сессиям Галейта и Териана, и до 1950-х годов, то есть намного позже того времени, когда он стал полноценным членом сети видящих-Шулеров

Так кто принёс эту записную книжку обратно сюда?

Бросив ещё несколько расколотых дров в огонь, Териан уселся перед пламенем, скрестив ноги.

Пролистав мятые странички до самого начала записной книжки, он принялся читать.

Глава 4

Лидер

— Мост! Эй, Мост! — видящий в дверях радостно замахал своему другу. — Вон там! Она там. Ты её видишь? Она прямо там!

Его голос заглушил болтовню в бильярдной, выдернув меня из собственных мыслей настолько, чтобы тупо уставиться в его сторону.

Мы сидели в одном из захолустных баров Сиртауна, на краю склона холма с видом на тот участок долины, где находился человеческий монастырь и школа. Нижний этаж занимало интернет-кафе и магазин, который продавал все, от туалетной бумаги до бисквитов в шоколадной глазури и футболок с надписями на прекси для туристов.

На многих из них также красовалось лицо Вэша — а теперь, к сожалению, и моё тоже.

Верхний этаж был довольно скудным, а значит, сюда заходили в основном местные и эмигранты, но мало туристов. Мне нравилось проводить здесь время с Джоном и Касс, когда нам просто хотелось посидеть где-нибудь и выпить пива. В лагере Вэша алкоголя не водилось, а большинство других баров были такими людными, что толпа обступала меня в ту же секунду, как только я входила внутрь.

Кто-то давным-давно выкрасил стены бара на верхнем этаже в лимонно-жёлтый цвет.

К счастью, с тех пор краска выцвела и теперь щеголяла подтёками на задней стене, справа от древнего с виду бара. Сам бар казался смутно европейским, и возможно, когда-то был дорогим. Стойка, выполненная из соснового дерева, состояла из покорёженных полок с бутылками и зеркалом с замысловатой резьбой по металлу с краёв.

От ямок в полу бильярдные столы пошатывались прямо во время игры, но местные все равно наблюдали за двумя столами. Постеры Далай Ламы и изображения солнца и меча покрывали две основные стены.

Моя фотография стояла на самом баре, но она была довольно

маленькой и не беспокоила меня.

Лампы над головой лениво качались по кругу всякий раз, когда кто-то в эспрессо-баре под нами хлопал дверью.

— Мост! Эй, Мост! Высокочтимая и Священная!

Не успев остановить себя, я повернулась лицом к мужчине у двери.

Мой взгляд в его сторону заставил его просить ещё сильнее — и в любом случае, уже поздно. Каждый видящий и человек в помещении уставился на меня. Те, кто не заметил меня в толстовке и джинсах, теперь окинули меня повторным взглядом с таким же удивлением.

Покосившись на Джона и Касс, которые сидели со мной за баром, я мысленно вздохнула, а Джон рассмеялся.

— Он такой деликатный, — сказала Касс, потягивая пиво. — Прямо неприметный как ниндзя.

Джон широко улыбнулся, наклоняясь ко мне.

— Как думаешь, он хочет твой автограф, Эл? Или просто потрогать тебя? Зарядиться магией Моста?

— Ага, — сказала Касс. — Я слышала, «конец света» в этом году на пике моды.

— Может, ты просто чихнёшь на него? — предложил Джон.

— Или пукнешь, — добавила Касс. — Учитывая, сколько момо [1] ты слопала утром, это может вырубить бедного парнишку на месте.

Я невольно фыркнула.

— Вы оба просто умора.

Я сделала глоток пива, которое тянула уже больше часа. Покосившись на просиявшего видящего, быстро направлявшегося в нашу сторону, я поводила кружкой по кругу, затем приняла решение и соскользнула со стула.

Я уже собиралась встать, когда охранник Семёрки направил этого парня прочь, настойчиво проводив его до самой двери и держа рукой за плечо.

Видящий выглядел недоумевающим, но подчинился.

Хоть Мэйгара здесь не было. К этому времени он уже впечатал бы беднягу в стену.

— Что ж, — сказала я. — Видимо, это сигнал уходить.

— Нет, останься, — Касс положила ладонь на мою руку. — Тебя теперь никуда не вытащишь. Потом найдёшь время побыть Великим Лидером.

Я взглянула на Джона, и тот кивнул.

Чандрэ встала по другую сторону от Касс. Она удержала равновесие, опершись рукой на плечо Касс.

— Да! — заявила она, и я едва не расхохоталась снова, осознав, что она действительно опьянела. — Оставайся, Мост! Сегодня праздник!

— Да, да, — сказала я, стараясь не закатывать глаза. — Я знаю.

Сегодня канун дня, когда они праздновали день рождения Сайримна. Мне пришлось привыкнуть к тому факту, что парень, которого я в детстве считала величайшим массовым убийцей всех времён, в мире видящих был типа народным героем.

— Ну так что? — Касс наградила меня ничуть-не-деликатной улыбкой, приподнимая бровь и салютуя каким-то фруктовым коктейлем.

С красной помадой и глубоким вырезом футболки она почти походила на прежнюю себя, какой я помнила её по Сан-Франциско. Однако она все ещё оставалась немного худой.

— Ревик скоро возвращается, верно? — спросила она.

— Он снова задерживается, — сказала я.

Об этом мне тоже не хотелось говорить.

— Да что за вечные задержки? — пробурчал Джон.

— Понятия не имею, — ответила я. Но я тоже задавалась вопросами, конечно же.

— Может, он боится причинить боль своей новобрачной, — сказала Чан, широко улыбнувшись и повиснув на плече Касс. — Тебя ж люди воспитывали и все такое.

Я наградила её тяжёлым взглядом.

— Что это должно значить?

— Ничего, — её тон сделался шутливо-серьёзным. — Просто он, наверное, осваивает медитативные техники, чтобы успокоиться. Ну ты знаешь... чтобы он не нанёс тебе необратимую травму, когда ему наконец удастся стащить с тебя одежду.

Я уставилась на неё с неверием.

— Иисусе. Да что с тобой?

Чан ещё сильнее навалилась на плечо Касс, хохоча.

— Ты уверена, что готова для него, Мост? Нам, видящим, нравится некоторая жестокость в сексе. Если он хранил верность, он будет голоден. Голодные видящие опасны, — она снова расхохоталась. — ...Даже мужчины.

Она отпила пива, сжимая плечо Касс.

Касс пожала плечами и бросила на меня шутливо виноватый взгляд.

— Ну никуда с ней пойти нельзя, — сказала она.

— Чем, черт подери, вы двое кормили Чан? — пожаловалась я.

Я взглянула на Джона, который лишь улыбнулся и отмахнулся от меня.

— Не смотри на меня.

Чандре положила подбородок на плечо Касс, все ещё улыбаясь.

— Ты уже была с видящим, Мост? Не только с Дигойзом. С любимым из нас?

Чувствуя, как краснеет моё лицо, я едва взглянула на неё.

— Отвали, Чан.

Видящая рассмеялась.

— Тебя ждёт сюрприз. Ему придётся быть осторожным, когда он сорвёт вишенку... ты же Мост и все такое.

— Чан! — я развернулась к ней, разозлившись по-настоящему. — Заткнись уже, ладно?

Увидев, что она поглаживает руку Касс, я застыла.

Я впервые осознала, что слепо не замечаю все эти ласки, и резко повернув голову, вскинула бровь и посмотрела на Касс.

Слегка закатив глаза, она бросила на меня нетерпеливый взгляд и пожала плечами с видом, который должен был говорить «Ну, ежу же понятно». Её лицо, все ещё остававшееся изящным в местах, нетронутых толстым шрамом, осветилось улыбкой.

Я видела, как Чандрэ переводит взгляд между нами, затем крепче сжимает плечо Касс. Я не могла не заметить собственнический посыл этого жеста, как и полный привязанности взгляд, которым Касс посмотрела на темнокожую видящую, когда подняла головой.

— Ха, — произнесла я, обращаясь сама к себе.

— Не пытаюсь оскорбить тебя, Мост, — сказала Чандрэ. — Просто дразню. Это традиция, знаешь ли, подтрунивать над новобранными.

— Ну так заканчивай... — начала я, но тут от двери завопил кто-то другой.

— Мост! Смотрите, это Мост! Говорил же вам! Вот она!

Я мысленно вздохнула.

— Эй, Мост! — ещё один восторженный голос. — Это она, видишь! Помаши ей! Её воспитывали люди, маши! Да... вот так...

Я постаралась не замечать оживлённое махание руками в стороне у красной двери. Когда я улыбнулась и кивнула в ответ, коротко махнув ладонью, ещё больше восторженного бормотания донеслось с другого конца комнаты.

Я незаметно осмотрелась по сторонам, но мой охранник, похоже, исчез.

— Я избавлюсь от него, Мост, — сказала Чандрэ деловито. — Они не должны находиться здесь и беспокоить тебя.

— Да, да, — я отмахнулась от неё. — Именно этого мне не хватало... пьяной разведчицы с пистолетом. Все хорошо. Вы, ребята, оставайтесь здесь, мне все равно нужно найти Йерина. Остальные ребята из Адипана предположительно возвращаются сегодня. Мне нужно быть в лагере, чтобы поприветствовать их. Выполнить работу

лидера.

Джон поднял взгляд.

— Хочешь, чтобы я пошёл с тобой?

Я фыркнула.

— Чтобы ты сумел заценить всех хорошеньких мальчиков-видящих из Китая? Не, я так не думаю.

Я, конечно же, шутила, но Джон все равно немного залился румянцем.

Он ни за что на свете не вышел бы вот так на открытую охоту. Похоже, осознав, что я его дразнила, Джон быстро поиграл бровями.

— Разве это моя вина, что я так до неприличия привлекателен?

— Нет, — сказала я. — Не твоя. Но кто-то же должен нести это бремя, — затем, закатив глаза, я подловила его на лжи. — Хотелось бы мне, чтобы ты *начал* к кому-то приставать. Божечки-кошечки, Джон. Тебе тридцать два года. Ты получил непристойные предложения от половины холостых мужчин-видящих в Сиртауне и все равно проводишь все своё время с теми монахами, читая книги с какими-то каракулями и таращась в пустые стены.

— Я учусь, — он слегка покраснел. — Я правда не в настроении болтать с кучей перевозбуждённых видящих. Поверь в меня немножко, сестрёнка.

— Я в тебя верю. Я в тебя очень верю. Что насчёт того парня, Гаренда? Он, кажется, неплохой парень. И хорошенький.

— Видящие слишком неразборчивы в связях, — он взглянул на Чан, затем, как будто вспомнив, обратно на меня. — ...Без обид. Я имел в виду холостых. Я правда не хочу быть забавой недели. Они все равно заинтересованы во мне только потому, что я продолжаю отвечать отказом.

— Нет, — сказала Чан, грозя пальцем на манер видящих. — Нет, они заинтересованы потому, что ты до неприличия хорошенький и чертовски перевозбуждённый под этой своей дерьмовой маской человеческого монаха, — она глотнула ещё пива. — Ты дурак, червяк. Зачем отказываться от идеально хорошего секса? Такая пустая трата времени.

Я рассмеялась.

— Видишь? Мне даже больше не нужно читать тебе лекции. У тебя здесь есть Чан, — я скорчила рожицу. — Только надеюсь, что обычно я не кажусь такой... грубой.

— Не кажешься, — Джон глотнул газировки. — ...Обычно.

Когда я хотела сказать что-то ещё, он меня перебил.

— Просто забей, Эл. Я не нуждаюсь в уговорах, ладно? У меня все хорошо.

— Ладно, ладно, — я подняла ладони. — Это в любом случае типичная проекция. Раз уж мне ничего не перепадает, я решила, что могу сунуть нос в твою личную жизнь, верно?

Джон покачал головой, издав отрывистый смешок.

— Конечно.

Похлопав его по плечу, я соскользнула со стула как раз вовремя, чтобы заметить четырёх видящих, прокладывавших себе дорогу в мою сторону. Опешив, я остановилась, затем улыбнулась, натянув маску лидера.

Они безвредны.

Кроме того, Вэш прочитал мне лекцию о морали и о том, как моё присутствие здесь дало им надежду. Согласно его словам, прибытие Моста помогло некоторым осмыслить те зверства, которые они вынуждены терпеть от рук людей.

В его логике имелся смысл, вроде как, но я все равно чувствовала себя так, будто играю в пьесе, не зная сценария.

Я сделала осторожный шаг, все ещё улыбаясь, и они расступились, позволяя мне пройти и благоговейно касаясь моей одежды, пока я направлялась к двери. Лишь двое из них заговорили; остальные, похоже, хотели только постоять возле меня. Я чувствовала шёпот их света вокруг меня, пока они делали уважительные жесты руками. Их головы оставались склонёнными, пока они следовали за мной к дверям.

Добравшись до выхода, я тут же застыла, увидев толпу за прямоугольным окном в двери. Вот тебе и путешествие инкогнито. Должно быть, это как-то связано с праздником Сайримна.

Натянув на лицо широкую улыбку, я приготовилась, открывая дверь.

В этот самый момент кто-то схватил меня за руки сзади.

Я вскрикнула, когда мои ноги оторвались от пола. Однако кто бы это ни был, он меня не ударил; меня повалили на пол. Не успела я даже вздохнуть, как он накрыл меня своим телом.

Секундой спустя я услышала выстрелы, за которыми тут же последовал звук бьющегося стекла.

Затем раздались крики.

Посмотрев в сторону бара, я увидела, что мои друзья уже скатились со стульев и присели у длинной стойки. Чандрэ полностью переключилась в деловой режим, все следы опьянения стёрлись с её лица. Она жестами переговаривалась с кем-то другим в комнате, держа Касс за запястье и резко щелкая пальцами.

Джон уже держал оружие в здоровой руке.

В эти дни я едва его узнавала.

Раздалось ещё больше выстрелов.

Я услышала ещё больше криков на улице внизу, но они становились тише, так что толпа, должно быть, бросилась врассыпную. Кто-то стрелял из винтовки через окно бильярдной буквально в полудюжине футов от места, где я лежала. Но выстрелы были направлены не в меня; стреляли в кого-то снаружи.

Двое других пробежали мимо меня, ринувшись через распахнутую дверь, болтавшуюся на петлях, и поспешно сбежали по скрипящей деревянной лестнице за ней.

Секунды спустя те же ноги затопали по улице.

Мужчина, лежавший на мне, наполовину придавливал меня своим телом; и все, о чем я могла думать — это то, как мне хотелось, чтобы он с меня слез.

Давление тут же ослабло — и это сказало мне как минимум одну деталь. Он был видящим. Я все ещё чувствовала его сердце, бьющееся у моей спины.

Подняв взгляд, я посмотрела ему в глаза, поразившись близости его серых радужек.

— Спасибо, — сказала я.

Ответив мне таким же оценивающим взглядом, он улыбнулся.

— Всегда пожалуйста, Высокочтимый Мост.

Несколько часов спустя я проскользнула в щель между ткаными шторами, занавешивавшими вход в просторную комнату с бамбуковым потолком.

Картина синего солнца и меча во всю стену встретила меня вместе с деревянным алтарём, уставленным свечами и медными изображениями различных богов и богинь, которые составляли пантеон видящих. Множество золотых гобеленов, украшенных замысловатой синей, золотой и белой вышивкой, висели по обе стороны. За алтарём открывалось окно на Гималаи, которое все ещё казалось мне нарисованным пейзажем.

Первым я увидела Вэша, который сидел, скрестив ноги, перед каменным камином по другую сторону алтаря. Он улыбнулся, увидев меня.

Его похожие на монахов ученики с ровными лицами не улыбнулись.

Касс и Джон добрались сюда наперёд меня, как и Чандрэ. Они все сидели у дальней стены возле ряда более молодых разведчиков, во многих из которых я узнала друзей Мэйгара. В отличие от учеников Вэша они носили уличную одежду, многие были густо покрыты татуировками.

Я заметила видящего, который повалил меня на пол бильярдной. Он наблюдал за мной через всю комнату. В серых глазах светилось любопытство.

Конечно, я спросила, кто он такой, перед тем как прийти сюда.

Ответ удивил меня, и не только потому, что я слышала о нем. Его звали Балидор, и я впервые услышала это имя от Ревика на корабле, на котором мы плыли между Ванкувером и Россией.

Балидор являлся старшим разведчиком Адипана — загадочного

и элитного коллектива разведчиков, верных Семёрке. Представители Адипана были легендами — своего рода священными монахами-воинами, которые действовали и обучались втайне, и членство в их рядах было в высшей степени эксклюзивным. Большинство видящих из Адипана отбирались для вербовки вручную, ещё в детстве — на основании их потенциального ранга видящего, а также по другим различным чертам света и характера, известным только избранным.

Обычно они действовали тайно, из убежища где-то в Памире. Очевидно, годами они действовали больше согласно мифу, но в последнее время, если верить Йерину, они стали визуально более активными в мирах людей и видящих.

Ревик немало расхваливал их во время наших тренировочных сессий. Он отдельно упоминал именно этого мужчину, выставляя его своеобразным супергероем видящих.

Его звали просто Балидор. Без кланового имени.

Все в Адипане отказывались от клановой принадлежности, когда вступали в их ряды. Их кланом становился Адипан.

Согласно Дорже и Йерину, Балидор только-только приехал в Сиртаун, но его люди тайно охраняли меня на протяжении недель. Теперь он опустился перед Вэшем на одно колено и замер, наполовину подняв ладонь в жесте.

Я чему-то помешала.

«Вовсе нет, Высокочтимейший Мост, — вежливо послал Балидор, поднимаясь с колена. Он жестом показал мне подойти и обезоруживающе улыбнулся. — Мы ждали тебя. Я всего лишь хотел выказать своё почтение».

Я кивнула.

— Я понимаю. Я могу подождать, пока вы закончите.

— Нет необходимости, — сказал он, делая шаг назад.

Услышав, как он говорит по-английски, я осознала, что сама использовала этот язык. Большинство видящих в Азии не знало английского. Опешив, я лишь ещё раз кивнула.

Балидор напоминал человека средних лет, что говорило мне, что он наверняка перевалил отметку в четыреста лет. И все же нельзя знать наверняка. Чандрэ с виду казалась мне двадцати с небольшим

лет, но от Мэйгара я узнала, что ей больше двухсот лет — в два раза старше Ревика, хотя Ревик выглядел на тридцать.

Однако, согласно Мэйгару, Чандрэ выглядела молодо для своих лет. Я думала обо всем этом, приближаясь к ним, и удивилась, увидев улыбку Балидора.

«Так и есть», — послал он.

Он с кивком улыбнулся Чандрэ, которая посмотрела на меня и закатила глаза с выражением «Ну спасибо».

И все же я понимала, что это её не волновало. Ей все равно не нравились парни.

Чандрэ фыркнула. Я видела, как губ Балидора касается лёгкая улыбка, а затем его взгляд проследил за Чандрэ до Касс.

А от него ничего не ускользало, от этого Балидора.

— Итак, — сказала я, прочистив горло. Я перешла на прекси, язык видящих. Как я уже говорила, большинство видящих не говорили по-английски. Однако мой прекси все ещё оставался плохим — если верить Мэйгару, мой акцент просто «комичен». И все же я могла понимать большую часть сказанного, особенно с фоновой помощью Вэша.

— Мы можем начать? — сказала я.

Балидор склонил голову, садясь обратно и присоединяясь к кольцу видящих, сидевших со скрещёнными ногами.

Все они выжидающе смотрели на меня.

Я кивнула Балидору, и все взгляды метнулись к нему. Он поклонился мне в знак благодарности. Мне пришлось подавить желание махнуть ему рукой в жесте «ой да приступай ты уже к делу».

Формальности для видящих играли большое значение.

Слегка улыбнувшись, он повернулся к остальной группе.

— Мы поймали одного из стрелков, — он взглянул на меня. — Женщину. Она не из местных. По предварительным сканированиям ясно, что некогда она была в Шулерах — у неё остался Барьерный отпечаток после отсоединения от Пирамиды. Мы пока не определили, кому она верна теперь, но мы уловили некую организацию, возможно, группу отщепенцев, образовавшуюся после смерти

Галейта. Другого, мужчину, все ещё отслеживают. Мне сообщают, что мы должны догнать его к закату. Веллингтон...

Он взглянул на меня, затем пояснил для остальных.

— ... Создание-Териан, которое притворяется человеческим президентом Соединённых Штатов, Итаном Веллингтоном... располагает значительным количеством видящих, которые его защищают, и похоже, с каждым днём их все больше. Мы определили двадцать шесть личностей в его непосредственном окружении, не считая тех видящих, которые работают в Секретной службе или других подразделениях правоохранительных органов, которым поручена его охрана. Сюда также не включены люди из его личного персонала. Он передвигается между несколькими конструкциями в Белом Доме, частных резиденциях и правительственных зданиях. Некоторые из них укреплены на базе конструкций, которые существовали во времена, когда Дэниэл Кейн... существо, которое мы теперь знаем как Галейта... занимал кресло президента.

Говоря, он показывал вспышки образов.

Прожив большую часть своей жизни в Америке, я узнавала многие места. Те, что мне незнакомы, скорее всего, касались конкретно Веллингтона или настолько приближены к вопросам армии и безопасности, что настоящие кадры не попадали в новостные ленты.

— После распыления основной сети Шулеров... — продолжил Балидор.

Он помедлил, пока краткая вспышка показывала коллективной группе рушащуюся Пирамиду, разваливавшуюся на опорах. Я ощутила, как все видящие в комнате помедлили, чтобы безмолвно выразить признательность мне. Это ощущалось почти как пауза после упоминания имени погибшего человека.

И вновь я мысленно вздохнула.

— ...Похоже, он сделал своим приоритетом завладение ключевыми элементами человеческой инфраструктуры, — сказал Балидор, вновь слегка улыбаясь мне. — Вышеупомянутыми главенствующими постами в армии и корпоративной сфере, но также и в коммуникациях.

Он посмотрел на меня, неожиданно мрачно поджав губы.

— ...Включая все новостные каналы, которые человеческая публика считает легитимными. Так что твой интерес в том, чтобы выдать его как видящего, не представляется возможным на данном этапе, Высокочтимый Мост. Такая стратегия также несёт в себе определённые угрозы.

Я моргнула, затем посмотрела на Вэша.

Очевидно, мои идеи уходили куда дальше, чем я осознавала.

— Например, — добавил Балидор. — Теперь у нас есть основания полагать, что тело Веллингтона на 100 % биологически человек. Так что разоблачение такого рода может ударить по нам же. Это также выставит его мишенью террористов, что даст ему право применить ещё более драконовые ограничения гражданских прав на его территории. В самом наилучшем варианте это ещё сильнее подрвёт твой имидж среди людей.

— Что ещё? — я жестом показала ему продолжать.

— Он явно пытается изолировать Соединённые Штаты как единый географический и политический объект в отдельной Барьерной конструкции. Он хочет отрезать их от остального мира.

Балидор послал вспышку с образом пузыря света, который затвердевал над массивом суши Соединённых Штатов.

— В пределах Штатов он разжигает межрасовую напряжённость, и не только между Сарками и людьми. Он также распаляет этнические предрассудки, в том числе и против людей, чьи предки происходили из Азии. Он делает это в основном посредством деликатных фраз в своих речах.

— Ради чего? — заговорил один из монахов. — Какой цели это служит?

Я заметила, что остальные монахи также подались вперёд, сцепив длинные пальцы на коленях или сложив ладони перед собой и ожидая ответа Балидора. Традиционные видящие питали огромный интерес к взаимодействиям и конфликтам между людьми. Вещи, имевшие очевидное значение для того, кто воспитан человеком, большинству видящих казались непостижимыми.

Однако Балидор никак не мог принадлежать к этому лагерю видящих.

Он побывал как минимум в двух крупных человеческих войнах. Дорже также рассказывал мне, что Балидор был лидером Адипана, когда они помогали устранить Сайримна. Он показывал мне фотографию последней охотничьей экспедиции, которую они вставили в рамку и повесили в одной из молитвенных кабинок.

В центре стоял человек, который нанёс смертельный выстрел — перебежчик из баварской армии с редким именем Рабан Новотны, позднее известный как «Галейт»... то есть, тот самый Галейт.

Однако глядя на фото, я понимала, почему никто не установил связи.

Фотография была зернистой, и Галейт исчез вскоре после этого, по слухам будучи убитым злыми видящими. Когда он сорок лет спустя объявился как Дэниэл Кейн, ещё один человек, кто бы мог соединить эти две детали, особенно учитывая, что он не постарел?

На той же фотографии, прямо возле Галейта, стоял Балидор.

Он смотрел не в камеру, а на горящее поле, держал на сгибе руки винтовку немецкой пехоты и слегка хмурился. Он выглядел практически так же, как сейчас, но куда более грязным.

Я спрашивала у Дорже, как Балидор не узнал Дэниэла Кейна, когда тот позднее занял пост президента. После неловкого молчания Дорже немного виновато признался мне, что большинство видящих еле-еле различает людей между собой.

Из Барьера они все выглядели одинаково.

Согласно Дорже, Балидор, наверное, просто решил, что Дэниэл Кейн внешне очень походит на Рабана Новотны, и больше не задумывался об этом. Большинство видящих все равно на самом деле не верило, что именно Галейт совершил решающий выстрел. Тот факт, что Кейн всегда определялся тестами как человек, отмёл все причины присмотреться к нему поближе.

Люди, в конце концов, за пятьдесят лет старели внешне.

Теперь, в комнатах Вэша, Балидор лишь пожал плечами в ответ на вопрос монаха. Он взглянул на меня, затем повернулся лицом к мирным, ненасильственным видящим, сидевшим вокруг него полукругом.

— Чтобы умножить паранойю и агрессию, — объяснил он. —

Помочь другим людям, гражданским, ощутить желание развязать войну против людей, которые лично им не сделали ничего плохого. Заставить этих же людей бояться тех, с кем им придётся сражаться.

Я видела, как монахи перешёптываются с тревожным видом.

Я не хотела выглядеть бесчувственной, но мы не могли подходить к этому как к антропологическому эксперименту.

— Ладно, — я прочистила горло. — Балидор? Каковы твои мысли? Мы можем повлиять с китайской стороны?

Балидор тихо щёлкнул языком, качая головой.

— Теперь мы подозреваем, что у Териана есть как минимум одно действующее лицо на высоком посту в китайском правительстве, — сказал он. — У нас возникли сложности с определением, кто это. Это серьёзная помеха в поиске путей эффективного воздействия. В данный момент китайское правительство также переживает серию фракционных расколов. Мы подозреваем, что Териан подогревает эти проблемы и убеждает их, что война — самый простой способ объединить население.

— Однако китайцы не так наивны в отношении видящих, — добавил Балидор. — Следовательно, не только Териан блокирует наши попытки добиться успеха. Мы должны вести переговоры с фракциями, которые пытаются из Китая узнать, какие внешние воздействия могут провоцировать беспорядки. У них имеется несколько тысяч своих прекрасно обученных разведчиков, многие из которых искренне верны китайскому правительству. Мы пытались поговорить с несколькими из них, убедить, что мы не хотим причинять вред их хозяевам, но они относятся к нам с сильным подозрением.

— Самые элитные из них с рождения воспитывались в Запретном Городе. Некоторые из пожилых росли и играли вместе с королевской семьёй. Это совершенно другой сорт видящих-солдат, которых культивирует Китай. Их почитают как мудрецов, с ними обращаются как с семьёй, и они включены во многие аспекты религиозных и традиционных китайских верований, а также коммунистические идеалы «братства». Эти видящие высших эшелонов, известные как Лао Ху, «Люди Тигра», скорее всего, не станут нам доверять просто из-за того, кто мы такие.

Я села и скрестила ноги, плюхнувшись на пол, хоть я и знала,

что это расстроит монахов. Со своим рангом «старейшей души» я должна была все время находиться выше уровня их глаз.

В данный момент для этого понадобилось бы сложить стопку подушек в комнате, лишённой стульев, а меня это не волновало.

Я видела, как некоторые видящие напряглись, их лица отражали противоречие, пока они пытались решить, как им изменить позу, чтобы я оставалась выше уровня их глаз.

Вэш жестом показал им, что все хорошо, и улыбнулся мне.

— ...Тактика Териана по разжиганию войны в Соединённых Штатах кажется вполне прямолинейной, — продолжал Балидор. — Веллингтон обвинил Китай в том, что они дают приют видящим-террористам и используют деньги от нелегальной торговли видящими, чтобы укрепить свою армию и финансировать терроризм с целью подорвать положение Соединённых Штатов. Он утверждает, что предатель, Кейн, им помогал.

Я мысленно вздохнула.

— Так что теперь? Как заставить их говорить с нами?

— Я объяснил тебе сложности, Мост Элисон.

— Ладно, но это же временные проблемы, верно? — взглянув на их пустые лица, я раздражённо выдохнула. — Мы никогда не остановим это без помощи Китая. Вы это понимаете, верно? Они нужны нам. Особенно нам нужны тамошние видящие. Как нам убедить их сотрудничать? У нас есть там какие-то контакты?

Монахи с любопытством уставились на меня.

— Остановим это, Высокочтимый Мост? — вежливо произнёс Балидор. — Что остановим?

— Войну. Ну, ты понимаешь... я тут ищу решения.

Монахи уставились на меня с откровенно разинутыми ртами. Затем все они посмотрели на Вэша. Древний видящий посмотрел мне в глаза. Он по-доброму улыбнулся, издав своего рода цокающий вздох.

— Ты не можешь остановить Смещение, Элисон, — мягко произнёс он. — Наша надежда — смягчить наихудшие его проявления, замедлить... если возможно, то повлиять на направление

войны, чтобы дотянуться до тех людей, которым можно помочь с переходом. Я не считаю что-либо из этого жалким. Чем дольше мы сдерживаем боевые действия, тем больше у нас надежды подготовить почву, найти способы достучаться до людей, пока ещё не слишком поздно.

Он снова вздохнул, и этот вздох казался искренним.

— ...Но ты не можешь остановить Смещение, Элисон, — сказал он. — В итоге люди должны пройти через крайние неудобства. Иначе они не изменятся.

Я уставилась на него, затем на круг видящих. Если не считать Вэша, то только на лице Балидора отражалось что-то помимо пустого недоумения.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы опознать во взгляде его серых глаз сочувствие.

Той ночью я лежала без сна на спине и смотрела в бамбуковый потолок.

Я хотела смотреть на это рационально — или, может быть, суеверно, как они.

Однако я не могла. Я читала литературу об этих войнах. Предположительно, они убивают все деревья, «затмевают солнце», «заставляют океаны кипеть», «убивают все, что ползает, летает или карабкается». Дети будут рождаться с дефектами, будут свирепствовать болезни, людям будет не хватать еды, воды и чистого воздуха.

Не в таком мире я хотела жить.

Я бы никому не пожелала такого мира.

И ещё Ревик. В глубине души я не отказалась от идеи прожить жизнь с ним, даже в отрыве от всего этого. Я знала, что не могла просто сбежать и играть в домики, как большинство людей, но я думала, что мы можем получить хотя бы часть такой жизни — при условии, конечно, что он тоже хотел пожить так со мной.

Он задерживался уже на три недели после ориентировочной даты возвращения.

Если верить их изначальным словам, все указывало на целый месяц.

Так что я лежала и волновалась. Я волновалась из-за войны, и я волновалась за Ревика. Я знала, что все это время притягивала его к себе, но в кои-то веки я просто позволила боли разделения быть там, не пыталась замаскировать её или притвориться, что я в порядке.

Я не в порядке. Я не в порядке уже долгое время.

Не считая всего остального, не считая жизни видящей, конца света, псевдо-брака — я скучала по нему. На протяжении тех нескольких недель, что мы провели вместе на корабле, Ревик стал моим лучшим другом. Вопреки всем нашим проблемам, всему, что случилось за тот год с небольшим, что мы знали друг друга, я все равно доверяла ему больше всех, за исключением Джона и Касс.

Я хотела поговорить с ним об этом.

Я хотела поговорить с ним о войне, о Териане, о том, что мне делать. Я хотела знать, считал ли он тоже, что война неизбежна. Я гадала, сказал бы он те же вещи, что и остальные. Что попытки остановить войну — это пустая трата времени.

Свернувшись калачиком на тонком матрасе, я пожелала, чтобы он вернулся домой.

Я знала, что он этого не почувствует, потому что дюжина разведчиков наблюдала за его светом, следя, чтобы ничто не добиралось к нему извне.

Но в глубине души я думала, что он действительно услышал меня под всеми этими щитами, и что он понял.

Глава 5

Пещера

Териан шёл по двору, используя трость с костяной рукояткой в качестве опоры.

Данная конфигурация личности носила тело, некогда называвшееся «Териан-11» — до того, как Галейт сократил его ряды. Теперь для других Терианов он был «Териан-4» или просто «Четыре».

Четыре был двухсотлетним видящим с псевдонимом тридцати-чем-то-летнего человека, который работал в бизнесе по импорту-экспорту из Пекина. Он не был женат, но имел девушку из местных — актрису по имени Бей-Линь.

Теперь он находился далеко от неё и далеко от своего дома.

Четыре окинул взглядами лица, обращённые к нему.

Немытые, они, казалось, состояли лишь из гигантских жидких глаз, которые окружала кожа, натянувшаяся на кости. Металлические ошейники из потускневшего серебра окружали грязные шеи над выступающими ключицами и грубой одеждой. Свободные лохмотья больше напоминали мешки с дырками для рук, шей и ног, нежели рубахи и длинные штаны, которые они должны были напоминать.

Мухи лениво кружили и собирались в кучки во дворе, садясь на глаза и необработанные порезы, которые струпьями покрывали руки и ноги. От большинства из них отказались владельцы, жаждавшие плоти.

Возраст в данном загоне колебался примерно от двенадцати до двадцати солнечных лет. В результате видящие были маленькими, худенькими, бледными. Большинство разлучили с родителями в раннем возрасте — если они вообще хоть сколько-нибудь пробыли с родителями.

Четыре фыркнул, его нос и рот невольно сморщились.

Они определённо могли бы мыть продукт почаще. Кормить время от времени, чтобы удостовериться, что со временем он разовьётся в нечто ценное. Будь у него возможность, он бы сейчас

весь двор окатил из шланга, сначала мыльной водой, затем чистой — может, даже несколько раз, чтобы наверняка.

И все же он достаточно хорошо понимал, как в Индии и Китае обстоит дело с водой.

В последние годы проблемы с водой лишь ухудшались, и все обещало стать ещё хуже в будущем. Сами Гималаи уже стали полем битвы — правительства по обе стороны великих гор сражались за снег и воду на их вершинах.

Данный лагерь управлялся не Шулерами, строго говоря.

И все же монаху, которого он отследил через счета Галейта, определённо платили из его частных фондов. Пока Три копался в бумагах в Баварии, Четыре получил задание отследить каждый банковский счёт, к которому имел доступ Галейт. А это означало нырнуть в бесчисленные крысоловки человеческих псевдонимов, которые он накопил за годы, а также мёртвых видящих, чьи имена он позаимствовал; видящих, которые «завещали» ему все свои финансовые холдинги; людей, которые приходились «родственниками» и так далее.

Даже теперь, когда половина этих счетов оказалась бесхозными или пропавшими, Шулеры имели ВВП^[2] побольше, чем у большинства стран первого мира.

Вопреки этому Галейт оплачивал данный счёт из своих личных фондов, с секретного счета, а не сделал это частью затрат по обычным операциям. Что бы эти монахи ни делали для Галейта, он не хотел, чтобы об этом стало известно тем, кто управлял финансами в сети.

Аномалия оказалась настолько интригующей, что Териан подумал проверить её лично.

Он все ещё не был уверен, что именно он нашёл.

Видящая перед ним, сильно постаревшая монахиня лет этак шестисот с избыточным весом и индийскими корнями, выглядела нервничающей и бросала на Териана взгляды через плечо. Галейтовские журналы учёта, а также сами монахи и монахини называли это «школой», но Териан без проблем мог узнать рабочий лагерь.

Ещё бы, ведь за своё время в Шулерах он управлял множеством

лагерей, и ещё в нескольких надзирал за научными подразделениями. В частности он контролировал много генетической работы, начиная с периода после Второй Мировой Войны, когда Галейт впервые выказал интерес к гибридизации.

Сам Териан никогда не питал нежных чувств к лагерям, но у одной из его личностей имелся талант к генетике. Лагеря видящих предоставляли поле для экспериментов, почти не имеющее аналогов — с использованием и физических структур, и *aleimi*, а также с созданием функциональных полукровок, которые могли одурачить человеческие устройства для распознавания видящих.

Териан последовал за женщиной через тяжёлую деревянную дверь в другом конце двора, понаблюдав, как она возится с железным ключом, который она носила на шейной цепочке под одеяниями. Он немного улыбнулся при виде старомодной системы безопасности, затем последовал за ней в фойе внутреннего помещения, наблюдая с лёгким нетерпением, как она поджигает свой факел от настенного.

— Электричество здесь ненадёжное, — объяснила она виновато, хотя Териан практически был уверен, что его мысли закрыты щитами. — Мы обнаружили, что традиционные методы с меньшей вероятностью оставят нас бродить в темноте на ощупь.

Териан пробурчал уклончивый ответ, жестом показывая ей продолжать.

Она начала аккуратно спускаться по крутым каменным ступеням.

— Вы уверены, что он полностью посвятил вас в наши здешние протоколы? — она обернулась к нему, и её бледное мягкое лицо почти напоминало упыря в кромешной тьме за пределами освещения факела. — В его списке не было других имён. Более того, он довольно непреклонно...

— Ты бы хотела вновь увидеть метку в моем *aleimi*, Сестра? — голос Териана звучал спокойно, буквально воплощение вежливости. — Уверяю тебя, меня полностью ввели в курс дела в момент передачи прав.

Женщина уловила резкие нотки в его словах.

— Нет, — сказала она. — Доступ вполне ясен, сэр. Приношу свои извинения.

Её нервозность никуда не делась, она по-прежнему слышалась в её голосе.

Териан взглянул на грубые каменные стены в пятнах копоти и накопившейся плесени.

Они шли во тьме, заходя глубже в гору. Когда они спустились на ещё один крутой лестничный пролёт в почти полной темноте, Териан осознал, что запыхался. Чем глубже они спускались, тем более затхлым становился воздух, приобретая запах застоявшейся воды и разлагающейся растительности.

Он поймал себя на том, что дышит чуть тяжелее, и осознал, что эти симптомы можно посчитать началом панической атаки.

Клаустрофобия. Что-то новенькое.

Он просканировал пространство, пытаясь определить, принадлежало ли это чувство ему, или это отпечаток Барьерного поля, в которое он только что вошёл.

— Далеко ещё? — спросил он на мандаринском.

Она обернулась через плечо, стоя в маленькой комнате, служившей лестничной площадкой. Её мясистое лицо вновь исказилось пляшущим пламенем факела.

— Я извиняюсь за состояние наших пещер, — сказала она. — Учитель подумал, что будет лучше, если эта часть постройки будет выглядеть неиспользуемой, так что мы нарочно позволили ей прийти в упадок.

Она вновь зашагала вниз по очередной лестнице с крутыми ступенями, касаясь блестящей стены ладонью, покрытой старческими пятнами.

— Уже почти на месте, — сказала она, чуть запыхавшись. — Теперь уже недолго, сэр.

Его интерес вновь подстегнули, и Териан последовал за её шаркающими шагами.

Ещё через несколько пролётов, несколько поворотов и проходов через арочные каменные коридоры, Четыре увидел впереди колышущийся свет. Он освещал средневековую с виду дверь, то ли обшитую железом, то ли полностью сделанную из него.

На уровне глаз находилась узкая щель, закрытая металлической задвижкой.

Прямо возле двери на деревянном стуле сидел монах с длинной седой бородой и темными впадинами глаз. Териан всмотрелся в морщинистое лицо, пока женщина вставляла факел во второй железный держатель по другую сторону двери. Он обнаружил, что его разрывают противоречивые чувства, будто он почти узнал это землистое лицо.

Пожилой видящий уставился на него. Темные глаза мужчины полыхнули глубинной ненавистью, которая вызвала у Териана лишь раздражение.

— Тебя здесь быть не должно, — произнёс старик на английском с сильным акцентом. — Ты не должна была приводить его, — сказал он женщине. — Его здесь быть не должно.

— У него есть метка, — сказал он.

— Я этого знаю, — процедил старик. — Если у него и есть метка, он её украл. Его здесь быть не должно.

Териан потерял терпение. Он вытащил из-под пальто пистолет, навёл его сначала на старика, затем на женщину. Женщина разинула рот так, словно никогда прежде не видела оружия.

— Открывайте дверь, — сказал Териан.

— Ты можешь меня убить, — сказал старик. — Мне все равно.

— Возможно, я и так тебя убью, — сказал Териан. — Твоя богопротивная вонь — достаточная причина для убийства. Но пока что я вот что тебе скажу. Встанешь на моем пути — и даже если ты убьёшь это моё тело, я вернусь. И в следующий раз я заберу с собой каждую живую душу в этом комплексе — не только твою, старик. Я убью её, и всех юных щенков наверху. Ты бы не хотел, чтобы это было на твоей совести, нет? Чтобы все это потомство наверху погибло, когда тебе осталось жить так мало?

Старик усмехнулся. Прозвучавшая там злоба заставила Териана вновь уставиться на него, пытаясь сопоставить это исхудалое лицо с воспоминанием.

Ему знакомо это существо. Он это чувствовал.

— Кучка больных крыс, — произнёс старик голосом, сиплым от

мокроты. — Ты окажешь миру услугу, — он пристально посмотрел на лицо Териана. — Да, я тебя помню. Они сказали, что ты придёшь. Однажды.

— «Они» сказали, вот как? — Териан улыбнулся, но каким-то образом ощутил в этой улыбке злобу. — Как мило. А теперь открывай бл*дскую дверь.

— Ты знаешь, кого я имею в виду. Тех двоих, которые доставили его обратно.

Териан выстрелил старику в руку.

Женщина закричала, вжавшись спиной в железную дверь. Териан навёл пистолет на лицо старика, мельком взглянув на женщину.

— Ты все ещё не открываешь дверь, — заметил он. — И у тебя осталось ещё много частей тела.

Женщина наполовину подошла, наполовину приплелась к старику, который согнулся и хрипел от боли, зажимая кровоточащую руку грязными одеяниями. Его узкое морщинистое лицо побледнело. Неуклюжие торопливые руки женщины завозились с его одеждой.

Даже сейчас старик слабо пытался отогнать её. Она отталкивала его руки, её глаза широко раскрылись от страха.

— Слишком поздно, Меренье, — прошептала она. — Теперь он только застрелит тебя для этого — и он все равно получит ключ.

— Пускай! — сказал старик.

Но Териан задержал дыхание, услышав имя мужчины.

— Меренье? — он повернулся, глядя в лицо мужчины в свете факела.

Он слышал это имя прежде. Более того, он слышал его раз за разом.

Он слышал это имя с губ одурманенного и избитого пленника, которого он держал в глубине Кавказских гор, пока имя не начинало раздражать его настолько, что он затыкал произносивший его голос. Иногда Дигойз Ревик часами бормотал про Меренье и «пещеру», испытывая галлюцинации от нехватки воды и пищи. Он вновь и вновь твердил эти слова, когда умолял, чтобы избиения

прекратились, когда Териан доводил его до состояния, в котором он не осознавал, где и с кем находится.

Териан окинул взглядом стены пространства, похожего на темницу.

Пещера. Сколько же раз он задавался вопросом, что это значило?

— Какое у тебя клановое имя? — потребовал Териан, наводя пистолет на старика. — Откуда ты пришёл? Ты местный?

Мужчина рассмеялся, и этот смех прозвучал так, точно перед этим он наполнил рот битым стеклом.

Териан увидел, как жёсткие, черные глаза сверкнули в свете пламени факела, наполнившись горькой злобой, как у бойцовской собаки, которую пинали слишком много раз. Териан осознал, что мужчина не всегда был таким старым и слабым.

Затем он осознал кое-что ещё.

— Ты человек.

Четыре опустил пистолет. Он уставился на истощённое тело перед собой, со своеобразным ужасом осознавая, что смотрит не на семисотлетнего видящего, а на человека, который видел от силы девяносто с небольшим лет, может, больше.

Женщина извлекла ключ, и Териан сделал жест пистолетом, все ещё глядя на дряхлого человека.

— Открывай дверь, — сказал он.

Повернувшись к нему спиной, она спешно подчинилась.

Замок издал скрипучий звук, словно им не пользовались месяцы.

Когда дверь распахнулась, Териану пришлось приложить усилия, чтобы сдержать рвотные позывы от запаха, который хлынул в коридор из дыры, лишённой света. Желчь подступила к его горлу; он зажал рот и нос рукой, державшей пистолет. Он цветисто выругался, подавляя импульсивное желание застрелить двух людей, которые находились достаточно близко, чтобы подвернуться под руку и быть обвинёнными в этом уродстве.

— Не так уж приятно, да? — процедил старик. — Прятать грехи прошлого? Не так уж опрятно и чисто.

Териан поднял пистолет, навёл на него, затем передумал и вместо этого обошёл его, выхватил один факел из железного держателя и вошёл в маленькую комнатку, крепко зажимая рукавом нос и рот. Он взмахнул факелом по широкой дуге, обводя маленькое пространство из камня.

Потолок поднимался выше, чем он ожидал — как минимум вдвое выше, чем в коридоре, но сам пол представлял собой клочок где-то 2,5 на 2,5 метра.

Териан дважды повернулся вокруг своей оси в маленькой камере, затем ошарашенно остановился, когда увидел блеск глаз, отразивших свет факела. При первом осмотре комнаты он совершенно упустил это живое существо.

Даже сейчас оно стояло неподвижно, как труп, которому придали позу.

Четыре опустил факел и поморгал, пока его глаза адаптировались.

Мальчик стоял, расслабив каждый мускул в своём маленьком тельце. И все же его манера держаться не выражала покорность или поражение, как у мальчиков наверху. Напротив, его выражение оставалось спокойным, даже вежливо заинтересованным. Его плечи покато спускались от шеи, руки свисали вниз, ладони с изящными пальцами оставались раскрытыми вдоль боков.

Внешне он казался подростком — может, лет четырнадцать-пятнадцать для человека, двадцать-двадцать пять для видящего.

Он стоял так неподвижно, и его кожа приобрела такой тусклый серый оттенок, что он казался сделанным из воска. Его глаза следили за каждым движением Териана, словно скользя по гладким рельсам, ни разу не дёрнувшись и не выказав реакции.

Через несколько секунд Териан осознал, что сам напрягся.

Он чувствовал себя так, словно за ним ведётся охота, словно за ним наблюдают так, как крупная хищная кошка наблюдает за оленем.

За мальчиком у стены находилась гора тряпья и что-то вроде ветхого матраса, все того же темно-серого цвета с темными пятнами. Запах концентрировался там, и ещё сильнее вокруг корзины, которая стояла так близко к «кровати», что Териану хотелось оттолкнуть её носком ботинка — хотя бы для того, чтобы навсегда выбросить из

головы образ, как это создание спит так близко к собственным экскрементам.

— Как тебя зовут, мальчик? — сказал Териан. Он осознал, что его зачаровали черные глаза и полное отсутствие выражения. — Ты можешь разговаривать?

Выражение лица мальчика изменилось.

Териан увидел, как в этих зрачках сосредоточилась такая сильная и непостижимая ненависть, что это действительно заставило его отпрянуть. Услышав позади себя шум, он повернулся. Женщина стояла в дверном проёме вместе со стариком. Убийственный взгляд мальчика не отрывался от мужчины с простреленной дырой в руке.

— Это ты сделал? — мальчик повернулся к Териану.

Он говорил на прекси с таким древним диалектом, что Териану пришлось сосредоточиться, чтобы разобрать слова. Он скользнул в Барьер, постарался посмотреть на мальчика оттуда.

Сделав это, он сфокусировал свой свет, затем сфокусировался вновь, не поверив увиденному.

Над головой грязного создания по спирали кружилась коллекция структур, от которых у Териана едва не возникла эрекция. Своего рода изумлённый восторг накрыл его при взгляде на эти вращающиеся и мерцающие фигуры.

Мальчик повторил:

— Это сделал ты? Ты в него выстрелил?

— Да, — сказал Териан, отключаясь от Барьера. — Я это сделал.

Один долгий момент мальчик лишь смотрел на исхудалого человека. Наконец, он повернулся к Четыре.

— Да. Я пойду с тобой.

Не поворачивая голову полностью, Териан обратился к двум другим присутствовавшим.

— Что это, бл*дь, за бесценный комочек радости? — он обернулся через плечо.

Женщина сделалась белой как простыня.

— Ты сказал, что знаешь! Ты сказал, что он доверился тебе!

Старик издал очередной болезненный, скрипучий смешок.

— Я же говорю. Скорее всего, он убил твоего драгоценного Учителя собственными руками!

— Ты не так уж далёк от правды, старик, — сказал Териан, поднимая пистолет. — Но вы так и не ответили на мой вопрос.

Женщина воздела руки к Териану в своего рода умоляющей просьбе, её взгляд нервно метался между ним и мальчиком.

— Ты должен понять. Это делалось ради его же защиты. Ради защиты всех нас! Мы хорошо его кормим...

Териан издал резкий смешок.

— Да. Это же практически Ритц-Карлтон. Но я здесь не для того, чтобы отшлёпать вас за навыки ведения домашнего хозяйства, *фрейлейн*, — и все же он к некоторому своему удивлению осознал, что злится. Невообразимо злится. Он просто в ярости. Его рука дрожала, когда он показал ею на двух «монахов». Просто немыслимо, чтобы они держали любого видящего в таком месте, и тем более видящего с такими структурами.

То, что Галейт мог быть частью такого издевательства...

— Снимите с него цепи, — сказал Териан, показывая в сторону мальчика пистолетом.

— Немедленно.

От лица женщина отхлынуло ещё больше крови.

— Сэр?

— Вы его слышали. Он пойдёт со мной. А теперь снимите с него цепи.

— Сэр! Вы не понимаете! Его ошейник... сдерживающий вайр на его зрении крепится к цепи. Это гарантия, чтобы никто не попытался уйти с ним!

Она умолкла, когда Териан поднёс дуло пистолета к её лицу. Териан наклонил голову набок, пристально уставившись на неё. Женщина посмотрела на мальчика, затем обратно на Териана.

— Вы не понимаете, что вы творите! — закричала она. — Нельзя допускать, чтобы он покинул это место!

— Мальчик не причинит мне вреда. Ведь так, приятель?

— Нет. Я не причиню вреда, — он помедлил. — ...Тебе.

Териан улыбнулся.

— Видите? Мы станем приятелями, я и этот красавчик-дьявол.

Старик с кровоточащей рукой рассмеялся, остановившись лишь тогда, когда зашёл в пароксизме сиплого кашля. Он сплюнул комок мокроты в сторону мальчика. Вытерев рот одеждой, на которой от грязи образовалась корка, он наконец заговорил.

— Я сниму с него цепи, — в его голосе звучали нотки обречённости. — Я это сделаю... я отпущу мелкого ублюдка. Это моё дело.

— Меренье, нет! — закричала женщина, но Териан замахнулся на неё пистолетом и не дал пойти за мужчиной.

Старик, хромая, пересёк комнату, все ещё зажимая руку одеждой.

Мальчик стоял совершенно неподвижно, когда Меренье добрался до него. Он не шевелился, пока старик возился с металлическим ошейником на его шее. До тех пор Териан и не замечал его, поскольку он идеально сливался с тоном грязной шеи.

Однако теперь, увидев его, Териан осознал, насколько древним был ошейник.

Вместо светлых, тонких гибридно-органических металлов, которые использовались на видящих в загонах сверху, ошейник мальчика висел на его шее несколькими дюймами железа — кажется, железа. Органическая кожа снаружи выглядела так, словно происходила от какой-то рептилии.

Вместо сканера сетчатки или какого-то другого считывающего устройства, которое открывалось большим пальцем, сзади находилось железное кольцо, соединявшееся с толстой цепью, которая была прикручена к стене над горой тряпья, где спал мальчик. Цепь даже не предоставляла ему полной свободы передвижения по комнате. Неудивительно, что корзина оставалась у двери.

Ощувив, как возвращается его злость, Териан наблюдал, как старик возится с цепью, которую также покрывала органическая кожа.

— Используй ключ, — сказал старик. Его впалые глаза уставились на мальчика. — Используй ключ сейчас же! Я спровоцировал замок.

— Нет! — закричала женщина.

Но Териан уже понял.

Усмехнувшись, он вошёл в Барьерное пространство и осознал, что смотрит на замысловатую структуру, на которой всюду имелись отпечатки *aleimi* Дигойза и Галейта. Золотое полотно света окутывало мальчика своеобразной красотой, душа его *aleimi* через органические компоненты ошейника.

Вспомнив символ, который он нашёл в дневнике Дигойза Ревика — тот самый, который он использовал, чтобы одурачить женщину и заставить её думать, будто его послал Галейт — Териан наложил его на Барьерную структуру. Символ идеально встал на свободное место, вплёлся в сдерживающий ошейник на шее мальчика и в его органическую плоть.

Выходя из Барьерного пространства, Четыре услышал звучный щелчок.

Перед глазами прояснилось, и он очутился в крошечной тьме темницы.

Мальчик посмотрел ему в глаза и улыбнулся.

Глава 6

Отвлечение

Я резко проснулась как от толчка, ощущая почти панику.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать её причины. Мне снилось, что он уехал, что он опять оставил меня одну — ещё до того, как я увиделась с ним.

Я лежала, свернувшись полумесяцем на мягком сиденье возле окна без стекла. Впервые открыв глаза, я уставилась в деревянный потолок, поддерживаемый толстыми балками. Дневник Галейта лежал у моей руки там, где я выронила его, когда мои пальцы разжались во сне.

Я гадала, как долго я тут лежала.

Мартышки пронзительно пищали на ветвях деревьев, которые провисали и качались под их весом. Тем временем, видящие шутливо боролись на дворе из камня и травы, который находился на несколько футов ниже моего окна.

Я видела там своего приёмного брата Джона, неловко стоявшего в толпе видящих и наблюдавшего за их борьбой. Его глаза смотрели серьёзно, следя за их движениями. В Сан-Франциско он дошёл до четвертой степени чёрного пояса в Чой Ли Фут, но я знала, что здесь он чувствовал себя неумехой. Даже если не принимать в расчёт его руку, боевые искусства видящих подразумевали много работы с возможностями света, которые Джон просто не мог реализовать. Однако я узнавала выражение его лица, пока он наблюдал за их вознёй; он хотел находиться в самой гуще.

— Да, — произнёс голос позади меня. Тихий щелкающий звук пронзил тишину — такой низкий, что походил на мурлыканье. — Теперь все хорошо. Мне нужно тренироваться...

Голос зазвучал ещё ниже, и я уже не могла различить слова.

Я задержала дыхание.

Я узнала его низкий голос. Наверное, я узнала бы его даже без немецкого акцента.

Его звучание повлияло на меня сильнее, чем я ожидала, но он обращался не ко мне. На самом деле, мы пока что не перебросились ни единым словом.

Тем утром Касс вновь встретила меня на вертолётной площадке.

Мы с ней отправились на рынок Сиртауна, бродили по лабиринту палаток, где люди и видящие торговали одеялами, одеждой, молитвенными чётками, переносными механическими молитвенными колёсами и тибетскими момо — пельмешками с начинкой, к которым я быстро пристрастилась. Касс купила платок и пару серёжек. Они с Джоном здесь неплохо устроились в плане денег. Оба работали по несколько часов в день, преподавая видящим английский.

К тому времени, когда я вернулась в лагерь, большинство видящих закончили свои утренние ритуалы из чая, медитации и общения в обширных садах за комплексом.

Джон отказался встречать меня на платформе, убеждённый, что у меня развились суицидальные наклонности, раз у меня появилась внезапная необходимость находиться на передовой «каждый чёртов день», как он выразился. Думаю, на самом деле Джон злился потому, что ожидал, что все это прекратится, как только Ревик вернётся.

А он вернулся накануне ночью.

Признаюсь, Ревик отчасти являлся причиной, по которой я решила поехать тем утром.

На время полёта его накачали наркотиками, что стандартно для целей безопасности перевозки, но он не проснулся в то время, когда они ожидали. Они рассчитывали такие вещи вплоть до минуты, особенно когда речь шла о разведчиках, но мне уже сказали, что у Ревика имелась противоположная склонность — то есть, он с большей вероятностью просыпался от дозы раньше, а не позже.

Более того, им пришлось подбирать для него индивидуальные дозировки, чтобы он вообще уснул.

Я беспокоилась, что они дали ему слишком много, но ухаживающие за ним видящие сказали, что это не так. Они объяснили, что на последнем этапе полёта он перенёс какой-то «удар» — в смысле, другой видящий или видящие засекли его в Барьере.

Кто бы это ни был, они осушили его свет почти до опасного уровня.

Когда я вернулась, он все ещё не проснулся, и я забеспокоилась ещё сильнее.

Мне сказали, что с ним все хорошо.

Его показатели стабилизировались, и он вновь нормально восполнял свой свет. Я попыталась лежать рядом с ним, думая, что смогу ускорить этот процесс, но с болью разделения я продержалась примерно десять минут и опять вернулась на сиденье у окна.

Я все равно провела там большую часть ночи, уложив голову на подушку и глядя в окно. Я ждала, когда он проснётся, и твердила себе, что не беспокоюсь.

Должно быть, я сама заснула.

Теперь у Ревика появилась компания. Должно быть, Вэш пришёл, пока я дремала.

Слушая тон их голосов, я поймала себя на сожалении, что не поспала в другом месте. Однако я не хотела прерывать и уж тем более уходить.

Голос пожилого видящего зазвучал разборчивее.

— ...Я так сожалею, сын мой.

Я слышала, как он говорит что-то ещё, но потеряла его слова в эмоциях, которые ощущала вокруг них.

Ревик ответил ему, но на незнакомом мне языке.

Вэш подвинулся на кровати, заставив пружины скрипнуть.

— То, что они сказали мне — правда? Теперь ты помнишь больше?

Я сглотнула, ещё сильнее жалея, что не легла спать в другой комнате.

Я не хотела подслушивать ничего из того, что он сам не готов мне рассказать, но сложно было не прислушаться к его ответу. Ревик утратил большую часть воспоминаний, когда ушёл из Шулеров. Теперь, читая дневники Галейта, я имела более ясное представление, какими были для него эти годы.

Я также все чаще задавалась вопросом, была ли потеря памяти таким уж плохим явлением.

В той жизни он был женат. На другой, имею в виду.

Однако в их случае это в большей степени являлось «настоящим» браком. Благодаря Галейту, я даже уловила кусочек их свадебной церемонии из Барьера, и Ревик выглядел чертовски привлекательно в смокинге. Судя по тому, каким счастливым он выглядел в тот один момент, кажется, идея брака его вполне устраивала.

Иными словами, его брак с Элизой не сводился к ночи, когда два почти-незнакомца слишком глубоко вплелись в свет друг друга и нечаянно дали начало энергетической связи, которая образовывала первую стадию брака видящих.

И скорее всего, за его браком с Элизой не следовали несколько недель злости, недопонимания, дружбы, отсутствия секса, просьбы о разводе, и наконец, супружеской неверности.

Нет, все это — его брак со мной.

Через окно я наблюдала, как видящие продолжают драться, а их земляной круг превращается в утоптаные влажные участки, а затем и в грязь. Кажется, они не замечали этого, сходясь друг с другом, борясь, выполняя захваты, меняя позиции и снова сходясь в драке. По их рядам прокатились смешки, когда более маленький противник подставил другому подножку, отчего тот приземлился на спину.

Я старалась не слышать эмоции, окутывавшие слова Вэша.

— Мне не стоило тебя отпускать. Ты был так решительно настроен, что это обязательно должен сделать ты.

Ревик ответил слишком тихо, чтобы я разобрала слова.

Он лежал, закутавшись в шкуры и приподнявшись на подушках. Ощущая проблески его света, я вновь осознала, как долго я его не видела, и как мало времени мы провели вместе до этого. В лондонском аэропорту Гатвик, сразу после того, как все устаканилось, у нас было всего около десяти минут, чтобы попрощаться перед тем, как его забрали разведчики.

Это время в основном ушло на поцелуи.

Однако он попросил меня дождаться его. Это единственный раз,

когда он хоть что-то сказал мне о наших отношениях.

Я добралась в Индию на самолёте и поезде, проехав через Восточную Европу.

Ревик, напротив, проделал большую часть пути на грузовом корабле, отправившись до мыса Доброй Надежды на самой южной точке Африки и вверх по Суэцкому каналу, пока его не доставили по суше в Каир.

Это заняло четыре месяца. Они пообещали мне, что пройдёт не больше трёх. Я поймала себя на том, что вспоминаю выражение его лица, когда они уводили его прочь.

Я все ещё смотрела на борющихся видящих, не замечая их на самом деле...

... когда дверь позади меня тихо закрылась.

Я перестала дышать, но на протяжении долгого мгновения ничего не происходило.

Я гадала, не ждёт ли он меня. Я мысленно приготовилась, пытаюсь решить, стоит ли мне заговорить.

— Элли? — его акцент стал заметнее.

Я сделала вдох. Мне хотелось кое-что сказать ему — при условии, что он вообще хочет об этом говорить. Я вполне уверена, что этот разговор должен произойти.

Я также знала, что все, что он может сказать в следующие несколько минут, запросто способно полностью выбить меня из колеи. Я держала свой *aleimi* плотно обёрнутым вокруг моего физического тела, когда соскользнула с сиденья у окна, позволив босым ногам коснуться пола.

И все же вид его, проснувшегося и сидящего, заставил меня помедлить.

Его черные волосы были подстрижены.

Теперь они стали короткими — может, даже короче, чем я когда-либо видела у него. Ревик все ещё выглядел худым, хотя синяки на лице и шее по большей части сошли. Я также видела шрамы, и не все они выглядели старыми. Бледное, красноватое кольцо все ещё виднелось у основания его шеи, и это не просто сходящий синяк; это

выглядело почти как ожог.

Но не отличия выбивали меня из колеи.

А то, в чем он остался прежним.

Его бледные, почти бесцветные глаза изучали меня безо всякого выражения. Его узкое лицо как будто не шевелилось, ни капли не состарилось, хоть скулы выделялись сильнее, чем до его пребывания в плену у Териана. Линии его подбородка и контур лица казались более угловатыми, но тонкие губы выглядели точно так же. Он был одет в мягкую серую футболку, в которой был, когда его только принесли. Его руки казались меньше, но в то же время такими же мускулистыми и словно менее молодыми, чем его лицо.

Я сделала несколько шагов в его сторону и остановилась. Скрестила руки на груди.

Я знала, что это, наверное, могло показаться немного агрессивным, но ощущалось скорее оборонительным жестом — особенно поскольку я не могла вспомнить ни единого спора с ним, где я бы победила. К тому же, я знала Ревика.

— Ты в порядке? — я поколебалась. — Тебе что-нибудь нужно?

Я видела, как Ревик вытирает глаза основанием ладони, и сглотнула, осознав, что плакал не только Вэш. Проклятье. Я почувствовала, что смягчаюсь сильнее, чем нужно. Ревик ласково похлопал по плечам рядом с собой, осторожно не отводя от меня взгляда.

— Мы можем поговорить? — спросил он. Его голос звучал как всегда вежливо.

Я покачала головой, издавая своеобразный лишённый юмора смешок.

— Нет. Пока нет. Не вот так.

— Ты злишься, — сказал он.

— Нет, — я удивлённо покачала головой. — Нет, я не злюсь, — я помедлила, подумав над его вопросом, затем над своими словами. — Просто мне нужна минутка, думаю. И нам стоит поговорить, да, но я предпочла бы сделать это отсюда. Если ты не возражаешь.

Ревик кивнул, прислонившись к стене. Кажется, этого он тоже ожидал. А может, он читал меня. С ним сложно сказать.

— Ты хочешь поговорить, — сказал он. — Это по поводу развода, Элли?

Его слова ударили по мне почти с физической силой. Я сглотнула, отвернувшись.

Ревик вернулся к этому — к обсуждению развода. Не знаю, почему это должно меня удивлять. Это последнее, о чем он просил меня, когда мы говорили на корабле.

И все же это практически лишило меня дара речи. Я вообще не знала, как продолжать разговор после этого.

Я увидела, как Ревик осознал свою ошибку.

Поколебавшись, он скрестил руки на груди и переместил свой вес на кровати. Его глаза с прищуром всматривались в мои.

— Тогда что?

— Слушай, — я прикусила язык.

На мгновение я поколебалась, стараясь собраться с мыслями, которые разбегались в разные стороны, как только мы оказывались лицом к лицу. Я отвернулась, крепче скрещая руки на груди.

— Я ничего не подразумеваю под этими словами. Правда, не подразумеваю. Но я не хочу, чтобы ты думал, что наши отношения просто станут...

Я остановилась, заново обдумав такой подход.

— Я не знаю, чего ты хочешь... или чего, по-твоему, я...

Я снова умолкла, заново обдумав и такой подход.

— Слушай, — сказала я наконец. Я выдохнула, поднимая взгляд. — Мы можем поговорить о разводе, если ты того хочешь. Все хорошо. И в этом отношении я поступлю так, как хочешь ты, — я сглотнула, посмотрев ему в глаза. — Но я влюблена в тебя, Ревик. Ты должен это знать.

Я ощутила его шок. Это чувство заставило меня мгновенно остановиться.

Я открыла рот, собираясь пролепетать что-нибудь, чтобы

перебить сказанное... когда его *aleimi* вдруг заискрил.

— Элисон, — эмоции наполнили его голос. — Элисон... боги. Иди сюда...

Увидев выражение его лица, я не смогла дышать. В его глазах проступила интенсивность; они буквально сделались ярче. Когда Ревик подался вперёд, потянулся ко мне своим светом, я увернулась от него, поднимая ладонь.

— Подожди, — мои плечи расслабились. Я испытала облегчение от его реакции, но в то же время совершенно растерялась. Я заставила себя говорить ровно. — Я люблю тебя... и с этим все ясно. Однако я не знаю, ясно ли хоть что-то ещё между нами, — медленно качая головой, я снова скрестила руки на груди. — Я правда не думаю, что могу и дальше продолжать вот так. Не в таких отношениях, какие у нас были.

Я подняла взгляд, занервничав из-за его молчания.

Ревик все ещё пристально смотрел на меня, явно находясь на какой-то стадии неверия.

— Ты должен сказать мне, чего ты хочешь, — добавила я. — Не смягчай выражения. Мне это не нужно, правда, не нужно. Просто выскажись предельно ясно. Пожалуйста... постарайся высказаться ясно. Пока мы не перешли к.... - я слегка покраснела, жестикулируя руками. — ...ну ты понимаешь. Дружелюбной фазе.

Дождавшись понимания в его глазах, я снова скрестила руки на груди. Я сохраняла спокойный, будничный тон.

— Окей. Наверное, мне стоит спросить первой. Ты все ещё хочешь развода?

— Нет.

Это слово прозвучало мгновенно, без капли сомнения.

Я немного расслабилась, кивнув.

— Ладно. Так что это значит? Для тебя, имею в виду, — я поколебалась, всматриваясь в его глаза. — ...и если здесь есть какой-то обычай видящих или подтекст, который связан с воспитанием в традициях видящих, не мог бы ты объяснить это мне? Иначе я практически гарантирую, что не пойму.

Я сделала вдох, когда его настороженный взгляд угас.

Я смотрела, как Ревик тоже делает вдох, привлекая свой свет обратно к телу. Он устался в изножье кровати, большим пальцем потирая свою голую руку и думая. Затем он прочистил горло и поднял взгляд. Он стиснул зубы, всматриваясь в мои глаза.

— Я хочу заняться с тобой любовью, Элли.

Я почувствовала, как моё лицо заливают теплом.

— Окей. Ну, эту часть я вроде как знала. Я не совсем это имела в...

Но Ревик уже качал головой.

— Что? — спросила я, крепче сжимая руки на груди.

— Я не думаю, что нам стоит это делать, — сказал он.

Я слегка вздрогнула.

— О. Ладно.

Ревик добавил:

— Сейчас, Элли. Только прямо сейчас. Ближайшие несколько недель. Может, дольше. Нам стоит повременить.

Я подтянула свой *aleimi* ближе к телу.

— Конечно. Все хорошо.

— Элли, — он подождал, когда я посмотрю на него. — Ты не понимаешь.

— Ладно, — я кивнула, подавляя желание стиснуть зубы. — Тогда ты можешь мне объяснить? Это какая-то традиция?

Ревик покачал головой, тихо щёлкнув языком.

— Нет, — он сделал вдох. — Я просто хочу, чтобы ты была уверена.

— Ты хочешь, чтобы я была уверена?

— Да.

Последовало очередное молчание. В этот раз я поймала себя на том, что с трудом удерживаю спокойное лицо. Я поджала губы.

— Ладно, — сказала я. — Но ведь это зависит от меня?

— Я хочу, чтобы ты побыла со мной. Без секса.

— Разве мы уже не проводили время вместе? — переспросила я. — ... Месяцы ведь прошли?

— Да, — Ревик крепче скрестил руки на груди. Его подбородок тоже немного напрягся, но в данный момент Ревик не смотрел на меня. — У тебя не было времени узнать других видящих. Ты оказалась замужем за мной прежде, чем познакомилась с другими мужчинами.

Последовало очередное молчание. Я тоже крепче скрестила руки.

— Теперь-то я познакомилась с другими мужчинами, — сказала я.

— Элли, — Ревик бросил на меня предостерегающий взгляд. — Не надо.

Слегка недоумевая, я всматривалась в его лицо, когда он отвернулся.

Ещё несколько секунд ни один из нас не сказал ни слова, и я вздохнула.

— Ладно, — сказала я. — Так что это значит? Ты хочешь, чтобы мы какое-то время просто встречались? Или ты хочешь, чтобы я встречалась с другими людьми?

Что-то промелькнуло в его выражении лица. Ощувив от него импульс, я вздохнула.

— Ревик, расслабься, ладно? Я не хочу встречаться с другими парнями. Я пытаюсь понять, что ты говоришь.

Он не поднимал взгляда.

— Я объясняю кое-что по поводу видящих, — сказал он. — Ты можешь не понимать, на что подписываешься. Это не то же самое...

Он умолк, немного поджав губы, и сделал неопределённый жест.

— Не то же самое? — переспросила я.

— Не то же самое, что заниматься сексом с человеком, — сказал Ревик. — Или даже... — я видела, как дёрнулся его кадык. — ...с видящим, с которым вы не женаты, Элли.

— Ревик, — я постаралась контролировать своё нетерпение. — Ты можешь просто выложить все, как есть? Пожалуйста. Что бы там ни было. Просто скажи это.

Его взгляд метнулся обратно ко мне, и там виднелась некая сосредоточенность. В ней я видела эмоциональную реакцию, которую не совсем могла истолковать — настолько интенсивную реакцию, что я невольно помедлила. Моё раздражение стихло, и я лишь продолжала смотреть на него.

Ревик uncomfortably вести этот разговор, осознала я. Он чертовски нервничал, не только из-за своих чувств, но и из-за того, как я могла отреагировать. Он говорил серьёзно, предлагая не заниматься сексом. Он действительно чувствовал, что так для нас будет правильно, и теперь он волновался, что я не соглашусь — или хуже того, обижусь.

Тогда до меня дошло, что я делала. Я спорила с ним, когда он сказал, что не хочет секса.

Я почувствовала, как моё лицо заливают жаром.

— Прости, — я покачала головой, отводя взгляд. — Ревик, прости меня. Конечно, меня это полностью устраивает, — засунув руки в карманы, я посмотрела в окно, где из-за облаков выглянуло солнышко. — Эй, как ты смотришь на то, чтобы прогуляться? Может, нам стоит достать тебе еды. Мы могли бы поговорить по дороге.

Ревик покачал головой. В его голосе и лице проступило неприкрытое раздражение.

— Элли... боги. Как бы мне хотелось просто...

Я сглотнула и ждала, когда он снова умолк.

Какое-то время Ревик просто сидел там, обхватив голову руками. Когда он заговорил в следующий раз, в его голос вернулось спокойствие.

— Я не сержусь из-за твоих вопросов, — сказал он. — Я просто не знаю, как сказать, чтобы ты поняла, — подняв взгляд, он вздохнул при виде выражения моего лица, затем посмотрел обратно на кровать. — Секс сделает нас женатыми — в таком плане, в котором мы не женаты сейчас. Поэтому я колебался ранее, на корабле, — откинувшись назад, он добавил: — Когда мы займёмся сексом, это изменит положение вещей. Ты понимаешь? Это скорее всего на

какое-то время выбьет нас обоих из колеи.

— Из колеи, — я настороженно всматривалась в его лицо. — В каком смысле — выбьет из колеи?

Ревик сделал неопределённый жест одной рукой.

— Часть из этого будет временной. Боль разделения... та боль, которую мы ощущаем, когда находимся рядом... на какое-то время она усилится. Все может стать намного хуже. Я не знаю, как долго это будет продолжаться.

— Ладно, — я сглотнула, кивнув. — Это первое. Что ещё?

Казалось, Ревик было неловко.

— Если мы завершим процесс бракосочетания, продолжительность наших жизней, скорее всего, будет зависеть друг от друга, — увидев мой, должно быть, озадаченный взгляд, он сказал: — Когда я умру, умрёшь и ты. И наоборот.

— О, — подумав об этом, я медленно кивнула. Логично, учитывая, что я знала о видящих. — Ладно. Что ещё?

Выдохнув, Ревик покосился в окно, щёлкнув языком.

— Естественно, ты относишься к этому легкомысленно, — однако его голос звучал спокойнее, словно он немного расслабился. Ревик снова посмотрел на меня. — Ладно, есть ещё кое-что. Я никогда прежде не был женат на видящей, но судя по тому, что мне известно, скорее всего, это сделает нас иррациональными.

Увидев изгиб моих губ, Ревик перебил меня.

— ...Более иррациональными, Элли. Пока связь не будет завершена, собственничество станет ещё хуже. Нам придётся быть осторожными друг с другом. Очень осторожными, — он оценивал мой взгляд. — Мне нужно услышать от тебя кое-что по этому поводу.

Я кивнула, скрещивая руки на груди.

— Ладно.

Ревик сделал очередной вдох.

— Я хочу заключить соглашение, — сказал он. — Официальное соглашение. Относительно других людей, — должно быть, он прочёл часть моих мыслей, потому что когда я вновь посмотрела на него, в

его глазах светилось неприкрытое изумление. — Соглашение, полностью противоположное тому, о чем ты думаешь. Это верность. Я не буду комментировать мысли «может, это не для меня» относительно того, что я только что услышал.

— Но разве брак не подразумевает верность? — спросила я. — Для видящих, имею в виду?

— Подразумевает. Но тебя воспитывали не как видящую, — в его глазах промелькнула тень. — Для нас важен не только физический аспект.

— Ладно, — подтолкнула я, взмахом руки побуждая его продолжать. — Ну. Объясни это.

Его взгляд ожесточился. На мгновение его акцент усилился.

— То есть, если мы сделаем это... этот пробный период... я бы хотел попросить тебя о моногамии.

Я озадаченно прикусила губу.

Я не была ни с кем после бармена Ника в Сан-Франциско... а это случилось так давно, что я не собиралась признаваться вслух, сколько времени прошло с тех пор. Тем более я не собиралась признаваться Ревик. Кроме того, он же должен знать об этом. Не похоже, чтобы я могла скрыть такое от него. Он действительно хотел заставить меня обсуждать эту тему?

— Это не проблема, Ревик, — сказала я.

Он поднял на меня взгляд.

— Я имею в виду моногамию по меркам *видящих*, Элли.

Я убрала волосы со своих глаз, снова выдыхая.

— Ревик. Пожалуйста. Выкладывай все как есть. Ты хочешь что-то сказать. Ну так просто скажи это.

Он кивнул.

— Ладно, — его подбородок напрягся. — Я бы хотел попросить тебя не заниматься физическим или Барьерным сексом с людьми или другими видящими. Во время этого периода, — его пальцы дёрнули шкуры животных. — И ничего приблизительно напоминающего секс. Если у тебя есть такие... любовники... я прошу тебя порвать с ними. Пока между нами все не разрешится. Это официальная просьба,

Элли.

Я наконец поняла, что его беспокоило.

Была одна ночь, много месяцев назад, когда Териан все ещё удерживал Ревика у себя, а я думала, что он мёртв. Тогда я и мой видящий-телохранитель, Мэйгар, занимались в Барьере тем, что видимо, в понимании Ревика считалось изменой.

Ревик явно не забыл об этом.

Я не знала, то ли мне рассмеяться, то ли указать на очевидную иронию. В итоге я сделала и то, и другое.

— Ты будешь читать *мне* лекции о супружеской верности? — переспросила я. — Серьёзно.

— Возможно, — Ревик говорил так, словно ни капли не шутил. — Элисон, я сожалею о своём поступке, но я сделал это не ради желания быть с другими людьми.

Я кивнула, не веря ни единому слову.

— Ладно.

Он прищурился.

— Я не хотел, чтобы мы поженились, — сказал он. — Я вообще не хотел жениться. Но я хотел секса с тобой. Временами — очень сильно. Это отвлекало. Я занимался сексом с другими людьми, чтобы выиграть себе время.

Увидев, как я вздрогнула, Ревик крепче скрестил руки на груди.

— Сейчас я не намерен и дальше вести себя так. Если же этого хочешь ты, нам стоит разорвать связь... пока мы не консумировали брак... и постараться быть друзьями.

Он помрачнел прямо перед тем, как поднять взгляд.

— Я бы никогда не причинил тебе боль, Элли. Никогда. Я никогда не хотел, чтобы ты боялась этого — только не с моей стороны. Но для меня это камень преткновения. Я и без того достаточно ревнив...

— Ревнив? — я издала отрывистый смешок, уставившись на него. — Иисусе... Ревик. Я никогда не давала тебе ни единого повода...

— Я влюблён в тебя, — сказал он.

Это предложение заставило меня замолчать. Я открыла рот, чтобы ответить, и закрыла обратно.

Моё молчание, кажется, тоже выбило его из колеи.

Когда Ревик отвернулся, я заставила себя дышать, а затем подумать.

Не позволив себе усомниться в этом хоть на секунду, я сдвинулась с места. Пройдя разделявшее нас расстояние, я села на край кровати. Я постаралась сесть достаточно далеко и не касалась никакой части его света.

— Ревик, — я сосредоточилась на его руках со сбитыми костяшками, которые лежали на шкурах карамельного цвета. Я накрыла ладонью его ногу. — Эта моногамия меня устраивает. Ты должен это понимать, даже если ты, ну... беспокоишься.

Когда он промолчал, я сделала вдох.

— Меня это более чем устраивает. Я тоже этого хочу.

Я вновь помедлила, сохраняя спокойный тон и пожимая плечами.

— Просто, знаешь, если ты снова отвлечёшься... или ещё что... скажи мне. Прежде чем ты что-то предпримешь в этом отношении. Предупреди меня, хотя бы.

Ревик перевёл на меня взгляд, изучая мои глаза.

Я уже собиралась встать, когда его свет обвился вокруг меня.

Там жило что-то вроде чувства вины, которого я избегала. Его свет скользнул глубже, вплетаясь в меня, пока боль не стала шёпотом течь по венам *aleimi*, вибрировать под кожей. Я напряглась, когда боль усилилась. Я с трудом удерживала его взгляд, когда Ревик открылся для меня, вливая ещё больше своей сущности в голос.

— Элли, — произнёс он. — Как только мы это сделаем, мы уже ничего не сможем отменить. Не думаю, что даже Вэш смог бы что-нибудь предпринять.

— Ревик, если ты этого не хочешь, то все хорошо, я понимаю...

— Хочу, — его боль на мгновение усилилась. — ...Правда, хочу,

Элли, больше всего на свете. Это откладывание не ради меня. Я хочу, чтобы ты точно, точно была уверена.

— А ты сам настолько уверен? — спросила я.

— Я старше тебя, — сказал Ревик. — Я был с другими видящими.

Я улыбнулась, хоть мне и не хотелось.

— Ага. Я знаю.

— Элли, — его свет скользнул ещё глубже. Я сглотнула, едва выдерживая его взгляд. — Элли... мне больше не понадобятся отвлечения. Я обещаю.

Я кивнула. Когда он больше ничего не сказал, я немного подвинулась на кровати, отделяясь от его света. Я делала это в основном для того, чтобы дать себе пространство подумать. Все ещё чувствуя на себе его взгляд, я посмотрела в окно.

Солнце выглянуло по-настоящему.

Гигантские облака все ещё виднелись вокруг вершин, но небо сделалось насыщенного синего цвета. Я наблюдала за птицами на освещённой бамбуковой крыше. Одна маленькая коричневая птичка играла в лужице в изгибе доски. Она встряхивалась так, чтобы капельки разлетались вокруг туманом, а потом пила головкой. Другая птичка зачирикала, желая отвоевать ту же лужицу.

Улыбнувшись, я перевела взгляд и увидела, что Ревик вновь наблюдает за мной.

Когда я не отвернулась, он протянул руку.

Поколебавшись долю секунды, я скользнула ближе. Теперь я хотя бы знала, что ничего не произойдёт. Это убрало часть напряжения.

Как только я очутилась достаточно близко, Ревик обвил рукой мою талию, ловко и крепко притягивая меня в объятия. Это поразило меня.

Ладно... ошеломило, но я не сопротивлялась.

Я застыла, когда он вновь устроился у стены, прижав мою спину к своей груди. Ревик по диагонали обхватил меня рукой, сжав моё плечо, затем нарочито расслабился, прильнув ко мне.

На секунду я не ощущала от него ничего, кроме тепла и своеобразной тянущей привязанности.

Осознав, что все равно реагирую на него в сексуальном плане, просто от того, что он прикасается ко мне, я постаралась расслабиться, очистить голову от мыслей. Я постаралась смотреть на небо за окном. Однако я отчётливо осознавала его пальцы, ласкавшие моё плечо, и его ногу, пошевелившуюся за моей спиной. Ревик обнял меня крепче, обхватив другой рукой талию.

— Элли.

Подняв взгляд, я осознала, что краснею.

Его лицо находилось в считанных дюймах от моего.

Ревик прочистил горло, вновь делая неопределённый жест в мою сторону, и я увидела, как он опять помрачнел. Я увидела в его глазах вопрос, пристально всматриваясь в их глубины.

Наконец, я положила голову ему на плечо.

— Что? — спросила я.

Он сказал:

— Я бы хотел поцеловать тебя. Можно?

Мои щеки залило теплом.

Почему-то до меня не доходило, что при том сценарии, который мы только что обговорили, мы все равно будем целоваться. Мой взгляд задержался на его губах, затем вновь вернулся к его глазам. Я осознала, что вспоминаю, как прощалась с ним в аэропорту.

И все же я знала, что это лишь отчасти является причиной, по которой я колеблюсь.

Все дело в отвлечении, в том, что он сказал о других женщинах. От моего внимания не ускользнуло, что он употребил множественное число. Я вынуждена была предположить, что он имел в виду Кэт, ту видящую-проститутку в Сиэтле, которую он целовал передо мной, которая называла меня «червяком» и беспрестанно дразнила меня по поводу Ревика и моей неосведомлённости в целом.

В Ванкувере Ревик в своей обычной тактичной манере сказал мне, что он не «трахал» её, пока мы были в Сиэтле. Теперь я вынуждена предположить, что они занимались всем остальным,

кроме этого.

Черт, да насколько я могла предположить, на корабле были и другие. Ревик мог и раньше скрывать от меня своё времяпровождение.

Но я должна отпустить это. Должна.

Вновь подняв на него взгляд, я кивнула.

— Ладно.

В его глазах проступила боль.

— Элли, я не имел в виду ничего такого...

Я покачала головой.

— Не надо, — сказала я. — Пожалуйста. Не порти все.

После очередной паузы Ревик кивнул.

Он скользнул рукой в мои волосы, ласково убирая их со щеки, затем с шеи. Он продолжал поглаживать мою кожу, изучать моё лицо, пока его пальцы скользили по костям и мышцам. Я пыталась решить, стоит ли коснуться его в ответ или сказать что-нибудь, когда ощутила дрожь Ревика прямо перед тем, как он опустил голову.

Его губы были осторожными, как мне и помнилось.

Вопреки почти знакомому ощущению его губы шокировали меня, как и много раз до этого. Моё сердце остановилось в груди. Мой разум отключился. Поначалу я не могла связать это со своими чувствами, или даже с мужчиной, которого я знала до этого, о поцелуях с которым я думала все время — по крайней мере, на корабле.

На протяжении долгого момента Ревик действовал тепло, даже с привязанностью, и не использовал язык. Он целовал мои губы и шею, помедлив, чтобы приласкать мою щеку своей. Затем он вернулся к моим губам.

Я не могла решить, в состоянии ли я расслабиться. Каждая часть моего тела начинала болеть, когда Ревик опустил голову, целуя моё горло. Я чувствовала лёгкие касания его языка, буквально вздрагивала от его дыхания на моей коже, кусала губы, чтобы не реагировать слишком остро.

Его рот вновь нашёл мои губы.

В этот раз Ревик заставил меня раскрыть рот.

Его язык оказался теплее его кожи.

Это тоже шокировало меня, но я поддалась, не включая мозг. Через несколько секунд я ощутила, как мой стресс от нашего разговора начинает испаряться. Остались лишь его губы и язык, его пальцы, ласкавшие моё лицо. Мои руки к тому времени очутились в его волосах, стискивая короткие пряди на затылке. Я осознала, что наверное, держу его слишком крепко... когда его рука вновь обвила мою талию.

Я осознала, что меня притягивают и укладывают на кровать, и вот уже Ревик полулежал на мне.

Он вновь поцеловал меня. Я утратила счёт тому, сколько длился этот поцелуй.

Когда он оборвался, мы оба тяжело дышали.

Его кожа покраснелась. Ревик крепче обнимал меня, теперь уже не глядя на меня, а как будто выглядывая в окно. Моя ладонь лежала под его серой футболкой, рука обвивала спину. Я чувствовала вокруг мышц бугорки шрамов, перемежавшиеся гладкой кожей.

Я все ещё ласкала его спину, когда Ревик поймал меня за запястье и убрал от себя мои пальцы.

— Нам лучше остановиться, — его голос звучал грубо. — Сейчас же, Элли.

— Ладно, — сказала я.

Ревик посмотрел на меня.

Прежде чем я успела уложить в голове мысль о том, что надо его отпустить, Ревик уже вновь целовал меня. В этот раз по мне пронеслись эмоции, своего рода неверие, смешанное с желанием... и я осознала, что это его чувства. Через несколько секунд Ревик положил голову мне на плечо. Меня прострелило болью, и я осознала, что эта боль тоже принадлежала ему.

— Элли, — произнёс он. — ...Я скучал по тебе. Так сильно.

Я сглотнула, подавляя неожиданный комок в горле. Я легонько потянула его за волосы.

— Я тоже скучала по тебе, — выдавила я.

Он вновь посмотрел на меня, и я ощутила противоречие ещё до того, как увидела это в его глазах. Все болело. Мои пальцы стиснули его футболку.

— Ревик, — выпалила я. — Пожалуйста. В чем настоящая причина? Ты можешь мне сказать.

Боль исказила его черты.

— Элли...

— Ты все ещё сомневаешься по поводу нас? Тебе нужно больше времени?

При виде выражения его лица боль вернулась густой волной такой силы, что я закрыла глаза и стиснула его руки.

— Ревик... пожалуйста. Просто скажи мне.

— Элли, — его акцент вновь усилился. — Я не вру тебе. Эта штука, которая нас связывает... я не хочу, чтобы ты чувствовала себя загнанной в угол со мной.

— Я не чувствую себя загнанной в угол! — воскликнула я.

Ревик покачал головой и отвернулся, его голос звучал гортанно.

— Но ты не привыкла к такой тяге *aleimi*, — сказал он. — Ты можешь не понимать разницу.

— Я понимаю разницу! Обещаю тебе, я понимаю...

Его боль вновь ударила по мне, глубже скользя в мой свет.

— Я пообещал себе, — сказал он. — Я пообещал себе, что не воспользуюсь этим. Не воспользуюсь, пока не буду знать, чего хочешь ты, — он удержал мой взгляд, стиснув зубы. — Я полюбил тебя ещё до Сиэтла. Я знаю, ты не доверяешь мне из-за того, что я сделал, но пожалуйста... *пожалуйста*, поверь мне в этом. Я делаю это для тебя. Пожалуйста.

Я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы; мне было ужасно стыдно, но я не могла их остановить. Я видела, как Ревик беспомощно смотрит на меня.

— Мы не можем, — сказал он. — Мы не можем здесь, даже если... — я видела, как он смотрит по сторонам, на комнату, на

кровать. Его боль вновь скользнула по мне, и я всхлипнула.

Невыносимо медленно его свет начал отделяться от моего.

Что-то во мне сопротивлялось.

Я не намеревалась это делать; но что-то из-за его долгожданного возвращения просто распахнуло все шлюзы.

Я так долго терпела боль, что даже не помнила, каково это — не чувствовать боль. Я не помнила, когда в последний раз кто-то касался меня, и уж тем более когда он касался меня — и это вызвало в памяти все те моменты, когда я почти касалась его, но все же не касалась. Когда он находился с Терианом, а я искала его в Барьере просто чтобы почувствовать его, пусть даже на несколько секунд.

В некоторые ночи поиски его занимали несколько часов, но я все равно с нетерпением ждала сна, чтобы иметь возможность искать.

Мой свет вспыхнул в сторону Ревика.

Все стихло. Я чувствовала себя обнажённой.

Я не знаю, каково это ощущалось с его стороны. У Ревика перехватило дыхание.

— Элисон. Боги... детка... не надо...

— Прости, — боль калечила меня. — Прости.

— Не извиняйся... Элли.

Его пальцы крепче вплелись в мои волосы. Ревик склонился ко мне, и я тихо вскрикнула, обхватывая ногами его ноги. Он издал хрип, и я едва видела его сквозь свой свет — а может, сквозь его свет, который властно вплетался в мой, пока я лежала под ним. Я чувствовала, как Ревик теряет контроль, проникает глубже, притягивает меня, и мои пальцы впились в его спину. Его лицо напряглось, почти ожесточилось, а пальцы обхватили моё бедро.

— Ревик... пожалуйста, — я ощутила, как он вздрогнул. — Пожалуйста.

Его пальцы скользнули вверх по моему бедру, больно стискивая.

— Пожалуйста, — пробормотала я, целуя его горло. — Пожалуйста, детка.

Затем он жёстко толкнул меня. Толкнул мой свет, закрыл меня,

оттолкнул, отодвинул от себя.

Ревик слез с меня прежде, чем я осознала происходящее.

Я могла лишь лежать там, чувствуя столько боли, сколько не ощущала никогда в жизни.

Я не могла видеть. Время шло — кажется, прошло немало времени, но это могли быть секунды, а могли быть и часы. Я лежала, держась за живот одной рукой. Я утратила возможность отслеживать, где он. Я чувствовала себя совершенно одинокой и разбитой.

Когда я вновь сумела сосредоточиться, я осознала, что смотрю в потолок.

Моя рука все ещё обхватывала моё тело. Кровь согревала моё лицо. Я постаралась заговорить, собраться, но Ревик подал голос раньше меня. Я осознала, что он лежал рядом и делал что-то с моим светом, но отрешённо, словно с огромного расстояния.

— Вэш сказал, что сегодня утром ты выбиралась на вылазку, — его свет продолжал успокаивать меня, голос звучал мягко. — С тобой все хорошо?

Я не шевелилась.

Я чувствовала себя как в то утро в Сиэтле, когда проснулась так, словно меня вскрыли и собрали заново, вот только некоторые куски отсутствовали. Отодвинувшись от Ревика на кровати, я постаралась убрать свой свет.

Боль вернулась очередной густой чёрной волной, и я вновь ослепла.

— Потихоньку, — пробормотал Ревик. Он взял меня за руки, привлекая обратно к себе. Я чувствовала, как он ласкает мои пальцы, держит за руку и притягивает ближе. — Элли. Расскажи мне о поездке этим утром. Вертолёт.

Я постаралась думать.

— Никаких проблем, — сказала я. — У нас никаких проблем, — мой голос звучал бесцветно. — Это была всего лишь разведка. Мы не подбирались близко.

Я чувствовала, что часть меня все ещё притягивает Ревика, но видимо, я не могла остановиться или перестать касаться его. Я

ласкала его руки, обнимавшие меня. Сглотнув, я заставила голос звучать ровно.

— Мы мало что видели. Пожары усилились. На той стороне гор не было дождей. Все ещё много погибших, — я покачала головой. — Слишком много. Они сожгли деревья.

Слезы навернулись на глаза при этом воспоминании.

Я помнила дым, запах, пока мы летели — тёмные, ядовитые облака. Ревик, кажется, собирался сказать что-то ещё, но я нежно оттолкнула его беспокойство.

— Я в порядке, — сказала я. — Я в порядке. Не знаю, что случилось.

Его руки сжались крепче.

— Элли.

— Прости. Я правда сожалею. Я не хотела...

— Элли! — Ревик схватил меня за руку, заставив замолчать. — Мы можем достать еды?

Повернув голову, я посмотрела ему в глаза и увидела там своего рода мольбу.

— Еды, — я заставила свой мозг вернуться к логичному мышлению. Скрестив руки на груди, чтобы не касаться Ревика, я избегала его взгляда. — Еды. Конечно. Сюда? Хочешь, чтобы я принесла тебе что-нибудь с кухни? Или...

— Нет, — его голос звучал непреклонно. — В деревне. Снаружи. Ты голодна?

— Ага. Я бы поела...

Ревик уже поднимался на ноги.

Он встал прежде, чем я осознала, что он делает. Наблюдая, как он открывает шкаф, я той же рукой держала живот, напрягаясь от боли, которая полыхнула в моей груди, как только Ревик отстранился. Я постаралась заблокировать это чувство, не думать о случившемся — или о том, что я могла сказать ему, когда это случилось.

Одетый в боксёры и футболку, Ревик выхватил спортивную

сумку из шкафа, нашарил штаны и натянул их, не глядя на меня. Вся эта сцена внезапно слишком напомнила мне корабль.

— Ревик, что бы я ни сделала, я...

— Нет, — он обернулся на меня через плечо. — Элли, мы можем поговорить не здесь? Пожалуйста, — он натянул толстую рубаху поверх серой футболки. — Пожалуйста.

— Да, — сказала я. — Ладно, — я закрыла глаза, мечтая провалиться сквозь землю. — Ревик, — я заставила свои веки вновь подняться. — Может, тебе лучше просто пойти. Без меня, имею в виду. Мы можем поговорить потом.

Не отвечая, Ревик натянул второй ботинок и выпрямился, попрыгав на одной ноге, чтобы ботинок нормально сел, затем натянул длинное пальто. Он схватил мою куртку с кресла, затем приблизился ко мне, лежащей на кровати.

Я не успела запротестовать, как Ревик уже поймал меня за руку и грубо поднял на ноги.

— Пошли, — ворчливо скомандовал он.

Глава 7

Я найду нам место

Мы не говорили, пока спускались по грунтовой дороге от лагеря.

Я проследила за его взглядом, когда Ревик поднял ладонь, приветствуя группу видящих, собравшихся на крыльце близлежащего дома.

Я никого из них не знала, но видела их там каждый день.

Они знали Ревика. Они кричали ему вслед на нескольких языках. Я уловила лишь часть — вероятно, те части, которые они хотели до меня донести.

Мужчина проорал:

— Я думал, тебе запретили здесь показываться, Де-го-из?

— Давно это было, — сказал другой, вторя первому. — То есть, тебя пустили обратно?

— Уууу, — девушка рассмеялась, обмахиваясь ладошкой. — Вы зацените его! Хорошенький прикид, наживка для червяков! Твоя новая девушка дала тебе это?

— Ты женился на Мосте, Дэгс? — спросил видящий с азиатской внешностью, поднимая бутылку пива. — Почему вы на улице? Почему не в *Sakka-weh*? — он изобразил бёдрами толкающиеся движения, и другие засмеялись. — У тебя проблемы с реализацией? Помощь нужна, брат?

Ревик удостоил их слабой улыбкой, но я видела, как он мельком косится на меня.

— Отвалите, — сказал он.

— Оооу. Ты же все ещё один из нас, верно? Так когда ты натравишь свою женщину на червяков в этом городе, брат? — он поддел большим пальцем металлический ошейник на своей шее. — Когда освободишь своих людей?

Ревик сделал отмахивающийся жест.

— Протрезвей. Я куплю тебе свободу, Ян-ле.

— Лжец.

Ревик показал пальцами на остальных.

— У тебя есть свидетели.

Мужчина-видящий откинулся назад, опираясь локтями на ступени.

— Жизнь с ними заставила тебя размякнуть, брат. Может, твоя женщина приведёт тебя в форму, — он широко улыбнулся и подмигнул мне. — Если нет, пошли её в мою сторону. Высокохотимый Мост может разделить со мной постель в любое время, когда захочет...

Я ощутила шёпот раздражения от Ревика, но он удостоил их лишь ещё одного пренебрежительного взмаха рукой и не замедлил шагов, направляясь вниз по холму. Когда мы прошли ещё несколько шагов, он покосился на меня.

— Это традиция, знаешь ли. Докапываться до новобрачных. Мы ещё не раз столкнёмся с этим.

Я наблюдала за его лицом, ничего не говоря.

Разум Ревика вновь отправился куда-то далеко. Я не знала, то ли мне быть благодарной, то ли беспокоиться. Я знала, он сказал бы мне; я это чувствовала. И все же мне хотелось иметь возможность лучше его читать. Ревик оставался плотно закрытым как запечатанный сосуд, и становилось все сложнее не воспринимать это на свой счёт.

Я уже собиралась засунуть руки в карманы, когда Ревик протянул руку и взял мою ладонь прежде, чем я успела завершить движение.

— Ты неправильно меня понимаешь, Элли. Я просто не хочу говорить здесь.

— Но где находится это «здесь», Ревик? Явно не в пределах комнаты, и даже не в пределах лагеря...

— Конструкция, Элли. Она заканчивается на границе деревни.

Ощувив такое чувство, будто лампочка выключилась, я взглянула обратно на вершину холма.

Через несколько минут мы добрались до подножья и повернули

на главную улицу Сиртауна, который уже переполнился полуденными покупателями и торговцами. Мы не прошли даже одного квартала, когда Ревик утянул меня сквозь толпу на боковую улицу, мощёную кирпичами — ну, даже переулок, хотя в Сиртауне разница была чисто формальной.

Не успела я у него ничего спросить, как Ревик обхватил меня за талию и почти подтащил меня к стене маленького магазина, который выходил фасадом на главную улицу.

Я удивлённо схватилась за его шею.

Когда Ревик поцеловал меня в этот раз, его губы не были осторожными — или особенно нежными.

Он крепко целовал меня, удерживая у стены, сжимая мои волосы в кулаке и притягивая мой свет до такой степени, что я ахнула. Вжавшись своим телом меж моих ног, Ревик поцеловал меня вновь, так крепко сжимая рукой мою талию, что я едва задевала носочками землю.

Я не могла дышать, пока он не помедлил.

Я вцепилась в его волосы, когда он поцеловал меня ещё крепче, и выгнулась ему навстречу.

Ревик издал низкий звук, который я прочувствовала до самых пальчиков на ногах... затем резко отстранился и прислонился своим лбом к моему. Боль свернулась вокруг него, притягивая меня, перехватывая моё дыхание.

— Элли... *gaos*, — он стал целовать моё лицо, на мгновение прижался щекой. — Что ты пытаешься со мной сделать? Разве ты не знаешь, что каждый видящий в лагере это почувствовал?

— О, — моё лицо залило жаром, как только понимание отложилось в моем сознании. — О. Ладно.

— Конструкция... Она совершенно открытая. Я думал, ты знаешь.

Я покачала головой.

— Прости, — я слегка улыбнулась, смутившись. — Наверное, все решили, что это не имеет значения — по крайней мере, для меня. Они все знают, что у меня не было секса с живым мужчиной с тех пор... — я умолкла, осознав кое-что ещё.

Я напряглась, понимая все, что из этого вытекала.

Затем я вспомнила, с кем я была. Подняв взгляд, я попыталась отрезать эту мысль, но уже видела, что Ревик смотрит на меня.

Примерно в то время, наверное, я залилась ярко-красным румянцем.

Пока он смотрел на меня, я ощущала в нем противоречие. Когда я попыталась прочесть его по поводу всего остального, Ревик оттолкнул меня. Однако я знала, что он меня услышал.

Супер. Просто... идеально.

Я чувствовала, что моё лицо начинает пылать ещё жарче, и попыталась решить, стоит ли мне что-нибудь сказать.

Чудесно. Ну вот прямо так и должно было пройти это утро — мой бойфренд/муж представляет, как я мастурбировала перед кучей холостых мужиков все то время, что он находился в тюрьме и подвергался пыткам.

Я прикусила губу, когда Ревик так и не посмотрел на меня.

— Эй, — тихо произнесла я. — Никто мне не говорил.

Я видела, как напрягся его подбородок. И вновь мне захотелось забраться в какую-нибудь дыру. Желательно в ту, которая вела, ну скажем, в Португалию.

— Слушай, я правда очень сожалею.

Взгляд Ревика метнулся в мою сторону.

— Элли! С чего ты взяла, что я буду злиться на тебя за это? — его акцент усилился. — Это ерунда... это не моё дело. Я просто пытаюсь придумать хорошую причину, почему мне не стоит выбивать все дерьмо из каждого видящего в лагере за то, что тебе никто не сказал...

Обвив руками его шею, я легонько дёрнула его за волосы.

— Эй, — позвала я. — Перестань, ладно? — я чувствовала, что покраснела, когда Ревик посмотрел на меня, и заставила себя пожать плечами. — ...Ну кое-кто из них погонял лысого, пока я страдала от сексуального неудовлетворения. Что с того? Забудь.

Ревик крепче обнял меня. Я вновь ощутила в нем боль,

смешивающуюся с чем-то, похожим на привязанность. Больше, чем привязанность — интенсивная эмоция вплеталась в мой свет насыщенной смесью, которую Ревик сдерживал или, может быть, приглушал. Я чувствовала, как он вспоминает моё лицо сегодня утром, и странно было видеть себя с его точки зрения — лежащую на кровати с разметавшимися по покрывалу волосами и ласкавшую его лицо.

Жидкая волна сексуальности без предупреждения омыла Ревика и меня саму. Моя рука сжалась на его затылке, и Ревик понизил тон.

— Элли... дорогая, — пробормотал он. — Я так сожалею.

Он вновь поцеловал меня, но в этот раз мягко, почти нежно.

И все же мой разум отключился, когда Ревик отдался поцелую, наклоняясь, но не вжимаясь в меня. Секунды спустя он отстранился, отпустив меня с неохотой, которую я буквально прочувствовала.

Избегая моего взгляда, Ревик сделал широкий шаг назад от стены.

Его голос прозвучал отрывисто, акцент опять усилился.

— Я голоден, — сказал он. — Мы можем поесть?

Я стояла у стены, наполовину согнувшись и стараясь контролировать свой свет.

Смутившись, я кивнула, стараясь вернуть себя в тот режим, в котором находилась более года — в то отрезанное приказное состояние, которое я вырабатывала, когда у меня не было выбора. Я знала, что Ревик может видеть сквозь это, но в данный момент мне было все равно.

Меня только что зашвырнули в глубины того, каково это — вновь постоянно находиться рядом с ним. Только теперь, когда мы открыто говорили о сексе, все становилось в сто раз хуже. Я знала, что это комплексная сделка, и эти симптомы неизбежно сопровождали разделение света с другим видящим, но знание ничуть не упрощало ситуацию.

Ревик пошёл вместе со мной в то место, где я бывала прежде — высоко на холме, на одной из улиц, прилегавших к главным рыночным дорогам. Мы поднялись по ступеням в ресторан на верхнем этаже. Из-под крыши из гофрированного пластика

открывался вид на всю долину.

А ещё здесь подавали лучшую тайскую еду в городе.

За ланчем — а может, это был завтрак — мы говорили об Индии, о лагере, о том, чем я занималась. Я немного корректировала свой рассказ. Например, я не упоминала, что несколько недель назад меня подстрелили, а также опускала большинство своих вылазок из Сиртауна.

Ревик все равно несколько раз хмурился, как будто читая между строк как минимум часть того, о чем я умалчивала.

Он не упоминал случившееся тем утром, пока не проводил меня обратно.

Дойдя до границы между городом и конструкцией, Ревик поцеловал меня на прощание, сказав только то, что сегодня днём у него дела.

Когда я занервничала, он вновь поцеловал меня, привлекая к себе.

— Элли, — мягко произнёс он. — Я не уйду надолго. Обещаю.

Я подняла взгляд.

— Не в том дело. Ты какой-то странный. Даже по твоим меркам, — я дёрнула его за руку. — Я не могу понять, то ли ты зол на меня... то ли что.

— Зол на тебя? — Ревик поцеловал меня в щеку, тихо щёлкнув языком. — Нет. Может, немного зол на самого себя, — он убрал волосы, лезшие мне в глаза, и я вновь ощутила в нем импульс сожаления. — Я прошу прощения, Элли. За то, что было этим утром.

— Просишь прощения? — я улыбнулась. — За что? Ты был рассудительным парнем... как обычно. Это я утратила контроль, — я потянула его за рубашку. — Может, нам какое-то время не стоит целоваться на кроватях. Найти себе хорошую скамейку в парке. Или переулочек.

— Думаю, это плохая идея, — загадочно произнёс Ревик.

Шутливо нахмурившись, я легонько шлёпнула его по груди.

— Так что? Я все испортила? Серьёзно, Дэгс. Все хорошо. В следующий раз я буду готова.

Его глаза вновь сделались прозрачными. Я чувствовала, что Ревик чего-то недоговаривает. Я уже собиралась спросить, когда он перебил меня.

— Я найду нам место, — сказал он.

— Место?

— Где мы сможем поговорить. Наедине, — сказал он. — Тем временем, будь осторожна, ладно? — он поцеловал моё лицо. Я вновь ощутила в нем такую сильную боль, что мои пальцы невольно сжали ткань его пальто. — Чандрэ ждёт тебя в лагере. Город тоже не слишком безопасен, — он вновь поцеловал меня. — Я найду для нас что-нибудь, Элли. Обещаю.

«Безопасен?» — удивилась я.

Однако я не озвучила это вслух, и Ревик оставил меня стоять там и наблюдать за ним, когда он исчез в толпе рынков Сиртауна.

Глава 8

Заявить права

— Эй... Мост. Подожди! Подожди, ладно?

Я не успела пройти по двору, когда его голос заставил меня остановиться.

Я немного настороженно повернулась. Уже за тот недолгий путь через общие комнаты, чтобы выйти наружу, я заметила, что мне вслед бросали больше пристальных взглядов, чем обычно. Учитывая, что Ревик говорил о том, что нас подслушивали, мне не особенно хотелось слышать детали их реакции. Мужчина, бегущий ко мне прямо сейчас, наверняка собирался мне сказать.

И продолжал бы говорить... даже после того, как я скажу ему остановиться.

Взгляды вызваны тем, что они подслушали наш с Ревиком разговор? Им просто любопытно, потому что я Мост, и до этого момента не имела сексуальных отношений ни с кем? Или теперь я всего лишь жалкая жена, которая не смогла соблазнить собственного мужа?

Мэйгар усмехнулся, подбегая ко мне.

— Едва ли, — сказал он, слегка запыхавшись.

Я бросила на него резкий взгляд.

— Не суй нос не в своё дело, Мэйгар, — сказала я. — Ты уже в моем чёрном списке, знаешь ли, — в ответ на его приподнявшуюся бровь я пояснила: — Что за спешное отбытие в Каир? Даже не удостоился сказать мне...

Умолкнув, я остановилась, замечая его внешность.

Одна сторона его широкого загорелого лица полностью была покрыта свежими синяками, как и его костяшки пальцев. Сложив это с тем, как выглядели руки Ревика, я раздражённо выдохнула.

— Что случилось? Что ты ему сказал?

— Ничего такого, чего он не заслужил бы, — Мэйгар сделал

пренебрежительный жест и скрестил руки на груди. Затем он окинул меня быстрым взглядом, приподняв уголки губ в полуулыбке.

— Ну же, Мост. Давай устроим спарринг.

Я фыркнула.

— Ты бежал всю дорогу досюда, чтобы узнать, не позволю ли я тебе помахать кулаками? — я начала обходить его, направляясь в свою хижину на другой стороне сада.

— Если хочешь позлить Ревика, — сказала я, — ... есть и способы попроще.

Мэйгар встал на моем пути.

— Сомневаюсь, — сказал он, улыбаясь, но его глаза смотрели серьезно. — Ну же, Мост. Я хочу спарринг, а ты быстрее этих придурков, — он показал на сборище видящих, сидевших возле круга для спарринга. — Ты права, ему это не понравится... поэтому я подумал, что стоит сделать это сейчас. Ты одна, верно? — он обернулся на основной лагерь, его тон оставался небрежным. — Где он?

Мой взгляд резко метнулся к нему.

— Я не знаю, — ответила я. — Может, тебе стоит поискать его.

И вновь я начала обходить его, но он встал на моем пути.

— Эй, эй, Мост, — Мэйгар легонько поймал меня за руку. — Не будь такой обидчивой. Ты же меня знаешь. Я ничего такого не имел в виду.

Но я остановилась, как вкопанная, и с подозрением всмотрелась в его темно-карие глаза.

— Ага, — сказала я. — Я тебя знаю. Ты чего это такой добренький со мной? Что происходит?

— Ничего, — он отпустил мою руку, приподнимая ладони в примирительном жесте. — Я просто хочу провести спарринг. Я подумал, что в ближайшие несколько недель мало буду видеться с тобой, так что...

— Серьезно? — спросила я, уставившись на него. — И почему же?

В этот раз Мэйгар действительно выглядел удивлённым. Оправившись, он издал очередной полусмешок, вернувшись к своему обычному поведению, но его голос звучал почти сердито.

— Это *dugra-te di aros* действительно ничего тебе не рассказывает? — сказал он. — Где он, Мост? Прощается со всеми недобровольными, которых не сможет себе позволить теперь, когда ему нужно содержать жену? Поэтому он утром берег свой член?

Я почувствовала, как на моих щеках расцветает ярко-красный румянец. Сукин сын нас услышал — ну конечно, услышал. Если кто и прислушивался, так это Мэйгар.

— Знаешь, мысль о том, чтобы врезать тебе, кажется все более и более привлекательной, — сказала я.

— Хорошо! — сказал он, широко улыбаясь. Закинув руку мне на плечи, он повёл меня к кругу для спарринга. — На меня уже поставили деньги, что я выиграю три раунда. Очковая система. Минимум двадцать крепких очков... победа — при перевесе в пять очков. Йерин будет считать. Он честный.

— Да какая разница, — пробурчала я, локтем отпихивая его от себя.

Сдёрнув пальто из овчины с плеч и швырнув его на одну из каменных лавок, я увидела группу видящих, которые подходили из общей комнаты в главном лагере.

Все они были мужчинами, конечно же, как и можно ожидать от всего свободного Сиртауна. Женщин-видящих в пять-шесть раз чаще крали в юном возрасте. Это означало, что большинство свободных, никому не принадлежащих женщин жили в горах и в подпольных сообществах.

Это также означало, что разделение в лагере между мужчинами и женщинами было примерно 90 % против 10 %, что вызывало проблемы среди мужчин... особенно поскольку треть этих женщин или были замужем, или интересовались другими женщинами, как Чандрэ.

Я видела статистику, которая показывала, что убийство хозяев девушек или жён — самая частая причина, по которой видящие, не состоящие в армии, убивают людей.

— Чего они хотят? — проворчала я, показывая на зевак.

— Элисон, — Мэйгар расхохотался. — Они хотят увидеть, как Мосту надерут задницу! — он попрыгал, перекатываясь с пятки на носок, и похлопал ладонями. — Давай же. Я предчувствую победу всухую... двадцать очков запросто.

Я наблюдала, как Джон и Касс тоже выходят из лагеря. Должно быть, они или спросили, или пошли за всеми, когда увидели, как опустело то место.

Джон уже качал головой, глядя на меня.

Когда я взглянула на Касс, она вопросительно подняла руки.

Я знала, что она имела в виду. Я пожала плечами в ответ, давая ей знать, что я понятия не имела, где он. Затем до меня дошло. Возможно, Мэйгар не единственный, кто злился на Ревика. Поколебавшись из-за этой мысли на долю секунды, я отбросила её в сторону.

Это будет быстрый спарринг, ничего такого.

Ревика даже знать об этом необязательно, если в итоге я не окажусь слишком окровавленной.

Я несколько раз встряхнула руками, затем шагнула в круг, ожидая Мэйгара.

Он вошёл на ринг с другого конца, улыбаясь.

Я нашла среди лиц Йерина. Его выражение напоминало выражение лица Джона, то есть стеснённое и слегка обеспокоенное, что для него нетипично. Йерин обычно оставался невозмутимым, так что я невольно взглянула в его сторону второй раз.

«Ты будешь судить это, верно? — спросила я у него. — Не позволяй ему жульничать, Йерин».

— Я не буду жульничать, — Мэйгар широко улыбнулся, вставая в стойку и слегка сгибая пальцы наподобие клешней.

Слегка улыбнувшись в ответ, я покачала головой и встала в стойку на своей стороне круга. Мэйгар половину времени действовал как большой ребёнок, но я не могла ненавидеть его так, как ненавидел Ревик.

В какой-то странной манере мы были друзьями.

Я подняла руку открытой ладонью вверх. Когда толпа немного

притихла, я произнесла положенные слова.

— Приди же.

Все ещё улыбаясь, Мэйгар описал один круг.

Он кинулся вперёд, в равной мере тестируя и атакуя, и это совершенно расходилось с его обычным стилем, который я достаточно хорошо знала, поскольку тренировалась с ним в прошлом. Я легко увернулась, метнувшись в сторону и наградив его хуком под ребра.

Я сумела застать его врасплох. Прерывисто втянув воздух, он изогнулся, замахнулся контрударом. Я увернулась и от него тоже, прицелившись пнуть в грудную клетку.

Моя нога жёстко соприкоснулась с его грудью, отбрасывая его назад.

— Ты немного на взводе, Мост, — Мэйгар улыбнулся, пружиня на носочках. — Что-то тебя беспокоит, раз у тебя столько агрессии?

— Свинья ты, Мэйгар. Подходи ближе, чего ты...?

— Почему ты сейчас сцепилась не со своим мужчиной?

— Может, я не в настроении.

Нервный смешок покатился по толпе видящих.

Боковым зрением я уловила, что Джон недоуменно смотрит на Касс, и в этот самый момент кулак Мэйгара крепко врезался в мой подбородок прямо перед тем, как он пнул меня в бедро ступней. Я пошатнулась назад, пригнувшись как раз вовремя, чтобы увернуться от удара в висок другой его рукой.

— Это два, — произнёс он, улыбаясь.

— Ты забываешь, что я первая тебя достала, — сказала я, улыбаясь в ответ. — Дважды.

— Разрыва нет. Два — два, — подтвердил Йерин.

Мэйгар ушёл в сторону, когда я атаковала в следующий раз. Я совершила серию быстрых резких ударов, затем быструю перекрёстную атаку. Один из ударов попал в цель, но с недостаточной силой, чтобы оттеснить его назад. Я быстрее его, но его руки крупнее моих в два раза, так что это имело вес, когда он

наносил мне удар — и он пользовался этим преимуществом. Мне нужно ударять его вдвое чаще, и я не могла допускать оплошностей, иначе он оглушит меня и превратит в пиньяту^[3] прежде, чем я успею оправиться.

Мэйгар заблокировал высокий и низкий пинок, один за другим, затем принялся драться серьёзнее, выполняя комбинации примерно из десяти-двенадцати ударов и пинков. Он задел меня всего несколько раз, но я осознала, что ухожу в тот режим, когда в голове все стихало, а конечности начинали двигаться сами по себе. Приятное ощущение. Я хорошо дралась, и мне нравилось это бездумное состояние, когда моё тело просто реагировало.

Я ушла по кругу назад после ещё нескольких захватов, затем метнулась вперёд и подловила его ложной атакой по колену, за которой тут же последовал пинок по голове, который попал в цель.

Мэйгар пошатнулся, я ускользнула от его ответного пинка и снова врезала по грудной клетке. Я выигрывала, и это тоже приятное чувство.

Однако я не могла зазнаваться. Все станет сложнее, как только мы перейдём к экстрасенсорным навыкам.

Если мы доберёмся до настоящей борьбы, меня ждёт нешуточная драка.

Mulei во многом походил на человеческие боевые искусства в духе Шаолиня, но только на начальных стадиях сражения. Спарринг в *mulei* имел очень чёткие правила. Прямые удары и пинки в первом сегменте сражения. Никаких захватов или бросков через голову, пока это не будет объявлено судьёй — обычно в последней трети драки, потому что обычно тогда схватки становились по-настоящему грязными. И никаких экстрасенсорных навыков, пока хотя бы один оппонент не наберёт восемь очков.

— Семь, — сказала я Мэйгару. — У тебя пять.

— Хммм. Неплохо, Мост... но ты все равно проиграешь.

Я улыбнулась, качая головой.

— Ты так думаешь? Почему же это?

Его глаза сделались неподвижными, голос зазвучал мягко.

— Потому что мне этого больше хочется, Элли.

Он никогда не использовал моё настоящее имя. Когда он произнёс его сейчас, по моему позвоночнику пробежали мурашки.

Я все ещё тарасилась на него, когда он кинулся вперёд, застав меня врасплох отменным ударом в глаз с полной силой. Он вложил весь свой вес, и от этого я отлетела назад как мешок картошки. Я перекатилась, попыталась встать, но он нанёс мне ещё три удара быстрой чередой...

... и вот мы уже перешли к экстрасенсорным навыкам.

Ничего не дожидаясь, Мэйгар шарахнул по мне своим *aleimi*.

Он наполовину выбил меня из тела прежде, чем я повернулась и ударила его с разворотом в нижнюю часть груди.

Здесь у Мэйгара имелось преимущество, потому что он в отличие от меня мог без проблем разделять своё сознание. Но я уже лучше оценивала структуры в своём свете. Мы все равно не могли пойти в полный разнос друг против друга. Здесь тоже существовали правила. Никаких ударов по структурам над головой, ничего не ломать.

Оставались в основном тычки, запутывание и баловство с истощением света.

Мэйгар перешёл прямым к последнему. Прежде чем я успела закрыться щитами, я ощутила, что он целится в боль разделения. Увидев её как проём в моём свете, он постарался резонировать с ней.

Слишком поздно осознав, что после утра с Ревиком я как открытая книга, я встревоженно отпрянула назад. К сожалению, паника открывает щиты, так что в своей спешке убратся от его тычка...

Я его впустила.

Мэйгар торжествующе захохотал.

Мы обменялись ещё несколькими ударами, пока я пыталась удержать его вне Барьера и подальше от себя. Затем он ушёл по кругу назад, создавая между нами некоторое расстояние. Все ещё улыбаясь, он скользнул в линию, которую он создал между нами.

Не успела я перевести дух, как Мэйгар грубо дёрнул за ту часть себя, которая резонировала со мной. Когда я невольно открылась, он силой проник в меня так глубоко, как только мог.

Боль ослепила меня.

Колени подогнулись. Я упала прежде, чем осознала, что происходит.

Хватая ртом воздух, я инстинктивно ударила, когда Мэйгар приблизился ко мне, шарахнув по нему своим *aleimi*.

Это сбilo его концентрацию, и боль ненадолго стихла, но у меня было мало времени.

Вскочив на ноги, я побежала к нему прежде, чем он успел восстановить связь. Пока он все ещё наполовину пребывал вне своего тела, я ударила Мэйгара кулаком в живот, затем, пока он не оправился, с размаху пнула в грудь.

Он попятился назад, в большей степени возвращаясь в своё тело.

Мэйгар триумфально расхохотался вслух.

«Тебе это понравилось, Мост?»

То, что он сделал, допускалось правилами, но это разозлило меня, и Мэйгар это почувствовал.

«Что не так? — послал он. — Та часть немного болезненна, Мост?»

«Я прямо задаюсь вопросом, неужели ты только так и можешь удержаться в сражении», — парировала я.

«Я же сказал тебе, Мост... Я собираюсь победить».

«Может, я говорила не только о ринге».

Веселье испарилось с лица Мэйгара. Я слышала смешки среди наблюдающих видящих, пока импульс его злости не заставил всех притихнуть.

— Объявляй, Йерин, — произнёс он, ни на секунду не отрывая взгляд от меня.

— Физические удары только для очков, — напомнил Йерин. — Честная игра. Тринадцать — тринадцать.

— Готова сдаться, Мост? — спросил Мэйгар.

Но я помнила, как Чандрэ говорила мне, что каждая связь работает в две стороны. Не отвечая ему, я поделила свой *aleimi* ровно настолько, чтобы найти нить. Тот факт, что он ударил по такой

очевидной мишени, лишь упростил мне задачу.

Я обнаружила нить за секунды.

И без промедления выпрыгнула из своего тела.

Используя несколько структур моего *aleimi* разом, я скольжу в его свет...

... и безжалостно дёрнула, осушая его одним мощным ударом.

Когда моё зрение вновь сфокусировалось, Мэйгар упал на одно колено, тяжело дыша. Боль рябью исходила от него, и он смотрел на меня остекленевшими глазами.

Улыбнувшись, я пнула его по лицу.

«Видимо, тебе тоже давненько не обламывалось», — послала я.

Я снова ударила его, и Мэйгар упал на спину. Я обошла его по кругу, сумев нанести ещё один удар и два пинка прежде, чем сдала назад и позволила ему подняться на ноги.

Я наградила его дразнящей улыбкой, но Мэйгар не улыбнулся в ответ и даже не выглядел злым. Вместо этого в его глазах выражалась сосредоточенность, которой я никогда прежде за ним не замечала.

Не знай я лучше, я бы подумала, что он дерётся за свою жизнь.

— Иисусе, — произнесла я. — Да сколько же денег ты поставил на эту драку?

Йерин прокашлялся.

— Открытый формат. Захваты и перебросы через плечо, — он посмотрел на меня обеспокоенными глазами. — Сожалею, Элисон. Я вынужден объявить это. Ты набрала восемнадцать.

Я моргнула, уставившись на Йерина и не понимая, почему он извиняется.

Когда я повернулась обратно...

Мэйгар ударил меня по лицу. Он двигался так тихо, что я его не почувствовала. В то же мгновение он поставил мне подножку, сбив меня с ног.

Я приземлилась на спину, весь воздух выбило из моих лёгких.

Я закинула руки за голову, чтобы оттолкнуться и вскочить на

ноги, но Мэйгар прыгнул на моё туловище и оседлал меня. Он схватил мои руки за головой и пригвоздил к земле.

— Что, если я заявлю на тебя права? — сказал он, тяжело дыша.

Разъярившись из-за собственной глупости, я принялась сопротивляться, пока не встретила с ним взглядом. Странный свет проступил в его глазах. Я внезапно заметила его *aleimi*, обвившийся вокруг меня. Мэйгар не просто осушал; он делал то, что равносильно лапанью меня своим светом.

Вскинувшись всем телом, я попыталась сбросить его с себя, но он удерживал меня на месте, стараясь сжимать запястья вопреки тому, что я извивалась, и прижимал меня к земле.

— Его даже нет здесь, чтобы оспорить, — сказал он.

Мэйгар посмотрел на моё тело. Я попыталась боднуть его головой, но он убрался в сторону. Его улыбка померкла. Наклонившись ближе, он придавил меня грудью. Он прижался своим лицом к моему, лаская, целуя мою шею, затем щеку.

Я замерла, перестала дышать.

«Я бы никогда не отказал тебе, Элли...»

Я в шоке уставилась на него.

Снова целуя моё лицо, лаская его пальцами, Мэйгар поднял голову, глядя на остальную толпу.

— Он не консуммировал брак, — громко сказал он. — У меня есть право, — он просканировал лица, выискивая инакомыслящих. — Есть свидетели. Множество. Вы все слышали, как она просила, а он отказал. Кто-то посмеет оспорить, что у меня есть право?

Я уставилась на остальных, пытаюсь перевести дыхание. Одной рукой я стискивала его запястье, изо всех сил стараясь впиться ногтями в его кожу, сбросить его с себя.

Затем его слова действительно отложились в сознании.

Я не понимала до конца — я в принципе не понимала половину правил и обычаев видящих — но осознала, что Мэйгар спланировал это. Здесь что-то происходило, и это никак не связано с теми причинами, по которым он якобы вызвал меня на драку.

Хуже того, у него имелись сообщники.

Я снова попыталась скинуть его пинком. Учítывая, что он весил примерно на 45 кг больше меня, и все это мышцы, мои попытки оказались жалкими, и кажется, только укрепили мою беспомощность под ним.

Обычно моя стратегия с захватами сводилась к «Не позволяй сбить себя с ног».

Я уставилась на Йерина, тяжело дыша.

— Йерин! Ты судишь. Я сдаюсь. Он победил...

Мэйгар крепко ударил меня по лицу.

Шок заставил меня замолчать не хуже самого удара. Моя голова перекатилась по грязи.

— Я не принимаю, — сказал он. — Мы условились играть до двадцати. Разрыв в пять очков. У меня только семнадцать, — его голос зазвучал холодно. — У тебя восемнадцать, Мост. Ты не можешь сдаться. У меня осталось ещё шесть очков до того, как все это закончится.

Вновь сумев сфокусировать взгляд, я изумлённо уставилась на него, все ещё немного оглушённая ударом. Видящие бывали не очень-то галантными, когда дрались. Разрешалось бить поверженного или придавленного оппонента — более того, это откровенно ожидаемо. И все же никто прежде не отказывал мне в возможности сдаться до достижения нужного разрыва по очкам.

Внезапно я осознала, что он делает.

Он каким-то образом делал это принуждение легальным, маскируя его под драку. Я с неверием уставилась на него, все ещё пытаюсь осмыслить то, что уже понял мой разум.

— Ты не посмеешь, — сказала я ему.

Мэйгар уставился на меня в ответ, все веселье ушло с его лица.

Удерживая мои запястья одной рукой, он приласкал моё лицо, пока я не отдёргнулась. Его глаза сверкнули темным и жёстким светом — глаза охотника, и я осознала, что у меня серьёзные проблемы.

Мой командирский тон вернулся.

— Игра окончена, — сказала я. — И я не смеюсь. Снимите его с меня, бл*дь! — я посмотрела вокруг на наблюдавших видящих. —

Немедленно! Это приказ!

Лица вокруг меня побледнели, но никто не сдвинулся с места.

— Что это такое? — потребовала я. — Групповое изнасилование? Вы теперь куча животных?

— У него есть право, Элисон, — произнёс Йерин.

Я резко повернула голову, с неверием уставившись на Йерина.

— Что это такое? — я уставилась на всех этих людей, многих из которых я начинала считать своими друзьями.

Я поискала Джона и Касс. Я увидела их с краю, их удерживали видящие. Джон смотрел остекленевшим, отсутствующим взглядом, словно сам не свой, как и Касс, но я видела, что рука Касс лежала на оружии, словно она осознала происходящее прямо перед тем, как они её вырубili.

Они взяли в плен моих проклятых друзей. Как обычных червяков.

Подавив ярость, вскипевшую в моих венах, я принялась бороться. Я искала Чандрэ, но не видела её. Я не видела Грента, Тензи или Балидора. Я посмотрела на Йерина, пытаясь урезонить его и зная, что это единственное, что может сработать с ним.

— Вы не можете подвергнуть меня обычаю, о котором я ничего не знаю. Не можете, — я сопротивлялась рукам Мэйгара. — Где Вэш? Он же хранитель традиций, разве нет? У меня есть право состязания, разве нет? Хотя бы спросите его...

Я простёрла свой свет, но Мэйгар заблокировал меня, не давая искать Вэша.

В отчаянии я потянулась к Ревику...

... и Мэйгар ударил меня своим светом.

Он ударил меня так сильно, что я едва не отключилась.

Когда я открыла глаза, кровь текла из моего носа; я ощущала её вкус во рту. Я послала очередную вспышку, пытаясь найти Ревика. Мэйгар заблокировал её, снова шарахнув по мне светом, и я ахнула, ощутив ещё больше крови во рту.

— Он нарушил правила... — прохрипела я. — Никакого урона.

— Она права, — сказал Йерин Мэйгару с явным беспокойством. — Больше так не делай. Мы прикроем её щитами от него, если понадобится.

Я уставилась на лица вокруг, осознавая, что ни один из них мне не поможет.

— Я буду тебе хорошим мужем, — сказал Мэйгар. «...лучше, чем он».

Он переместил свой вес. Я ощутила его эрекцию, прижавшуюся к моему животу достаточно сильно и достаточно нарочито, чтобы я понимала — это не случайное движение.

Издав вопль, я воспротивилась ему, все ещё пребывая в неверии, пока он расстёгивал ремень.

Мэйгар скользнул рукой под мою рубашку, и я стала сопротивляться сильнее, завизжав.

Не сумев сбросить его, я стала умолять его, но он прижимал меня своим телом, руками и ногами. Он задышал чаще. Пот покрыл его лоб и верхнюю губу. Задрав мою рубашку, Мэйгар приласкал мою кожу, вкладывая свет в свои пальцы, притягивая меня. Он поцеловал мою грудь, вкладывая свет в свой язык.

Та же рука скользнула в мои брюки, между ног.

Вскрикнув от шока, я завопила, ещё сильнее стараясь увернуться.

Мэйгар притягивал мой *aleimi* через ту нить временной связи, удерживая меня на месте, и мой свет ответил против моей воли. По мне пронеслась боль, почти ослепившая меня.

Затем его пальцы оказались во мне, и я закричала, умоляя других остановить его. Я услышала стон Мэйгара, почувствовала, как его другая рука сжала меня крепче, а его тело тяжелее наваливается на меня. Он перестал ровно настолько, чтобы развязать мои штаны и стянуть их ниже по бёдрам. Его руки внезапно сделались торопливыми.

Паника взорвалась в моей груди. Что-то во мне порвалось. Я не могла видеть.

Мой свет полыхнул вокруг меня. Возникло то сгибающее ощущение...

... и затем вес, придавливавший меня, исчез.

Краем сознания я услышала вопли. Я слышала взволнованные голоса, спешно поднимаясь на ноги.

Я не могла видеть. Свет ослеплял меня, и в то же время я чувствовала себя лишённой света, почти опьяневшей от нехватки света. Я завязала штаны, неловко возясь пальцами с узелками. Из носа все ещё шла кровь. Я видела размытые лица, отпрянувшие от меня в разные стороны.

Затем я побежала.

Я металась между тел, чтобы убраться из круга для спарринга, прочь от толпы, затем подальше со двора. Вырвавшись, я тут же побежала со всех ног, но не в лагерь, где они вновь могли поймать меня в ловушку, а через сады, перепрыгивая через лавки и петляя между деревьями. На краю сада я кинулась с холма, наполовину съехав, наполовину сбежав по крутому заросшему склону.

Я слышала, как кто-то звал меня по имени, но я лишь побежала ещё быстрее. Наконец, единственное, что я слышала — это шум крови в ушах и звук собственных ног, бегущих по траве и гравию улицы вниз. Я бежала между зданий, пока не нашла очередной проход между деревьями, и затем со всех ног понеслась по наклонной грунтовой дороге в лес.

Я бежала и бежала до тех пор, пока не начала задыхаться, чувствуя, как воздух застревает в горле, пока вокруг меня хлестали ветки.

Когда я наконец остановилась, я уже не знала, где нахожусь.

Глава 9

Обычай

Балидор услышал крик. Это был женский крик.

Волоски на его шее сзади приподнялись.

Он взглянул на двоих своих спутников, Ларен и Грента. Ларен достала пистолет, кивнув Гренту, когда тот сделал то же самое.

Не обменявшись ни словом, они выстроились и пошли вперёд веером.

Балидор последовал за ними через боковой проход между зданиями, его *aleimi* перешёл в режим охоты.

Когда они добрались до дворика, Балидор резко остановился. Ларен и Грент тоже встали как вкопанные.

Вокруг ринга для спарринга в углу заросшего сорняками двора собралась толпа. Балидор узнал двух человек Моста. Они стояли слишком неподвижно; он видел, как несколько видящих удерживают их на месте.

Посмотрев меж ног собравшихся, он ощутил, как его грудь сдавило.

Осознав сцену в полном объёме, Балидор вспомнил то утро, ту вспышку, которую Мост послала, пока была с Дигойзом.

Он выругался на китайском, теперь узнав видящего, который её оседлал — малец по имени Мэйгар, который примерно год действовал как её телохранитель. У Балидора с самого начала сложилось дурное предчувствие по поводу него, даже если не считать его прошлого, его нелепых притязаний на революционный статус и его мать-Шулера.

Он зарядил пулю в ствол и пошёл вперёд, матеря Дигойза на каждом шагу.

О чем, черт подери, он думал, позволяя ей вернуться сюда одной?

Балидор уже собирался крикнуть, остановить то, что начал

Мэйгар, но тут ощутил импульс, который можно назвать лишь ужасом, и осознал, что этот импульс исходил от Моста. Его интенсивность заставила Балидора резко остановиться. Остальные также резко втянули воздух, когда этот импульс ударил по толпе.

Вспышка света осветила Барьерное пространство.

Затем этот соплук Мэйгар поднялся с неё.

Нет — он буквально *отлетел* от неё.

Его как тряпичную куклу подбросило в воздух. Отлетев примерно на десять метров над двором, он врезался в каменные скамьи, крепко ударившись спиной и шеей. Он не издал ни звука, кроме глухого удара плоти о камень.

Плюхнувшись в грязь под скамьями, он уже не пошевелился.

Последовал миг мёртвого молчания.

Затем Мост вскочила на ноги.

Все попятились. Она полуслепым взглядом посмотрела вокруг, взяась со своими штанами, натягивая их на бедра, стирая кровь с лица... и её глаза превратились в свет, просто свет. Это последний проблеск её лица, который заметил Балидор перед тем, как она ринулась бежать, но не к улице и не к зданию лагерей, а через сады.

Она пустилась в бегство, осознал он. Не только от Мэйгара, но от всех них.

Поколебавшись всего долю секунды, Балидор побежал за ней.

Он почувствовал, как Ларен и Грент сделали то же самое, отреагировав всего на секунду медленнее. Они погнались за ней через сад, но она оторвалась от них на сотню с лишним шагов и быстро как кролик неслась сквозь растительность. Увидев, что она добралась до края плато, Балидор проорал её имя, но она не повернулась и даже не затормозила.

Несясь на максимальной скорости, она добралась до обрыва и кинулась вниз с поросшего травой края, быстро перебирая ногами в теннисных туфлях.

Она исчезла за краем.

К тому времени, когда он, Грент и Ларен добрались до края того же луга, она уже исчезала в переулке между двумя жилыми зданиями,

все ещё несясь на полной скорости.

Выругавшись и не зная, что делать, Балидор попытался принять решение.

Если он побежит за ней сейчас, она явно подумает, что он тоже её изнасилует.

Согласно традиционным законам, у него даже имелось право. Любой брак, который не консуммирован за шесть лунных циклов, может быть консуммирован силой через повторное заявление прав. Это при условии, что женщина, о которой идёт речь, при свидетелях просила о сексе и получила отказ от мужа.

Это старый, отсталый закон.

Балидор даже не помнил, когда на него в последний раз ссылались, разве что только в шутку. Сильная боль разделения для холостых видящих как наркотик. Любой, кто находился поблизости, невольно испытывал её влияние. Старейшины установили такое правило в период, когда подобные конфликты были характерны в связи с политической ситуацией — то есть, пару тысячелетий назад.

Иными словами, применив это дерьмо сейчас, Мэйгар выглядел как человек, который цитирует библейские законы в качестве оправдания, чтобы забить кого-то камнями.

Он тщательно выбрал свидетелей — даже Йерина, который являлся хранителем закона до мозга костей. Йерин согласился бы с таким просто потому, что формально это все ещё разрешено законами.

— Варварство, — пробормотал Балидор.

Ларен положила руку на его плечо.

Он похлопал её по пальцам, чувствуя через этот простой контакт, что данный инцидент и её тоже шокировал. Она злилась — и по личным причинам, и за Моста. Как и Балидор, она тоже беспокоилась, что над ними, возможно, нависла серьёзная проблема. Учитывая количество вовлечённых людей, Мост, возможно, никогда больше не будет им доверять.

И ещё Дигойз.

Все знали историю, имевшую место быть между Дигойзом и Мостом.

Единственное преступление Дигойза заключалось в том, что он не объяснил своей жене обыденные факты жизни ранее, до того, как её неведение едва не наградило аневризмой каждого свободного мужчину в пределах слышимости.

Сразу после этого он формально сделал все правильно. Он вывел её из конструкции, принёс извинения и принял всю вину на себя. Он даже публично объявил, что намеревается официально позаботиться об этой ситуации... и при первой же представившейся возможности.

Возможно, он допустил всего одну ошибку, когда оставил её одну.

Мало того, что Мэйгар повёл себя как свинья и попытался это проверить — а это свинство, несомненно — так он ещё и показал себя совершеннейшим дураком.

Если ему так сильно хотелось жену, он мог бы поехать в Европу или Америку, где жило большинство женщин. Переманивание супругов в мире видящих было редким преступлением по одной простой причине — обычно кто-то умирал.

Это один пример, когда на убийство одного видящего другим закрывались глаза.

Особенно, когда присутствовало насилие.

Мэйгар заплатит за свою глупость, мрачно подумал Балидор, и скорее всего, ещё до заката — при условии, что Мост уже не убила его.

Он перевёл взгляд с Ларен на Грента и вздохнул.

Ответив кивком согласия на невысказанный вопрос Грента, он показал обратно в сторону лагеря и главной улицы выше.

Теперь им предстояла нерадостная работа найти Дигойза и объяснить ему, что случилось.

Это при условии, что он ещё не ощутил ужас своей жены и не направлялся сюда, чтобы оторвать кому-нибудь башку голыми руками.

Я продолжала шагать.

У меня не было точки назначения в голове. Я вообще ни о чем толком не думала, но по-прежнему крепко прикрывалась щитами и шагала, надеюсь, в противоположную сторону от Сиртауна. Я не готова была пользоваться Барьером, не зная, кто может за мной наблюдать.

Я не звала Ревика.

Кто-нибудь ему скажет.

Черт, да он, наверное, уже знал.

Вместо этого я крепче запечатала свой свет, давая себе пространство подумать. Добравшись до вершины поросшего деревьями хребта, я помедлила, чтобы перевести дух на свежем воздухе. Я вспотела. Пока что я не испытывала проблем из-за нехватки пальто, но знала, что мне придётся без него тяжело, если я не найду убежища к закату.

Или ранее, если погода изменится, что здесь часто случалось.

При этой мысли я вытерла лицо рукой и осознала, что оно все ещё покрыто засохшей кровью после того, как Мэйгар ударил меня своим светом. Я оттерла кровь, насколько могла.

Впервые я ощутила, как горло сдавило.

На мгновение я лишь стояла там, шмыгая носом на холодном ветру как ребёнок, и вытирая лицо рукой. Думаю, по большей части я пребывала в неверии.

Я не знала, что делать. Мне некуда идти.

Наверное, стоит просто позвать Ревика и покончить с этим.

Но я ещё не готова была встретиться с ним. Я не хотела объяснять, как это произошло, или думать, почему я проигнорировала все тревожные сигналы в странном поведении Мэйгара. Я не готова была справляться со злостью Ревика, или с его сочувствием, или с его горем. Я просто хотела тихое место, чтобы прийти в себя.

Другой голос поднялся в моем сознании.

«Ты можешь пойти со мной, Мост», — сказал голос.

Я развернулась так резко, что моя нога соскользнула с края утёса. Я утратила равновесие и вновь восстановила его, но это почти-падение заставило сердце подскочить к горлу.

«Я оставляю тебя в покое», — добавил голос.

Я вскинула руки перед собой, приготовившись драться.

«...Всего лишь предложение, Мост, — мягче послал голос. — Никакого вреда не будет».

— Убирайся от меня! — буквально закричала я. — Я серьёзно! Отойди!

Подумав, что это, наверное, кто-то из охраны, посланный Вэшем, или Йерином, или Балидором, я рефлекторно потянулась к оружию. Но я ушла на завтрак без него.

Ну конечно — со мной же был Ревик.

Ну что я за безнадёжная идиотка.

— Я сделаю с тобой то, что сделала с ним, — произнесла я с открытой угрозой в голосе. — Только подойди, и я скину тебя с бл*дской горы! Клянусь, скину!

— Ш-ш-ш, — сказал голос вслух. — Не причиню тебе вреда, Мост. Обещаю.

Физический голос сильно отличался от того, что я слышала в голове. Он был более низким, более хриплым. Он также говорил на том диалекте видящих, который я слышала лишь от самых старых поколений. Я слышала подрагивание, напоминавшее затруднённое дыхание. А может, смех.

— Не укушу я нашего драгоценного лидера, — сказал голос. — И насиловать не стану!

Моё сердце ухнуло в ответ на её слова, но мой страх постепенно сменялся недоумением. Голос, кажется, не принадлежал никому из моих знакомых.

Он казался пожилым. Он также звучал как женский.

— Да. Я стара, — признал голос. — И женщина, да.

— Кто ты? — спросила я.

— Не беспокойся. Со мной ты в достаточной безопасности.

Такая же крутая видящая, как и ты...

По какой-то причине мне хотелось рассмеяться.

Мой мозг перегрузился, напоминая мне обо всех видящих, которые притворялись дружелюбными или безвредными, а потом обращались против меня. Черт, да это может быть один из Терианов. Он сделал то же самое на круизном лайнере — подождал, когда мы с Ревиком разделимся, и послал за нами обоими своих людей. Он мог заплатить Мэйгару, чтобы тот на меня накинулся.

А теперь я тут, в лесах. Избитая и хнычущая, только и ждущая, когда меня заберёт один из его отморожков.

Пожилая женщина звучно щёлкнула языком.

«Никаких грандиозных заговоров, Мост. Всего лишь обыкновенная глупость. Он истинный сын своего отца. Пылкий. Однако умом не блещет».

— Мэйгар? Ты говоришь о Мэйгаре? — услышав её согласие через Барьер, я сказала: — Кто его отец?

— Знала его ещё мальчишкой. Знала многих видящих ещё мальчишками. И девчонками тоже, — я вновь услышала тот сиплый смешок. *«Но не тебя, Мост. Не тебя. Прошло так много времени с тех пор, как мы с тобой вместе делили пищу».*

Эмоции затмили мой разум, заставив меня вновь вытереть глаза.

Я опустила руки.

— Просто оставь меня в покое, ладно?

— Ааааах. Тебя любят. Сильнее, чем ты думаешь.

Её слова по какой-то причине разозлили меня.

— Супер, — сказала я. — Буду иметь в виду, — прикусив губу, я добавила более дипломатичным тоном. — Слушай, если не возражаешь, я бы очень хотела провести некоторое время наедине с собой. Я не хочу показаться грубой, но...

Я умолкла, когда пожилая женщина выбралась из-за деревьев с толстыми ветками.

Когда она полностью вышла на свет, я осознала, что мои слова совершенно иссякли.

Она действительно не шутила по поводу своего возраста. Передо мной стояла самая пожилая видящая, что я когда-либо видела.

Мелкие морщинки акцентировали черты её овального лица — такие мелкие, что они напоминали мне черепашонка, которого я как-то раз держала в руках. Каждая морщинка на его шее была тоньше ниточки. Её кожа темно-коричневого цвета вовсе не походила на кожу старого человека. Вместо этого почти совершенные линии придавали ей гладкую, почти неземную наружность.

Однако на её фоне Вэш выглядел молодым — вопреки тому, что её волосы оставались цвета вороного крыла. Её бледные светящиеся глаза смотрели на меня и казались смутно знакомыми.

Женщина улыбнулась, и её почти идеальные зубы удивили меня. Белые и ровные, они походили на зубы двадцатилетнего человека. Она продолжала шагать ко мне, пока я во второй раз не подняла руки.

— Нет, — предостерегла я. — Оставайся там. Пожалуйста. Не подходи слишком близко.

Она покорно остановилась. *«Ты меня знаешь?»*

— Нет, — ответила я. — Я никогда прежде тебя не видела.

И все же я поколебалась. Многие видящие из гор редко спускались в Сиртаун, но эта женщина явно знала, кто я такая.

— Ты живёшь поблизости? — я сделала уважительный жест. — Возможно, я смогу навестить тебя в другой день. Сегодня ты застала меня в плохой момент.

— Но тебе же понадобится укрытие, не так ли? — произнесла она.

Я моргнула, глядя в бледные, почти бесцветные глаза женщины, борясь с их знакомостью. Она знала, что я бежала от попытки изнасилования, знала, кто я такая, и спросила, знала ли я её. Я должна её знать?

Она изучала меня в ответ этими наполненными светом глазами.

— Биологически, верно, — сказала она. — Сестра его матери, — она усмехнулась этим низким голосом. — Так что он не может от меня отделаться. Хотя он достаточно упорно пытался.

— Кто? — я опустила руки. — Кто пытался от тебя

избавиться? — я начинала думать, что она, возможно, немного впала в старческий маразм. — Твой друг?

«Твой муж, — послала пожилая видящая. — Я твоя тётя. По браку».

На мгновение я засомневалась.

Затем я вновь сосредоточилась на её лице, тут же понимая, почему я узнала её глаза. Они — копия глаз Ревика, только более раскосые в уголках.

Я все ещё не могла поверить до конца. Я уверена, что у него не осталось биологических родственников. Приёмная семья приходилась ему какой-то далёкой родней, но эта женщина казалась настоящей родственницей.

— Верно, — сказала она, кивая. — Сестра его матери. Как я и сказала.

Внезапно осознав, как я, должно быть, выгляжу, я натянуто поклонилась.

Знакомство с семьёй было для видящих важным этапом.

В какой-то момент меня даже учили, как подобает приветствовать старших членов семьи, но мой разум совершенно опустел. Я снова поклонилась, держа руки у середины груди. Я решила, что такое поведение хотя бы с меньшей вероятностью нанесёт оскорбление.

— Приношу свои извинения, тётя. Как я и сказала...

— Я застала тебя в плохой момент, да, — она улыбнулась, но я видела, каким серьёзным было выражение её лица. «Очень плохой день. И для всех остальных тоже».

Её глаза сделались ярче, когда она посмотрела вниз со скалы. Её отрешённый взгляд навевал на меня какую-то ностальгию.

— Хочу кое-что тебе показать, Мост, — сказала она. — Это не связано с твоим супругом или с тем, что случилось там. Это связано с тобой и с твоей новой проблемой, — её бледные глаза посмотрели на меня. — Ты пойдёшь со мной? Я отзову псов.

Я обернулась через плечо, ища, что же привлекло её взгляд.

Орёл с золотым оперением парил вверх и вниз над потоками

воздуха прямо за краем утёса, на котором я стояла.

Я посмотрела обратно на неё.

— Ага, — сказала я, стараясь немного подражать тому диалекту, на котором она говорила. — Конечно. Только мы, девочки. Звучит здорово.

Она рассмеялась над моим неестественным акцентом, и я улыбнулась.

Глава 10

Последствия

Джон услышал суматоху ещё до того, как осознал, что это значит.

Ревик вернулся.

Джон покосился на Касс, которая немного побледнела под загаром.

Затем, не сказав ни слова, они оба поднялись на ноги.

После инцидента с Элли они держались в стороне, хотя между собой тихо обсуждали, что им делать.

Они даже задавались вопросом, не нужно ли пойти её искать в надежде, что с ними она поговорит более охотно, чем с кем-то из видящих. Джон тоже не хотел иметь дело с этими видящими — только не с теми, которые превратили его и Касс в восковых кукол, а потом просто стояли и смотрели, разинув рот, пока Мэйгар пытался изнасиловать Элли.

К сожалению, вопреки параличу, Джон все помнил, включая вид его сестры, лежавшей на земле и кричащей, пока видящий в три раза крупнее неё совал руку в её трусики.

Даже не поговорив об этом по-настоящему, он с Касс ждал возвращения Ревика. В их сознании не осталось ни единого сомнения по поводу того, какой будет его реакция... или как много времени ему понадобится, чтобы воплотить все в жизнь.

Балидор был вежлив с ними обоими, и даже выглядел виноватым, когда объяснял, что у них возникли сложности с поисками Ревика. Каким-то образом он умудрился убраться в некий удалённый уголок поселения.

Джон прекрасно понимал, что Ревик отреагирует плохо.

Во время ожидания он и Касс мало переговаривались, но Джон знал, что Касс тоже нервничает. В той пещере в России они видели Ревика со многих различных сторон, но ни одна из них не была такой страшной, как та, которая проявилась, когда Териан убедил Ревика,

что он захватил Элли в плен и причиняет ей боль. Териан сумел растянуть этот блеф примерно на месяц, пока Ревик не почувствовал от Элли достаточно и не осознал, что тот лжёт. Ну, это в сочетании с тем фактом, что Териан так и не сумел предъявить ему физическое тело.

И все же, когда Джон открыл дверь, ведущую во двор, он не до конца поверил своим глазам. Он остановился так резко, что Касс налетела на него со спины.

Не успел Джон прийти в себя, как Балидор повернулся и встретился с ним взглядом.

— Джон! Касс! Возвращайтесь внутрь! — крикнул он по-английски с акцентом.

Джон его проигнорировал. Однако он схватил Касс за руку и остановил её, как только она протолкнулась мимо него на солнечный свет. Ему не нужно было беспокоиться. Касс тоже остановилась как вкопанная, стиснув руку Джона и уставившись на дворик.

Более тридцати видящих занимали небольшое пространство.

Джон в шоке наблюдал, как четверо из них схватили сопротивляющегося Ревика. Они удержали его всего на несколько секунд, а потом он вырвался, наотмашь ударив кулаком по лицу видящего из Адипана по имени Гаренше, у которого грудь была как бочка.

Одновременно с тем же плавным изгибом тела он пнул другого по колену, затем как акробат забрался по телу Гаренше спереди, используя его рост, чтобы пнуть видящего по голове и эффективно вырубить его ударом края ботинка. Подкинув себя вверх и используя весь свой вес, Ревик сбил Гаренше на землю и соскочил в сторону прямо в падении.

Гаренше удивлённо хрюкнул, повалившись на спину.

Джон едва проследил его движения глазами, когда Ревик схватил среднего по габаритам видящего и использовал его как щит, швырнув его тело в двух других.

Он пытался высвободиться, осознал Джон. Он пробивал себе выход из толпы. Джон шагнул вперёд, чтобы помочь ему, но тут кто-то схватил его за руку. Повернувшись и сердито зыркнув, Джон высвободился, но удерживавший его видящий, смутно знакомый

Джону, выглядел бледным и обеспокоенным и лишь покачал головой.

— Опасно, — произнёс он по-английски с сильным акцентом.

Джон не видел его ранее, при инциденте с Элли, так что заставил себя расслабиться и кивнуть. Он повернулся обратно к толпе.

На самом деле, до сих пор он не видел Ревика в сражении.

Он видел последствия, и до него доходили слухи, на что тот способен в рукопашном бою. Ревик обладал знатной репутацией, но ему назначили наказание, так что он не мог драться ради развлечения, вопреки тому, что время от времени ему поступал вызов.

Даже зная это, теперь Джон следил за Ревиком взглядом, будучи совершенно поражённым.

Ревик у недоставало показушности, которой обладали многие молодые видящие, которые день за днём боролись на ринге для спарринга, пытаясь одолеть друг друга.

Раньше, когда это было его работой, Джон классифицировал бы Ревика как исключительно расчётливого бойца. В смысле, он практичен до мозга костей. Он не совершал лишних движений. Он делал передышки между атаками, вкладывал весь свой вес в каждый удар, какую бы часть тела он ни использовал.

И он был адски быстрым.

В данный момент он сражался примерно с пятнадцатью видящими одновременно. Большую часть пинков Ревик направлял вниз, сбивая своих оппонентов, ломая голени, колени, лодыжки, а потом пиная по голове.

И даже тогда его удары оставались расчётливыми, целенаправленными. Виски, челюсти, горла, солнечное сплетение, почки... несколько пинков снизу вверх по носам.

Он не валял дурака, заметил Джон. Ничего показушного, ни капли.

Ревик использовал их друг против друга, всегда оставляя одного посредственного противника между собой и более хорошими бойцами — используя против них их же инерцию, их вес, подбираясь поближе к сильным, чтобы компенсировать их размер, скользя между конечностями более высоких.

Джон наблюдал за ним с каким-то восхищённым восторгом.

Он понимал, почему некоторые закалённые бойцы хотели бросить ему вызов, даже если не ожидали победы. Ревик дрался так, словно его годами учили сражаться с людьми вдвое крупнее его, причём в ситуации, когда все возможные обстоятельства против него. Он дрался так, словно привык, что его превосходят по численности. Он также дрался так, как дрался бы мужчина намного меньше его, намного слабее его, и намного медленнее его. Фактически он дрался так, словно ожидал, что проиграет.

Парадоксально, но это давало ему огромное преимущество.

И все же сейчас обстоятельства складывались не в его пользу.

Несколько людей Балидора уже приближались к нему, тогда как сам Балидор выкрикивал приказы со стороны.

— Нет, черт бы вас подрал! Не причинять ему вреда! Просто нейтрализуйте! Накачайте наркотиками, если придётся, но не позволяйте ему уйти!

— Иисусе, — пробормотал Джон и взглянул на Касс. — Ты посмотри на его лицо.

Он не замечал Дорже по другую сторону от Касс, пока видящий не заговорил.

— Да, — мрачно произнёс он. Заметив на себе взгляд Джона, он сказал: — Это правда, что вы двое были там? Сегодня. При заявлении прав.

Касс наградила Дорже тяжёлым взглядом.

— Типа того, — её голос звучал с открытой едкостью, когда она скрестила руки, приподнимая ими свои груди. — Они накажут Ревика, если он навредит Мэйгару? — спросила она. — А что, если я наврежу Мэйгару вместо него?

Дорже посмотрел на неё. Его лицо сделалось белым и серьёзным.

— Они говорят, что когда Мэйгар сделал это, Дигойз искал место, чтобы высказать ей свою просьбу.

— Не знаю, что это означает, — отмахнулась Касс. — Я хочу знать, почему они пытаются остановить Ревика. Почему просто не отпустить его?

Дорже перевёл взгляд с лица Касс на Джона, широко раскрыв глаза.

— Они пытаются защитить его душу! Сказать ему, что они должны показать ему, что сделал Мэйгар. Если Дигойз сегодня никого не убьёт, это будет прямо-таки чудо.

Касс издала злой звук, снова переводя взгляд на сцену во дворе.

Джон поймал себя на том, что невольно думает о словах Дорже.

Секунды спустя он совершенно забыл про них, когда увидел, что по другую сторону от Дорже протолкнулся Йерин и целеустремлённо направился во двор.

Иисусе. Неужели Йерин действительно настолько тупой? Если они на самом деле покажут Ревику, что случилось, он совершенно точно посчитает Йерина сообщником.

Джон потянулся, чтобы поймать видящего за руку, но Йерин увернулся от ладони Джона и его взгляда.

— Йерин! — резко произнёс Джон. — Не надо! Дай ему остыть!

Йерин повысил голос, обращаясь к Ревику.

— Ты рискуешь нарушить правила своего наказания! — сказал Йерин. — Тебе запрещено драться, за исключением выполнения служебного долга!

— Говнюк, — пробурчала Касс, крепче скрещивая руки.

— Ты хотела сказать «идиот», — отозвался Джон. — Ему ж голову оторвут.

— Может, и нет, — сказала Касс.

Она показала вперёд, на дворик, и Джон проследил за её жестом.

Он наблюдал, как четверо людей Балидора сумели схватить Ревика за руки и горло. Используя коллективный вес, они сумели поставить его на колени, затем плашмя уложить на грудь. Резко приземлившись в грязь, Ревик издал низкий звук, затем лёг на живот. Его руки оказались заведены за спину, ноги прижаты к земле, и он хрипел — видимо, падение выбило весь воздух из лёгких.

Касс напряглась, стискивая пальцы Джона.

— Дигойз! — Балидор опустил на колени возле его головы. —

Дигойз! Успокойся! Прошу, друг мой! Постарайся отстраниться от этого!

Ревик боролся с ним, мышцы его рук и груди напрягались.

Джону он все ещё казался худым после плена у Териана. Мышцы на руках, казалось, вот-вот порвут кожу. Ревик стал сопротивляться ещё сильнее, пытаясь высвободиться, а затем перевернуться набок, чтобы использовать ноги. Он сумел отвесить один удар перед тем, как его руку снова поймали и завели за спину.

Джон вздрогнул, когда они застегнули оковы на его запястьях.

— Эй! — завопил Джон прежде, чем осознал своё намерение. В его голосе прозвучала злость. — Какого хрена? Как он оказался плохим парнем во всей этой ситуации?

Балидор обернулся к нему, и на его лице отразилось открытое изумление.

— Он — не плохой парень, Джон, — ответил он. — Это для его же защиты.

— Хрень собачья! — громко заявила Касс. — Все это *хрень собачья!*

Балидор колебался, но не ответил.

Теперь Ревик смотрел на всех них — на видящих, во всяком случае. Его взгляд останавливался на лицах тех, кого Джон видел в толпе, наблюдавшими за Мэйгаром и Элли. Взгляд его глаз оставался прямо-таки пугающим. Его выражение не изменилось и тогда, когда его взгляд переместился к видящим вокруг него.

— Отпустите меня, — хрипло сказал Ревик.

— Дигойз! — Йерин подошёл ближе. — Успокойся!

— Боги, я убью вас, если вы меня не отпустите... — его голос сорвался.

Джон крепче стиснул руку Касс.

В нем взбурлили эмоции, застав его врасплох. Он смотрел на мужчину на земле и ощущал такую беспомощность, какой не чувствовал со времён плена у Териана.

До сих пор Джон не осознавал, что Ревик не просто зол; он убит

горем, полон отчаяния и буквально опустошён. Зная его, он наверняка ощущал вину. Но главная эмоция, которую видел Джон — это страх. Ревик буквально обезумел от страха.

— Брат... — начал Балидор.

— Отпустите меня! Я не нарушал никаких законов!

— Дигойз! — Йерин присел перед ним на корточки.

Когда Ревик не посмотрел на него, видящий отвесил ему пощёчину, заставив Джона и Касс вздрогнуть. Йерин вновь ударил его — так сильно, что заставил Ревика посмотреть на него. Лицо Ревика изменилось. Джон видел, как режим охотника вновь включился в работу. Он перестал сопротивляться удерживавшим его видящим и прищурился, уставившись в лицо Йерина.

— Брат, пожалуйста! — взмолился Йерин. — Успокойся!

Последовало молчание. Затем Ревик кивнул.

— Ладно, — его голос сделался тихим. — Я слушаю.

Он почти полностью расслабил своё тело.

— Нет! — завопил Балидор на остальных. — Не ведитесь! Держите его!

Ревик рванулся из их рук, и на мгновение четырём видящим пришлось изрядно потрудиться, чтобы удержать его. Йерин повалился назад, а Джон посмотрел на Касс, которая обеими руками стискивала его ладонь.

Она выглядела разъярённой, но в то же время плакала. Слишком больно было вновь видеть Ревика в оковах.

Как только они взяли его под контроль, Йерин снова устроился перед Ревиком.

— Дигойз! — он повысил голос. — Мы пытаемся тебе помочь! Тебе нужно прекратить! Немедленно! Ты ведёшь себя безрассудно...

— Йерин, во имя богов, — вмешался Балидор.

Йерин упорно сосредоточился на одном Ревике.

— Мы не навредим твоей паре! — сказал он. — Мы ищем её. Прямо сейчас. Мы уже послали каждого свободного члена Адипана!

Ревик отреагировал так, словно кто-то пырнул ножом его в

грудь.

— Нет! — в его голосе отразилась боль, которая становилась лишь сильнее, пока он боролся с оковами. — Нет! Отзовите свою охоту! Я не причиню ему вреда... обещаю! Пожалуйста! Пожалуйста, боги... снимите с меня оковы. Позвольте мне найти её!

— Отпустите его! — зло закричала Касс. — Иисусе... ну вы и *мудаки!*

Раздался голос Ревика.

— Балидор, пожалуйста! Ты не имеешь права удерживать меня, я не сделал ничего...

— Дигойз! — Балидор стиснул его плечо. — Мы не навредим твоей паре! Не будет никаких попыток заявить права. Обещаю тебе! И не только со стороны моих людей. Вэш это запретил. Он аннулировал любое право на повторное притязание.

Ревик не переставал бороться, и до Джона дошло, что он действительно убьёт себя, если они его не отпустят. Он шагнул ближе, когда Ревик кинулся на видящих, которые его удерживали. Он сумел ударить одного в лицо затылком. Кровь из сломанного носа видящего залила его рубашку.

— Иисусе. Прекратите! — заорал Джон, разозлившись не меньше Касс. Кто-то схватил его за руку.

Повернувшись и увидев Дорже, он наградил видящего сердитым взглядом.

— Не приближайся! — сказал Дорже. — Йерин прав! Он сейчас не в себе!

Джон спросил:

— Почему они просто не отпустят его, чтобы он сумел её найти?

Кожа Дорже натурально побелела.

— Потому что он может убить каждого видящего, который сегодня стал свидетелем заявления прав! — сказал он. — Не только Мэйгара — *всех!*

— И в каком месте это *плохо...*? — рявкнула Касс.

Видящий со сломанным носом повернулся к Балидору.

— Сэр. Мы должны ввести ему наркотики. Мы не можем больше ждать.

— Нет, — сказал Балидор. — ещё нет. Дайте ему минутку!

Джон собирался снова завопить, когда на его разум из ниоткуда начало просачиваться спокойствие. Не откровенная ментальная смирительная рубашка, как ранее с Мэйгаром и его друзьями, но это чувство определённо происходило откуда-то извне.

Балидор манипулировал конструкцией. Он и его видящие пытались достучаться до Ревика через его свет, успокоить его... и скорее всего, опровергнуть в его сознании образы того, как мужчины Адипана насилуют Элли в лесах.

Йерин оставался перед ним.

— Я сожалею, брат, — теперь в его голосе звучали эмоции. — Ты прав. Ты не нарушал никаких законов. Но ты рискуешь нарушить условия своего наказания, — когда Ревик сощурился, Йерин понизил голос. — Мы лишь отслеживаем её. Никому не разрешено приближаться. Никому. Все поклялись. И эта клятва не будет нарушена. Она в безопасности, Дигойз.

Ревик расхохотался. Джон почувствовал, как от этого звука у него сдавило горло.

— Мы тебе не враги, брат, — сказал Йерин.

— В этом ты ошибаешься, — произнёс Ревик.

В темных глазах Йерина отразилась боль.

— Я сожалею, что у тебя возникли такие чувства, брат.

— Да иди ты нах*й, — голос Ревика зазвучал яснее. — Все вы нах*й идите. Я забираю её отсюда! Сегодня же.

Йерин показал отрицательный жест.

— Ты не можешь уйти с ней. Этот запрос официально отклонён. Она — Мост. Твои права не распространяются...

— Мои *права*? Осторожнее, Йерин. Я посмотрю, не смогу ли между делом немного обучить её телекинезу. А потом мы поговорим о «правах».

— Мы *можем* отказать тебе в этом, Дигойз, — тон Йерина

смягчился. — И ты ошибаешься. Я ощущал, что мои руки связаны законом, но не думай, что мне было все равно.

Он поднял руку к лицу Ревика, но Ревик резко отдернулся.

Йерин отвёл пальцы, в его глазах стояла боль.

— Я понимаю, брат. Все мы понимаем. Но ты связан с *Мостом*. Ты не можешь уехать с ней. Совет дал разрешение вам двоим провести предварительные обсуждения вашего брака, как вам того захочется. Конечно, будет наблюдение за конструкцией, но...

— Нет. Ни за что...

— Мы прямо сейчас работаем над протоколами безопасности, — продолжил Йерин, точно Ревик ничего не говорил. Его тон оставался официально вежливым. — Если ты не примешь эти условия, нам придётся разлучить тебя с твоей парой, пока ты не образумишься.

Он щёлкнул пальцами перед лицом Ревика, заставив эти бледные глаза посмотреть на него.

— Компромисс, Дигойз, — сказал он. — ...Это рациональный выбор.

На протяжении долгого мгновения Ревик просто лежал там и тяжело дышал, словно стараясь контролировать себя. Джон посмотрел на Касс, которая теперь выглядела ещё сердитее. Она пристально смотрела на Йерина так, точно тот был Антихристом.

Когда Ревик заговорил вновь, его голос звучал жёстко. Он посмотрел на Балидора.

— Мэйгар. Он жив?

Балидор взглянул на Йерина, затем сделал утвердительный жест.

— Пока что да.

— Он в сознании?

Балидор вздохнул. В отличие от Йерина, за симпатией в его глазах Джон видел настоящее понимание.

— Какое это имеет значение, брат? — спросил он.

Ревик стиснул челюсти, отчего очертания его лица изменились.

— Потому что я хочу, чтобы этот мудака был в сознании, когда я забью его насмерть голыми руками, — сказал он.

Воцарилось молчание.

Затем Балидор расхохотался.

После небольшой паузы Ревик тоже засмеялся.

На несколько секунд, во всяком случае, его смех казался почти искренним. Некоторые из двадцати с чем-то видящих тоже посмеивались, пока Ревика все ещё наполовину придавливали четверо самых крупных, вминая его грудью в грязь. Когда Джон с неверием уставился на Касс, она лишь закатила глаза, скрестила руки на груди и бросила на него взгляд, который говорил ему «Ох уж эти мужчины!»

Но когда смех стих, взгляд Ревика прояснился.

Ощутив перемену, Балидор подбадривающе похлопал его по плечу, тихо щёлкнув языком.

— С ней все хорошо, брат, — сказал он. — Тебе послали благословение в виде крепкой пары. Воительницы, — он усмехнулся, снова похлопав его по плечу. — Видел бы ты, как полетел этот мелкий кусок дерьма, — дождавшись, когда Ревик взглянет на него, Балидор рукой описал в воздухе дугу.

— ...Бдыщ! Как жука прихлопнула.

Ревик не ответил. Джон видел, как он закрыл глаза перед тем, как кивнуть.

Йерин по другую сторону от Ревика заговорил, как будто не замечая того факта, что Балидор наконец достучался до него.

— Будет слушание по поводу обоснованности заявления прав Мэйгаром, — сказал он. — Он нарушил несколько законов, о которых я не знал в тот момент — подстроил место для своей попытки. За это он будет наказан, — он сделал рукой жест «более-менее». -...Если он выживет. Но ты не можешь посягать на его жизнь, Дигойз. Ты наказан, и... — умолкнув, Йерин пожал плечами. — Судя по всему, он действовал в пределах своих прав. Формально.

— Формально, — Ревик наградил его пристальным взглядом.

— Во имя любви к богам, Йерин, — произнёс Балидор.

— Она должна была знать закон, — сказал Йерин. — Если бы ты

обучил её, брат, она могла бы знать, как избежать такой ситуации...

Ревик ринулся вперёд, умудрившись застать разведчиков Адипана врасплох.

Он всем своим весом боднул Йерина в лицо, отчего тот плашмя шлёпнулся на землю.

Четверо видящих, удерживавших Ревика, снова заполучили контроль над ним и поставили на ноги. Джон немного подпрыгнул, когда они с размаху усадили его на каменную лавку.

По кивку Балидора другой видящий силой вонзил иглу шприца в его шею, пока Ревик пытался освободиться. Как только поршень выдавили до упора, четыре видящих утащили его к двери, но Ревик все равно успел отвесить несколько пинков валявшемуся на земле Йерину.

В глазах Балидора все ещё светилась злость, когда он оттащил Йерина в сторону.

Отпустив его руку, он бросил на него полный отвращения взгляд, а затем посмотрел на зевак.

— Кто-нибудь, приведите брату Йерину медика. Немедленно.

Джон и Касс подвинулись в сторону, когда Ревика затащили в главную постройку лагеря. Джон уже видел действие наркотика в том, как двигался Ревик. Что бы они ему ни вкололи, действовало это быстро.

И все же он бросил на Джона и Касс быстрый осматривающий взгляд, пока его протаскивали мимо и волокли к двери подвала.

Его глаза уже начинали стекленеть, но Джон поймал себя на мысли, что теперь он понимает, что имел в виду Дорже.

Наверное, будет лучше для всех, если Ревик какое-то время побудет в отключке.

Глава 11

Завербованный

Ревик проснулся один, в тускло освещённом пространстве. Его голова болела так, словно череп готовился разорваться на части. Он едва мог открыть глаза.

Они накачали его наркотиками.

Он посмотрел по сторонам, стараясь сфокусировать взгляд.

Они приковали его к стене в одной из монашеских камер из кирпича и раствора.

Поза казалась знакомой во многих отношениях.

Немного поэкспериментировав, Ревик обнаружил, что они оставили ему достаточно свободы действия, чтобы опереться руками на стол, который они поставили между ним и дверью. Он мог лежать, писать, рисовать, даже неуклюже частично раздеться, если бы у него возникло такое желание. Возможно, ему даже хватит свободы действий, чтобы швырнуть в одного из них стол, если он уж совсем постарается.

Они сковали его лодыжки, предусмотрительно поставили в углу ведро. Они оставили ему воду, бумагу, ручки, которые бесполезны против полу-органических оков, несколько книг, которые, должно быть, взяли из комнаты Элли.

Они не ограничили его свет, по крайней мере, так что следующий бог-знает-сколько-длящийся промежуток времени Ревик провёл в Барьере. Он не переставал искать её даже тогда, когда поднялся, чтобы облегчиться в ведро, которое они ему оставили.

Он не мог её найти.

А значит, либо кто-то её поймал, либо она не хотела, чтобы её нашли.

Ревик знал, что должен сильнее беспокоиться из-за первого варианта, но сильно подозревал, что на самом деле правдив второй вариант.

Он не мог выбросить из головы слова, которые Мэйгар сказал

ему в Каире... или образы, которые он уловил от других видящих, когда они объясняли, что этот *jurekil'a dule'ten* ублюдочный щенок-грязнокровка сделал с ней. Может, она в ярости на него. Зная её, она могла решить, что он тоже будет злиться на неё. Она может стыдиться.

Какими бы ни были её причины, Ревик все сильнее нервничал, потому что час спустя так и не смог её почувствовать. Он попытался послать сигнал, позвать её, урезонить своим светом, извиниться.

Он не получил ответа. Ничего.

Он вообще не выходил из Барьера до тех пор, пока дверь в его камеру не открылась.

Отключившись, Ревик резко сосредоточился на посетителе.

Не то лицо, которого он ожидал.

Балидор стоял, положив руки на бедра и критически осматривая его.

— С тобой все хорошо, брат? — спросил он.

Ревик думал, что это будет Вэш. И все же он расслабился, просканировав старшего видящего. Он не чувствовал в нем никаких мрачных новостей. У него не было никаких претензий к лидеру Адипана. Он хотя бы пытался их остановить.

— Нормально, — в его голосе не прозвучало ни капли стыда, когда он добавил: — Я голоден. И я пописал вон туда, — он кивнул в сторону ржавого ведра. — Так что пожалуй, ты не захочешь подходить слишком близко.

Балидор прошёл дальше в комнату. Он жестом показал охраннику позади него разобраться с ведром в углу.

— Хорошо, — сказал он. — Я тоже голоден. Я попрошу принести ужин для нас обоих.

Когда Ревик приподнял бровь, Балидор лишь окинул взглядом небольшую камеру.

— Плачевно... это место, имею в виду, — добавил он, чтобы Ревик не понял неправильно. — Надеюсь, ты знаешь, что узы — это знак уважения. Я знал, что ты можешь выбраться, если я оставлю твои руки или, возможно, хотя бы твои ноги свободными. Я не хочу,

чтобы ты встрял в проблемы из-за случившегося сегодня.

Он встал над стулом напротив Ревика, пожав одним плечом.

— Они простят тебя, когда ты явно был вне себя. Но я знал, что когда к тебе вернётся рассудок, это тебя не остановит. Меня бы не остановило.

Он вновь поколебался, когда Ревик ничего не сказал.

— Я хотел бы сообщить тебе последние новости по поискам, — добавил Балидор. — И сообщить тебе, что мы совершили открытие. Даже несколько.

— Где моя *жена*, Балидор?

Тот поднял ладони в примирительном жесте.

— С ней все хорошо, брат.

Очевидно, отчаявшись дожидаться приглашения, Балидор отодвинул стул и сел, положив руки на покоровившееся от влаги дерево.

— Мы нашли её примерно час назад. Она в полной безопасности. Она с Тарси.

— Тарси? — напряжение Ревика уменьшилось совсем чуть-чуть. — Как она нашла Тарси?

Балидор понимающе пожал плечами.

— Думаю, все было наоборот. Тарси заявляет, что она услышала девочку «за мили»... назвала нас всех собаками. Она устроила Вэшу настоящий нагоняй, по правде говоря. Сказала, что он воспитал себе сына-робота, что ему ещё шесть сотен лет назад надо было убрать этот древний закон из книг. Вэш сказал мне, что никогда не видел её в таком гневе.

Ревик фыркнул. Положил скованные руки себе на колени.

— С ней все хорошо? С Элли.

— Она в порядке.

Ревик поёрзал на сиденье. После небольшой паузы он бросил на лидера Адипана неловкий взгляд.

— Она хочет меня видеть? — спросил он.

— Не знаю, — виновато ответил Балидор. — Никто не говорил с ней, только Тарси. Сама Тарси заявила, что у неё с Мостом есть важное дело, и потребовала, чтобы никто не приходил искать её и не говорил с ней, пока она не даст разрешение, — помедлив, он добавил: — Включая тебя, брат мой. Я сожалею.

В ответ на молчание Ревика Балидор пожал плечами и развёл руками.

— Что мы могли сделать? Это же Тарси. Мы послали охрану...

Ревик резко взглянул на него.

— ...Чандрэ, — закончил Балидор, поднимая ладонь. — Она не присутствовала при заявлении прав, так что Мост с наименьшей вероятностью отошлёт её обратно. Не считая очевидных причин.

— Где она была? Ранее сегодня днём?

Балидор озадаченно посмотрел на него. Затем его взгляд прояснился.

— Чандрэ. Да, она упоминала, что ты назначил её охранником на время своего отсутствия. Мэйгар, должно быть, предвидел это. Он накачал её наркотиками. Она провела в отключке шесть часов.

Ревик лишь кивнул, но почувствовал, что его мышцы вновь напряглись.

За Балидором открылась дверь.

Вошли два видящих, которых Ревик смутно узнал, и принесли накрытые подносы. До него дошло, что они, наверное, тоже из Адипана.

Он ощутил лёгкий укол нервозности и снова взглянул на Балидора.

Сидевший перед ним мужчина был, пожалуй, лучшим разведчиком из всех, что имелись у видящих по обе стороны. Если он что-нибудь задумал, Ревик никогда бы не узнал. Даже учитывая то, кем была Элли, использование верхушки пищевой цепочки для охраны и кормления пленника, замешанного в домашней ссоре — это практически крайность.

Ему в голову пришло задаться вопросом, что теперь, когда Элли пропала, а информация, которая у него имелаась на Шулеров, уже

использована...

Балидор резко хлопнул по столу ладонью.

— Нет! — сказал он. — Исключено.

Ревик бросил на него настороженный взгляд.

— Я не хотел обидеть, брат, — сказал он.

— Я не обижен. Но ты ошибаешься относительно моих намерений, — он улыбнулся. — И, с твоего позволения... ты немного параноик, — его улыбка сделалась ещё шире. — Может, даже не немного. Но ты честно подходишь к делу.

Балидор подождал, пока два видящих закончат расставлять подносы с едой. Они убрали деревянные крышки и бесшумно вышли из камеры.

— Не все здесь желают тебе вреда, — добавил Балидор, поднимая палочки для еды, как только дверь закрылась. — Не все мы в равной мере невежественны. Я знаю, что ты сделал для нас, внедрившись в ряды Шулеров. Я знаю, что твоя супруга получила от тебя порядок преемственности... после того, как ты пожертвовал тридцатью годами своей жизни и многим другим, чтобы получить эти данные, — он помедлил. — Не думай, что мы все — твои враги, Ревик. Напротив. Некоторые из нас бесконечно восхищаются тобой.

Благословив пищу быстрым жестом руки, он набрал палочками зелень и глотнул густого молочного чая.

Балидор добавил:

— Я все же задаюсь вопросом, почему ты не позволил Вэшу посвятить остальное наше сообщество в то, какую роль ты сыграл в событиях прошлого года...?

— Нет, — Ревик сделал тот же жест рукой над своей едой, копируя его поведение по привычке, хотя не делал этого годами. Он пальцами разломил кусочек курицы карри. — Со всем уважением, но нет. Я бы предпочёл, чтобы это осталось между нами. Уверен, Вэш имел причины рассказать тебе...

— Нет, — сказал Балидор. — ...Он не рассказывал. Я тренировал тебя для этого задания.

Он улыбнулся, увидев удивление Ревика.

— Не беспокойся, — добавил он. — Я никому не говорил, даже собственным людям. Ранее это был вопрос безопасности. Позднее Вэш предупредил меня, что ты не хотел, чтобы эти сведения распространились, — наблюдая, как Ревик ест, Балидор добавил: — Однако я все же задаюсь вопросами. Разве твоё положение здесь не улучшилось бы, если бы стало известно, что ты примкнул к Шулерам не как предатель, а как воин за своих людей? Это как минимум сделало бы легальным твоё ухаживание и брак с Мостом.

— Нет, — сказал Ревик, тихо щёлкнув языком. Он прожевал, затем проглотил. — Если рассказать им, это не улучшит моё положение здесь. Или, — поправился он. — Полагаю, это зависит от того, что ты имеешь в виду под «улучшить». С моей точки зрения ничуть не лучше, если те, кто с наслаждением презирал меня последние сорок лет, внезапно захотят позвать меня к себе на ужин.

Когда Балидор в открытую засмеялся, Ревик пожал плечами.

— Полагаю, я обязан предоставить Элисон определённый уровень цивилизованности, — добавил он. — Но ни один из них все равно не притворяется, будто я им нравлюсь, так что я сомневаюсь, что причиню вред её социальной репутации, если буду оружием отваживать карьеристов и оппортунистов с нашей собственности.

— Действительно, — Балидор снова рассмеялся. — И хорошо. Это делает мою работу проще.

Ревик помедлил, не донеся палочками до рта пучок зелени. Он закончил движение, прожевал и проглотил.

— И что это за работа? — спросил он.

— Вербовка тебя, мой юный друг. Я бы хотел, чтобы ты присоединился к Адипану.

Ревик замер на середине укуса. Он уставился на Балидора, прокручивая в голове его слова и все равно не веря. Адипан почти никогда не вербовал взрослых видящих. Ревик был бы вне себя от счастья, если бы его удостоили такой чести хоть год назад — и тем более десять лет назад.

Теперь это казалось немного подозрительным, учитывая то, кем была его жена.

Балидор отправил себе в рот порцию еды, прожевал, проглотил, и только тогда продолжил.

— Ты, конечно, не вспомнишь это, — сказал он. — Но годы назад ты заключил со мной сделку, что как только твой срок с Шулерами закончится, ты примкнёшь к нашему отряду. Я планирую поймать тебя на слове, помнишь ты это или нет. Было бы куда проще держать твою причастность в секрете, если все считали бы тебя ненадёжным. Или, как минимум, склонным к подкупу.

— Всех можно подкупить, — сказал Ревик.

Он все ещё настороженно смотрел на Балидора.

Приподняв бровь, Балидор улыбнулся и пожал одним плечом.

— Может быть, — признал он. — Но я обсудил это с Вэшем, и он согласен с моей оценкой тебя. Теперь, когда ты завершил своё задание по охране Моста, я бы хотел, чтобы ты присоединился к нам. При условии, что ты не станешь возражать.

Его взгляд посерьёзnel.

— И на этой ноте, у меня есть немедленная вакансия. Работа, с которой я бы очень хотел получить твою помощь для своей команды, — Балидор помедлил, набрав полный рот овощей. Прожевав, он запил все чаем.

— ...То есть, прямо сегодня. Это тебя не затруднит.

Ревик уставился на него.

Затем он издал краткий смешок, позволив цепям громко стукнуть по столу.

— Работа, да? Как интересно.

— Я знаю, это скорее всего выглядит спланированным, друг мой. Уверяю тебя, это не так.

— Серьёзно? — Ревик прислонился к стене. — Так это должно меня отвлечь? Или просто вывести из лагеря на законных основаниях?

— Ни то, ни другое, — Балидор улыбнулся. — Хотя, возможно, мне приходила в голову мысль, что сейчас тебе не помешает отвлечься. Тарси говорит, что твоя жена пробудет у неё минимум неделю. Все, о чем я прошу тебя — это несколько дней. Я подумал, что момент весьма удачный.

Ревик фыркнул.

— Для тебя — возможно.

Балидор не засмеялся.

— Вообще-то нет. Это не ради меня. Я приглашаю тебя отнюдь не на приятную экскурсию. И я не хочу приуменьшить важность положения, в котором ты находишься. Уверяю тебя, по времени просто так совпало. В критический момент я столкнулся с нехваткой людей, и это та область, в которой ты уже продемонстрировал свои умения.

Балидор наклонился к столу, поставив локти по обе стороны от тарелки.

Видя, что Ревик раздумывает над его предложением, он добавил:

— Я оставляю кое-кого из своих людей в лесах, как подкрепление для Чандрэ, если хочешь, — он поколебался. — Исключительно женщин, если ты предпочтёшь такой вариант. На меня работает больше людей, чем я показываю публично.

Ревик взглянул на него, затем кивнул.

— Спасибо.

— То есть, ты сделаешь это?

Ревик поколебался. Посмотрев в окно камеры, он подавил реакцию в своём свете. Мысль о том, чтобы оставить её там, причиняла боль, пусть он и не мог увидеться с ней. После того утра будет ещё хуже... даже если не считать поступка Мэйгара.

Но лидер Адипана лично просит его об услуге. Ревик уже сказали, что не позволят увидеться с ней, даже если он останется здесь.

Черт, да он даже не знал, хотела ли она его видеть.

Если он останется здесь, они могут и дальше держать его взаперти.

Логика попыталась утвердиться, но по его *aleimi* курсировала боль, отчего становилось сложно думать. Ревик почувствовал, как Балидор отстраняется, давая ему некоторую свободу.

Однако в итоге здравый смысл привёл его к тому же заключению.

Взглянув на Балидора, Ревик переместил свой вес на стуле и кивнул.

— Ладно.

— Хорошо. Тогда договорились, — Балидор положил салфетку. — Я должен оставить тебя в оковах, пока самолёт не взлетит. Но затем, если пообещаешь не угонять моё транспортное средство, ты будешь свободным мужчиной.

Он поднялся на ноги, и Ревик уставился на него, все ещё держа палочки для еды.

Лидер Адипана скрестил руки на груди.

— Ты будешь готов через полчаса? Один из моих людей упакует для тебя сумку.

— Куда мы отправляемся? — спросил Ревик.

— Сикким, — сказал Балидор.

Через два часа Ревик уже приближался к небольшой грунтовой взлётно-посадочной полосе, сидя в выдавшем виды американском седане. После полуторачасовой поездки через горы и человеческий город Дармсала, машина, в которой он ехал с двумя людьми Балидора из Адипана, съехала с главной дороги чуть южнее человеческого аэропорта. Она попрыгала по передней дороге до второго поля за обширной полосой банановых деревьев.

Заехав через автоматические ворота в отгороженный сегмент, водитель дал по газам и быстрее поехал к взлётно-посадочной полосе, пока два других видящих запирали за ними ворота.

Седан остановился перед древним и ветхим с виду русским военным транспортным самолётом Ил-14.

Покосившись на двух видящих, Ревик ответил на их вежливые кивки таким же кивком.

Когда они открыли перед ним дверь, он вышел из машины, все ещё держа перед собой связанные руки. Когда старший из двух

видящих показал ему на открытую дверь самолёта, Ревик пошёл напрямик к металлическому трапу и начал подниматься.

Он помедлил всего один раз, чтобы посмотреть на поцарапанные крылья самолёта. Слегка нахмурившись при виде древних винтовых двигателей и следов от пуль на металлической обшивке, Ревик вошёл в овальную дверь.

Пригнув голову, он подождал, когда глаза привыкнут к отсутствию света, и поискал Балидора. Лидер Адипана пока что был один в самолёте, так что Ревик прошёл по проходу и плюхнулся на сиденье рядом с ним.

— Новый самолёт найти не мог? — спросил он.

Балидор покосился на него, и на его губах играла лёгкая улыбка.

— Мы считаем, что эти древние модели с меньшей вероятностью вызовут вопросы, — он приподнял бровь. — Ты же не боишься летать, а, брат?

Ревик выставил свои скованные руки на сиденье перед ним.

— Боюсь? Нет. Насторожен, когда приходится летать на штуках, по которым я стрелял ещё шестьдесят лет назад? Да.

Балидор рассмеялся, мельком обернувшись на остальных, которые поднимались на борт.

— С тех пор мы несколько раз делали ремонт.

Ревик взглядом проследил за тем, как ещё семеро видящих прошли через ту же дверь. Они разместились на тридцати с лишним местах в салоне самолёта.

Двое из них оказались мужчинами, которые везли его из Сиртауна. В дороге они вели себя достаточно дружелюбно, разговаривали с ним о работе, которую они проделали по выслеживанию тел Териана, а также о статусе человеческой войны.

И все же коллективный настрой группы нервировал Ревика. Они не смеялись, не шутили, даже не вели себя так, будто они на работе. Все они казались мрачными, даже эмоциональными. Пелена нависла над отрядом, хоть они и закрывались щитами крепче, чем любая группа видящих, с которой Ревик когда-либо имел дело.

Все, за исключением одной, были мужчинами, и насколько мог

сказать Ревик, все они старше него, а самому молодому после него было как минимум триста лет.

Единственная женщина прошла по проходу и села рядом с Грентом — единственным видящим во всем самолёте, с которым Ревик до сегодняшнего дня обменялся хоть парой слов. Заметив взгляд Ревика, Грент помахал ему в знак приветствия. Затем он посмотрел на женщину, и выражение его лица сменилось с печали на улыбку, когда она наклонилась, чтобы поцеловать его, приласкать его щеку рукой, а затем вновь поцеловать его.

Затем Ревик заметил характерный знак, вплетённый в структуру *aleimi* над головами обоих.

Супруги. Интересно.

Ревик осознал, что его разум возвращается к Элли, и сосредоточился на Балидоре.

— Так что это такое? — спросил он. — Куда мы направляемся?

Все веселье Балидора тут же померкло. Он бросил на Ревика мрачный взгляд.

— Расследовать массовое убийство. Своеобразная бомба. Даже несколько, на самом деле. Урон просто феноменальный. Погибли сотни.

Ревик кивнул. Однако он не понимал. Это не объясняло настроения в группе.

— Видящие? — спросил он, взглянув на остальных.

— Дети, — мягко сказал Балидор. — ...Это были дети.

Воцарилось молчание. Ревик ощутил узел, скрутивший его грудь. Вместо того чтобы ослабнуть, он со временем сжимался лишь сильнее, словно кто-то схватил его за лёгкое и сжал голый рукой.

— Дети-видящие, — произнёс он. И это не был вопрос.

— Да. Минимум пять сотен. Может, даже семь.

Ревик ощутил головокружение. На мгновение он замер и не шевелился.

— Семь сотен, — его голос звучал словно издалека. — Это подтвердилось?

Балидор кивнул.

— У нас есть фотографии из новостей. Подпольных, само собой. Ни одна из человеческих новостных станций не транслирует это — по крайней мере, пока что. Мы получили информацию от оперативника в Дарджилинге. Некоторые из выживших бежали туда. У нас есть любительская съёмка от команды, которая их подобрала.

— Источник? — спросил Ревик.

Балидор махнул рукой в сторону.

— Неизвестен. Ни одного из идентифицированных тел Териана не находилось поблизости. Они все на счету... те, о которых нам известно, само собой.

Балидор колебался.

— Существует масса других потенциальных подозреваемых, — добавил он. — В данный момент мы подозреваем месть. В нескольких рабских лагерях под управлением Шулеров случались подобные инциденты, когда мы только начали их освобождать сразу после крушения Пирамиды. Убивают остаток товара, так сказать... в данном случае до того, как их успели идентифицировать через торговые пути и доставить на нашу сторону, — Балидор поджал губы. — ...Мои видящие могли стать причиной этого. Ненамеренно, конечно же. Мы только начали исследовать эту зону на предмет слухов о школе.

— Иисусе, — произнёс Ревик по-английски.

Вытерев лицо одной рукой, он посмотрел в окно, когда заработали винтовые двигатели.

Видящий в хвосте самолёта закрыл дверь с всасывающим звуком. Ревик наблюдал, как он запирает её на засов. Затем он пристегнулся в кресле, когда самолёт покатился по грунтовой взлётной полосе.

Глава 12

Дети

Тарси шла бок о бок со мной по крутой лесистой тропе. Она не отходила далеко, но позволяла мне самой воспринять запись на её портативном устройстве.

Глядя на изображения миниатюрных изломанных тел, показанных во всей красе и всех тошнотворных деталях плоти без аватара, я ощутила свежую волну тошноты и осознала, что впервые в жизни вижу детей-видящих.

В эти дни беременные видящие обычно отсылались сразу же, как только становилось известно об их положении. Дети-видящие рождались в тайне и отправлялись в школы, организованные как монастыри, вдали от любых официальных поселений. Те из них, которые не управлялись Шулерами, находились глубоко в горах, чтобы помешать работоторговцам, и их усиленно охраняли отряды со специальной подготовкой, которых Адипан называл *Lokapaala*. Это переводилось примерно как «Стражи Мира».

Все это казалось мне немного излишним, пока Вэш не объяснил мне, что каждый здоровый ребёнок, которого обучили работе со светом и «сделали послушным», на чёрном рынке стоило 100–500 тысяч евро. Ещё больше, если они попадали в одну из редких категорий по цвету кожи или рангу видящих, или обладали одной чертой из нескольких дюжин предпочтительных черт — или комбинацией таких черт.

Среди торговцев видящими преобладало убеждение «чем моложе, тем лучше». Девочки стоили дороже мальчиков из-за репродуктивных способностей и якобы «сравнительной покорности» — хотя последнее, честно говоря, казалось мне смехотворным после встречи со знакомыми мне женщинами-видящими. Секс практически всегда выступал значимым фактором при крупных сделках. Большинство покупателей по-прежнему составляли мужчины.

Я прикрыла глаза, вдыхая холодный воздух.

Я невольно гадала, сколько же их осталось. В целом, имею в виду. В настоящее время в живых осталась треть всех детей-

видящих? Пятая часть? Десятая часть? Половина?

Комплекс, где произошла массовая бойня, расположен в горах Сиккима, княжества на дальнем северо-востоке Индии. Он называл себя «школой», но записи, которые я видела, показывали камеры сенсорной депривации, ошейники, оковы, железные решётки и признаки проживания в экстремально тесных условиях.

Там содержалось минимум 1100 детей в возрасте от 5 до 25 лет.

Значит, некоторые были совсем маленькими детьми.

После приезда в Индию я кое-что узнала о видящих и их детях. К примеру, видящие не так просто обзаводились детьми, как люди. Дети для них были серьёзным делом ещё до работорговли после Второй Мировой Войны.

На то существовало несколько причин. Непропорционально высокое количество взрослых видящих были совершенно стерильны. К тому же, видящие не могли обзавестись потомством до взрослого возраста — минимум несколько сотен лет.

Теперь, когда продолжительность жизни для всех видящих в целом сократилась, дети-видящие считались объектом общественного интереса. Большинство дипломатических битв, которые вела Семёрка, так или иначе касалось безопасности детей.

Мэйгар как-то раз сказал мне, что детей даже хоронили в гробах взрослого размера.

Я протянула портативное устройство обратно Тарси.

— Мне нужно вернуться?

— Нет, — сложив органический монитор, она сунула его в сумочку, которая висела на ремне, пересекавшем её тело. Она пожала одним плечом на манер видящих.

«Пока что нет. Туда отправится Адипан».

Кивнув, я посмотрела на деревья, стараясь не беспокоиться о том, как долго мы шли или как темно становилось. Мы уже часами брели по этим горным тропам. Солнце садилось между гор впереди нас, и Тарси все ещё не выказала ни единого намёка, что мы приближаемся к пункту нашего назначения.

Однако я не замечала, чтобы она что-то делала с моим светом.

Мне не мешали поискать Вэша, Балидора или кого-нибудь ещё.

Я подумывала узнать, как дела у Ревика. Однако не стала этого делать.

Я пока не знала, что ему сказать, и все ещё была не готова к любой эмоциональной реакции, которая могла возникнуть у него после случая с Мэйгаром. Тарси сказала, что все равно сказала им всем оставить меня в покое.

Даже Ревику, сказала она.

Это вызвало у меня разные чувства, и не только облегчение.

Несколько раз мы останавливались, тяжело дыша и глядя на долины, поросшие обильной растительностью, а также на редкие удалённые фермы.

Я попыталась вовлечь её в беседу вопросами, но получала лишь размытые ответы или вообще никаких ответов. Один раз Тарси прижала палец к губам и показала вокруг нас. Я так поняла, что она хотела подождать, пока мы не окажемся в какой-то конструкции.

После этого я оставила её в покое.

В Гималаях царила неподвижность, даже внизу, у подножий. Весна пробиралась в леса и растительность, поднимающуюся под моими ногами, делала почву под ногами темно-коричневой. Над головой раздался крик, и я подняла взгляд, заметив очередного орла с золотым оперением, который описывал петляющие круги в синем небе. Его тень мелькала среди просветов в темной завесе вечнозелёных растений. Я решила просто быть здесь и забыть обо всем остальном.

В этом пространстве время проходило легко. Мы добрались до места, когда на востоке слабо проступили первые звезды.

Из-за угла и места, наполовину утопленного в камне, я поначалу даже не видела двери. Я просто стояла там, тяжело дыша и думая, что мы отдыхаем на травянистом клочке перед следующим крутым утёсом, но тут заметила свет, мерцавший меж расколов в каменной поверхности.

Я примерно минуту смотрела на этот подобный пламени свет, пока мои глаза не различили верные очертания в естественных расколах.

К тому времени моё дыхание уже клубилось паром в холодном воздухе, но пропитавшаяся потом футболка прилипла к спине из-за последнего получаса активного подъёма по почти отвесному склону. Сосновые иголки и грязь слоем покрывали мои ботинки. Запыхавшись от разреженного воздуха, последнюю милю я тащилась без остановки, поражаясь, что древняя видящая, кажется, справлялась с подъёмом лучше меня.

Участки снега все ещё кое-где виднелись на земле, и потрескавшиеся фрагменты льда обрамляли воду в каменном бассейне снаружи деревянной двери. Вода от недавнего таяния снегов стекала по одной стороне тропы потоком, похожим на ленту. Пока мы стояли там, я продолжала жадно втягивать воздух, зная, что моё лицо сделалось ярко-красным от натуги.

— Твой дом? — спросила я.

Она сделала утвердительный жест. Затем я ощутила это. Древесный дым поднимался от крупной расселины за входом в землянку. Я уставилась на дым, затем на Тарси.

— Там кто-то есть?

Она снова сделала утвердительный жест.

— Попросила девочку прийти и разжечь, чтобы мы не замёрзли.

— Девочку, — повторила я.

Вместо слов она послала проблеск зрительного образа — небрежный, как воздушный поцелуй.

«Девочка» выглядела лет на тридцать, а значит, скорее всего, ей было лет триста, потому что с такими широко распахнутыми прозрачно-голубыми глазами она явно была видящей. Она жила со своим супругом на ферме в долине неподалёку и приносила женщине еду — в основном, продукты первой необходимости, но она также готовила пищу, когда Тарси (отсутствовала? летала? путешествовала?)... у меня сложилось впечатление, что при этих поездках пожилая видящая на самом деле не покидала свою пещеру.

Отключившись от Барьера, я присмотрелась к лицу Тарси, сунув руки в передние карманы брюк. Мои пальцы онемели, как только мы остановились достаточно надолго, чтобы я это заметила. И штаны не очень-то помогали.

На самом деле мне хотелось в душ. А может, провести добрый часик в сауне.

Пожилая женщина тихо щёлкнула себе под нос, подходя к деревянной двери.

Я пошла за ней и увидела серебристую луну, поднимавшуюся над долиной и уже взошедшую выше горизонта. Я каким-то образом вспомнила, что сейчас убывающая луна. Через несколько дней меня ждёт очередное новолуние.

«Сколько драматизма, — поддразнила Тарси. — Он знает, где ты».

— С ним все хорошо? — я осознала, как это прозвучала. *«...То есть, он не против того, где я нахожусь?»*

«Против, конечно, — она улыбнулась. — Но он знает, что ты в безопасности».

Не очень-то ободрившись, я вошла следом за ней в дверь.

Я вновь остановилась в небольшой прихожей, глядя, как Тарси говорит с «девочкой», которая что-то помешивала над каменным очагом. Сам очаг напоминал мне обитель первопроходцев, которую я как-то раз посещала за пределами Сан-Франциско. Тарси потыкала в огонь металлическим прутом, затем кивнула другой женщине, заговорив на непонятном мне языке.

Когда я только вошла, молодая видящая не подняла взгляда, но теперь улыбнулась мне. Её широкое смуглое лицо исказилось морщинами от солнца, ветра и доброго юмора. У неё был отрешённый взгляд того, кто много смотрел на снег.

Я подняла ладонь, улыбаясь в ответ, а затем просто постояла там, осматривая небольшое пространство.

Ковры и одеяла покрывали каменный пол. Кухонный уголок был увешан сушёными растениями возле шкафчика без дверец. Его полки занимали баночки с разноцветными специями и ещё больше растений, а также керамические тарелки и миски. Мебель полностью была деревянной, включая маленький столик и два стульчика у камина, которые, кажется, были сделаны из коряг. На каминной полке стоял ряд свеч в железных подсвечниках, а также несколько статуэток, похоже, вырезанных из вулканического камня.

Тут имелась только одна кровать, но на полу рядом с ней примостился соломенный тюфяк, укрытый толстыми шкурами. Я предположила, что он предназначался для меня.

Девочка щёлкнула на пожилую женщину, обращаясь к ней на том прекси со странным акцентом.

— Я приведу... — (что-то непонятное) — ... бабушка? — сказала девочка. — ...для тебя и твоей... — (я снова запуталась). — Она хочет сейчас?

Тарси любовно потрепала её темноволосую голову по затылку.

— Да, — вот и все, что я поняла из последовавших жестов руками, но я видела, как девочка улыбнулась безупречно белыми зубами. Затем она встала, поклонилась мне, наклонив ладонь перед лицом — жест уважения в культуре видящих.

Я сделала такой же жест в ответ, наполовину желая поправить её и не зная, как.

Конечно, я забыла, что она видящая.

«Ах, но это же все заслужено, Мост Элисон! Бабушка слишком добра, позволяя мне прислуживать вам обеим, пока вы здесь!»

— Прислуживать, — пробормотала я, стараясь так же тепло улыбнуться в ответ, но моя улыбка казалась натянутой.

Я не хотела показаться неблагодарной.

«Спасибо за твои добрые слова», — послала я.

Она улыбнулась, но я заметила в её прозрачных глазах цвета индиго ниточку недоумения. Пожилая женщина шугнула её в мою сторону. Я настороженно наблюдала, как девочка приближается, и ещё сильнее насторожилась, когда она жестом показала на мою футболку, показывая, что поможет мне снять её.

Я взглянула на Тарси.

— Что это? — спросила я. — Мы можем этого не делать?

— Тут нет душа, Мост. И сауны тоже нет.

Я проследила за её пальцем, показывающим на огромную деревянную ёмкость, которая напомнила мне старую бочку из-под вина, разрезанную пополам вдоль. От воды в ней шёл пар, и до меня

дошло, что именно оттуда исходил слабый аромат цветов, который я ранее уловила в комнате. Бадья стояла возле очага, что заставило меня поколебаться.

— Вы же не собираетесь меня съесть, нет? — пошутила я.

Пожилая женщина улыбнулась, но её глаза взглянули чуть резче и стали сильнее походить на глаза Ревика.

— Забирайся в воду, Мост. Я не могу позволить, чтобы ты заболела, — она улыбнулась, и в этот раз я ощутила в ней веселье. *«Вскоре ты порадуешься тому, что выкупалась, — добавила она, вновь поразив меня более культурным внутренним голосом. — Во время охоты легко потеряться. Тебе может не представиться шанса в следующие несколько дней. Девочка не станет на тебя посягать. Ей даже в голову такое не придёт, Высокочтимый Мост».*

Я покосилась на девочку.

«Посягательство» и мне в голову не приходило. Мне больше не нравилась мысль о том, чтобы раздеваться в таком странном месте, даже перед пожилой женщиной и видящей женского пола, чьи глаза явно не кричали «разведчик».

Я вновь покосилась на ванну. Я наблюдала, как от воды поднимается пар, и потёрла себя руками от озноба, который пробирал меня под влажной одеждой. Я решила, что поздно менять мнение об этих женщинах.

Проигнорировав предложение помощи от девочки, я сдёрнула футболку через голову.

Развязав завязки на штанах и стянув их вместе с нижним бельём, я поколебалась всего секундоchку, а затем схватилась за деревянные бока ванны. Я аккуратно забралась внутрь, осознавая, что за мной наблюдают две женщины, и вздрогнула, когда горячая вода омыла мою кожу. Встав в воде, доходившей до колена, я полностью опустилаcь внутрь, пока вода не поднялась на высоту в несколько сантиметров от края.

Вздохнув, я нырнула с головой и потянулась, закрыв глаза.

Пожилая женщина предложила мне глиняную кружку с чем-то, источавшим пар, и её рука задела мою. В отличие от грубости её пальцев, кожа её предплечья ощущалась мягкой как овечья кожа. Я приняла от неё кружку и понюхала коричневую жидкость. По запаху

походило на какой-то ореховый кофе. Приятное удивление заставило меня улыбнуться.

Тарси послала: *«Теперь тебе лучше, Мост?»*

Кивнув, я отхлебнула горячего напитка. На вкус оказалось ещё лучше, чем на запах. Я наблюдала, как она наливает себе кружку того же напитка.

— Ты действительно сказала им оставить меня в покое? — я слегка усмехнулась. — Как думаешь, сколько это продлится?

«Я сказала им — минимум неделя, — послала она без капли юмора в мыслях. — Я продлю этот срок, если в итоге этого окажется недостаточно. Они сюда не придут».

Я ощутила улыбку, и кровь отлила от моего лица.

Я ещё даже не подумала о Ревике осознанно, но в моих пальцах зародилась тупая боль. Тошнота скользнула в мою грудь, когда я попыталась сглотнуть.

— Неделя? — я села в ванне. — Там идёт война. Кто-то только что сделался серийным убийцей детей. Я, может, и дерьмовый лидер, но я все равно их лидер, — я крепче стиснула кружку. — Если все дело в Мэйгаре...

— Не в изнасиловании, — произнесла она с предостережением в голосе. — Разговор длинный, Элисон-Мост. Длиннее одной ночи. Ты нужна мне здесь.

— У меня есть выбор? — я покосилась на девочку.

— Выбор есть всегда, — сказала Тарси, пожимая плечами. *«Но я думала, что ты сможешь контролировать свои гормоны достаточно долго, чтобы сделать что-то по-настоящему значимое. Я думала, это будет иметь для тебя большее значение».*

Я моргнула, затем посмотрела на девочку. Я стиснула зубы.

Тарси тихо щёлкнула языком. *«Не в обиду сказано, Мост. Просто обрисовываю перспективу. Я понимаю твою ситуацию. Но это важнее».*

Меня окутало присутствие — тёплое, пронизывающее меня густой мягкостью, от которой перехватило дыхание. Которая, казалось, проникла в моё сердце.

На мгновение я могла видеть лишь её ясные глаза.

«Если бы это могло ждать, — добавила она. — Я бы подождала. Но это не может ждать, Элисон».

— Мне не нравится, когда мной командуют, — сказала я. *«Мне это не нравится»*, — повторила я.

Пожилая видящая усмехнулась.

Присутствие поднялось, и я осознала, что это была Тарси.

«Он будет ждать тебя. Не беспокойся, — Тарси села на один из стульчиков у очага, дружелюбно улыбнувшись мне. Девочка подоткнула одеяло вокруг её ног и ступней. — Если это поможет, то ты сейчас спокойна по сравнению с ним».

— Не поможет, — ответила я, ополаскивая лицо водой. Потому что легче было не вспоминать слова на прекси, я послала ей:

«Ты же знаешь, что я не обучена, верно? Мост там или нет, я на самом деле ничего не умею. Я даже не на первом уровне разведчика».

Её глаза вновь взглянули резко. *«Я знаю, что ты можешь сделать, Мост».*

Я осознала, что вспоминаю себя ранее тем же днём — что я сделала с Мэйгаром.

Ну да, может быть, мои слова о том, что я ничего не умею, прозвучали неубедительно. По крайней мере, сегодня. Но в реальности я не могла контролировать телекинез или пробудить его по своему желанию. Случай с Мэйгаром был тупой удачей из-за откровенной паники, отключившей рассудок. Если бы во время его нападения я сумела загнать себя в отрицание, то, наверное, так и лежала бы там, беспомощная.

Я впервые осознала, что могла его убить.

Иронично, но даже в разгар всего этого я колебалась, стоит ли звать Ревика.

Я опасалась, что он отреагирует чрезмерно остро.

Тарси сцепила руки на коленях. Её разум казался мне совершенно неподвижным, но в её глазах виднелась эмоция, когда она повернулась.

«Та история с детьми, — она посмотрела мне в глаза, вновь складывая свои скрюченные ладони. — Это дурная история, Мост».

— Ну, да, — отозвалась я. — Это ужасно.

Она тихо щёлкнула и покачала головой, словно я не уловила её мысль.

«События набирают обороты, — послала она. — Теперь вовлечено слишком много игроков, чтобы их можно было явственно видеть, — она вновь щёлкнула языком, но уже тише. — Тот Сломленный... боюсь, он играет с вещами, которые не может контролировать. И он не единственный. Эти вещи живут сами по себе».

Она бросила на меня многозначительный взгляд.

«Непреднамеренные последствия».

— Ты имеешь в виду войну между Китаем и Соединёнными Штатами? — я умолкла, когда Тарси сделала очередной отрицательный жест. — Тогда что ты имеешь в виду?

«Ты упускаешь вещи, Элисон. Ты все ещё многого не знаешь о Смещении и о силах, которые за ним стоят. И все же ты знаешь больше, чем осознаешь. Та книга, которую ты нашла. Дневник. Ты уже всю её прочла?»

— Нет, — я наполовину опустила кружку к воде и нахмурилась. — И откуда тебе об этом известно? Мои собственные люди не знают, что я её нашла, — когда она не ответила, я постаралась подумать. *«Это все связано с теми детьми? Ты думаешь, Териан имеет какое-то отношение к произошедшему в Сиккиме? Потому что я думала, что его больше интересует истребление людей. А не убийство кучи детей-видящих».*

«Нет, — сказала она, качая пальцем. — Я не думаю, что это Териан совершил убийство».

Глаза пожилой женщины сделались очень печальными. В свете пламени она казалась мне такой грозной — стареющая воительница на троне из коряги.

«Нет, — послала она, словно затерявшись в собственных мыслях. — Нет. Это сделали все мы».

Я расплескала воду пальцами, нахмурившись.

— Ну, я этого не делала. Насколько мне известно, во всяком случае. Я никогда не одобряла никаких операций в Сиккиме.

Женщина отрешённо показала отрицательный жест.

Я ждала, когда она продолжит, немного подавляя раздражение.

С очередным вздохом она встретилась со мной взглядом, и её глаза отражали оранжевые отсветы пламени.

«Я сказала Вэшу, что мы поможем Адипану, ты и я. Взглянем на силы за Барьером, которые могли привести к таким ужасным вещам, — эти бледные глаза нервировали меня, слишком походя на глаза Ревика и в то же время слишком отличаясь. — Это даст мне возможность оценить, на что ты способна, Мост. Возможно, я сумею тебе помочь».

«Помочь с чем?» — послала я, вновь чуть резковато.

И вновь она вела себя так, словно я ничего не говорила.

«Если я не сумею подготовить тебя в следующие несколько месяцев... — она тихо щёлкнула языком, качая головой. — Что ж, это будет прискорбно».

— Прискорбно в каком смысле? — спросила я.

«Если это то, о чем я думаю, то по моей оценке у нас есть несколько недель. Максимум месяцев».

— Недель? — переспросила я, немного встревожившись. — Недель до чего?

«До того, как Смещение начнётся по-настоящему, — ответила она, делая глоток темно-коричневой жидкости. — ...И люди начнут умирать».

Глава 13

Находка

... и говорят, Смерть будет жить среди них в обличье ребёнка. Как ветер разрывает облако, или дым убивает пламя, или река размывает свои же обугленные камни... Смерть разрывает саму себя изнутри, и её нельзя залатать.

— Пословица видящих. Автор неизвестен.

— Сэр, вы не поверите, что мы нашли. Мы едва смогли... подождите. Я позову Итрэна, сэр...

Териану-3 уже стало скучно.

Откинувшись на спинку кресла, высокий видящий со скандинавской внешностью уложил складки своего подбитого мехом плаща на одном колене.

Будучи изолированным в Бутане, он лишился возможности доехать до Териана-4 и мальчика к прибытию Адипана. Сиртаун находился намного ближе к Индии, чем база Териана-3 в Берлине, и они первыми добрались туда — а затем сумели отрезать его.

Три ненавидел Бутан.

Серьёзно, весь азиатский континент можно было бы отдать на съедение какому-нибудь морскому монстру, оставить только нетронутые материалы да несколько красивых пейзажей, и он был бы доволен. Он сидел в заброшенном терминале связи внутри бывшего военного аванпоста возле Курджей-лакханга, что в Бумтанге. Кажется, это место являлось вышедшей из строя системой массового обслуживания, оставшейся от какого-то из коммунистических режимов.

Пока что никто не нашёл модифицированный бокс; с другой стороны, Галейт, вопреки другим его недостаткам, всегда предоставлял ему самые лучшие игрушки.

— Сэр? — голос вернулся. — Мои извинения. Вы застали нас не

в лучший момент, и...

Под его пристальным взглядом видящий умолк.

Тень виртуальной реальности этого мужчины представляла собой двуногую рептилию с полосатыми рогами, которые торчали из куполообразной головы, покрытой радужной чешуёй. Усовершенствования придавали его голосу рычащее, шипящее звучание, а ноздри ящерицы раздувались, когда его голос повышался от эмоций.

Видящий явно сам запрограммировал это.

Териан затянулся своей палочкой *hiri*.

— Продолжай, — сказал он.

— Мы нашли ещё одного, сэр, — сказал ему ящерица. — Совершенно неизвестного.

Териан поперхнулся дымом.

Он занял себя вторичными задачами, пока ожидал новостей из Вашингтона. А именно, он поручил фрагментам команды генетиков-Шулеров сравнить био-данные Элисон со всеми существующими данными по людям и видящим.

Ему показалась интересной идея, что возможно, он сумеет определить других созданий-посредников по одному лишь их биологическому отпечатку. Как только ему пришла в голову эта идея, он просто не смог устоять и вынужден был попробовать. Таким образом, Три заказал сканирования, чтобы повеселить себя, но в то же время ради дотошности.

На самом деле, он не ожидал найти совпадение. Немногочисленные био-образцы Элли после отделения от её *aleimi* распались с такой скоростью, что все равно почти невозможно определить её ДНК со стопроцентной точностью.

— Живым? — поинтересовался Териан.

— Нет, — лицо мужчины помрачнело. — Не совсем так, сэр.

Три вдохнул дым, пожевал кончик *hiri*, чтобы добраться до смолы. Он почувствовал, как расслабляются его плечи.

— Я не заинтересован в трупах со светящимися глазками, Ремсн. Найди мне того, кого я могу оттрахать. Иначе польза от него только

академическая.

Раздался второй голос.

— Этот может вас заинтересовать, сэр.

Появился невзрачный силуэт. У этого волосы походили на проволоку, и он носил жёлтый халат, выдававший в нём доктора. Териан решил, что костюм ящерицы ему нравится больше.

— Мы думаем, что это, скорее всего, данные Сайримна. Есть несколько факторов, которые...

— Подождите, — Териан поднял ладонь. — Почему вы так решили?

— Даты совпадают, — сказал ящерица. — Мы изначально нашли его в колониальных записях из Франции. Но то же существо обнаружилось в германских записях, когда мы провели перекрёстный анализ.

— Покажите мне.

Обе тени померкли.

Всплыли показатели крови, линии соединяли характеристики между двумя субъектами. Териан узнал показатели Элисон, затем переключил внимание на другие, явно более старые записи. Судя по формулировкам, скорее всего, они происходили из исторического источника и были написаны от руки.

Посмотрев на это несколько секунд, Териан выдохнул.

— Присутствуют умеренные различия, — заметил он. — И это не столько данные ДНК как таковые, но старый способ взятия отпечатков крови видящего, который менее точен...

— Да, сэр, — согласился доктор. — Конечно, вы правы. Но все вторичные характеристики совпадают. Они даже отследили темп, с которым кровь утратила свою структурную целостность, и этот темп совпадает с нашим темпом генетического распада. Факторы указывают на возможность существования как минимум двух различных элерианских групп крови. Учитывая, как сильно эти создания связаны с их экстрасенсорными способностями, это также может зависеть от отличительных особенностей их *aleimi*, или специфических связей между существами в Барьере.

Итрэн говорил виновато.

— Мы все ещё не полностью понимаем физиологические факторы Барьерных мутаций, сэр. Мы поручили отдельной команде поработать над закономерностями...

Увидев или, возможно, почувствовав исходящее от Териана нетерпение, исследователь быстро сменил тему.

— ...В любом случае, вторая особь — явно элерианец. Точное совпадение во всех важных данных: сердечный ритм, рефлексy, структура желёз, мозговая активность, дыхательная деятельность, описанные характерные особенности *aleimi*. Нет никаких сомнений, что это не Сарк. Тем более очевидно, что это не человек.

Териан по-прежнему заиклился на датах.

— Возраст может оказаться неправильным.

— Мы получили данные из колониальной школы, организованной по возрастным группам. По меньшей мере, он физически выглядел на этот возраст, сэр.

Териан вскинул бровь, улыбнувшись вопреки собственному желанию.

— Школы? Какова его заявленная раса?

— Человек, сэр.

— Человек? — Териан моргнул. — Серьёзно?

— Да, сэр. Он называл себя сыном дипломата из Сербии. Заболевание крови вместе со слухами о смешанных корнях служили оправданием некоторым второстепенным чертам.

— И вы думаете, что этот возраст верный?

— Он совпадает, сэр, — встрял ящерица. — Три его одноклассника в дальнейшем заняли постоянные посты в германской армии во время Первой Мировой Войны. Его опекун позднее являлся подтверждённым членом сопротивления под Сайримном.

— Ладно, — Териан постучал пальцами. — Что ещё?

— Тесты интеллекта, эмоциональная оценка, дисциплинарные отчёты — его IQ просто зашкаливал. Баллы по эмоциям даже не внесены в систему. Относительно он был слабее, но все равно лучше

большинства Сарков.

Аватар бросил на Териана мрачный взгляд.

— ...Они считали, что он как-то жульничал, сэр. Очевидно, он постарался саботировать каждый тест, который с ним проводили — либо фальсифицируя результаты, либо прямо отказываясь участвовать. Возле результатов они набросали немало заметок... — умолкнув, видящий сделал неопределённый жест. — Проблема его расы никогда не поднималась. Конечно, в то время люди не знали о видящих...

— Как там его звали?

— Нензи, сэр, — аватар повернулся, сканируя другие данные. — Скорее всего, это его имя видящего или, возможно, прозвище. В школе он был зарегистрирован как Эвальд Готшалк. Однако это имя могло быть шуткой, сэр.

Заметив непонимающий взгляд Териана, Итрэн пожал плечами.

— «Божий слуга по Закону» — примерно так это переводится. Мы смогли отследить клановое имя по опекуну. Люди знали его как дядю мальчика, и мы также идентифицировали его как видящего. Сарк, конечно же, так что вряд ли это кровный родственник, но нужно предполагать, что он знал — с его подопечным что-то не так.

— Имя?

— Клан Аргстаад, сэр, — он многозначительно прочистил горло. — Изначальное имя Менлим.

— Вы упоминали дисциплинарные отчёты, — Териан пролистал электронные записи. — Это все по поводу фальсифицированных тестов?

— Нет, сэр. Большинство имеет отношение к проблемам поведения, но у него имеются записи о... ну, более странных вещах. Одна из учителей выстроила дело о предположительном детском насилии, открыто называя имя опекуна в нескольких отчётах. Согласно её словам, маленький Эвальд отказывался раздеваться для физических осмотров, много раз засыпал в классе из-за нехватки сна, как минимум дважды терял сознание от голода, приходил в школу с заметными физическими травмами. Он также демонстрировал симптомы эмоциональной травмы. В отношении отдельных ритуалов он вёл себя как больной обсессивно-компульсивным расстройством,

действовал так, словно за ним постоянно наблюдают...

— Они дали делу ход?

— Нет, — Итрэн пожал одним плечом. — Учитывая политическую ситуацию в то время, неудивительно. Один из отчётов также сообщает, что Нензи перерезал горло однокласснику в драке на школьном дворе, так что он выглядел не очень-то правдоподобной жертвой.

Увидев, как Териан приподнял брови, Итрэн добавил:

— Одноклассник выжил. И там присутствовали смягчающие обстоятельства... но Нензи не пользовался популярностью. В какой-то момент даже подали петицию, чтобы исключить его из школы.

Губы Териана дрогнули в улыбке.

— Мне начинает нравиться этот парень. Петицию одобрили?

— Нет, но только потому что не успели. Его дядя забрал его, утверждая, что его племянник «Эвальд» страдает от какой-то болезни. Однако мы не обнаружили доказательств, что он посещал медицинские учреждения. Более того, нет никаких данных, что он когда-либо обращался к человеческим медикам, кроме того случая, когда настояла его учительница. И то тогда опекун едва не добился её ареста.

— Есть какие-то записи во взрослом возрасте? — спросил Териан.

— Две, — образ Итрэна пропал, сменившись записью виртуальной реальности. Текст некогда был написан от руки. — Двойное убийство, в котором он был главным подозреваемым. Данные неполные, и убийства могли быть связаны с войной. В полицейском участке, занимавшимся делом, случился пожар перед тем, как его должны были отдать под военный трибунал.

Териан просмотрел детали.

— Его судили?

— Нет, сэр, но опять-таки, исключительно потому что не успели. Вторая запись, которую я упоминал — это запись об его смерти.

Изображение вновь трансформировалось, первая запись сменилась другой, тоже написанной от руки — рядом со

свидетельством о смерти на немецком языке.

— ...это зарегистрировано за неделю до назначенной даты первого слушания дела в военном трибунале.

— Смерть? Но это же ещё до конца войны, верно?

— Задолго до него, сэр. Мы полагаем, что его смерть, должно быть, инсценирована. Возможно, даже при содействии немецкой армии.

Новостной сюжет начал проигрываться на фоне, описывая взрыв на военной верфи.

— Логично, — сказал Итрэн. — Если его кураторы пытались добиться, чтобы он не вызывал подозрений, то они проделали дерьмовую работу. И этот инцидент через несколько месяцев был использован как политическое оружие. Немцы утверждали, что этот саботаж — дело рук Франции.

Тон генетика сменился, словно он зачитывал детали вслух.

— Нензи был известен как член Братства, которое в то время являлось лишь политической организацией, раздающей листовки, толкающей речи, проводящей протесты, все такое. У него была репутация бойца... даже зарабатывал деньги как уличный боксёр. В то время он выглядел примерно на восемнадцать человеческих лет. Невозможно знать его настоящий возраст. Теперь по показателям Элисон мы полагаем, что элерианцы способны адаптироваться к хронологическим циклам доминирующего вида, в чьём присутствии они воспитываются — своеобразная функция маскировки. Если его воспитывали в основном среди людей...

— Все это было до запрета. Есть какие-то фотографии?

— Нет, сэр. Это ещё одна странная детали. Фотографии одноклассников имеются, но его фото уничтожены. Все, даже в официальных данных.

Териан на мгновение задумался.

— Кто стал свидетелем его смерти?

— Его опекун, несколько соседей, люди, с которыми он работал. Мы просмотрели имена. Все члены Братства, сэр. В то время никому не пришло в голову задаваться этим вопросом.

— Кто-то из них жив в настоящий момент?

Итрэн покачал головой, тихо щёлкнув языком.

— По официальным данным нет. Нам придётся копнуть глубже, чтобы убедиться. Многие люди сменили личности после войны.

— Сделайте это, — сказал Териан. — Что по поводу опекуна?

Итрэн взглянул на ящерицу, словно в поисках помощи.

Ящерица прочистил горло.

— В то время Менлим был относительно неизвестен в Германии. Среди местных его знали всего лишь как баварского учёного, который из жалости приютил мальчика-сироту. Местные считали его человеком.

Ресмн пролистал изображения войны.

— ...Через несколько месяцев после смерти его племянника он и его Братство ушли в подполье. Это случилось прямо перед тем, как они начали в открытую атаковать силы французов. И уж не сочтите за дерзость, но вы знаете, что случилось после этого.

Материализовалась карта, показывая Териану горы, которые он не видел своими глазами уже тридцать лет, но это была часть учебной программы по современной истории для каждого школьника со времён Первой Мировой Войны.

Он узнал самые живописные вершины, внезапно вспомнил, как однажды поднимался туда с Дигойзом. Конечно, идея принадлежала не Териану. Дигойз никогда не забывал Гималаи; все то время, что Териан с ним знаком, он, казалось, всегда искал такие высокие горы, чтобы суметь вытянуть ноги.

— Там, сэр, — Итрэн показал на инфракрасные изображения пещер, испещрявших утёсы. — Скорее всего, они держали его там, где, как считается, Менлим и Сайримн жили во время войны. Союзные державы обнаружили этот штаб только после Версальского мирного договора. Менлим защищал их каким-то Барьерным трюком...

Но Териан уставился на карту, слегка приоткрыв рот, когда кусочки мозаики встали на место.

— Менлим из *Баварии*? Ты хочешь сказать мне, что этот

элерианский ребёнок был усыновлён Менлимом — тем самым Менлимом, который стоял за разработкой военной стратегии Братства?

— Да, сэр, — Ресмн, казалось, испытывал облегчение, что Териан, наконец, понял. — Большинство считало, что Менлим — это и есть Сайримн. Он имел скандальную репутацию в Памире — один из немногих известных экспертов по военной тактике. Он один из немногих видящих, которые *могли* научить Сайримна творить такие вещи, сэр.

Териан откинулся на спинку стула.

Было здесь что-то ещё, что-то важное, и не только в отношении загадки, окружавшей мальчика из Сиккима.

Он не мог сложить мозаику воедино, как бы он ни вертел кусочки.

— Я хочу все записи, все заметки и данные, которые вы нароете на эту личность. Не просто обобщённые отчёты. Я хочу оригиналы.

— Да, сэр, — отозвался Итрэн. — Сейчас?

— Да. Сейчас, — Териан сложил пальцы домиком. — Я буду ждать.

Глава 14

Четыре

Териан-4 напрягся, принимая бойцовскую стойку, но даже не осознавая, почему он это сделал. Он наблюдал за лицом мальчика — сосредоточенным, внимательным.

Когда ничего не случилось, он заставил себя расслабиться.

Он не в первый раз почувствовал из света мальчика что-то, что едва не наградило его сердечным приступом. К сожалению, он понятия не имел, какое действие ребёнка так сильно на него повлияло.

Пещера, где они остановились, размерами могла сравниться с маленьким коттеджем. Холодная, но к счастью, тут имелось три крепкие стены, а через туннель с низким потолком, который вёл наружу, выходило совсем немного тепла.

И все же адски сложно было уговорить мальчика зайти сюда в первый раз.

Им пришлось развести два костра и осветить каждую трещинку в стене, и тогда ребёнок осмелился хоть переступить через порог.

Теперь Четыре всматривался в лицо мальчика, все ещё по-детски округлое.

В темных, черных глазах светился ум.

Не просто ум — временами он видел там понимание такой глубины, что это его шокировало, особенно учитывая долгую изоляцию мальчика в тюрьме, похожей на пещеру. Похоже, он в удивительной степени понимал проблемы, вызываемые наружными силами, даже когда были замешаны сложные и современные элементы — например, отслеживание их через спутники, а также проблемы, вызванные современными методами сканирования и беспилотниками.

Он рассуждал. Он быстро улавливал множество переменных и делал выводы.

Он адаптировался под окружающую среду. Он адаптировался к

пребыванию вне той темницы быстрее, чем кто-либо мог бы от него ожидать.

Но Четыре все ещё не мог до него достучаться. Не по-настоящему. Не в достаточной мере.

За ними следили. Теперь Четыре знал, кто. Все явно было бы намного проще, если бы он смог заставить мальчика понять специфические проблемы, которые из этого вытекали.

Пока что попытки Териана установить контакт не приносили видимого успеха.

И все же Четыре остался в живых. Более того, химически разогреваемая еда, которую по его настоянию упаковали для него шерпы^[4], оказалась большой удачей.

Он наблюдал, как мальчик засовывал маленькие, белые как у трупа пальцы в пакетик с чем-то, что должно было напоминать бефстроганов. Кажется, он не замечал температуру и реагировал только на запах, пока запихивал куски жареного мяса и коричневый соус в свой грязный рот. Териан с увлечением наблюдал за процессом. Он гадал, проспит ли его новый подопечный когда-нибудь достаточно долго, чтобы попытка надеть на него ошейник увенчалась успехом.

Он очень тщательно держал эту мысль в заднем уголке своего сознания.

И все же взгляд черных как опал глаз метнулся к нему.

Они посмотрели на Териана, и Четыре ощутил, как волосы на его руках и шее встают дыбом. Завиток наэлектризованного *aleimi* скользнул по его коже.

— Никаких проводов, — сказал мальчик.

Английский. Что-то новенькое.

До сих пор он говорил на исковерканном прекси вперемешку с языком, в котором Териан узнал кхаскура бхаша — раннюю форму непальского языка. Териан также слышал несколько слов, прошёптанных на мандаринском наречии и хинди. Но это было первое использование английского.

— *Spracken zi deutsch?* — попробовал он.

— Никаких проводов, — произнёс мальчик на немецком.

— Я понял, — сказал Териан по-русски, поднимая руки. — Никаких проводов.

— Никаких проводов, — повторил мальчик по-чешски или, может быть, по-польски. — Только попробуй и... бум! — он широко улыбнулся ртом, набитым мясом. — Бум! — повторил он, вскидывая свои паучьи ручки, похожие на палки.

Он пролил немного мясного соуса на камни и топнул ступнёй, чавкая соусом меж пальчиков ноги. Нахмурившись, он остановился, глубже вдавливая ступню в податливую грязь. Четыре невольно поразились тому, что мальчик по-прежнему сохранял рефлекс отвращения, учитывая то, как он жил.

Он вежливо поклонился.

— Бум, да, — сказал он. — Мы друг друга поняли, приятель. Никаких проводов. Конечно, нет. Это была всего лишь мимолётная мысль.

Мальчик бросил на него резкий взгляд, и Териан осознал, что вновь начал говорить с ним так, словно он был ребёнком намного младше его. Ему нужно сохранять осторожность, если он хотел избежать оскорбления. Видящие-подростки склонны быть гиперчувствительными, когда дело касалось того, чтобы с ними обращались уважительно.

Почему-то в этом ему виделся своеобразный чёрный юмор.

Мальчик вернулся к пакетику.

Он сунул руку в металлическую упаковку, вытащил очередную горсть мяса и лапши, поднёс к губам и жадно слизал сок с костяшек пальцев. Взгляд Териана опустился к узкой грудной клетке мальчика, где кости выступали под кожей маленькой груди. Первым делом он отмыл бы его дочиста. Удостоверился, чтобы тот знал, что еда — это уже не роскошь. Как и кровать, одеяла, одежда, электроника, крыша над головой, купание, машины, слуги. Черт, да он купил бы этому ребёнку пони, если бы тот захотел.

Возможно, с этим придётся немного подождать, пока мальчик немного наберёт вес. Чтобы он не съел лошадку.

Мальчик рассмеялся, швырнув горсть бефстроганова в сторону

Териана.

Териан аккуратно увернулся, сохраняя улыбку на лице.

Если он в чем и преуспел, так это в обеспечении материального комфорта. Он удостоверится, что у ребёнка будет весь комфорт, на который он только мог надеяться — больше, чем он смел мечтать в той пещере, пропахшей дерьмом. Затем они поговорят.

Мальчик снова захохотал, капая ещё больше мясного соуса на губы и в рот. Его глаза прищурились, уставились на Териана, и там вновь виднелся интеллект.

— Говорить. Да, — он широко улыбнулся. Его зубы казались поразительно белыми на фоне всей этой грязи, а теперь ещё и мясного соуса, стекавшего по лицу, шее и пальцам. — Ты мне нравишься, Сарк. Достань мне вещи, и мы поговорим.

Он зашвырнул остатки пакетика в Териана. В этот раз он сумел в него попасть, заляпав его пальто и брюки коричневым соусом.

Териан лишь поклонился, когда молодой видящий вновь рассмеялся. Он вежливо улыбнулся.

— Конечно, мой дорогой друг. Все для твоего удовольствия.

И все же, глядя на свечение в этих черных от огня глазах, он поймал себя на том, что не впервые радуется наличию у него нескольких запасных тел.

— Пока-пока, Терри, — сказал мальчик. Улыбка не сходила с его лица, но черные глаза вновь сделались пронизывающими, словно ястребиными. — Пока-пока.

Четыре натянуто улыбнулся, стараясь не реагировать на знакомые нотки, слышавшиеся в этом голосе.

Или на тот факт, что голос внезапно зазвучал куда более взрослым и меньше напоминал случайное безумие.

Поклонившись ещё ниже, он удалился из присутствия мальчика и скрылся в проёме прилегавшей пещере, где в углу присели шерпы, которые шептались меж собой и избегали его взгляда.

Териан присел на корточки у стены и принялся вытирать брюки мокрой тряпкой. Размазав и отчистив большую часть соуса, он смирился с фактом, что наверняка ещё несколько дней будет

привлекать кугуаров.

Смочив водой ту же тряпку, а затем штаны, он тщательно отмыл руки перед тем, как достать из внутреннего кармана пальто дневник в кожаном переплёте. Три послал оригинал Четырём в Пекин на безопасное хранение, не зная, что Четыре в итоге на неделю застрянет в гуще военной перестрелки вместе с книгой.

Если бы ему пришлось сделать это ещё раз, он взял бы копию.

Пристроив свой вес на плоском местечке в стене пещеры, Четыре открыл дневник.

Где-то здесь должен иметься ключ. Подсказка, как заставить это существо сотрудничать. Что-нибудь, о чем заботился этот мальчик.

Два Териана (или он один, как посмотреть) прочли эту проклятую книжонку от корки до корки в совокупности пять раз. Если формула того, как выманить из ребёнка здравый рассудок, записана каким-то кодом в ровном почерке Ревин', то она ускользала от Териана.

Нет, ответы, скорее всего, можно получить не от Ревин'.

Дигойз был строителем клетки, который придумал, как спрятать мальчика. Настоящие ответы находились бы у Галейта. Галейт наверняка бесконечно исследовал мальчика. Он изучал бы каждый его шаг на протяжении многих лет, ища путь, ища каждую потенциальную точку доступа.

В конечном счёте, Галейт не преуспел вовремя, но он находился бы в процессе, на каком-то этапе.

К сожалению, в записях Галейта Териан не нашёл ничего, что относилось бы к мальчику. Ничего в компьютерной библиотеке на базе органики. Ничего в оригиналах, которые он присвоил прежде, чем их нашла Элисон. Ничего во фрагментах Барьера, которые он сумел отследить после развала Пирамиды.

А значит, если что-то и существовало, оно оставалось потерянным.

Или же находилось у Элисон.

В любом случае, присутствие мальчика объясняло несколько вещей — особенно то, почему Галейт был до безобразия осторожен, приближаясь к Элисон, пока существовала какая-то вероятность, что

Дигойз мог её убить. Галейт никак не мог упустить попытку размножения двух полнокровных элерианцев. Галейт не мог не подумать об этом — вне зависимости от того, каким был возраст мальчика. Учитывая то, каковы шансы во второй раз найти ему биологическую пару.

Конечно, Териану приходила в голову мысль, что всякий здравый рассудок, некогда присутствовавший у мальчика, давно прекратил существование. Ни Галейту, ни Ревин' не свойственно тратить ресурсы впустую; если они приковали видящего с такими талантами в подземной темнице как бешеного пса, то скорее всего, это сделано потому, что они исчерпали все остальные средства обеспечения его содействия.

Вздыхнув, Териан сунул книжку обратно в пальто.

Все его ответы, кажется, только порождали ещё больше вопросов.

Где они нашли это несчастное создание? Как они умудрялись все это время хранить его существование в тайне, хотя его охраняли всего лишь слабоумный человечешка и глупая монашка? Как мальчик не старел?

Териан задавал эти вопросы Барьеру, слабо надеясь на какое-то озарение.

Ничего не пришло.

Звук разбудил Четыре.

Открыв глаза, он замер, осматриваясь по сторонам. Что-то не так.

Первое, что он заметил — это тишина.

Он лежал у уголков тлеющего костра, единственные звуки доносились снаружи пещеры, если не считать треска, который время от времени издавали угольки. Он стиснул пистолет, аккуратно уложенный под курткой из овечьей шкуры, которую он использовал вместо подушки, и осознал, что не слышит ничьего дыхания, кроме

своего собственного.

Два шерпа уже не спали по другую сторону костра.

Его первая мысль свелась к тому, что они смотались посреди ночи, чтобы сбежать от него и мальчика. И все же их постели и пожитки каким-то чудом остались на прежнем месте.

Второе, что он заметил — это то, что мальчик стоял над ним совершенно голый.

Четыре выругался на китайском, рефлексивно перевернувшись на спину. Он поднял пистолет, навёл его мальчику в лицо и ощутил, как его сердце подскочило к горлу.

Мальчик лишь стоял там и не улыбался.

Окинув взглядом пещеру, Териан осознал, что ему знаком медный привкус во рту. Его взгляд опустился к маленьким ручкам и ладошкам мальчика.

Они были уже не белыми, а красными до самых локтей. Густая кроваво-красная жидкость струилась по его коже и резко контрастировала с крайней бледностью.

Четыре медленно опустил пистолет. Когда мальчик лишь продолжил смотреть на него, он засунул оружие обратно под овечью куртку, но оставил в пределах лёгкой досягаемости.

— Люди? — спросил у него Териан.

Мальчик сделал плавный жест.

Териан кивнул, сохраняя ровный тон.

— Но зачем? Они были нашими проводниками.

«Я не хотел, чтобы они были здесь».

— Но мы нуждались в них, — сказал Териан. — Убивать нормально, но ты не убиваешь то, что нужно тебе живым. Ты понимаешь?

— Нам они не нужны, — сказал мальчик на хинди.

— Нужны. Чтобы пробраться через горы, — увидев равнодушие на лице мальчика, он объяснил: *«Эта часть меня... она всего лишь торговец. Я не знаю эти земли. Теперь нам будет сложнее. Мне будет сложнее защитить тебя».*

Мальчик сказал: *«Мне не нужно, чтобы ты меня защищал. Я могу защитить нас!»*

Териан не упустил из виду выбор слов — «мы» или «нас». Он осторожно наблюдал за лицом мальчика.

Ребёнок ничем не выказывал намерение отодвинуться.

— Хорошо, — сказал Териан, сдаваясь. *«Ты очень хорошо защищаешь, нас, да»*. Он посмотрел на висящие руки мальчика. — Пожалуйста, иди помойся, — он взглянул в сторону выхода, откуда через проем из темноты доносился ровный звук. — В ручье. Иди помой руки. И грудь, — добавил он, показывая на голое тельце мальчика. — Тебе не стоит так спать.

Он помедлил, окидывая взглядом тускло освещённую пещеру.

— Где тела?

Мальчик показал в сторону двери.

Териан прищурился в свете пламени и всмотрелся в тени, только теперь различив их.

— Тебе нужна моя помощь с тем, чтобы вытащить их наружу?

Мальчик дёрнул пальцем в сторону, показывая «нет».

— Ладно, — Териан улёгся обратно на тюфяк. — Тогда иди. Возвращайся, как закончишь.

Мальчик послушно направился к выходу из пещеры.

Териан наблюдал за ним, вздохнув и ощущая явный успех своего маленького эксперимента, а также поражаясь, как ему хватило смелости командовать маленьким мясником.

Через несколько минут Териан услышал возню и пыхтение, соответствовавшее вытаскиванию тела за порог.

Через некоторое время после этого мальчик вернулся.

Его бледные руки вновь выглядели белыми и почти сияли в свете пламени. С его волос и ресниц капала вода. Териан надеялся, что он оттащил тела достаточно далеко, и замкнутое пространство не провоняет к утру, но он не намеревался выходить и проверять. Расслабившись на шкурах, он всматривался в округлое личико, гадая, что теперь.

Он все ещё не был до конца уверен, что не станет следующим.

Подумав об этом, Териан уловил проблеск чувства и намерения от мальчика — достаточно, чтобы осознать его мотивы. Открытие его поразило.

Он всмотрелся в тёмные глаза, ища подтверждение.

Найдя его, он поколебался всего несколько секунд, затем схватил шкуры, наполовину прикрывавшие его тело. Он откинул их в сторону. Улыбнувшись, он похлопал ладонью по тюфяку под ними.

— Тогда идём, — сказал он, будучи странно тронутым. Он жестом руки подозвал его поближе. — Все хорошо. Ты можешь подойти. Я не против.

Мальчик опустился на колени у огня, затем повернулся спиной, свернувшись калачиком в изгибе тела Териана. Четыре обернул их обоих шкурами и аккуратно обнял мальчика, положив голову на овечью куртку. Даже сквозь одеяла и шкуры он поражался худобе маленького тельца и торчащим выступам, которые он ощущал через равные интервалы у своей груди.

— Как мне тебя называть? — спросил Териан на мандаринском наречии.

Мальчик задрожал, крепче прижимаясь к груди Териана.

Его ручки сжались перед его тельцем. На мгновение Териан засомневался, что тот ответит.

— Нензи, — ответил он на том же языке. — Моё имя — Нензи.

Четыре наблюдал, как губы мальчика шевелятся в безмолвной молитве. Его глаза закрылись, и он расслабился в тепле его тела.

То есть, он религиозен. Полезные сведения.

А ещё немного пугающие, учитывая, что он только что сделал.

Он все ещё выглядел как щенок-переросток, ничуть не походя на создание, которое Териан видел в школе Сиккима, или которое он видел едящим несколько часов назад — которое называло его по имени со смутной жестокостью в глазах.

Аккуратно протянув руку, Териан погладил мальчика по лицу, убирая волосы со лба.

Ему нужно поговорить об этом с Три.

При первом прикосновении мальчик напрягся, но когда Четыре не перестал гладить его, он соединил его свет с его светом. Он положил свою темноволосую головку на руку Териана.

Чувствуя, как дыхание мальчика замедляется и выравнивается, чувствуя запах крови шерпа и остатки бефстроганова во влажных волосах, он немного улыбнулся, услышав тихий храп, и продолжил поглаживать маленькую головку.

Глава 15

Веллингтон

Директор Национальной Безопасности США Грегори Палмер посмотрел на двенадцать человек, присутствующих в комнате, и постарался держать свой нрав в узде.

— Итак, — сказал он. — Объясните мне это ещё раз. Давайте притворимся, что я идиот. Давайте притворимся, что я репортёр с НужныНовостиТВ, — он подождал, пока стихнут смешки. — Мы «берём перерыв» от войны? — вопреки его попыткам говорить шутливо, в его голосе прозвучали резкие нотки. — Какого черта это значит?

Госсекретарь натужно хихикнул.

— Это какое-то кодовое слово для переговоров? — спросил Палмер. — Или...

— Нет, — другой голос донёсся с дивана с узорчатой обивкой.

Там идеально неподвижно сидела женщина с жёстким, высушенным лицом, одетая в мантию судьи. Густые седые волосы облегали её голову как шлем. Её голос зазвучал едко, отчего она стала ещё сильнее походить на рептилию.

— Вы не потрудились прочесть сводку? — произнесла она грубоватым тоном. — Все вовсе не так, Палмер. Дело вовсе не в Китае.

Остальные представители кабинета министров стояли и сидели в разных позах по всему Овальному Кабинету, ничего не говоря и даже не глядя на Палмера и пожилую женщину.

Он заметил, что никто не хотел перечить этой старой кошёлке.

Он сделал большой глоток бурбона со льдом из стакана, который он сжимал своими руками бывшего атлета, и его взгляд вновь пробежался по бежевой комнате. Он хотел поспорить с кем-то другим, помимо старухи, но больше никто не смотрел ему в глаза.

Рептилия склонила голову набок, как птица.

Палмер предположил, что он в таком сценарии — насекомое.

— Веллингтон серьёзно настроен в этом отношении? — спросил он. — Мы действительно откладываем всю операцию? Из-за горстки погибших мальков-Сарков?

Глаза старухи холодно потемнели.

Молодая женщина в отлично сидящем синем костюме скрестила руки на груди, нерешительно наблюдая за судьёй и словно пытаясь решить, стоит ли вмешиваться. Палмер хотел, чтобы она заговорила, и в очередной раз задался вопросом, что эта ископаемая старуха вообще здесь делает. С каких пор Главная Судья Верховного Суда вообще участвует в принятии военных решений?

И почему Джарвеш, чёртов министр обороны, потакает ей? Джарвеш хоть и женщина, но обычно она настроена более воинственно, чем любой другой из здесь присутствующих.

Она никогда не сдерживалась, когда Веллингтон присутствовал в комнате.

И все же сейчас она смотрела на эту старую кошёлку как ребёнок, который пытается отпроситься у учителя, чтобы сходить в туалет.

— Где Веллингтон? — рявкнул Палмер. — Если он пытается втюхать нам этот дерьмовый план, я хочу услышать это от него.

— Успокойся, Грег, — начала Джарвеш, но Палмер ждал, что кто-нибудь начнёт спорить с ним. Кто-нибудь кроме неё.

Он повернулся к брюнетке в синем костюме.

— Он действительно думает, что заработает себе очки популярности таким ходом? — сказал он, с громким стуком поставив на стол опустевший стакан. — Если он не заметил, то в наши дни никто не сходит с ума по Саркам. Только не после того, как они взорвали тот проклятый корабль, убив пару тысяч наших людей. Этот ход будет выглядеть слабым, а то и вовсе предательским после фиаско с Кейном. Сейчас мы как никогда должны отдалиться от этого безобразия!

— Это дети, Палмер, — тихо сказала Верховная Судья. — Невинные. И есть осложнения...

— А что ты, Джарвеш? — спросил Палмер, поворачиваясь спиной к кошёлке на диване. — Ты тоже думаешь, что здесь все

«сложно»? Или ты так глубоко засунула свой нос в задницу Веллингтона, что забыла, как пользоваться своим армейским чутьём? Бл*дь, ох уж эти женщины у власти, чтоб меня. Как будто нам без этого не хватает ненужных эмоций.

Глаза Джарвеш сузились, превращаясь в щёлочки.

— Палмер! — глава администрации президента Роджерс поднялся на ноги. — Это же министр обороны!

— Ага, — Палмер фыркнул. — Мы все знаем, какой интерес питаешь *ты*, Эрл.

Лицо Роджерса сделалось темно-красным, но Джарвеш невозмутимо отмахнулась от него.

— Это всего два дня, Грег, — сказала она Палмеру. — И в этом есть смысл, нравится тебе это или нет. Если мы серьёзно настроены по отношению к Китаю, нам нужна поддержка Европы. Они строже соблюдают права видящих, чем мы, — нахмурившись, она добавила: — Ты абсолютно прав. Нам нужно завоевать авторитет после того, как Кейн зашёл слишком далеко. Но этот авторитет нужен нам не только дома.

Она склонила голову, глядя на низенького мужчину и поправляя пиджак костюма, затем вскинула бровь.

— Кроме того, с моей точки зрения, Грег, ты один тут изобилуешь «ненужными эмоциями». Хочешь успокоительного? Уверена, швейцары по нашей просьбе принесут тебе что-нибудь.

Госсекретарь подавил очередное нервное хихиканье.

Палмер это проигнорировал.

— Серьёзно? Для тебя это имеет смысл, *Андреа*? — спросил он. — Потому что с моей точки зрения, ему бы лучше дать оправдание этим террористическим атакам. Если он действительно хотел поддержки Европы, он мог бы объявить, что чёртовы китайцы уничтожили *свой собственный* актив. Чтобы мы не получили их живыми.

При виде улыбки Джарвеш его лицо покраснело от гнева.

— Черт, да наверняка так и есть! Мы все ещё понятия не имеем, кто их убил... и тем более почему!

Джарвеш закатила глаза.

— Внутренние распри видящих нас не интересуют, Грег. Нам нужно исключить побочный продукт. Нас интересует торговля и нелегальные технологии видящих, которые, как мы знаем, все ещё существуют в Азии. Тебе все это известно. Ты согласился с нашей стратегией в самом начале.

— *Нашей стратегией?*

— Веллингтона, — нетерпеливо поправилась она. — Мы все согласились. Потому что в этом есть смысл. Он должен быть рассудительным. То, что до Кейна воспринималось как «импульсивное» или «мужественное», теперь лишь заставит их задаваться вопросом, вдруг Веллингтон тоже неуравновешен. Сейчас нам как никогда нужно сохранять высокое моральное превосходство.

Когда он покачал головой, она чуть повысила голос.

— ...А это значит, что мы, черт подери, не будем игнорировать *резню детей*, к какой бы расе они ни принадлежали. Когда случаются зверства, мы поступаем правильно, Грег. По крайней мере, на публике.

Когда он хмуро посмотрел на неё, её голос зазвучал ещё громче.

— ...Это было настоящее *зверство*, Палмер. Возьми себя в руки перед тем, как говорить с чёртовыми репортёрами! Чем бы ни хотели спекулировать новостные каналы, это не был полигон тренировки террористов. Наши разведданные чисты. Эту кучку детей китайские фашисты продавали с аукциона за лучшую цену. Тебе лучше придерживаться этой версии, иначе мы будем выглядеть засранцами, когда всплывёт правда. А ты знаешь, что она всплывёт.

— Детей? — выплюнул он. — Маленькие крысята со светящимися глазами!

— Они были *детьми*.

— Довольно! — перебила Верховная судья.

Все взгляды обратились к ней.

Даже Палмер умолк. Он скривил губы, глядя на морщинистое лицо женщины, на холодность её глаз под этими рептильными веками. Когда этот резкий взгляд остановился на нем, он пожал плечами и подошёл к тележке с напитками, стоявшей в центре

комнаты.

Он начал вновь наполнять свой стакан квадратными кубиками.

— Где он, кстати говоря? — пробормотал он. — Разговаривает со своими фанатами?

— Типа того, — произнёс другой голос.

Все в комнате повернулись — на сей раз к двери, которая вела в сад.

Андреа Джарвеш невольно покачала головой, отмечая театральность появления человека.

Веллингтон улыбнулся, стоя у восточной французской двери, которая вела в сады роз. Он был одет в слегка помятый синий костюм с красным шёлковым галстуком. Широко улыбнувшись при виде их опешивших лиц, он закрыл за собой дверь, нарочно наделав побольше шума, и повернулся. Его смуглая кожа светила в теплом освещении ламп Овального Кабинета. Его по-мужски красивые черты лица выделялись на фоне янтарных глаз. Он усмехнулся.

— Оуу, — сказал он, обращаясь к Джарвеш и окидывая взглядом всех остальных. Он задержался на Верховной Судье. — Вы все выглядите такими грустными. Вы по мне скучали?

— Нет, — ответила старуха.

Все присутствующие расхохотались, особенно громко из-за того, что обстановка разрядилась. Только когда Палмер отвернулся от Андреа, старая судья и Веллингтон опять посмотрели на него.

Они бегло переглянулись между собой.

«Каждому правительству нужно немного разногласий, — подумал Итан так ясно, чтобы два видящих его услышали. — Он достаточно громкий, чтобы быть полезным. Достаточно тусклый, чтобы не представлять угрозу».

«Я сама немного устала от его тусклости, — послала Джарвеш. — Нельзя нам найти того, кто хотя бы будет

симпатичным? Если бы я смогла заставить себя трахать его, я бы мгновенно заполучила контроль над ним».

Веселье Итана проникло в Барьерное пространство.

Он едва уловимо пожал плечами, сцепив ладони в замок на пояснице. *«Из-за нехватки такта от него легче отмахнуться. Ты бы хотела оппонента, который лучше умеет выразить свои мысли, сестра?»*

Джарвеш сладко улыбнулась. *«Формально ты мне не брат, червяк...»*

«Сколько ещё продлится задержка? — послала Ксарет им обоим. Она едва скрывала своё нетерпение из-за того, что он умудрялся спорить с самим собой даже в разгар кризиса. — Четыре обеспечил безопасность мальчика, разве нет? Палмер идиот, но в данном случае он частично прав. Мы должны показать китайцам, что мы настроены серьёзно. Мы не можем отказываться от прямого боя. Люди за версту чувствуют такую слабость».

«Он заполучил мальчика. Он рядом с линиями фронта, но есть осложнение».

«А когда его нет?» — послала Ксарет.

Итан улыбнулся присутствующим в кабинете, задержав внимание на Палмере, затем на других. Его улыбка сделалась ещё шире.

— Я приношу свои извинения, — сказал он вслух.

Джарвеш с немного корыстным восхищением заметила, что даже будучи человеком, он обладал даром говорить убедительно.

— ...возникла небольшая чрезвычайная ситуация, — продолжил Веллингтон, сделав паузу, которая продлилась ровно столько, сколько нужно. — О которой нужно позаботиться до нашего совещания. Я хотел предложить, не могли бы вы, люди добрые, подождать меня снаружи? Чувствуйте себя как дома, заказывайте с кухни что угодно, само собой. Я не задержусь надолго. Мне всего лишь нужно переброситься пару слов с нашей дорогой Джарвеш.

«Супер, — послала Джарвеш, скрещивая руки на груди. — Они уже думают, что я сплю с тобой».

«Нет, сестра, — весело подумал Веллингтон в ответ. — Они

прекрасно знают, что ты спишь с Роджерсом. Между прочим, было очень мило с его стороны защитить тебя только что».

Она закатила глаза, мельком покосившись на Роджерса.

— Сейчас? — раздался голос Палмера. — Это шутка такая?

— Всего на минутку, джентльмены, уверяю вас, — Веллингтон поднял руку раскрытой ладонью вверх, чтобы поторопить их выйти. — Пожалуйста. Подождите в фойе... спасибо.

Роджерс подчинился первым, поставил свой напиток на стол, затем кивнул Джарвеш по пути к двери. Обменявшись ещё несколькими взглядами, остальные начали вставать или сразу направляться к двери, если они уже стояли.

Верховная Судья тоже встала.

— Мадам, — произнёс Итан с очаровательной улыбкой. — Я бы хотел, чтобы вы тоже остались.

Палмер наградил их всех сердитым взглядом, затем залпом выпил полстакана и оставил стакан на медной тележке. Он продолжал бурчать, пока шагал вслед за остальными к двери.

Верховная Судья не тронулась с места, но её разум сосредоточился на Веллингтоне.

«В чем теперь проблема? — произнеся эту мысль прямо в сознании Итана, она проигнорировала остальных людей, пока те выходили за дверь. — Дети ссорятся? Или он умудрился вообще потерять мальчика?»

Слабо улыбнувшись, Итан подождал, пока выйдет последний человек.

Он сам закрыл двойные двери после того, как выгнал швейцара, и обернулся на Ксарет, также известную, как Верховная Судья Новак.

— Он убил их проводников, — объяснил Итан, покосившись на Джарвеш.

Джарвеш усмехнулась. Верховная Судья нахмурилась, и в Барьере, и внешне.

— Четыре беспокоится, что они бродят слишком близко к фронту, — добавил Итан. — Он запросил помощь. Я подумал, что мы могли бы прекратить сражение на достаточное время, чтобы послать

туда вертушку. Назвать это военной помощью, ещё как-то. Проблема в том, что теперь туда прибыл Адипан.

«Ему грозит опасность от мальчика? — спросила Верховная Судья. — Четырём. Мальчик ему навредил?»

— Нет, — Итан покачал головой, ослабив галстук. — Мальчик, похоже, принял его. По крайней мере, эту личность. Он даже выказывает привязанность. Но его по-прежнему невозможно контролировать.

«Что насчёт Три? Он может помочь?» — послала Джарвеш.

Итан взглянул на неё.

— Мы уже послали его. Однако Адипан установил его личность. Похоже, они за ним следят, — покосившись на Ксарет, он добавил: — С ними Дигойз.

Прежде чем они успели отреагировать, он уже отмахнулся.

— Но я хочу поговорить не об этом. Думаю, я смогу безопасно вытащить Четыре и мальчика. Но я беспокоюсь о мальчике. Ему нужна мать. Или хотя бы друг. Кто-то, кого он действительно станет слушать. Он буквально жаждет привязанности, и мы, возможно, сумеем это использовать. Четыре, кажется, устанавливает с ним связь... лучше, чем я надеялся... но назвать мальчика непредсказуемым — это ещё мягко сказано. Если мы не найдём способ контролировать его, он окажется для нас бесполезным. Ну, или почти бесполезным.

Итан повернулся к Ксарет, и его янтарные глаза отразили свет.

— Есть идеи, как ускорить процесс, мадам? — он вежливо поклонился старшей видящей. — Если выражаться американским жаргоном, то полагаю, я «на мели». Какими бы полезными ни были материалы дневника Дигойза Ревика, они, похоже, закончились. Учитывая, что нашей главной целью должна оставаться безопасность мальчика, могут пройти недели до тех пор, когда я сумею выкрасть обратно то, что заполучила Элисон.

Воцарилась тишина, пока пожилая женщина думала, глядя в высокие окна за столом. Пока они ждали, Андреа тихонько прислушивалась к разумам собравшихся в фойе людей и делилась услышанным с Итаном.

«...у вас уже есть распоряжение для прессы?»

«...последнее, что слышно от СКАРБ — это то, что в Сиккиме все ещё случаются стычки между фракциями видящих. СКАРБ это сдерживает, но они наблюдают...»

«У нас есть последний отчёт о потерях в Пакистане? Что насчёт...»

Ксарет повернулась, переводя взгляд между двумя Терианами и барабана пальцами по шёлковой обивке дивана.

— Понятно, — сказала она мгновение спустя. — Да. Полагаю, ты пришёл к идеальному решению, дорогой Итан. Именно то, что нам нужно.

Веллингтон ответил удивлённой улыбкой.

Затем он притих, воспринимая образы, которые древняя послала ему через Барьерное пространство. Будучи человеком, он вынужденно поглощал такую информацию медленнее, даже с помощью видящих, которые присутствовали в комнате.

Как только он переварил все, что она послала, он кивнул, потирая подбородок.

— Я понимаю, — медленно произнёс он. — Но это будет непросто. Теперь уже нет.

Пожилая женщина усмехнулась.

— Не знаю, Терри, — послала она. — Думаю, ты можешь обнаружить, что это просто как никогда. Ты даже можешь поразиться тому, как все просто. Даже если ты не сможешь использовать мальчика, — она посмотрела на Джарвеш. — Найди способ добиться того, чтобы это случилось. И сделай это быстро. Нам нужно, чтобы он быстро встал в строй. Все наши планы зависят от того, чтобы быстро обеспечить его сотрудничество.

— Я понимаю, — сказал Итан, кланяясь.

Джарвеш скрестила руки на груди.

— Так как нам вытащить Четыре? — сказала она.

— Пошли Рейвен, — сказала Ксарет.

Итан поджал губы.

— Рейвен? Но тогда она узнает о мальчике.

Джарвеш тоже покачала головой.

— Никаких чужаков.

Ксарет отмела возражения обоих Терианов.

— Она будет на нашей стороне. Поверьте мне. Ей можно доверять. Просто позаботьтесь о том, чтобы ей хорошо заплатили.

Итан и Джарвеш обменялись напряжёнными взглядами.

Несомненно, Рейвен будет верна Ксарет, и Териан это знал, но эта верность могла не распространяться на все его части или какую-то из них.

После очередной паузы Итан склонил голову в сторону двери.

— Ладно, — сказал он. — Нам лучше позвать их обратно.

Джарвеш закатила глаза, натягивая на лицо рабочую мину.

— Ладно. Валяй.

Она допила свой напиток, пока Итан пересекал кабинет и открывал двойные двери.

— Друзья, прошу, — он улыбнулся, делая широкий жест рукой и в этот раз приглашая их внутрь. Подмигнув Джарвеш, он хлопнул Палмера по спине, когда тот проходил мимо. — Думаю, все решено, — он встретился с взглядом Ксарет, похожим на взгляд ящерицы. — У нас есть план.

Подождав, когда войдут все остальные, он закрыл двери, все ещё улыбаясь.

— Приношу свои извинения за такую секретность. Хорошие новости — теперь наш курс ясен. И нам не придётся останавливать войну дольше, чем на один день. А это должно устроить даже тебя, Грег, — когда по группе собравшихся прокатился удивлённый шёпот, Итан прочистил горло. — Нам нужно обдумать нашу стратегию для прессы. Но сначала выпьем!

Палмер фыркнул, когда остальные члены кабинета один за другим наполнили свои бокалы. Многие бросили на Верховную Судью настороженные взгляды, но все они отвернулись прежде, чем пожилая женщина их заметила.

Через считанные секунды Итан собрал их всех плотным кружком вокруг двух диванов, стоявших лицом друг к другу перед камином. По его знаку они подняли бокалы и торжественно чокнулись. Даже Джарвеш выдавила улыбку, поднимая стакан и дружески чокаясь им с Палмером.

— За конец войны, — сказал Итан.

— За победу! — сказал Палмер, и все рассмеялись.

— За победу, — поправился Итан, вновь с улыбкой поднимая бокал. — Пусть она будет быстрой и относительно безболезненной... для нашей стороны, во всяком случае.

Подняв бокалы вместе с ним, они пробормотали слова согласия и выпили.

Глава 16

Посетитель

Я примостилась на булыжнике перед домом Тарси.

Я проснулась рано. Слишком рано, учитывая, какой день выдался у меня накануне.

Лунный свет только начинал струиться через трещины в стенах пещеры, когда я отказалась от попыток уснуть и вытащила себя наружу.

Я сидела, закутавшись в одну из коровьих шкур, которые служили мне постелью, и наблюдала за тем, как звезды меркнут на небе, как моё дыхание вырывается клубами пара и искажает видимость. Сова ухнула во тьме, бесшумно пролетая над моей головой, но в остальном царила жутковатая тишина. Я все ещё сидела там, когда начали петь дневные птицы.

Примерно в это время я осознала, что за мной наблюдают.

Поднявшись на ноги, я просканировала ближайшие деревья.

Используя свои глаза, затем свой свет, я ощутила присутствие другого видящего, плотно укрытого щитами. Я поколебалась всего мгновение, затем крикнула, все ещё стискивая перед грудью коровью шкуру.

— Кто бы ты ни был, у тебя есть пять секунд, а потом я хватаюсь за оружие.

Тень вышла из-за дерева.

На мгновение моё сердце воспарило. Я подумала, что это действительно может быть он.

Затем я заметила рост фигуры.

Мой свет тут же отступил обратно, свернулся вокруг моего тела, словно не зная, куда идти. Вспыхнули искорки боли, которую я постаралась подавить. Мои губы поджались от разочарования.

— Чандрэ, — я узнала её косички, хоть её лицо оставалось в тени. — Что ты там прячешься? — в мой голос просочилась

злость. — Йерин послал тебя?

— Нет, — она прочистила горло. — Балидор.

Я кивнула, но моя поза не сделалась более расслабленной.

— И? — моя рука по-прежнему сжимала шкуры в кулаке. — Чего ты хочешь?

Разведчица поколебалась, затем шагнула вперёд, на полянку. Она шла ко мне так, словно я была бродячей собакой, чей характер она все ещё не определила.

— С тобой все хорошо, Мост? — мягко спросила она.

Мои руки сжались ещё сильнее. Должно быть, она что-то почувствовала, потому что опять остановилась примерно в десяти футах от меня.

— Я одна, — сказала она. — Пока что. Они пришлют и других. Только женщин. Таковы правила Балидора.

— Да? Так почему ты мне говоришь? Если таковы «правила Балидора»?

Последовала пауза.

Затем я вздрогнула, сбитая с толку импульсом, который окутал мой свет. Он исходил от Чандрэ и ощущался как боль — другая, не такая, которую я чувствовала от Ревика, но в ней содержался эмоциональный удар, который меня поразил. Я вспомнила, что не видела её среди лиц во двореке в тот день.

Когда Чандрэ не посмотрела мне в глаза, я заставила себя расслабиться, подышать.

— Что ж, я рада, что они послали тебя, — ворчливо сказала я, крепче кутаясь в покрывало и снова садясь на булыжник. — Ты голодна? Тут ещё есть похожий на кофе напиток, который делает Тарси. Неплохо, если...

— Нет, — Чандрэ сделала ещё один шаг ко мне, затем остановилась.

Я вновь ощутила в ней противоречие. Осознав, что она пытается найти способ, как бы поговорить со мной обо всей этой ситуации с Мэйгаром, я её опередила.

— Джон и Касс, — сказала я. — С ними все хорошо?

Она показала утвердительный жест.

— Они в порядке, Мост.

— А... Ревик? — я почувствовала, как поджались мои губы. — Где он?

Взгляд Чандрэ метнулся ко мне. Эмоции явственно отразились на её лице. Несколько секунд я могла лишь смотреть на неё, затем отвернулась.

— Он не может прийти сюда, Элли, — мягко сказала она.

Я кивнула, крепче натягивая коровью шкуру.

— Ага. Ладно, — я выдавила из себя вздох. — Он в порядке? Он не... ну ты понимаешь... не сделал ничего. Ведь нет?

Она покачала головой, отрешённо щёлкнув языком.

— Нет. Они привели его в лагерь перед тем, как сказать, — затем она тихо фыркнула, скрещая мускулистые руки на груди. Впервые за сегодня она заговорила как та Чандрэ, которую я знала.

— Ты хорошо закрываешься щитами, Мост. Он не знал... пока люди Балидора ему не сказали. Поняв, что случилось, он тут же устроил адову драку. Его пятеро еле как удержали...

Ощувив от меня что-то, Чандрэ поколебалась. Её тон сделался менее нахальным.

— Им пришлось на какое-то время запереть его. Успокоить.

Мои челюсти окаменели.

— Они навредили ему?

Чандрэ тихо щёлкнула языком, качая головой.

— Нет, Мост. Может, несколько синяков. Он от души всыпал Йерину. Сломал несколько рёбер прежде, чем они успели его оттащить.

Я уставилась в землю, думая о том, хочу ли я задавать следующий вопрос.

— А Мэйгар? — я подняла взгляд и посмотрела в её темно-красные глаза. — Я его убила?

— Нет, — Чандрэ показала отрицательный жест, переступив с ноги на ногу. — Твой муж тоже его не убил. Пока что. Он все ещё жив.

Я сглотнула, кивая. Я хотела поспрашивать ещё о Ревике. Однако я не знала, что спросить или как. Снова кивнув, я опять закуталась в шкуры.

Я не двинулась с места, когда Чандрэ подошла ближе, но напряглась настолько, что она помедлила перед тем, как сесть рядом.

Вместо этого она опустилась на землю передо мной и скрестила ноги.

— Мост, — Чандрэ сделала вдох. — Он попросил меня присмотреть за тобой.

Я кивнула, заставив себя посмотреть на неё.

— Я это поняла. Он сказал что-то про то, чтобы найти тебя, когда я вернусь в лагерь. Я просто забыла.

— Он сказал тебе, почему? — спросила Чандрэ.

— Нет, — мой тон сделался отрывистым. — И в данный момент мне не нужен урок по юридической зауми видящих. Я уловила суть этих правил. Мэйгар предельно ясно высказался. Очевидно, я сделалась доступной для всех, потому что я попросила секса, но не получила его, — я крепче скрестила руки под шкурой. — Ведь так, верно? Или я упустила какую-то деталь в этом лакомом кусочке традиций?

Чандрэ вздрогнула.

— Это дурацкий закон. Никто так больше не поступает. Никто, Элли. Поэтому Дигойз тебе не сказал. Не было смысла вообще упоминать это.

— Ага, — я кивнула, глядя на долину. — Вообще никакого смысла. Слушай, Чан, я ценю, что ты сюда пришла. Но мне не нужно, чтобы ты его защищала. Если он волнуется, что я буду сердиться, то он мог бы спросить сам, черт его дерит.

— Элли, — в голосе Чандрэ зазвучала мольба. — Пожалуйста. Это моя вина. Я пообещала ему. Я *пообещала* ему, что не допущу, чтобы что-то случилось. Он непреклонно настаивал, чтобы я встретила тебя у ворот. Я поступила глупо, позволив этому ублюдку

и его друзьям опередить меня. Мне стоило бы заручиться подмогой. Чтобы кто-нибудь присмотрел за тобой в случае, если бы я сама не смогла.

Я уставилась на неё. Чандрэ никогда не предавалась эмоциям — по крайней мере, в моем присутствии.

Я попыталась решить, ради кого она это делала — ради Ревика или ради меня. Зная её, это могло быть и то, и другое. Я медленно покачала головой, чувствуя, как разжимаются кулаки.

— Я не сержусь, — сказала я. Затем, подумав, я взяла свои слова обратно. — Ну, ладно. Я сержусь. Но в основном я чувствую себя идиоткой. Я знала, что что-то не так. Я знала, что Мэйгар что-то задумал, но все равно позволила уговорить себя на драку.

Все ещё раздумывая, я добавила:

— Я не испытываю особой любви к мужчинам в лагере, которые были там. Ты можешь передать Вэшу, что я не вернусь жить туда. Мне все равно, сколько замков они повесят на мою дверь.

Чандрэ кивнула. В её глазах и поджатых губах читалась боль.

Прикусив губу, я поколебалась, но потом все равно сказала.

— Я также чувствую себя крайне неустойчиво на позиции «лидера», раз из-за какой-то лазейки в законе я подвержена групповому изнасилованию всякий раз, когда мой муж будет не в настроении.

— Нет, — Чандрэ сделала категорический отрицательный жест. — Это только потому, что вы не консумировали брак. Как только вы это сделаете, никто тебя не тронет, Элли.

— Супер, — я фыркнула. — То есть тогда я буду в частной собственности. Какое облегчение, — пнув грязь носком ботинка, я добавила: — Не пойми неправильно, но я надеялась, что вместо тебя придёт он. На тебя не так весело орать за все это.

Чандрэ не улыбнулась. Вместо этого она кивнула с подавленным видом.

Несколько секунд мы просто сидели там. Я смотрела, как россыпь птичек гоняется друг за дружкой с одного дерева на другое.

Затем я вздохнула, осознавая, что мне нужно отпустить это. Мне

меньше всего надо возвращать негативные чувства к Ревику. И я не почувствую себя лучше, наказывая своих друзей за это. Ни я, ни Чандрэ не придумывали эти правила.

Я залезла рукой в карман.

После небольшой паузы, отыскав его в складках ткани, я вытащила кольцо, которое носила при себе с тех самых пор, как получила его обратно от Джона. Я протянула его Чандрэ, чувствуя, как лицо заливают румянцем.

— Эй, — позвала я. — Сделаешь мне одолжение, ладно?

В темно-красных глазах Чандрэ проступило удивление. От её рвения я вновь ощутила чувство вины, но проигнорировала его, настойчиво протягивая руку. Чандрэ раскрыла ладонь под моими сжатыми пальцами, и я опустила туда кольцо.

Я подождала, пока она посмотрит на него.

— Можешь передать ему это от меня? — спросила я. — Это подарок. Он может делать с ним все, что вздумается. Подогнать под свой размер пальца, выбросить в лесу, убрать в стол, что угодно.

— На каком пальце ему носить это кольцо? Что мне сказать? — произнесла она, рассматривая кольцо. — Если он спросит, Мост? На любовом?

Я пожала плечами, делая неопределённый жест.

— Понятия не имею, что это значит. У видящих есть какие-то неизвестные мне нормы, на каких пальцах нужно носить кольца? — я вскинула бровь. — Ну, знаешь, типа этот означает «ты мой любимый зайчик», а этот значит «я тебя однажды во сне зарежу»?

Она слабо улыбнулась, но улыбка все ещё была робкой. Все ещё очень не в духе Чандрэ.

— Это брачный презент? — спросила она.

Я провела пальцами по волосам, чувствуя себя неловко из-за этого вопроса.

— Типа того, — я потянула цепочку, висевшую у меня на шее, и вытащила её из-под рубашки. Потрогав болтавшееся на ней серебряное кольцо, я со вздохом показала его Чандрэ.

— Он дал мне это, — сказала я. — Я знаю, это не как

человеческий брак, где обмениваются кольцами, я в белом платье, он в смокинге и все такое. Я даже не уверена, что он имел в виду, когда дал мне своё кольцо. Но я хотела тоже дать ему что-нибудь. Что-то, что имеет для меня значение.

Я показала на кольцо на её ладони, чувствуя, как лицо сильнее заливает румянцем.

— Оно принадлежало моему отцу. Он был человеком, и чертовски много значил для меня. Это ты тоже можешь передать ему. Он поймёт.

Всматриваясь в мои глаза, Чандрэ сделала утвердительный жест. Я заметила, что она использовала более формальный вариант, словно я попросила её повести армию в сражение.

Она аккуратно убрала кольцо в нагрудный карман.

— Я знаю, что делать. Не волнуйся, Мост, — она улыбнулась ещё шире, почти напоминая прежнюю себя. — Ты терпеливая супруга, — сказала она. — Очень терпеливая. Дигойз — везучий мужчина.

Я не уверена, что мне это понравилось.

— Я бесхребетная, ты хотела сказать, — пробормотала я, снова пнув комок земли.

Чандрэ мягко щёлкнула языком.

— Нет. Нет, я бы так не сказала. Вовсе нет, Мост.

Коснувшись моей руки импульсом тепла, она удивила меня, ласково поцеловав в щеку. Я все ещё приходила в себя, когда Чандрэ поднялась на ноги. Не оборачиваясь, она направилась напрямик в леса, обратно в тот тенистый уголок, где я впервые её заметила.

Тарси потянула мой свет, кажется, в тот самый момент, когда Чандрэ скрылась из виду.

Она хотела, чтобы я вернулась внутрь.

Вздохнув, я скинула коровью шкуру с плеч. Теперь стало слишком тепло, чтобы кутаться в неё.

Вопреки интенсивности, с которой меня притягивала Тарси, я задержалась ещё на несколько секунд, позволяя солнцу согреть моё лицо, с закрытыми глазами слушая птиц и повернувшись лицом к

восточной стороне долины.

У меня было такое чувство, что я не увижу солнце ещё несколько дней.

Оказывается, в этом я была права.

Глава 17

Первый прыжок

Тарси начала официально. Она даже сказала мне, где сесть.

Пойдя навстречу её желаниям, я со скрещёнными ногами уселась на молитвенный коврик, который покрывал каменную плитку перед её камином. Я подождала, пока она сама опустится на свой молитвенный коврик, а тем временем приняла кружку от «девочки» и наблюдала, как огонь пожирает сосновое полено, которое одна из них бросила в камин.

«Я стара, Мост, — послала Тарси. — Я могу видеть некоторые вещи, потому что я их помню. Когда я прошлой ночью сказала, что случай с детьми меня беспокоил, это отчасти потому, что он ощущается таким же. Отпечатки в Барьере схожи».

— Схожи? — переспросила я. — С последним Смещением, имеешь в виду?

Она усмехнулась.

— Я не настолько стара, Мост.

Я покраснела, но Тарси лишь улыбнулась.

«Была ещё одна попытка начать человеческое Смещение, — послала она. — В этом цикле, имею в виду. В тот раз попытку пресекли. Восстание Сайримна во время Первой Мировой Войны вполне могло спровоцировать раннее Смещение. Опасность была предотвращена — в основном, самим этим созданием. Повезло, что он сделал все именно так».

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы осмыслить её слова.

— Ты имеешь в виду Сайримна? Он это остановил?

«Отчасти, да».

Меня затопило облегчением.

— То есть мы можем остановить процесс и в этот раз.

— Нет, — Тарси зеркально вторила своему ответу жестом пальца. *«Опасно предполагать такое, Мост Элисон. Смещение*

нельзя сдерживать вечно».

Я почувствовала, как мои губы хмуро поджались.

— Слушай. Это чушь собачья, уж извини за прямоту...

«Это можно остановить, Мост Элисон... в том плане, что все всегда возможно. Но я не вижу никаких признаков, указывающих на вероятность такого исхода. Лучше всего подготовиться сыграть твою обычную роль в грядущих событиях».

Тарси начинала немного напоминать мою бабушку.

У моей бабушки тоже появлялась такая резкость в моменты раздражения. В детстве меня всегда это удивляло из-за её внешности милой пожилой леди. Но теперь, когда я сидела в темноте посреди дня и говорила о конце света, контраст казался мне менее поразительным.

Я стиснула руки и посмотрела на свои пальцы.

— Должна тебе сказать, — сказала я, не поднимая взгляда. — Я не верю в пророчества. Сожалею, но я в это не верю. Вэш убедил меня, что с тобой лучше не спорить на эту тему, но мои взгляды от этого не меняются.

Увидев улыбку старой женщины, я позволила злости прозвучать в моем голосе.

— Я также не собираюсь подчиняться и планировать конец света, как те люди, которые воспринимают его как большую вечеринку. Меня, может, и воспитали среди «червяков», но я видела достаточно видео, чтобы знать, что война в большинстве своём — это уродливое и бессмысленное шоу ужасов. Если я могу не допустить, чтобы такое случилось, я этого не допущу. Я категорически не приемлю намёки, что все мои действия «неизбежно» только приблизят этот конец.

Фыркнув, я добавила:

— По правде говоря, хотелось бы мне, чтобы больше видящих помогали мне советом, как *избежать* войны, а не цитировали древние пророчества...

«Я понимаю, — Тарси легко вломила в мой разум безо всякой видимой реакции. — Я здесь не для того, чтобы убеждать тебя... или давать тебе советы. Только для того, чтобы обучить тебя

настолько, насколько я смогу».

— Но зачем? — спросила я. — Я же тебе сказала. Я не верю в ваши мифы. Почему не помочь мне с тем, что я действительно хочу сделать? Или почему, черт подери, просто не позволить мне быть номинальной главой?

Взгляд её глаз сделался резким и немного нетерпеливым.

«Элисон, ты уже стала лидером. Месяцы назад. Время для «игры в номинального лидера» давно миновало. Не прикидывайся передо мной маленькой девочкой, и тогда я не буду разыгрывать перед тобой старуху. По рукам?»

Чувствуя, как напряглись мышцы моего лица, я кивнула.

— По рукам.

Она проследила за моим взглядом и тоже посмотрела на огонь. *«Если ты действительно хочешь воспрепятствовать пророчествам, описанным в Мифе, ты сначала должна узнать, что они подразумевают. Мост не считается злом. Не злее Сайримна. В твоём случае мы добрались до тебя вовремя — пока тебя не затянули в нечто поистине тёмное стараниями Галейта или кого-то другого. Сайримну повезло меньше».*

Она слегка пожала одним плечом.

«Мечу часто достаётся сложный путь».

Я взглянула на девочку, гадая, что она подумала о нашей перепалке. Я сделала жест кружкой, молча прося налить ещё тёмного напитка. Когда она начала готовить следующую порцию в глиняном чайнике, я повернулась обратно к Тарси.

— Мне все ещё немного трудно слышать хорошее о Сайримне, — сказала я. — Это все равно как если бы кто-нибудь сказал, что Гитлер был неплохим парнем, просто у него выдалось тяжёлое детство.

— Нет, — Тарси описала в воздухе линию одним пальцем и нахмурилась. *«Он был вовсе не хорошим человеком. Вовсе нет. Неудачное сравнение, Элисон».*

Я невольно улыбнулась.

— Ладно, — сказала я. — Так в чем разница? Сайримн в конце

внезапно передумал?

«Нет, — её взгляд оставался ровным. — Он не «передумал», как ты говоришь. Его куратор, видящий по имени Менлим, извратил развитие его разума и aleimí до такой степени, что мы практически лишились возможности общаться с ним. В его глазах мы были врагами. Не заслуживающими доверия. Видишь ли, Сайримн верил, что спасает мир».

— Супер, — сказала я. — А какой псих в это не верит?

«Элисон, — мысли пожилой женщины сделались похожими на камень. — Ты понятия не имеешь, какими были реалии жизни видящих в те времена. Мы видели, как сотни тысяч наших людей оказались безжалостно убиты буквально за одну ночь. Наших детей крали и экспериментировали на них. Наших самых уважаемых артистов и богословов превратили в рабов ради развлечения. Наших женщин систематически насиловали и продавали, разлучая с супругами. Ты знаешь, что даже теперь в человеческом мире изнасилование любого видящего, мужского или женского пола, не считается преступлением?»

На мгновение у меня возникло желание напомнить ей, что у её собственных людей понятие «согласия» тоже было достаточно специфическим, затем решила, что этот спор ни к чему не приведёт.

Поднявшись на ноги, я встала возле каменной полки камина.

— Так что теперь? — спросила я сдержанным тоном. — Как нам расследовать, кто сотворил такие вещи с детьми в лагере? Ведь такое задание нам поручили, верно?

Тарси пожала одним плечом. *«Это иронично, учитывая твою антипатию, — она подняла взгляд. — Я подумала, что нам стоит начать с последнего критического инцидента. Посмотреть, сможем ли мы провести параллели со случившимся в Сиккиме».*

— Последнего критического инцидента? — я подумала над её словами, затем ощутила, как кровь отливает от моего лица. — Ты имеешь в виду Сайримна? Мы будем смотреть на Сайримна?

Она показала вправо и вверх — жест видящих, обозначающий «да».

— Но что это докажет? — спросила я. — Сайримн умер почти столетие назад.

Тарси отхлебнула чаю. *«Думай об этом в плане стратегии — стратегии, которой у Дренгов было в изобилии. Для них это стратегический момент. Полезно будет посмотреть на их первую попытку изменить игру в свою пользу, пусть даже эта попытка обернулась неудачей».*

Эта мысль вызвала у меня тошноту — такую сильную, что я невольно задалась вопросом, почему принимаю все это так близко к сердцу. Но я действительно принимала это близко к сердцу, и не только смерть тех детей. Символы меча и солнца украшали половину стен в Сиртауне. Я всегда задавалась вопросом, почему этот символ Сайримна — существа, которое самолично убило тысячи людей и являлось предположительным «предателем» видящих — украшал целую стену в храме Вэша.

Для меня это все равно что разрисовать свастикой всю гостиную.

Может, Тарси права. Может, такая реакция вызвана человеческим воспитанием, и этот символ просто вбили в мою голову как синоним смерти и фанатизма. И все же это все равно казалось мне как минимум нездоровым.

Та же метка вытатуирована синими и белыми чернилами на левом бицепсе Мэйгара. Он называл её меткой «настоящего» террориста.

— Он жив, тот парень? — вежливо спросила Тарси. — Ты его не убила?

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, о ком она говорит. Затем я нахмурилась.

— Он жив, — признала я.

— Должно быть, ты испытываешь облегчение.

Я не ответила, но все равно поймала себя на том, что думаю о Мэйгаре.

Испытывала ли я облегчение? Наверное, да. Я не могла по-настоящему желать его смерти, даже в отрыве от того, что ответственность легла бы на меня. Кроме того, я все ещё хотела знать, почему он это сделал. Я не могла поверить, что он бы изнасиловал меня просто для того, чтобы досадить Ревикю.

Вопреки всем его колючкам, он почти защищал меня, когда дело

касалось Ревика. Он вёл себя так, будто считал, что Ревик недостаточно хорош для брака со мной — особенно после того, как стало известно об его супружеской неверности.

Что он там сказал? Что-то про то, что он будет мне хорошим мужем.

Ну, или хотя бы будет лучше, чем Ревик.

Внезапная резкая боль пронзила мою грудь, такая сильная, что я ахнула. Она ощущалась как злость, но за ней крылось столько всего, что я задержала дыхание.

Придя в себя, я осознала, что мне знакомо это присутствие.

Иисусе. Как долго он был здесь? И почему он ничего не сказал?

Как раз когда я подумала об этом, он испарился из моего света.

Повернувшись, когда девочка предложила мне дымящийся напиток, я забрала у неё кружку чуть резче, чем следовало, и прикусила губу.

«Проще показать тебе», — послала Тарси, заставив меня повернуться.

Она поднялась так тихо, что я её не услышала, и теперь она стояла позади меня. Если она и заметила что-то, то никакого намёка на это не отразилось в её ясных глазах.

«Можно мне?» — послала она.

Я поколебалась лишь на секунду.

— Конечно.

«Тебе лучше снова сесть, Мост».

Я опустилась обратно на молитвенный коврик, подвинув ноги ближе к огню. Девочка мгновенно встала на колени позади меня, держа в одной руке расчёску. Она подняла её, смущённо показывая на мои волосы. Мысленно вздохнув (в основном потому, что не могла отделаться от чувства вины из-за того, что она мне прислуживает), я кивнула. Я заснула с мокрыми волосами, так что наверняка моя голова выглядела так, словно там два кота предавались любовным утехам.

— Ладно, — сказала я Тарси, когда девочка начала аккуратно

распутывать мои волосы пальцами и расчёсывать. — Я готова.

Как только я сказала это, все вокруг потемнело.

Меня никогда не выкидывало в Барьер так быстро, совершенно без предупреждения или переходного периода...

... И я все ещё стараюсь дышать, когда темнота окружает меня.

Я неподвижно вишу в черноте безлунной ночи в яме в три утра. Я стою, сижу или падаю — здесь невозможно определить, что происходит на самом деле. Здесь нет звёзд, угольков или остатков огня. Я не могу видеть себя в световой форме или во плоти. Я существую как самое глубинное, самое безмолвное ничто, какого я никогда в жизни не знала.

В центре этой темноты концентрируется свет.

Он парализует меня.

Поразительное белое кольцо стягивается внутрь, затем, после мгновения, в которое время замирает... оно вновь взрывается наружу. Фонтан столь изумителен, столь полон изобилующим присутствием, что я не могу отвернуться. Я смотрю, как он расцветает вверх и в стороны вздымающимися крещендо света.

Цвет вливается в черноту.

С орбиты он напоминает вулкан — высокий, мерцающий туман в беззвёздном океане.

Я смотрю туда, где рядом со мной плывёт Тарси.

Её силуэт ярок, наполнен таким количеством вращающихся геометрических фигур тоньше волоска, что я с трудом не теряю концентрацию, когда сосредотачиваюсь на ней. Поначалу я думаю, что её появление — тоже часть светового шоу.

Затем я осознаю, что это просто её *aleimi* — то, как она выглядит внутри Барьера.

Фонтан раскручивается наружу, распространяя облака энергии и формы.

Некоторое время спустя расплавленные куски пролетают мимо нас в темноте. Я вздрагиваю, когда облако продолжает расти, пытаюсь тем, что взрывается в его сердце.

Сотрясаемые гигантскими взрывами газа, мы начинаем вращаться по направлению наружу вместе со всем остальным, бездыханно двигаясь сквозь космос. Я вижу, как искорки образуют более глубокие бассейны. Спирали превращаются в небольшие часы, двигаясь в отчётливых индивидуальных ритмах. Я вижу формирование сотен, тысяч таких спиралей. Своего рода чудо прорывается сквозь события былых дней, недель, месяцев, и я знаю, почему Тарси начинает здесь.

Она начинает с рождения.

Это — первая вещь.

Теперь мы ближе — ближе к одной из тех спиралей света, и я ощущаю знакомость этого вращательного движения, словно оно живёт где-то в коде моей ДНК. Я смотрю, как звезды формируют вспышки в кружащих потоках расплавленного пламени, и я знаю, что нахожусь дома, или по крайней мере в непосредственной близости к дому, в галактике, где жило все и вся, что я когда-либо знала.

Мы скользим глубже в это место внутри места.

Изумление вновь омывает меня — в этот раз изумление малостью всего, что мне известно.

«Это было ловко», — говорю я ей.

Она не отвечает словами, но я чувствую её улыбку.

Здесь, глядя, как свет формируется внутри этой пустоши жидкой черноты, я как минимум начинаю понимать, что я никогда не пойму.

... Пещера материализуется.

Это происходит быстро — быстрее, чем я осознаю, что звезды меркнут и превращаются в угольки.

Это не её пещера.

В смысле, это не та же пещера, в которой моё физическое тело сидит на замысловато сплетённом коврике, где мои волосы терпеливо расчёсывает до прямых прядей женщина, которая заслуживает лучшего. Женщина, чьё лицо огрубело из-за ветра и солнца, чьи прозрачные глаза смотрят вдаль и привыкли к снегу.

Эта новая пещера значительно крупнее.

Я не вижу никакого убранства, помимо ямы для костра, и толстого прямоугольного ковра, который покрывает большую часть пола пещеры. Я смотрю на замысловатый орнамент ковра, потерявшись в рыбках, китах, анемонах, осьминогах, мечехвостах, морских звёздах.

Я не поднимаю взгляда, пока Тарси не дёргает мою световую руку, увлекая за собой глубже в пещеру.

Освещённые пламенем стены переходят в такую просторную пещеру, что у меня перехватило бы дыхание, если бы здесь я дышала. Пространство такое высокое, что я не вижу потолка вопреки кольцу горящих факелов и костру в яме, который напоминает мне о пляжных вечеринках в школе.

«Где мы?» — спрашиваю я.

«Памир. Пещеры наших предков».

Я под впечатлением. Я никогда не бывала в Памире, даже в Барьере.

«Это все ещё находится здесь?» — спрашиваю я, глядя по сторонам и впитывая габариты этого пространства. — *Сейчас, имею в виду? В физическом мире?»*

Она склоняет голову, как птица, выполняющая вираж в полете — этот жест в языке жестов видящих означает «более или менее»... более или менее. Она ведёт меня к ровной плоскости стены пещеры, обтёртой множеством рук и инструментов. На вулканическом камне видна поразительно детальная картина.

Я осознаю, что смотрю на эти образы и чувствую себя почти так, словно уже видела их прежде.

Некоторые я видела.

Наверху полыхает белый меч, пересекающий центр бледно-голубого солнца. Солнце представляет собой нечто среднее между

индейскими и тибетскими образами. Почти японское, я думаю, пока не осознаю, что пытаюсь отнести к человеческой категории то, что явно относится к видящим. Я смотрю на другие фигуры, прорисованные с поразительной детальностью вокруг изображения Земли, которое мог бы создать Босх под воздействием болеутоляющих препаратов.

Пожилая женщина показывает вверх, на центральное изображение над планетой.

Это старик. Его посох поднят к небесам, описывая белую арку струящегося света, который тянется от Земли до мерцающего, глубокого золотого моря. Он одет во все белое и стоит в ночном небе, держа свет между обоими мирами. Его лицо выглядит серьёзным, немного пугающим.

Одна из его ног балансирует на Земле.

«Мост», — говорит она.

Её глаза словно звезды, такие яркие, что я не могу прямо смотреть в них.

Я поднимаю взгляд на старика.

«Почему мужчина? — спрашиваю я. Для меня это своеобразный камень преткновения. — *Это всегда мужчина?*»

Она усмехается и показывает на другое изображение — женщины, держащей облако, которое походит на молнию во фрагменте чёрного неба. Фигура женщины одета тоже в белое, и одна из её босых ног тоже касается Земли.

«Тоже Мост», — говорит Тарси.

Я со странным умиротворением изучаю изображение, хотя её глаза такие же пугающие, как у мужчины.

В рисунок вплетается бесчисленное множество других фигур.

«Кто они все? — спрашиваю я. — Они не могут все быть Мостами?»

«Нет, — соглашается она. — Эта фреска служит изображением созданий-посредников. Тех, о которых нам известно, — она вновь улыбается. — Они — твоя семья, Мост Элисон. Твоя истинная семья. Последние из твоего рода

олицетворены здесь».

Я кошусь на неё, вновь поражаясь яркости её света.

«В каком смысле — моего рода? Что это за род?»

«Ты же знаешь миф, верно? Миф о Трёх?»

Я киваю. Однако мне неловко. Я на самом деле не знаю его. Правильнее будет сказать, что мне известно об его существовании. Миф — одна из тех вещей, которые отделяют меня от других видящих. Они воспитывались на Мифе, а я — нет, и никакое количество пересказов не сделает этот Миф частью моей повседневной реальности, которой он является для них.

Тарси улыбается так, словно понимает. Ну, или хотя бы так, словно она меня слышит.

Она начинает пересказывать.

В её сознании Миф — это поэзия.

Даже больше. Это живое сознание.

*Фразы наполняют меня светом, резонируют с тонкими структурами в моем *aleimi*. Музыка разворачивается изнутри смятых кармашков смысла, раскрываясь, словно бутоны цветов, рисуя интимные образы прошлого, настоящего, будущего.*

Она поёт:

«Дыхание любви разгорается в бассейнах золота, но это не первое...

*...Не последнее, и даже не начало. Люди плывут на поверхности *Miuld*, в мире, размеченном садами для избранных. Мы проламываем простоту плоскими хвостами и пальцами ног, похожими на пальцы рук, кути́м в яркости молодого света.*

Наши ряды множатся, наши конечности простираются, источая нежные волны. Мы завоёвываем миры тревожно быстро. Мы охватываем созидание нашими работами, одновременно уродливыми и изумительными. Когда время приносит новое, когда каждый круг рождения и хаоса начинается...

Это не может длиться. Первая раса поглощает себя внутри себя. Она взывает к Смерти, и Смерть слушает. Но Смерть нельзя оставить в его одиночестве, только не первым в нашей боли.

Сострадание приносит слезы, изумительный Мост касается неба. Они смотрят, страшатся.

С ней Смерть оставляет кости, дабы питать новых. Любовь смягчает Смерть, привносит меж них надежду. Приходят другие, чтобы сплести следующих, и...

Те из нас, что остаются, должны расти или сгинуть. Мы творим магию за пределами того, что видит любой после. Но боги закрыли двери в те другие миры, и им остался лишь один, и он одинок. И в этом мире рождена Вторая раса, из деревьев и из-под камней.

Они вырастают по нашему подобию, и все же верят, что одиноки. Их работы заполняют тот одинокий мир, пока они не встречаются с нами и не страшатся. Огни выгорают дочерна во второй раз, во второй жизни. Смерть слушает, пока Мост спускается вниз, освещая путь на небеса.

Песнь любви сияет маяком, оставляет их одних. Золотой океан покрывает все раны.

Вторая раса следует путём первой, а те, что остались позади, обречены смотреть, как огни вновь горят. Время ускоряется, и все истории складываются внутри самих себя.

Что касается первых, самых молодых и самых глупых, самых магических и самых ребяческих, боги вызывают нас из камня. И когда боги говорят, великий плач доносится от двери до того другого места, что должно быть потеряно, и те, что по другую сторону, забыты.

Когда приходит Третья Раса, они приносят с собой звезды. Мы оставляем их, наших Стражей Середины. И Мост раскручивает свой свет...

...Пока мы не перестаём жить здесь».

Глава 18

Элерианцы

Когда её слова обрываются, внутри Барьера воцаряется тишина.

В этой конструкции пещеры я осознаю, что никогда прежде не слышала Миф вот так.

Несколько секунд я могу лишь стоять там, пока строки продолжают отражаться в моем *aleimi* как дрожь живых разрядов электричества. Сами слова содержат какой-то свет, который не кажется мне светом; я ощущаю его как присутствие, сопровождаемое эмоциями и образами. Я позволяю им омыwać меня, ожидая своеобразного... даже не знаю.

Понимания, возможно.

Что-то, что заставит меня почувствовать, словно я знаю то, чего не знала прежде.

Но этого нет. Не в той манере, которая кажется логичной моему разуму.

Тарси нарушает эту торжественность и усмехается.

«Видишь? — говорит она. — *Женщина. В старых мифах Мост — всегда «она», никогда не «он».*

Но сейчас я прокручиваю в своей голове другие слова. «Миф. Он вроде как намекает, что я не являюсь, то есть, на самом деле не являюсь...»

«Ты не Сарк», — соглашается она.

Её слова звучат буднично, точно она излагает малозначительный факт.

«Не вторая раса, — подтверждает она ещё раз. — Ты — первая раса. Все создания-посредники — первая раса. Мы называем их Элерианцы. Вторая раса — это *Sarhacienne*, «Вторые»... Сарки. Третья раса называет себя людьми. Древние имена для них теперь не имеют значения».

Я слышу лишь часть из этого. Я повторяю её слова как

говорящий скворец, словно если Тарси услышит их вновь, то она может поменять своё мнение относительно сказанного.

«Я первая раса, — посылаю я. — То есть, на самом деле другой вид? Биологически другой?»

Когда Тарси приподнимает световую бровь, я вижу красные и оранжевые искры, курсирующие по венам моего *aleimi*.

Я спрашиваю её снова. *«Я не только не человек, я даже не Сарк?»*

Она улыбается. *«Ты знала, что отличаешься от нас. Свет в твоих глазах — он виден для людей. Твоя кровь не похожа на нашу. Есть и другие вещи. Ты телекинетик. Это не свойственно Саркам. Ты достигла физической зрелости слишком быстро для Сарка. Ты смогла адаптировать ранний цикл роста под людей, чтобы остаться незамеченной. Sarhaciennes не могут изменять свою биологию, чтобы адаптироваться под окружающую среду. Воспитываемые среди людей, они продолжают походить на человеческих детей, пока не станут намного старше двадцати лет».*

Она всматривается в мои глаза.

Я внезапно осознаю, что она адаптировала нашу внешность, чтобы та совпадала с нашими физическими телами. Это происходит так плавно, что я почти не замечаю.

Она добавляет: *«Скорее всего, у тебя есть и другие отличия, которых мы не осознаем. Многие знания о твоей расе утеряны».*

Но я застряла в ментальной петле, из которой, кажется, не могу выбраться.

В моей голове повторяются слова, которые некогда сказал мне Ревик.

«Нелогично иметь мнение о том, к какому виду принадлежит кто-либо».

Конечно, когда он сказал это, я думала, что он говорил о своём виде.

«Но кто меня родил?» — спрашиваю я.

Она пожимает одним плечом в манере видящих.

«Разве это не важная деталь?» — спрашиваю я.

«Говорят, что Элерианцы производят на свет потомство иначе, нежели Сарки и люди. Говорят, что они способны из Барьера передавать своих отпрысков в физические эмбрионы других существ. Также говорится, что некоторые из них всегда живут среди нас, но сохраняют своё существование втайне. Некоторые говорят, что они могут появиться здесь ровно настолько, чтобы произвести потомство, а потом умирают. Возможно, что твои родители пошли каким-то из этих путей. Также возможно, что ты сама произвела себя на свет из Барьера... или же рождена от Сарка, а разница заключается в твоём *aleimí*».

«Это полная бессмыслица», — посылаю я, подавляя злость.

Она вновь пожимает плечами. «Я не могу сказать тебе того, чего не знаю».

«Подожди, — говорю я, поднимая ладонь. — Ревик сказал, что моя группа крови существует среди *Sarhaciennes*. Он говорил, что такая группа редка, но встречается».

Её улыбка терпелива.

«Разве так важно быть одной расы с нами? — она невинно вскидывает бровь. — Или ты так решительно настроена быть схожей с ним?»

Отведя взгляд от этих неподвижных как камень глаз, я заставляю себя сделать паузу, подумать.

«Может быть, — признаю я. — А может, для меня немного чересчур думать, будто я знаю, кто я такая... дважды... и обнаружить, что я оба раза ошибалась. То есть, вот как старейшины определили, что я — Мост? Через эти биологические штучки?»

Она делает очередной жест «более-менее».

«Маркеры в твоём *aleimí* ещё более красноречивы, — посылает она. — Если бы ты привыкла больше смотреть на людей через их *aleimí*, и не обращать внимания на их физическую внешность, ты бы осознала, что в твоём свете есть некоторые существенные отличия».

«То есть, Ревик знал?»

Она показывает утвердительный жест. «Он определённо знает.

Он предоставил последнее подтверждение».

«Подтверждение? Что это значит?»

«Тесты твоего *aleimi*, — посылает она, небрежно взмахнув рукой. — Тогда ты бы не смогла заметить те тесты. Но они отчасти послужили причиной, почему ты смогла так легко образовать связь с ним, — она улыбнулась. — В некотором смысле вы уже знали друг друга. Куда лучше, чем ты, наверное, осознаешь».

Я чувствую себя так, словно вернулась на корабль и опять узнаю все то, что он делал у меня за спиной. Даже теперь он держит меня в неведении относительно того, сколько ему известно.

На корабле, выведав это буквально под дулом пистолета, я узнала, что он неоднократно вторгнулся в моё личное пространство, пока защищал меня для Семёрки.

Он побывал в каждой комнате моей квартиры в Сан-Франциско, а также в доме моей матери, моего брата, Джейдена, квартирах и домах моих друзей. Он хранил оружие, деньги и гарнитуры у меня дома, у моей мамы и Джона. Он создал тайник в моем потолке на случай, если ему когда-нибудь придётся вытаскивать меня оттуда, не используя дверь. Он читал мой разум и разумы практически всех, с кем я регулярно контактировала.

Он просматривал мои рисунки, медицинские данные, школьные данные, полицейские отчёты, все мои аккаунты онлайн. Он имел открытый доступ ко всему, что я делала в сети, к любым виртуальным порталам, которые я посещала — к любому порно, которое я смотрела или читала. Он установил наблюдение за моей работой и школой, моими начальниками, моей семьёй, всеми, с кем я спала, работала или дружила.

«Почему он не сказал мне?» — говорю я наконец.

Она вздыхает. «Ты хочешь, чтобы расшифровала причуды разума моего племянника?»

Чувствуя, как нарастает моя злоба, она вновь щелкает языком, но уже мягче.

«Есть много возможных причин, — говорит она. — Чтобы не пугать тебя. Чтобы не потерять твоё доверие в самом начале ваших отношений. Открытия такого рода лучше проходят поэтапно. То, что ты единственный известный живой

представитель своего вида... то, что ты не осознавала этого потому, что способна адаптироваться под своё окружение... это не самые приятные сведения и для того, кто их получает, и для того, кто их сообщает».

Подумав ещё, она сделала пренебрежительный жест одной рукой.

«И да, телекинез его немного встревожил».

В ответ на моё молчание её веселье возвращается.

«Скорее всего, он также не ожидал оказаться женатым на тебе через неделю после твоего пробуждения».

Она усмехается, и её веселье рябью прокатывается через Барьерное пространство.

«...Полагаю, большая часть его внимания была сосредоточена на решении, как донести до тебя именно эту часть информации, Мост Элисон».

Все ещё улыбаясь, она всматривается в мои глаза.

Однако я чувствую под её весельем беспокойство. Как и Чандрэ, она волнуется, что навредила моему восприятию Ревика. Это тоже раздражает меня по причинам, которые я поначалу не могу объяснить даже самой себе. Я осознаю, что мне немного кажется, будто все объединились против меня.

«Элисон, — посылает она прежде, чем я успеваю что-то сказать. — Мы просто понимаем, что учитывая твоё текущее состояние, вполне вероятно, что ты остроотреагируешь на любую новую информацию о твоём супруге. В данном случае это совершенно недопустимо. Он действовал по строгим приказам в отношении приближения и раскрытия информации. Он просил у нас — много раз просил — разрешения установить прямой контакт, чтобы он мог начать твоё обучение. И он много раз получал отказ. В основном потому, что мы не знали, насколько резким будет твоё пробуждение. Будучи слепой, ты находилась в безопасности. Говоря относительно».

Здесь я делаю паузу.

«Так почему Вэш не сказал мне? — спрашиваю я. — Как только я попала сюда?»

«Я говорю тебе теперь», — отвечает она.

Стараясь держать свой нрав в узде, я проделываю детский трюк, который я использовала, когда злилась на свою мать.

Поднимая ладонь, я утыкаюсь взглядом в реконструированную плоть.

Отчасти это работает. Я восхищена деталями — вплоть до пореза, который я заработала прошлым утром от двери вертолѐта, а также до синяков на костяшках пальцев после драки с Мэйгаром.

Я гадаю, кто добавил эти детали — я или она.

«Это сделала ты, — посылает она. — Видишь? Это один из твоих даров... становится как те, кто тебя окружает. В человеческом мире ты лишь отчасти преуспела в этом».

И вновь я вспоминаю слова Ревика.

«Как кровь на белой простыне. Они замечают тебя, а потом придумывают причину, почему».

Заметив улыбку Тарси, я поднимаю взгляд на картину на каменной стене, сосредоточившись на поразительно прорисованных фигурах. Я насчитываю двадцать пять, может, тридцать фигур на картине, помимо тех двух, которые по её словам являлись Мостом.

«Они все создания-посредники? — говорю я. — Все Элерианцы?»

Она показывает на отдельные образы.

Первый стоит под рисунком меча, пересекающего солнце. Он мальчик, держащий синее солнце в руках и смеющийся. Его глаза добры, поразительно невинны.

«Смерть, — говорит она. — Тебе он известен как «Меч» или «Меч Богов»... Syrimne d' gaos»^[5].

Её палец перемещается к другому силуэту — фигуре женщины в красном, которая вплетается и стоит за изображением меча и солнца.

«Война, — говорит она. — Также катаклизм». Её палец вновь перемещается к фигуре, сделанной из костей, но в форме похожей на ворону птицы.

«Шулер^[6], — говорит она. — Его также называют голодом. Пожиратель душ, — она мельком смотрит на меня. — Это

несовершенные переводы, конечно. Но твоё знание прекуси в данный момент недостаточно, так что я перевожу на английский. Это лишь примерный эквивалент...»

«Я знаю эти имена», — говорю я, перебивая её.

Немного нервно осматриваясь по сторонам, я вспоминаю разговор с Ревиком, который состоялся как будто миллион лет назад — о Четырёх Всадниках Апокалипсиса и Мосте.

В то время я отмахнулась от него, думая, что он просто объясняет религию видящих.

Теперь, однако, я не без оснований уверена, что Тарси только что перечислила три их имени, одно за другим: Смерть, Война, Голод. Четвёртый — их лидер, скачущий на белой лошади. Тот самый, о ком вечно спорят, должен ли он быть злом или силой добра.

В первый раз, когда мы играли в шахматы, Ревик сказал мне, что я должна играть белыми. Это его версия шутки. Он сказал, что Мост всегда белый; он даже называл меня «белой всадницей».

Я смотрю на изображения Моста.

В обоих случаях фигура одета в белое.

«Все не так просто, как это изображают люди, — ласково посылает мне Тарси. — Давай пока что просто скажем, что многое потеряно при переводе, — она жестом руки показывает на картину. — Что ещё ты видишь, Элисон?»

Я вновь сосредотачиваюсь на образах перед собой.

«Это как шахматы, — признаю я и показываю на изображение кентавра в шлеме, вооружённого мечом. Он одет в кольчугу, лицо выражает свирепость. — Конь?» — спрашиваю я.

Она кивает. *«Конь. Воин. Рыцарь^[7] — тоже хороший вариант».*

Я показываю на изображение пожилого мужчины в короне, похожего на Николая Чудотворца.

«Король? — спрашиваю я. Когда Тарси жестом отвечает «более-менее», я показываю на его двойника женского пола. — Королева?»

И вновь она делает рукой жест «более-менее».

«Мы называем Короля «Щитом», — говорит она. — Королева —

«Стрела». Но по сути ты права. Они — стабилизирующие силы. Они обеспечивают структуру, когда она нужна».

«Щит? — я смотрю на королевский силуэт. — То есть, Галейт, верно?»

Она показывает согласие. «Верно».

«То есть, он был хорошим?»

Она делает небрежный жест. «Хороший, плохой... изначально он не был ни тем, ни другим. Он заключил союз с Дренгами, Элисон, так что нет, он не был хорошим».

Её световые глаза сосредотачиваются на моих, и их сложность заставляет меня уставиться на неё.

«Как и с Сайримном, — добавляет она. — Все необязательно должно было произойти таким образом. И он все же послужит своей цели... более или менее. Мрачные последствия вытекли из стабильности, которую создал Галейт — и их было намного больше, чем необходимо, строго говоря. Но он помог предотвратить ту раннюю попытку вызвать Смещение перед тем, как его завербовали Дренги».

Я смотрю на лицо этого существа.

Я представляю и почти могу видеть в нем Галейта.

«Он тоже твой брат, Мост Элисон, — говорит она. — Отчасти поэтому тебе было поручено обуздать его крайности».

Я одаряю её сухой улыбкой. «Если под «обузданием его крайностей» ты подразумеваешь провоцирование его смерти, что ж, полагаю, я достаточно хорошо выполнила свою задачу».

Пожилая видящая лишь пожимает плечами, её световые глаза вновь сосредотачиваются на фреске.

«Не все твои братья и сестры выбрали на человеческую шахматную доску, — говорит она. — Но многие проявились в других местах».

Она показывает на изображение танцующего кролика.

«Шут^[8], - говорит она. — Трикстер^[9]».

Я показываю на изображение черепахи под Землёй. «Это тоже

выглядит знакомым. Кто он?»

«Мудрость, — говорит Тарси. — И по традиции это «она», — она показывает на создание, которое я до сих пор не видела. Оно вплетено в материю океана. — «Дракон» — достаточно близкое слово в английском. Но не совсем то. Не совсем рыба. Возможно, точнее будет назвать его «Рождение». Он и Мудрость — созидание, мужчина и женщина. Ближе к китайскому значению дракона, нежели к тому, как его видят европейские люди»^[10].

Её взгляд возвращается ко мне, её глаза бледны как звезды.

«Некоторые из этих созданий не реинкарнируют здесь в индивидуализированной форме, Мост Элисон. По крайней мере, не так, как появилась ты или Сайримн. Они в большей мере Барьерные существа, неспособные в стабильной форме существовать в данной плоскости».

Я обвожу взглядом остальные образы. Мы не охватили и трети.

«Теперь ты понимаешь?» — спрашивает она.

«Понимаю? — я смотрю на неё. — Понимаю что?»

Она улыбается, и её улыбка терпелива.

«Почему Смерть — это твоя ответственность», — говорит она.

Глава 19

Не так-то просто

Той ночью я спала плохо.

Глубоко зарывшись в мех, в основном шкуры коров и яков, я не испытывала недостатка в тепле, и постель не была слишком жёсткой.

Это все он. Боль разделения пришла, как только я закрыла глаза.

В смеси с ней пришла паранойя, какой я не испытывала с тех пор, как он впервые уехал в Египет. Я знала, что это иррационально. Что бы Ревик ни делал, чтобы уклониться от правды, когда она причиняла ему неудобства, я знала, что он никогда не говорил мне откровенной лжи. Он предельно ясно дал понять, что ожидал от меня моногамии, и что он имел достаточно всеобъемлющее определение того, что это слово означало.

Кроме того, если ему и захотелось немножко до моего возвращения, он был достаточно умён, чтобы сделать это где-то за пределами Сиртауна.

Однако эти мысли не слишком поднимали мне настроение. Как и понимание, что я оставила его со знатным стояком — ситуация не слишком отличалась от тех раз в прошлом, когда он прибегал к услугам других.

Однако где-то в гуще этого беспокойства я все же заснула.

Я знаю это потому, что на следующее утро меня разбудила девочка.

Я наконец-то выведала её имя — Ханна, надо же! — прямо перед тем, как она протянула мне кружку того коричневого напитка, от которого шёл пар. Я вытащила себя из груды шкур и тут же получила другую кружку — в той содержался обязательный чай с маслом яка.

Это в сочетании с пронизывающим холодным воздухом, проникавшим через открытые окна, не слишком улучшило моё настроение. Одной из положительных черт видящих в Сиртауне являлось то, что они претерпели достаточное влияние запада, чтобы уметь оценить хорошее эспresso.

Тарси не тратила времени впустую.

Потянувшись и лениво накинув на себя одежду, я ощутила тычок в своём разуме. Она сидела на том же коврике, который лежал на каменных плитах у камина. Посмотрев вниз, я заметила, что коврик представлял собой значительно меньшую по размеру и менее затейливую версию того ковра, что я видела в пещере Памира.

Она похлопала ладонью по шерсти, глаза смотрели выразительно.

Неохотно поднявшись, я подошла и села рядом с ней, скрестив ноги.

Я постаралась игнорировать завитки света, которые чувствовала — они робко окружали меня из какого-то другого места.

Он лежал в кровати. Я чувствовала, как он лежит там, глядя в белёный потолок.

Меня внезапно озарило, что где бы он ни был, это не походило на Сиртаун. Панический шёпот вспыхнул в моей груди, но я подавила его прежде, чем он успел расцвести в полноценную панику, и постаралась скрыть это чувство от него. Я не пыталась определить, где он может находиться или в чьей постели он может лежать.

Я взглянула на Тарси, все ещё ощущая его по краям своего света. Я знала, что он не спит, и от одного этого осознания становилось сложнее удерживать концентрацию.

Я смотрела, как Тарси махнула Ханне, которая присела на корточках у каменного камина, мешая что-то в висевшем железном горшке. Ханна стеснительно улыбнулась мне этими ровными белыми зубами, протягивая вторую чашку похожего на кофе напитка.

— Так с чего мы начнём? — спросила я у Тарси.

Тарси протянула руку.

Как только она распрямила пальцы, я...

...оказываюсь в каком-то другом месте.

Я стою в поле.

Оно такое неподвижное и умиротворённое, что я поражена, почти ошеломлена безмятежной красотой этого уединения. Наверное, я ожидала жестокости.

Сцен войны, воплей или криков людей.

Вместо этого сквозь облака пробивается поразительно яркое солнце, почти сине-белое по цвету.

Я одна. Горы поднимаются высокими стенами, со всех сторон окружая место, где я стою. Высокие травы колышутся у моих бёдер, плывя вниз по холму и вокруг озера столь бледного, что оно кажется ледяным. Над озером более зазубренные и покрытые снегом вершины разрезают горизонт.

Я узнаю это место, но не знаю, почему.

Мир здесь ощущается иным.

Он более живой. Или, может быть, менее разрушенный в каком-то отношении.

Крики нарушают тишину. Ветер наполняется темным хлопанием птичьих крыльев — я никогда столько не видела в одном месте. Они поднимаются как облако, темной спиралью, которая изгибается в синем небе. Я прикрываю глаза рукой, чтобы иметь возможность понаблюдать, как они изменяют направление синхронным биением коротких крыльев. Секунды спустя дерево возле меня наполняется ими. Они усеивают ветки как маленькие стражи, воркуя друг с другом и чирикавая, мелькая между ветками.

Пчелы опыляют дикие цветы среди травы, которая доходит мне до бёдер. Я вижу тех обросших, похожих на осликов лошадей, которых пожилые люди называют кулан. Они стоят кучками, покачивая головами на ветру. Затем, среди всей этой умиротворённости и безмятежности...

Я слышу крик.

Я тут же приседаю к земле.

Я где-то в другом месте, глубоко в темно-зелёном лесу. Он отличается от леса, который я мельком видела с того травянистого холма под сине-белым солнцем.

Густые деревья смыкаются вокруг меня, блокируя свет, оставляя его приглушенным, как в кафедральном соборе. Замшелые камни усеивают покатуую землю. Я задаюсь вопросом, нахожусь ли я все ещё в Азии, но это кажется неправильным.

Я все ещё гадаю, где же я, как это связано с тем, где я находилась мгновением раньше, когда тишина нарушается очередным воплем.

— Взять его!

Гибкая фигура бежит мимо меня по покатоу лесному склону, с возгласом перепрыгивая через упавший ствол. ещё больше фигур бегут мимо; они проносятся по холму неровным строем, как волки, сломя голову устремляясь вниз и крича.

Они — дети.

— Обгоняй его, Стами! Не позволяй ему удрать слишком далеко вперёд!

Хозяин этого голоса стоит надо мной на том же холме, ближе, чем я думала, пока его слова не заставили меня резко поднять взгляд к его высокому месту на вершине серого булыжника. Его круглые щеки и розовые губы принадлежат кому-то лет двадцати, но его грудь уже напоминает бочку, а его ладони такие огромные, что могли бы закрыть все моё лицо. Хоть его глаза и черты лица смутно напоминают азиата, его волосы белые как мел, а радужки глубокого чёрного цвета.

Он слишком крупный для своего возраста, думаю я.

С ним что-то не так.

— Обгоняй его! — кричит он. — Стами! Не позволяй ему добраться до тех колючек!

Я вижу их добычу, когда прослеживаю за его взглядом. Будучи темнее деревьев, эта маленькая фигурка проворно движется, снуёт меж деревьев как олень. Он бежит тихо, но полностью отдаётся процессу, вся его сущность сосредоточена, дыхание словно задержано. В отличие от других детей он босой. Его кожа смуглая. Черные волосы липнут к вспотевшей голове.

Я позволяю себе взглядом проводить его петляющий след между деревьев, и после кратчайшей паузы я вижу через него, его глазами...

затем его разумом.

Он знает эти леса.

Если он сумеет сбросить Стами, самого быстрого из его преследователей, он может скрыться в зарослях по другую сторону небольшого потока. Будь у него хоть несколько секунд форы, он может сделать это. Он уже проделывал это.

Я думаю о Братце Кролике и его терновых кустах...

Когда высокий мальчик проламывается через кучу зарослей и бросается вперёд. Он ловит маленького мальчика за рубашку. Он дёргает его, швыряет в сторону и в грязь, ставя ему подножку, как волк, заваливающий оленя. Они падают в сосновые иголки, мох и грязь у берега ручья.

Они борются.

Черноволосый мальчик старается подняться, но высокий мальчик хватает его за волосы, за одежду, за лодыжку, задерживает его, пока остальные не нагонят их. Ещё несколько мальчиков без оглядки кидаются в драку, распластав черноволосого мальчика в грязи буквально на расстоянии ярда от ручья.

Я слышу его крик.

Он разбивает сердце. Крик поражения.

Они рывком приводят его в вертикальное положение.

Он встаёт, тяжело дыша, одинокий. Он носит одиночество как плащ, и оно влечёт меня, резонируя с моей болью разделения.

Я невольно ему сочувствую. Я хочу вмешаться, оттащить его от рук тех других детей, которые кажутся мне животными — без разбору жестокими, бесконечно голодными. Я хочу защитить его, но не могу дотянуться до него сквозь все то время, что стоит между нами.

Теперь я рядом с ними.

Моя световая нога исчезает внутри весёлого ручейка, полного разноцветных камней. Это место настолько прекрасно, что страх, вибрирующий в воздухе, не совсем осознаётся. Ему просто не место в этом соборе солнца, листвы и отдалённого чирикания птиц.

Темноволосый мальчик стоит нетвёрдо, его нога болит. Три

более крупных мальчика удерживают его, пока он борется — и каждый выше его на голову или даже больше. Миндалевидные глаза смотрят из-под лохматых черных волос. Его лицо круглое, покрытое синяками, кожа загорела от долгого нахождения под солнцем.

Он почему-то выглядит более матерым, чем остальные — словно он больше ночей провёл на улице. Словно он дольше держался без еды. Мальчик, который первым повалил его, заносит кулак и неумело бьёт его по губам. Тот же мальчик, которого, как я знаю, зовут Стами, ударяет его снова.

Затем приходит беловолосый гигант.

Он берет на себя все разговоры. Я не знаю, на каком языке они говорят, но уверена, что не будь я в Барьере, я бы их не поняла.

— Урок номер один, Ненз, — он щелкает языком с притворным сочувствием. — Что случается, когда грязнокровные трахатели червей нарушают правила?

Темноволосый мальчик смотрит на Стами, затем на ребёнка-гиганта с белыми волосами.

Моё зрение переключается туда-сюда между его видом и моим собственным. И вновь я хочу встать между ним и этим странным мальчиком-альбиносом с жестокими, глубоко черными глазами. Но это уже произошло. Это уже существует как запись во времени.

«Джервикс», — шепчет мой разум.

Это имя гиганта.

Джервикс смеётся.

— Ненз! Разве сегодня мой день рождения? Ты даёшь мне повод избить тебя до такой степени, пока ты не начнёшь писать кровью? Ты так сильно меня любишь, коротышка?

Выражение лица темноволосого мальчика на мгновение вздрагивает.

Для него я не получаю имени, если не считать того, как называет его гигант. И все же каким-то образом я знаю, что именно ради него мы с Тарси пришли сюда.

Меня пугает, что он такой реальный, такой уязвимый.

— Я не нарушал никаких правил, — говорит он глухо.

— Ты говорил с ней. Мы тебя видели.

Стами выдёргивает нож из ножен на ноге, подносит его к лицу маленького мальчика, показывает ему. Джервикс, беловолосый гигант, улыбается.

— Ты её хочешь, Ненз? Вот что ты делал? Пытался забраться к ней под одежду?

Стами, высокий красивый ребёнок, опускает нож на его голую руку.

На лицо смуглого мальчика возвращается страх.

— Нет! Нет... Я ничего не делал!

— Лжец. Она девушка Стами. Оставь её в покое.

— Она говорила со мной!

Стами злобно надавливает ножом, и темноволосый мальчик кричит. Стами продолжает резать, проводя лезвием вверх по его руке и плечу до шеи. Темноволосый мальчик снова кричит, вырываясь из их рук.

Кровь течёт по его боку, пропитывая верх его штанов.

Другие смеются, но теперь их смех звучит нервно, напряжённо.

Лишь усмешки Джервикса кажутся искренними.

Голос Стами звучит тише, и я слышу там настоящую злость.

— Твой дядя платит девочкам, чтобы те ложились с тобой, ненормальный. Довольствуйся недобровольными, оставь нормальных девочек нам.

Беловолосый мальчик делает шаг вперёд.

Все ещё слегка улыбаясь, он жестом показывает Стами убрать нож.

Стами немного колеблется перед тем, как убрать лезвие от смуглой кожи. Он демонстративно вытирает его о штаны, словно запачкал лезвие, пока сдирал шкуру с животного.

Смех Джервикса звучит уродливо; он принадлежит кому-то намного старше.

— Не будь жадиной, Стами, — он жестом показывает им

развернуть мальчика, развязать его штаны спереди. — Думаю, мы можем дать Нензу то, чего он хочет.

Смех снова делается нервным. Они шаркают ногами, но никто не уходит. Двое немного отступают и зачарованными пристальными взглядами смотрят, как беловолосый мальчик хватается маленького за волосы, заставляя встать на колени.

Они уже сдирают его потрёпанные штаны, когда мой разум осознает, что происходит. Я едва успеваю заметить обречённое выражение на смуглом лице, когда его силой нагибают через полено. Его голова, плечо и руки кровоточат из-за ножевых ран, но он все равно борется с ними, худые руки и ноги дёргаются, извиваются в жалкой, животной панике.

Вопреки его борьбе становится понятно, что этот ритуал знаком, что он уже воплощался в жизнь, что это произойдёт вновь, что он проиграл в тот же момент, когда Стами схватил его за рубашку и повалил в грязь...

Я отключилась.

Я сидела на коврике, скрестив ноги и подавляя непреодолимое желание заплакать, поколотить кулаками пожилую женщину, которая сидела напротив меня.

Вместо этого я неподвижно сидела на коврике, стараясь дышать, дыша слишком часто, глядя в её ясные глаза, пока, наконец, мне не пришлось отвернуться.

То, что она мне показала, было жестоким. Такое безжалостное зверство всегда сокрушало что-то во мне. Но дело не только в этом. Исходившее от того мальчика горе, то осознание в его глазах, глубина его депрессии — все это оказалось для меня невыносимым. Я даже не могла чувствовать столько всего разом.

Все это было слишком; слишком сильно, слишком реально.

Часть меня оказалась раздавлена внутри его маленького тельца, и я не могла выбраться.

Та часть меня содержала больше чувств, чем я пережила за всю свою жизнь в совокупности, даже включая смерть моего папы от множественного склероза, гибель моей мамы от рук Териана, потерю Ревика, убеждённость, что Джон и Касс мертвы.

Этого хватило бы, чтобы сокрушить чей-то рассудок, если прожить в таком состоянии достаточно долго.

Тарси осторожно наблюдала за мной.

— Видишь, Мост? — спросила она. — Убить его не так просто, как ты думаешь.

Я все ещё дышала с трудом.

— Это был он? Сайримн?

— Давным-давно да. Когда он был цельным.

— Цельным, — я посмотрела на неё, стараясь справиться с эмоциями, которые все ещё искажали мой свет узлами, вызывая спазмы в руках и шее. Я все ещё пыталась осмыслить все это, но потом осознала, что не могу, и вместо этого позволила всему проноситься сквозь меня, словно ожидая, когда минует шторм.

Мгновение спустя мой голос прозвучал почти нормально.

— Что это значит?

— Он оказался сломлен, Мост, — её глаза всматривались в мои с открытой пытливостью. *«Смерть — это лишь одна грань. Это роль, передаваемая от жизни к жизни, возможно, даже между различными существами. Совсем как Мост».*

Её взгляд приобрёл резкость, ища понимание.

«Личность обуздывает роль... держит её под контролем. Сама по себе Смерть может быть невероятно губительной силой. Важно, чтобы ты помнила этого мальчика. Некогда он был цельным. Он был настоящей личностью. Смерть — это сложный путь. Сложнейший из всех».

Своего рода ужас омыл меня, когда я осознала её слова.

Мы только начали. Тот проблеск детской жестокости был лишь прелюдией нашей охоты, но не самой охотой. Это всего лишь способ, которым Тарси знакомила меня с объектом нашего наблюдения.

От неё я чувствовала, что это было ещё и тестом.

Она хотела знать, смогу ли я с этим справиться.

Подумав о том, как эта одна сцена, скорее всего, вписывается в более длинную хронологию создания, которое она называла «Смертью», я честно не знала, смогу ли справиться.

И вновь я вспомнила кое-что, что сказал мне Ревик.

«Чтобы найти что-нибудь или кого-нибудь в Барьере, — говорил он, — ты должна стать тем, что ты ищешь. Барьер — это резонанс, Элли. Мы, видящие, этим и занимаемся... мы резонируем с вещами. Это мы и делаем».

Чтобы найти его, мне придётся стать Сайримном.

Глава 20

Клаустрофобия

Ревик стоял на краю выжженного кратера.

Опалённые выбоины испещряли две трети похожей на крепость постройки, сделанной из чёрного камня. Если бы он не видел пиратские кадры того, как здание взорвалось наружу, он подумал бы, что в гору попал метеор. Кратер все ещё дымился в отдельных местах почерневшей части ямы.

Деревья оказались сшибленными в радиусе целой мили от эпицентра.

Аккуратно наклонившись, чтобы посмотреть через край, Ревик прошёлся взглядом по частям тел, где те врезались в камень, землю и пыль. Подавшись назад, чтобы его вес более стабильно держался на краю, он взглянул на Балидора.

Сероглазый видящий хмурился, не глядя на Ревика в ответ.

Они пробыли здесь всего час, а Ревик уже привыкал к запаху. Он вызывал воспоминания о военных временах, особенно о печах.

Вздвогнув, Ревик отвёл взгляд, следя за движениями остальной команды разведчиков.

Члены Адипана разошлись вдоль края кратера. Некоторые начали забираться внутрь, чтобы рассмотреть место происшествия получше. Ревик узнавал некоторые лица — и по полёту из Индии, и по тренировочному лагерю возле Дарджилинга. Остальные прилетели накануне из Китая или откуда-то ещё. На данный момент примерно сорок оперативников осматривали место. Минимум десять из них прибыли в школу раньше Ревика и Балидора.

Ревик понимал, почему они забирались в дыру.

Дело не только в том, что они будут собирать физические улики. Лучший и самый простой способ собрать отпечатки организатора взрыва — это подобраться как можно ближе к самой бомбе. Фрагменты, уцелевшие при взрыве, могли находиться где угодно — и на самом месте взрыва, и в радиусе нескольких тысяч ярдов, но они начнут в центре и пойдут работать дальше.

Так что он понимал логику, но все равно не радовался этой части задания.

Учитывая степень разрухи, возможно, им придётся проделать это человеческими способами — во всяком случае, отчасти. То есть, им придётся проводить анализ и поиски, основываясь на химических отпечатках и других физических параметрах взрыва. Взрывчатые вещества имели свойство стирать отпечатки *aleimi* ещё лучше, чем физические следы.

Пока Ревик осматривался по сторонам, до него дошло кое-что ещё.

— Это началось не здесь, — он машинально заговорил по-английски. Повернулся к Балидору и переключился на прекси.

— Есть доказательства, что это может быть вторичным местом?

Балидор бросил на него странный взгляд.

— Да.

— Ты можешь показать мне?

Балидор жестом показал Ревику следовать за ним и отошёл от края кратера. Он повёл их через разрушенное поле, прокладывая путь между расколотых камней, раскученной земли и частей тел, фрагментов костей и черепов. Последние были такими маленькими, что Ревик не позволял себе слишком присматриваться к ним.

Вместо этого он смотрел только вперёд, на дальнюю из трёх каменных башен, которые выстояли после взрыва.

Балидор показал на две другие башни по очереди.

— Тренировочные камеры. Немногие из старших детей выжили там. Стандартный протокол предписывал переводить их внутрь, как только они становились пригодны для продажи. То есть, вырастали достаточно, чтобы сойти за человека, добивались прогресса в обучении, становились достаточно умелыми, чтобы попасть хотя бы на торги среднего класса. Это защищало их от перспективы быть украденными местными бандитами. Туда же они приводили лучших покупателей... которым хватало связей, чтобы миновать аукционы и покупать оптом.

Ревик кивнул, показывая, что он знаком с такими вещами.

Балидор показал на другую башню.

— Жилье для сотрудников.

Ревик продолжал фокусироваться на третьей башне, к которой Балидор направлялся почти по прямой.

В сравнении с двумя другими она казалась мёртвой. В окнах не было стёкол, и Ревик не видел внутри света, никаких признаков, что её обновляли с тех пор, как какой-то полководец построил её сотни лет назад. Тяжёлая дверь из дерева и железа выглядела почти так, словно стояла тут с самой даты возведения постройки. На ней имелся замок, ныне сломанный и напоминавший что-то с нижних уровней выставки Лондонского Тауэра.

Ревик осознал, что замедляет шаг по мере приближения к входу.

Балидор заметил и подстроился под его темп.

— Да, — мрачно произнёс он. — Ты тоже это чувствуешь.

Он показал на сломанную дверь.

— Мы поначалу думали, что эта часть была заброшена. Старый дисциплинарный центр. Возможно, даже комната пыток, оставшаяся после какого-нибудь особенно деспотичного человеческого монарха. Отпечатки здесь мощные... но их почти невозможно определить. Потом мы подумали, что тот, кто это сделал, наверное, воздвиг какое-то Барьерное поле. Чтобы прикрыть свои следы, стереть улики и все такое. Но конструкция, которую мы здесь нашли, намного старше. Ближе к столетней давности.

Балидор вновь жестом показал на зияющий дверной проем.

— Двое из моих людей заходили внутрь, — добавил он. — Они сказали, что там ещё хуже. Но отпечатки все равно древнее. Как и конструкция... или то, что от неё осталось. Они сумели определить, что это было изначальное место взрыва, как ты и сказал. Но больше ничего.

Он покосился на Ревика, и в его глазах промелькнуло удивление.

Он поймал молодого мужчину за руку и всмотрелся в его лицо.

— Ты в порядке?

Ревик слегка качнул головой.

— Я хочу зайти внутрь.

— Ты уверен, брат? Ты белый как полотно.

— Со мной все будет хорошо, — Ревик выдернул руку и вновь направился через двор, пока не очутился почти возле двери башни.

— Будь осторожен, — крикнул Балидор ему вслед. — Там все обрывается практически без предупреждения.

Обернувшись назад, Ревик увидел, что лидер Адипана остался на прежнем месте. Подняв руку в знак того, что услышал, он колебался всего на секунду, затем схватил один из факелов, горевших возле проломленного дверного проёма.

Сделав вдох и инстинктивно закрыв свой свет щитами, Ревик вошёл в каменный холл.

Аккуратно ступая по разбитым каменным плитам, он направился по единственному доступному пути — лестнице, врезанной прямо в почерневший от пламени камень. Держа факел перед собой, он спускался по одной ступеньке за раз, подавляя усиливавшееся чувство тесноты в груди и горле.

Он всегда страдал от лёгкой клаустрофобии.

От крошечной темноты коридора в сочетании с отпечатками, все ещё исходившими от стен, становилось трудно дышать. Ревик попытался уцепиться за отпечатки, понять их источник... но он уловил лишь ещё больше ощущений. Пульсирующая, тошнотворная боль, напоминавшая худшую тошноту разделения... такая искажённая и сломленная депривацией, что она превратилась в нечто совершенно иное.

Ревик мог бы и вовсе не узнать это чувство, если бы он сам не был погребён в боли разделения больше года. Она комбинировалась с его собственными проблемами, искажала его потребность в нечто, что вызывало у него желание умереть — буквально.

Он осознал, что тянется к Элли...

И остановил себя.

Сделав ещё один вздох, Ревик притянул свой свет ближе к телу.

Боль усилилась. Злость из ниоткуда наполнила его свет — такая сильная, что его разум опустел. Нахлынули чувства и мысли. Вещи,

которые он подавлял на протяжении нескольких дней, с того самого утра, когда вернулся из Каира.

Он должен был сказать ей. Он должен был сказать ей в ту же секунду, когда они покинули конструкцию.

Черт, да он прямо в тот же момент должен был взять её с собой, найти место в городе, сорвать её чёртову одежду.

Эту мысль Ревик тоже вытеснил из своего света.

Почему никто не объяснил ей свадебные обряды? Чандрэ? Йерин? Вэш? Его самого не было несколько месяцев... а до отъезда он находился не в том положении, чтобы объяснять ей что-либо. Он и так едва не испортил все просто потому, что предположил, что она понимала основы их состояния.

Боги, да даже до того, как она попросила его, тяги её света оказалось достаточно, чтобы Ревик передумал насчёт ожидания. Она, наверное, притягивала каждого видящего в радиусе пяти миль — вероятно, на протяжении месяцев, всего времени его отсутствия. ещё до этого, когда он был с Терианом.

Они смотрели, как она мастурбировала.

Боль в его свете сделалась жидкой, подстёгиваемая интенсивностью эмоций.

Она согласилась на полноконтактную схватку с видящим, который хотел уложить её в постель — при условии, что он уже этого не сделал. Зачем? Зачем ей это делать, если она не хотела причинить ему боль? Она ему соврала? Она все ещё злилась на него за его прошлые поступки?

Дыхание перехватило от боли, от беспомощности, которую Ревик не мог контролировать.

Этот сукин сын коснулся её. Он коснулся её в местах, где сам Ревик её не касался. В местах, которых он не позволял себе касаться больше года. Он проник в её свет. Он запустил в неё свои проклятые пальцы. Он также перепугал её до полусмерти. Ревик чувствовал это через других видящих. Он чувствовал её ужас. Он видел это в её глазах.

Её лицо заливала кровь.

Она кричала.

Стиснув грубый камень, Ревик заставил свой разум отключиться. Обычно он проделывал такое только тогда, когда подвергался нападению.

Он заставил себя дышать...

Пока чувства не начали медленно, медленно ослабевать.

Ревик вспомнил, где находится; он вновь чувствовал башню как нечто внешнее. От неё все ещё разило суицидом, медленным схождением с ума, той продолжительной беспомощностью, с которой он никогда не умел хорошо справляться... но теперь он мог отделить эти ощущения от собственного света.

Ревик заставил себя идти.

Он переставил одну ногу, затем другую.

Он все ещё боролся с собственным светом, когда добрался до третьей площадки в коридоре, после двух пролётов крутых лестниц, петлявших между почерневших от дыма и плесени стен. Аккуратно завернув за угол в низу второй лестницы, Ревик прошёл через арку, а затем до конца мощёного плитами коридора.

Он снова повернул, ожидая увидеть очередной лестничный пролёт.

Вместо этого его встретил резкий обрыв.

Не было никакого предупреждения, даже изменения в составе света. Что бы здесь ни произошло, это случилось настолько глубоко под землёй, что надземная структура осталась нетронутой.

Глубинная тьма тянулась под ногами Ревика. Он ощущал пространство перед собой как минимум на десять-пятнадцать ярдов.

Помахав факелом над провалом, он попытался оценить глубину и ширину этого пространства. Он не желал бросать факел ради удовлетворения своего любопытства, особенно потому, что люди Балидора наверняка уже определили физическое расположение места взрыва. Ревик поводил факелом от одного края ямы к другому и увидел, что их покрывают следы горения.

Он начал подниматься обратно по коридору, водя факелом в разные стороны, сканируя полы и стены. Он видел на грязном полу следы обуви и, кажется, босых ног — слишком маленьких, чтобы принадлежать кому-то кроме ребёнка.

Вдруг свет факела отразился от чего-то, застрявшего между плитами. Вновь махнув огнём туда-сюда, Ревик определил точное место и нагнулся, чтобы подобрать предмет.

Это был ключ. На нем имелось органическое покрытие, но кожа была такой старой и жёсткой, что Ревик вообще едва узнал в ней органику.

Выглядела она так, словно датировалась периодом Второй Мировой Войны. Может, даже ранее.

Когда он поднёс ключ к свету факела, тошнотворное чувство вернулось, но уже сильнее. Ревик осознал, что не хотел держать ключ голыми руками.

Натянув на ладонь рукав, он засунул ключ в карман.

Медленно он поднялся обратно на поверхность.

Добравшись до дверного проёма и выйдя наружу, Ревик ушёл от башни примерно в два раза быстрее, чем он шёл к ней. Он перебрался через обломки камней и мусор к месту, где Балидор стоял и курил *hiri*.

После тесноты той чёрной дыры воздух снаружи показался Ревику почти свежим, вопреки все ещё сильному запаху горелых волос, кожи и разлагающейся плоти из кратера в нескольких сотнях ярдов перед ним.

Он подождал, пока не встанет рядом с Балидором, и только тогда полез в карман за ключом, снова придерживая его рукавом и протягивая ладонь, чтобы отдать предмет Балидору. Ревик ничего не говорил, пока другой видящий осматривал органический металл. Он просто стоял там, глубоко дыша холодным воздухом и стараясь вернуть себе чувство равновесия.

— Где ты это нашёл?

— На третьей лестничной площадке, — сказал Ревик.

— Ты знаешь, что это такое? — спросил он. Когда Ревик взглянул на него, серые глаза Балидора вновь сделались жёсткими, цвета стали. — Это выглядит точь-в-точь так, как ключи, которые мы использовали на первых сдерживающих ошейниках. Тех, которые немцы использовали во Второй Мировой Войне.

Ревик кивнул, отрешённо глядя на двор.

— Я тоже об этом подумал.

— Как по-твоему, что это значит?

— Не знаю, — сказал Ревик, и его голос вновь вернулся к нормальному. — Но я знаю, что пришло мне на ум, — он бросил на Балидора мрачный взгляд. — Кого бы они ни держали в той дыре, он провёл там примерно семьдесят лет. Может, дольше.

На мгновение Балидор продолжил всматриваться в лицо Ревика.

Затем вздохнул.

— Я тоже подумал об этом, брат.

Коснувшись руки Ревика, Балидор жестом показал на заброшенную башню.

— Они не смогли определить, что вызвало первый взрыв, — сказал он. — Никакого осадка. Единственное воспламеняющееся вещество — природный газ, присутствующий в залежах у основания самой горы... но он никак не мог воспламениться без помощи какой-то силы, пробившей камень. Нет никаких следов сверления. Осмотры показывают, что газ находился под несколькими футами сплошного гранита. Конечно, трещина могла образоваться по естественным причинам, но остались бы какие-то следы. Мы проверили сейсмическую активность и ничего не нашли.

Ревик посмотрел на небо. Оно тянулось синевой над их головами несмотря на то, что над горами собирались облака.

Он взглянул обратно на Балидора.

— Возможно ли, что мы говорим о видящем? — спросил он.

Балидор на мгновение замер.

Затем он тихо присвистнул, одарив его кривой улыбкой.

— Брат, я под впечатлением. Моим людям это ещё не приходило в голову, а многие из них провели здесь несколько дней. Каким бы это ни казалось невероятным, но да, полагаю, такая возможность существует. Так или иначе, учитывая улики, мы должны рассмотреть этот вариант.

— Манипулятор? — произнёс Ревик на прекси. — Телекинетик? — добавил он по-английски.

— Возможно, да. Это объяснило бы ряд факторов.

Ревик осознал, что снова дышит с трудом.

Мгновение спустя он покачал головой.

— Кто-нибудь почувствовал бы их из Барьера, — он посмотрел на Балидора, подавляя остатки боли, которая все ещё оставалась в нем после пребывания в комнате ужасов. — Там внизу был ребёнок. После взрыва. Мог ли кто-то разводить манипуляторов? — он нахмурился. — Териан всегда питал интерес к генетике.

Балидор пожал одним плечом. Его лицо оставалось непроницаемым.

— Твоё замечание по поводу ребёнка вызывает беспокойство, — сказал он. — Но многое в этом инциденте вызывает беспокойство, — он улыбнулся Ревiku, поджимая губы. — Я должен напомнить себе, что близится Сместение. Что, возможно, не так уж странно, что в данный момент на Земле может находиться несколько созданий-посредников.

При виде хмурого лица Ревика его взгляд сделался задумчивым.

— Ты все ещё думаешь, что Териан как-то с этим связан?

Ревик покосился на башню.

Он ощутил, как тошнота возвращается с чувством отчаяния. Из всех сил вытеснив это из своего света, он положил руки на бедра.

Вместо того чтобы ответить на вопрос Балидора, он задал другой вопрос.

— Почему дети? — сказал Ревик.

Балидор снова пожал одним плечом. Его лицо оставалось бесстрастным.

— Возможно, дети оказались побочным эффектом. Или, — произнёс он более деликатно, — возможно, он считал, что помогает им. Может быть, освобождает их?

Ревик посмотрел на раскуроченный двор. Его взгляд пробежался по краю кратера, где все ещё виднелись члены Адипана, собирающие части тел и обломки.

Кем бы ни был этот видящий, если этот манипулятор — или

любой видящий в принципе — был заперт на протяжении такого долгого времени, он сошёл бы с ума.

Видящие не очень хорошо справлялись с одиночеством.

Более того, обычно они умирали. Кем бы ни был этот видящий, если он провёл в одиночестве семьдесят с лишним лет, он должен был умереть.

И все же, если это был манипулятор (а их нашли в сороковых или даже тридцатых годах, после Сайримна, или пока Сайримн был ещё жив), это объяснило бы, почему кто-то спрятал этого видящего так основательно. Кто-то мог найти способ клонировать Сайримна. Ребёнок мог стать результатом этого эксперимента.

А может, кто-то из школы просто забрёл туда после взрыва, ища укрытие.

Затем Ревик подумал об Элли, и боль разделения сделалась изнурительной.

Манипулятор. Кто бы это ни был, они будут заинтересованы в ней.

Ревик отбросил эту мысль, стиснул зубы и посмотрел на Балидора.

— Ага, — сказал он наконец. — Может быть.

Сделав ещё один глубокий вдох, Ревик зашагал по обломкам обратно, чтобы присоединиться к остальной поисковой команде. Сделав это, он почувствовал, как на его разум вновь опускается маска охотника, почти полностью освобождая его мысли от эмоций.

В этот раз Балидор пошёл следом за Ревиком.

Глава 21

Привет, любовничек

Ревик лежал на одноместной кровати во временных бараках, которые Балидор организовал возле Дарджилинга.

Эта ночь будет последней в таких условиях — для него, по крайней мере.

На следующие несколько дней он присоединится к наземной команде Балидора, что означало сон в палатках на полумёрзлой земле — по крайней мере, пока его не подберёт вертолёт, а Балидор обещал, что это будет через четыре дня. Максимум через пять.

Он все ещё не слышал ни слова от Элли.

Уставившись в белёный потолок и подложив руку под голову, Ревик осознал, что размышляет над последним сообщением от Балидора.

Тарси продлила свои сроки. Причины не объяснялись, ему даже привет не передали — ни одна из них.

В любом случае, это подстегнуло его принять предложение остаться с Адипаном.

Теперь он гадал, хорошая ли это идея. Вопреки заверениям Балидора Ревик хотел сам поговорить с Элли. Очевидно, что она не собиралась просить, чтобы его позвали, так что он сам должен дать понять, что хочет увидеться с ней.

Он не мог уехать с ней из Индии, не нарушив закон. Черт, да он даже не знал, мог ли законно забрать её у Тарси без официального разрешения.

Однако он наверняка сумел бы уговорить Тарси, чтобы та позволила ему поговорить с Элли.

Он уже поделился с Адипаном всеми разнообразными впечатлениями Териана и его разных тел. Никто не знал свет Териана так хорошо, как Ревик, так что они с радостью приняли его предложение помощи, но все они умели отслеживать лучше, чем он сам.

Они в нем не нуждались.

Прошло девять дней с тех пор, как он добрался до Сиртауна из Египта.

И в Каире он тоже задержался.

Сначала из-за паранойи разведывательной команды, затем из-за Мэйгара и его нелепых попыток сначала откупиться от него, а потом выбесить его. После того, как Ревик оставил Элли в Гатвике, практически ничего не шло так, как он запланировал. Он думал, что в этот самый момент планировал лежать в совершенно другой кровати — а не торчать в окружении полуголых разведчиков, смотреть в потолок с водяными разводами и думать, не стоит ли ему сходить в душ, чтобы он мог подрочить так, чтобы другие видящие не отпускали шуточек, и хуже того, не предлагали помощи.

Сосредоточившись на ней и сексе в одно мгновение, Ревик её ощутил.

Она отступила сразу же, как только его свет переплёлся с её светом, но боль осталась, отчего он просто не мог отсоединиться. Он оставался с ней, как делал это всякий раз, когда они натыкались друг на друга в том пространстве. Он притягивал её, чтобы получить беглые впечатления, но их оказывалось недостаточно, чтобы успокоить его паранойю.

Она была занята. Работала. Тарси заставила её упорно трудиться над чем-то. Это вызывало у Элли стресс и расстраивало её, чем бы это ни было...

Появилась Тарси.

Она бесцеремонно вышвырнула его из их Барьерного пространства.

Ревик остался лежать там, словно наполовину сделавшись калекой после того, как связь разорвалась.

Он лежал там ещё несколько мгновений, стараясь дышать медленнее, пока боль постепенно рассеивалась. Достаточно придя в себя, Ревик сел, придерживая одеяло на талии, когда его ступни коснулись пола.

Он обнаружил, что женщина-видящая тоже не спит и наблюдает за ним. Весело встретившись с ним взглядом, она улыбнулась.

Когда Ревик отвернулся, она расхохоталась в голос.

— Эй, Новобрачный, — произнесла она на мандаринском наречии. — Какого черта ты тут делаешь? Почему ты не дома? Будь я твоей женой, я была бы в ярости.

Не отвечая, Ревик отбросил одеяло в сторону, поднимаясь на ноги.

— Эй, — сказала она, посмеиваясь. — Ты можешь ходить?

Схватив полотенце со стула в изножье кровати, Ревик направился в душ, не удостоив женщину и взглядом. Его смех провожал его к выходу.

... по крайней мере, пока закрывшаяся дверь коридора, к счастью, не заглушила хихиканье.

Ревик сморгнул капельки пота.

Покрепче перехватив автоматическую винтовку QBZ-97 китайского производства, которую ему дали, он взялся за неё обеими руками и зашагал между деревьев.

Прошло много времени с тех пор, как он занимался такими полевыми операциями.

Он никогда не жаловал данную модель оружия.

Он предпочитал LR-300 и M16, с которыми можно стрелять из полного укрытия; с 97-й так просто не постреляешь. Ревик также не нравилось расположение магазина; он обречён на медленную перезарядку, да и предохранитель находился в странном месте.

Не то чтобы здесь ему требовался предохранитель.

Адипан быстро и почти бесшумно передвигался по лесистым склонам холмов.

Ревик был в три раза младше большинства видящих, которые шли по следу вместе с ним, но после своего времени с Терианом потерял форму, и за последовавшие после этого месяцы почти не тренировался. Он осознал, что ковыляет почти как пожилой, с трудом

умудряясь дышать достаточно тихо и не бесить этим остальную команду.

Не прошло и половины первого дня, как его мышцы уже начали протестовать.

Сейчас, в третий день, Ревик справлялся относительно лучше. Он изо всех сил старался много есть, а потом выкладываться на полную, заставляя себя преодолевать боль. Меньшее, что он мог сделать — это начать наращивать мышцы обратно, пока он работал здесь.

Им не удалось отыскать много хороших зацепок, но кое-что они нашли.

Возможно, эти зацепки задумывались как отвлекающий манёвр, но если так, то не сработало — Адипан по-прежнему придерживался стабильного курса.

Один этот факт уже сказал Ревiku одно: за кем бы они ни следовали, это вряд ли тело Териана. В отличие от Галейта Териан не был ярким противником импровизации или театральщины, но Ревiku казалось крайне маловероятным, что он прибегнет к таким приёмам, когда ставки настолько высоки. Если в той подземной темнице действительно содержался видящий-телекинетик, Териан был бы ещё осторожнее, чем обычно.

Скорее всего, он бы полностью залёг на дно и дожидался возможности сбежать.

Ну, это если Териан принимал решения.

Всего два видящих покинули школу Сиккима по данному следу. Адипан изначально приметил их потому, что среди всех выживших только они ушли с человеческими проводниками. Их эмоциональные подписи не совпадали с остальными выжившими, и вместо того, чтобы направиться на юг вместе с другими видящими, к Найябазару или Дарджилингу, они направились на север, в горы.

Позднее, следопыты Адипана обнаружили резонанс между одним из этих видящих и происхождением взрыва.

Накануне Ревик прочесал внутреннюю часть пещеры вместе с остальными.

Они обнаружили следы костра и постели, в которой спали, а

также отпечатки, которые подтверждали, что здесь ночевали люди и видящие. Отпечаткам уже несколько дней, но следы крови на полу пещеры уходили в деревья.

В конце этого следа они обнаружили две примитивные могилы, вырытые лишь наполовину и демонстрирующие, где закончили свой путь два человеческих проводника. Ревик и несколько членов Адипана нашли в грязи следы ног, размером с детские. Они провели обширное сканирование, но не добились никакого результата.

Кто-то защищал двух видящих, за которыми они шли. Кто бы это ни делал, они наверняка действовали из другого места, а не шли с ними по земле.

Почувствовав движение, Ревик взглянул в сторону.

Балидор посмотрел ему в глаза, затем показал ему взглядом.

Ревик проследил за пальцами видящего, когда они показали на возвышенность неподалёку. Его просили прочесать вершину. Кивнув один раз, Ревик удержал свои чувства при себе, повернулся и как можно более тихо стал прыжками подниматься по холму.

Он знал, что по стандартам Адипана двигался неуклюже, но за эти несколько дней уже добился прогресса. Балидор ясно дал понять, что хотел присутствия Ревика по своим причинам, по крайней мере, отчасти — и чтобы протестировать его, и чтобы посмотреть, как он вольётся в остальную группу. Учитывая, как редко они принимали новых видящих в Адипан, а также репутацию Ревика из-за Шулеров, Балидор также надеялся, что Ревик сумеет проявить себя перед командой.

Ревик осознал, что пытается оправдать ожидания Балидора — может, потому что лидер Адипана начинал искренне ему нравиться. А может, просто из-за собственной гордости.

Ну или хотя бы для того, чтобы не опозориться.

Добравшись до вершины холма и совсем чуточку запыхавшись, Ревик остался среди деревьев, усеивавших крутой край высочайшей точки холма. Он держался так, чтобы его силуэт не был виден с края, и осматривал долину внизу.

Разделив своё сознание между глазами и Барьером, а также небольшой частью все ещё следя за Адипаном в ущелье, Ревик стал искать движение. Из Барьера он искал любой признак жизни всего,

что крупнее мартышки.

Он ничего не нашёл.

Он провёл примерно такое же сканирование дважды, просто чтобы убедиться. Он уже собирался вернуться по тому же склону...

Когда что-то щипнуло его сознание.

Это оказалось так резко и так близко, что Ревик подпрыгнул. Он повернул голову так, словно ей управлял кукольник.

... и обнаружил, что смотрит на очень молодого и очень грязного видящего.

Ему было лет двадцать, так что он выглядел примерно на тринадцать в человеческих годах. Мальчик смотрел на него с расстояния меньше пятнадцати футов. Его лицо обладало сильными азиатскими чертами.

Черные глаза сверлили Ревика взглядом.

Мальчик стискивал ствол ближайшего дерева белыми как у трупа ручками, которых, похоже, вообще не касалось солнце. Он был одет, кажется, в бесформенную одежду взрослого, также азиатскую и человеческую по стилю. Он подвязал рубаху и штаны ремнём, чтобы не спадали, но ноги и голова оставались непокрытыми. Ступни покраснели от царапин, покрылись грязью и кусочками растений и опухли от ходьбы.

Ревик удивлённо моргнул, будучи уверенным, что галлюцинирует.

Когда он вновь поднял веки, мальчик исчез.

Ревик почувствовал, что видящие внизу, в долине, отреагировали ещё до того, как он полностью поверил в увиденное. За эту короткую встречу он не утратил связи с Адипаном, и теперь чувствовал, как они скачками поднимаются по холму позади него, только быстрее — намного быстрее, чем он сам.

Часть его испытала кратковременный прилив радости из-за того, как быстро он набирал скорость, но теперь Ревик понимал, что дурачил сам себя. Получив мотивацию, они двигались между деревьев так быстро, что его свет почти не успевал их отслеживать. Ему нужно месяцами ежедневно тренироваться, чтобы соответствовать хотя бы самому медленному из них.

Женщина, Ларен, добралась до него первой.

Не сказав ни слова, Ревик показал на место, где стоял мальчик, и послал ей более детальный кадр своим светом.

Она исчезла среди деревьев.

Ревик постоял на месте ещё секундочку, затем направился следом, чтобы прикрыть её, хоть к этой части холма уже добрались четыре других видящих, включая Грента и Балидора.

Стыдясь своего промедления, Ревик рассредоточился вместе с остальной частью команды по противоположному склону холма, следуя командам Балидора через Барьер и изо всех сил стараясь двигаться так же быстро и бесшумно, как остальные. Пока они расходились по холму, он держал сознание разделённым, сканируя и плотнее закрываясь щитами, потому что ему приходилось охватывать больше территории.

Затем Ларен послала сигнал им всем, и Ревик вновь получил образ мальчика, стоявшего на ветке дерева высоко над землёй, по другую сторону травянистой полянки.

Мальчик стоял примерно в тридцати ярдах от неё.

Как и все остальные, Ревик тут же переменял направление и на максимальной скорости побежал к месту, где она стояла. Он находился ближе половины команды, но все равно добрался туда последним и сильнее всего запыхавшимся.

Он добрался до места, где Ларен и четверо других навели винтовки на ребёнка. Ревик двигался осторожно, пока его физический взгляд не различил силуэт мальчика в деревьях.

Он всмотрелся в грязное лицо.

То ощущение знакомости вернулось, хотя оно все равно было смутным, скорее проблеском, нежели чем-то конкретным. Ревик все ещё пытался определить источник этого чувства, когда осознал, что мальчик тоже смотрит на него.

Более того, мальчик смотрел на одного Ревика... игнорируя видящих из Адипана.

Остальные тоже не упустили из виду этот факт.

Они смотрели то на него, то на мальчика. Ревик ощутил, как

некоторые из Адипана сканируют его — ничуть не вежливо, не спрашивая и не действуя открыто, но пытаясь определить, узнал ли Ревик мальчика. Он впустил их отчасти из раздражения, но в основном для того, чтобы посмотреть, смогут ли они определить природу связи.

Никто этого не смог — по крайней мере, поделиться с ним они не пожелали.

Выражение лица мальчика оставалось ровным, но интенсивный интерес к Ревиду так и исходил от него волнами.

Ревик осознал, что рефлекторно подвигается ближе, но тут Ларен и Балидор оба подняли ладони, недвусмысленно показывая Ревиду оставаться на прежнем месте.

«Оставайся на позиции! — резко послала Ларен. — Смотри на структуры!»

Ревик сосредоточил своё внимание над головой мальчика.

Переключившись из Барьера на физическое зрение и обратно, он сосредоточил свой *aleimi*, убеждённый, что неправильно просканировал его. Убедившись со второго взгляда, Ревик зачарованно уставился на кристаллические геометрические фигуры.

Мальчик, казалось, не блокировал его, и он постарался присмотреться получше.

Он узнавал некоторые базовые фигуры из света Элли, но не в той конфигурации, которую он видел теперь. Структуры *aleimi* изменялись по мере использования; они росли, но также перестраивались и группировались, когда вырабатывались определённые функции, особенно если эти функции требовали использования двух и более структур одновременно.

Геометрические фигуры, вращавшиеся над головой мальчика, походили на фонтан математических фейерверков, выделявшийся от недавнего использования... но в то же время от продолжительного использования на протяжении некоторого периода времени.

Из Барьера мальчик выглядел так, как могла бы выглядеть Элли после пятидесяти лет тренировок с манипуляциями, а потом ещё двадцати лет полевого опыта.

Мальчик, стоявший перед ним, ну никак не мог быть достаточно

взрослым, чтобы соответствовать тому, что жило над его головой.

«СТОЙ!» — резко послал Балидор.

Ревик и не осознавал, что снова шагнул вперёд.

Его глаза не отрывались от мальчика. Почему-то эмоция, вспыхнувшая в нем, сильнее всего напоминала жалость.

Ларен тоже сделала шаг вперёд, прикрывая Ревика.

Мальчик сосредоточился на ней.

Ревик напрягся. Он видел, как Ларен сместила руки на винтовке. Её прицел ни на секунду не отходил от головы мальчика. Он переводил взгляд между Ларен и её мишенью, затем сосредоточился обратно на мальчике, всматриваясь в его зеркальные глаза.

Ларен сделала ещё один шаг, и Ревик почувствовал это — не зная, что это было, или из какого места над маленькой головкой это происходило.

Он рефлекторно опустил своё оружие и поднял ладонь.

— Стоять! — произнёс Ревик вслух. — Ларен! Не двигаться!

Отведя своё оружие в сторону от тела, Ревик поднял другую ладонь, поднимаясь из позы боевой готовности. Он вышел из-за Ларен.

— Эй! — прокричал он на хинди, привлекая взгляд мальчика. — Ты, там! Ты будешь говорить с нами? Мы не причиним тебе вреда!

На мгновение все замерли.

Ревик ощутил заряд света, змеей овившийся вокруг головы мальчика.

Он почувствовал, как другие члены Адипана сосредоточились на тех же структурах, наблюдая, как свет мигает концентрическими кругами сквозь мелкие геометрические фигуры над маленькой темноволосой макушкой. Ревик ощутил в других разведчиках то же напряжение, что поднялось в его собственном свете. Словно укус живого вайра, это напряжение проплыло между ними, искря в их *aleimi*.

Ревик отвёл оружие ещё дальше от своего тела.

Поддавшись импульсу, он попытался послать мальчику

сообщение.

«Ты в порядке? — послал он. — Ты ранен? Что мы можем сделать для...»

«Ты, — послал он. — Я тебя знаю».

Ревик почувствовал, что Адипан опять смотрит на него. Он с трудом сглотнул, но сохранял свои мысли спокойными и не закрывался щитами.

«Ты уверен?» — послал он.

Мальчик улыбнулся. Его глаза смотрели холодно, хищно.

«Ладно, — послал Ревик. — Ладно. Я не помню всего, я...»

«Ты не можешь навредить мне. Уже не можешь!»

Ревик показал жест согласия. *«Мы не станем пытаться. Я обещаю».*

Из тех детальных структур завитками распространилась злость.

— Мы? — прорычал он. — Теперь ты — это «мы»? Ты оставил меня там! Ты сделал это! Ты обещал, что не поступишь так, но ты все равно это сделал!

Ревик напрягся. Растерявшись, он взглянул на охотников Адипана.

Ему не нужно было сканировать их, чтобы знать, что они думают. Но, пожалуй, бесполезно объяснять этому мальчику с атомной бомбой над головой, что он наверняка оставил его во время работы на Шулеров — и с тех пор ему стёрли память, а сам Ревик из всех сил старался загладить вину.

Это бесполезно, учитывая, что они нашли в той сгоревшей школе.

*«Не в школе, — послал ребёнок. — Ты знаешь, что это не бл*дская школа! В этом ты тоже соврал! Ты соврал по поводу всего! — в его темных глазах проступило взрослое, хищное выражение. — Но теперь я не один. И я уже не глуп. Так что можешь сказать своим псам, чтобы отправлялись домой. Я никуда с тобой не пойду. Не в этот раз».*

Ужас мурашками пробежался по позвоночнику Ревика.

«Да, — послал он мальчику. — Ты не кажешься мне глупым, — он постарался что-нибудь придумать. — Я сожалею. Я правда не помню...»

«Мне стоит убить тебя».

Ревик ощутил, как свет вокруг него вновь опасно заискрил. Подняв свободную руку выше в воздух, он положил своё оружие на плоский камень у ног.

«У меня есть пара. Ты хочешь и её убить?»

Мальчик прищурился. Ревик поколебался, увидев его взгляд. Когда взгляд мальчика так и остался ледяным, Ревик поднял руку.

«Никаких пещер, — послал он. — Никакого оружия. Никаких вайров. Никаких школ. Никто не станет забирать тебя туда, куда ты не захочешь идти. Никто тебе не навредит...»

«Лжец, — послал мальчик. — Ты лжец!»

«Не в этот раз».

«Ты убил меня! Ты уничтожил меня!»

Его слова каким-то образом ранили Ревика. *«Ты все ещё здесь»*, — послал он.

*«Ты плохой мужчина! Плохой, бл*дь, мужчина!»*

«Больше нет, — послал он. — Что бы я ни сделал ранее, я сожалею».

Мальчик издал сиплый смешок, который звучал взрослее, чем возраст его тела. Ненависть в его мыслях сделалась осязаемой.

Ревик нервно покосился на Балидора. Старший видящий жестом показал Ревику продолжать, но сохранять осторожность. Ревик ответил утвердительным жестом.

Затем женщина, Ларен, перехватила руками винтовку. При этом она продвинулась на полшага вперёд.

Движение заставило мальчика резко перевести взгляд на неё.

Прежде чем Ревик успел предупредить её, что-то врезалось в его свет.

Уровень его энергии так резко упал, что его колени подкосились. Это ударило из ниоткуда, притягивая его сверху — словно его свет

над головой высасывало пылесосом. Боковым зрением Ревик заметил, что несколько членов Адипана также пошатнулись. Словно в дымке, он выставил перед собой ладонь. Его колени ударились о землю, а пальцы хлопнули по тому же камню, куда он положил винтовку.

Он услышал, как Ларен издала сдавленный крик...

А затем сразу донёлся громкий треск.

Затем что-то просвистело мимо него, так быстро рассекая воздух, что Ревик пригнулся, уходя с траектории этого предмета. Когда он вновь сумел сфокусировать взгляд, другой видящий бежал между ним и упавшей женщиной.

— Ларен! — прокричал мужчина.

Грент побежал к своей паре.

Он двигался так быстро, что Ревик не мог проследить за его движением глазами. Более того, он не мог пошевелиться... он в шоке наблюдал за другим мужчиной, пока его разум прокручивал в голове звук треска кости. Ревик осознал то, что Грент уже почувствовал.

Ларен лежала там же, где упала в подлесок. На её губах виднелась кровь. Грент баюкал её в объятиях, её шея вывернулась под неправильным углом. Её глаза оставались открытыми и невидящим взглядом смотрели на кроны деревьев.

Мужчина закричал, и этот звук разорвал сердце Ревика на части.

Никто из членов Адипана не двинулся с места.

Затем Ревик медленно, с трудом поднялся на ноги.

Будучи все ещё оглушённым от удара по свету, он уставился на Грента и Ларен.

Страх, затем и злость сплетались в нем самом. Он видел, как шок концентричными волнами бьётся в свете Грента. Ревик не мог смотреть, как мужчина осознает случившееся, и поэтому искал мальчика. Обнаружив, что тот по-прежнему неподвижно стоит возле того же дерева, Ревик сосредоточился на улыбке, игравшей на губах бантиком. Не подумав, он схватил свою винтовку с камня и вскинул к плечу...

Металлический ствол вылетел из его рук.

Что-то ударило его в центр груди.

Что бы там ни было, это весило как толстая дубовая доска. Сила удара была почти механической, словно по нему врезали стенобитным шаром.

Удар сбил Ревика с ног.

Замахав руками и ногами, он постарался замедлить падение. Растительность проносилась мимо, и Ревик ощутил очередную убыль света.

Затем его спина крепко врезалась во что-то. И его голова тоже.

Его тело повалилось на влажную почву. Выступающие объекты ударили его по спине, рукам и ногам, и все вокруг начало сереть. Тепло окутало его голову и шею; Ревик ощутил запах собственной крови. Он поднял глаза, стараясь сфокусировать взгляд. Из-за деревьев рядом вышла высокая фигура.

Женщина-видящая посмотрела на него сверху вниз, её синие глаза блестели как почти радужная бирюза. Как и у мальчика, у неё было азиатское лицо с высокими скулами. Она держала длинную винтовку, оснащённую органикой. На фоне этого оружия китайские модели Адипана выглядели детскими игрушками.

Дунув дымом *hiri* вверх, чтобы смахнуть прямые черные волосы с глаз, она подошла к дереву, возле которого лежал Ревик.

Она выбросила тонкую сигарету и затушила её носком ботинка.

— Ну привет, любовничек, — произнесла она по-русски.

Подняв ногу, она замахнулась ему по лицу.

Все тут же потемнело.

Глава 22

Знакомо

Огонь кровавыми волнами расцветает над полем.

Я смотрю, как тела отбрасывает назад, призрачный шёпот света кружит вокруг второго бака перед тем, как тот воспламеняется.

Он здесь, со мной.

Меня беспокоит то, каким знакомым он ощущается, насколько хорошо я уже его знаю.

Он наблюдает за разрушением сверху, руководя, как инженер или дирижёр. Все его внимание сосредоточено внутри замысловатых геометрических фигур света. Они колонной поднимаются над нами, искря и воспламеняясь, когда он сочетает и заново перестраивает их сложные нити.

Это прекрасно. Моё восхищение искреннее и почти смущённое.

Он сам прекрасен в оркестровке этой искусной работы.

Работа для него — все равно работа. Она требует сосредоточенности, силы воли, целеустремлённости. И все же она наполняет его такой свободой, напряжением мышц, использованием своих сложностей, которые все ещё кажутся ему новыми, и поэтому работа все ещё наполняет его облегчением, почти что томящимся желанием. Работа позволяет ему дышать. После долгих лет подавления, сокрытия, притворства тем, кем он не являлся, он позволяет этому выплеснуться наружу, а не поедать его изнутри.

Эта свобода причиняет боль моему сердцу.

Взрыв сотрясает землю поближе к тому месту, где он стоит в физическом мире. Шрапнель летит в его сторону, и двое видящих его защищают.

На мгновение я пугаюсь за него...

Затем он вскидывает щит белого света.

Щит плотный; он выталкивает силу наружу, защищая его и двух мужчин рядом с ним. Огонь, железо, дерево скользит поверх и вокруг

них жарким ветром взрывного воздуха. Они как камни посреди стремительно несущегося ручья.

Я чувствую благодарность от двух видящих рядом с ним.

Они обожают его. Они безгранично обожают его.

Он рождён для этого. Он не знает больше ничего, на что бы он сгодился. Здесь не столько вопрос правильного или неправильного, плохого или хорошего, это скорее вопрос неиспользованных функциональных возможностей, направленных на благо какой-то цели... даже если эта цель на самом деле не является его целью.

Теперь он знает, что эта сила в нем в конце концов должна была найти выход.

Тем или иным образом ему пришлось выразить эту силу в его свете. Хоть он и не может доверять тем, на кого сейчас работает, себе он доверяет ещё меньше. Так что он работает на них и считает себя везунчиком.

У него есть цель.

Он помогает сделать мир лучше... пусть даже временно.

Воспоминания вламываются в мой разум, частички его, смешанные с частичками меня, а может, просто воспоминания об его воспоминаниях. Там живёт также исторический момент. Что-то важное, что-то, находящееся за пределами памяти любого видящего или человека. Знающие отпечатки их всех, словно засечка в их коллективной ДНК — всех тех, кто стал свидетелями тех лет.

Каким-то образом мы все несём ответственность.

Он не рождён. Он сотворён.

Он создан через безразличие, через терпение и намерение.

Мужчина держит пистолет у его головы.

Это маленькая головка, лишь чуть больше той, что я видела в лесу. Темные волосы заслоняют круглое лицо и раскосые глаза. Однако я не вижу его глаз; они для меня невидимы, как и большая часть черт лица.

Не только другие видящие работают над тем, чтобы сломить его. Этот — человек. Молодой. Злой. Он работает на другого, но он убеждённо верит, он не раб.

— Разоружись! — рычит человек. — Разоружись, говнюк! Ты думаешь, он позволит тебе жить, если ты этого не сделаешь? Разоружись, иначе я размажу твою башку по всей стене...

Меня шокирует, что он так говорит с мальчиком.

Мальчик необычайно взрослый и необычайно юный для своих лет. Он справляется, закрывается, учится, вырабатывает стратегии, все по очереди. Иногда он делает все разом.

Он также борется с ними. Его разум борется, ибо его тело хрупко.

Его мучители извиваются по его *aleimi* как металлические змеи, но он все равно с ними борется. Он держится за воспоминания о родителях, какие-то проблески о том, каково это — быть любимым. Он помнит выражение привязанности, но оно так легко ускользает из его хватки.

Вскоре он начинает задаваться вопросом, было ли что-то из этого реальным.

Имя человека — Меренье.

— Ты сопливый засранец. Тебе безразлична твоя жизнь, да? Как насчёт твоей маленькой подружки? Как думаешь, сколько наших понадобится, чтобы её сломать?

Я вижу, как что-то в маленькой груди сдаётся.

Они находят его слабость. Они всегда её находят.

Затем я вижу её. Огромные глаза, тёмные волосы. Проститутка, которую они привели ему; она молода, почти так же молода, как и он сам. Он знает, что её продали им. Он знает, что она не хочет здесь находиться. Ей нет до него дела, но она — все, что у него есть. Она молит его о защите. Она умоляет его, касается его, когда он этого хочет. Она лжёт ему.

Она знает. Он — её единственная надежда выбраться отсюда живой.

Они бьют и её тоже. Они бьют её, используют её, но она...

Пещера вздрагивает, разваливается на части.

Она рушится вокруг нас обоих, и его разум останавливается.

Появляется стена с окнами. В его разуме из движущихся осколков стекла я мечусь между фрагментами как насекомое, отчаянно пытающееся победить в схватке с ветром.

Выжженная фабрика стоит в поле. Длинный ряд тонких стеклянных окон обрамлён металлическими рамами, в них уже пробиты хаотичные дыры от брошенных камней, а ряды покорёженного железа покрылись ржавчиной.

Он там, вновь юный, все ещё маленький для своих лет, хотя не такой маленький, как когда его били, резали и насиловали в лесах. Теперь он подросток, молодой парень. Эмоции остаются прежними, но с годами они становятся более сосредоточенными.

Структуры искрят вокруг его света. Там живёт страх, сокрушительное горе, которое теперь превратилось в ослепительную ярость... и нечто другое, чувство нарастающей целеустремлённости, смешанной с дикостью, темпераментом животного.

Эмоции пульсируют хаотичными вспышками.

Я чувствую, как он простирает свой разум. Я чувствую, как это начинается — это сжимающее ощущение.

Оно полностью разворачивается, взбудоражив что-то во мне, пока он целится. Сдерживаемое ощущение устремляется наружу, встретившись с мерцающими квадратами стекла в ржавой покорёженной стене. Мощь этого действия приводит меня в ужас.

Мельком я замечала подобный огненный потенциал в те секунды, что ползли, пока я напрягала неиспользуемую мышцу. Я видела это в себе, этот огонь. Лишь часть воспоминания предостерегает меня быть осторожной, не поддаваться этому... не направлять силы или намерения в эту сторону.

Я осторожна, пока смотрю на это — как гигант, поднимающий улитку.

Мальчик уже миновал эту стадию.

Он скидывает крышку с этой силы, с этой бурлящей, кипящей ямы под тонкой мембраной, которой он её сдерживает. Убрав эту завесу, он кричит от силы, живущей под нею. Это ощущается приятно, намного приятнее всего, что он чувствовал до сих пор... и я лежу там, тяжело дыша в темноте, помня, что это чувство есть где-то в глубине моей сущности. И я завидую, что ему все равно.

Он выдыхает это, и...

Окна в ржавых рамах взрываются.

Они взрываются наружу.

Разрядка столь мощна, что его переполняет нечто близкое к радости. Сжатие превращается в сплавление, единство со всеми светами, всюду, и он зрит внутрь каждого атома, каждой движущейся и сияющей частицы.

Он сдерживал это так долго.

Когда это наконец проходит, он смеётся и смеётся, и не может перестать смеяться...

Глава 23

Муж

Я сидела, сгорбившись над чашкой чая и уставившись в огонь.

Мой разум казался перелопаченным, исчерпавшимся.

Я больше не могла думать ни о чем за пределами наших прыжков. Теперь я жила там. Каждому перерыву между нашими погружениями сопутствовали одновременно облегчение и раздражение.

Это напоминало наркотик.

Меня немного пугало то, что я вот так опосредованно живу через мальчика. Через него я тренировала ту часть себя — сливала излишки, так сказать. Все равно что смотреть порнуху вместо того, чтобы заниматься сексом.

Я достаточно осознавала происходящее, чтобы эта мысль меня тревожила.

После того первого знакомства с мальчиком в лесах дни тянулись практически одинаково. Мы с Тарси ничуть не приблизились к тому, чтобы найти связь с массовым убийством в наши дни — при условии, что такая связь вообще существовала — но у меня было такое чувство, что мне нужно целый месяц скрести свой мозг металлической мочалкой для посуды и «Кометом».

Не думаю, что я полностью осознавала наступление утра, пока пожилая женщина не вошла с охапкой дров. Сложив их у каменного камина, она повернулась и посмотрела на меня, её светлые глаза так и приценивались ко мне.

— Тебе нужен перерыв, — объявила она на своём отрывистом английском.

Я кивнула, испытывая смутную благодарность. Раздражение пришло через несколько секунд. Я оттолкнула его, с надеждой покосившись на грудку шкур, которая стала моей постелью.

— Да, — согласилась я.

— Хорошо, — она улыбнулась. — Муж здесь. Ждёт тебя.

Несколько полных секунд я таращилась на неё, не моргая, пока её слова не отложились в сознании.

— Ревик здесь?

— А у тебя есть другой муж?

Отпив большой глоток чая, я поставила чашку и только тогда заметила, что мои руки дрожат. Поверить не могу, что я его не почувствовала.

Затем, подумав об этом, я вполне поверила, что я его не ощутила.

Но это вновь заставило меня задаться вопросом, почему он не приходил раньше.

В те разы, что мне удавалось коснуться его света, он не казался сердитым, но ощущался не совсем... нормальным. Подтянув ботинки поближе, я сунула ногу в носке в первый ботинок и принялась зашнуровывать. Я заставила свой разум опустеть.

— Он зол на меня, — радостно объявила Тарси. — Он говорит, что не уйдёт, пока не поговорит с тобой.

Моя нервозность усилилась.

— Супер. Ладно. Он снаружи?

— Он не уйдёт, — повторила она. Её бледные глаза улыбнулись мне. *«Возьми шкуру яка. И оставь себе одежду. Я заберу её у тебя, когда ты вернёшься».*

Надев второй ботинок и зашнуровавшись, я встала и позволила одеялу упасть на пол, пока я осматривалась по сторонам и искала, где оставила пальто. Найдя его на полу у двери, я кое-как натянула его, а затем ощутила Ревика, ищущего меня. Острая лента боли полоснула по моей груди, заставив резко втянуть дыхание. Я положила руку на белёный камень, стараясь не выbleвать чай.

Достаточно придя в себя, я посмотрела на Тарси.

В этот раз я увидела в её глазах доброту и веселье.

— Мне нужно будет вернуться сюда? — спросила я. — Ведь так, да?

Она сделала плавный жест, взмахнув запястьем вверх — «да» среди видящих.

Она добавила:

— А сейчас иди с ним. Вы оба ни на что не годитесь, — улыбнувшись, она продолжила более культурным тоном своего разума. *«Будет лучше, если мы позволим вам двоим некоторое время просто побыть женатыми. В текущем состоянии вы оба становитесь помехами. И он ещё хуже, чем ты».*

В ответ на мой скептический взгляд её взгляд сделался резче.

— Тебе нужно кое-что сказать ему, Мост. До того, как вы уйдёте. Я узнаю, если ты этого не сделаешь. Тогда я пойду за вами и сама ему расскажу.

«Повтори мои слова точь-в-точь, — послала она. — До того, как вы куда-то уйдёте. Потом он уже не услышит».

Я кивнула, но последнее уточнение меня озадачило. Я закончила застёгивать пальто и встала у двери.

— Ладно. Что сказать?

Она произнесла несколько слов. Они ничего не прояснили, так что я несколько раз повторила предложения в голове, пытаюсь найти в них смысл.

— Что это значит? — спросила я.

«Элисон, скажи ему ровно то, что я сказала тебе».

— Но ты ведь говоришь обо мне, верно? Почему я не могу знать, что это значит, если...

Она так громко щёлкнула языком, что я умолкла.

«Элисон, — послала она. — Я не играю в игры. Скажи ему. Или я скажу сама».

После недолгого колебания я кивнула. Хотя я пребывала отнюдь не в восторге. Потянувшись к ручке деревянной двери, я остановилась в последний раз и окинула взглядом интерьер маленькой землянки. За последние несколько недель она стала всем моим миром.

— Прощайся с Ханной за меня, — сказала я. — Передай ей спасибо.

— Ты тянешь время, Мост? — она улыбнулась.

Я вздохнула.

— Может быть.

Приготовившись, я дёрнула дверь и вышла на открытое пространство, выбрасывая из головы пожилую женщину, безнадежные образы войны, разлетающегося стекла и мёртвых детей... по крайней мере, на какое-то время.

Мне стоило бы знать, что он необязательно будет ждать на открытом месте.

И все же, когда я сразу же не нашла Ревика взглядом, это заставило меня помедлить. Я просканировала тени, частично используя свой свет, и различила его высокий силуэт, неподвижно стоящий возле группы темных деревьев с огрубелой корой. Он стоял на противоположной стороне поляны, недалеко от места, где я в последний раз видела Чандрэ.

Он не смотрел на меня.

Однако он ждал, когда я его найду. Это я почувствовала, но больше практически ничего. Ревик никогда так плотно не закрывался от меня щитами с тех пор, как мы вместе плыли на корабле. В Барьере он был замечен только как нечто отсутствующее, а не присутствующее. Его силуэт представлял собой пустое место в живом свете леса.

Как только я об этом подумала, его свет изменился.

В мгновение ока его свет подстроился под лес с такой точностью, которой я невольно восхищалась.

Я зашагала вперёд. Его высокий силуэт оставался неподвижным, пока я шла по траве.

Тени тянулись, чередуясь с полосами раннего утреннего света и окрашивая пятнами его лицо под деревьями. Ревик не посмотрел на меня, когда я подошла, и вместо этого продолжал смотреть на небо за краем утёса. Внезапно я осознала, что чтобы добраться сюда в такое время, он должен был выйти в середине ночи.

Когда я встала прямо перед ним, Ревик повернул голову, но все ещё не смотрел мне прямо в глаза.

Одно мгновение мы просто стояли рядом.

Вот так, когда его свет закрыт, находиться с ним рядом было почти проще.

Я посмотрела на розоватые облака и осознала, что не выходила из пещеры Тарси, должно быть, несколько дней.

Повернувшись в следующий раз, я заметила, что Ревик смотрит на меня. Его взгляд прошёлся по моему телу, но тут он ощутил, что я смотрю на него, и отвернулся. Его лицо превратилось в пустую маску, которую я помнила по времени, когда мы только познакомились. На щеке у него виднелся синяк — такой тёмный, что ему как минимум несколько дней.

Я робко попыталась прочесть, что же происходит за этой маской.

Ревик не то чтобы оттолкнул меня, но я ощутила движение, с которым он увернулся от моего света.

Его голос заставил меня подпрыгнуть. Ревик заговорил по-английски, с сильным акцентом.

— Ты остаёшься? — спросил он. — Здесь. С Тарси.

Я сделала вдох.

— Она сказала, что я могу уйти.

Ревик не посмотрел мне в глаза, но кивнул.

— Что ты теперь будешь делать?

Я поколебалась, внезапно ощутив неуверенность.

— Я ухожу, — сказала я. — С тобой. Разве нет?

Я увидела, как его плечи внезапно расслабились. Его свет оставался тщательно закрытым. Ревик, кажется, собирался сказать что-то ещё, но потом снова отвернулся.

— Ты готова? — спросил он. — Все необходимое с тобой?

Я всматривалась в его глаза.

— Ага, — отозвалась я. — Ревик, твоё лицо. Что...

Он покачал головой.

— Не здесь, — он протянул руку. Он не пытался коснуться меня, но замер с протянутой ладонью, предлагая её мне.

Я посмотрела на его руку, заметив кольцо моего отца на его указательном пальце.

Ощувив, что он отреагировал на это и неправильно понял моё колебание, я потянулась. Не успели наши пальцы соприкоснуться, как я вновь засомневалась и убрала руку.

— Подожди, — сказала я. — Есть ещё кое-что. Я должна кое-что тебе сказать. До того, как мы уйдём, — я почувствовала, как лицо заливают румянцем, и осознала, что стесняюсь. Не знаю, почему я смутилась, но постаралась подавить свою реакцию. В итоге я отвернулась, посмотрев в сторону Тарси — точнее, её двери.

Повернувшись обратно, я увидела, что Ревик ждёт.

— Это нелепо, — сказала я. — Но она хотела, чтобы я произнесла это слово в слово. И пока я с тобой никуда не ушла, — лицо Ревика оставалось терпеливым, так что я провела пальцами по своим спутанным волосам. — Ладно. Она хотела, чтобы я сказала вот что: «Он соврал тебе. В Каире. Она не знает. Я...»

Я поколебалась. На лице Ревика не дрогнул ни один мускул.

— ...«Я согласна с тобой. Но ты должен быть... осторожен».

Я чувствовала, что он все ещё ждёт, так что подняла ладони.

— Это все, — сказала я. — Вот такое сообщение.

Ревик не смотрел мне в глаза. Я видела, как он косится в сторону дома Тарси.

Несколько секунд он не шевелился. Его свет оставался за плотными щитами, но я чувствовала в нем какое-то противоречие. Или, может быть, это какая-то эмоциональная реакция.

Черт, да он мог прямо сейчас говорить с ней.

Секундой спустя Ревик кивнул, как будто обращаясь к самому себе. Я видела, как его кадык шевельнулся при глотании, а затем он вновь предложил мне руку, мельком взглянув на моё лицо.

— Ладно, — Ревик кашлянул. — Ты готова?

— Ревик, — я всматривалась в его глаза. — Что это значит?

Он покачал головой.

— Мы можем поговорить об этом потом.

— Дело в Мэйгаре? Потому что он не... — я увидела, как вздрогнул Ревик, и остановилась.

Боль исходила от него волнами. На мгновение он замер неподвижно.

— Нет, — сказал он наконец. — Не в том дело, — он нормально посмотрел мне в лицо. — Элли, — он постарался подобрать слова. — Элли... ты в порядке?

Ревик открыл свой свет так сильно, что я с трудом удержала его взгляд. От него по спирали исходило горе, но что ещё хуже, там присутствовала вина и боль, с которой крайне сложно справиться.

Отвернувшись от этого выражения, я попыталась улыбнуться и сдать назад.

— Я в порядке, — все ещё пытаюсь стереть этот взгляд с его лица, я пошутила: — Зато я практически уверена, что *он* не в порядке.

Ревик не улыбнулся в ответ.

Когда то чувство в нем лишь усилилось, я поймала его за руку.

— Эй, — позвала я, подавляя вспышку в моем свете, когда Ревик посмотрел вниз. На мгновение я могла лишь смотреть на него в ответ. — Я хочу пойти с тобой, — произнесла я, отпуская его руку и отступая на полшага. — Я безумно по тебе скучала, и мы можем поговорить, о чем ты хочешь. Но я очень не хочу возвращаться в Сиртаун. Тем более в лагерь, или...

— Не в Сиртаун, — сказал Ревик, не отрывая от меня взгляда.

— Тогда куда?

— Я нашёл нам место, Элли. Там безопасно, — он прочистил горло. — Мы будем одни.

Я задумалась об этом на мгновение, затем кивнула. Я взяла его за ладонь, которую он предложил в третий раз. Когда наши пальцы переплелись, я прочувствовала это до самых ступней.

— Ладно, — сказала я. — Тогда я готова.

Я заметила, что Ревик слегка хроمال.

Мы шли несколько часов, и я наблюдала за его ходьбой. Я гадала, то ли это травмы от Териана дают о себе знать, то ли это что-то новое — что-то, связанное с синяком на лице.

Я почти задала этот вопрос, когда мы поднимались по склону холма.

В итоге я этого не сделала, понимая его возможную реакцию на то, что я поднимаю эту тему.

Поначалу казалось, что мы идём по тому же пути, по которому вела меня Тарси, но в какой-то момент Ревик отклонился от того маршрута.

Он провёл меня по незнакомому оврагу, затем дальше на юг, в сторону другого горного хребта. Как только мы добрались до противоположной стороны узкого каньона, густо поросшего лесом, Ревик помог мне забраться на узкую тропку и повёл меня вдоль изломанной стены утёсов из булыжников, напоминавших гранит.

Я глазела на каньон, наблюдая, как птицы порхают по кронам деревьев.

Ещё через несколько минут я услышала грохот воды, разбивающейся о камни, и принялась осматриваться по сторонам, пока мой взгляд не нашёл высокий водопад из ледникового стока. Звук сделался ещё громче, как только мы обогнули ещё один зазубренный фрагмент скалы. Когда мы добрались до места, где камни стали скользкими, Ревик опять взял меня за руку и повёл вверх по тропе, змеившейся между деревьями.

Со временем воздух становился холодным и более разреженным.

Когда мы прошагали ещё час, я немного запыхалась и остановилась отдохнуть.

Упёршись ладонью в дерево у дороги, я посмотрела на зигзагообразную тропу внизу, наполовину скрытую деревьями. Затем я увидела кого-то на той тропе прямо перед тем, как фигура исчезла.

— Ревик, — тихо позвала я.

Он коснулся моего плеча сзади, почти робко.

— Адипан, — сказал он. — Исключительно женщины.

Я подняла взгляд, но Ревик не посмотрел на меня в ответ. Я снова покосилась на синяк на его лице.

— Вот тебе и наедине, я так понимаю, — я попыталась скрыть горечь за шуткой, но не преуспела. — Я поражаюсь, что они потрудились быть такими незаметными.

Ревик снова коснулся меня. И вновь его ладонь не задержалась надолго.

— Они не смогут видеть нас там, куда мы направляемся, — сказал он. — Балидор пообещал мне. Они лишь сопровождают нас до того места, затем уйдут... будут наблюдать за конструкцией издалека.

Я кивнула, но не поверила в это до конца.

Видящие могут врать не хуже людей. Я обнаружила, что они умеют врать даже лучше, если правда мешала их искажённому понятию «долга». Забавно, что теперь все обо мне забеспокоились. Где же было все это гипер-опекающее беспокойство, когда Мэйгар решил выкинуть свой фокус с заявлением прав... на виду у всего лагеря?

Моя злость рассеялась, когда я увидела, что на глаза Ревика навернулись слезы.

Меня это шокировало, даже с учётом того, что я почувствовала от него ранее. Мне пришлось окинуть его повторным взглядом, и даже тогда я не могла осознать, не померещилось ли мне. Его свет закрылся, и я в неверии смотрела, как Ревик вытирает лицо тыльной стороной ладони, избегая моего взгляда.

Видящие — это не люди, напомнила я себе.

У мужчин не существовало никакого предубеждения против открытого выражения эмоций. Даже опасно открытого выражения эмоции. Крепче стиснув его пальцы, я потянула его руку к себе. Ревик по-прежнему не смотрел на меня.

— Эй, — позвала я.

— Элли, — его голос звучал хрипло. — История с Мэйгаром...

Я покачала головой.

— Нет, Ревик... пожалуйста. Прошу, не надо, — почувствовав, как он напрягся, я снова покачала головой. — Дело не в тебе. Клянусь, не в тебе. Я просто не вижу смысла говорить об этом. Это произошло. Все кончено, — когда его лицо напряглось, я потянула за его пальцы. — Слушай. Все закончилось хорошо. Более-менее хорошо.

Ревик все ещё не смотрел на меня.

Я заговорила тише.

— Пожалуйста, детка.

Я почувствовала, как он отреагировал на ласковое обращение и взглянул на меня.

Я погладила его пальцы, ощутив, что это тоже вызвало рябь в его свете.

— Я уже поорала на Чандрэ, винила тебя, винила себя. У меня нет сил проделывать все это заново. Между нами все хорошо. Ведь так?

Ревик стиснул зубы, но показал утвердительный жест. Он выглядел так, словно все равно хотел что-то сказать, но ощутив, как я подталкиваю его свет, он передумал.

Несколько часов мы опять ничего не говорили.

К тому времени мы добрались до высокого плато.

Перед нами простиралось длинное поле с травой. Горы с белыми вершинами возвышались с обеих сторон. При виде низких облаков и причудливо разделившегося сине-белого солнца по спине пробежали мурашки.

Внезапно почувствовав себя так, словно я провалилась в один из своих снов, я замедлила шаги, немного запыхавшись. Я покосилась на дикие цветы, мелькавшие в траве, доходившей до бедра, и знакомое ощущение пронзило меня как физический удар. Это могло быть то самое поле, куда мы прыгали с Тарси.

Что мы вообще здесь делаем? Где-то поблизости находилась взлётная полоса?

Небо смеркалось. Когда Ревик легонько, вопросительно потянул

меня за руку, я последовала за ним. Мы без разговоров прошли через траву высотой до бедра, пока не добрались до верхней точки небольшого подъёма.

Внизу небольшая часть поля отгораживалась забором. Он очерчивал края пространства с подстриженной травой вокруг маленького домика-ранчо с черепичной крышей.

— Здесь? — спросила я, посмотрев на Ревика. — Ты хочешь поговорить здесь?

Ревик кивнул. Он, как и я, посмотрел на небо. Не знаю, заметил ли он недоумение на моем лице.

— Я купил его, — сказал он. — Нам пришлось внести довольно обширные модификации в конструкцию. Проще было купить дом, а потом поработать над всей этой штукой, — он поколебался, всматриваясь в моё лицо. — Дом довольно простенький, Элли.

Я кивнула, глядя на горы, но мой разум разрозненно бряцал и гремел своими шестерёнками, стараясь переварить новую информацию, а также то, что Ревик только что навалил сверху.

Он *купил* это? И в каком месте это хорошая идея — находиться вдвоём тут? Я думала, мы направляемся в город... или к взлётной полосе. Когда Ревик сказал, что мы будем наедине, я представила, что мы поедем в Дели, может, даже в Европу.

Отдельные номера в отеле. И все такое.

Держа свой свет за плотными щитами, я отпустила его руку и пошла вниз по холму, петляя в высокой траве. Почти моментально я добралась до ворот в заборчике.

Войдя через проход напротив двери хижины, я походила кругами по похожей на газон полянке и кольцу утоптанной земли вокруг самого дома.

Я знала, что тяну время; я также заметила, что невольно улавливаю отпечатки. Я почувствовала следы пожилого человека, который жил здесь ранее. Он казался неплохим мужчиной. Я видела отпечатки копыт и следы, кажется, минимум одной собаки. У него были внуки. Интересно, переехал ли он жить к ним. Тут имелась старомодная водокачка и корыто.

Ревик последовал за мной.

До меня дошло, что непрестанно наблюдал за моей реакцией.

— Здесь красиво, — сказала я, действительно имея это в виду.

Я наблюдала, как ветер колышет траву за забором. Новые ярко-зелёные ростки вперемешку с дикими цветами превращали плато в мозаику. Высокая ветряная мельница, старомодная и сделанная из дерева — такие мне нравились в детстве — стояла за домом, мерно вращаясь на ветру. Позади неё я заметила лошадей, пощипывавших траву на склоне. Они стояли недалеко от реки.

— Лошади тоже принадлежат тебе? — спросила я.

— Да.

— И река?

Ревик издал отрывистый смешок, делая одной рукой жест «более-менее».

— Достаточная её часть, — ответил он.

— Я умираю с голода, — сказала я, снова посмотрев на него. — Здесь есть еда?

Он гостеприимным жестом показала на входную дверь.

Я проследила за движением его руки и пошла впереди. Ревик держался сзади, когда я потянулась к ручке.

Не заперто.

Провернув ручку, я распахнула дверь.

Из-за лошадей и мельницы я ожидала чего-то западного, наверное. Но приятно удивилась, увидев красочную деревянную мебель, какую можно встретить в тибетском доме. Все здесь недавно почистили или даже заменили. Толстые ковры покрывали пол из каменной плитки до самого камина, который располагался рядом с обеденной зоной и массивным деревянным столом, тоже выкрашенным яркой краской. Я с удивлением заметила настоящую кухню с газовой плитой, таким же ярким холодильником и раковиной, яркими шкафчиками и разделочной доской из чурбана посередине. Я гадала, откуда же бралось электричество.

— Комбинация источников, — сказал Ревик позади меня. — Солнечная и ветровая энергия. Здесь этого достаточно. Генератор переключается на топливо, если энергии не хватает. Это в основном

для зимы.

Я обернулась к двери, где он так и стоял у порога. Он снова наблюдал за мной и показал на другую дверь, которая вела в более тёмную заднюю часть.

— Прими душ, если хочешь, — сказал Ревик. — Я что-нибудь соображу из еды.

— Ты не обязан, — начала я.

— Просто иди, Элли, — он вскинул бровь. — Я тебя не отравлю. Обещаю.

Я рассмеялась. Когда Ревик улыбнулся, я отправилась в заднюю комнату. Но остановилась прямо перед дверью, вспомнив, что ничего не принесла с собой.

Должно быть, Ревик тоже это почувствовал.

Он помедлил на полпути на кухню.

— Я попросил Касс упаковать одежду, — сказал он и потёр ладонью шею сзади, явно смутившись от моего удивления. — Я не смотрел, но в шкафу должны быть вещи. Они сделали все это на прошлой неделе, — он посмотрел мне в глаза. — Когда я вернулся, Элли.

Поколебавшись всего секундочку, я кивнула и постаралась расслабиться.

Я не упустила из внимания ту лазейку, которую он оставил мне, сообщив о своём отсутствии, но его слова вызвали кучу других вопросов.

Я вошла в тёмную комнату, все ещё немного ошарашенная тем, что Ревик подключил к делу Касс.

Закрыв дверь, я повернулась к тускло освещённому пространству, стараясь сориентироваться.

Сама комната оказалась довольно простой. Огромный платяной шкаф из дерева, выкрашенный яркими цветами в тибетском стиле, занимал один угол напротив окна, занавешенного плотными шторами. Слева от него находилась дверь в маленькую ванную. Здесь пол тоже устилали толстые шерстяные коврики, и я заметила свечи на деревянной полке над кроватью.

Я все ещё осматривалась по сторонам, стараясь прийти в себя, когда осознала ещё одну деталь.

Здесь была только одна кровать.

Глава 24

Предложение

Несколько часов спустя я смотрела на огонь, когда Ревик вышел из спальни, выпустив рассеивающееся облако пара.

Мы закончили есть. Я все ещё сидела за столом, подтянув одну ногу к себе и обхватив рукой лодыжку, а ступней упираясь в сиденье деревянного стула.

Ревик, пожалуй, удивил меня тем, что вообще умел готовить. То, что он приготовил, определённо относилось к категории «необычного» по человеческим/западным меркам, но было вкусно — что-то вроде карри из манго с орехами, шпинатом и ещё чем-то, что я определить не смогла.

По тому, как он это ел, я знала, что это еда видящих.

Когда я попробовала есть так же, текстуры сделались ещё более изысканными. Более того, они так хорошо переплетались на моем языке, создавая тёплый поток в моем свете от горла прямо к бёдрам.

Когда я уже начала задаваться вопросом, не было ли здесь какого-то потайного мотива, Ревик скрылся в другой комнате, не сказав ни слова. Через несколько минут я услышала воду, полившуюся из душа, и вздохнула, настраиваясь на ожидание.

Теперь, когда он опустился на деревянный стул напротив меня, который занимал ранее, я легонько улыбнулась.

Ревик улыбнулся в ответ, откидываясь на спинку стула и проводя рукой по влажным волосам. Я заметила, что он побрился и надел чистую одежду — свободную рубаху с застёжками из узелков, которая по покрою напоминала китайскую, а также джинсы. Из кучи, подобранной для меня Касс, я выбрала чёрное шёлковое кимоно с золотой птицей на спине.

Я носила его на протяжении всего ужина. Кимоно было длинным и едва ли открытым, но теперь, покосившись на его джинсы под столом, я невольно задалась вопросом, не провоцирую ли я.

Ревик полез в карман и вытащил *hiri*. Никогда не видела, чтобы он их курил, хотя не раз ощущала от него их запах на корабле. Он

прикурил сигарету от деревянной спички, затем помахал той, затушил и оставил на своей тарелке.

Я подумывала попросить у него сигарету, но потом решила, что не для того я бросила курить как человек, чтобы начать курить как видящая. Когда я подняла взгляд, Ревик наблюдал за мной сквозь облако сладко пахнущего дыма.

— Это тебя беспокоит? — спросил он.

— Нет, — ответила я. Я говорила правду. В отличие от человеческих сигарет *hiri* пахли приятно.

Ревик посмотрел на кончик *hiri*, затем на меня.

Опершись рукой на стол, я безуспешно попыталась очистить свой разум. Мне нечего было сказать, но кажется, я не могла перестать думать об этом.

Мне не хотелось говорить о войне... или даже спрашивать, где Ревик находился последние несколько недель, или интересоваться его хромотой, которую я снова заметила, когда он пересекал комнату. Я не готова была думать о завтрашнем дне, и тем более о той ночи. Я не очень-то хотела знать детали того, что происходило в лагере, или сколько у нас есть времени до тех пор, как кто-то заставит нас вернуться туда. Меньше всего мне хотелось возвращаться к нашему прерванному разговору о Мэйгаре. Мне не хотелось пытаться завести светский, ничего не значащий разговор, поскольку мы оба совершенно не умели этого делать.

Если так подумать, я вообще не хотела говорить.

Однако я не знала точно, к чему это нас приводило.

— Ты хочешь спать? — спросил Ревик.

Не успела я подумать о причинах, как что-то в моей груди тут же сжалось. Я подавила это ощущение, вытесняя его из своего света, или хотя бы из той части, где его мог заметить Ревик.

— Конечно, — сказала я. Мои глаза невольно метнулись в сторону спальни. — Ты можешь идти вперёд, если хочешь.

Я сосредоточилась на синяке на его лице, затем отвернулась.

Когда молчание затянулось, я исподтишка посмотрела по сторонам. Тут имелся низкий диван со стопкой толстых одеял на

одном краю и горой подушек на другой стороне. Я попыталась решить, может, стоит просто спросить у него.

Ревик поднялся на ноги и затушил *hiri*.

Я задержала дыхание, думая, что он собирается вновь скрыться в спальне и оставить меня в ещё большей растерянности относительно того, что мне теперь делать.

Но он так не поступил.

Ревик обошёл стол. Я не поднимала взгляда, когда он опустился на стул рядом с моим и ногами подвинул его ближе, чтобы наши колени соприкасались.

Он взял мои руки в свои ладони, и я посмотрела на наши пальцы. Его костяшки все ещё были покрыты синяками, но их следы уже бледнели.

— Элли, — произнёс Ревик. — Что не так?

Убрав одну руку из его ладони, я отбросила назад свои волосы и с ужасом осознала, что плачу. Я вытерла глаза, улыбнувшись от смущения... и явного недоумения. Я снова вытерла лицо.

— Ого, — протянула я. — Прости, — я сжала его ладонь, обхватывавшую мои пальцы. — Это та иррациональная штука, о которой ты мне рассказывал?

Ревик подвинулся ближе.

— Да, — мягко ответил он.

Я не могла заставить себя посмотреть ему в глаза.

Я помню, как он ощущался все те дни, что я провела у Тарси. Он не приходил за мной, даже не спрашивал обо мне на протяжении почти трёх недель. Он избегал меня в Барьере. Сидя здесь, я осознала, как сильно мне не хотелось обсуждать с ним это.

Когда я стала подниматься, Ревик схватил меня за руки, удерживая на месте.

— Элли, — его голос прозвучал почти панически, и я посмотрела ему в глаза. — Что я делаю не так? Скажи мне.

— Ты все делаешь правильно, Ревик. Просто я устала, я...

— Элли! — его свет ударил по моему, заставив меня ахнуть.

Ревик притянул меня ближе. — Ты сказала мне закрыть тему, я и закрыл! Ты злишься на меня?

— Нет, — прикусив губу, я усилием воли не отвела взгляда от его глаз и покачала головой. — Я не злюсь. Клянусь, Ревик.

Он просто смотрел на меня, в его светлых глазах виднелось непонимание.

Боль курсировала по моим световым венам. Я осознала, что отчасти это потому, что мой свет взаимодействовал с ним. В итоге я сжала руки в кулаки, сосредоточившись на наших пальцах, на различиях между нашими руками... в размере, в цвете кожи.

Покачав головой, я сделала вдох.

— Прости, — сказала я. — Я просто не понимаю. Мне кажется плохой идеей, что мы здесь одни, — я посмотрела на освещённую огнём комнату, чувствуя, как к коже приливает тепло. — Что мы здесь делаем?

Ревика озарило пониманием.

Я почувствовала, как все встало на место; затем его разум шёпотом пронёсся по моему, напоминая то утро в Сиртауне. При этом его боль заструилась по мне, и я вздрогнула, отстраняясь от его света. Я почувствовала, как Ревик тоже отреагировал на это.

Уставившись в огонь, я постаралась решить, как выбраться из этой неловкой ситуации, но тут его рука скользнула в мои волосы.

— Элли, — его голос вновь зазвучал мягко. — Элли. Ты такая красивая.

Ревик целовал моё лицо. К моей коже прилило тепло.

Когда его слова отложились в сознании, меня накрыло недоверием, и Ревик вновь поцеловал меня, потираясь своей щекой о моё лицо. Он никогда прежде не делал мне комплиментов. По крайней мере, по поводу моей внешности. Если так подумать, он в принципе делал мне очень мало комплиментов.

Он не из тех, кто раздаёт комплименты направо и налево.

— Я хотел прийти раньше, — сказал Ревик. — Я хотел, — его пальцы поглаживали мои. — Я надеялся, что ты позовёшь меня. Я ждал, Элли. Так долго, как только мог.

Не успела я осознать это, как он уже снова целовал моё лицо, наклоняясь через разделявшее нас расстояние. Когда я впустила его в свой свет, Ревик подался ближе, положив голову на моё плечо и принявшись ласкать мои ладони. Все в нем было тёплым, сливалось со мной, проникало под мою кожу. Его свет был таким открытым, каким я никогда прежде его не ощущала.

Честно, я понятия не имела, что делать с таким Ревиком.

Он поднял голову и посмотрел на меня.

— Спасибо, — сказал он. — За кольцо.

Я ещё сильнее залилась румянцем.

— Тебе необязательно его носить, — сказала я, но все равно потрогала металлический ободок на его пальце и погладила внутреннюю сторону запястья, когда Ревик положил руку на мои колени.

Я подняла взгляд, чувствуя, как он притягивает меня к себе.

Взгляд его глаз казался интенсивным в той манере, которая все ещё казалась мне чужеродной. Когда я приласкала его пальцы, снова посмотрев на тот, где он носил кольцо моего отца, его боль вновь окружила меня лентами. В этот раз я ощутила от него ещё больше, целый поток чувств хлынул глубже в мой свет.

После недолгой паузы Ревик потянулся к моим губам.

Поняв, к чему он клонит, я коснулась его груди, легонько оттолкнув.

— Нет, — отодвинувшись, я покачала головой, задышав чуть тяжелее. — Нет, — сказала я. — Мне нужно нечто большее. Тебе нужно сказать мне... что-нибудь.

Его глаза чуть-чуть светились в свете пламени. Ревик ненадолго прикрыл их.

Он откинулся на спинку стула.

— Ладно, — несколько секунд он ничего не говорил, лаская мои пальцы своими. Я всматривалась в его глаза, видя, как их взгляд словно обращается внутрь. Затем Ревик поднял голову, переведя взгляд обратно на меня. — Элли, — он сделал вдох. — Элли, я хотел... — я чувствовала, что он говорит и одновременно подбирает

слова, словно переводя. — Я хотел официально попросить...

Его губы поджались, затем он пожал плечами.

— Полагаю, ты можешь трактовать это как предложение руки и сердца, — сказал Ревик своим нормальным голосом. — Я хочу консуммировать брак. Сегодня ночью, если ты согласна.

Я уверена, что неправильно его расслышала.

В то же время боль попыталась проникнуть в мой свет, отчего сложно было прокручивать его слова в голове. Я почти не слышала его, когда он заговорил в следующий раз.

— ...Это открытое предложение, Элли, — его лицо слегка помрачнело, пока Ревик смотрел на меня. — Я знаю, это не очень, ну... — он сделал неопределённый жест рукой.

— Я пытался узнать у Джона и Касс, но они не знали. Чего ты хочешь. Ожидаешь ли ты более... — Ревик посмотрел мне в глаза. — Человеческого ритуала. Я не знал, хотела ли ты чего-то конкретного.

Он прочистил горло, делая деликатный жест той же рукой.

— ...Церемонии. Есть варианты для видящих. Я готов и к человеческому варианту. В Индии. Или где-нибудь ещё, — он снова кашлянул. — Мы могли бы привести сюда твоих людей. Или мы могли бы отправиться в путешествие... если бы ты предпочла такое. Не знаю, хочешь ли ты, чтобы я объяснил поподробнее о... ну ты понимаешь. О том, как это устроено у видящих.

Должно быть, я моргнула. Я продолжала таращиться на него, гадая, не подменили ли его. Мне действительно приходило на ум, что Териан его подменил.

Затем я осознала, что Ревик ждёт. Ревик ждёт, когда я заговорю.

— Ревик, — я заметила, что запинаюсь. — Мне правда не нужно...

— Просто подумай, чего бы тебе хотелось, — произнёс он быстро, словно опережая что-то, что он увидел на моем лице. — Я знаю, что вывалил это все на тебя, но ты просто подумай, — его пальцы крепче сжали мою руку. — И где ты хотела бы жить. Мы никогда не говорили о таких вещах. А должны. Я бы хотел, чтобы мы жили под одной крышей. Я открыт для предложений относительно места, Элли. Действительно открыт. Наверное, нужно будет учесть

меры безопасности, но мы можем договориться с Советом.

Я снова сглотнула, уставившись на наши руки.

— Элли, я не хочу, чтобы ты думала...

— Ревик. Перестань, — я подняла руку, сделала вдох и постаралась контролировать свой свет.

Наконец, я покачала головой, прикрыв глаза.

— Пожалуйста, не пойми неправильно. Прошу тебя. Я очень, очень ценю, что ты готов на это пойти. И да, я знаю, что нам обоим больно... очень больно, — я колебалась и заставила себя поднять взгляд. Слегка вздрогнув при виде его лица, я добавила: — Но я не могу... я правда не могу допустить, чтобы это стало твоим решением поступка Мэйгара.

Ревик застыл. На протяжении секунды он вообще не шевелился.

Затем его лицо изменилось, черты лица быстро исказились шоком.

— Элисон... *d' gaos!*

— Пожалуйста! Не обижайся. Ты знаешь, почему я это говорю.

Ревик продолжал таращиться на меня. Его лицо застыло в таком выражении, словно он вообще не знал, что я такое несу.

Я прикусила губу.

— Ревик, прошу тебя. Это полная противоположность того, что ты сказал мне во время нашего последнего разговора, — сглотнув, я показала рукой на огонь. — Я не позволю всей этой... истории... принудить тебя. Нам лучше просто придерживаться изначального плана. Убедиться, что это правильно.

Когда я подняла взгляд, Ревик смотрел на меня, и в его глазах все ещё виднелось неверие.

Однако прогресс уже заметен; я видела, что теперь он думал, может быть, пытался решить, что сказать. В любом случае, от его молчания в сочетании с потерянным, озадаченным выражением лица мне сложно было долго смотреть на него.

— Может, ранее ты был прав, — сказала я. — Может, нам стоит поговорить завтра.

— Элли, ты совершенно...

— Ревик, — произнесла я, снова перебив его и не подумав. — Я прошу прощения. Правда, прости меня. Но не думаю, что нам стоит делать это сегодня. Давай просто... переспим с этой мыслью.

Ощувтив от него очередную волну эмоций, я постаралась найти какой-нибудь нейтральный способ положить этому конец. Я нашла лишь один вариант.

Я начала как можно спокойнее подниматься на ноги.

Схватив меня за руки, Ревик снова притянул меня вниз.

— Элли, нет, — он смягчил тон, но я слышала в нем напряжение. Его тёплые пальцы сжали мои. Ревик коснулся моего лица, повернув подбородок так, чтобы я посмотрела на него.

— Пожалуйста. Послушай меня. *D' gaos...* неужели я уже настолько безнадёжно похерил все между нами? — ощутив что-то от меня или, может, просто почувствовав, что я отодвигаюсь, он крепче стиснул меня. — Элисон! Это никак не связано с Мэйгаром!

Ревик задыхался тяжелее.

Его свет, казалось, искрил вокруг меня, напоминая мне те ранние времена, когда он учил меня экстрасенсорному зрению, и те немногие разы, когда я видела его расстроенным, злым или испуганным.

Немного встревожившись, я сжала его пальцы в ответ.

— Ревик... эй, — позвала я. — Успокойся, ладно? Все хорошо. Ты ничего не испортил. То, что ты делаешь — очень мило. Серьёзно.

— Мило? — переспросил он. — Элисон! *Dugra ti le ente...*

Я почувствовала, как что-то поднимается в его свете, и вздрогнула от интенсивности этого чувства.

Ревик тут же отстранился.

Закрывшись от меня щитами, он сделал вдох и подавил это чувство.

— Давай так, — сказал он. — Я слышу тебя, Элли. Я слушаю, — он показал на низкий диван у стены. — ...Я посплю там. Я буду спать снаружи, если ты этого хочешь. Но пожалуйста, ради богов, послушай меня. Это никак не относится к Мэйгару, вообще! Может, я

неясно выразился...

— Ты ясно выразился, — сказала я.

Сказав это, я вздрогнула, осознавая, что снова его перебила.

Я почувствовала, как его свет искрит вокруг меня, вновь не веря в происходящее, и я постаралась расслабиться, бережно отделяясь.

— Ревик, — произнесла я. — Я верю тебе. Правда, верю. Но ты сбиваешь меня с толку. И я все ещё думаю, что это плохая идея.

— Что именно? — спросил он. — Что плохая идея? Мы в целом? Секс?

Я уставилась на него.

— Ты честно думаешь, что нам сейчас стоит заниматься сексом?

Я видела, как что-то промелькнуло в его глазах, но Ревик стер это чувство, оставив мне одну маску. Его голос зазвучал нейтрально.

— Я буду ждать, — сказал он... так долго, как ты захочешь. Пожалуйста, Элли. Просто скажи мне, это ли ты имела в виду.

Стараясь прочесть эмоции за этой маской, стараясь думать, стараясь сориентироваться в его словах и своём разуме, я осознала, что это ни к чему хорошему не вело. Я попыталась придумать, как увести нас в сторону от ямы, на краю которой мы кружили. Я посмотрела на его руки, борясь с болью разделения, жалея, что не могу просто уйти из дома... жалея, что не переспала с кем-нибудь за год его отсутствия, или не сделала ничего другого, а только ждала, когда он выяснит, что же он чувствует ко мне.

Но это нелепо. И практически безумие, если честно.

Я покачала головой, все ещё глядя на наши руки.

— Прости, — сказала я. — Ревик, я правда сожалею обо всем этом. Может, мне просто нужно время подумать.

Когда я подняла взгляд, он смотрел на меня. Его лицо теперь сделалось совершенно пустым, его свет закрылся. Я невольно задалась вопросом, что он услышал из того, что пронеслось в моей голове секунды назад.

— Я не говорю о нас, — сказала я. — Хочу прояснить ситуацию, я не имела в виду нас. Я говорю о сексе. Этой ночью. Это просто

кажется неправильным. Я не хочу, чтобы мы делали это вот так...

— Значит, мы не будем этого делать, — быстро сказал Ревик. — Мы не будем этого делать, Элли.

Я услышала в его голосе облегчение, и от этого боль вернулась с такой силой, что поначалу я не могла ему ответить. Опустив голову, я стиснула зубы и ждала, когда это пройдёт. Как только боль начала отступать, я почувствовала, как Ревик ласкает мои пальцы своими.

— Я посплю здесь, — сказал он тише.

В его тоне все ещё слышалось облегчение.

Я чуточку слишком быстро поднялась на ноги.

Он встал вместе со мной. Я не хотела рисковать и сдвигаться с места, когда мой свет наполовину находился вне моего тела, так что вместо этого я рискнула показаться идиоткой и оставалась у стола, пока не успокоилась.

Я не шевельнулась, когда Ревик подошёл ближе. Он легонько коснулся моей руки пальцами.

Я лишь стояла там, не глядя на него, когда он опустил голову так, что наши щеки соприкоснулись. Я чувствовала его дыхание у своего уха.

— Элли, — пробормотал он. — Пожалуйста. Прошу, не оставляй меня, потому что я такой неуклюжий. Пожалуйста.

Боль в моей груди усилилась.

Я подняла взгляд. В его прозрачных глазах вновь виднелась та интенсивность, отчего в них сложно было смотреть. Я чувствовала, что смягчаюсь от его взгляда. Я все ещё смотрела на него, когда вновь ощутила свою реакцию... на его близость, на его свет, на форму его губ, которую я в очередной раз заметила.

Ревик вздрогнул. Я рефлекторно шагнула назад.

Отсоединив свой свет, я вышла из комнаты, не оборачиваясь.

Я не думала, что усну.

Я лежала на кровати в кимоно, думая, что пролежу там большую часть ночи, таращась в один и тот же кусочек потолка. Но что-то во всем этом стрессе... или, скорее всего, в восьми с лишним часах похода по лесу, по крутым горным тропам... отправило меня в отключку. Я ощутила мимолётное чувство вины, что Ревик с его ростом ютился на диване, но даже это чувство не продержалось достаточно долго, чтобы я хотя бы встала и почистила зубы.

Следующим утром я не знала, где нахожусь.

Я поискала взглядом Тарси и Ханну, ожидая увидеть их, присевших у огня.

Вместо этого через щёлки в шторах на настоящем окне лился свет, а единственным предметом напротив кровати оказалось бюро, на котором стояло несколько деревянных ящиков. Я лежала на чем-то намного мягче тюфяка и впервые за несколько дней чувствовала себя такой чистой.

Я подняла руку, и рукав кимоно спал до локтя.

Вспомнив прошлую ночь, я не шевелилась, наверное, минут пятнадцать, справляясь с утренней дозой боли разделения и пытаюсь скрыть её из вида конструкции вокруг маленького домика. Однако в итоге я выбралась из кровати, развязала кимоно и повесила его на столбик кровати.

Несколько секунд я просто смотрела на него и чувствовала себя настоящей стервой.

Прошлым вечером после душа я даже нанесла макияж.

Прикусив губу, я пошарила в ящиках и нашла пару джинсов и кофту с длинным рукавом. Убрав волосы так аккуратно, как только смогла, я умылась ледяной водой из раковины, сняла остатки макияжа и поскребла кожу. Касс такая Касс, снабдила меня таким количеством косметики, кремов для кожи и духов, что хватило бы на целый табун проституток Кэт.

Я решила сегодня обойтись без этого, ограничившись увлажняющим кремом и дезодорантом.

Натянув носки, я сделала глубокий вдох и осмелилась выбраться в другую комнату.

Ревика там не было.

Осмотревшись по сторонам, я задалась вопросом, спал ли он вообще в хижине; диван выглядел точно так же, как и накануне вечером.

Я слегка приободрилась, почуяв запах кофе и заметив на столе чайник, от которого поднималась струйка пара. Кофе был все ещё горячим и, судя по запаху, свежим, так что я пошарила по шкафчикам, нашла себе кружку и наполнила её кофе.

Все ещё сжимая кружку, я направилась к наружной двери.

Я решила, что Ревик поступил в своём духе и опять куда-то ушёл.

Зная его, у меня было как минимум несколько часов, чтобы посидеть на крылечке, посмотреть на горы и нормально проснуться. Сунув ноги в расшнурованные ботинки у порога, я толкнула дверь бедром и выглянула наружу.

Однако как только мои глаза привыкли к утреннему свету, я остановилась как вкопанная.

На подстриженной траве вокруг дома стояли две лошади, привязанные к заборчику.

Ревик стоял возле более крупной светлой кобылки с темно-рыжей мордой. Я наблюдала, как он затягивает подпруги самодельного седла на её спине чем-то вроде привязного ремня из макраме. Само седло при ближайшем рассмотрении оказалось одеялом из овечьей шкуры. Это были не миниатюрные тибетские лошади, а обычные, нормальных размеров, которые я помнила по дому.

Заметив меня, Ревик обернулся. Его лицо сохраняло старательную маску.

— Доброе утро, — сказал он.

Ревик показал на лошадей так, словно они все объясняли.

Я посмотрела на меньшего, почти полностью белого коня, стоявшего рядом с красномордой. На обоих красовались верёвочные уздечки, которые выглядели почти как настоящие.

— Доброе утро, — почувствовав себя ещё более странно, я осмелилась подойти ближе, все ещё стискивая в руках кружку. — Это те двое, которых мы видели вчера? У реки?

Ревик кивнул, все ещё пристраивая одеяло на чалой лошади, сдёргивая его подальше и закрепляя на высокой костлявой холке.

Я заметила, что на белом коне уже имелось такое же одеяло и седельный ремень. Он, кажется, смотрел на меня, с некоторым раздражением пожёвывая уздечку во рту. Из-за косматой гривы конь немного походил на раздражённого подростка.

— На них можно ездить? — спросила я.

Ревик сделал рукой жест «более-менее».

— На них ездили ранее, — он взглянул на меня. — Но давно, особенно на этой, — он похлопал чалую лошадку ладонью. — Но они кажутся добродушными.

Чалая вскинула голову и распластала уши, когда белый подвинулся ближе. Когда он куснул её за плечо, чалая топнула копытом и фыркнула, а затем забила передними ногами по грязи, слегка взвившись в воздух. Ревик машинально увернулся от её пританцовывающих ног.

— Ладно, — сказала я. — Ты же в курсе, что я сидела на лошади, типа, дважды. Верно?

Он улыбнулся, но я видела, что он всматривается в моё лицо.

Я снова посмотрела на лошадей. Белый конь теперь блаженно тёрся головой о забор, наполовину прикрыв глаза.

Ревик прочистил горло.

— Тебе необязательно соглашаться, конечно, — сказал он. — Но я думаю, они будут вести себя хорошо, — он похлопал чалую по крупу, глядя на меня. — Я подумал, мы могли бы осмотреться. Полюбоваться рекой. Немного прогуляться по долине.

Встретиться с ним взглядом напрямую оказалось сложнее, чем я ожидала.

Его лицо оставалось закрытым, но при ближайшем рассмотрении Ревик выглядел, ну... усталым.

Даже измождённым.

Кажется, он прочёл мои мысли.

— Я в порядке, — ответил Ревик с отмахивающимся жестом. Он

улыбнулся более искренне. — Мне понадобилось несколько часов, чтобы их поймать, — он показал на чалую. — Давненько я ничего такого не делал. Было весело.

Не очень-то приободрившись, я кивнула.

Ревик встретился со мной взглядом, и я вновь увидела его — по крайней мере, в глазах.

На каком-то уровне я понимала, что он делает. Я знала, что он достаточно старомоден, чтобы все это имело для него смысл, учитывая то, что мы обсуждали вчера и на каком месте закрыли тему. Хотя я и гадала по поводу его первой жены и того, как он за ней ухаживал, я в то же время была тронута — даже сильнее, чем хотела ему показывать в данный момент.

Чтобы не смотреть на него, я уставилась на лошадь и постаралась думать.

Ревик прочистил горло. Когда я подняла взгляд, он смотрел на меня. Та интенсивность вернулась в его глаза, но за ней я видела лёгкую нервозность.

— Ты поедешь, Элли? — спросил он.

Я задумалась над этим всего на долю секунды.

— Конечно, — отозвалась я. — Я в деле.

После секундной паузы Ревик улыбнулся.

Глава 25

Женаты

В тот первый день мы не возвращались почти до самых сумерек.

К концу дня я уже понимала, что моё тело будет болеть от езды верхом, но мне было все равно.

Это был один из тех действительно замечательных дней, которые случаются так редко — лучший день за очень долгое время.

Определённо лучший день за все время после моего отъезда из Сан-Франциско.

Я не помню, когда даже в человеческом мире я делала нечто подобное — просто проводила время на солнышке, под синим небом, с тем, с кем я хотела находиться. Путешествовала. Ходила на пикник. Бродила вдоль реки. Лежала на траве. Плавала. Смеялась над глупыми шутками. Разговаривала.

Мы объехали территорию по кругу, опираясь на то, как Ревик запомнил границы, затем несколько миль ехали вдоль реки, пока не добрались до земель, где было ещё больше деревьев и широких озёр. Перейдя вброд через спокойное местечко, мы направили лошадей вверх к подножью холмов, а потом вернулись в тень у воды.

На следующий день мы вместо этого пошли вверх по течению, ведя лошадей прямо по реке, через узкий каньон, окружённый крутыми скалами. В тот день все было так красиво, что поездка свелась в основном к любованию пейзажами, хотя мы немного останавливались, когда нашли плоское местечко с достаточным количеством деревьев, чтобы хорошо устроиться на пикник.

На третий день мы отправились напрямик к горам, направив лошадей по крутой вьющейся тропе, пока не обнаружили водопад, который оказался даже крупнее того, что мы встретили по дороге к хижине. Мы провели там большую часть дня — гуляли, сидели, говорили, даже игрались с кое-какими экстрасенсорными штучками.

Каждый день Ревик приносил еду. Не знаю, то ли он вставал рано и готовил, то ли что, но припасы еды казались бесконечными.

Все три дня я также плавала, вопреки ледяной воде. Я плавала в

самой реке, недалеко от места, где Ревик лежал на траве и пытался вздремнуть, пока лошади щипали зелень. Я даже плавала в водоёме, образовавшемся от водопада сверху, когда мы остановились на противоположной стороне долины.

Не знаю, хотел ли он все ещё, чтобы мы узнали друг друга без секса, но если так, то к концу второго дня я действительно начинала видеть в этом смысл.

Мы почти не проводили время вместе, если только не находились в гуще какого-то кризиса. То люди пытались нас убить, то время поджимало, то Ревик застрял в роли телохранителя или учителя, то я была в депрессии из-за мамы или новой жизни, в которой я винила его, по крайней мере, отчасти. Затем все остальное — обычное разделение, страх, непонимание намерений друг друга, параноидальное дерьмо, которое преследовало нас с самого начала.

Я осознала, что с Ревиком легко находиться, когда ни один из нас не пытался сообщить чего-то экстремально важного. Мы оба, возможно, слегка осторожничали, и наверное, оба исподтишка смотрели друг на друга.

Но за исключением этого, да... все было легко.

Я забыла, что у него хорошее чувство юмора.

Белый конь был в его понимании шуткой, конечно — вся эта история с «белой лошастью Апокалипсиса» и Мостом. Очевидно, Ревик полночи не спал и гонялся за лошадьми, потому что белого коня так сложно было поймать.

И все же он поэкспериментировал и поездил на нём несколько часов, чтобы убедиться в безопасности. Так что, как сказал Ревик, когда он предложил мне поездку, он был вполне уверен, что не подвергает меня опасности.

После первого часа я дала коню кличку «Замануха».

Белый конь поначалу казался покладистым — может, потому что он не дёргался и не пугался, и вообще не отреагировал, когда я впервые на него забралась. Однако как только мы выехали за огороженную территорию вокруг дома, у него обнаружилась склонность без предупреждения переходить на галоп и останавливаться как вкопанный... тоже без предупреждения.

Когда он сделал это в третий раз, я перелетела через его голову и

плюхнулась в траву.

Как только он убедился, что я не пострадала, я увидела, что Ревик подавляет улыбку, наблюдая, как я матерю коня, который галопом нарезал круги вокруг нас, мотая головой и закусывая металлический мундштук.

После этого Ревик предложил поехать на белом.

Я попыталась ещё раз, справившись с несколькими попытками Заманухи скинуть меня, но после того, как он сбросил меня во второй раз, я сдалась и уступила очередь Ревиду.

После того, как он сам перелетел через белую гриву и познакомился с другим участком поля, я наблюдала, как он неуклюже садится, пока Замануха скачет вокруг, вскидывая копыта.

Подъехав к нему на чалой кобыле, я наклонилась через её шею, чтобы сказать Ревиду, который все ещё сидел на земле, что я снова переименовала Замануху... и теперь он впредь будет зваться «Карма».

Это заставило Ревика расхохотаться в голос.

В доме все шло легко. К третьей ночи мы вошли в режим. Мы по очереди принимали душ, переодевались, ели. Затем я сидела перед огнём, скрестив ноги, пока Ревик прислонялся спиной к дивану, вооружившись блокнотом и ручкой. В первую ночь, понаблюдав несколько часов, как он делает наброски, я, наконец, спросила, чем он занимается.

Он не углублялся в детали. Что-то вроде прорисовывания Барьерной структуры, которую он видел. Однако Ревик показал мне, как он это делал, объяснил свою систему использования различных узоров в линиях, чтобы продемонстрировать, как структуры располагались в пространстве относительно друг друга. Позаимствовав его видение, я смогла рассмотреть, как он изображает Барьер в двухмерной диаграмме. Оказывается, получалось довольно точно. Структуры даже казались смутно знакомыми, но я не могла вспомнить, где я их видела прежде.

Ситуация принимала странный оборот только тогда, когда мы отправлялись спать, и то в основном потому, что каждую ночь я пыталась поменяться с ним, отдав ему кровать вместо дивана. Каждую ночь Ревик отказывался.

Во вторую ночь я спала хорошо. Даже после третьей я проснулась с хорошим самочувствием.

Далеко за полночь четвертой ночи я все ещё не могла уснуть.

Дома было теплее — может, потому что погода становилась все теплее, а может, потому что у Ревика накануне было работающее настроение, и он решил проверить и включить паровой обогреватель. В любом случае, одеяло мне не понадобилось.

Облачившись в длинную шёлковую сорочку, которая, возможно, предназначалась для него, я лежала поверх покрывала и смотрела в потолок.

С задёрнутыми шторами в комнате было темно, но сквозь щёлочку пробивалась полоска лунного света. Я отвлекала себя, отыскивая лица и животных в узорах штукатурки и гадая, как выглядели звезды.

Через час я поняла, что не усну.

Я испытывала боль.

Я это знала, конечно же.

Страдания, причиняемые болью разделения, едва ли заслуживали внимания после целых месяцев этой боли... даже больше года, если считать время на корабле, и ещё раньше, в Сиэтле. К тому времени боль сделалась настолько постоянной составляющей моей жизни, что я не сразу осознала, что причина моего бодрствования кроется именно в этом.

Я гадала, спит ли Ревик.

Лёжа там, я постаралась как обычно игнорировать саму боль разделения, позволяя своему разуму поиграть с тем его предложением в первую ночь и с тем, что он имел в виду, когда сказал, что это никак не связано с Мэйгаром.

Я верила ему. Ну, во всяком случае, я верила в то, что сам Ревик в это верил.

И все же мне было интересно, как он сам себе объяснял, почему он передумал.

Однако я все ещё с трудом принимала всю эту ситуацию с болью-светом-женитьбой в целом, по крайней мере, в философском

плане. Легко было убедить себя, что большинство наших «чувств» как-то биологически связаны из-за того, как видящие реагируют друг на друга после образования связи. Однако все, кроме самого Ревика, не раз говорили мне, что на самом деле все не так. Более того, они утверждали прямо противоположное.

Они сказали, что связь напрямую образовывалась из чувств. Просто так получилось, что в отличие от людей, видящие привязывали эти чувства к биологическим аспектам.

Ну. Более-менее.

Однако я знала, что воспринимала это не совсем так, как они. Я не воспитывалась как видящая, и до сих пор оставались пробелы в том, как я воспринимала некоторые важные отличия от человеческой культуры и биологии. У нас с Ревиком все случилось так быстро, что очень просто было усомниться в чувствах, которые возникали у меня из-за связи.

Мне говорили, что так иногда бывает. Это не означало, что связь была ошибочной, «случайной» или как-то вызванной сексуальной неудовлетворённостью видящих... а именно об этом я беспокоилась в нашем случае, в той или иной степени.

Ни я, ни Ревик не упоминали тот разговор в первую ночь.

С тех пор он не целовал меня, не касался, даже толком не держал за руку.

Прокрутив тот разговор в голове, я осознала, что он не приблизится ко мне, если я не подам ему относительно ясный сигнал.

И это нормально, даже справедливо... вот только я, пожалуй, дерьмовее всех на планете умела подавать сигналы.

Я могла бы просто ждать. Мы оба тактично согласились подождать, и прошло всего несколько дней; возможно, мне стоило просто позволить событиям развиваться своим ходом.

Рано или поздно нам пришлось бы поговорить об этом.

Ну или нет, учитывая нашу предыдущую историю.

В тот день было несколько напряжённых моментов. Я шутливо повалила Ревика на одеяло для пикника во время ланча, и это едва не перешло в борьбу, когда он схватил мои руки — а потом внезапно отстранился. Он отреагировал, когда я распустила волосы. Я

почувствовала это ещё до того, как увидела. Я даже не была уверена, что прочла его, пока не повернулась и не увидела, что Ревик стискивает зубы.

Он также отреагировал на моё заявление, что я собираюсь поплавать.

Вероятно, он злился на мою реакцию на его предложение. А может, смутился, потому что я фактически его отвергла. Но не знаю, смущался ли он из-за таких вещей. Казалось, Ревик в целом открыто говорил на тему секса — во всяком случае, со всеми, кроме меня.

У меня сложилось впечатление, что он все ещё не отпустил историю с Мэйгаром.

Он отнюдь не радовался, что я с ним дралась. Я отчётливо уловила это как минимум один раз. Черт, да наверное, нам самим надо было подраться... чего мы все ещё ни разу не делали. Просто устроить спарринг, пока один из нас не положит конец тягомотине. Однако учитывая его репутацию в этом отношении, поединок может оказаться коротким.

И это возвращало меня к его изначальному предложению.

Я вела себя глупо?

Это билет в один конец, само собой. Но я вполне уверена, что мы оба уже подписались на это, так что если мы выждем ещё несколько недель, это ничего не изменит.

Я все ещё не полностью ему доверяла. Это тоже присутствовало.

Но Ревик это по-своему признавал. И я практически уверена, что это можно исправить только временем. По правде говоря, в данный момент я на самом деле не думала, что он мне изменит. Мой рассудок так не считал, когда я задумывалась на эту тему. Теперь, когда Ревик решил считать себя женатым, я верила, что правила для него изменились.

В конце концов, он же видящий.

Но верить ему и доверять ему — это две вещи, которые не совсем шли в комплекте.

Стиснув зубы, я села. Я соскользнула с края кровати, даже не подумав, что я делаю.

Я выгляну из комнаты.

Посмотрю, не спит ли он, спрошу, не хочется ли ему пойти и посмотреть на звезды.

Подойдя к двери в другую комнату, я снова остановилась, на несколько секунд снова усомнившись во всем. Ревик никогда на такое не купится. С другой стороны, разве это важно? Я тоже насквозь видела его попытки сделать шаг мне навстречу.

Сделав глубокий вдох, я как можно тише приоткрыла дверь.

Я прислушалась к тишине, поначалу гадая, не ушёл ли он опять куда-то.

Затем я услышала его дыхание.

Я не могла точно сказать, спит ли он. Он дышал не совсем ровно, но тяжелее обычного, так что, скорее всего, спал и видел сны. Пока я сама себя не отговорила от этой затеи, я прошла по ковру босыми ногами, говоря себе, что просто посмотрю. Если он действительно не спит, может быть, он захочет выйти со мной наружу.

Или подражаться со мной. Оба варианта подойдут.

Но Ревик спал. Растянувшись на спине, он лежал на диване полностью одетым, подложив руку под подушку за головой. Старая бумажная книга лежала на полу у дивана, словно выпала из его пальцев, когда Ревик задремал. Я взглянула на обложку, увидев, что это какой-то русский писатель, художественная проза. Ревик обычно много читал, но я не помню, чтобы он раньше читал художественную литературу, даже на корабле.

Его голова лежала на подушке, позволяя мне созерцать его лицо в профиль. Другая его рука лежала на животе. Однако Ревик не выглядел полностью расслабленным; что бы ему ни снилось, это сновидение оставляло лёгкое напряжение вокруг его глаз.

Я заметила, что диван был широким. Хоть Ревик лежал на спине, я все равно могла примоститься рядом с ним. Посмотрев на этот свободный участок сиденья, я гадала, не будет ли Ревик возражать, если проснётся и увидит меня рядом.

Скорее всего, я застану его врасплох и окажусь в захвате или полечу на пол.

После недолгих мысленных дебатов я села... осторожно.

Он не проснулся.

Однако его свет сместился, как только я просидела там несколько секунд. Его свет шевелился как живое существо, отдельное от остальной его сущности. Я ощущала его изменения, а затем его свет обвился вокруг моего силуэта, танцуя бледными водоворотами и изучая меня. Я постаралась не реагировать, но глядя на него, ощущала, как боль становится глубже, трепеща на краях моего сознания. Я смотрела, как она нарастает, и знала, что чем дольше я буду сидеть здесь, тем хуже мне будет.

Мне стоит уйти. Прямо сейчас. Пока я не наделала глупостей.

Я видела, как напряглось его лицо, и Ревик поёрзал на спине. Каким-то образом мои мысли вернулись к тому первому утру в Сиэтле. Вопреки всем ужасным вещам, которые случились между нами после этого, я бы проснулась в его объятиях.

Тем утром он тоже хотел секса со мной. Я гадала, насколько иначе сложились бы наши отношения теперь, если бы я приняла то изначальное предложение.

Я продолжала сидеть там, пока его свет жидкими струями вплетался в меня.

— Ревик? — прошептала я.

Он не пошевелился. Ритм его дыхания не изменился.

Я погладила его предплечье, проследив кончиками пальцев контур мышц. Его руки стали мощнее, чем были в Сиртауне. Где бы он ни провёл последние несколько недель, он тренировался. Его лицо тоже немного пополнило, а кожа загорела от пребывания под открытым небом. От наших экскурсий за последние дни он загорел ещё сильнее.

Я видела, как расслабилось его выражение лица, когда я его коснулась.

Я немного кашлянула.

— Ревик?

На корабле он спал чутко. В половине случаев, просыпаясь, я не обнаруживала его рядом. Я стала ласкать его пальцы, задержавшись на кольце, подумав, что значит тот факт, что он его носил. Я боялась спросить, но в то же время гадала, есть ли какой-то смысл в том, на

каком пальце он выбрал его носить.

Я постаралась принять решение уйти.

Я положила ладонь ему на грудь. Чем дольше я там сидела, тем сильнее раскрывался его свет, пока его боль не начала постепенно просачиваться в мою. Я видела, как напряглось его лицо, когда я скользнула ладонью к его плечу. Я медленно массировала его мышцы, наблюдая, как Ревик расслабляется, обмякнув на диване. Когда он так и не пошевелился, я принялась проделывать то же самое с его грудью через рубашку.

Наверное, я делала это слишком долго.

Наконец, я решила уйти.

Убрав от него руки, я почувствовала, как участилось его дыхание.

Он проснулся. Я поколебалась, глядя на него, всматриваясь в его лицо. Мои глаза привыкли к темноте, так что я видела его почти отчётливо. Ревик не открывал глаза и практически ничего не делал, но он явно проснулся. Я чувствовала это. И его свет ощущался иначе.

Я могла просто уйти. Наверное, он ничего не сказал бы, если я просто встану и уйду. Но я осознала, что все равно продолжаю сидеть рядом с ним.

— Ревик, — тихо позвала я.

Я ощутила его неохоту. Ему не хотелось говорить. Он также не хотел, чтобы я уходила. Он хотел, чтобы я касалась его. Я ощущала это его желание.

— Ревик, — повторила я мягко.

Он медленно повернул голову.

Его глаза остекленели и сделались почти прозрачными. Наблюдая, как он смотрит на меня, я неуклюже пыталась найти слова и решить, могла ли я что-нибудь сказать, как-то объяснить, что я делаю. Я все ещё смотрела на него, когда Ревик опустил руку, нежно погладив мою лодыжку пальцами и притягивая мой свет своим.

Это ощущалось как вопрос.

Я подумала обо всей той лапше, которую я намеревалась навешать ему на уши — про любовные звёзды, и якобы мне не

спится из-за скуки.

Вместо этого я потерялась в его открытом выражении.

Мы смотрели друг другу в лицо в синеватом свете от окна, и я невольно подумала об его объяснении того, почему он привёл меня сюда.

Я чувствовала его шок из-за того, что я его разбудила, но Ревик не позволял мне подобраться достаточно близко, чтобы углубиться в это. Я все ещё чувствовала, что он не хочет говорить, почти агрессивно не желает говорить со мной. Вопреки его щитам я затерялась в его свете даже глубже, чем я осознавала. Ревик хотел, чтобы я продолжала его касаться. Он думал, что если мы начнём говорить, то он что-нибудь ляпнет, и я перестану его касаться.

Я понимала. Действительно понимала.

Я также чувствовала, что какая-то часть меня продолжает колебаться, все ещё ждёт, когда Ревик скажет что-нибудь или сделает что-нибудь. Что-нибудь, что наверняка все равно меня не убедит.

... пока я не отпустила это. Наконец-то.

А затем я просто смотрела на него, кусая губу от боли в груди. Когда я не пошевелилась, эта боль постепенно перетекла в тошноту, скручивающую спазмами моё нутро.

Ревик ласкал мою ладонь, переплетая наши пальцы.

Боль трепетала и по краям его света, но он вновь взял её под контроль. На мгновение я увидела, как в его глазах проступил тот хищный взгляд. Я видела, как шевельнулся его кадык, затем его взгляд опустил ниже. Он ненадолго остановился на моих губах.

Я вновь ощутила в нем вопрос, но в этот раз более далёкий.

Сделав ещё один вдох, я ближе подвинулась к месту, где лежал Ревик.

Не отводя взгляда, я скользнула ладонью под его рубашку, задирая мягкую ткань. Его кожа отреагировала на касание моих пальцев так, словно они несли в себе слабый электрический разряд. Однако я наблюдала за его глазами, а они не дрогнули. Его тело тоже не шевелилось, пока я ласкала его. Ревик, казалось, задержал дыхание, постепенно подчиняясь мне, пока я изучала его кожу.

До меня дошло, что я всего один раз видела его без рубашки, в Сиэтле... и теперь я сильнее задрала его рубашку, чтобы посмотреть на него. Я увидела татуировку на его руке, сине-чёрный ободок из какой-то надписи. Ревик сказал мне на корабле, что не помнит, как сделал эту татуировку. Его грудь, покрытая лёгким слоем темных волосков, была мускулистой, хотя не такой широкой, как мне помнилось.

Я медленно массировала его, изучая его тело руками.

Я почувствовала, что он задышал тяжелее, когда я не остановилась. Его пальцы крепче сжали мою руку, но в остальном Ревик не шевелился, даже не смотрел на меня. Я потянула рубашку, стаскивая ткань с его плеч.

После кратчайшей паузы он сел, помогая мне стянуть её с головы и рук.

Когда я уронила рубашку на пол, его пальцы зарылись в мои волосы. Его тело смягчилось, и Ревик попытался притянуть мои губы к своим, но я ласково остановила его рукой.

Я ощутила в нем боль. У него перехватило дыхание.

— Элли, — пробормотал Ревик. Его голос мягко притягивал меня.

Кажется, он хотел сказать что-то ещё, но промолчал.

Легонько оттолкнув его руки, я забралась к нему на колени.

Ревик не шевелился, пока я расстёгивала его ремень, выдёргивая кожаный конец из шлёвки, а затем вытаскивая серебристый язычок. Я ощущала в нем неверие в происходящее, пока полностью вытаскивала ремень из его штанов — а затем он схватил меня. Он стиснул руку в моих волосах, когда я на мгновение отстранилась, чтобы бросить его ремень на пол.

Когда я глубже забралась к нему на колени, Ревик издал низкий стон.

Этот звук заставил меня замереть.

Я посмотрела на него.

— Ты сказал, что это открытое предложение, верно? — тихо спросила я.

Его глаза пробежались вверх по моему телу. Ревик уставился на меня так, словно не мог поверить, что я действительно сижу у него на коленях. Ещё несколько секунд он растерянно смотрел на меня. Его глаза всматривались в мои глаза в полутьме, словно пытаюсь прочесть меня без использования света.

Затем его пальцы крепче стиснули мои волосы и резко притянули мои губы к его рту.

Ревик поцеловал меня с языком, и его кожа покраснелась румянцем.

Через несколько секунд он застонал мне в рот. Я осознала, что пытаюсь успокоить его своим светом, но он почти лихорадочно отбивался от моих попыток. Его спешка потрясла меня до глубины души. Я попыталась компенсировать, замедлить его, но Ревик вновь толкнул мой свет, хрипло заставив меня в рот и запустив руку под сорочку.

Когда я открылась, отчасти от шока, он вплёлся в меня так глубоко, что я ахнула, и мы оба наполовину ослепли от боли. Ревик издал очередной стон, его тело буквально плавилось подо мной, и он выгнулся мне навстречу.

Попробовав другую тактику, я взяла его ладонь и положила на свою грудь, и его боль усилилась. Однако он замедлился, нежно лаская меня, пока я целовала его шею. Ревик задрал мою сорочку, не переставая ласкать меня языком и светом, пока я не утратила способность мыслить связно, пока мои пальцы не сжались в его волосах.

Ревик взял мою руку и опустил ниже своего ремня. Он поцеловал меня ещё крепче, удерживая мою ладонь и пальцы там, где бугор натягивал его брюки. Когда я помассировала его там, он снова громко застонал, и боль выплеснулась из него такой сильной рябью, что мы оба покрылись потом.

— Элли... боги...

Ревик умолк. Я вновь ощутила, что он хочет сказать что-то ещё. Он старался сдержаться, контролировать свой свет. Я обвила рукой его шею и приласкала его грудь.

— Ревик, все хорошо, — пробормотала я. — Детка, все хорошо... отпусти себя...

— Скажи мне. Пожалуйста, Элли. Скажи мне, что именно хорошо...

Я подвинулась ближе на его коленях, целуя его лицо.

— Я хочу этого, — мягко сказала я. — Я хочу тебя, — я снова поцеловала его. — Ты хочешь меня?

Его пальцы сжались ещё крепче. Я вновь ощутила в нем проблеск неверия.

Однако Ревик не пошевелился и не поднял взгляда.

Прикусив губу, я ослабила свой свет и чуть-чуть отодвинулась на его коленях.

— Ты все ещё хочешь подождать? — спросила я. — Ревик, просто скажи мне. Я не пытаюсь давить на тебя.

Я не осознавала, что мои глаза светятся, пока он не поднял голову; я увидела, что его лицо осветилось зеленоватым свечением, мои глаза отразились в его зрачках.

Теперь я ощущала от него больше, но как будто слоями, скользившими то за пределы его света, то обратно. В его воображении мои глаза отражали свет солнца; мои губы изогнулись в улыбке, одежда льнула к моему телу, пока я вброд шла по реке и смеялась. Я ощущала желание Ревика... интенсивное... такое сильное, что мои руки болели, как и мои губы, даже мой язык. Все стало лишь хуже, когда я увидела, как он с закрытыми глазами мастурбировал в душе, стараясь удержать свой свет подальше от моего в соседней комнате. Он прислонялся к стене душевой, фантазировал о том, как трахает меня в поле у реки, перед камином, на кухонном столе, в кровати в соседней комнате.

Образ померк, и я осознала, что Ревик опять пытается закрыться от меня щитами, но это удаётся ему лишь наполовину. Это не совсем смущение. Что бы это ни было, это походило больше на страх, неуверенность в том, как я его воспринимала, как я могла отреагировать, если он зайдёт слишком далеко.

Я чувствовала в нем осознание наших различий в прошлом, в возрасте, в том, как меня воспитали, а также понимание и память о том, как воспринимало его большинство людей. Ударив меня по странным эмоциям, это чувство вновь пробудило боль, и теперь его разум соединялся с выражением его лица.

Затем мы целовались.

Ревик откинулся на спинку дивана, привлекая меня к себе, и я скользнула глубже на его колени, подвинувшись так, чтобы оседлать его. Все болело. Его ладони сжали мои бедра, тесно прижимая меня к его ногам, и Ревик все глубже вливал свой свет в мой. Я ощущала в этом намерение, проблеск осторожности, пока он продолжал вплетаться в меня и раскрывать мой свет ещё сильнее.

Через некоторое количество времени я осознала, что Ревик раздевает меня.

Он неуклюжими пальцами возился с завязками шёлковой сорочки, все ещё притягивая мой свет, все ещё пытаюсь глубже увлечь меня в свой свет. Я немного отодвинулась на его ногах, когда он окончательно сдёрнул сорочку через голову и с рук. Затем он посмотрел на меня.

Ревик смотрел на меня добрую минуту, а затем его глаза закрылись.

— Элли, — сказал он. — Элли... если ты не уверена... скажи мне.

— Если ты хочешь остановиться, — сказала я. — ...Просто остановись, Ревик. Пожалуйста.

Он поднял меня и вместе со мной опустился на пол.

Я вновь ощутила в его свете неверие, переплетавшееся со спешкой, которая лишь усилилась, когда Ревик улёгся на меня. Я остановила его ровно настолько, чтобы помочь ему до конца снять брюки. Нежно обхватив мою талию одной рукой, он приподнял мои бедра, подцепил мои трусики пальцами и стащил вниз по ногам. Сняв их, он вновь помедлил... ровно настолько, чтобы полюбоваться моим обнажённым телом в свете из окна.

Его боль сделалась жидкой, скользнула ещё глубже, когда я принялась ласкать его грудь.

— Пожалуйста, — пробормотал Ревик. Он весь вспотел. — Элли. Пожалуйста... ты действительно этого хочешь? Возможно, я не смогу остановиться.

Его боль вновь полыхнула, заискрив в моем свете, когда его свет скользнул глубже, стараясь, чтобы я раскрылась ещё сильнее.

Реальность того, чем мы занимались, сильно ударила по мне, возвращая меня к тому, где я находилась и с кем.

Ревик крепче притягивал меня светом, пытаюсь ослабить мой контроль над своим светом. Там жило чувство вины, но оно смешивалось с вожделением, которое граничило с отчаянием. Я осознала, что Ревик хочет, чтобы я утратила контроль; он старался проникнуть сквозь мои защиты, одну за другой, любым возможным способом... пытался соблазнить меня, хоть я и лежала под ним голая. Какая-то часть его подстраховывалась, привязывая меня к нему, пытаюсь добиться, чтобы я подчинилась.

Я ласкала его лицо, целуя линию его подбородка.

— Я не попрошу тебя остановиться, — пробормотала я. — Не попрошу, Ревик... обещаю.

Я открылась, чтобы он ощутил больше моей боли, и Ревик стиснул зубы. Густой прилив жара выплеснулся от него, когда он вновь посмотрел на меня.

Он прильнул ко мне всем телом, целуя в губы.

Казалось, долгое время мы только этим и занимались. Я забыла, где нахожусь, пока боль не вернулась, зарождаясь под его руками на моих предплечьях, поднимаясь через живот, грудь, свет в моем горле. Его боль усилилась, вплетаясь в меня, пока мои движения не сделались лихорадочными. Я чувствовала, как Ревик утрачивает контроль над своим светом, думая о том, чего ему хотелось, о чем он мог бы меня попросить... как ему постепенно уговорить меня на большее.

Затем я просила его. Я не могла сказать, просила ли вслух или мысленно, но я снова просила его. Ревик издал какой-то звук...

... прямо перед тем, как раздался его голос.

— Элли... подожди, — пробормотал он. — Подожди.

Я подняла взгляд. Мы оба были обнажены; все, что я чувствовала — это его кожа и шерстяной ковёр под моей спиной. Его член уже затвердел; я чувствовала, как Ревик старается не прижиматься им ко мне, хоть его ноги и удерживали мои бедра раздвинутыми. Его рука обхватывала моё тело, когда Ревик начал отстраняться, отделять свой свет от моего, но при этом не отпуская.

Я отпрянула, осознав, что он делает, но Ревик лишь крепче обхватил меня руками, удерживая под собой.

Он вновь притянул меня, так крепко, что я ахнула, вцепившись в его руки.

— Элли, — я ощутила в нем неохоту, очередной прилив боли. — Тарси была права?

Я уставилась на него, все ещё пытаюсь собраться с мыслями, осознать реальность происходящего.

— По поводу чего? — спросила я.

Ревик ласкал моё лицо.

— Пожалуйста, милая... скажи мне, — его подбородок напрягся. — Ты уже была с видящим? Я не буду злиться, — его боль усилилась. — Мне нужно знать. Мне нужно знать правду, Элли. Пожалуйста, скажи мне правду.

Недоумевая, я наблюдала, как он на меня смотрит. С чего бы мне ему врать?

— Нет, — сказала я. — Не была.

Его лицо напряглось. Мне понадобилась ещё одна секунда, чтобы осознать — мой ответ возбудил его так сильно, что Ревик старался скрыть это от меня. Он покачал головой.

— Мы не должны, — произнёс он с сильным акцентом. — Я должен сначала показать тебе... показать тебе... это может причинить сильную боль, я не знаю...

Потянувшись вниз, я обхватила его пальцами. Ревик умолк.

Он прав; он ощущался не совсем как человек.

Не успела я ничего сказать, как его боль ослепила меня.

Ревик ошарашенно вскрикнул, вжимаясь в мою руку. Он выгнул спину, когда я продолжила гладить его и изучать до тех пор, пока он не задышал с трудом, стискивая мои волосы пальцами. Я не чувствовала на нем ничего, что могло бы причинить мне боль, во всяком случае, физическую. Я хотела сказать ему это... но вновь ощутила его молчание, нежелание говорить, делать что-либо, отчего я могу остановиться.

Когда я попыталась прочесть его, Ревик застонал мне в шею.

— Элисон... боги. Пожалуйста, — боль исходила от него спиралями. Я чувствовала, как его сдержанность ускользает, мышцы сжимаются. — Позволь мне. Позволь мне... пожалуйста. Прошу... боги. Я буду осторожен.

Моя ладонь сжалась в его волосах. Ревик снова застонал, когда я приласкала его головку. Я все ещё пыталась понять, узнать, что он боялся сделать со мной.

— Я мог бы сделать это так, будто ты человек, — сказал он.

Я посмотрела на него.

— Будто я человек? Что это значит?

— Я не хочу сделать тебе больно, — его боль снова ударила по мне. — Я могу сделать так, чтобы тебе не было больно. Детка, боги, перестань... перестань...

Я отпустила его и подождала, пока его дыхание относительно выровняется.

— Сделай это так, будто я видящая, — сказала я.

Исходившая от него боль усилилась.

— Ты уверена?

— Рано или поздно придётся вытерпеть боль, верно?

После небольшой паузы Ревик кивнул.

— Да, — его пальцы вновь сжались, он сильнее навалился своим весом. — Элли... ты меня любишь?

Я прикрыла глаза, потому что прозвучавшая в этом вопросе уязвимость застала меня врасплох. Его другая рука покоилась на моем бедре, но Ревик не отводил взгляда от моего лица.

— Скажи мне, — пробормотал он. — Скажи мне. Пожалуйста, Элли... скажи мне. Я тебя обожаю...

Я почувствовала его. Я осознала, что он делает.

— Да, — мой голос смягчился. — Да, Ревик... я люблю тебя.

Он издал низкий стон.

... затем он вошёл в меня.

Все замерло.

Это не боль. Неверие ударило по нам обоим; я видела, как изменилось лицо Ревика перед тем, как он стиснул зубы. Он ощущался иначе. Не слишком, но все-таки в достаточной мере отличался. Угол проникновения был другим. Ощущение его во мне делало что-то с моим светом, вызывало почти то складывающееся ощущение. Чувствуя это с Сайримном на протяжении целых дней, теперь я испугалась, что это спровоцирует телекинез... что я нечаянно наврежу Ревiku. Я постаралась сдержать это, как-то контролировать, но его свет лишь сильнее притягивал меня.

Затем он вошёл в меня по-настоящему.

Я вскрикнула. Я постаралась сдерживать свой свет, но преуспела лишь наполовину.

Ревик снова скользнул в меня, уже медленнее, и я захныкала, слыша его стон, когда он вошёл ещё глубже. Когда он толкнулся в третий раз, я осознала, что произношу его имя, впиваясь пальцами в его спину. Ощущалось это приятно, так чертовски приятно, так приятно, что я забывала о...

Ревик остановился, издав хрип.

— Элли... боги... — он весь вспотел. — Что же ты со мной делаешь... — на долю секунды он, казалось, вновь боролся с чем-то. Его пальцы сжались в моих волосах. — Расслабься, — попросил он, целуя меня, и тихо застонал. — Расслабься, любовь моя... пожалуйста. Я постараюсь. Я причиню тебе боль, если не попытаюсь прямо сейчас. Я и так едва сдерживаюсь...

— Попытаешься? — я с трудом дышала. — Попытаешься что?

— Посмотри на меня. Пожалуйста... Элли. Пожалуйста... посмотри на меня...

Я подчинилась.

Ревик вошёл ещё глубже, пока его член не подстроился под какую-то часть меня, почти как частичка паззла. Я тихо всхлипнула от удивления, все ещё глядя ему в глаза, затем крепче стиснула его спину, так возбуждись, что даже не знала, куда себя деть.

Когда он не пошевелился, я жалобно захныкала.

— Ты готова? — тихо спросил Ревик.

Я подавила боль, почти неконтролируемое желание притянуть его своим светом, заставить его сделать что-нибудь — да что угодно, только не прижимать меня вот так.

— Пожалуйста, — выдавила я. — Пожалуйста. Что бы ты ни собирался сделать... сделай это, пожалуйста...

После кратчайшей паузы его плечи заметно расслабились.

... и моё сердце остановилось от чистой физической боли.

Она лишила меня рассудка, любого осознанного разума. Какая-то часть его скользнула в меня как тонкое лезвие, войдя в отверстие, о существовании которого я не догадывалась. Ничто не могло подготовить меня к этому. Ничто.

Ревик издал тяжёлый крик, вцепившись в мою спину.

Я ощутила в нем столько наслаждения, что едва не потеряла сознание, и в то же время боль заставила тихий стон сорваться с моих губ. Что бы это ни было, оно скользнуло ещё глубже, и я могла лишь лежать там, тяжело дыша и подавляя панику, пока Ревик удерживал меня на месте и пытался успокоить своим светом.

Я вновь ощутила в нем неверие, почти животное чувство, и он сдерживался... но я чувствовала там и любовь, нежность, от которой щемило сердце... облегчение, страх и то жаркое, жидкое наслаждение, которое опьяняло сильнее любого наркотика из всех, что я когда-либо пробовала.

Ревик делился этим со мной и одновременно пытался контролировать это чувство, посылал густое тепло через мой свет, гладил меня по лицу и волосам, пока постепенно... постепенно... мои мышцы не начали расслабляться.

К тому времени его желание едва не ослепило меня. Его руки начали болеть.

— Элли, — простонал Ревик. — Элли... боги, ты себе не представляешь, как это приятно, — возбуждение исходило от него спиралями и затмевало мой разум. Он издал очередной низкий стон. — Ты в порядке? Детка... скажи мне. Скажи мне сейчас, пока я не...

— Нет, — я стиснула его руки. Подумав, я постаралась дышать. — Да. Да, я в порядке. Ревик, я в порядке...

— Ты хочешь, чтобы я остановился?

— Нет, — я помотала головой. — Не останавливайся, — я поцеловала его. — Не останавливайся.

Он вошёл глубже. То складывающееся ощущение вернулось. Я закричала по-настоящему, не сумев сдержаться, а затем Ревик вошёл до упора, и я уже даже не пыталась молчать. Это ощущалось приятнее всего, что я когда-либо испытывала; так хорошо, что даже невыносимо. Я обхватила его ногами и услышала, как он вскрикнул, захрипел, позвал меня по имени.

Я открыла свой свет...

... и Ревик мгновенно кончил.

Это шокировало меня.

Жаркий и стремительный, почти болезненный, его оргазм, казалось, длился довольно долго. Его ладони сжимали мои бедра, удерживая меня под ним, его свет совершенно переплёлся с моим. Ревик издал низкий стон, когда это ощущение достигло вершины. Он вдавил меня в пол и навалился всем весом, словно стараясь проникнуть ещё глубже. Его свет наводнил меня тем отупляющим удовольствием и облегчением... таким облегчением, что я даже не могла это осмыслить.

Я всматривалась в его лицо, когда волна достигла пика.

Затем она постепенно начала стихать.

Ещё через несколько секунд та другая часть его убралась. Она отступила одним гладким движением, и я ахнула.

Затем мы просто лежали там, тяжело дыша.

Я не могла в это поверить. Я не могла поверить, что мы только что сделали.

Ревик у понадобилось больше времени, чтобы отстраниться, успокоить бешено бившееся сердце. Он прижимался ко мне лицом, все ещё потел и старался успокоиться. Я постепенно ощущала, как он возвращает свой свет к себе. Он старался понемногу убрать свой *aleimi* от меня... затем остановился, снова расслабившись во мне, когда боль усилилась. Он закрыл глаза.

Вокруг него мерцало смущение.

Оно превратилось в нечто близкое к чувству вины, когда Ревик прокрутил в голове наши действия.

Он вообще не закрывался от меня щитами. Его уязвимость сделалась более выраженной, когда его пальцы принялись ласкать моё лицо, но от него все ещё волнами исходило облегчение, и Ревик не пытался это скрыть. Та нечеловеческая штука встала перед глазами его света. Прежде чем я успела осознать различие, Ревик поцеловал меня. Сливая свой свет с моим, он углубил поцелуй, лаская моё лицо.

— Боги, Элли, — прошептал он.

— Ревик, подожди...

— Элли, прости меня.

Я покачала головой. Мой рассудок, похоже, постепенно возвращался ко мне, словно пробиваясь сквозь слой грязи.

— Нет... мы можем просто... — он снова поцеловал меня, томительно притягивая своим светом. — Пожалуйста. Подожди... что это было? Что случилось?

— Видящие устроены иначе.

— Ага, — я издала задыхающийся смешок. — Ага, ладно. Эту часть я поняла.

Подняв голову, Ревик прикрыл глаза. Его свет глубже скользнул в меня, делаясь более осторожным и прислушиваясь к моей реакции, пока я опять не вцепилась в него.

Его голос зазвучал ниже, притягивая меня своим светом.

— Я думал о том, что скажу, — пробормотал он. — Всю дорогу сюда я думал об этом. Я собирался показать тебе, попросить тебя принять душ со мной, но мы добрались сюда, и... — он издал отрывистый смешок, снова целуя меня. — Затем я мог чувствовать лишь твоё желание уйти, твоё сожаление, что ты не спала с другими мужчинами. Ты сказала мне, что я веду себя «мило», — он прижался лбом к моему лбу. — *D' gaos*. Элисон. Я только что кончил в тебя как подросток.

Боль вновь выплеснулась из него клубами, когда я погладила его по бокам, ощущая под пальцами его ребра.

Я все ещё была на взводе, все ещё наполовину ушла в него своим светом, но стеснялась касаться его. Ревик прижался своим телом к моим рукам, и это помогло. Как и тот факт, что он все ещё находился во мне. Какая-то часть меня не могла осознать реальность происходящего. Пока я продолжала изучать его руками, его пальцы переплелись с моими. Секунды спустя Ревик разделил нас, и мне пришлось усилием воли сдержать протест и закусить губу, когда он перекатился и улёгся на бок.

— Дай мне минутку, дорогая. Одну минутку, — пробормотал он, целуя меня, глядя по лицу, моргая, чтобы сфокусировать взгляд. — Я хочу сделать это лучше для тебя, — сказал он, сделав неопределённый жест. Но он говорил уже спокойнее. — Мы можем забыть первую попытку?

— Нет, — отозвалась я.

Вид его тела отвлекал меня. Восхищение его телосложением смешалось с растущей тревогой, когда я осознала, в каком состоянии находилось его тело. Не до конца зажившие шрамы привлекали мой взгляд, выделялись под моими пальцами на его груди и боках. Я знала, что часть из них оставлена Терианом, но старые травмы соседствовали с ранениями, которые казались более свежими. Линия толщиной с большой палец огибала его горло по кругу прямо над растянутым белым шрамом, который поднимался из-под его руки и заканчивался на шее бледным знаком вопроса. Я провела пальцами по его рёбрам, замечая тёмные пятна, которые, должно быть, были новыми синяками.

По мне ударила боль — другая боль.

— Ревик, где ты был последние несколько недель?

— С Балидором, — он посмотрел мне в глаза. — В Сиккиме.

Я почувствовала, что бледнею. Значит, он знал про детей. Но не это меня беспокоило.

— Ревик, — позвала я. — Пожалуйста. Ты сказал, что позволишь другим разведчикам разобраться с ним.

— Териан этого не делал, Элли.

— Мне все равно! Ты подходишь слишком близко.

— Я был осторожен.

— Недостаточно осторожен! — я накрыла ладонью один из синяков. — Иисусе, — боль ещё сильнее ударила по мне. — Кто пнул тебя по лицу?

Подвинувшись ближе, Ревик прижался своим животом к моему, изучая мои глаза.

Его свет распространился по мне. Тёплый. Смягчающий мой страх.

— Ты другая, — тихо сказал он. — Не только потому, что девственница.

Я знала, что он меня отвлекает. Я также знала, что он прав, и это наихудшее время, чтобы обсуждать Териана или мёртвых детей.

И ещё его отвлечение работало.

Я выдавила улыбку.

— Девственница? Вы, видящие, такие расоцентристы. Вечно-то все вертится вокруг вас.

Ревик улыбнулся в ответ. Легонько подтолкнув меня так, чтобы я перекатилась на спину, он снова улёгся на меня и подпёр подбородок ладонью. Пальцем другой руки он провёл по моим губам, затем по щеке.

— Элисон, — пробормотал он. — Ты соблазнила меня.

Я почувствовала, как моё лицо заливает теплом.

Его пальцы отбросили мои волосы. Ревик снова поцеловал меня, уже медленнее. Когда мы остановились, он перенёс свой вес, пришпилив меня к полу под своими руками и ногами. Я ощутила нарочитость его позы, и Ревик вновь посмотрел на меня, словно спрашивая, не против ли я.

Когда я не оттолкнула его, он улыбнулся. Его голос продолжал звучать тихо.

— Ты едва не наградила меня сердечным приступом, Элли, — он ласкал мою руку кончиками пальцев, заставляя меня вздрагивать. — Я не мог поверить в происходящее, когда проснулся, — в его голосе вновь зазвучала боль, и Ревик умолк, глядя на меня. Я почувствовала, что его член опять затвердевает. — Боги, Элли. Я надеюсь, что ты не устала. Я сейчас очень, очень возбуждён.

Покраснев ещё сильнее, я погладила его по груди, чтобы избежать его взгляда, пробежалась пальцами по мышцам и коже, лёгкому слою темных волосков. Я покачала головой.

— Не слишком устала, — ответила я.

Ревик все ещё всматривался в моё лицо. Его голос зазвучал тише, делаясь более гортанным.

— Теперь нам нужно будет остаться здесь, — сказал он. — Ты ведь это знаешь, верно?

Я посмотрела на него.

— Надолго?

— Не знаю, — лаская мои пальцы, Ревик отвернулся и посмотрел в окно. — Но я ощущаю собственничество, Элли. Очень сильное собственничество, — его рука скользнула обратно в мои волосы и сжалась, когда он стал целовать моё лицо. — Я хочу дать тебе очень много причин, по которым ты захочешь хранить мне верность. Очень много причин.

Я улыбнулась.

— Правда? И что же это за причины?

— Пока что не знаю, — сказал он. Я ощутила в его свете очередной прилив того желания, резкой интенсивности. Ревик снова поцеловал меня, бормоча: — Но я захочу много трахаться. Много, Элли. Наверное, я с ума тебя сведу, не давая спать.

Я рассмеялась; просто ничего не могла с собой поделать.

— Ты кто? Это как будто другая версия Ревика. Ты все ещё под кайфом от оргазма?

Он улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз.

— Тебе не нравится? Я слишком много болтаю? Слишком на многое надеюсь?

Я коснулась его лица.

— Мне это нравится, — подумав, я добавилась: — ...Даже очень нравится, если честно. Но я не хочу, чтобы ты чувствовал себя вынужденным вести себя так.

— Ты сомневаешься в моей искренности?

Я снова рассмеялась.

— Нет.

Ревик вжался в меня. Когда он поднял голову, его глаза смотрели более серьёзно.

— Элли, я никогда... — он колебался. — Я не помню, чтобы когда-либо прежде был с девственницей.

Я подняла взгляд, усилием воли скрывая смущение, и улыбнулась.

— Никогда? Тебе разве не сто с лишним лет?

Ревик вскинул бровь, затем улыбнулся в ответ.

— Да. Но с другой стороны, я вообще не помню, чтобы до сорока лет был с кем-то, кроме видящих-профессионалов.

Я кивнула, не поднимая взгляда и продолжая касаться его. Я не уверена, сколько хотела знать об этом, по крайней мере, в тот момент. Или... вообще. В его распоряжении было намного больше лет, чтобы собирать засечки на изголовье кровати, и он не тратил их впустую.

Кроме того, профессионалы точно знали, что делают.

Я же, напротив, не знала даже базовых фактов о своей анатомии.

Я понимала, что это шокировало Ревика. Что бы я ни сказала, что бы Тарси ему ни сказала, тот факт, что я никогда не спала с другим видящим, чертовски шокировал Ревика, пока мы находились в разгаре действия. Я подумала о том, что он никогда не был с девственницей, о том, что я его соблазнила, о том, как он боялся напугать меня, когда мы только начали... и моё лицо снова залило румянцем.

Нет, я определённо не хотела слышать об его прошлом.

— Ты сказал, что я другая, — сказала я, чтобы сменить тему. — Ты имеешь в виду, в буквальном смысле, физически... — я колебалась. — Другая-другая? Типа, там внизу?

В глазах Ревика сверкнуло веселье, но я заметила там кое-что ещё.

— Люди не замечали?

— Ну, замечали. Но я не думала, что и среди видящих буду чудиком.

Ревик обхватил ладонью моё лицо, но я видела, как поджались его губы.

Посмотрев на него, я гадала, сколько же он видел, пока следил за мной все эти годы. В его глазах проступило заметное напряжение, и я решила, что говорить о бывших любовниках сейчас — не лучшая идея для нас обоих.

Я ощутила от него очередную дрожь боли, пока Ревик наблюдал, как я на него смотрю.

— Ну и? — настаивала я, улыбаясь. — В хорошем смысле другая? Терпимо?

Напряжение схлынуло с его лица. Ревик расхохотался.

— Скорее, «мне лучше привыкнуть к этому, пока моя жена не ушла от меня»-другая, — он улыбнулся, но я вновь ощутила его смущение. — Это не только физическое отличие, Элли. Твой свет делает что-то.

Ревик осторожно послал остальную часть, стараясь показать мне. Это было то складывающееся ощущение, которое я подавляла. Жидкий жар заструился из структуры в моем *aleimi*, зарождаясь в моем животе и устремляясь в Ревика... пока какие-то части нас не переплелись как синусоиды.

Я ощутила, как у него перехватило дыхание, и его тело тяжелее навалилось на меня.

— Прекрати, — прохрипел Ревик. — Знаю, я сам начал, но прекрати... Элли. Пожалуйста.

Я подавила свой свет, закрыв его усилием воли. Через несколько секунд его руки расслабились. Я сглотнула, когда он приласкал мою щеку своей.

— Боги, — пробормотал Ревик. — Тебе придётся обходиться со мной чуточку полегче, жена.

Я почувствовала, как моё лицо вновь заливают жаром.

— Ревик, ты... — я не могла найти правильные слова. — ...в порядке? Сейчас, имею в виду. Ты хорошо себя чувствуешь?

— Нет, — он поцеловал моё лицо. — Лучше, в чем мне стыдно признаться, но нет, — он поколебался, глядя на меня. — А что насчёт тебя? Я знаю, это было не очень...

Я постаралась подумать сквозь то, что со мной происходило.

Я вцепилась в его спину, осознала, что слишком сильно впиваюсь ногтями, но не могла заставить себя отпустить. Я и там чувствовала шрамы, избороздившие его кожу ещё сильнее, чем спереди. Вспомнив, как он выглядел в Лондоне, после Териана, я стиснула его ещё крепче, подавляя подступавшие эмоции — иррациональную печаль, смешавшуюся со страхом.

Однако я не могла объяснить это Ревиду, так что даже не пыталась.

— Я чувствую себя иначе, — сказала я. — То есть, уже. А ты?

Его взгляд не дрогнул.

— Да.

— Нам нужно поговорить? Об этом?

Он поцеловал меня в щеку.

— Да. Ты хочешь прямо сейчас?

Я поколебалась, задумавшись об этом.

— Теперь мы действительно женаты, да? — наконец, спросила я.

Его пальцы сжались ещё крепче, его боль обострилась.

— Да, — Ревик прижался ко мне, его голос зазвучал тише. — Но я и раньше считал себя женатым, Элли. Уже после корабля.

Вспомнив, что ещё он делал на корабле, я подавила очередную иррациональную вспышку эмоций. Я все ещё старалась контролировать себя, когда Ревик обхватил меня руками. Он поцеловал мою шею, растворяясь во мне, посылая мне... боже, это похоже на любовь. Это чувство приходило интенсивным желанием, почти капитуляцией, от которой я не могла думать. Это тронуло меня глубже всего, что я в нем ощущала.

Чувство казалось таким глубоким, что смыло все остальное.

По мере того, как я постепенно успокаивалась, та более тихая версия Ревика вновь просочилась в его свет — та версия Ревика,

которую я всегда знала, которая ощущалась как разведчик. Скользнув ниже по моему телу, он не торопился, изучая меня руками и ртом, читая меня. То животное чувство вновь вернулось, и его губы и язык стали смелее, не унимаясь.

Ревик посылал мне вопросы, поначалу осторожно.

Ощутив мою реакцию, он сделался более откровенным... и от боли уже сложно было думать, помнить, где мы находились. Мои глаза начали светиться бледным, радужно-зелёным светом. Они отражались в его глазах, и я чувствовала, что это тоже влияет на Ревика.

Я не понимала до конца.

Это не имело значения.

Вскоре после этого я окончательно отпустила себя.

Глава 26

Мёртв

Касс всматривалась в широкое лицо с азиатскими чертами и думала про себя, каково это — убить кого-нибудь.

Не издалека, как сейчас происходит большинство смертей, а действительно совершить убийство, как сделал Ревик, когда убил Териана в той пещере на Кавказе.

Вонзить нож в кого-то, видеть, как он умирает прямо перед тобой, как его кровь течёт по твоим рукам... ощущения должны отличаться от того, когда ты стреляешь из укрытия по людям, которых едва видишь, и молишься, чтобы пуля куда-нибудь попала, пока тебя самого не подстрелили.

Ощущения должны быть иными.

Мускулистая грудь мужчины, лежавшего на толстом соломенном тюфяке, приподнималась от медленного, ровного дыхания. Его кожа сияла зловещей бледнотой под сильным загаром. Его губы потрескались от обезвоживания, и все же синяки на высоких скулах за прошедшие недели побледнели. Порез на его скальпе зажил вместе с отметинами, некогда красовавшимися на его мускулистых руках. Теперь его смуглые руки мягко лежали на шерстяных одеялах по обе стороны от мощного туловища.

Он не был мёртв. Даже не умирал.

Медики-видящие сказали, что он впал в какую-то кому — так видящие делают при серьёзных травмах, чтобы исцелиться.

В похожей на бункер комнате, освещённой свечами, витали струйки тумана от открытых окон, выходивших в джунгли снаружи. Касс посмотрела в ближайшее окно, наблюдая, как две мартышки карабкаются выше в листве похожего на папоротник дерева и верещат друг на друга. К спине одной из них цеплялся детёныш. Он немного раскачивался на рыжевато-коричневой шерсти матери, пока та проворно карабкалась по толстой ветке вверх.

Касс посмотрела обратно на мужчину, лежавшего на соломенном тюфяке. Она положила руку на его грудь, ощущая его

дыхание. После небольшой паузы она села обратно на своё сиденье, разглядывая его неподвижный силуэт.

Сунув руку в сумку, она вытащила книгу в переплёте из чёрной кожи. Раскрыв её на страницах, заполненных дотошно прорисованными иероглифами, она провела кончиками пальцев по некоторым особенно изящным символам, затем опустила взгляд на сам текст. Она прочла первое предложение, написанное почти каллиграфическим почерком по-английски.

«Фигран сейчас один».

Она помедлила, взглянув обратно на деревья.

«Интересно, волнует ли это его, — прочла она далее. — Териан заверяет меня, что беспокоиться не о чем, что он предпочитает жить так. И все же я не уверен, что его слову можно верить в таком вопросе, и не только из-за его явной нечуткости ко всему, кроме самых доминантных и агрессивных сегментов его собственной личности...»

Касс перевернула страницу, проследив за ровным почерком до верха следующей странички.

«То, что осталось от него здесь, похоже, почти полностью лишено сочувствия — настолько, что я невольно страшусь неизбежных последствий этого эксперимента. Я также невольно задаюсь вопросом, какая часть его истинной сущности утеряна, когда его разум в такой ограниченной структуре...»

Касс говорила себе каждый день, что вернёт записную книжку обратно.

В ту же минуту, когда она услышит, что Элли и Ревик на пути в лагерь, она вернёт книжку на то же самое место, где нашла её в комнате Элли.

Перевернув на новую страницу, она прочитала:

«Териан, кажется, заведомо решил отсечь чувства во всех оставшихся частях, но я не думаю, что это наказание самого себя. Часть его в большей мере является ребёнком, чем сам Фигран. Он как ребёнок путает нехватку чувств с силой и не видит, как это его ограничивает. Это заставляет меня вновь задаваться вопросом, достаточно ли он стабилен, чтобы действовать в том качестве, в каком его хочет видеть Ксарет, даже если мы будем наблюдать за

ним в той степени, которую она предлагает».

Пальцы Касс прошли по новому имени.

— Ксарет, — пробормотала она.

Её глаза вернулись к книге.

«И все же, это должен быть Териан. Никого другого нет. Я не рискну проводить такую процедуру на Дигойзе. Хотя если честно, я испытываю облегчение, зная, что Дигойз будет наблюдать за ним на протяжении этого «эксперимента». У него, похоже, силен инстинкт защищать. Я запомню это и посмотрю, сумею ли я поощрить эту черту. Он не слеп и видит эмоциональную ограниченность своего нового друга. Однако вместо страха это, похоже, пробуждает в нем сострадание. Он уже взял на себя задачу обеспечения безопасности юного Териана, пусть даже от самого себя».

Касс почувствовала, как её челюсти стискиваются. Она перелистнула страницу, пробежав взглядом по линии символов сразу до слов, написанных по-английски.

«Ксарет думает, что процесс ему поможет. Что это предоставит здоровые способы обуздания его самого и войны, которая навеки бушует в его сознании. Надеюсь, она права. Если нет, возможно, я окажусь виновен в создании монстра...»

Касс прикусила язык, затем прочла последнюю строку.

«...монстра, подобного которому никто и никогда не видел, даже в Сайримне».

Потерев глаза, она положила книгу на край кровати.

Касс не нравилось думать об этом, но факт в том, что она спала не очень хорошо с тех пор, как Элли и Ревик оба покинули лагерь. Это началось с тех пор, как Ревик уехал в Сикким, затем вернулось, когда он отправился на поиски Элли. Касс склонна была полагаться на одного из них или на обоих.

Ну, по крайней мере, с тех пор, как все это случилось год назад.

Касс знала, что это наверняка ненормально, но не могла заставить себя беспокоиться по этому поводу. Но с другой стороны, она всегда зависела от Элли сильнее, чем её подруга, похоже, осознавала. После времени, проведённого с Терианом в той клетке,

некоторая часть этой зависимости перенеслась на мужа Элли — и в меньшей мере на приёмного брата Элли, Джона.

Опустив голову на руку, Касс закрыла глаза.

Она должна найти выход из этого.

Она должна найти выход, пока не утонула в этом всем.

Она идёт внутри бункера из металла и цемента. Под потолком тянутся открытые трубы, грохоча под землёй. Она видит стену в конце коридора — цельная панель из зелёной, похожей на стекло плитки, которая слабо мерцает своей жизнью.

На её глазах там появляется дверь.

Это толстое, водянистое окно, открывающее обзор на то, что находится внутри. Оно изменяется на её глазах, как живое...

Зелёное стекло окружает её, по нему струится вода и кровь. С крюков в потолке свешиваются металлические инструменты, искря над водой на полу, капая кровью с острого металла и краёв, похожих на стекло. Посередине комнаты прикован цепями мужчина. Его темноволосая голова повисла, спина покрыта шрамами.

Он не шевелится, спит прямо там. Его лицо напряжено, пока он бормочет слова, будто обращаясь к влажному полу.

Она его не понимает.

«I'lenntare c'gaos untlelleres ungal ilarte... — бормочет он. — Y'lethe u agnate sol...»

От него исходит любовь.

Братство. Жертва.

Здесь он по-своему одинок. Неприкасаемый.

Позади него стоят три клетки, достаточно огромные, чтобы вместить больших собак. Только две из них используются.

В одной из них лежит Джон, его рука кровоточит там, где его лишили пальцев. Он покрыт синяками, ранами от бритв и ножей,

кулаков, ног, локтей. Он так исхудал, что она едва узнает в нем мужчину, которого она знала в Сан-Франциско, который учил её кунг-фу, руководил техническим стартапом и пил много зелёных смузи.

В соседней клетке лежит голая азиатская девушка с порезами на лице, наполовину скрытом волосами. Она сломлена и скорчилась. Её тело в таком же состоянии, что и тело Джона, только ещё меньше, блее, худее, и вместо пальцев на руках ей недостаёт пальцев на ногах. Её бледную кожу покрывают ожоги, отметины в тех местах, где были его руки, где он её резал.

Он был в ней.

Больше одного раза. Раз за разом.

Он наслаждается этим. Она чувствует это от него — шепотки и приливы удовольствия, когда он получает кайф. Он даже один раз зовёт её по имени, его крики делаются хриплыми от почти юношеской разрядки.

После этого он выражал привязанность.

Видящие устроены иначе, узнает она. Он и это использует против неё, пытается сделать так, чтобы ей это нравилось. Он пробует это с разными её частями, использует свой разум, чтобы сбить её с толку, манипулировать ей, заставить её саму просить об этом.

В итоге она уже не может увидеть разницу.

Джунгли нарастают обратно вокруг того места.

Кто-то стоит над ней. Сдавливает её грудь. Она находится в темной комнате, и в этот раз никто за ней не придёт. Вместо Ревика и Джона в двух других камерах сидят псы. Они смотрят на неё пустыми глазами и тяжело дышат, дожидаясь его возвращения.

Однажды он вернётся. Она это чувствует.

Из джунглей на неё смотрят два ярко-бирюзовых глаза в обрамлении черных волос.

Она старается пошевелиться, закричать...

Кто-то схватил её за плечо сзади и грубо тряхнул.

Касс резко дёрнулась и повернулась с пистолетом в руке.

Она подняла голову с пенополиуретанового матраса, тяжело дыша. Её сердце готово было выскочить из груди. Она обнаружила, что целится из глока — того самого глока, который дал ей Ревик и научил им пользоваться почти семь месяцев назад, когда они все ещё были в России — прямо в лицо Чандрэ.

Чандрэ не пошевелилась.

Её выражение лица не изменилось.

Но её красновато-карие глаза прищурились, словно оценивая выражение лица Касс, масштабы её намерений. В глазах видящей было очень мало белка. Красноватые радужки заполняли большую часть видимого глазного яблока, отчего её взгляд всегда казался пристальным. Длинные черные косы свисали по обе стороны резкого кошачьего лица с темной кожей. Красиво очерченные губы добавляли чувственной женственности её жёстким чертам.

Она протянула руку и положила ладонь на пистолет Касс.

Не отводя взгляда от её лица, она медленно опустила пистолет, пока ствол не уставился в пол.

Касс выдохнула.

Как только она сделала это, мягкая успокаивающая волна омыла её, словно чей-то выдох. Сбросив руку Чандрэ, Касс поставила оружие на предохранитель и положила пистолет на кровать.

Успокаивающее влияние тут же отступило.

Касс предупреждала её не использовать это дерьмо видящих без необходимости, иначе их отношения немедленно закончатся. Чандрэ, кажется, приняла это предостережение всерьёз — по крайней мере, насколько могла сказать сама Касс.

А она, надо признать, понимала мало.

— Что ты делаешь? — сказала Чандрэ. Красные глаза видящей немного расфокусировались, а значит, она наверняка читала разум Касс.

Только тогда до Касс дошло, что она уснула.

Она посмотрела на раскладушку, на вмятину, оставленную её головой возле бока мужчины, который пытался изнасиловать её лучшую подругу. Мужчины, с которым она делила сиденье поезда, который шутил с ней, учил метко стрелять и материться на мандаринском, который флиртовал с ней, когда Джона не было рядом, нависал над ней и оберегал, когда они вламывались в здания, чтобы собрать записи Шулеров.

Который был её другом.

Запихав пистолет и книгу в кожаном переплётё обратно в наплечную сумку, Касс снова выглянула в окно и постаралась сделать разум пустым.

Лес смотрел на неё в ответ, пустой и тихий, даже без мартышек.

— Что ты здесь делаешь? — повторила видящая. Но теперь в её глазах виднелась тревога, скрываемая за вспышкой злости. — Зачем, Касс? Зачем ты пришла сюда? С пистолетом? Что ты делаешь?

Касс убрала свои длинные волосы с лица.

— Я хотела посмотреть, как он.

Чандрэ прищурилась.

— С пистолетом?

— Пистолет тут ни при чем. Я всегда ношу его с собой. Ты же знаешь.

Видящая нахмурилась.

— Что ты делала? Вот только что?

Касс сделала пренебрежительный жест на языке жестов видящих.

— Спала, — отозвалась она. — А *ты* здесь зачем? Разве ты не должна охранять Элли?

— Меня отпустили, — наклонившись через кровать, Чандрэ закрыла открытое окно. — Тут настоящий морозильник, — сказала она. — Ты пытаешься заморозить его до смерти, человек? Или всего лишь саму себя?

— Ни то, ни другое.

Чандрэ отошла от кровати, положив руки на бедра. Её взгляд сделался жёстким, как у охотника.

— Что ты сделала, вот только что? Касаться его незаконно. Ты не должна его трогать.

Касс фыркнула.

— Незаконно? Я тебя умоляю, Чан. Я не собиралась причинять ему вред. Едва ли я спала бы здесь, если бы замышляла убийство. Ведь так?

Чандрэ села на второй стул возле тюфяка.

На мгновение она смотрела лишь на мужчину на кровати. Затем её взгляд метнулся в сторону, посмотрев Касс в глаза.

— Я понимаю, кузина, — сказала она. — Но ты должна отпустить эту ситуацию.

Касс примерно полсекунды подумывала прикинуться дурочкой, затем пожала плечами и произнесла ровным тоном:

— Ага, — сказала она. — В последнее время я только и слышу это. От Элли. От Джона. Наверное, и от Ревика тоже слышала бы, если бы виделась с ним больше пяти минут после его возвращения. Может, мне стоит принять сильные наркотики. Это может помочь.

— Отпусти это, — посоветовала Чандрэ. Она жестом показала на мужчину на тюфяке, её голос и руки выражали небрежность. — Что бы с ним ни случилось... это ерунда. Побереги эмоции для своей подруги.

— Что с ним случится? — спросила Касс.

Темнокожая видящая пожала плечами.

— Как только они образуют связь, Дигойз будет более-менее вразумительным. Это хотя бы ускорит процесс для этого парня.

— Что насчёт его семьи? — она посмотрела на лицо спящего Мэйгара. — Друзей?

— Его мать — Шулер, — Чандрэ сделала пренебрежительный жест, словно один этот факт объяснял все. — У него есть друзья, но они не станут вмешиваться. Мэйгар попытался заявить права на Мост. Даже если бы они не боялись её супруга, они не стали бы защищать его за такое, — она посмотрела на медленно дышащего

видящего.

На долю секунды Касс увидела в темно-красных глазах сострадание.

— Забудь о нем, человек, — сказала она. — Он уже мёртв.

Посмотрев на похожего на труп мужчину, окружённого свечами, Касс кивнула.

Но он не был мёртв, не на самом деле.

Глава 27

Татуировка

Теперь Касс стояла в другом здании.

Солнечный свет лился через просветы в покорёженном от влаги дереве, образуя узоры на грязном полу, присыпанном опилками и соломой. Ласточки и маленькие птички залетали и вылетали через широкую дверь, уносясь куда-то и возвращаясь к гнёздам высоко на балках.

Касс знала, что видящая читала её.

Чандрэ смотрела на голую кожу рук Касс, а её собственные тёмные руки лежали на бёдрах. Касс знала, вокруг чего, скорее всего, вращались мысли видящей — вокруг Элли и того, что скажет Элли, если Чандрэ позволит такому случиться.

В последнее время многие видящие сделались чувствительными — после истории с Мэйгаром.

— Ты уверена? — спросила Чандрэ. — Тебе будет больно. Больнее, чем мне, — она показала жестом на других видящих в амбаре, которые наблюдали за процессом с немалой долей любопытства. — ...Больнее, чем любому из них. И это метка видящих.

Касс сосредоточилась на бабочке, порхавшей в луче солнца. Она смотрела, как та лениво ныряет и кружит, точно дезориентированная пылью в лучах.

Чандрэ нахмурилась, постукивая темным пальцем по плечу.

— Будет больно, — повторила она. — *Очень* больно. Чернила, которые они используют... это не человеческие чернила. Они обработанные, Касси. Они жгут как кислота, чтобы чернила продержались всю нашу долгую жизнь.

Заметив, что Касс уже не терпится, Чандрэ повысила голос.

— На этой метке они используют больше чернил, поскольку для нас она религиозна. Останется шрам.

Касс сухо улыбнулась, поворачиваясь к ней и вскидывая бровь.

— У меня уже имеется несколько шрамов, Чан. Этот я хотя бы нанесу себе сама.

Чандрэ нахмурилась ещё сильнее.

— Это метка видящих, — повторила она. — Глупо тебе её носить.

Касс скрестила руки под грудями, слегка приподнимая их.

— Я не прошу членства в клубе. Я просто прошу разрешения носить вашу футболку. Образно выражаясь.

— Но зачем? — спросила Чандрэ. — Это подвергнет тебя опасности. Ненужной опасности!

— Ну, в том и фишка, верно? Я не стану прятаться за человеческим статусом.

Чандрэ отмахнулась от мужчин у стены, когда некоторые из них закивали и ответили на слова Касс одобрительным бормотанием.

— ...Это глупость, — сказала Чан, снова поворачиваясь к ней. — Хуже того, это логика червяка. А не логика *моих* людей, — она наградила других видящих суровым взглядом, бросая им вызов поспорить. — Людей, которым *приходится* прятаться, всю жизнь оставаться невидимыми.

— Что ж, — сказала Касс, вскидывая руки. — Я не одна из «твоих» людей. Как ты постоянно мне напоминаешь.

Нахмурившись ещё сильнее, Чандрэ уставилась на неё. Её темно-красные глаза заметно расфокусировались, что говорило Касс о том, что она опять её читает. Прикусив губу, она подождала, когда видящая закончит, и постаралась напомнить себе, что так она демонстрирует заботу.

Отключившись, Чандрэ скрестила руки на груди и прочистила горло.

— Твоя подруга, — натянуто сказала она. — Элисон. Она и моя подруга тоже.

Касс фыркнула.

— Жалкая попытка, Чан. Серьёзно, жалкая.

— Ты бы хотела, чтобы она ненавидела меня? Она — Мост!

— Супер. И твой драгоценный Мост верит в свободу волеизъявления, если ты вдруг не заметила. Она никогда не пыталась отговорить меня от чего-то, что я хотела сделать. Ну, — поправились она, крепче скрещая руки на груди. — За исключением Джека. А там она оказалась права.

По углам комнаты раздался смех.

Чандрэ помедлила, чтобы сердитым взглядом заставить всех заткнуться.

Касс помнила, что они говорили на преки, и даже немного загордилась, что её знание языка было достаточно хорошим, чтобы поддерживать разговор... и даже спор... перед кучкой разведчиков.

В последний раз наградив её пристальным взглядом, Чандрэ пожала плечами и жестом показала мужчине, стоявшему за ней, чтобы тот продолжал. Однако Касс уловила незаметный жест, которым она говорила мужчине-видящему не торопиться. Только тогда Касс осознала — разведчик думал, что она попросит его остановиться ещё до завершения метки, если будет слишком больно.

Прикусив губу, Касс упрямо плюхнулась на стул рядом со столиком тату-художника.

— Не жди, что я потом буду тебе сочувствовать, — сказала Чандрэ.

Касс с удивлением услышала в голосе видящей настоящие эмоции.

— Хочешь убить себя? — спросила она. — Валяй, червяк. Меня это устраивает. В этом мире и без того хватает червяков, — она сложила руки на груди. — Кому нужен ещё один... да ещё и тупой, к тому же.

Касс закатила глаза, но невольно слегка улыбнулась.

Мужчина с органической иглой для татуировок тоже, похоже, сомневался, но все-таки шагнул вперёд, когда Чандрэ во второй раз показала ему продолжать. Поверх поношенной чёрной футболки он носил кожаный фартук. На смуглом азиатском лице с грубыми чертами выделялись темно-синие глаза с бледно-розовым ободком. Слегка фыркнув, он сел на низкий стульчик рядом с потрёпанным кожаным креслом, за которым выстроились другие видящие, ожидавшие своей очереди на татуировку.

Касс старалась не смотреть на окровавленные тряпки, валявшиеся в грязи у его ног.

Она знала, что будет больно. Она видела, как молодые видящие плачут под иглой. Чандрэ заставила её наблюдать за процессом создания татуировок полудюжины видящих перед ней, чтобы она знала, как это больно.

Видящий с тату-иглой вновь посмотрел на Чандрэ.

— Ты возьмёшь на себя ответственность? — спросил он у охотницы.

Ну это уже слишком.

Касс закатила глаза.

— Нет. Мост сожрёт твою селезёнку. А я буду смотреть. Хохоча. Хохоча и напевая свою песенку «я ненавижу видящих»...

Другие видящие засмеялись громче, пока сердитый взгляд Чандрэ не заставил их утихнуть.

Касс поудобнее села на кресле, протягивая руку. Мужчина аккуратно наклонился над её кожей, заноса иглу перед тем, как бросить на Чандрэ последний косой взгляд.

Приготовившись, Касс держала руку неподвижно — так, как на её глазах это делали другие видящие. Прежде чем иглолка опустилась на её кожу, к Касс с другой стороны подошёл молодой парень-видящий.

Он уважительно поклонился, взглядом спрашивая разрешения.

Касс кивнула, ощутив прилив благодарности.

— Спасибо. Было бы здорово.

Он пристроился за креслом, чтобы удерживать её неподвижно, прижался своим плечом к её плечу и стиснул её руку. Видящий, державший иглу, бросил на Чандрэ последний беглый взгляд глаз странного цвета.

Затем он прижал кончик органической иглы к коже Касс.

Он начал работать, и все присутствующие видящие притихли.

Чандрэ не преувеличивала. Боль оказалась сильной.

Настолько сильной, что разум Касс опустел, и стало сложно не

сопротивляться, не кричать. Она вообще не могла думать, пытаясь привыкнуть к ощущениям.

И все же она находила в этом что-то настолько знакомое, что это позволяло её разуму и телу привыкнуть к чувству, которое иначе оказалось бы агонией. Боль постепенно усиливалась по мере того, как больше этих кислотных чернил проникало под её кожу. Её рука как будто горела в огне, и в то же время её кто-то жрал.

И все же Касс испытывала странное удовлетворение от того, что она переживала кое-что похуже.

Намного хуже.

Хуже всего, с чем сталкивалось большинство наблюдавших видящих.

Касс прикусила губу, на её глаза навернулись слезы, но она не ёрзала в хватке мужчины-видящего. Она не издавала ни звука, даже когда татуировщик убрал иголку, вырвав частицу её плоти и кожи.

Она смотрела, как он меняет цвет чернил, наполняя органический держатель бледно-голубым.

Затем он начал снова. В этот раз было больнее.

Но опять-таки, не так больно как то, что она пережила в руках Териана.

Боль сама по себе не могла её сломить — уже не могла.

В итоге Касс стала смотреть с кресла на свет, лившийся через двери амбара, наблюдать за порхающими птичками, ощущая на своей руке мозолистые ладони видящего и обжигающий кончик органической иглы.

Примерно час спустя художник повесил иглу на металлической стойке концом вверх.

Промокнув её кожу антисептиком, он слегка вздрогнул, когда Касс застонала, стараясь не отпрянуть. Она так расслабилась под ровным жжением иглы, что пропитка раны спиртным застала её врасплох, потому что это была другая боль. Она заставила себя повернуться, когда он уронил очередную окровавленную тряпку на посыпанный опилками пол. Затем её взгляд опустился к руке, уставившись на сине-белую татуировку меча и солнца, выжженную на её коже.

Белое и синее пламя исходило от бледно-голубой орбиты в середине, и его пересекал белый меч, обрисованный черными чернилами.

Потрясающе.

Даже сейчас, в окружении покрасневшей кожи, татуировка буквально светилась.

Касс медленно поднялась на ноги, пошатнувшись, и молодой видящий поймал её за запястье, поддерживая. Она немного натужно поклонилась татуировщику, но сложила руки в подобающей позиции.

Мужчины-видящие возликовали, топая по деревянному полу.

Когда Касс удивлённо повернулась, они завопили ещё громче, свистя и аплодируя.

Подойдя ближе, Чандрэ посмотрела на татуировку и нахмурилась.

Касс почти забыла, что она тоже здесь и ждёт. Теперь она увидела, что видящая все это время простояла здесь, не шевелясь, пока органическая игла оставляла свою метку.

Покосившись на искусные линии татуировки и цвет, уже видневшийся под покрасневшей плотью, Касс улыбнулась. Легонько подув на неё и вздрогнув, она снова поклонилась в знак благодарности пожилому видящему, а затем мужчине, который помогал и держал её руку.

Затем, широко улыбнувшись, Касс подняла обе руки, торжествующе салютуя всем остальным видящим в амбаре.

Расхохотавшись, мужчина завопили ещё громче, топая ногами по деревянному полу.

— Заткнитесь! — заорала Чандрэ.

Они послушались. Касс широко улыбнулась ей, но это не изменило выражения на лице Чандрэ — оно оставалось встревоженным и слегка расстроенным. Проигнорировав остальных, она принялась быстро говорить что-то Касс жестами, затем, похоже, вспомнила, что она человек, и тут же переключилась на вербальное выражение.

— ...обязательно заклейте её на сегодня плёнкой, — закончила она

по-английски. — У меня есть для этого крем. Он на травах, так что не причинит тебе боли. Я занесу его попозже, вместе с чаем. И пей больше воды. Как минимум три-четыре стакана перед тем, как лечь.

Подойдя ближе, Касс приласкала мускулистую руку видящей.

Мужчины в комнате притихли, уставившись на них.

— То есть, теперь я тупой червяк? — спросила Касс.

Чандрэ стиснула зубы.

— Я не отрекалась от тебя.

Касс улыбнулась, отбросив назад свои черные волосы, частично выкрашенные в красный.

— Нет, — сказала она. — Не отрекалась, — она сжала руку видящей и поцеловала её в щеку. — Зайдёшь попозже?

Чандрэ кивнула, показывая утвердительный жест. Однако она не смотрела ей в глаза.

Отпустив её, Касс прошла мимо очереди мужчин-видящих до двери.

Она игнорировала пристальные взгляды. Если где и был на свете город с нехваткой женского населения, так это Сиртаун. Некоторые из тех, что сейчас стояли у стены, уже делали ей неприличные предложения... в вежливой форме, конечно, учитывая её отношения с Мостом.

Однако они не просто прощупывали почву. Она определённо ощущала от них раздражение и разочарование, когда она отвечала им отказом.

По крайней мере, здесь она никогда не будет страдать от нехватки секса, даже с уродливым шрамом на лице.

Однако знание этого факта не очень-то помогало.

Касс сидела на столе в баре под крышей и курила самокрутку *hiri*.

Она слушала, как дождь стучит по гофрированной жестяной крыше.

Дожди в Сиртауне шли чаще.

Чаще, чем в Сиэтле. Даже чаще, чем в Портленде, где жили две её кузины. Между дождями в долину опускался туман, отчего здания и даже красочные молитвенные флажки скрывались из виду.

Она сидела здесь, кажется, несколько часов, и только старый человек, владевший этим местом, периодически приходил, чтобы долить в её чашку чай. Он разрешил ей включить граммофон, к которому прилагалась разномастная стопка виниловых пластинок, оставленных туристами и чудаками-пилигримами.

В данный момент она слушала The Stooges.

Это была любимая пластинка Мэйгара.

Она взглянула на своё предплечье и легонько подула на татуировку солнца и меча, которая выделялась на её коже. Цвета как будто становились ярче с каждым днём, приобретали резкие очертания по мере того, как спадала краснота. Языки пламени вокруг орбиты солнца также становились более детально прорисованными.

Чандрэ все ещё была не в восторге, но хотя бы перестала открыто ворчать.

Касс заметила, что в последнее время она становилась более яркой собственницей.

Не помогало и то, что случилось с Грентом.

Грент вернулся в Сиртаун через несколько дней после того, как Ревик отправился на поиски Элли. Его буквально притащили сюда другие видящие Адипана после похоронной церемонии для его пары, Ларен, в Сиккиме. Касс гадала — возможно, они нарочно дожидались отъезда Ревика и только потом привезли его обратно в Индию.

Казалось, ни один из связанных видящих не хотел говорить о Гренте.

Все знали, что он позволял себе умереть в подвале лагеря Семёрки. Вэш и остальные из Адипана каждый день навещали его, но он не ел. Судя по тому, что рассказывал ей Тензи, а также Джон через Дорже и Гаренше, Грент испытывал очень сильную боль.

Джон сходил туда, когда его попросил Дорже, и он рассказывал Касс, что это напомнило ему, как один из их друзей в Сан-Франциско, Джастин, пытался бросить наркотики. Все время визита Грент хранил молчание, медитируя и сидя на полу монашеской кельи под основными этажами. Однако вопреки этой безмятежности за несколько дней он утратил половину своего прежнего веса и, казалось, лишь готовился к смерти.

Касс тоже подумывала навестить его, но она не знала Грента по-настоящему. Она не могла заставить себя спуститься туда, зная, что ею наполовину движет любопытство.

Она не хотела думать о том, что возможно, однажды ей придётся увидеть Элли в таком состоянии... или Ревика, если на то пошло. Учитывая то, как часто люди пытались убить одного из них или обоих, Касс вовсе не считала невероятной мысль, что она может пережить их — вопреки их сумасшедшей продолжительности жизни.

В целом дела в лагере шли по-прежнему, но атмосфера изменилась, и это повлияло на каждого, хоть никто и не хотел об этом говорить.

Все знали, что он там, внизу, умирает. Это не могло не оставить отпечатка на всей группе. Касс уже слышала, как Йерин говорит о похоронных обрядах, так что никто и не ожидал, что он выживет.

Она также слышала, как старейшины обеспокоенно переговариваются об Элли и о том, что им делать, когда она вернётся.

Так что, учитывая все это, татуировка казалась ерундой.

— Болит? — спросил голос.

Касс подпрыгнула, повернувшись к лестнице.

Там, почти на пороге, стоял видящий средних лет. У него были каштановые волосы и самые светлые, самые пронизывающие серые глаза, что она видела в своей жизни.

Касс смутно узнавала его.

Он был одним из новеньких — тех, что пришли с гор. Более того, она почти уверена, что он был их лидером. Однако он не слишком походил на китайца, разве что скулами, и то если присматриваться. Он был как Ревик — один из тех видящих, чью этническую принадлежность нельзя определить наверняка.

Однако на этом сходство заканчивалось.

Ревик обладал поразительно угловатыми чертами лица, его глаза выделялись даже сильнее, чем у этого мужчины, но он не был стереотипно красив. С точки зрения Касс он определённо относился к лагерю «секси», и она понимала, почему Элли находила его таким привлекательным, но его черты лица нельзя назвать гармоничными.

Стоявший перед ней мужчина, напротив, обладал точёным лицом стареющей кинозвезды. Он был почти ошеломительно красив, но носил эту красоту так же бессознательно, как и похожую на униформу рубашку и тёмные брюки.

Будь он человеком, она дала бы ему примерно сорок пять лет. Поскольку он был видящим, она не знала, сколько ему на самом деле. Как минимум вдвое старше Ревика. Может, даже больше.

— Болит? — повторил он.

Проследив за его взглядом, Касс посмотрела на татуировку на своей руке.

— Немного, — сказала она. Когда он не пошевелился, она подняла кружку. — Чаю?

Он покосился на граммофон.

— Это Игги, — сказала она. — Можешь поменять.

— Нет, — его взгляд прояснился. — Нет, сойдёт.

Приблизившись к месту, где сидела Касс, он жестом руки спросил разрешения присоединиться к ней.

Когда Касс ответила соответствующим жестом, он опустился на стул напротив. Она с некоторым любопытством наблюдала, как он расслабляется на деревянном сиденье, опирается руками на покособившиеся от влаги подлокотники и вытягивает ноги.

Он посмотрел на вид из окна, щурясь, чтобы разглядеть что-то сквозь дождь. Старые здания каскадом спускались по холму, пестря молитвенными флажками.

— Я Балидор, — он повернулся. — Ты Кассандра?

Касс слабо улыбнулась.

— Меня уже лет двадцать никто так не называет, кроме моей

матери, но да, это я. Зови меня Касс.

— Интересное имя, — он улыбнулся. — Не тайское. Ты ведь тайка, не так ли?

— Я беспородная дворняжка, — сказала она, отвечая пожатием плеч. — Буквально. Тайские корни, эфиопские, ирландские. Шотландские, — она отпила глоток чая. — Думаю, мама назвала меня в честь греческой богини. Ну, ты её знаешь. Подружка Аполлона.

— А, да, — он мягко щёлкнул языком, словно вспомнив. — Кассандра. Великая красавица. Она могла видеть будущее, верно?

— Да, — Касс откинулась на спинку пластикового стула. — Но никто ей никогда не верил, — она сдула чёлку с глаз. — Это имя всегда глупо звучало с моей фамилией. Джайнукул, — добавила она. — На случай, если ты захочешь копнуть под меня. Фамилия тайская, между прочим.

Он кивнул, как будто не заметив её подколки.

Касс осознала, что опять с любопытством разглядывает его, всерьёз задумавшись об его возрасте. Он обладал той львиной грацией, которая напоминала ей то, как в средние века писали портреты королей. Он нёс власть с такой аурой, которая казалась почти наследственной.

Он также казался немного зажатым, словно его манеры родом из другой эпохи.

— Я возглавляю Адипан, — сказал он. — Разведчиков, приставленных для защиты Совета, — он нахмурил брови, взглянув на Касс. — Это включает в себя и защиту Моста. Фактически, защита твоей подруги Элисон — наша главная ответственность.

Касс поёрзала на стуле.

— Круто.

Она ждала, все ещё удивляясь, что видящий ею заинтересовался.

Может, интерес носил сексуальный характер. Если так, то он вёл себя не как другие. Касс заметила, что большинству видящих не свойственна деликатность, когда дело касается секса.

Балидор слабо улыбнулся.

— Мне бы не помешала твоя помощь. Или, может быть, твой совет.

Касс скрыла удивление.

— Конечно.

— Я знаю, ты помогала Дигойзу подготовиться к их... — он слегка нахмурил брови, словно подбирая правильное слово на английском. — К его времени с Элисон, — закончил он.

Он помедлил, посмотрев на неё своими светло-серыми глазами.

— Я тут задавался вопросом, — сказал он после очередной вежливой паузы. — Когда ты говорила с ним, он не рассказывал тебе, что ранило его в лесах?

На мгновение Касс лишь тупо уставилась на него.

Затем она вскинула бровь, фыркнув.

— Ревик? — невольно расслабившись, Касс скрестила руки на груди. — Ты же его знаешь. Ну, или я полагаю, что знаешь. Он говорил неопределённо. Он также казался поглощённым своими мыслями. Я спрашивала его об этом, конечно. Он сказал, что вы... — она показала на Балидора в манере видящих. — Адипан, то есть... имели основания полагать, что Териан или кто-то другой могут что-то замышлять. Он не сказал, что именно. Он также не сказал, как это связано с его лицом.

Она помедлила, давая ему возможность заполнить пробелы.

Когда Балидор этого не сделал, она прочистила горло.

— Ну? Это так? — спросила Касс.

Балидор колебался. Он сделал рукой жест «более-менее».

— Это какое-то оружие?

— Нет, — Балидор нахмурил брови. — Не совсем.

Он снова колебался, и Касс поймала себя на том, что всматривается в эти серые глаза.

— Я заметил тенденцию, — сказал он потом. — У Дигойза Ревика. Он, кажется, ну... не очень хорошо делится вещами. Со своей женой, — он изучал выражение лица Касс. — Ты понимаешь, что я имею в виду?

Касс посмотрела на его серьёзное лицо и осознала, что он её не читал. Он ждал, когда она ему расскажет. Негласная вежливость этого жеста совершенно её обезоружила. Она убрала всю насторожённость из своего тона.

— Ага, — сказала она. — Понимаю. И Элли тоже. Её это сводит с ума, к слову говоря.

— Так вот... ты думаешь, он вряд ли расскажет ей, что с ним случилось?

Касс на мгновение задумалась. И вновь она ощутила, что лидер Адипана ждёт. Если он и читал её, то чертовски хорошо это скрывал.

— Я не знаю, — она подняла чай, упираясь локтем в подлокотник. — Честно, я не думаю, что он нарочно скрывает от неё эти вещи. Он просто избегает говорить людям вещи, которые могут их расстроить... а Элли ему меньше всего хочется расстраивать. Ещё он, похоже, большую часть времени не думает, что это важно... типа негласное правило «сообщать только по необходимости». Он и сам по себе не самый болтливый парень, если ты не заметил, — она улыбнулась, поставив чай. — Однако нотации он умеет читать как никто другой.

Балидор кивнул, его лицо выражало уважение.

— То есть, ты считаешь, что он вряд ли ей расскажет?

Она нахмурилась.

— Я этого не говорила. Она — его жена, — вспомнив его лицо при их последней встрече, Касс фыркнула и позволила этому звуку превратиться в смешок. — ...Хотя, если честно, думаю, он уходил отсюда с совершенно другими мыслями.

Балидор смотрел на долину под дождём.

Затем он поднял взгляд и улыбнулся, принимая чашку чая от старика, владевшего рестораном. Он поклонился и произнёс несколько вежливых слов на тибетском. Человек улыбнулся в ответ и прошамкал что-то почти беззубым ртом.

Касс смотрела, как сгорбившийся седой человек исчезает за завешенным дверным проёмом.

Она сказала:

— Что бы там ни было... ты *хочешь*, чтобы Ревик рассказал ей об этом? Или нет?

Балидор искоса посмотрел на неё, потягивая чай.

— Буду честен, — сказал он, тихо щёлкнув языком. — Я желаю, чтобы они насладились этим временем вместе. И все же предельно важно, чтобы она понимала текущие риски. Я также не хочу оказаться в незавидном положении, где мне придётся рассказывать ей вещи, которые её супруг не посчитал нужным упомянуть.

Он помедлил, серьёзно посмотрев на Касс своими светло-серыми глазами.

— Он, скорее всего, будет... вспыльчивым. Когда они вернутся.

— Ага, — сказала Касс, широко улыбаясь. — Это я могу понять.

Он посмотрел ей в глаза, затем улыбнулся в ответ.

— Да. Я вижу, что ты понимаешь.

— Так что случилось в Сиккиме? — спросила Касс. — Ты можешь мне рассказать?

Последовала небольшая пауза.

Затем Балидор снова вздохнул, с обеспокоенным видом помешивая чай.

— Это сложно, — сказал он. — Ты человек.

Улыбка Касс сделалась натянутой.

— Я в курсе.

— Я верю, что тебе можно доверять, — сказал Балидор. — Но любой охотник при желании может считать с тебя информацию. Вдобавок на тебя уже один раз нацелились наши враги — из-за твоей близости к Мосту.

После небольшой паузы она пожала плечами.

— Я оценила честность. Наверное.

Воцарилось молчание, пока Касс смотрела на крыши. Её взгляд пробежался по виду на город, который становился все более ограниченным из-за густого тумана, окутывавшего долину. Наблюдая, как его клубы скользят вокруг деревьев возле ресторана, Касс посмотрела на мартышку, которая с сосредоточенным видом

карабкалась по бечёвке с молитвенными флажками.

После небольшой паузы Балидор улыбнулся.

— Ты, скорее всего, ещё не видела такого у видящих? Этой связи?

— Ты имеешь в виду Ревика и Элли? — Касс покачала головой. — Нет, но я слышала шутки на эту тему. Они оба вернутся чокнутыми?

Балидор весело щёлкнул языком и показал отрицательный жест.

— Они будут другими. Отчасти это биологическое, — он улыбнулся уголком рта. — А ещё я думаю, что ты права. Делиться информацией о времени в Сиккиме едва ли будет приоритетной задачей, учитывая обстоятельства. Если Дигойз не рассказал о случившемся при первой встрече, то едва ли она что-то узнает до их возвращения.

Касс поёрзала на стуле.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она. — Им ведь придётся хотя бы часть времени провести за разговорами? Ходить на прогулки. Играть в нарды.

Он прочертил пальцем линию в воздухе — «нет» на языке видящих.

— Маловероятно, — сказал он. — По крайней мере, на несколько недель. Учитывая, сколько они ждали, это может занять дольше времени, — он слегка улыбнулся. — Они будут говорить, да. Но не так, как ты думаешь.

— Несколько недель? — переспросила она. — Серьёзно?

Он пожал плечами, помешал чай и положил ложку на расшатанный стол.

Когда он вновь посмотрел ей в глаза, его взгляд сделался серьёзным, почти что печальным.

— А ты, Кассандра? — спросил он. — Как у тебя дела... учитывая все, что с тобой случилось?

В его серые глаза вернулся интерес, и он пересиливал вежливость.

Она поколебалась при виде этого взгляда, затем пожала плечами, снова посмотрев на дождь, заливавший долину.

— Я сплю не очень хорошо, — сказала она.

Он сочувственно щёлкнул языком, издав почти мурлычущий звук. Взглянув на него во второй раз, Касс заметила, что Балидор смотрит на неё. Однако этот пристальный взгляд не нервировал её и, похоже, ничего не требовал в ответ.

Ещё мгновение спустя она почувствовала, что расслабляется. Вторя его позе, она вытянула ноги и скрестила лодыжки. Балидор отпил ещё глоток чая, и его взгляд вернулся к долине.

Они погрузились в приятное молчание. Небо только-только начинало темнеть, облака окрашивались рубиновым цветом и более бледными оттенками розового.

Они вместе наблюдали, как солнце садится за горами.

Глава 28

Медовый месяц

Вдалеке разлетаются окна старого ржавого склада. Я вижу, как мальчик с черными волосами смеётся, кричит в небо...

Я подняла голову, щурясь, чтобы разглядеть что-нибудь в крошечной темноте комнаты.

Я все ещё слышала звук бьющегося стекла.

Мы как-то добрались до кровати.

Не знаю, когда или как. Ревик всем телом обвился вокруг меня, мои ноги лежали между и поверх его ног. Он крепко держал меня, удобнее устраивая своё длинное тело, и...

Я слышу голоса, как будто издалека.

Поляна в темноте, за исключением нескольких огоньков, покачивающихся по полукругу и обрисовывающих силуэты в тени. Солнце уже исчезло. Я не помню, как оно садилось, и дождь не прекращался, но стало холоднее. Я пытаюсь пошевелиться...

... и издала резкий хрип.

Все моё тело болело, буквально от кожи головы до ног, но мой свет вплёлся в его свет, когда Ревик отреагировал на резкое движение моего тела. Тяга началась вновь, где-то в районе пупка.

Всплыли образы того, что происходило ранее, когда мы ещё не отрубились на кровати. Мои пальцы обхватывали его запястье. Я лежала под ним, на животе, наши тела сделались скользкими от пота, и Ревик читал меня, стараясь не сорваться, потому что я была уже близка. Я обернулась, и на мгновение мы очутились в каком-то другом месте, и вокруг нас сомкнулись деревья.

Его открытые глаза сияли ослепительным изумрудно-зелёным светом в темноте.

Ему понадобилось больше времени, чем мне, чтобы отпустить контроль.

Во-первых, Ревик был намного сильнее меня. Он говорил, что

боится причинить мне боль. Чего он не говорил, так это того, что он боится, будто я не очень хорошоотреагирую на него, если он действительно даст себе свободу. Он работал в качестве профессионала; он беспокоился, что я посчитаю его извращенцем, что мне незнакомы странности, неизбежно присущие сексу видящих... что мне не придётся по нраву его сексуальная жизнь. Ревик считал себя более странным по сравнению с остальными. Из его беглых мыслей я не могла выцепить точные причины, но это как-то связано с реакцией других на него.

Девственность его возбудила. Она тронула его — сильнее, чем Ревик было комфортно признать, по крайней мере, поначалу. Это как-то связано с тем, что видящие во время секса оставляют отпечатки, а он чувствовал там лишь меня.

Это также нервировало его.

Когда я наконец добилась, чтобы он расслабился, это не привело к извращениям как таковым.

Я увидела это в его глазах.

Контроль ускользнул от него, скатываясь все быстрее, пока всего его лицо не изменилось, сделавшись таким молодым, почти не узнаваемым — и Ревик тут же перевернул меня на спину. Его боль окутала меня, густая и почти полная отчаяния. Он казался потерявшимся в ней, в этом одиночестве, граничившим с ненавистью к себе, с желанием столь старым, и все же как будто знакомым. Он занимался со мной любовью так, словно пытался сломать что-то в себе, его руки обхватывали меня так плотно, что я едва могла шевелиться. Не отрывая взгляда от моего лица, Ревик входил в меня так глубоко, что я вскрикивала от каждого толчка.

Его страх парализовал меня. Страх, что я от него уйду... что кто-то меня заберёт, что нас опять разлучат, что он меня отпугнёт. Это чувство сделалось почти ожесточённым к тому времени, когда он кончил — до такой степени, что он впился зубами в моё плечо, стараясь войти ещё глубже, раз за разом спрашивая меня своим светом, люблю ли я его.

Мы находились перед камином.

Я только что в первый раз сделала ему минет, и почему-то это повлияло на него даже сильнее соития — в тот момент, по крайней мере.

Ревик снова захотел трахаться почти до того, как мы закончили.

Вместо этого он удержал меня на месте и принялся возвращать услугу, да с таким рвением, что я не могла выдавить из себя ни единого связного слова.

Он использовал свой свет, чтобы часами удерживать меня на грани. К концу мы уже оба плакали, и я умоляла его. Ревик заставил меня дать обещания, признаться в таких вещах, которых я никому не рассказывала, открыть свой свет и сердце так сильно, что я едва могла различить, где начиналась я и заканчивался он. Он хотел, чтобы я рассказала ему обо всех, кого я любила до него.

Когда я уже была наполовину не в себе и готова была сделать все, о чем он попросит, Ревик придавил меня к полу и оттрахал своим членом. Он доводил меня до одного оргазма за другим, пока, наконец, не кончил сам.

Его тело содрогнулось от чего-то, очень похожего на рыдание, и это как будто сломало его пополам. Я не могла вместить в себя все, что он посылал, все, чего он от меня хотел. Чувство вины смешивалось с посылаемой им болью, чувство вины из-за того, что он сделал... и из-за оупляющего собственничества, которое он не мог контролировать.

Он много говорил. И во время, и после.

Одна вещь, которую он мне сказал, кое-что объяснила.

Очевидно, Мэйгар отправился в Каир, чтобы сказать Ревиду, что мы влюбились друг в друга.

Он заявил, что я хотела развода. Он даже пытался откупиться от Ревика, чтобы тот позволил провести со мной процедуру разделения. Когда Ревик отказался предпринимать что-либо, пока не услышит это напрямую от меня, Мэйгар принялся дразнить его историями о нашей сексуальной жизни, давая столько деталей, что все казалось довольно убедительным.

В итоге, Ревик утратил хладнокровие.

Однако он поверил Мэйгару.

Он вернулся в Сиртаун с этим убеждением, и он верил в него, пока я не призналась ему в любви и не стала недоумевать из-за намёков на то, что я сплю с другими мужчинами. Он все ещё

наполовину верил, что мы с Мэйгаром переспали — практически до того самого мгновения, пока он не вошёл в меня до упора.

Ревик стыдился этого, но меня это скорее вгоняло в недоумение.

Когда я спросила, зачем, во имя всего святого, Мэйгару вытворять такое, Ревик посмотрел на меня так, будто это я во всей этой ситуации сумасшедшая.

— Он влюблён в тебя, Элисон! *D' gaos*. Вот только не говори мне, что ты не знала? Половина бл*дского лагеря знала об этом... ещё до того, как он учудил эту затею. Или ты думаешь, он хотел заполучить тебя в жены только для того, чтобы причинить боль мне? Ты думаешь, что он стал бы рисковать жизнью ради *этого*?

У меня не было хорошего ответа.

Не только Ревик вёл себя иррационально. В какой-то момент я осознала, что плачу, даже не из-за того, что он делал. Я и била его, прямо по лицу... так злилась из-за Кэт и женщины на корабле, что вообще не ощущала себя разумной. Ревик сдержал меня, когда я вновь замахнулась на него кулаком. Затем он тоже плакал, когда я сказала ему, что так и не простила его за это.

Я водила пальцами по шрамам на его коже, позволяя себе увидеть их по-настоящему, увидеть, сколько шрамов он получил, будучи молодым — очень юным, задолго до того, как он стал солдатом или разведчиком. С возрастом шрамы побелели, растянулись и изменили форму, потому что его спина и плечи раздались вширь.

Ревик говорил, что в детстве он был маленьким, даже по меркам видящих.

Лёжа подо мной, он издал звук и обхватил рукой мои плечи. Он притянул меня к себе, целуя в шею, и я прикусила губу, чтобы сосредоточиться.

«Мне нужно в туалет», — сказала я ему.

Ревику потребовалась секунда на раздумья, чтобы отпустить меня.

Я с трудом разделила нас, затем поднялась на ноги и побрела к двери туалета. Я шла как пьяная. Такое чувство, будто что-то во мне разлетелось на куски, а теперь медленно собиралось обратно, как

полотно вязания, но уже в другой форме.

Закрыв дверь, я уселась на унитаз.

С содроганием вытерпев процесс, я дёрнула за цепочку смыва и встала. Я осознала, что смотрю на душевую из бамбука, стараясь при этом думать и зная, что мне чего-то хотелось. Усилием воли сосредоточившись на минутку, я сообразила, как включить воду. Я только-только подставила руку под струи, когда услышала скрип и обернулась.

Ревик стоял там, его глаза расфокусировались, тёмные волосы дыбом стояли на голове. Он окинул взглядом тесное пространство, словно не знал точно, чего ему хотелось.

Я осознала, что смотрю на него. Я никогда не видела его голым при полном освещении.

— Ты в порядке? — спросила я.

Подумав, он кивнул. Он заметил, как я смотрю на него, и подвинулся ближе, обнимая меня. Некоторое время мы просто стояли там, и я ощутила, что Ревик подталкивает меня смотреть дальше, пока он целовал моё плечо.

Мгновение спустя я взглянула на его тело, почти смущаясь.

— Это ещё одна татуировка? — спросила я.

«Метка клана». Он поцеловал меня в губы, подводя мою руку к переплетению синих и черных изогнутых линий. Я смотрела, как затвердевает его член, пока я гладила эти линии.

— У тебя есть другие? — поинтересовалась я.

Подумав, Ревик повернулся и показал на своё плечо.

Меч и Солнце. Довольно детальное изображение. Он носил метку Сайримна.

— Где ты её сделал? — спросила я, касаясь татуировки. — Она отличается от тех, что я видела у других видящих. Другой дизайн.

«Не знаю. Раньше. Когда-то до стирания памяти».

«Как нарукавник?»

«Да». Ревик притянул мои пальцы обратно к клановой метке. Я позволила ему привлечь меня ближе. Я все ещё ласкала его

татуировку в паху, когда он вновь стал целовать меня.

Долгое время мы стояли и целовались. Ревик опустил меня на пол.

... вдруг он поднял голову и обернулся через плечо.

Я услышала шум льющейся воды, показавшийся моим ушам громким, и моргнула, удивившись тому, как мутно стало в комнате. Я сидела на нем верхом, окутанная клубами пара. Ревик смотрел на меня снизу вверх, показывая на душ и используя язык жестов видящих — наверное, по привычке, потому что я-то все ещё знала лишь половину слов.

И все же я поняла. Соскользнув с него, я хрипло ахнула, нетвёрдо поднимаясь на ноги. Когда Ревик протянул руку, я сжала его ладонь и помогла ему встать. Я завела его вместе с собой в бамбуковую душевую.

Вода все ещё оставалась тёплой, поскольку тут стоял азиатский нагреватель, подогревающий воду прямо перед тем, как она проходила через головку душа. Я гадала, как долго бежала вода.

Но сложно было заставить себя переживать по этому поводу.

Очутившись внутри, мы оставили друг друга в покое.

... пока Ревик не стал мыть шампунем мои волосы, а там и мою спину, а там и остальное моё тело.

Когда я начала отвечать тем же, мы очутились у задней стенки, Ревик подхватил меня руками, и мы вновь занялись любовью. Он начал медленно... мы оба не спешили... но как и все те разы перед огнём, что-то щёлкнуло, и вот я уже изо всех сил держалась за Ревика и за стену, прося его...

... я закрыла глаза, плюхнувшись спиной на кровать и распластавшись на ней.

Мои волосы все ещё оставались влажными после душа. Простыни приятно охладили спину и ноги.

Упиваясь комфортом, я начала проваливаться в сон.

Затем Ревик вышел из комнаты.

Я села, встревожившись. От волнения сложно было думать — о причине этого волнения, или даже о том, где я находилась... меня

окружало лишь странное пустое пространство в темноте, и его безвременность лишь сбивала меня с толку, когда я попыталась найти какую-то конкретику.

Я только-только приняла решение отправиться на его поиски, когда Ревик вновь появился в дверном проёме.

Руками и ладонями он удерживал кувшин воды, миску с чем-то и что-то вроде стакана со столовыми принадлежностями. Ревик поставил кувшин на столик возле изголовья кровати, а остальное свалил на кровать и сам забрался рядом со мной. Я поцеловала его, и он ответил с таким пылом, словно нас разлучили на недели, а не на минуты.

Ещё через несколько минут я вспомнила, что он вообще куда-то уходил.

Услышав эту мою мысль, Ревик поднял голову и покосился на ту часть кровати, которую он завалил кухонной утварью.

«Нам надо покушать, — послал он. — Нужно, Элли».

Я целовала его грудь, когда Ревик закинул мою ногу на себя. Перекатившись на спину, он схватил миску и стакан, расположив первую между нами. Он подхватил столовые приборы, которые рассыпались по кровати, сунул мне в руку вилку, затем снял деревянную крышку с миски и протянул её мне.

В комнате все ещё царила темнота, но я видела в чашке белые кудрявые очертания, похожие на лапшу. Я удивилась, почему так хорошо вижу в темноте.

— Практика, — сказал Ревик. *«Боевая практика, Элли».*

Он жестом показал между нами, не закончив мысль, но я уловила посыл.

Я лучше видела в темноте, потому что Ревик мог хорошо видеть в темноте. Однако я не слишком задумывалась над этим и отвлеклась на запах из миски.

Мой живот заурчал.

— Ты где это достал? — спросила я.

Я попыталась представить, как Ревик со свечой готовит на кухне, но несмотря на то, что я с трудом могла мыслить связно, даже я

понимала, что он отсутствовал не так долго. Наклонившись ко мне, он наколот на копьевидную вилку содержимое миски и достал столовый прибор уже с чем-то мягким и белым. Отчасти желая подтолкнуть меня к еде, Ревик сунул это в рот и начал жевать, жестами показывая мне последовать его примеру.

— Традиция, — сказал он, когда я осторожно ткнула в миску своим «копьем». — Видящие заболевают... забывают питаться. Много еды, Элли.

Его слова звучали с акцентом, неразборчиво.

В паузах Ревик целовал меня, но опять-таки, мой разум восполнял пробелы. Другие видящие набили дом едой, зная, что мы будем слишком неадекватными, чтобы прокормить самих себя.

Почему-то это показалось мне смешным, и я расхохоталась.

Ревик улыбнулся, вскинув бровь.

Я пихнула его в грудь.

— Неудивительно, что они сделали из тебя шпиона! Я-то уже вся такая испугалась, думала, ты ещё и готовить умеешь.

Он снова улыбнулся, целуя мои пальцы. «*А ты умеешь готовить?*»

— Нет, — посмеиваясь, я покачала головой. — Во всяком случае, не хорошо. Нам придётся послать наших детей в кулинарную школу.

Мой свет прострелило болью — такой быстрой и интенсивной, что это огорошило меня.

Осознав, что эта боль принадлежала Ревиду, я с некоторым любопытством посмотрела ему в лицо, но он лишь переплёл наши пальцы и поцеловал мою ладонь.

«*Дети?*» — робко послала я.

Его боль усилилась. Ревик посмотрел мне в глаза, и мы вновь стали целоваться, ещё дольше. Это отвлекло нас обоих на какое-то время. Когда я вновь начала трогать его, он ласково оттолкнул мою руку.

«*Ешь. Пожалуйста, Элли. Пожалуйста.*»

Сделав вдох, я запихнула что-то там себе в рот и прожевала, готовясь к худшему. Еда видящих все ещё казалась мне грязью, завернутой в мох, но прожевав немного, я расслабилась.

Затем мой голод пробудился по-настоящему.

Я начала набирать следующую порцию на вилку ещё до того, как проглотила предыдущую.

Ревик наклонился через меня, наливая стакан воды из кувшина. Он сделал большой глоток, пока я ела, затем протянул стакан мне. Он наблюдал, как я пила, и я ощутила от него очередной заряд боли, когда он забрал стакан, чтобы наполнить его ещё раз.

Этот он показал мне выпить одной.

Когда я прикончила второй стакан, он переключил моё внимание обратно на миску.

Я снова набрала полный рот еды, и на мгновение это почти отвлекло меня от наблюдения за тем, как ест голый Ревик. Эта лапшевидная штука была безумно вкусной даже в холодном виде. Лучше всего, что я ела в последнее время. Что-то вроде очень вкусных макарон с сыром, только с каким-то мясом и незнакомыми мне специями. Запихав в рот следующую порцию и едва помедлив между глотанием, я осознала, что буквально умираю с голода.

— Лучше? — спросил Ревик, когда я снова проглотила.

— На вкус как человеческая еда, — сказала я.

— Это еда видящих, — он наградил меня долгим, томительным поцелуем. — Ты тоже кое-что переймёшь от меня. Может, тебе это понравится больше, чем мне, — он снова поцеловал меня. — Я с самого Сиэтла вечно хочу этого отвратительного человеческого кофе...

— Сиэтл — кофейный город, — сказала я, улыбаясь. — Нельзя винить меня.

— Нет, это как раз твоя вина, — заверил меня Ревик, наблюдая, как я ем. Его боль опять усилилась. — Боги, ты снова меня возбуждаешь. Думаю, все становится хуже, Элли.

— Все становится хуже, — согласилась я, проглотив то, что было у меня во рту.

— Нам нужно не забывать питаться, — сказал он. — Нам это нужно, Элли.

Но я не могла отвлечься от лапши.

— Поверить не могу, как сильно я проголодалась. Я могла бы все это сожрать разом.

Ревик фыркнул с каким-то прозаичным весельем, наклоняясь через меня, чтобы набрать себе на вилку лапши.

— Элли, прошло минимум три дня. Мы оба начали слабеть.

Я замерла с вилкой у рта.

— Три дня? Но мы же прошлой ночью...

Он покачал головой, и его глаза слегка светились в темноте.

— Как минимум две ночи назад. Может, больше, — он покосился на занавешенное окно. — Снова стемнело. Думаю, в этот раз мы проснулись сразу после заката.

— В этот раз, — повторила я, только это не было вопросом.

Я постаралась сложить воедино последние неизвестно-сколько-временных-промежутков и осознала, что действительно помню пробуждения. В первый раз мы были у камина. Ещё я вспомнила один раз, когда мы проснулись где-то на кафельном полу, укрытые лоскутным одеялом.

То же или похожее лоскутное одеяло наполовину прикрывало меня сейчас.

Ревик все ещё ел, свободной рукой лаская мои пальцы между нашими телами. Он протянул мне свою вилку, и я съела с неё лапшу. Ощувив от него очередной завиток боли, я наклонилась ближе, целуя его в губы. Ревик нежно оттолкнул меня ладонью и ткнул пальцем в сторону миски.

— Ешь, — сказал он. — Я не буду морить свою жену голодом.

Я рассмеялась, принимая из его рук стакан, когда он вновь наполнил его водой.

Мы оба выпили примерно по половинке, затем я съела ещё немного лапши, пока не осознала, что сыта... то есть, на самом деле сыта. Наверное, потому что он прав, и мы не ели несколько дней.

Ревик протянул мне ещё один стакан воды, жестом показывая выпить.

— Нам нужно держать окна открытыми, — обеспокоенно сказал он.

Он не закончил мысль, но я опять-таки уловила его логику.

Он имел в виду шторы. Он хотел видеть, как восходит и садится солнце, чтобы у нас было какое-то напоминание о еде. Я почувствовала, как усиливается беспокойство Ревика, когда он посмотрел на меня, и я заставила себя съесть ещё несколько кусочков. Допив воду, я оставила пустой стакан на кровати и забралась за Ревика, массируя его спину, пока он ел. Он все ещё был намного хуже того, каким я его помнила.

Я вспомнила про шторы и выгнула шею, ища шнур, но тут до меня дошло, что мы можем замёрзнуть, если...

— Нет, — Ревик проглотил то, что было у него во рту. — ...Там есть стекло, Элли.

Встав, я изучила плотную ткань.

Я дёрнула за один край.

В результате я по ошибке содрала всю гардину и отпрыгнула назад, когда та рухнула на пол. Я расхохоталась, но Ревик уже отреагировал на мой испуг. Я невольно изумилась тому, как быстро он вскочил на ноги.

Затем я заметила синеватый свет, затопивший комнату.

— Луна, — показала я. — Эй. Ты посмотри туда.

Луна, полная примерно на три четверти, сияла на небе, усыпанном звёздами. Эти звезды вопреки яркой луне светились как твёрдые бриллианты, находясь так далеко, что они могли принадлежать Барьеру, а не физическому небу. Я стояла и зачарованно смотрела, когда Ревик присоединился ко мне у окна, обняв меня сзади.

— Нет, — сказала я, поднимая на него взгляд. — Поешь ещё.

Он покачал головой. Он тоже насытился.

Лаская мой голый живот пальцами, Ревик вновь начал целовать меня. Его губы и язык на вкус отдавали лапшой, когда я прижалась к

его груди и ответила на поцелуй.

Через несколько секунд я уже толкала его обратно на кровать. Ревик позволил мне, улёгся на спину, потом вздрогнул и скинул столовые приборы с кровати на пол.

Я наблюдала, как его глаза начинают светиться.

В этот раз он меня не оттолкнул.

Глава 29

Потерянные

Я резко посмотрела вверх. Я снова слышала голоса.

Они доносились издалека.

Солнце поднималось, наполняя комнату золотым и розовым светом, более глубоким, чем тот, что окрашивал поля снаружи.

Я не помню, как оно садилось.

Однако я помнила еду. Я помнила, что мы ели больше одного раза... опять пришло время еды? Я не помнила, чья очередь помнить. Мы выработали какую-то систему, но вскоре уже её забыли. Я помнила, как мы смеялись перед холодильником, Ревик закрыл рукой мои глаза и заставил меня наугад показывать на контейнеры.

Я сидела у него на коленях, обхватив руками его плечи.

Ревик держал меня ещё крепче, чем я держала его, его пальцы впивались в мою спину, пока он удерживал свой вес на другой руке. Он читал меня, замедлялся, когда я приближалась к разрядке, дышал все тяжелее и продолжал использовать свой свет, чтобы держать меня на грани.

Наполовину прикрыв глаза, он стискивал мою кожу и кости, пока мой свет вплетался в него, и вот он уже впился зубами в моё плечо. Ревик издал надрывный стон. Я ощутила, что он теряет контроль.

Я понимала. Я снова делала это. Я чувствовала это.

Просила его... о чем-то.

По правде говоря, я уже ничего не могла с собой поделать.

Я чувствовала это в нем, буквально за краем моего зрения. Он был уверен, что не мог дать мне это, но я в равной степени была уверена, что он может.

В моем свете поднялось раздражение. Оно спровоцировало в нем очередную волну агрессии. Я постаралась успокоить его, но Ревик лишь крепче стиснул меня руками и всматривался в моё лицо

светящимися глазами. Он спрашивал меня, сначала по-немецки, потом на каком-то незнакомом языке, лаская мою шею и подбородок. Наконец, он переключился на английский.

— ...Жена, — он целовал меня, говоря низким голосом, в котором звучала боль. — Скажи, что мне сделать... пожалуйста. *D' daos*. Элли. Пожалуйста. Пожалуйста, я хочу сделать это для тебя.

Но я не знала, как ему сказать. Я постаралась показать ему.

Я пыталась так же долго, как и он.

Я выгнулась ему навстречу, сильнее притягивая его своим светом, пока Ревик вновь не застонал.

Это не помогло. Я чувствовала, что он читает меня, и его боль лишь усилилась, когда я открылась. Казалось, он удерживал меня на грани бесконечно долго... сосредоточился на этой тяге в моем свете, останавливал меня, пытаясь найти это сначала во мне, затем в себе.

Он сделал это вновь, опять меня остановил, пока я не начала бороться с ним.

Где-то в этот момент я услышала их вновь.

Тревога ещё не проникла в меня.

Изменив угол, Ревик вошёл глубже, и это ощущалось ещё приятнее. Он терял контроль. Наслаждение исходило от него волнами, и мои ногти впились в его спину. Облегчение затопило меня, когда я увидела, как расслабляется его лицо, и осознала, что значит это выражение. Наши толчки сделались жёсткими, глубокими, не такими выверенными. Я прочла его снова, и Ревик открылся, вцепляясь в меня.

Когда в этот раз то складывающееся ощущение вернулось, я была так глубоко в нем, что Ревик не сумел остановить это, когда...

Все исчезло. Все, кроме шума крови в ушах и ощущения, которое я не могла контролировать.

Я закричала. Думаю, Ревик издал какой-то звук.

Это ощущалось так безгранично и невероятно приятно. Как минимум на мгновение я ощутила, как та интенсивность в нас обоих разжимается, превращается в нечто ошеломительно мягкое...

Ревик был рядом, когда я пришла в себя, все ещё держал меня,

пока стихали последние судороги. Он целовал моё горло, бормотал в мою кожу.

— Я люблю тебя, — услышала я его слова. — Я люблю тебя, Элли.

Я хотела продолжить. Он ждал меня...

Но я вновь ощутила это — какое-то знакомое присутствие. Ещё больше незнакомых.

Я подняла голову с его плеча, все ещё стараясь выровнять дыхание и успокоить свой свет настолько, чтобы просканировать комнату. Все ещё баюкая меня в объятиях, Ревик повторил мои действия и помог мне посмотреть. На мгновение я затерялась там, глядя на него.

Линии его подбородка и скул выделялись, подсвеченные солнцем. Его глаза слабо светились, отражая тот же свет. Забыв, что меня отвлекло, я стала целовать его лицо, дёрнув его за волосы и впившись пальцами в его спину...

Затем что-то холодное прикоснулось к коже на моей шее.

Я повернулась, но ничего не видела сквозь свет в моих глазах. Они сделались ещё ярче, ослепляя меня. Пальцы Ревика крепко сжались на моей коже...

Руки появились из ниоткуда.

Я закричала в ужасе от того, что нас разделили. Сильные руки оттащили меня от него, поволокли по полу. Я выгнулась...

...и ударила кулаком кого-то, издавшего вопль.

Мой вопль эхом раздавался в пустом пространстве, напоминая крик животного.

Затем кто-то другой ударил меня по лицу.

Было больно. Я сморгнула слезы и осознала, что смотрю вверх, пытаюсь сосредоточить взгляд на лице мужчины. Я не узнавала его черты, не могла сфокусироваться на них настолько, чтобы осмыслить происходящее.

И все же что-то здесь было знакомым. Это почти привело меня в чувство. Я нащупала его, постаралась оттолкнуть, но он лишь перехватил меня крепче. Я видела, как он смотрит на моё тело. Я

видела лёгкую улыбку...

Затем маленькие ручки обвили мою шею и крепко сжали прежде, чем я успела сосредоточиться на их хозяине.

— Элли!

Он едва не задушил меня. Его глаза ярко светились в темноте, ослепляя меня. Я так сильно хотела, чтобы это был Ревик, но уже знала, что это не он.

— Все хорошо, — сказал он. — С тобой все хорошо, Элли!

Мне это снилось. Иначе и быть не может, мне это снилось.

Мальчик смотрел на меня в ответ, широко распахнув глаза на округлом личике. Его губа кровоточила.

Я ударила его по губам.

— Нензи, — выдавила я.

Мужчина рядом с ним заметно подпрыгнул, уставившись на меня.

Я едва обратила внимание. С трудом дыша, я вцепилась в рубашку мальчика обеими руками, чтобы убедить себя в его реальности.

— Нензи, где Ревик?

Круглое личико внезапно ожесточилось. Вокруг меня запорхали тени, почти физические. Они скользили между нами. Над этим я видела глубокие облака, знакомую мне золотистую долину.

Я слышала звуки. Глухие удары плоти о плоть.

Я закричала...

Я пыталась сдвинуться с места, ползти в ту сторону, где ощущала его, но боль парализовала меня, а светловолосый мужчина удерживал за горло. Я никогда прежде не страдала от клаустрофобии, но такое чувство, будто стены здания смыкались вокруг меня.

Я чувствовала себя так, будто они могут похоронить меня заживо, навеки оставить одну в темноте.

Скорчившись у стены возле ванной, я пыталась дышать, игнорируя пальцы, державшие меня за запястья, самолёты, летевшие по небу в моем сознании. Бомбы падали в темноте. Пылали здания. Я

слышала крики монахов в горящих одеяниях.

Мальчик заговорил. Его голос звучал не громче шёпота, но я услышала его сквозь звуки вертолётов, крики, огонь... вой самолётов над головой.

— Элли?

Я уставилась в это круглое личико, подавляя слезы.

— Элли? — его пальцы сжали мою ладонь. *«Элли, ты ранена?»*

Я смотрела, как его глаза делаются ярче. Я знала, кто он, но он не мог здесь находиться. Он мёртв уже почти сотню лет.

Однако почему-то я не боялась. Чувство, которое меня захлестнуло, больше напоминало облегчение.

— Нензи? — сказала я. — Это правда ты?

Его свет вспыхнул, ослепляя меня в Барьере.

Я почувствовала, что моё узнавание тронуло его, почти обезоружило чувствами, и его облегчение окутало меня. По его лицу покатались слезы. Его губы задрожали, когда он окинул меня взглядом от лица до ног, медленно, словно запоминая каждую деталь. Он смотрел на меня со своеобразным благоговейным трепетом. Нет, не так.

Он смотрел на меня с любовью. Любовью столь интенсивной, что она причиняла боль.

От этого на мои глаза навернулись слезы.

Это должен быть сон. Я находилась в пещере Тарси. Все, что пришло позднее — плавание в реке, лошадь с красной мордой, глаза Ревика, светящиеся собственным светом, занятия любовью перед камином, наши тихие признания в темноте, все то, что я чувствовала и видела, чем я была — это не могло быть реальным.

— Нензи? — повторила я. — Где Ревик?

Свет маленького видящего коснулся меня, расходясь всюду, пока я не начала задыхаться. Ощувив внезапную вспышку желания защитить, я подозвала его к себе жестом.

— Нензи! Иди сюда!

... когда что-то ударило меня в бедро.

Это ощущалось как удар кувалды. Моя нога как будто разлетелась на части, а сила удара отбросила меня на спину. Я вскрикнула от шока.

Он не мог пошевелиться.

Это больше чем боль.

Под этой болью скрывалась другая. Знание, что над ним взяли верх, что он не сможет подняться. Он звал меня по имени, и я отчётливо слышала его в своей голове.

«БЕГИ ЭЛЛИ! БЕГИ СЕЙЧАС ЖЕ ПОЖАЛУЙСТА! ИСПОЛЬЗУЙ ТЕЛЕКИНЕЗ И БЕГИ! ПОЖАЛУЙСТА ДЕТКА! ПОЖАЛУЙСТА!»

Я застонала, прижимаясь спиной к стене.

Я не сдвигалась с места. Схватившись за свою ногу, я попыталась понять, что случилось. Физически моя нога ощущалась по-прежнему. Я не видела, чтобы с ней было что-то не так. Мой свет метался как беспорядочное пламя, совершенно бесполезный.

Затем боль ударила по-настоящему. Я постаралась пошевелиться, встать, и по моей спине рябью пробежала агония. Я извивалась, хватала ртом воздух, пыталась опереться на стену.

— Ревик! — на мои глаза навернулись слезы. — Боги. Что вы с ним сделали?

Нензи был со мной, стискивал меня маленькими ручками.

Его бледное, лишённое солнца лицо светилось. Оно выражало муку. Его глаза продолжали мерцать как радужные рыбки, но словно превратились в прожекторы. Он стискивал мои волосы, мял их пальцами. Пальцы другой его руки ласкали моё лицо, плечо, касались моих щёк.

— Элли! — он крепче вцепился в меня. *«Мне так жаль. Мне так жаль, Элли!»*

Я коснулась рук мальчика. Он реален. Он действительно здесь.

Мои глаза застилали слезами.

— Что ты сделал?

«Элли, все хорошо. Он тебе не навредит. Он пообещал!»

Я проследила за его взглядом до крупной фигуры, присевшей возле него на корточках.

Мой разум внезапно сделался намного, намного яснее. Это реально. Я не потерялась в каком-то кошмаре.

Они забрали Ревика.

Раздался треск. Я узнала в нем органический факел *yisso*.

Посмотрев вверх, я сосредоточилась на его лице. Мужчина со светлыми, почти белыми волосами, плавно поднялся на ноги, возвышаясь над нами. Высокий — почти семь футов^[11] — и со скандинавской наружностью, он мог бы сойти за человека, если бы не его рост. Сосредоточив взгляд на глазах янтарного цвета, я внезапно поняла, почему он ощущался таким знакомым.

Моя кожа похолодела, когда узнавание просочилось в мой свет.

Я знала, кто он. Я знала — хоть мне и не знакомо данное тело.

Я ринулась к бюро, где, как я знала, Ревик держал пистолет.

Скандинав кинулся за мной. Его рука с кошачьей скоростью схватила меня за лодыжку и грубо дёрнула на пол. Я упала, ударившись животом. Я попыталась пинком отпихнуть его руку, но он потащил меня назад.

Я боролась своим светом, тянулась к тому складывающемуся ощущению, пыталась найти его, вспоминала прыжки с Тарси. Я пыталась вспомнить, что я сделала с Мэйгаром...

Гигант Териан ударил меня по лицу.

Мальчик повернулся к нему и зашипел.

— Прости! Прости! — скандинав вскинул ладони. — Но ты видел, что она делала! Ты же не хочешь, чтобы она нас убила, верно?

Я снова сделала усилие над своим светом, пытаюсь его контролировать. Я потащила своё тело по полу, пока его пальцы не схватили мою лодыжку и не потащили обратно.

— Териан... — я едва выдавила имя.

Я посмотрела на бюро, затем вокруг, на комнату.

Они забрали Ревика. Они его забрали.

Териан схватил меня за шею.

— Тебе это очень не понравится, — пробормотал он. — И ему тоже, — он взглянул на мальчика. — Но в итоге твой разум вновь начнёт работать, моя дорогая. Боюсь, у меня нет выбора.

Теперь я уже отчаянно сопротивлялась ему.

Наконец я поняла, какую возможность я проворонила.

Ошейник не активирован.

Я вложила каждую унцию своей энергии в использование телекинеза, ничего так не желая, как сбросить его с меня как Мэйгара — швырнуть его в стену, сломать ему спину, заставить его голову взорваться. Но в реальности я никогда не могла пробудить это по своему велению, хотя месяцами практиковалась с каждым видящим в лагере.

Я вырывалась из гигантских рук скандинава, пыталась добраться до бюро, как только почувствовала ослабление его хватки, но он легко поймал меня за ошейник.

Я почувствовала, как мальчик напрягся, но Териан бросил на него резкий взгляд.

— Мы говорили об этом, — сказал он. — Нензи, ты сказал, что понимаешь. Ты согласился со мной, что это необходимо... на совсем недолгий срок.

Я видела, как в глазах мальчика вспыхнула злость, но он не шевельнулся, когда Териан вновь склонился надо мной.

Я пронзительно вскрикнула, когда он развернул меня, била по нему кулаками и локтями, стараясь вырваться, но Териан одной рукой схватил меня за волосы и дёрнул мою голову вперёд. Он умело держал меня и нагнул мою шею так, что я не могла пошевелиться. Он удерживал меня у своей груди, игнорируя мои лихорадочно махавшие руки и ноги.

Затем он пронзил нерв в моей шее и плече. Это на мгновение парализовало меня.

Я замерла совершенно неподвижно.

И он тоже. Полыхнул свет сканера сетчатки, пока он навис над моей шеей.

Я услышала щелчок.

... и Териан отпустил меня, плавно поднявшись на ноги.

— Ну, ну, — пробормотал он. — Не так уж плохо было.

Зубцы впились в мою кожу. Я издала шокированный крик, царапая шею.

То, что впилось в мою плоть, стало вонзаться ещё глубже. Я визжала, пока это пробиралось через мышцы к кости, обхватывая мой позвоночник. Провода словно черви обвилились вокруг каждого изгиба, обхватили нервы у основания моей шеи. Я снова начала визжать, но Териан присел рядом и схватил меня за руку.

— Тихо ты! — прошипел он. — Я убью его! Я убью твоего супруга! Я не буду колебаться, Элли... так что не испытывай меня!

Хрипя, я посмотрела в его глаза. Его слова заставили меня умолкнуть.

Когда все закончилось, по моему телу пробежала дрожь.

Холодные провода сомкнулись на месте.

Резкое прикосновение металла к кости не просто причиняло боль, оно сопровождалось тошнотворным привкусом, от которого с моих губ сорвался хрип. Я свесила голову, тяжело втягивая воздух и сглатывая желчь, которая подступила к горлу.

— Бл*дь, — прохрипела я.

Я стиснула металл пальцами и запаниковала от осознания, что не могу видеть.

Я не могла видеть свой свет.

Комната сделалась плоской. Она поблекла, затем разом сделалась мёртвой и пугающе двумерной. Ошейник больше не причинял боли, если не считать того тошнотворного ощущения металла на кости. Я поморгала, пытаюсь сфокусировать взгляд.

Я осознала, что пытаюсь сканировать... но не могу.

Я больше не могла его чувствовать. Он исчез.

Раньше, когда я думала, что потеряла его, он все ещё присутствовал где-то фоном. Всякий раз, ища его, я могла его почувствовать. Я могла найти его хотя бы в некоторой мере, хоть и слабо. Он никогда прежде не исчезал полностью. Никогда. Даже до

того, как я встретила его во плоти, он всегда присутствовал там, как воображаемый друг.

До сих пор.

Хватая ртом воздух, я пыталась подавить откровенный ужас.

Тревога, которую я ощущала всякий раз, когда он выходил из комнаты, не шла ни в какое сравнение с этим.

Я не могла дышать. Я не могла думать. Я не чувствовала себя человеком или видящей, или хоть сколько-нибудь разумным созданием. Если бы я знала, в какой стороне он лежал, я бы поползла к нему по битому стеклу. Я закричала, дёргая ошейник обеими руками. Я боролась со скандинавским Терианом и мальчиком так, словно на кону стояла моя жизнь, но мой разум почти полностью опустел.

Териан отодрал мои пальцы от ошейника, один за другим.

Я вновь ощутила холодный шок металла, когда он силой завёл мои запястья за спину и заковал в наручники. Я ощутила резкий укол боли, когда в мою шею вонзилась игла. Когда я стала бороться сильнее, он одной рукой защебил нерв в моей шее.

Тогда я остановилась. Я обмякла на деревянном полу, дыша слишком тяжело. Я не шевелилась, пока он не закончил давить на поршень шприца.

Я посмотрела на мальчика.

Мир оставался мёртвым.

Наркотик вызвал какое-то искусственное спокойствие, которое воздействовало на границы моего сознания, но это не помогало. Меня захлестнуло чувство уязвимости... такое безграничное, что я не могла перестать дышать, хотя я уже дышала слишком часто.

Я рванула наручники, тщетно пытаюсь их скинуть.

Я прижалась шеей к дверному косяку, пытаюсь сдёрнуть ошейник, теперь уже замечая боль и уязвимое ощущение в шее. Это несравнимо с тем, какой потерянной я себя чувствовала. Я подцепила металлическое кольцо деревянным косяком, упёрлась ногами и стала дёргать, пока моя шея не заболела по-настоящему. Я чувствовала разрывы там, где металл впивался в мою плоть.

Я стонала, но продолжала бороться все упорнее. Я не могла избавиться от панического ощущения, потому что не могла почувствовать его или что-то ещё.

Териан отдёрнул меня от двери, развернул и дал кулаком по лицу. Сила удара заставила меня упасть на спину, прямо на запястья в наручники.

Я лежала там, задыхаясь, как перевёрнутая черепаха.

Мальчик хныкал, глядя на меня.

Я посмотрела на него и увидела, что он дёргает Териана за руку. Его слезы казались полными страха, почти отчаяния.

Териан погладил мальчика по голове.

— Ну же, ну же. С ней все будет хорошо, — он выдохнул, запыхавшись, и отбросил спутавшиеся светлые волосы с глаз. — Мы получили то, за чем пришли. Будь рад и этому.

— Ревик, — выдавила я. Я могла лишь повторять его имя до тех пор, когда уже не понимала, звучало ли оно вслух или в моей голове. — Ревик...

Териан уставился на меня этими пугающими жёлтыми глазами.

— Не волнуйся, любовь моя, — сказал он. — Мы не можем его убить. Уже нет. Я бы лично предпочёл забрать его с нами, но боюсь, Ненз будет не в восторге.

Я завозила, мои закованные руки впивались в спину.

Выхода не было. Я пыталась сопротивляться скандинаву, но мой позвоночник прострелило агонией, когда он схватил меня за ошейник и рывком поставил на ноги. От наркотика мои ноги подкашивались, но все же я не отключалась.

Он подтолкнул меня к двери, все ещё держа за ошейник. Я ковыляла по полу, наполовину заваленному мятыми шерстяными тряпками, тарелками, одеждой, полотенцами, чем-то вроде разбитого стакана.

— Какими активными кроликами вы были, — пробормотал Териан.

Он с помощью ошейника провёл меня в гостиную, а затем напрямик к выходу.

Только тогда я осознала, что я совершенно голая. Я стала вырываться из его рук, но он не медлил и вытолкнул меня наружу. Он столкнул меня с деревянных ступеней, держа за ошейник, чтобы я не упала.

Затем я увидела его.

Ревик неподвижно лежал в грязи под деревянными ступенями. Он тоже был обнажённым. Его кожа выглядела белой, за исключением татуировок и каталога шрамов... а также того, что я сделала с ним за последние неизвестно-сколько-дней. Вокруг него стояли четверо мужчин. Должно быть, они накачали его наркотиками — до или после того, как выстрелили ему в бедро.

Я увидела ошейник на его шее, когда наши взгляды встретились.

— Нет! — закричал он, увидев, что Териан держит меня. — Нет! Нет!

Он боролся, открыто запаниковав, пытаясь подняться на руках и коленях.

Один из видящих пнул его в бок, и я завизжала, задёргалась как безумная в руках Териана. Когда я напала на него, Териан наполовину поднял меня, развернул и дёрнул за наручники.

Он поймал меня за горло и прижал к своей груди.

— Реви'! — крикнул Териан. — Реви'! Успокойся!

— Убери от неё свои бл*дские руки! *Убери от неё руки!*

— Ты хочешь, чтобы она убила себя? Она уже попыталась один раз внутри!

— Отпусти её! Клянусь богами, я убью тебя...

— Ты меня слышал, Реви'? Ты должен образумиться, друг мой!

— ОТПУСТИ ЕЁ...

— Успокойся, Реви'! Успокойся!

— Я убью тебя! *Я убью тебя, бл*дь, если ты причинишь ей боль!*

Териан держал меня ещё крепче. Я чувствовала напряжение в его руках.

— Мы не причиним ей вреда! — сказал он. — Но нельзя, чтобы вы двое сами себя разорвали на части, ты меня слышишь? Ты знаешь,

что такой риск есть... ты знаешь это! Ты заставишь её умереть ради тебя?

Он подождал, когда его слова отложатся в его сознании, когда Ревик снова посмотрит на меня.

Когда это случилось, я почувствовала, что Териан расслабился, но лишь немного.

— Хорошо. Да, — он сделал вдох. Его голос все ещё звучал громко, но уже спокойнее. — Тебе представится твой шанс, Ревик, — сказал он. — Это я тебе обещаю. Мальчик не хочет, чтобы ты шёл с нами. Мы не можем убить тебя, а значит, мы вынуждены тебя отпустить. Я даже позвоню твоим друзьям в Адипане, как только мы уйдём на безопасное расстояние, если ты...

— Нет! — Ревик постарался подняться, но один из видящих поставил ногу на его плечо, заставляя согнуться. — Не забирай её! Пожалуйста... боги, я сделаю все, что ты пожелаешь. Что угодно! — он сопротивлялся удерживавшему его видящему. — Я помогу тебе отстроить её заново! Я помогу тебе, Терри!

Он посмотрел на моё лицо, затем обратно на скандинава, который удерживал меня.

— Я сделаю все, о чем ты попросишь! Что угодно... Бл*дь, да я буду работать на тебя, Терри! Так долго, как ты захочешь! Не забирай её... пожалуйста! *Пожалуйста*, черт подери!

По моему лицу катились слезы.

Я чувствовала, как крепче сжимаются пальцы Териана в ответ на его слова, но не могла отвести взгляда от Ревика. Паника на его лице парализовала меня, хоть я и не могла чувствовать его свет. Ошейник причинял ему боль; я видела это, но он, кажется, едва замечал. Когда он опять начал открыто бороться, Териан скользнул рукой на мою талию, демонстративно прижимая меня к себе.

Другой рукой он накрыл мою грудь.

— Ревик... води себя прилично! Иначе я предоставлю тебе повод для жалоб.

Ревик застыл, все его тело напряглось, вновь напоминая животное.

Но именно мальчик заговорил первым, заставив меня

подпрыгнуть.

— Убери от неё руки!

Светловолосый Териан повернул голову одновременно со мной. Я уставилась на мальчика, поразившись ярости, которую увидела в его глазах — и далеко не сразу я сообразила испытать благодарность. Он смотрел на высокого Териана, стискивая руки в кулачки вдоль боков.

Териан колебался ещё секунду. Он переводил взгляд между Ревиком и мальчиком.

Мальчик встал перед ним.

— Отпусти её, — прошипел Нензи. — Или я тебя убью.

Последовала мимолётная пауза, затем видящий со скандинавской внешностью сделал шаг назад. Он отпустил меня всюду, за исключением ошейника.

— Спасибо, — сказал Ревик. — Спасибо...

Мальчик посмотрел на Ревика, все ещё сжимая пальцы в кулаки.

— Ты. Ты отвратительный кусок дерьма! — его слова содержали в себе столько ненависти, что я вздрогнула. Как и Териан, я переводила взгляд между мальчиком и Ревиком. — Не говори *ни слова* про неё! Мне стоило бы *убить* тебя за то, что ты её коснулся... — он посмотрел на меня, задышав тяжело, затем обратно на Ревика. — Насильник! Бл*дский извращенец-насильник! Я видел, что ты сделал ей больно!

— Нензи! — поражённо произнесла я. — Он не делал мне больно!

Ревик посмотрел на меня. Его глаза вновь сделались беглыми, скользнув по длине моего тела.

— Нет, — хрипло произнёс он. — Нет. Я не хотел.

— Да, ты хотел! *Посмотри на неё!*

— Он не делал мне больно! — зло выкрикнула я. Затем повернулась к Ревику, и в моем тоне прозвучало предостережение. — Ревик... посмотри на своё тело, прежде чем жаловаться на моё!

Мои слова, кажется, привели его в чувство — хотя бы ненадолго.

— Откуда ты знаешь этого мальчика? — сказал он.

— Тарси. Это долгая история. Он не должен быть здесь...

— Не должен быть здесь? — переспросил Ревик. — Что это значит?

— Прекрати разговаривать с ней... — зло начал мальчик, но я его перебила.

— Нензи! — воскликнула я. — Он мой муж! — Териан позади меня щёлкнул языком, но в его глазах виднелся острый интерес, когда я обернулась на него. Он переводил взгляд между Ревиком, мальчиком и мной, слушая нас.

Я продолжала говорить, с трудом балансируя на носочках.

— Нензи, *это ты* делаешь мне больно. Ты и твой друг-псих! Если бы я была тебе не безразлична, ты бы отпустил Ревика. Ты бы убил этого сукина сына и отпустил нас *обоих*!

Нензи не отрывался от Ревика.

— Я знаю, что ты сделал, — сказал он. — Я это видел.

— Послушай *её*, маленький психопат! — прорычал Ревик. — Если ты действительно хочешь помочь ей...

— *Поэтому* ты заточил меня в тюрьме? Чтобы украсть её у меня?

— Что? — Ревик смотрел то на меня, то на него. — О чем ты говоришь? — он посмотрел на меня и остановился, боль сначала смягчила, затем ожесточила черты его лица — а затем мы оба потерялись там. Я видела, как размылись его глаза, и осознала, что он все ещё пытается дотянуться до меня. В его глазах стояла боль, но он боролся с ошейником. В итоге он остановился, тяжело дыша, когда ошейник крепко ударил его током.

Его взгляд опустился к ошейнику на моей шее — и в следующую секунду он ринулся вперёд.

Мужчина-видящий поймал его за волосы, дёрнув назад. Страх вновь исказил черты его лица, когда он посмотрел на меня, и эту панику он адресовал мальчику.

— Мальчик, пожалуйста! — на его глаза навернулись слезы. — Он причинит ей боль.

— Нет. Он обещал.

— Он бл*дский лжец! Ты действительно настолько туп?

Глаза мальчика засветились ярче. Уставившись на его круглое личико, я осознала, что узнаю этот взгляд. Я видела его у Тарси.

— Нет! — закричала я. Я стала вырываться от Териана, пытаюсь встать между мальчиком и Ревиком. Териан отпустил меня, и я сумела встать на колени перед мальчиком.

— Нет! Не делай ему больно! Нензи, пожалуйста. Я пойду с тобой. Только не делай ему больно!

Лицо Ревика исказилось от боли.

— Элли! Детка... не надо!

Я отвела от него взгляд, чтобы взмолиться к мальчику.

— Пожалуйста, Нензи, — прошептала я. — Я пойду с тобой. Только пожалуйста... не делай ему больно... пожалуйста...

Мальчик продолжал смотреть на Ревика, но я видела, как свет в его глазах моргнул, затем погас прямо перед тем, как он посмотрел на меня. Окинув взглядом моё тело, он поджал губы. Кажется, он собирался что-то сказать, затем повернулся к Териану, и его взгляд внезапно сделался резким.

— Нет, — холодно сказал он, отвечая на что-то, о чем подумал Териан.

Скандинавский Териан осторожно заговорил.

— Они консумировали брак. Я так понимаю, ты не захочешь проверять это, позволив ему умереть от переохлаждения.

— Мальчик, — сказал Ревик. — Пожалуйста! Послушай её! Ты не можешь ему доверять!

Нензи поймал мою руку и стиснул её до боли. Я вздрогнула и отвела взгляд, когда он снова посмотрел на моё тело. Его тёмные глаза посмотрели вверх, на Териана за мной. Его голос сделался холодным как лёд, и внезапно намного более взрослым.

— Ещё раз тронешь её вот так, и я отрежу твой член, а потом заставлю тебя сожрать его, — сказал он. Его черные глаза сверкнули слабым зелёным оттенком. — Понятно?

— Конечно, друг мой. Конечно. Это делалось лишь для того, чтобы позлить Дигойза.

Нензи посмотрел обратно на меня. Выражение его лица пугало меня.

— Он пойдёт за нами, — сказал Териан. — Он ничего не сможет с собой поделать, — его тон сделался уговаривающим. — Если забрать его с нами сейчас, мы сможем его контролировать. Ты все равно получишь то, чего хотел, мой юный друг... только более безопасно. Для неё в том числе.

Нензи показал выразительное «нет», все ещё глядя на меня.

— У него нет того, что я хочу, — сказал он. — Уже нет.

Я посмотрела Ревiku в глаза, стараясь думать вопреки крикам в моей голове.

Я не могла решить, могла ли я что-нибудь сделать, сказать что-нибудь, что поможет. Они приковали его к ступеням. Ему выстрелили в бедро. Его лицо искажалось от боли при любой попытке пошевелиться или использовать его экстрасенсорное зрение. Он покрыт синяками, избит, исхудал. Рана на ноге выглядела так, словно уже заставила его потерять много крови. Кровь была всюду, пугающе контрастируя с его бледной кожей.

Териан сказал, что не собирался позволять ему умереть.

Я видела, как Ревик смотрит на моё лицо, словно он почти догадался, о чем я думала. Его глаза наполнились слезами. Голос звучал сипло.

— Нет, Элли, — он покачал головой. — Нет. Пожалуйста, детка. Пожалуйста.

Териан схватил меня за ошейник сзади. Одним резким рывком он бесцеремонно поставил меня на ноги. Я вскрикнула, утратив равновесие и повиснув на его пальцах. Мальчик схватил меня за руку и бросил на Териана гневный взгляд.

— Перестань делать ей больно!

— Если ты не будешь забирать его, нам нужно их разлучить! — сказал Териан. — Пора уходить. *Сейчас же*, Нензи!

Нензи посмотрел на Ревика, затем на меня. Он кивнул Териану.

— Ладно.

— Нет! — закричал Ревик, пытаясь вырваться из державших его рук.

Дёрнув меня в сторону за ошейник, Териан потащил меня к воротам и полю. Я слышала полный муки крик Ревика и едва не выжила из ума. Выгнувшись назад, чтобы посмотреть на него, я тоже закричала, сопротивляясь Териану.

Крик превратился в рыдание, когда я увидела, как он дерётся с другими видящими.

Териан тащил меня вперёд, несмотря на мои попытки. Через считанные минуты я уже не видела Ревика, хотя ещё слышала. Я усилием воли направила свой свет, каждую часть себя в ту сторону. Меня наполовину толкали, наполовину тащили по траве высотой до бедра, и в итоге я открыла глаза и увидела что-то вроде джипа, припаркованного с краю поля в нескольких дюжинах ярдов отсюда.

Что-то во мне сломалось.

Я рванулась из рук Териана, вскочив на ноги и лишив меня равновесия.

Он поймал меня за талию, силой потащив через траву. Я рвалась прочь на каждом шагу, сопротивляясь все сильнее, пытаясь высвободиться — пока он не сдался и не поднял меня. Забросив меня к себе на плечо, он одной рукой удерживал мою талию, а второй прижал ноги. Когда он сделал жест одному из охранников, я ощутила на лодыжках металл — их он тоже сковал наручниками.

Мальчик следовал за нами, и в этот раз он не протестовал.

Я посмотрела вниз и увидела, что он уставился на меня, все ещё с тем лёгким свечением в глазах. Его взгляд все ещё оставался суровым после разговора с Ревиком.

Я умоляла его отпустить меня.

Когда это не сработало, я стала умолять Териана.

Он затолкал меня на заднее сиденье джипа. Один из его людей приковал меня к дверце третьей парой наручников.

Мальчик сел рядом со мной, положив руку на мою ногу. Я уставилась на маленькие пальчики, затем посмотрела обратно на

хижину. Когда Териан завёл двигатель, я закричала, забившись в металлических оковах. Он привёл автомобиль в движение и надавил на газ, даже не оглядываясь на меня. Машина запрыгала по кочкам поля.

Я смотрела, как хижина вдали становится все меньше.

Териан переключал скорости, пока автомобиль прыгал по ямкам и кочкам, затем прибавил газа, когда выехал на ровную поверхность у вертолёт, припаркованного на ровном берегу реки.

Увидев, где мы, я опять разразилась рыданиями и принялась вырываться, пока мои запястья не начали кровоточить. Мальчик попытался меня остановить, но я сердито оттолкнула его локтем.

Это то самое место, где мы с Ревиком остановились на пикник в первый день прогулки на лошадях.

К тому времени, когда Териан отцепил меня от джипа, поднял и понёс через траву к двери вертолёт, наркотик наконец дал о себе знать. Я сумела держать глаза открытыми, пока он пристёгивал меня к скамейке в задней части армейского вертолёт. На переднем сиденье я увидела женщину с черными волосами и самыми синими глазами, что я встречала в своей жизни.

Она улыбнулась мне, но те глаза оставались холодными как лёд.

— Все прошло хорошо? — спросила она у Териана.

— Настолько хорошо, насколько можно ожидать, — фыркнул он.

Она смерила меня взглядом, все ещё слегка улыбаясь.

— Она немного отощала. Но хорошенькая. Я так понимаю, поэтому вы забыли про её одежду?

Териан улыбнулся.

— Мальчик, похоже, не возражал.

Женщина усмехнулась и выдохнула дым.

— Нет, похоже, он не возражает, — обернувшись на сидевшего рядом со мной мальчика, она жестом показала на меня рукой с *hiri*. — А Дигойз?

— Он жив, — Териан пожал плечами. — Я мало что мог сделать.

Они трахались минимум неделю, — он надел наушники и повысил голос, заглушая вращающиеся лопасти. — Я оставил Тора и Дэвида, чтобы подлатали его. Я позвоню, когда мы отлетим подальше.

Она кивнула, но слегка поджала губы.

Я онемело смотрела, как мальчик подвигается ближе и прислоняется к моему боку.

Через несколько секунд звук вращения лопастей стал громче, и вертолёт начал подниматься от земли.

Я сумела продержаться в сознании ещё несколько секунд, пока мы поднимались над полями. Я смотрела вниз, пока река не начала казаться вьющейся змейкой за плексигласовым стеклом возле металлического поручня, к которому меня приковали. Я уже не видела дом.

Я плакала, но держалась за слова Териана.

Те видящие его подлатают. Териан позвонит, и кто-нибудь найдёт Ревика прежде, чем он истечёт кровью или умрёт от переохлаждения под теми ступенями.

Снова ощутив на себе взгляд, я повернулась.

Я обнаружила, что синеглазая женщина смотрит на меня. Её глаза тщательно исследовали моё тело, задерживаясь на различных участках кожи. Едва замечая синяки, на которых она сосредотачивалась, я откинулась на подушку. По моим щекам покатились ещё больше слез, отчего становилось тяжело дышать.

Должно быть, вскоре после этого я отключилась.

Глава 30

Версианцы

Ревик проснулся в грязи и не мог дышать.

Его руки вывернули из плечевых суставов. Его горло болело. Его голова ощущалась так, словно ею шарахнули по железной вазе. От наркотика, который ему вкололи, пульс бешено колотился под кожей висков.

Ревик посмотрел вверх, где его наручники соединялись с цепью, обмотанной вокруг опоры деревянных лестниц. Осмотревшись по сторонам, он рефлекторно попытался сканировать. Органический ошейник пронзил его череп болью, временно ослепив. Это ничто в сравнении с болью, которую он вытерпел в той карпатской пещере из стекла и кафеля... но учитывая его состояние, эта боль временно лишила его сознания.

Во второй раз он был более осторожен.

Простирая свой свет, Ревик постарался нащупать границы, когда включалось сдерживание, попытался осознать, что это за ошейник, и на какие лимиты он настроен. Второй укол боли был не таким сильным. Он заставил его покрыться потом, временно ослепил, но не лишил сознания.

И все же ошейник свою работу выполнял. Ревик не мог его обойти.

Он все равно попытался, снова тестируя, используя несколько различных сканирований. Он старался прощупать какие-то просветы, любые возможности послать вспышку тому, кто мог его искать. Он не мог точно сказать, сработало ли что-то, но он сильно в этом сомневался.

Все, что он знал наверняка — это то, что она пропала.

Ревик ещё не был готов это почувствовать.

Он постарался пошевелиться, сесть, и его позвоночник прострелило жидким огнём. Боль вызвала у него прилив тошноты, опять едва не лишив сознания. Ревика стошнило, он наблевал в грязь желчью из пустого желудка, затем свернулся клубочком на боку.

Он забыл про ногу.

Ему нужна вода.

После этого еда.

Он слишком ослабел, чтобы чем-то заниматься слишком долго, если он не разберётся с этими двумя пунктами. Глядя вверх, в светлеющее небо, Ревик постарался ничего не чувствовать, игнорировать запах собственной рвоты. Сколько бы раз это ни возвращалось, он старался вытеснить из головы образ Элли в ошейнике, голой и покрытой синяками.

Минуты утекали, пока он лежал в грязи, стараясь контролировать свой разум, и тут Ревик осознал, что видящие перевязали ему ногу перед тем, как уйти. Так значит, они действительно хотели лишь искалечить его... а не убить. Наверное, за это ему нужно поблагодарить Териана.

Он гадал, действительно ли Терри позвонил в Адипан, как говорил.

Ревик также задавался вопросом, почему Териан ещё никого не послал забрать его. Мальчик, должно быть, держал его на коротком поводке. Терри явно был не в восторге, когда ребёнок решил бросить его.

Ревик попытался продумывать эти сценарии, пусть даже для того, чтобы просто занять свой разум.

Териан мог увезти её в пещеру, как сделал с ним, Джоном и Касс, но Ревик сомневался в этом. В Соединённых Штатах он чувствует себя безопаснее. Большинство Шулеров в Европе и Азии все ещё залегли на дно; некоторые по-прежнему отвергали его из-за свержения Галейта, а то и открыто винили его в крахе Пирамиды.

Галейт, вопреки всем его недостаткам, обладал даром завоёвывать преданность.

Териан — нет.

Над долиной поднялось солнце. Ревик наблюдал за каждым малейшим смещением светила по пути вверх от горизонта и чувствовал, как его дыхание делается прерывистым.

Звезда проделала большую часть пути по небу, когда он осознал, что снова задыхается, дышит с трудом. Его кожа болела, все его тело

болело. Он выталкивал её из своих мыслей, стирал её образ из своего сознания. Он избавлялся от каждой блудной мысли о том, где она находилась, и что могло с ней происходить.

Следующие несколько часов Ревик пытался выбраться из оков.

Он подумывал погрызть своё запястье и попытаться стащить их таким способом.

Но похоже, что охранникам Териана пришла в голову та же мысль. Они затянули наручники из органического металла до предела, пока они не начали впиваться в кость. Он не мог рисковать перспективой истечь кровью, если это не сработает.

Вместо этого Ревик воспользовался цепью, чтобы пилить древесину резкими рывками, пока его руки не устали настолько, что он вынужден был отдохнуть.

К тому времени солнце выше поднялось на небе.

Он испытывал жажду, голод, и солнце начинало печь. Его тошнило от боли и все сильнее от раны в ноге. Он гадал, потрудились ли они выковырять металл перед тем, как перевязали его. Затем решил, что наверняка они так сделали, иначе ему было бы ещё хуже.

Ревик вернулся к перепиливанию дерева, пока через пять или шесть вспышек усилий и мышечного напряжения ему не пришлось остановиться.

Кажется, так время тянулось целую вечность.

Лёжа в грязи в полумёртвом состоянии, борясь с подступавшими эмоциями... затем заставляя себя двигаться, пилить дерево, пока его мышцы не отказывали от напряжения... затем снова лёжа в грязи и стараясь ничего не чувствовать.

Звук подкрался к нему незаметно.

Ревик взял очередную передышку от сражения с деревянной опорой. Он предполагал, что пропилил примерно пятую часть того сегмента древесины, которую ему нужно пропилить перед тем, как он сумеет сломать основание крыльца руками и ногой. Поначалу он вообще не заметил звук.

Затем Ревик задался вопросом, может, он спит, и ему снятся воспоминания.

Звук сделался громче.

Лошади.

Ревик открыл глаза. Повернув голову, он прищурился от яркого солнца и увидел, как три лошади лёгким галопом въезжают в ворота. Похоже, они быстро приближались к нему — судя по тому, как звук постепенно нарастал в его сознании.

Первая лошадь остановилась возле ступеней, и Ревик уставился в широкое обветренное лицо всадника. Он не знал его в отдельности. Он не знал и остальных, вопреки их сходству друг с другом.

В любом случае, он ожидал бы вертолёт от Балидора — но не трёх гигантских дикарей на косматых лошадях с длинными гривами.

Глядя на их лица, он напрягался все сильнее. Он узнал широкие азиатские черты лица, бездонные черные глаза. Не считая цвета радужек, все они обладали идентичной, почти альбиносовой внешностью. Их белые волосы спутались и скатались, отчего густые косы за их спинами приобрели желтоватый оттенок.

Версианцы.

Ревик в последний раз видел их в детстве, может, подростком.

Он наблюдал, как они по очереди смотрят на него с лошадей.

Тот, что казался лидером, и два его сопровождающих обменялись жестами рук. Затем тот, кто из троих выглядел самым молодым, грациозно спрыгнул с лошади и взбежал вверх по лестницам.

Ревик чувствовал, как ноги видящего заставляли дрожать дерево, к которому он был прикован, а затем дверь в дом захлопнулась. Он посмотрел на остальных.

— Помогите мне, — сказал он на прекси. Его голос прозвучал хриплым, сиплым шёпотом. Он обращался к лидеру, видя, как тёмные глаза равнодушно остановились на нем. — Пожалуйста. Они забрали мою жену. Пожалуйста. Помогите мне.

Лидер спешил из седла, спрыгнув так же легко, как и первый мужчина, несмотря на его внушительные габариты. Когда он встал перед Ревиком, до того дошло, что мужчина, наверное, мог убить его одним резким пинком по горлу.

Версианцы обычно были кочевниками, и довольно воинственными. Контрабандисты. Оппортунисты. Большую часть времени они не соблюдали Кодекс. Когда они ему подчинялись, это была другая версия, не та, в которой воспитывали Ревика. Они занимались контрабандой детей и женщин. Они склонны образовывать свои кланы, игнорируя клановые законы других видящих и состязаясь между собой. Последние сотню с лишним лет они заключали союзы с людьми так же часто, как и с братьями-видящими.

Судя по лошадям хороших кровей, которых Ревик различал под косматыми гривами, а также по органическим винтовкам, которые он заметил на их сёдлах, эти трое, должно быть, неплохо жили.

— Этот дом мой, — сказал он на прекси. — Я отдаю его вам. И все в нем. Это будет законно, — он показал в сторону реки. — Там лошади. Они тоже мои. Взрослые. Один тяжеловоз. Как минимум один чистых кровей. В общей сложности десять.

Лидер улыбнулся. Он посмотрел на другого мужчину, который наклонился на луку большого тибетского седла, всматриваясь в лицо Ревика. Он показал на органическую повязку и сказал что-то, чего Ревик не разобрал. Лидер улыбнулся, ответив что-то на языке, в котором Ревик узнал искажённую форму прекси вперемешку с мандаринским наречием. Они говорили с таким сильным акцентом, что он различал лишь отдельные слова и несколько фраз.

Тот, кто оставался на лошади, говорил больше.

— (какое-то ругательство)... здесь, чтобы ограбить его. (мужчина рассмеялся и сказал что-то, чего Ревик не разобрал)... знает о...? (что-то ещё)...Мост? Тот же, кто... (ещё что-то неразборчивое)

Ревик застыл при упоминании Элли.

Лидер, похоже, не заметил. Он фыркнул, показывая утвердительный жест.

Тот, что на лошади, снова заговорил.

— ...не говоря уж... (что-то ещё, похоже, ругательное)... приказы? (что-то ещё)... мертва? Она не могла... (тут он тоже что-то упустил)... несколько тысяч в его... (Ревик почти уверен, что тут прозвучало слово «армия»).

Ревик посмотрел на них. Он снова начал перетирать древесину

ступеней цепями, почти бессознательно.

Если они знали, кто такая Элли, возможно, они пришли вовсе не помочь ему.

Где, бл*дь, Балидор?

Третий версианец вышел из дома, сбежав по ступеням. В ответ на ровный взгляд лидера он показал отрицательный жест. Лидер фыркнул, затем посмотрел на Ревика. Его тёмные глаза были совершенно лишены эмоций.

— Ты Дигойз Ревик? — спросил он на прекси с сильным акцентом.

Ревик поколебался. Он посмотрел на этих троих, затем решил, что у него нет роскоши скрытничать.

— Да, — ответил он, показывая утвердительный жест.

Лидер смерил его взглядом, затем жестом обратился к младшему из трёх версианцев. Ревик застыл, пытаясь отодвинуться всем телом назад, когда самый маленький из гигантов снял с седла сильно модифицированную органическую винтовку. В стволе также имелась органика, а это подразумевало боеприпасы крупного калибра. Ревик уставился на оружие, когда мужчина снял винтовку с предохранителя и упёр её прикладом в плечо.

— Подождите! — завопил он, поднимая ладонь. — Подождите! Мост!

Мужчина медленно опустил винтовку, его глаза смотрели озадаченно.

Ревик затараторил громче, быстрее.

— Вы ищете её... верно? Если вы убьёте меня, вы убьёте её! Она моя супруга! Клянусь богами! Снимите ошейник, и вы увидите. Проверьте признаки. Мы с ней едины...

Мужчина с винтовкой озадаченно посмотрел на лидера.

Два других рассмеялись. Тот, что в седле, показал жест тому, который держал винтовку. Широкий шрам пересекал его лоб, опускаясь через один глаз.

— (поток слившихся воедино слов)... думает, что ты собираешься его убить!

Лидер жестом показал молодому продолжать, затем повернулся к Ревику.

— Не шевелись, — сказал он, нарочито выговаривая слова.

Ревик подчинился. Он увидел, что молодой из трёх видящих целится в цепь у основания лестниц. Осознав, что происходит, он закрыл глаза и отвернулся от цепей.

Раздался металлический звон, и горячий металл обжёг его руку.

Ревик вздрогнул, но когда он пошевелился, цепь свалилась. Его запястья все ещё находились в наручниках, но уже не были прикованы друг к другу, а главное, к лестницам.

Он с трудом сел, захрипев, когда потревожил простреленную ногу.

— Спасибо, — сказал он, показывая жест уважения. — Спасибо.

— Ходить можешь? — спросил лидер.

Ревик вздрогнул, пытаясь подтащить себя к лестницам для опоры.

— Не знаю, — ответил он.

Они посмотрели друг на друга.

— Можешь ехать верхом? — спросил лидер.

Ревик кивнул, переводя взгляд между ними.

— Ага.

Он начал подтягивать себя вверх по первой лестнице к дому. Он слышал, как они говорят между собой. Затем тот, что с оружием, встал на его пути и стал жестикулировать руками, выражая непреклонность.

— Нет, — сказал он на прекси. — Стой!

Ревик показал на дом.

— Мне нужна одежда, — он посмотрел на лидера. Заметив непонимающий взгляд видящего-гиганта, он перешёл на язык жестов. *«Одежда. Внутри есть. Мне нужно моё оружие».*

Тот, что на лошади, снова засмеялся, сказав что-то шутливым тоном.

Но самый маленький снова взметнулся вверх по лестнице, мимо Ревика и в дом, опять хлопнув дверью. Ревик лежал на дереве, радуясь, что солнце больше не светит на него. Он все ещё безвольно лежал спиной на ступенях, когда лидер снял со своей лошади флягу. Подойдя к нему, он предложил её Ревику.

Ревик кивнул в знак благодарности и пил целую минуту.

Он все ещё пил, когда молодой версианец с топотом спустился по лестнице, держа одежду. Ревик увидел, что он заглянул и в холодильник. Он протянул контейнеры мужчине на лошади, затем подошёл к Ревику, протянув ему рубашку и пару свободных хлопковых штанов в китайском стиле. Ревик с трудом натянул это на себя, пока три версианца тихо переговаривались меж собой.

Когда Ревик попытался подняться, молодой протянул ему контейнер с едой.

Ревик отмахнулся, но молодой видящий снова пихнул еду ему в руки.

— Ешь, — сказал лидер. — Мы скоро поедem, — он руками изобразил человека, падающего с лошади. — Бо-бо, — сказал он с улыбкой.

— Ага, — отозвался Ревик. — Бо-бо.

Он неохотно принял контейнер из рук молодого видящего, подавил нетерпение и зарылся пальцами в густую массу зелени и пасты в деревянной коробке. Он все ещё запихивал себе в рот запеканку и глотал, не жуя, когда лидер подошёл к нему с чем-то вроде болтореза, только из органики.

— Не двигайся, — сказал он Ревику.

Ревик застыл, пока гигант пристраивал режущий инструмент к его ошейнику. Он ощутил, как округлая петля ошейника ложится во впадинку болтореза. Затем массивный видящий сжал рукоятки, напрягая руки, напоминая стволы деревьев. Ревик вздрогнул, когда резцы задели его кожу, чуть царапнув шею сбоку. Он издал тихий хрип, ощутив умирание органики за секунду до того, как ошейник развалился на его шее.

Два шипа у верха его позвоночника отступили.

Затем механизм полностью открылся.

Вздвогнув, Ревик вытащил его из отверстий в шее и уронил в грязь. Несколько секунд он лишь потирал шею, с благодарностью кивая другим видящим и лишившись дара речи. Мир вокруг постепенно приобретал многомерность по мере того, как он разминал свой свет.

Теперь он мог видеть видящих и немного расслабился.

Он все ещё не чувствовал её.

Ревик вытеснил это из своего сознания, когда боль на мгновение усилилась, затмевая все перед глазами. Он посмотрел на широколицего видящего. Его силуэт казался менее плоским, но если на то пошло, то эти трое начали выглядеть ещё более пугающими.

— Спасибо, — сказал он, снова кивая. От благодарности его горло на мгновение сдавило. — Вы довезёте меня до Сиртауна? Я вам заплачу. Хорошо. Очень хорошо.

Заметив их озадаченные взгляды, он посмотрел каждому в лицо.

— Я заплачу вам очень хорошо, — повторил он на мандаринском наречии. — Я заплачу каждому из вас, даже за одолженную лошадь, если вы не сможете отвезти меня. Просто скажите мне, как с вами лучше всего договориться.

Лидер покосился на двоих других.

Мужчина в седле сделал неопределённый жест, пожав плечами и кивнув в сторону Ревика.

Лидер вздохнул, поворачиваясь к нему лицом.

«Сиртауна больше нет, малыш, — послал он, говоря напрямую в сознании Ревика. — Они разбомбили его дотла. Буквально прошлой ночью».

Ревик замер, не донеся очередную горсть запеканки до рта. Он мог лишь таращиться на массивного видящего. Его разум пытался отвергнуть эту информацию, затем осознать её. Он не мог перестать думать об Элли, даже ради этого; он не мог не думать о том, что это значит для неё.

По крайней мере, это объясняло, почему Балидор не приехал.

— Кто? — спросил Ревик наконец. — Американцы? — он сделал соответствующий жест. — Самолёты? Они были американскими?

Гигантский видящий улыбнулся, но его взгляд оставался равнодушным.

«Какая разница, под флагом каких червяков они летают? Они приехали в своих мёртвых машинах, и они бомбили город, пока каждый видящий в нем не бежал или не погиб».

Забрав фляжку из рук Ревика, он отпил большой глоток и жестом показал на дом.

«Мы здесь ради тебя, брат. Мы пришли искать Мост и её супруга».

Ревик подавил боль в груди. Он стиснул хлопковую рубашку, силой запибал больше еды в рот, хотя бы чтобы отвлечь себя.

«Вас послал Балидор?» — спросил он наконец.

Гигант-видящий улыбнулся, но Ревик вновь увидел, как он переглядывается с остальными. Они все ещё чего-то ему не договаривали.

Он скрыл нервозность из своего света.

— Кто-нибудь из вас курит? — спросил он, чтобы развеять напряжение. — *Hiri?*

Тот, что на лошади, бросил ему палочку. Ревик поднёс её к губам. Он вдохнул, как только тот, который прострелил цепи, наклонился поближе и грубой рукой прикрыл пламя серебряной зажигалки, помогая ему прикурить.

«Нас послали друзья, — сказал лидер. — Теперь мы отвезём тебя туда», — улыбнувшись, он показал жестом на деревянную миску.

— Ешь, — сказал он. *«Мы скоро поедem».*

«Куда мы направляемся?» — послал Ревик. Он сохранял свои мысли нейтральными.

Крупный видящий сделал неопределённый жест.

«Сначала в лагерь базы. Возьмём припасы, подлечим твою ногу, — он улыбнулся, тёмные глаза смотрели ровно, как у куклы. — Затем мы отправимся на её поиски, да?»

Ревик улыбнулся, вежливо поклонился в знак благодарности, но

он чувствовал, как его разум приобретает ясность, пока он сканировал свет гиганта.

Молодой версианец жестом показал ему вытянуть руки. Используя тот же режущий инструмент, который расправился с ошейником, он один за другим перекусил браслеты наручников. Ревик продолжал фокусировать свой свет на двух других, потирая запястья.

История про Сиртаун казалась правдивой.

Он улавливал проблески горящих зданий, вой городских эвакуационных сирен, пока над головами проносились самолёты. Он и так почувствовал что-то ранее. Когда охранники Териана выбивали из него дерьмо ногами, прямо на ступенях. Что бы там ни было, история версианцев звучала правдиво, даже в отрыве от того, что он ощущал в их сознании.

Ни одного из троих, похоже, не тренировали в качестве разведчиков, но Ревик соблюдал тщательную осторожность при сканировании их света. Он не мог позволить себе разозлить их.

Пока что лучше притвориться, что он верил всему сказанному.

В любом случае, он не безосновательно уверен, что они везли его не к Балидору.

Поездка через поле и по узкому каменистому каньону, по петляющей тропке, была не самой комфортной.

Даже когда они выехали на зелёный луг по другую сторону каньона, каждый шаг лошади тревожил ногу Ревика, посылая резкие уколы боли вверх по бедру. Он сломал как минимум одну важную кость.

По его инструкциям они посадили его на чалую кобылу с красной мордой, устроив вместо седла несколько одеял из овечьих шкур, поскольку обычное седло оказалось бы слишком жёстким для него. Скорее всего, в этом они были правы, но ему приходилось сжимать ногами бока кобылы, чтобы удержаться на её спине, и это само по себе было пыткой. Через час Ревика уже тошнило от боли.

Ему сложно было не думать об Элли.

Вдалеке от дома все, похоже, только ухудшилось.

Чем хуже становилась физическая боль, тем сильнее она сбивала его с толку, смешиваясь с потребностью в Элли. Часть его света импульсивно искала её, даже когда Ревик вытеснял образы её и Териана, которые так и вертелись в его мозгу. Или наоборот, образы её с мальчиком. Он пытался разговорить трёх версианцев. Он пытался узнать больше о Сиртауне, о том, куда они его везли — все что угодно, лишь бы чувствовать, что он использует время, а не тратит его впустую, пока Элли увозят куда-то дальше.

Они не избегали его вопросов в открытую, но обходили странными петлями, давая смутные ответы всякий раз, когда Ревик пытался вычленить детали.

После множества вопросов он наконец узнал, что американцы действительно причастны к бомбёжке Сиртауна.

Ревик всегда предполагал, что большинству видящих известно о внутренних разборках в обществе видящих — между Шулерами и Семёркой, а также то, что Шулеры крепко проникли в правительство Соединённых Штатов, СКАРБ и Мировой Суд.

Однако версианцы, похоже, считали такие детали незначительными.

Для них источник проблемы являлся ясным, простым и выражался одним всеобъемлющим словом: люди.

Ревик гадал, было ли время, когда мир и ему казался таким простым.

Ему не удалось узнать от них, сумел ли Совет Семёрки бежать в целостности и сохранности, или выжил ли Вэш. Они смогли сказать ему, что лагерь перенёс множество прямых попаданий, а также то, что старый Дом на Холме также бомбили. Каменная структура, возведённая ещё до первого контакта с людьми, являвшаяся старейшей известной постройкой видящих, сохранилась до этих времён почти в оригинальной форме. Катакомбы под каменным особняком хранили незаменимые артефакты и даже тела первой расы до их истребления.

Они также служили домом для обширного архива с оригинальными трактатами и другими документами из Памира.

Ревика никогда не приглашали туда, вниз, но это место считалось святым.

Он постарался подумать, остались ли у него контакты там поблизости.

В его мыслях всплыла Тарси.

В эти дни она не была солдатом, но его варианты ограничены.

Реальность заключалась в том, что у Ревика больше не осталось много друзей в Индии или Китае. Он вообще не проводил время в Азии после его «реабилитации». То недолгое время, что он провёл в Азии после ухода из Шулеров, он пробыл в пещерах с монахами-затворниками, пока с его разумом и светом творился настоящий ад, и лишь Вэш ежемесячно навещал его, чтобы наблюдать за прогрессом.

Он определённо не обзавёлся друзьями.

Те годы состояли из медитаций и реструктуризации его света, в основном под бдительным оком секты монахов, которые редко говорили с ним, за некоторыми исключениями.

Когда та фаза его реабилитации закончилась, Вэш тут же перенаправил его — поначалу в Россию, где Ревик прожил несколько лет в одиночестве. В то время Вэш преподнёс это как часть его искупления грехов, так что Ревик не чувствовал себя вправе отказаться. Он вышел из пещер Памира меньше недели назад, когда ему вручили новый паспорт и билет на автобус до Дели, а оттуда он улетел в Берлин, а затем в Москву, где ему уже организовали жилье.

После России он тоже не вернулся в Азию, а из Москвы улетел напрямик в Соединённое Королевство. В то время его наблюдение за Элли требовало больше работы на месте, а значит, он должен был находиться под рукой, но не настолько близко, чтобы Шулеры нашли Элли через него. Семёрка нашла ему оплачиваемое место в Лондоне, работу на людей.

После этого он до сих пор не возвращался в Азию.

Галейт тоже поручал ему мало работы в Азии, насколько помнилось Ревiku. Ну, если не считать Вьетнама, но и то это была непродолжительная поездка, большую часть которой он провёл под землёй, занимаясь допросами.

Вскоре после ухода из тех пещер, Ревiku официально поручили

защищать Элли, так что отчасти дело было в этом. Они не хотели, чтобы внешне выглядело, будто он занимается чем-то важным, и тем более работает на самого Вэша. Они поощряли его сохранять видимость более «нормальной» жизни видящего, не связанного ни с Семёркой, ни с Шулерами. Эта жизнь подразумевала в основном оплачиваемый секс, работу на людей, время от времени работу разведчика, иногда путешествия с целью отдыха, и немного общения с другими видящими.

Иными словами, ничего, что привлекало бы к нему внимание.

Вэш не озвучивал прямого запрета на возвращение в Азию, но усиленно намекал, что Ревик здесь не рады. Ему определённо не были рады в Сиртауне, но ему также усиленно не рекомендовали посещать любую другую часть Индии, Китая или Юго-Восточной Азии.

В итоге Вэш захотел, чтобы он не совался в Россию или даже в Восточную Европу, даже просто для визита.

При необходимости Ревик встречался с Вэшем в Барьере, внутри одной из множества конструкций Вэша.

Когда Ревик не сиделось на месте, он направлялся на запад, не на восток.

Он старался не принимать это близко к сердцу.

Должно быть, разрешить ему вернуться стало спорным вопросом, учитывая, кто он такой. Ревик знал — его выбрали охранять Элли отчасти потому, что никто бы и не поверил, что Вэш поручит ему такое важное обязательство. И ещё сама Элли. Её безопасность должна была стать приоритетной задачей, а также необходимость сохранить её саму и её защиту в тайне. Охранника нельзя было выбрать из регулярного состава приближенных Вэша, иначе кто-то мог присмотреться к нему поближе.

Прикрытие работало хорошо. Никто не совался к нему на протяжении многих лет. Он исправно работал на людей, и это тоже казалось ему уместным.

Ревик очнулся, когда чалая кобыла плюхнулась в поток.

Вскинув голову, он с тревогой осмотрелся по сторонам и осознал, что задремал. Видящий со шрамом на лице, сидевший на лошади, которая шла рядом с чалой, наблюдал за ним с

любопытством в темных глазах.

После небольшой паузы мужчина широко улыбнулся, неопределённым жестом показывая на пах Ревика.

— Женат? — спросил он, усмехаясь. — Хороша, а? Мост?

Ревик уставился на видящего пустым взглядом. Подавив тот ответ, который ему хотелось бы озвучить, он снял фляжку с ремня и отпил большой глоток воды. Его немного лихорадило. Он не мог позволить себе заболеть, ни по какой причине.

«Сколько ещё?» — спросил он у лидера.

«Недолго, Маленький. Теперь уже недолго».

«Куда мы направляемся?»

«Недалеко. Они уже ждут тебя».

«Ждут меня? — Ревик ощутил слабый проблеск надежды. — Кто? Адипан?»

Мужчина сделал рукой жест «более-менее». «Некоторые из Адипана. Мы спасаем, кого можем. Из достойных».

— Достойных? — сказал Ревик вслух. Он постарался сохранять нейтральный тон. — Разве не все мы достойны... друг?

Лидер улыбнулся. «Нельзя спасти всех, маленький брат. Нельзя сделать яичницу, не разбив яйца, так и с войной, да? Держи взгляд на конечной точке».

Ревик не ответил, но его нервозность усилилась. Что-то в выборе слов этого ответа ударило по части его разума, которой он не так часто пользовался. Энергетический отзвук этих слов также резонировал с его светом таким образом, который Ревiku совсем не нравился.

Он взглянул на свою ногу, вздрогнув, когда лошадь вновь потревожила рану. Кровь начинала просачиваться через органические повязки.

Кем бы они ни были на самом деле, это не имело значения.

Ревiku было уже все равно, на чьей стороне он играл.

Глава 31

Мужчины

Взрыв полыхнул во тьме под деревьями.

Касс смотрела, как он гаснет, и чувствовала, как что-то внутри неё умолкает.

Она никогда прежде не переживала бомбёжку. Если бы кто-нибудь год назад сказал ей, что она однажды окажется в горах Азии, живя среди видящих и спасаясь от бомб, сбрасываемых американскими самолётами, она расхохоталась бы.

Сейчас она не смеялась.

Взрыв, похоже, произошёл в районе города, который Балидор называл Восьмым Дистриктом. Касс ранее видела, что бомбы падали по всему Восьмому, так что огонь, наверное, нашёл нечто покрупнее, более возгораемое. Похоже, что сейчас горела половина района.

Чандрэ направлялась туда.

Однако она слышала бы самолёты, урезонивала себя Касс. Она разведчица, так что наверняка много раз бывала в такой ситуации.

Ну, может, и не *много* раз, но едва ли её можно сравнить с бариста и бездельниками-музыкантами, с которыми Касс проводила время дома. В любом случае, у Чандрэ есть способности видящей. Она могла увернуться от взрыва, совсем как Балидор увёл Касс в сторону от того похожего на замок здания прямо перед тем, как верхние окна рванули от жара и пламени.

Касс куда больше беспокоилась о Джоне.

Он спал в лагере, как и все остальные, когда начали падать бомбы, но он куда-то делся до того, как группы начали собираться, и Балидор не мог его найти. Зная Джона, он, наверное, вытаскивал детей из горящих зданий или ещё что. Она лишь надеялась, что этот идиот не угробит сам себя.

Как раз когда она подумала об этом, строй самолётов зашёл на очередной вираж, опускаясь ниже, чтобы навести ракеты на Сиртаун. Касс вздрогнула, когда ракеты с воем понеслись на главный рынок,

оставляя за собой белые следы. Они точными, симметричными линиями соединились со зданиями из кирпича и плитки, и взрывы грибками расцвели над стенами и крышами, руша целые этажи и сотрясая землю.

Рокот сотрясений эхом прокатился по маленькой долине.

Вся эта ситуация казалась нереальной, если бы не запах, крики и люди, которых она видела — например, монах, который сейчас бежал по улице в горячей одежде. Все его тёмное лицо покрывала кровь.

Сглотнув, Касс отвернулась и посмотрела на небо, когда над головой пролетел очередной строй. Крепче стиснув оружие, она поморгала от пота и дыма, щипавшего глаза, и постаралась заблокировать крики. Теперь уже рассвело, так что это могли быть другие самолёты, насколько она знала.

Такое чувство, что все это продолжалось целыми днями.

Сами самолёты по-прежнему казались Касс американскими, но она слышала, как видящие спорили об этом через виртуальную сеть. Одно из преимуществ обстрела: Касс действительно могла слышать, что происходит, поскольку видящие отключились от Барьера, чтобы прятаться от других видящих. Вместо этого они полагались на обычные старые людские технологии для коммуникации — иронично, потому что так их с меньшей вероятностью подслушают.

Похожая на замок постройка, которую видящие просто называли «Старый Дом» или «Дом на Холме», горела высоко над самим Сиртауном. Древние симметричные сады замка также горели, включая голые белые деревья с их похожими на животных ветками. Они украшали подстриженный газон вокруг спиральной тропки, перемежаясь замшелыми статуями и скамейками из белого камня.

Это было одно из любимых мест Касс в Сиртауне. Теперь главное здание-замок и его земли выглядели как пейзаж из апокалиптической истории.

Она смотрела, как от жара взрываются окна на верхних этажах, раздирая гобелены на полосы. Когда ветер подхватил пламя, оно вскарабкалось ещё выше, перепрыгнув на новые комнаты. Уносимый ветром пепел смешивался с черными облаками дыма в воздухе и закручивался, принимая похожую на циклон форму.

Вой самолётов в дальнем краю долины вывел Касс из транса.

Внизу холма, ниже места, где стояли они с Балидором, второй, значительно более мощный взрыв сотряс хребет и заставил землю под их ногами задрожать.

Затем последовал третий взрыв.

Это не ракеты; должно быть, они переключились обратно на сбрасывание бомб. Когда они начали, было темно, а теперь солнце уже миновало зенит.

Они пытались уничтожить их — окончательно убить всех видящих.

— Может быть, — тихо сказал Балидор, глядя на ту же сцену.

Касс подпрыгнула. Он стоял возле неё так неподвижно, что она и забыла, как близко к ней он находился.

Она посмотрела обратно на Восьмой Дистрикт. Пожар разрастался, на мгновение затмевая чёрный дым и облака красными и золотыми языками. Она видела, как вторая вспышка пламени последовала за первой, и моргнула от неожиданной яркости, осветившей разрозненное скопление кирпичных зданий.

— Там что-то загорелось, — сказала она совершенно без необходимости. — Сколько же боеприпасов и топлива вы, ребята, там хранили?

Он сосредоточился на том же районе Восьмого, его лицо превратилось в гранит.

Касс всматривалась в его выражение.

— Элли. Ты что-нибудь слышал от...

— Нет, — ответил он.

Касс все ещё всматривалась в лицо Балидора, когда раздались выстрелы.

Два ближайших члена Адипана тут же пригнулись, нырнув в укрытие и открывая ответный огонь. Балидор схватил Касс за запястье прежде, чем она успела повернуть голову.

Он затащил её в небольшую рощицу деревьев и затолкнул за широкий ствол. Он держал пистолет, но не стрелял, прикрывая её рукой и удерживая за самой толстой частью дерева. Касс коснулась своего пистолета, но Балидор наградил её предостерегающим

взглядом.

Вздохнув, она убрала руку с кобуры.

Ещё больше защиты. Он не хотел нести ответственность за убийство человека Моста.

До Касс также дошло, что может быть, Балидор не стреляет сам, чтобы не выдавать их численность. Она слышала, как разведчики обсуждают между собой то, как часто они пытались так или иначе маскировать свои силы во время военных стычек.

В любом случае, она просто стояла там, вздрагивая всякий раз, когда пули попадали достаточно близко, чтобы отколоть кусочек древесины. Она наблюдала за лицом Балидора. Он все ещё удерживал её у ствола одной рукой и использовал жесты, чтобы переговариваться с другими видящими.

Затем он застыл, словно прислушиваясь.

Касс видела, как мимо них проносятся фигуры — они бежали вниз по холму так быстро, словно они были призраками. Она видела, как два члена Адипана побежали за ними. Балидор поколебался, затем бросил на неё немного виноватый взгляд. Он опустил губы к её уху.

— Найди укрытие. Не ходи в Сиртаун. И будь осторожна! Я больше никого не чувствую, но не оставайся здесь. Иди выше. Я оставлю с тобой Прадажа.

Он поцеловал её в щеку, ошелолив её.

Затем он отпустил её и побежал вниз по склону с остальными.

Касс мельком видела его силуэт, когда он сбегал с края небольшого утёса. Она слышала тихий хруст, и ветки деревьев в ущелье закачались.

Звуки стихли. Взглянув в сторону, Касс увидела Прадажа, ещё одного видящего средних лет, но более побитого, чем Балидор. Его смуглое лицо покрывали шрамы, и он походил на индийца. Она подняла руку в знак приветствия, и он слабо улыбнулся в ответ, словно развеселившись от того, что она машет ручкой после недавнего обстрела.

Она собиралась заговорить, когда раздался выстрел.

Прадаж рухнул на землю. Упав на спину, он уже не пошевелился.

Касс застыла как парализованная. Она уставилась на его тело.

Его застрелили в голову. Тяжело дыша, она осмотрелась по сторонам, и сердце в груди бешено заколотилось от осознания, что она осталась одна. Она посмотрела в ущелье, гадая, не стоит ли ей попытаться побежать за Балидором и остальными.

Она все ещё стояла там, когда раздался голос.

— Мужчины, — сказал этот голос. — На них просто нельзя положиться, да?

Касс повернулась, чувствуя, как что-то в её животе сжалось. Она осознала, что смотрит на знакомую улыбку на незнакомом лице.

— Твоя подружка Чандрэ не бросила бы тебя в таком затруднительном положении, — сказал он, целясь из пистолета в её грудь. — ...Ведь так?

Касс почувствовала, что живот скрутило с такой силой, что её кишечник едва не опорожнился. Она стиснула ствол дерева, глядя в лицо, которое она никогда прежде не видела, но все равно узнавала. Азиат улыбнулся ей. Его черные волосы удерживались заколкой на затылке. Его пальто-тренч запахло белым от дыма и пепла.

— Как у тебя дела, Кассандра? Ты хорошо выглядишь.

Она отчаянно пыталась высвободить Glock из кобуры.

— Эй, эй... нет, — он показал жест рукой.

Она опустила взгляд на пистолет, уже наведённый на неё.

Он ждал, когда она примет решение, и с улыбкой изучал её глаза.

— Мы же старые друзья, ты и я, — сказал он. — ...и мы могли бы сделать это обычным способом, где я пристрелю тебя или завладею твоим жалким разумом червяка, но я предпочёл бы, чтобы ты поступила рассудительно, — его тон сделался уговаривающим.

— Опусть пистолет, милая. Я не наврежу тебе в этот раз. Обещаю.

Уставившись на его руку с пистолетом, Касс попыталась не

подчиниться. Она бы скорее умерла, чем отправилась куда-то с ним. Но его рука не подчинялась, и она осознала, что смотрит на него, тяжело дыша, буквально хватая ртом воздух и пытаясь приподнять пистолет выше, прицелиться в него.

Он лгал, конечно, как всегда.

Он находился в её разуме, контролировал её. Сказать, что это её выбор — всего лишь ещё одна из его извращённых игр.

Он протянул руку и сомкнул ладонь на глоке.

Он на удивление ласково забрал у неё оружие. Касс смотрела, как пистолет исчезает в кармане пальто, и чувствовала, как каждый нерв в её теле кричит. Адреналин курсировал по её конечностям, заставляя её дрожать. Она хотела напасть на него, расплосовать его лицо голыми руками.

Он щёлкнул языком. В этом звуке прозвучала нотка веселья.

— Отдай мне книгу, Кассандра, — сказал он.

Потянувшись в сумку на плече, Касс открыла её дрожащими руками. После непродолжительной битвы с собственными конечностями, разумом и сердцем, она стиснула толстую книгу в кожаном переплёте и протянула её ему без слов.

— Хорошая девочка, — сказал он. — А теперь повернись. Мы немного прогуляемся.

Ещё несколько секунд Касс пыталась не подчиниться.

Она все ещё стояла там, тяжело дыша от натуги, когда из-за крупного дерева неподалёку показалась массивная фигура.

Касс посмотрела на него, не доверяя своим глазам.

Гигант поднёс толстый палец к своим розовым губам.

Черные глаза смотрели на неё с плоского лица с азиатскими чертами и бледной кожей. Он выглядел как викинг. Наполовину китаец-альбинос-викинг, одетый в шкуры животных, носил на голове какую-то мудрёную органическую гарнитуру. Касс посмотрела на руки викинга.

Он нёс что-то вроде...

Божечки-кошечки, это же меч.

Она все ещё таращилась на него, когда викинг вонзил четырёхфутовое^[12] зазубренное лезвие в живот нового Териана.

Касс замерла как парализованная и лишь смотрела, как Териан кричал, поднятый в воздух мечом с зазубренным лезвием. Клинок светился, словно окружённый каким-то слабым электрическим полем. Что бы там ни было, это позволило викингу почти разрезать его напополам, рассечь мечом его грудную клетку и солнечное сплетение. Меч застрял в кости где-то там, где его шея переходила в плечо, и гигант закричал, тряхнув тело так, как собака могла бы потряхивать тушку крысы.

В итоге нетерпение взяло верх. Швырнув Териана вперёд, чтобы шарахнуть его тело об ствол, гигант оперся тяжёлым, отороченным мехом ботинком в его спину.

Снова закричав, он дёрнул вверх, чтобы освободить лезвие меча.

То, чем Териан удерживал разум Касс, ослабло в то же мгновение, как меч покинул его плоть.

Примерно в то же время он перестал кричать.

То, что осталось от Териана, упало на землю.

Касс смотрела, как тело дёргается, все ещё выплёскивая кровь из длинной раны, пересекавшей почти все тело азиатского мужчины. В итоге кровотечение замедлилось.

Она посмотрела на гиганта.

На мгновение они оба лишь стояли там.

Затем гигант наклонился, подобрал книгу в кожаном переплёте и смахнул с неё соринки своими толстыми пальцами. Улыбнувшись, он протянул её обратно Касс. Он ласково потрепал её по голове, показывая на её предплечье. Касс посмотрела туда, где на её загорелой коже выделялась сине-белая метка меча и солнца. Кожа все ещё оставалась красноватой, заживая.

Подняв свой рукав, гигант показал копию такой же метки.

У него было клеймо, не татуировка, и явно давнее, но он широко улыбнулся, когда Касс шагнула вперёд и провела по метке пальцами. Взглянув на меч и солнце на своей коже, Касс почувствовала, что расслабляется.

Альбинос показал ей жест ладонями, головой и руками.

Сделав жест видящих, означавший «да», она запихнула книгу в кожаном переплёте обратно в сумку и застегнула кожаные застёжки.

Без единого слова она последовала за ним в леса.

Глава 32

Восстание

Балидор стоял в кругу деревьев с белой корой. Покрытые мхом статуи стояли вдоль дорожки белых камней, перемежаясь каменными горками и гранитными скамейками. Сад под Домом на Холме был почти таким же древним, как сама постройка.

К счастью, пошёл дождь.

Дождь лил стеной — один из тех вечерних летних ливней, которые так характерны для этой части Гималаев.

Что касается самого собрания, то Грегор Кардесьян, генерал армии Соединённых Штатов, которого американская пресса прозвала Апостолом, сам выбрал место.

Балидор посчитал его странным, но сегодняшний день полон вещей, которые он не мог уразуметь. Утомление начинало сказываться на нём, и он знал, что дело в основном не в физической усталости. Он позволил взгляду скользнуть по строю синей и камуфляжной униформ, видя их всех лишь наполовину.

Ему не стоило оставлять Касс.

Ему не стоило этого делать, но Вэш выдвинул запрос. Балидор понимал этот запрос, учитывая произошедшее, но он не соглашался с ним полностью.

В данный момент он также чувствовал, что ему опасно не хватает людей. Он послал нескольких членов Адипана в Восьмой, чтобы оценить тяжесть ситуации. Ещё несколько работало, помогая гражданским и монахам в самом Сиртауне. Из тех старших разведчиков, что остались — не умерли и не ранены при сплошной бомбёжке — больше половины он послал на поиски и защиту Элли и её супруга.

Балидор все ещё был уверен, что бомбёжка связана с ней.

Его взгляд задержался на горящих полосках молитвенных флажков над одним участком сада. Посмотрев вверх по холму, на почерневшие деревья с белыми стволами и небо, которое заволокло пеплом, Балидор обнаружил, что сады внезапно показались ему

откровенно древними.

И Вэш тоже.

Апостол прошёл меж рядов пехоты, поверхностным взглядом окидывая пожары, то тут, то там видневшиеся среди промокших зданий Сиртауна. Он получил прозвище «Апостол» в последнем раунде чисток видящих. Балидор осознал, что даже если в то время он был очень молод, то сейчас Кардесьяну хорошо за семьдесят человеческих лет.

Он выглядел намного моложе.

Его седые волосы умудрились лежать идеально, вопреки ветру и дождю, в близко посаженных глазах сверкал ум и немалая доза высокомерия.

Проигнорировав Вэша, Апостол зашагал напрямик к Балидору.

Он положил толстые пальцы на его плечо и сжал в дружеской манере.

— Рад вас видеть, мистер Балидор, — сказал он. — Хотелось бы мне, чтобы обстоятельства были менее... формальными.

Балидор мысленно вздохнул от намёка, что он должен считать за честь, что его так выделили. Человеческие политики были такими напористыми, что даже до откровенной грубости — когда он не мог позволить себе посмеиваться над этим, как сейчас.

— Формальными? — сказал он. — Думаю, мы можем отбросить в сторону любезности, Кардесьян. Одно лишь твоё присутствие здесь нарушает как минимум три послевоенных перемирия. Что касается бомбёжки...

— Мы этого не делали.

Балидор вскинул бровь.

— Серьёзно? То есть американские самолёты не бросали бомбы только что? Не убивали монахов? Наших старейшин? Беженцев? Как насчёт человеческих детей, которых вы убили? Это тоже не имеет для тебя значения, друг?

Апостол нахмурился, убрав руку.

— Я вижу, склонность вашего вида к драматичным преувеличениям ничуть не уменьшилась, — он посмотрел по

сторонам, словно заново оценивая место. — У нас несколько вертолётов поблизости. Мы пришли, чтобы предложить содействие.

— Содействие? — Балидор посмотрел на Вэша.

Древний видящий стоял невозмутимо, вопреки связанным запястьям.

Рядом с ним стояло три видящих, которых Балидор узнал. На их уровне он не знал очень немногих, на кого бы они ни работали. Одного, Элдрейка, он запомнил в особенности. Он работал на Галейта со времён нацистов. Балидор несколько раз натёкался на него в Восточной Европе, включая лагеря смерти.

— Да, — сказал Балидор. Его взгляд вернулся к Кардесьяну. — Твои намерения кажутся совершенно дружелюбными. Именно поэтому ты связал и надел ошейник на самого уважаемого и святого мужчину в нашем городе, — он выразительно показал на ряды войск. — И уж извини за вопрос, но если это были не *твои* американские самолёты, так чьи это были американские самолёты, генерал?

— Мы над этим работаем.

— И что же это значит?

Кардесьян поправил поясной ремень таким жестом, который при других обстоятельствах развеял бы Балидора. Это явная демонстрация какого-то мужского превосходства.

В голосе мужчины зазвучало предостережение.

— Мы попали сюда, отслеживая наземных, с которыми вы сражаетесь. Они летают не под флагом узкоглазых, но пересекли наши границы достаточно близко, чтобы представлять угрозу. Наши ледянокровки сказали, что большинство из них — видящие. Так что нам пришлось заинтересоваться, — он нахмурился ещё сильнее. — Никто не берет на себя ответственность, по крайней мере, пока. Но мы не можем просто ждать, когда они направятся обратно на север, в сраный Пекин.

— Генерал, — произнёс Балидор, раздражённо щёлкнув языком. — Я понятия не имею, что это значит.

Кардесьян поднял руку, жестом затыкая его. Нахмурившись, он, похоже, слушал что-то через гарнитуру.

Когда он вновь посмотрел на Балидора, его голос зазвучал жёстче.

— Разведка прямо сейчас сообщает мне, что эта «беспричинная атака» была попыткой взять под контроль в высшей степени опасного и нелегального видящего, — сказал он. — Я полагаю, вам об *этом* ничего не известно, ведь так, мистер Балидор?

Балидор начал открывать рот, но Кардесьян перебил его.

— После бардака в прошлом году я думал, что ты поможешь нам *контролировать* ситуацию, Балидор. А не станешь прятать её здесь как какую-то призовую шлюху.

— Генерал, — Балидор вздохнул. — Я не имею ни малейшего понятия, о чем вы...

— Насколько мы глупы, по-твоему?

Балидор помедлил, будучи не уверенным, хотел ли человек знать ответ. Он взглянул на видящих, защищавших свет Кардесьяна.

— В сравнении с чем, генерал?

— Ты думаешь, мы не знали... что уже *месяцами*... эта девчушка заправляла здесь всем как проклятый поджигатель? — он сплюнул на землю, упёршись руками в бедра. — Я действительно сожалею, что вы подверглись атаке, Балидор. Я сожалею. Но не могу сказать, что я удивлён. Это был лишь вопрос времени, учитывая, в какую рулетку вы играли. Нельзя хранить чёртово *оружие*, подобное этому, на самом видном месте и ожидать, что никто не попытается им завладеть.

Балидор развёл руками.

— Генерал, я без понятия, на кого намекает этот ваш вселенский заговор, и...

— Ты прекрасно знаешь, кого я имею в виду, мать твою! *Девчонку*, Балидор! Ту, которая взорвала проклятый *корабль* в наших водах, убив Бог знает сколько гражданских! Ту, которая привела тот кошмар в Лондон, которая любит играть в ладушки с нашими людьми в России и то и дело сеет дерьмо в новостных лентах. Ты *прекрасно* знаешь, о ком я говорю! — он сделал отрывистый жест, хмурясь. — У неё бойфренд один из тех... ну ты знаешь... мятежников.

Балидор нахмурился.

— Бойфренд?

Глаза Апостола превратились в стекло.

— Ага. Мы знаем, что он жив. Засекли его через наблюдение, когда он пересёк границу обратно в Индию... Так что даже не пытайся отрицать, Балидор. Я сам видел те кадры.

Он шагнул ближе, настолько близко, что Балидор невольно напрягся.

— Ты станешь отрицать, что эта маленькая сучка тоже жива?

— Мы не пытались скрыть это от вас, генерал.

— Дерьмо собачье! Вы изменили её имя!

— Распространённая практика среди моего народа. Её воспитали среди людей. Мы всего лишь хотели воссоединить её с её наследием. Ввести её в подобающий клан...

— Ладно, ладно, — генерал поднял ладонь и снисходительно улыбнулся Балидору. — Можешь сколько угодно играть в свои вежливые игры видящих... но знай вот что. Мы *позволили* вам сохранить её, Балидор. Мы попытались сохранить мир, дать вам возможность признаться самим.

Положив руки на бедра, он покачал головой, бесстрастно глядя на Балидора.

— Теперь это уже не в моих руках. Если вы не можете защитить её, тогда нам просто придётся сделать это за вас, — он нахмурился, сделав очередной дёрганный жест рукой. — Если, конечно, ты не предпочтёшь, чтобы мы попросили СКАРБ вмешаться и устроить полную проверку вашего заведения здесь.

Балидор взглянул на видящих, охранявших Вэша.

На губах Элдрейка играла слабая улыбка.

— Понятно, — сказал Балидор, поворачиваясь обратно к Кардесьяну. — Чего ты от меня хочешь, генерал?

Отдалённый рокочущий звук заставил Балидора повернуться.

Очередная линия огня и дыма пронзила хмурое небо, красные и жёлтые языки доходили до тяжёлых облаков. Балидор встал на

каменную скамейку, чтобы лучше видеть поверх деревьев. Должно быть, загорелся второй ангар. Он коснулся своей связи, собираясь заговорить, затем вспомнил, что американцы к этому времени наверняка взломали его местную систему безопасности.

Поколебавшись и ощутив видящего на другом конце, Балидор сказал лишь:

— Ты это видел, Йерин?

— Да, — Йерин не вдавался в подробности.

Когда Балидор обернулся, Кардесьян посмотрел ему в глаза, прищурившись и наверняка разговаривая по защищённой связи, которая действительно защищена.

— Передай привет Чан, — сказал Балидор, спускаясь со скамейки. — Пошли кого-нибудь присмотреть за моими детьми, — не дожидаясь ответа, он оборвал связь.

Кардесьян сказал:

— Думаю, мы можем отбросить притворство, что эта девка безвредна, Балидор, — в его словах прозвучала улыбка. — Меня только что проинформировали, что здесь скоро будет представитель Мирового Суда. Несомненно, они захотят сами расследовать причины внезапных «беспорядков» в вашей якобы нейтральной зоне.

— Очень дипломатично, генерал, — Балидор с трудом сохранял ровный тон. — Знаете, я начинаю думать, что другие люди правы. Что нам не стоит основывать свои взгляды на человечество по американской модели. Что вы бы запросто использовали вами же вызванные беспорядки как повод, чтобы разнести наше поселение по кирпичику...

— Осторожнее, Балидор.

Кардесьян шагнул ближе, его глаза смотрели жёстко.

— Можно мы просто покончим с непременным негодованием Сарков? Я знаю, это ожидаемо, но возможно, мы сумеем немного ускорить процесс. Да, мы, американцы, империалистические подлецы. Люди — червяки. Мы живём лишь для того, чтобы пытаться, убивать и разрушать всю жизнь на земле. Если мы все просто распевали кумбайя и эволюционировали, мы бы утопали в пиве, конфетах и горячих кисках видящих. И да сгниём мы все в залах

ваших Предков...

Он пренебрежительно взмахнул рукой, затем положил её обратно на бедро.

— Покончив с этой частью программы, я желаю знать, будут ли твои люди содействовать моим в поисках девчонки... и *изоляции* этой суки так, чтобы не случилось проклятой международной катастрофы. Взамен я, возможно, сумею отозвать псов СКАРБа, по крайней мере, на короткий период. Может, мы даже сумеем оказать вам кое-какую реальную помощь.

Балидор показал отрицательный жест.

— Если вы приведёте сюда СКАРБ, который начнёт искать нелегалов и заковывать их в ошейники, вы развяжете войну... настоящую. Почему бы тебе не передать это своему новому президенту? Скажи ему, что умрёт ещё больше наших людей. Может, умрёт столько, что мы уже не сможем оправиться.

Кардесьян улыбнулся.

— С чего ты взял, что ему есть до этого дело, сынок?

— Будет сложновато контролировать торговлю видящими, если вы убьёте всех видящих, — едко ответил Балидор. — Будет также тяжело доминировать на рынке технологий видящих. Или выходить победителем в сражениях с Китаем. Почему-то я думаю, что они будут более осторожны и не убьют всех *своих* видящих.

В ответ на прищуренный взгляд Апостола, Балидор щёлкнул языком.

— Не говори мне, что Веллингтону все равно. Я знаю, что ему не все равно. В вашей ограниченной червяковой манере, убивающей планету...

Из-за холма в районе Восьмого повалил дым.

Ещё одна дюжина американских солдат или около того присоединилась к первой группе, пока они с Кардесьяном разговаривали, но Балидор знал, что это всего лишь демонстрация силы.

Настоящие войска уже посланы на задание и ищут Элисон.

— Ты осознаешь, что Сиртаун просто оказался на линии фронта,

ведь так, сынок? — спросил Кардесьян.

— Осознаю, — сказал Балидор. — Прошу, не делай все хуже, объявляя военное положение. К этому времени ты должен понимать, что они предположат, якобы я содействовал. Объявят ли они меня трусом или изменником, неважно для наших целей. Они будут искать лидера, который не станет сотрудничать с теми, кто надевает на них ошейники и *расстреливает их супругов...* а когда это случится, ситуация будет развиваться чертовски быстро. Ты себе не представляешь, какими злопамятными могут быть мои люди, когда дело касается их семей.

Увидев скучающий взгляд собеседника, Балидор заговорил с открытым предостережением.

— Кардесьян, это уже не старое поколение мирных видящих, которое вы ловко поработили прежде. Вы успешно изменили нашу культуру как минимум в этом отношении. Вы никогда по-настоящему не сталкивались с моими людьми в качестве мобилизованной военной силы.

Кардесьян пожал плечами.

— Тебе стоит лучше контролировать своих людей.

Когда Балидор отвернулся, Кардесьян поймал его за руку.

— Балидор, я пытаюсь вам помочь!

Он высвободил свой локоть.

— Помочь нам? Как? — увидев злость на лице человека, он процитировал: — *Ты можешь заставить нас заботиться о том, что непостоянно? Или лишь страшиться того, что может случиться, если мы не подчинимся? Ты говоришь лишь за слепых, показывая и крича.*

— Не цитируй мне свои писания, словно я ребёнок! — в глазах Кардесьяна сверкнул опасный свет. — Я знаю те же строки, что и ты... скорее всего, даже лучше! Ты действительно хочешь видеть тело вашего драгоценного Моста, выставленное напоказ на стенах Замка, окровавленное и покрытое рунами из ваших чёртовых священных книг? Дай мне другое основание, Балидор. Ну давай, слабо?

Балидор искренне удивился.

— Генерал, — сказал он. — Я лишь имел в виду, что мои люди не услышат вас в этом отношении. Честно, я сомневаюсь, что они послушают даже меня. Они определённо не станут слушать, если увидят, что я помогаю людям надеть ошейник на Мост. Она здесь такой же символ.

— Символ, — губы человека поджались. — Ты думаешь, я предаю своих людей ради вашего чёртова символа... ты ни хера не знаешь о людях, сынок.

Балидор опять заметил, что Кардесьян как будто не знал того факта, что Балидор старше его на добрых 350 лет.

Человек покачал головой.

— Я выдвинул своё предложение. Я могу отозвать СКАРБ одним сообщением. Доставь её ко мне, и я помогу тебе выследить гада, который сделал это с твоим городом. Это я тебе обещаю.

Балидор загадочно улыбнулся.

— Ты так говоришь, будто это в моей власти, — сказал он. — Уверяю тебя, это не так.

— Ну так заставь своего святого парня сделать этого! — Кардесьян показал в сторону Вэша. — Если он здесь большой босс, пусть он скажет остальным...

— Это не так.

Кардесьян шагнул ближе по мокрой траве. На кратчайшее мгновение в темных глазах сверкнула настоящая злость. Затем Балидор увидел, как изменился его взгляд.

Темные радужки подёрнулись серебристой дымкой.

Одно состояние сознания от другого отделяла доля секунды.

Затем человек заговорил другим тембром.

— Балидор, я бы хотел знать, что здесь произошло.

Услышав перемену в голосе человека, Балидор изучил свет Кардесьяна, держась осторожно. Ему понадобились секунды, чтобы понять — самого Кардесьяна здесь уже нет; его свет оказался захвачен видящим.

Балидор осознал, что знает, с кем он теперь говорит.

— Я тебе уже сказал, — ответил он. — Я не знаю.

— Где книги?

— Что? — переспросил Балидор с искренним недоумением. — Какие книги?

— Кто на вас напал? Кто помогает китайцам?

— Мы этого тоже не знаем, — сказал Балидор. — Мы думали, это были вы.

— Удобно, — Апостол сделал ещё один шаг в его сторону. Серебристое свечение не уходило из его глаз. — Кто-то убил моего человека в лесу. Это тоже был один из ваших «загадочных нападавших»?

Балидор пожал одним плечом, сохраняя бесстрастный тон.

— Мои разведчики говорят мне, что ты первый убил моего человека. Более того, один из наших пропал. Так что скажите мне, генерал, почему я должен переживать, что случилось с вашим человеком?

Глаза Кардесьяна сделались похожими на птичьи.

— Ты серьёзно думаешь, что я сделал бы это? Убил сотни наших людей? Я удерживал фронт *подальше* от Сиртауна!

— Тогда зачем ты пришёл сюда сейчас? — сказал Балидор.

— Я пришёл за книгами. Я хочу то, что принадлежит мне. Я хочу то, что она украла у меня.

Балидор продолжал оценивать свет другого мужчины, не подходя слишком близко. Он достаточно хорошо знал свет Териана, чтобы узнать его — учитывая всю ту работу по его отслеживанию, которую они проделали. Он не думал, что смотрит на тело Териана как таковое; разум и тело любого человека может быть «позаимствовано» видящим, обладающим соответствующей структурой.

Разговор пока не особенно проливал свет на происходящее.

Балидор наблюдал, как серебристые глаза оценивают его, словно создание, живущее в них, проводило свою ментальную инвентаризацию. Апостол все ещё смотрел на него, когда подошли два Сарка в униформе воздушных сил.

— Давайте посмотрим, как нашему прославленному лидеру Адипана понравится быть в ошейнике, — произнёс Териан губами человека.

Внезапно глаза Кардесьяна сфокусировались обратно.

Серебро ушло из его радужек, и его голос тут же изменился, вновь звуча с акцентом человека из Соединённых Штатов. Генерал сделал жест видящим в униформе, выражение его лица ожесточилось.

— Я устал возиться с этим ледянокровкой, — он фыркнул, бросив на Балидора суровый взгляд. — Подсадите его на вайры, если придётся. Просто дайте мне все, что ему известно об этой их девчонке. Я хочу знать, где она спала, кого она трахала, с кем она дружила, как проводила время... любые укрытия, которые у неё могут иметься. Выясните, где она могла хранить любые материалы, которые украла в своих разведывательных рейдах.

Он наградил Балидора жёстким взглядом.

— И найдите её человеческих друзей-изменников. Приставьте слежку к её любовничку. Он может что-то знать, — снова поправив пряжку ремня, он наградил Балидора испепеляющим взглядом. — Те материалы не отрасли ножки и не ушли отсюда...

Он жестом показал вверх, в сторону Дома на Холме.

— И потушите этот бл*дский пожар! Она могла спрятать что-то там.

Балидор облегчённо выдохнул, осознавая, что это тоже сделал Териан. Очевидно, в отношении древних артефактов видящих он был более сентиментальным, чем ожидал от него Балидор.

Сарки в униформе поклонились. Одного из них, лысого мужчину с татуировкой на половину лица, Балидор тоже узнал. Его свет обладал особенным синеватым окрасом, а также структурами с необычайно изящным отпечатком.

Его имя видящего некогда было Старлен.

Балидор взглянул на Вэша. В мгновение ока он принял решение.

Потянувшись к верху ботинка, он выдернул узкий метательный нож.

Он бросил его в грудь лысого.

Старлен плавно увернулся, но Балидор ринулся вперёд, когда стоявший рядом видящий потянулся к пистолету. Используя свою руку и инерцию, он сдвинул своё тело так, чтобы лысый видящий оказался между ним и пистолетом другого.

Он схватил его за бедра и швырнул мужчину в его компаньона, увернувшись. Два видящих в униформе запутались друг в друге. Это дало Балидору несколько секунд, в которых он и нуждался.

Вытащив пистолет из кобуры под курткой, он прицелился в ноги двух наблюдавших видящих и совершил три быстрых выстрела, чтобы уложить их.

Четвёртый выстрел раздался слева от него.

Балидор ощутил пулю прежде, чем услышал звук.

Затем он уже смотрел в траву садового газона, которая внезапно оказалась на уровне глаз. Зелёные клочки торчали в разные стороны, шевелясь от его отрывистого дыхания.

Держась за бок, где пуля врезалась в его бронежилет, Балидор перекатился, когда кто-то схватил его за запястье и приставил шприц к сгибу его локтя. Он сумел ударить того, кто это сделал, по лицу.

Он сломал шприц пальцами, выдернув иглу.

Когда Балидор поднял взгляд, в его голову целилось минимум пять винтовок.

Ни одну из них не держал человек.

Оценив их коллективный *aleimi*, Балидор нацелился на самого младшего.

Он завладел его светом за секунды.

Младшенький вскинул своё оружие, прицелившись в других видящих в униформе. Балидор собирался заговорить, попытаться урезонить их, когда Старлен внезапно сместил свой прицел. Балидор не успел издать ни звука, как Старлен уже застрелил молодого видящего в висок. Пуля вылетела через затылок.

Балидор в неверии смотрел, как падает тело видящего.

На протяжении одного долгого мгновения никто не шевелился.

Балидор продолжал смотреть на упавшего видящего, не веря

своим глазам и переживая эмоциональную реакцию. Затем его взгляд метнулся к убийце, Старлену. Сколько бы Шулеры и Семёрка ни боролись между собой, они редко убивали других видящих.

Людей — да. Люди, захваченные *aleimi* видящих, становились самыми частыми потерями в их давней внутрирасовой войне.

Но они не убивали друг друга. Последствия были слишком плачевными из-за их сокращающейся численности и долгой продолжительности жизни. Их упавшая рождаемость, особенно среди тех видящих, которые оказались в рабстве у людей, превратила это в вопрос выживания вида. Такие факторы выходили за рамки любых конфликтов между фракциями, какими бы гадкими они ни были.

Это было одно из негласных правил.

После того, что уже случилось за эту ночь и день, а также после потери Прадажа в лесах, Балидор осознал, что не может отвернуться от очередного уничтоженного тела видящего, особенно такого молодого.

Заметив шокированный взгляд Балидора, Старлен улыбнулся, отчего татуировка на его лице сморщилась.

Он пожал плечами, как будто извиняясь, а затем тут же перевёл свою органическую винтовку, прицелившись в Кардесьяна.

Балидор расслышал его бормотание:

— Не разбив яйца, не приготовишь яичницу.

Он нажал на курок, уложив Кардесьяна одним выстрелом в лицо. Человек бесцеремонно упал на спину и теперь лежал, конвульсивно подёргиваясь.

Взгляд Старлена вернулся к Балидору. Он снова улыбнулся, и в этот раз выражение несло в себе больше искреннего дружелюбия. Повесив винтовку на органическом ремне так, чтобы смотрела стволом в небо, он протянул руку.

Балидор уставился на его ладонь, не шевелясь.

— Присоединяйся к нам, Балидор, — сказал Старлен. — Мы не с Терианом. И не с его человеческими марионетками. Мы служим Мосту.

Балидор наблюдал, как два видящих прицелились в Элдрейка,

видящего, который охранял Вэша.

Как только они отобрали у бывшего Шулера оружие, один из молодых перерезал путы, удерживавшие руки Вэша за спиной. Затем он кусачками перерезал ошейник Вэша и бросил его в траву, где другой растоптал его пяткой.

Старлен посмотрел на это, затем улыбнулся Балидору. Его голос и глаза выражали серьёзность.

— Ты ранен? — вежливо спросил он.

Балидор посмотрел на себя. Разорвав рубашку там, куда попала пуля, он увидел, что она смялась в бесформенный комок, столкнувшись с органическим бронежилетом. У него будет адов синяк, но это не впервой.

— Нет, — выдавил он.

Старлен улыбнулся.

— Нам не нужно сражаться на противоположных сторонах, брат. Мы хотим, чтобы ты был с нами. Дни видящих в ошейниках подошли к концу.

Балидор окинул взглядом внезапно притихший сад.

Видящие держали под прицелом человеческих солдат.

Ещё больше видящих выходило из лесов. Балидор сканировал их свет, глядя на их физические тела на случай, если он сталкивался с ними, пока они маскировали свой свет и притворялись людьми. Большинство из них он не узнавал лично, хотя несколько *aleimi* показались знакомыми. Он заметил, что многие, похоже, родом с гор.

Если так, они могли быть не зарегистрированы СКАРБом и Мировым Судом.

Балидор пытался осмыслить это, но в его голосе звучало лишь замешательство.

— Кто вы? — спросил он.

— Мы — Восстание, — ответил Старлен.

Над головами вновь раздался шум самолётов.

Балидор уставился на крылья пролетавшего мимо воздушного судна. Сами самолёты происходили со всех концов земного шара, из

разных временных периодов вплоть до Второй Мировой Войны. Но не сами самолёты привлекли внимание Балидора.

Он задержал своё внимание на цветах, под которыми они летали.

Сине-золотое солнце выделялось на тусклом металле и органической коже каждого крыла, пересекаясь узким белым мечом.

Этого символа он не видел с конца Первой Мировой Войны.

Балидор и без сканирования понимал, что в них летели не люди, а видящие.

Когда бомбы начали падать в этот раз, они нацелились не на Сиртаун и не на его обитателей. Балидор услышал грохот и увидел огонь, когда первый американский транспорт разлетелся взрывом металла и стекла. Бомбы ещё быстрее засвистели над посадочной полосой за чертой города, где американская эскадра посадила несколько дюжин самолётов после нападения.

Несколько секунд взрывы следовали один за другим, сотрясая землю под ногами Балидора.

Он наблюдал, чувствуя, как его охватывает странное онемение.

Каким-то образом он понимал, что уже слишком поздно.

Сегодня война началась по-настоящему.

Глава 33

Врег

Ревик проснулся резко, в состоянии паники.

Он ничуть не успокоился, когда обнаружил себя в камере из цемента и глины, лёжащим на раскладушке в углу. Кто-то надел на него ошейник и сковал руки за спиной, причём сковал и запястья, и предплечья.

Его паника усилилась.

Боль рябью прокатилась по телу, устремляясь вверх, обостряясь до такой степени, что Ревик уже хватал ртом воздух и глухо стонал, прижимаясь лицом к холодной цементной стене. Он постарался закрыться от этого щитами... затем пробиться сквозь это, когда ошейник сделал невозможным щит... но боль ничуть не ослабла и не умерла, как это случалось ранее на протяжении месяцев.

Но и не ухудшилась.

Она просто осталась, сбивая Ревика с толка, когда он несколько стабилизировал себя в этом состоянии.

Он сосредоточился на своей ноге, стараясь распознать физическую боль от огнестрельной раны, чтобы та послужила ориентиром. Где-то в этом смятении он оценил, что за ошейник на него надели.

Стандартный образец, односторонний.

Мало как повлияет на боль разделения. Он ощутил бы физическую боль, если бы попытался бороться с ошейником, но это все же несравнимо с теми ошейниками, которые использовал Териан.

У него нет на это времени.

Это единственная мысль, которая действительно помогала.

Ревик заставил себя окинуть взглядом тесное пространство, чувствуя себя как животное в ловушке, пока оценивал свои варианты. В другом углу имелся кран с водой, а также платформы для ног над прикрытой дырой — так устроены большинство туалетов в глубинке Азии. Однако Ревик сомневался, сумеет ли он вообще снять штаны,

если понадобится облегчиться, поскольку его руки и запястья связаны.

По покрытой водорослями стене стекала вода.

Сама стена выглядела достаточно крепкой. Даже глиняные участки, похоже, затвердели до консистенции камня; скорее всего, они скрывали под собой землю или цемент. Учитывая, как отпотевали стены, он, скорее всего, находился под землёй. Красные и оранжевые растения светились, отчего казались слегка радиоактивными. Комната напоминала ему камеры допроса, которые он повидал как минимум на трёх человеческих войнах.

В центре стоял ржавый металлический стол, украшенный помятыми складными стульями по обе стороны. Ревик чувствовал запах крови. Пол запятнан чем-то темным возле стола и у противоположной стены, где кто-то вкрутил в белёный цемент пару ржавых железных кандалов. Цемент, покрывшийся длинными трещинами, сочился грязью и водой, которые медленной пульсацией выливались из паутины трещин, расходившейся вниз от повреждённого влагой потолка.

Ревик стиснул челюсти. Он гадал, как долго он здесь пробыл.

Он не помнил своего прибытия, так что, должно быть, он потерял сознание.

Выпутавшись из-под тонкого одеяла, которое кто-то на него набросил, Ревик осмотрел свою ногу. Теперь большую часть бедра покрывал толстый органический гипс, прикреплённый к лонгете на подвижном шарнире. Нога затекла, и Ревик чувствовал, что обезболивающее начинает выветриваться, но он должен быть в состоянии стоять, ходить... может, даже бежать, если очень понадобится. Хотя не очень долго и не очень быстро.

Он неизбежно подумал об Элли.

Он подавил боль, которая усилилась резким приступом, и перевесился через край кровати. Затем, подтащив себя в сидячее положение, он окинул камеру взглядом, все ещё подавляя тошноту.

Желание вышло на передний план вопреки всему. Он хотел её, даже будучи перепуганным до безумия. Он не знал, как примирить два этих чувства, так что попытался затмить все сознательные мысли.

Когда это не сработало, Ревик постарался просто перетерпеть

это.

Он знал, что процесс связывания снесёт крышу им обоим. Но он не ожидал, что ему придётся справляться с этим без Элли.

Ему нужно выбраться отсюда. Немедленно.

Злость попыталась заменить страх. В основном Ревик злился на самого себя.

Ему нужно было отправиться за Терианом в самом начале, ещё до возвращения в Сиртаун. Черт, да Галейт уже сделал большую часть работы за него. Убийство того, что осталось от этого придурочного психа, должно быть относительно простым в сравнении с тем, что он представлял собой до крушения Пирамиды.

Он знал, что Териан нацелится на Элли.

Он практически обещал Ревику это.

А Элли, насколько мог сказать Ревик, тоже что-то задумала.

Те месяцы, что он отсутствовал, она не сидела без дела. Никто не говорил ему, что именно она задумала, но он достаточно хорошо читал между слов Джона и Касс, чтобы понимать — *это* тоже относилось к Териану.

Что бы там ни было, Джону это не нравилось.

Конечно, Ревик избегал Териана в основном из уважения к самой Элли. Она попросила его держаться подальше от Териана, не искать мести. Она попросила, чтобы он позволил Адипану разобраться с этим. Она беспокоилась о нем, и Ревик понимал это, но теперь он не мог понять, почему, во имя всего святого, он не отказал в её просьбе.

Она бы простила его — в конце концов.

С ребёнком в отдельности они могли бы справиться. Если бы Териан не держал его поводок и не снабжал ресурсами, ребёнок оказался бы слишком юным и слишком изолированным, чтобы нанести слишком много урона до того, как они взяли бы его в плен. Он же не Сайримн, который был взрослым видящим с целой армией.

Так или иначе, он и Элли — или он, Элли и Адипан — нейтрализовали бы его.

Вместо этого Ревик позволил им забрать её.

Боль усилилась, вплетаясь ещё глубже.

Он опустил свои защиты. Он позволил Адипану обеспечить защиту вместо того, чтобы послать Совет на хер и забрать Элли куда-нибудь в своё место. Он мог бы подождать несколько недель, подготовить все правильно, удостовериться, что их местоположение никому не известно, даже Вэшу.

Вместо этого он позволил своему члену принимать решения.

Члену и паранойе из-за того, что Мэйгар или ещё какой-нибудь придурок попытается что-то проверить с Элли, когда она и без того уязвима.

Боль и злость смешивались со страхом, отчего вся его голова пульсировала.

Ревик встал, пошатываясь, и прикусил язык, почти испытывая благодарность за боль в ноге.

Пройдя вдоль края комнаты и слегка опираясь плечом на стену, он дохромал до двери. Развернувшись, он неловко ухватил дверную ручку связанными руками. Заперто.

Простирая свой свет, Ревик постарался сканировать, попытался подняться выше комнаты. Стиснув зубы из-за приступа боли от ошейника, он увидел очертания стен, ещё больше камер, коридор с железными дверями, врезанными в камень. Он не видел никого. Ни одного человека.

Весь комплекс, похоже, находился под землёй.

Посмотрев вверх, он увидел в одном углу потолка крошечную камеру с обзором 360 градусов. Камеру.

— Эй! — Ревик заорал на неё, хотя и сомневался, что она передавала звук. Он ударил в дверь плечом и завопил так громко, как только мог. — ЭЙ! ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ!

Он опробовал несколько языков.

Ничто не дало результата.

Его плечо начинало болеть, потому что он продолжал бить им по двери. В итоге Ревик вынужден был сделать паузу. Тяжело осев на пол, он прислонился спиной к ножке стола и попытался подумать.

Он должен выбраться отсюда.

Он посмотрел на ржавые болты, которыми ножки стола крепились к цементу, и задался вопросом, не сумеет ли он их отодрать. Стол здесь был единственным достаточно тяжёлым предметом, которым можно протаранить дверь. С другой стороны, они наверняка приковали его именно так, чтобы он не смог сделать то, что замышлял.

Подёргав болты несколько минут, Ревик решил, что это ни к чему его не приведёт. Ржавчина от воды намертво сцепила их с металлическими пластинами, а связанные руки не могли обеспечить ему нужный угол и точку опоры.

Прислонившись к ножке стола, Ревик закрыл глаза...

Дверь открылась со скрипом.

Он резко дёрнулся в вертикальное положение, все мышцы напряглись.

К тому времени он ожидал, что в дверной проем войдёт тело Териана.

Вместо этого вошёл лидер версианцев, который нашёл его, но теперь он уже был одет в свежую одежду. Ревик подвинул ноги так, чтобы выпрямить спину и прижаться ей к железной ножке стола. Когда в комнату вошло ещё больше видящих, он постарался решить, стоит ли рисковать и пытаться подняться на ноги.

Затем он рассмотрел мужчину, входившего за версианцем, и его горло сдавило.

Он помнил его — откуда-то.

Высокий, с китайскими чертами лица и широким мускулистым телом, он носил униформу, знакомую Ревик в основном по историческим реконструкциям. Военный. Все в нем кричало о том, что он военный, особенно манера держать себя. И все же знакомое ощущение на этом не заканчивалось.

Даже шрамы мужчины выглядели знакомыми.

Он окинул Ревика взглядом глаз с непрозрачными, почти черными радужками. Он как будто осмотрел его с ног до головы, хотя выражение лица оставалось непроницаемым.

Наконец, мужчина улыбнулся. Улыбка не коснулась его глаз странного цвета.

— Дигойз. Так тебя теперь зовут. Не так ли, заморыш? Дигойз Ревик?

За ним вошли два видящих и остановились у самой двери.

Ревик взглянул на них. Один казался смутно знакомым. Стоявший рядом с ним выглядел молодым, видимо, новобранец. Но ни один из них не шокировал его так, как лицо видящего с китайской внешностью, смотревшего на него.

Взгляд Ревика вернулся к нему.

Он обратил внимание на густую чёрную косу мужчины, жилистые мышцы рук. Татуировка меча и солнца выделялась на его бицепсе — чернила почти не поблекли, хотя сама татуировка выглядела старой и выполненной в значительно стилизованном традиционном виде.

Она сильно походила на ту, что украшала спину Ревика. Даже слишком походила, может быть. Единственное отличие, которое он замечал — это чуть-чуть другой оттенок чернил.

Кем бы он ни был, он выглядел в точности так, как помнилось Ревику, вплоть до самой униформы.

Он решил рискнуть.

— Привет, Врег, — сказал он.

Гигантский версианец нахмурился, посмотрев на видящего с китайской внешностью.

Последний лишь улыбнулся, достав из кармана пальто *hiri*. Он прикурил её от серебряной зажигалки, и даже эта зажигалка пробудила что-то в воспоминаниях Ревика.

— Врег? Немного фамильярно, тебе не кажется? «Ревик»? — непрозрачные черные глаза посмотрели вверх, напоминая кукольные. Они светились, точно были сделаны из обсидианового стекла. — Ты пытаешься меня разозлить? Или в Адипане терпят такое дерьмо? Я слышал, Балидор придерживается более неформального подхода по сравнению со своими предшественниками.

— Я не знаю вашего нынешнего ранга, сэр, — Ревик почувствовал, как напряглись его челюсти. — Я не знал, *есть* ли у вас все ещё ранг, сэр... и попадаю ли я под него. Война закончилась. Может, слышали, — он мотнул головой. — Униформа Восстания?

Немного драматично, не находите? Или в Индии сейчас Хэллоуин?

— Ты уже не в Индии... *Ревик*.

Темные глаза всматривались в него. Они не выдавали вообще никаких эмоций.

— Раз уж мы затронули эту тему, — продолжил Врег. — Что привело тебя в Азию, *Ревик*?

Он скинул пепел *hiri* на цементный пол, сделав плавный жест той же рукой.

— Нам было известно о тебе, конечно же. Скандально известный разведчик, Дигойз Ревик, — Врег фыркнул, иронично улыбнувшись. — Мы отслеживали тебя как Западника. Червяковая еда, изменник, который играл по обе стороны забора. Теперь, когда мы знаем, кто ты *на самом деле*, я могу предположить, что ты просто избегал возвращения в Азию до сих пор? — та тонкая улыбка вернул. — ...Я вполне уверен, что я бы это заметил.

Последовало молчание.

Ревик посмотрел на лица, затем на белёные стены. Его разум опережал выражение его лица. Что-то здесь не так. Эти люди знали его с тех времён, когда он был Шулером? Что-то здесь казалось неправильным.

Он подстроился под тон другого мужчины.

— Полагаю, так и есть. Слишком много дурных воспоминаний, может быть, — Ревик изо всех сил старался сохранять разум ровным, зная, что сейчас это практически единственная его защита. — Я сделал что-то не так? Я не знал, что мой статус от рождения был отменен. Или что моё пребывание в Сиртауне так вас разозлит.

Снова прикурив *hiri*, старший видящий выдохнул дым, захлопнув крышку зажигалки.

— А ты все ещё дерзкий маленький кусок дерьма. Ты на полу в кандалах, и ты задаёшь мне вопросы, — сделав ещё одну затяжку *hiri*, он взмахом руки обвёл комнату, пропахшую плесенью.

— Я думал, ты погиб... *Ревик*, — сказал он. — Многие люди так думали. Такова была одна из наших компенсаций от той операции в Трелимне. Это почти искупило твои грехи... в глазах некоторых людей, как минимум, — лишённая юмора улыбка не сходила с лица

видящего. — И все же вот он ты, выглядишь точно так же, как тогда. Объясни мне это, *Ревик*. Скажи мне, как ты умудрился восстать из мёртвых. Практически без единой царапины.

— Ну, несколько царапин-то было, — *Ревик* переместил свой вес, стараясь вернуть ногам чувствительность. Он старался сохранять разум неподвижным.

— Вы должны знать, что я не могу ответить на ваши вопросы, — он окинул взглядом лица, задержав взгляд на версианце, затем на двух видящих, которые стояли позади него и слушали. — Я могу догадываться по контексту, но я не знаю деталей...

— И все же ты помнишь меня. Почему же это, *Ревик*?

Ревик пожал плечами. На это у него не было хорошего ответа.

Видя, как усиливается пытливость другого видящего, он заставил своё лицо скрыться за маской, лишённой выражения.

— Я *не* помню вас, сэр. Не по-настоящему, — он с трудом контролировал тон своего голоса. — Чего вы хотите? Вы должны знать, что захватили меня нелегально. Вы также должны знать, что сейчас не лучшее время с точки зрения наших людей.

— Мои люди спасли твою жизнь, — видящий сплюнул смолу *hiri* на цементный пол. — Зачем, сам не ведаю. Ты можешь сколько угодно притворяться, что не помнишь, *Ревик*, но я невольно думаю, что эта амнезия ужасно удобна.

Ревик нахмурился.

— Почему вы продолжаете произносить моё имя так?

Врег взглянул на версианца, затем улыбнулся.

— Конечно. Потому что мы должны произносить твоё имя изменника с уважением, — черные глаза наполнились презрением. — Ты дезертировал. В тот самый момент, когда мы больше всего нуждались в людях... даже в грязнокровных придурках вроде тебя. Ты скажешь мне, что и этого ты не помнишь? Что все это просто удобным образом «исчезло», когда ты побежал обратно к Семерке за искуплением грехов?

Он показал на него кончиком *hiri*.

— Иди ты нах*й... *Ревик*.

Версианец издал фыркающий смешок, скрестив руки на груди.

Ревик уставился в стену, стараясь скрыть своё нетерпение.

— Готов поспорить, сейчас ты жалеешь, что не можешь меня просканировать, не так ли, *Ревик*? — Врег сфокусировал взгляд на потолке с грязными подтёками. — Ну конечно. Ты никогда не соблюдал даже видимости приличий со своими братьями и сёстрами. Это все твоя грязная кровь? Она заставляет тебя обращаться с другими как с инструментами? Как с фигурками на игровой доске, которые можно двигать для своего увеселения...

— Вы к чему-то ведёте... сэр? — Ревик прикусил губу. — Или вы привели меня сюда, чтобы ворошить прошлые обиды, которые я даже не помню, как нанёс? Я бы предпочёл сейчас находиться в другом месте.

— Ага, — фыркнул Врег. — Готов поспорить.

Ревик уставился на него, пытаясь решить, насколько ему стоит форсировать ситуацию.

Если они хотели его смерти, он уже был бы мёртв. И все же он с трудом сохранял спокойствие. Они работали на Териана? Это не могло быть совпадением — и бомбёжка Сиртауна, и тем более похищение Элли.

Он все ещё пытался решить, что сказать, когда Врег запустил руку в карман пальто.

Он вытащил квадратную реконструкцию изображения.

Поднявшись со стула, он положил её прямо на пол между ногами Ревика.

— Кто он?

Ревик уставился на изображение, чувствуя, как что-то в его груди сдавило. Он наградил мускулистого видящего сердитым взглядом.

— Откуда мне знать, бл*дь?

Врег присел на корточки, постукивая пальцем по изображению.

— Посмотри ещё раз, Дигойз Ревик. Подумай очень хорошо перед тем, как ответить.

Ревик позволил своему взгляду проследить очертания круглого лица мальчика. С изображения смотрели тёмные глаза, неподвижные как сама смерть под черными волосами. Ревик чувствовал, как стискиваются его челюсти, вспомнил, как эти глаза смотрели на Элли.

Словно она принадлежала ему.

— Я вам сказал, — он поднял взгляд на Врега. — У меня нет ни единой бл*дской идеи. Он один из тех детей-видящих, которые умерли недавно? В новостях?

— Что-то типа того, да, — Врег опустил свой вес на пятки, пристально глядя на него. — Я ожидал, что ты выкажешь больше интереса. Учитывая, кто *твоя жена*.

Ревик ощутил, как в его животе, что-то похолодело.

Врег улыбнулся.

— Реакция. Наконец-то. Аллилуйя, — его улыбка сделалась холодной. — Где она, Ревик?

— Ты у меня это спрашиваешь? Твои головорезы сказали, что помогут мне найти её!

— Ага, — признал Врег. — Они так сказали. Но мне нужно, чтобы ты сначала объяснил мне несколько вещей, заморыш, — глядя в глаза Ревика, он произнёс: — Мы слышали, что она прибила одного из ваших. Маленького засранца, который попытался заявить на неё права прежде, чем ты сунул в неё свой член.

Он улыбнулся, когда Ревик отвёл глаза.

— Очевидцы говорят, что она отбросила его на добрых тридцать метров. Едва не убила его, судя по тому, что я слышал, — он помедлил, изучая лицо Ревика. — Это правда?

Ревик уставился на крупного видящего, но не ответил.

Сложив ладони между своими согнутыми коленями, Врег пожал плечами.

— Очевидно, нас неверно информировали, — сказал он. — Кто-то сказал нам, что она не обучена, — широкое лицо исказилось очередной улыбкой, лишённой юмора. — Забавно. Интересно, *кто же* мог её обучить?

Ревик не ответил.

Уставившись в цементный пол, он старался осмыслить это, поспеть за ходом разговора. У них имелся кто-то в Сиртауне, возможно, в Охране. Они знали про Элли.

Иисусе, они думали, что *он* её обучил?

Конечно, такая мысль определённо приходила ему на ум, особенно после Мэйгара, но он даже не знал, с какой стороны подступить. Он обдумывал несколько идей, в основном, чтобы отвлечься в те ночи, когда они сидели перед огнём в хижине.

Иронично, что он пытался по памяти воссоздать структуры мальчика, чтобы посмотреть, не удастся ли ему выяснить, какие структуры мальчик использовал для телекинеза, а потом показать их Элли.

Боль ударила по нему.

Впервые он позволил себе вспомнить, действительно позволить себе почувствовать, что происходило за то время, что они были вместе.

Вопреки тому, что он привёл её туда, в итоге это она его соблазнила. Даже потом это она всегда подталкивала его пойти дальше, перестать сдерживаться. Она рассказывала ему всякое. Как только он ясно дал понять, что хочет этого, она рассказывала ему все, что он хотел знать, даже когда он продолжал таиться за молчанием.

Они не закончили.

Ревик сознательно понимал это, даже в то время. Он с нетерпением ждал большего, возможности растянуть это. В её свете была та штука, которая заставляла его наполовину обезуметь от желания и возбуждала их обоих почти до жестокости.

С этим она тоже подталкивала его, просила его, даже когда он говорил, что не может, что боится навредить ей, если они продолжат.

Ей было все равно.

Он вспомнил, как мальчик смотрел на неё, и его боль превратилась во всеобъемлющий страх, такой интенсивный, что он едва расслышал следующие слова Врега.

— ...Как и следовало ожидать, — добавил Сарк. — Мы не

смогли найти этого Мэйгара. Но ходят слухи, что он жив, — он фыркнул, положив ладони на бедра. — Полагаю, жена склонна прощать, да, заморыш? Если так подумать, почему *ты* его не убил? Я бы на твоём месте убил. Если бы кто-нибудь сотворил такое с моей парой, я бы их в клочья порвал.

Когда Ревик не ответил, он поддел его ногой.

— Мы нашли её, Дигойз, — он подождал, когда Ревик поднимет взгляд, затем слегка улыбнулся его выражению лица. — Тебе надо было сказать нам, что её взял в плен бывший Пирамидник. Териан. Теперь мы знаем, что мальчишка тоже у него, — он одарил Ревика полуулыбкой. — Ты опять скажешь мне, что не знаешь, кто он?

Ревик уставился в пол камеры невидящим взглядом.

Он не думал, что двигается, пока его запястья не заболели, и только тогда он осознал, что трёт цепи друг о друга, вдавливая пятки в пол.

— Вы скажете мне, где она? — спросил он наконец.

— Ах, — Врег улыбнулся. — Немного чувствителен в отношении своей жены, — все ещё всматриваясь в глаза Ревика, его черные глаза сделались пронизывающими. — Должен сказать, это меня удивляет. Раньше ты, кажется, готов был сунуть свой член во все, что его не откусит. Полагаю, даже грязнокровки вроде тебя могут вырасти. Хотя бы немножко, — он плавно выпрямился.

— Это хорошо, — сказал он. — Это очень хорошо.

Прежде чем Ревик успел ответить, Врег сильно пнул его по здоровой ноге.

Ревик резко втянул воздух, захрипев. Пинок застал его врасплох и причинил адскую боль. Когда он поднял взгляд, пытаясь дышать, другой видящий вновь оценивал его, из непрозрачных глаз ушло всякое выражение.

— Теперь ты готов завязать с развешиванием лапши на уши, Ревик?

— Зачем я здесь? — рывкнул Ревик, все ещё тяжело дыша. — Если вы знали про Териана, зачем захватывать меня? Я больше не с ними. Я ушёл от них годы назад!

— Может, нам нужен не ты.

— Териан не обменяет её на меня. И я не могу помочь ей, пока вы заперли меня здесь. Отпустите меня. Я *найду* её, черт подери!

Врег улыбнулся.

— Думаешь, ты можешь спасти миссис, Дигойз?

— Он убьёт её, — Ревик посмотрел ему в глаза, слыша, как в его голос просачиваются эмоции. — Он может сделать это нечаянно. Она никогда прежде не носила ошейник. Она не будет знать, когда остановиться... а он ставит слишком высокие лимиты. Она телекинетик, так что он будет бояться её... и перестарается.

— Почему ты решил, что нам есть до этого дело?

Ревик раздражённо посмотрел на остальных, но встречал лишь пустые взгляды. Его взгляд остановился на двери, сосредоточившись на молодом видящем, который её охранял.

Он сказал:

— Я, может, и не помню деталей, но я знаю, кто ты. Я знаю, чего ты хочешь. Ты хочешь Мост — живой. Отпусти меня, и я её верну.

— Ты не кажешься мне готовым к битве, друг мой.

Ревик подавил ярость, взглянув на дверь.

— Чего ты хочешь? — спросил он. — Чего ты хочешь за моё освобождение?

Врег улыбнулся.

— Вот теперь ты задаёшь правильный вопрос. Наконец-то, — он поднял *hiri*, которую оставил на полу, сделал затяжку и выдохнул сладкий дым. — Салинс хочет видеть тебя, — сказал он.

Ревик вскинул взгляд, чувствуя, как у него перехватывает дыхание.

— Салинс? Он жив?

Врег улыбнулся.

— Да. Он жив.

Глава 34

Память

Минуты спустя Ревик хромал по коридору, вырезанному в цельной скале. Он сосредоточился на передвижении своих ног, испытывая возможности той, в которой прострелили дырку, и надеясь не травмировать её ещё сильнее.

Это что-то, о чем можно думать. Что-то, чем можно заняться.

Он отказался от попыток вспомнить, откуда он знал этих людей. Ему все равно. Во времена Первой Мировой Войны он был ребёнком, так что что бы там ни было, это должно было случиться, пока он был в Шулерах после Второй Мировой Войны, или же в период, когда он действовал из Германии до этого.

Для Ревика это не имело значения.

Он мало знал о Салинсе. Работая на Семёрку, он изучал его самого и его последователей наряду с любой другой ячейкой террористов-видящих, которая была достаточно крупной, чтобы всплыть в протоколах безопасности, которые он должен был оценивать, когда работал на британское правительство. Он питал любопытство к событиям в Азии — может, даже вдвойне потому, что ему не разрешалось вернуться.

У Адипана имелась достаточно хорошо аргументированная теория, что «Восстание» Салинса могло иметь связи с Галейтом и Пирамидой Шулеров.

Однако точная природа этих связей оставалась неизвестной.

Они так и не были поглощены в саму Пирамиду. Они называли себя остатками группы, которая сражалась бок о бок с Сайримном во время Первой Мировой Войны, но тому имелось мало доказательств помимо родословной Салинса, которая выглядела довольно убедительной.

Он приходился первым кровным кузенном Менлиму, видящему, который считался куратором Сайримна.

Менлим, истинный вдохновитель, стоявший за изначальным восстанием, выстроил свою иерархию так, чтобы минимизировать

риск проникновения разведчиков, при этом используя схему, обладавшую явным сходством с самой Пирамидой. Ячейки персонала вращались, то поднимаясь в верхние круги, то опускаясь за их пределы. Те, кто был на верхних уровнях, менялся местами с теми, что внизу, и наоборот, и вся эта схема диктовалась лишь тем, кто находился на вершине.

При такой системе знания были переходящими. Операции, детали операции и даже целые долгосрочные стратегии хранились одной или несколькими разграниченными ячейками.

Никто не знал, когда их сдвинут на обочину — или, если на то пошло, никто не знал, когда они в гуще событий. Они могли проводить тщательно продуманные операции, которые по сути были ложным ударом для отвода глаз. И наоборот, они могли выполнять как будто обыденные задания, которые имели очень важную стратегическую значимость.

Структура Менлима была не такой многомерной, чем Пирамида, но лишь видящий мог создать нечто подобное, учитывая сложность переходов и их связь между собой.

Конечно, знание всего этого не объясняло половинный аромат воспоминаний, витавший вокруг этого места, вокруг этих видящих... но это давало Ревик у отправную точку.

Он сосредоточился на возможностях ноги и гипса. Он постарался идти нормально, пока это не начало причинять боль, и он остановился, чтобы не рисковать и не травмировать себя ещё сильнее.

Ему удалось нормально прошагать, может, полную минуту.

Пожалуй, со временем он сможет увеличить этот промежуток, если не будет перетруждаться.

Его руки все ещё были скованы наручниками за спиной. Ревик позволил взгляду расфокусироваться на каменных стенах, подавляя свою злость и чувство беспомощности, которое крылось за этим.

Он знал Териана. Он прекрасно знал, что он сделает.

По крайней мере, первым делом.

Ревик прикусил язык так сильно, что почувствовал вкус крови. Однако он не мог позволить себе чувства, не сейчас. Ему нужно мыслить связно. Он послушает старого Сарка, скажет ему все, что тот

захочет услышать, даст им все, чего они захотят.

Пока они его не отпустят.

Видящий перед ним резко остановился, вводя код доступа на настенной панели.

Ревик смотрел, как он это делает. Органика. Старая, но определённо живая. Видящий использовал сканер ДНК, чтобы активировать последний этап. Боковым зрением Ревик осознавал присутствие ещё двух охранников за своей спиной. Когда дверной замок переключился с красного огонька на зелёный, ведущий охранник взглянул на версианца — того же, который ехал вместе с Ревиком на лошадях из Индии.

Ревик знал, что они переговариваются между собой.

После небольшой паузы версианец пожал плечами.

— Делай, как он говорит, — сказал он. — Он босс.

Нахмурившись, охранник поколебался. Затем он взглянул на Ревика и резким жестом показал ему развернуться.

Ревик настороженно подчинился. Он почувствовал, что видящий что-то делает с его ошейником и напрягся.

Затем ошейник соскочил, оставив ощущение странной лёгкости на коже шеи.

На несколько секунд Ревик от шока замер неподвижно.

Он повернулся, посмотрел на трёх охранников и пожилого версианца, пока первый охранник не показал ему снова повернуться. Охранник снял с него наручники. Он начал с тех, что на запястьях, затем перешёл к более тяжёлым кандалам, удерживавшим его предплечья. Ревик резко выдохнул, когда его руки освободились, и вздрогнул, когда в локти и запястья вернулось кровообращение.

Он посмотрел на закрытую дверь с зелёным огоньком, затем обратно на троих видящих.

Первый показал ему заходить в комнату.

Когда Ревик продолжил просто стоять там, охранник коротко поклонился и повернулся, зашагав туда, откуда они пришли. Два других охранника последовали за ним. После небольшой паузы версианец слабо улыбнулся ему и сделал то же самое.

Ревик тяжело сглотнул. Он выделил несколько секунд на то, чтобы поискать Элли, но все ещё не мог её почувствовать. Он попытался ещё раз.

Ничего. Даже ни следа её света.

Он подумывал просто уйти — выйти отсюда. Но с его ногой он далеко не уйдёт. Кроме того, он никуда не доберётся так быстро, особенно если это место действительно такое изолированное, каким казалось. Здешняя конструкция казалась защищённой. Защищённой по военным стандартам.

Они наблюдали за ним, даже сейчас. Ждали, когда он примет решение.

Слегка опираясь на стену для равновесия, Ревик похромал к двери. Как только он остановился перед ней, толстая панель открылась, исчезнув в каменной стене. Не тратя времени на разглядывание помещения, он похромал через порог в новую комнату.

Дверь за ним немедленно начала закрываться.

Как только это случилось, Ревик тут же проверил органическую панель.

Она все ещё оставалась незапертой.

Медленно выдохнув, он повернулся, окидывая взглядом новое пространство.

С некоторым удивлением Ревик осознал, что помнит эту комнату... или же помнит другую, чертовски похожую на эту. Что-то в её планировке и ощущении мгновенно показалось сильно знакомым, вопреки отсутствию ясных воспоминаний, с которыми это можно было связать.

Контрастируя с цементной камерой и грубыми каменными коридорами, здесь пол состоял из мраморной плитки, устеленной коврами замысловатого ручного плетения. Самый крупный ковёр, занимавший центр комнаты, изображал сине-золотое солнце, пересечённое белым мечом.

Вопреки тому, что символ ему знаком, Ревик ощутил, как что-то в его сердце отреагировало на него в данном контексте. Если люди Салинса говорили правду о том, кто они такие, то старшие видящие

из его армии могли работать бок о бок с Сайримном.

Например, Врег. Возможно, даже тот пожилой версианец.

Находясь здесь, Ревик почти мог поверить в то, что это правда. Эти люди не походили на тех жителей Сиртауна, которые мнили себя террористами, таясь по углам. Не похоже, чтобы они играли в игру. Они казались настоящими.

Когда они поднимали флаг Сайримна, это ощущалось иначе.

За решёткой каменного очага в центре комнаты горело пламя. Над ней в потолке находилась круглая дыра, вероятно, для дымохода. Сам очаг окружало несколько мягких сидений. Ещё больше таких сидений было расставлено вдоль стен из тёмного камня по обе стороны.

Карта местности Азии висела над массивным прямоугольным столом. Древесина стола выглядела старинной и как будто происходила от необычного дерева, словно оно проделало долгий путь, чтобы осесть в этой пещере. Вокруг органического монитора были разбросаны бумаги, несколько сальных свечей, а также раций, тоже органических. На каменной полке за столом возвышалась серебряная скульптура меча и солнца.

Похоже на чей-то рабочий кабинет.

Может, это также использовалось как спальня.

Ревик посмотрел на расположенный неподалёку стеклянный шкафчик с оружием. Большинство единиц не выглядело рабочими. Однако он заметил несколько австрийских винтовок Мондрагона, винтовку Росса, маузеры, люгеры, даже старый пистолет Намбу из Японии...

— Привет, племянник.

Он застыл, повернувшись на голос.

Из теней возле одного из мягких сидений проступила фигура.

Тёмное одеяние Сарка идеально сливалось со стеной. Он сидел так неподвижно и тихо, что Ревик не видел его, хоть на нем не было ошейника, и они делили одну конструкцию.

Сердце Ревика заколотилось быстрее, как только он различил лицо мужчины.

Вытянутое худое лицо обладало чертами, лишёнными возраста; его цвет и форма словно вырезались на тёмном камне, гладкие и белые, возможно, от слишком долгого пребывания под землёй. Ревик мгновенно почувствовал, что видящий был очень старым.

И все же его возраст выдавал лишь его свет — и его глаза, которые немного ввалились в череп.

Сердце Ревика колотилось все быстрее, пока он всматривался в это исхудавшее лицо. Его сердце болело, отяжелело в груди. Он не мог дышать. Ему было холодно и жарко одновременно.

Клаустрофобик.

Он рефлекторно потянулся к Элли и запаниковал, когда не сумел её найти.

Он не осознавал, что пятится назад, пока не врезался спиной в камень органической двери.

Ревик постарался контролировать себя, отстранить свой свет. Он смутно осознавал, что у него начинается то, что считалось панической атакой. Он стиснул свою грудь. Его сердце болело, его лёгкие тоже.

Ему отчаянно хотелось убежать, но он не мог дышать.

Он смотрел, как Сарк пересекает комнату, осознавая, что мужчина выше его как минимум на несколько дюймов. Эта разница увеличивалась, превращаясь в его воображении в целые футы. Он видел беспокойство в этих помутнённых, бледных глазах и почувствовал себя пятнадцатилетним.

— Уйди от меня, — выдавил Ревик.

Он беспомощно смотрел, как все вокруг начало сереть.

Сознание ускользнуло от него так быстро, что у Ревика не осталось времени потянуться к двери или даже послать последний сигнал с просьбой о помощи.

Ревик открыл глаза.

Он смотрел на костлявое лицо, уверенный, что ему это снится. Всматриваясь в тёмные, желтоватые радужки, он мог думать лишь о том, что эти радужки были цвета мочи... вот только мочи какого-то больного или крайне обезвоженного человека.

Его взгляд сфокусировался обратно.

Глаза над ним были непрозрачно-белого цвета, цвета побелевших костей.

Сарк потянулся к его руке. В его мягком голосе звучало беспокойство.

— Племянник! Племянник, с тобой все в порядке? Дыши, сын мой. Дыши...

Ревик постарался заставить язык работать. Он оттолкнул худые руки, не желая прикасаться к ним. Он постарался подняться с пола.

Сарк немедленно убрался с дороги.

Он наблюдал за Ревиком этими белыми глазами, стиснув перед собой длинные пальцы, пока Ревик с трудом принимал сидячее положение.

Ревик прислонился к каменной стене, вообще не глядя на Сарка и стараясь выровнять дыхание. Приподняв тело на руках и здоровой ноге, он скользнул вверх по каменной стене, чтобы отодрать себя от пола.

Затем он просто стоял там, наваливаясь всем весом на стену и тестируя свою способность держать равновесие.

Он заставил своё лицо опустеть.

То, что слетело с его губ, все равно прозвучало агрессивно.

— Ты Салинс?

Когда Ревик обернулся через плечо, исхудалый видящий склонил голову в знак согласия. Он продолжал изучать лицо Ревика. Шепоток беспокойства витал вокруг света Ревика, но он избегал его, подавляя импульсивное желание съёжиться от прикосновений *aleimi* старика.

— Ты меня помнишь, племянник? — спросил Салинс.

Горло Ревика попыталось сжаться.

Знакомая манера, в которой пожилой видящий обращался к нему — да даже диалект, на котором он говорил, странно ударил по Ревик. Это был прекси, но все же такой прекси, о котором у него не имелось сознательных воспоминаний.

Должно быть, он знаком ему по времени с Шулерами. Непременно.

Но осмотревшись по сторонам, Ревик ощутил сомнение.

— Нет, — ответил он. — Я тебя не помню.

Ревик ощутил, как его вновь касается серебристый свет, и отпрянул, хотя какие-то части его отреагировали на это прикосновение.

— Ты выглядишь не очень хорошо, племянник, — заметил Салинс, все ещё меряя его взглядом тех белых глаз. — Даже если не брать в расчёт ногу. Ты болел?

— Нет, — Ревик шагнул в сторону, образуя между ними больше расстояния. — Мы знаем друг друга? Это обращение «племянник» носит не только церемониальный характер? Если мы действительно связаны какими-то узами крови, то ты весьма своеобразно возобновляешь отношения.

Он начал говорить это слово, но не смог. Он не мог заставить себя назвать пожилого видящего «дядей». Он знал, что это корректная форма обращения в старой системе, учитывая его возраст и тот факт, что Ревик формально был гостем в доме пожилого Сарка.

Он все равно не мог этого сделать.

— Салинс, — сказал он вместо этого. — Зачем я здесь? Чего ты от меня хочешь?

Пожилой Сарк источал лёгкое сокрушение. Испустив урчащий звук, перешедший во вздох, он развернулся на пятках и подошёл обратно к очагу с пламенем.

Ревик остался на прежнем месте.

Он впервые заметил, что пожилой мужчина был босым. Он наблюдал, как Салинс грациозно опустился на одну из мягких скамеек вокруг очага пламени, затем жестом показал Ревик присоединиться к нему на противоположной скамейке. Поколебавшись, Ревик прошёл вглубь комнаты, осознавая свою

хромоту и медлительность передвижения.

Он только что грохнулся в обморок. Иисусе.

Стерев пот со лба, он просканировал каждый угол, искал ещё двери, не только в стенах, но и в полу и потолке. Он заметил люк в одной из стен и разместился между этим люком и пожилым Сарком. Он подумывал занять скамейку поближе к люку, затем решил, что это не имеет значения. Он все равно не в состоянии двигаться достаточно быстро.

Ревик скованно сел напротив пожилого видящего и вытянул ногу.

Салинс улыбнулся. Его культурный голос смягчился, в нем зазвучала почти доброта.

— Я понимаю твою насторожённость. Ревик, верно? — не получив ответа, он продолжил так, будто ему ответили. — Я искренне извиняюсь за то, как тебя сюда доставили. Я сожалею, что не смог обеспечить должные любезности и вынужден был положиться на версианские... как вы говорите... «мышцы»? — он улыбнулся, но молочные глаза оставались неподвижными.

— ...Времени просто не было. Я услышал про атаку на Сиртаун и немедленно заподозрил, что они могут нацелиться на твою супругу.

Он помедлил, увидев, что Ревик вздрогнул.

— Надеюсь, ты знаешь, — добавил он, — что я не придерживаюсь того же мнения о тебе, что и Командир Врег. Хотя я и поддерживаю его пылкую верность делу, я очень хорошо понимаю обстоятельства, при которых ты нас покинул.

Ревик крепче сжал свой свет, чувствуя, как его деликатно поддевает Сарк. Интенсивность и деликатность сканирования нервировали его.

От этого он чувствовал себя размякшим, потерявшим хватку.

Глаза Салинса слегка сверкнули.

— Я слышал, ты навёл знатную шумиху, — сказал он. — Женился на Мосте. Конечно, я не знал, кто ты, когда новости об этом счастливом событии только-только дошли до меня.

Он сделал изящный жест одной рукой, скрестив лодыжки.

— Я слышал имя Дигойз Ревик, конечно же. Ты обзавёлся репутацией даже в рамках своей подставной личности. Я знал основные моменты твоей истории и твой послужной список разведчика. Но я и не задумывался о тебе, если не считать беглой мысли, что однажды ты можешь стать весьма интересной кандидатурой для вербовки.

Ревик ничего не говорил. Однако он поймал себя на том, что слушает, опять пытаясь определить, к чему относится знакомость этой комнаты и пожилого Сарка.

— Многообещающее событие, — сказал Салинс, улыбаясь. — Мост обзавелась супругом... поистине многообещающе. Такое событие не может не послужить поводом для сплетен. И конечно важно, кто же стал избранником.

Пожилой видящий фыркнул, складывая руки в одеянии.

— Те кланы видящих из Сиртауна. Полагаю, они считают, что она сделала плохой выбор? Или что ты каким-то образом принудил её?

Ревик почувствовал, что стискивает челюсти.

— Ещё раз. Если это светский визит вежливости, я вынужден поставить под вопрос удачность выбранного тобой момента. И твоё чувство такта, Салинс.

Сарк склонил голову.

— Ты прав, конечно же. Мы должны обсудить дела.

Он вновь всматривался в лицо Ревика.

— Этот... Териан. Он затаил на тебя личную обиду, верно? Если «обида» — это вообще подходящее слово для того, кто явно настолько безумен.

Ревик сделал одной рукой жест «более-менее».

— Да. Но это не главная причина, по которой он похитил Элли.

Салинс продолжал всматриваться в его глаза, словно потерявшись в них.

— Да... конечно, — он тихо щёлкнул языком, словно возвращая себя в настоящий момент. — Что ж, полагаю, мы не можем тратить время впустую.

Он вновь перевёл этот странный взгляд на Ревика.

— Что тебе нужно? Тебе с радостью предоставят любое количество оружия, конечно... и воздушный транспорт. У нас есть разведданные, которыми мы можем поделиться. Но как думаешь, что будет мудрым решением по численности? Ты имел с ним дело ранее. Он склонен остро реагировать?

Воцарилось молчание.

Затем Ревик кивнул, почти про себя.

— Я ценю это, — произнёс он, говоря совершенно серьёзно. — Я думаю, группа средних размеров для основной атаки и такая же, или более крупная группа в качестве подкрепления. Может быть... — он по привычке попросил больше, чем рассчитывал получить. — ... Сорок?

— Будет сделано.

Ревик моргнул.

— Я хочу отправиться немедленно.

— Я так и рассчитывал, да.

Ревик снова кивнул.

— Ладно. Мне нужно согласиться на условия сейчас, до того как мы отправимся, или мы можем обговорить это позднее?

Пожилой Сарк улыбнулся.

— Ты не желаешь знать, чего мы от тебя хотим?

— Не особенно. Нет, — сказал Ревик. — Теперь, когда я женился на Мосте, все, похоже, захотели завербовать меня для чего-то. Что бы там ни было, меня это устраивает.

Он начал опираться на руки, чтобы подняться, но Салинс жестом показал ему оставаться на прежнем месте. Это была вежливая форма жеста, но Ревик ощутил в этом приказ. После краткой паузы он неохотно опустил руку.

— Ты можешь лучше, племянник, — сказал Салинс.

Ревик почувствовал, как стискиваются его челюсти.

После небольшой паузы он показал жест согласия.

— Ладно, — сказал он. — Полагаю, все вы все ещё верите, что права Семёрки на лидерство «незаконны»... со времён их перемирия с людьми после войн? И чего ты от меня хочешь? Чтобы я отрёкся от верности им и сражался на вашей стороне? Предоставлял информацию, использовал свою позицию супруга Моста, чтобы получить доступ в Адипан? Вербовал людей из их рядов?

Его злость вскипала, темнела, когда лицо Элли промелькнуло перед его мысленным взглядом.

Ревик позволил импульсу света отразиться в его глазах.

— ...Вероятно, ты думаешь, что я женился на ней ради получения какого-то влияния, может, даже для того, чтобы моё наказание отменили. В этом ты ошибаешься, но поскольку я полагаю, что так считает большинство Семёрки, я тебя в этом не виню. Если ты думаешь, что я пойду против неё, в этом ты тоже ошибаешься. Если ты когда-нибудь дашь мне повод считать, что ты представляешь угрозу для моей жены, я тебя убью.

Ревик помедлил, затем сделал примирительный жест.

— Но я полагаю, что ты и без моих слов подозревал это, — сказал он. — Иначе ты не использовал бы её, чтобы добраться до меня, и наоборот. Если ты знаешь меня так хорошо, как притворяешься, то ты также знаешь, что мне все равно, чего ты хочешь, лишь бы ты сначала дал мне пистолет и позволил отправиться за моей женой. Я приму любые условия до тех пор, пока они никак ей не навредят. Я не могу говорить за неё, но передам любое твоё сообщение.

Узкие губы Сарка изогнулись в подобии улыбки.

— Ах. Да. Я вижу, ты все ещё прагматист. Ты хочешь вернуть свою жену. Поэтому ты «подыгрываешь», да? Тебе нет дела ни до кого другого и ни до чего... даже до того, являются ли наши намерения «хорошими» или «плохими» в общем масштабе вещей. Лишь бы твоя цель была достигнута.

Ревик прикусил язык, чтобы сдержать резкий ответ.

Наконец, он пожал одним плечом.

— Ладно. Я подыгрываю. Тебе важно, чтобы мне было не все равно? Ладно.

Он один раз кивнул и сделал вежливый жест рукой.

— Салинс, — сказал он. — Чего ты хочешь от меня в качестве исполнения моей части нашего с тобой контракта?

— Нет, нет, — Салинс покачал головой, тихо щёлкнув языком. — Я и не мечтаю играть с тобой в игры, племянник. И возможно, ты прав, не время нам сейчас вести этот разговор. Но мне больно видеть, что ты с такой готовностью отдаёшь свою свободу, какая бы конечная цель ни крылась за этим. Я хотел лишь воззвать к твоему рассудку... и идеалам, которые мы делили в твоей юности.

Ревик наградил его скептическим взглядом.

— Да? — спросил он. — И что это за идеалы?

— Обеспечить безопасность твоих людей, — сказал Салинс. — Сражаться во имя справедливой цели. Которая улучшит положение всех рас.

Поначалу Ревик не ответил. Крепче скрестив руки, он выпрямился, поправив больную ногу.

— Я думал, что выразился ясно. Я мало что помню из своих ранних лет, — невольно тихонько фыркнув, он посмотрел на пожилого видящего. — И что касается стоящего, эта версия «прославленных идеалов», на которую ты ссылаешься, нова для меня. Если я могу верить тому, что говорили мне другие... включая твоих же людей... моя юность состояла больше из пьянок и траханья, нежели из бескорыстных благородных намерений.

Пожилой видящий издал урчащий гортанный звук сочувствия.

— Племянник, — произнёс он. — Я понимаю, что ты зол. Я также понимаю твой глубинный страх за свою пару. Я прошу тебя подняться над травмами твоей юности, а также над всем, что случилось после. Здесь происходит нечто большее, чем простая операция спасения. С тех ранних лет мир изменился в очень темной манере. Несомненно, ты тоже это видишь.

Он наклонился ближе, сцепив длинные руки.

— Так не может продолжаться. Эти бесконечные распри между видящими. Грядёт Смещение. Мы больше не можем сражаться друг с другом... из-за идеологии, перемирия с людьми, денег, власти, секса или чего-то ещё. Пришло время объявить перемирие между нашими

различными точками зрения. Мы слишком долго поддерживали роскошь изоляционизма.

Сарк помедлил, всматриваясь в лицо Ревика.

— Мы приближаемся к критической точке. Ты тоже должен это видеть.

Ревик посмотрел в глаза видящего, затем пожал плечами.

— Ты хочешь, чтобы я доверял тебе, Салинс? — спросил он. — Тогда скажи мне. Кем я тебе прихожусь? На самом деле? Почему не покончить со всеми намёками и аллюзиями на моё прошлое и просто сказать мне?

Последовала пауза, затем Сарк откинулся на спинку скамейки.

— Нет, — сказал он осторожно, качая головой. — Нет, думаю, сейчас не время и для этого разговора, Ревик, — немного откинувшись назад, он вздохнул. — Пока что, если говорить по сути, я один из людей из твоего прошлого, которого ты не помнишь. Думаю, все детали могут подождать до твоего возвращения.

В ответ на прищуренный взгляд Ревика Салинс сказал:

— Я не играю с тобой. Я стараюсь уважать пожелания, которые ты высказал. Если мы начнём эту беседу, это займёт время. Время, которого у нас в данный момент нет. Ты должен спасти свою пару. Это должно быть приоритетом.

Помедлив, он сложил руки на коленях.

— Теперь у нас есть подтверждение, что Териан вывез её за пределы Азии.

Ревик уставился в лицо пожилого Сарка.

В последовавшем молчании его охватил такой прилив боли, что стало сложно смирно сидеть на месте. Он снова попытался найти её своим светом. И вновь он наткнулся на стену. Он нуждался в уединении. А ещё ему нужно было находиться за пределами конструкции Повстанцев.

После небольшой паузы он показал жестом, что принимает его слова.

— Спасибо. Как я и говорил, я оценю любую помощь, которую могут оказать мне твои люди. Вообще любую. Включая просто

разрешение уйти отсюда.

Салинс улыбнулся.

— Думаю, мы сможем предоставить намного больше, чем это.

— Вы знаете, где он её держит?

Салинс показал утвердительный жест.

— Ты знаешь про мальчика?

Ревик кивнул.

— Да.

— Хорошо. Это очень важно, племянник, — глаза пожилого Сарка сделались совершенно неподвижными. — Твоя проблема — не Териан. Уже нет. Не он удерживает твою жену. Это мальчик. Критично важно, чтобы ты это понимал.

Ревик ничего не сказал, сосредоточив взгляд на решётке очага.

После небольшой паузы он кивнул.

— Это я понял, да.

Свет Салинса вновь бледно мигнул, пробежавшись по краям тела Ревика. Когда Ревик поднял взгляд, пожилой Сарк вздохнул.

— Ты не понимаешь, — сказал он. — Твой опыт с Терианом ослепляет тебя и не даёт видеть реальность происходящего сейчас. Я не виню тебя в этом, но прошу услышать меня... подумать над моими словами. Баланс сил вновь смещается. То, что сидит на верхушке, вновь изменится. Очень скоро.

Его голос зазвучал резче.

— У Галейта имелись свои недостатки. Он во многом был слишком амбициозным и не ценил свободу воли наших людей. Он также слишком заиклился на том, чтобы реализовать своё видение ситуации с людьми.

Он тихо щёлкнул языком, сделав плавный жест рукой.

— ...и все же... и все же... он весьма эффективно организовывал всех наших людей. Он сводил к минимуму разногласия, эффективно использовал перемирия. Он разработал компромиссы с людьми, благодаря которым они не слишком резко реагировали на продолжавшееся существование видящих в их мире. И самое главное,

он создал порядок в Барьере, — Салинс слабо улыбнулся Ревику. — Я понимаю, что за это мы во многом должны поблагодарить тебя.

Ревик нахмурился, все ещё глядя в огонь.

Салинс испустил очередной вздох, щёлкнув языком.

— Без Галейта в преддверии Смещения нам нечего ждать, кроме хаоса. Териан сделает только хуже. Ему недостаёт силы Галейта. Ему также недостаёт способности вдохновлять людей, которая имелась у его предшественника.

Ревик не поднял взгляд, но задумался.

Он отрывисто кивнул.

— Это верно.

— Мы вновь на одной стороне, Ревик, — сказал Салинс, — хотя сейчас, возможно, ты этого не видишь. Териан сам по себе испарился бы со временем. Он был лишь формальным лидером, даже с его связью с Дренгами.

Покачав головой, он тихо добавил:

— Но если он найдёт способ контролировать мальчика через твою пару... если он завладеет *Мостом* вдобавок к мальчику... все изменится.

Салинс встретился с ним взглядом, его глаза теперь сделались острыми, как осколок фарфора.

— Ты обязан убить мальчика, Ревик. Мои люди могут справиться с Терианом, — его пальцы указали на грудь Ревика. — Это мой единственный контракт с тобой. Убей мальчика, и мы в расчёте.

Ревик не ответил. Он поймал себя на том, что обдумывает слова видящего, ищет изъяны, какой-то подвох. Он ничего не мог найти.

— По рукам, — сказал он, один раз кивнув. — Мы заключили сделку, — он улыбнулся пожилому видящему уголком губ. — И тебе стоило торговаться получше, Салинс. Это я сделал бы и бесплатно.

Он поднялся на ноги, с трудом выпрямившись.

— Один последний момент, — сказал Ревик, глядя на Салинса. — Если это важно, — в ответ на соответствующий жест

Салинса он сказал: — Откуда тебе вообще известно о мальчике? Твои люди наблюдали за мной ранее? Или тебе известно о том, что случилось в Сиккиме?

Салинс не колебался.

— Со мной связался сам Териан, — сказал он. — Он явился сюда в поисках материала по первой войне... по Сайримну в частности. Он хотел нашей помощи. Он хотел её так сильно, что явился сюда лично, и мы сумели получить достаточно отпечатков его света, чтобы отследить его впоследствии.

— Зачем? — спросил Ревик, искренне удивившись.

Салинс сухо улыбнулся.

— Ну, если не считать того, что у него имелась единственная прямая связь с Дренгами, он вёл себя подозрительно. Крайне подозрительно... и его вопросы были слишком направленными, слишком точными, чтобы представлять чисто академический интерес.

— Нет, — сказал Ревик, хмуро качая головой. — Я не спрашиваю, зачем вы его отследили. Зачем он пришёл к вам? Записи по Сайримну предельно ясны — и Барьерные, и остальные. Рисковать и раскрывать себя — не в его духе.

Салинс сделал неопределённый жест рукой.

— На этот вопрос у меня нет ответа. Но он очень интересовался психологическим профилем Сайримна. Он хотел получить детальные сведения из первоисточников, касающиеся его мотивов, страхов, сильных сторон, слабых сторон. Любых возможных триггеров или нестабильностей.

Ревик почувствовал, как его горло сдавило.

— Что вы ему сказали?

— Очень мало, — сказал Салинс. — Он не союзник, хотя он хотел завязать со мной отношения. Это с Галейтом у нас было, скажем так... понимание.

Ревик стиснул зубы.

— Что вы ему сказали? — повторил он.

Салинс вздохнул.

— Буду прямолинеен. Он хотел знать об обычаях образования пары у Элерианцев. Он хотел знать, может ли наличие спутницы женского пола успокоить его... или есть какой-то другой способ, который сработает лучше.

Ревик почувствовал, как от его лица отлила вся кровь.

Он знал. Каким-то образом он знал, даже в той школе Сиккима... ещё даже до того, как он увидел, как этот маленький монстр касается её. Ребёнок нацелится прямиком на Элли.

Териан был лишь его мальчиком на побегушках.

Салинс моргнул своими почти прозрачными веками, всматриваясь в лицо Ревика. Словно придя к какому-то заключению, он скрестил руки.

— Я пытаюсь помочь тебе, племянник. И предостеречь тебя. Этот мальчик, кем бы он ни был... похоже, он видит себя истинным супругом твоей пары. В результате он посчитает тебя прямой угрозой, — Сарк помедлил. — Териан не представляет, с чем он имеет дело. Мальчик был один... слишком, слишком долго. Он не сумеет контролировать себя. Есть вещи, которые тебе, возможно, ещё не представилось возможности узнать о своей жене.

Вновь помедлив, он смягчил свой тон.

— Элерианцы — не Сарки, Ревик. Они связываются с созданиями не так, как мы.

Ревик старался держаться за логику, думать об этом рационально, но осознал, что вспоминает её свет и то, что он делал с ним. Не только в первый раз, но и всякий раз после этого. Её свет не переставал искать в нем какую-то многоплановость, которую Ревик не мог ей дать. Избегая боли, угрожавшей подняться в нем, он вернул свой взгляд в комнату, выдернув себя из Барьера.

Он жестом показал пожилому видящему, что понимает.

— Ты сказал, они уехали из Азии, — сказал Ревик. — Где именно они находятся?

Салинс слабо улыбнулся.

— Полагаю, Териан посчитал это маловероятным местом, — сказал он. — В некотором роде так и есть... и логично, что он повёз её туда, где чувствует, что сможет защитить её, — он посмотрел

этими туманными глазами в глаза Ревика. — Они на пути к материку Соединённых Штатов. Мы ещё не определили конечную точку назначения, но мы работаем над этим.

Ревик кивнул, отступая к двери.

— Мы можем выехать отсюда к концу дня? — спросил он. — Я бы предпочёл заняться тактическим планированием в пути.

Мысленно он уже просчитывал время.

Отсюда до большинства районов Соединённых Штатов минимум двадцать часов. Возможно, больше, в зависимости от вида транспорта, времени на сборы и того, как долго добираться до посадочной полосы, которая обслуживала ту часть... черт знает чего.

Салинс показал утвердительный жест.

— Конечно. Врег окажет тебе содействие.

Увидев суровый взгляд Ревика, Салинс тихо щёлкнул языком.

— Он понимает важность этой миссии... и он верен Мосту.

— Я главный, — сказал Ревик. — Это не обсуждается, Салинс. Они будут делать, как я скажу, или я отправлюсь один.

Салинс слабо улыбнулся, затем поклонился ему в официальной манере.

— Ты главный. Конечно, племянник.

Его улыбка сделалась более деликатно, содержа оттенок, который Ревiku совсем не нравился.

— ...И все именно так, как должно быть, — мягко процитировал пожилой Сарк.

Глава 35

Падение

Ревик вышел из лифта на главный этаж. Немного уплотнив щиты вокруг себя, он осмотрел похожее на ангар пространство.

Внезапно он ощутил подозрение, но у него не было времени стесняться. Он простёр свой свет и почти мгновенно нашёл Врега. Отключившись, он поискал его глазами, различив его фигуру в униформе среди группы одинаково одетых видящих.

Но прежде чем Ревик успел направиться туда, кто-то схватил его за руку.

Он резко дёрнулся, поворачиваясь.

Он наполовину готов был драться.

Вместо этого он осознал, что смотрит в глаза орехового цвета, которые не ожидал увидеть вновь. По крайней мере, живыми.

— Ревик? Ревик! Иисусе... Что ты здесь делаешь?

Голос человека переполнился облегчением.

— Черт, как же здорово видеть тебя! Но что случилось с твоей ногой, мужик?

Ревик тупо уставился в лицо Джона.

Почему-то встреча лицом к лицу с этим человеком, приёмным братом его жены, совершенно выбила его из спокойного состояния и лишила возможности линейно мыслить. Ревик не признавался в этом даже самому себе, но он предполагал, что Джон и Касс мертвы или как минимум захвачены американцами.

Но дело не только в этом. Открытое лицо и свет человека, его явная радость от встречи с ним, ударили как кулаком в лицо.

Джон отпустил его руку.

Он посмотрел на него, его улыбка дрогнула. Его взгляд заметил внешний вид Ревика, выражение его лица.

— Ревик, дружище... что происходит? — спросил Джон. — Где

Элли? Она здесь?

— Не, — ответил он.

Ревик прочистил горло, но осознал, что ему сложно говорить. Он все ещё пытался подобрать слова, когда по другую сторону от него появились двое других, которые ещё сильнее выбили его из равновесия.

— Ревик! — Касс вскочила, широко раскинув руки. Она выглядела иначе — почти как до событий прошлого года, хоть и со шрамом на лице.

Она выглядела почти счастливой.

— Ревик! Ты здесь! Слава богам!

Прежде чем он успел убраться с дороги, она кинулась на него, стискивая в объятиях. Ревик просто стоял, не шевелясь. Сам того не желая, он встретился взглядом с мужчиной, который шёл позади неё. Балидор тоже улыбнулся ему, но эта улыбка отражалась на более эмоционально сложном лице.

Его глаза были полны выражения, когда он ласково похлопал Ревика по плечу после того, как Касс его отпустила.

— Рад видеть тебя, брат, — произнёс он. Его слова прозвучали так, словно он действительно имел это в виду.

Ревик подумал о вопросе, но так и не озвучил его.

Балидор всего равно ему ответил.

— Нас осталось мало, — только и сказал он.

Ревик окинул взглядом гигантский ангар, словно впервые его увидел. Он осознал, что больше половины помещения занимали, видимо, беженцы из Сиртауна. Устроившись на полу с одеялами и покрывалами, рядом с кучками разбросанных личных вещей, коврами и едой, кухонными принадлежностями и даже домашними животными, они, похоже, собирались провести здесь минимум ночь, а возможно, и остаться до тех пор, пока не будет безопасно вернуться домой.

При условии, что дом вообще когда-нибудь станет таким. Безопасным.

— Не может быть, чтобы это были все, — сказал он.

Балидор сделал утвердительный жест.

— Не все, — сказал он. — Многие отправились в Дели. Другие ушли глубже в горы, или к друзьям и родственникам в Китае. Некоторых транспортировали за границу те, что остались от американцев. Это всего лишь одно из мест.

Ревик посмотрел на него.

— Адипан?

— Содействует беженцам. Я послал большинство из них обратно в Памир. Пока что, — он колебался. — ...включая Вэша, — добавил он. — И Тарси тоже. Большую часть Совета. Несколько других из числа старших монахов. Тех, которых мы не можем потерять.

Ревик безмолвно кивнул. Он понимал долг Адипана.

Голос Джона заставил его вновь перевести взгляд.

— Где Элли? — резко спросил Джон. Он смотрел на Ревика, когда тот повернулся. — Ревик? Где она? Почему она не с тобой?

Касс посмотрела на Джона, затем на Ревика, отпустив его рукава, за которые она до сих пор цеплялась. Нахмурившись, она сделала то же, что и Джон — окинула Ревика свежим взглядом. Её глаза остановились на гипсе на его бедре, на угле, под которым он стоял, затем вернулись к его лицу и выражению.

Она коснулась его руки — в этот раз нежнее.

— Ревик? — спросила она. — Ты в порядке?

Балидор тоже пристально смотрел на него. Судя по выражению лица лидера Адипана, Ревик подумал, что он мог читать его.

Ему было все равно. Он не хотел вести этот разговор.

Одно дело — тактически обсуждать случившееся с Элли с кем-то вроде Салинса. Он не мог сейчас справиться с эмоциональными реакциями её друзей или выражением, которое появится на лицах Касс и Джона, когда он скажет им, кто её похитил.

После случившегося годом ранее он не мог предсказать, как они отреагируют.

И он не мог помочь им с этим.

— Вам лучше остаться здесь, — произнёс Ревик после слишком долгой паузы. Он посмотрел на Балидора. — Ты останешься? Поддержишь порядок вещей здесь?

Судя по выражению лица Балидора, лидер Адипана его все-таки прочёл. Что-то в его глазах померкло вопреки маске разведчика.

— Конечно, брат. Я в твоём распоряжении. Ты не хочешь, чтобы я отправился с тобой?

Ревик подумал над этим в течение долгой паузы, затем покачал головой, взглянув на беженцев, сбившихся в кучу в другой половине ангара.

— Не для этого, — сказал он. — Ты бы мне пригодился, но... нет. Благодарю тебя за предложение.

— Кто-то из моих людей? Здесь в общей сложности их десять.

— Салинс предложил мне людей.

Балидор колебался, затем сделал короткий жест, показывая, что понял.

Джон и Касс переглянулись.

Когда Ревик на них не посмотрел, они вдвоём перевели взгляд широко раскрытых глаз на Балидора. Джон, кажется, уловил это первым, что не удивило Ревика. Несмотря на ошейник, он многое увидел в двух ближайших друзьях Элли, пока они втроём были пленниками Териана. Хоть Джон и был человеком, временами он обладал способностями почти-видящего.

Более того, Ревик не раз задавался вопросом, может, пока они росли вместе, Элли как-то реструктуризировала его свет, сознательно или нет.

Но мысль о ней принесла очередной жёсткий импульс боли, такой сильный, что Балидор вздрогнул, затем стиснул его руку.

— Брат, — мягко произнёс он. — Где она?

Ревик сделал неопределённый жест.

— Штаты, — ответил он сиплым голосом.

Он взглянул в сторону, увидев, что Чандрэ подходит к ним из-за Джона.

Он нарочито сосредоточился на ней, стараясь взять себя в руки. Проще было встретиться с её суровыми глазами, маской разведчика, которую она носила как вторую кожу. Посмотрев на остальных, Ревик тут же пожалел об этом. Джон выглядел так, будто ему кто-то врезал по лицу. Когда Ревик больше ничего не сказал, человек выпалил:

— Я еду с тобой.

— И я тоже, — раздался голос Чандрэ.

Ревик повернулся, посмотрев на Чандрэ.

Должно быть, Балидор сказал ей. Он уже собирался ответить им отказом, что они, черт подери, никуда с ним не поедут, когда Касс вдруг заговорила, привлекая его взгляд.

— Мы останемся здесь, — сказала она.

Она по-свойски взяла Балидора под руку, вцепившись в его рукав. Лидер Адипана выглядел немного удивлённым, но не отошёл и не попытался высвободиться из хватки Касс.

Её выражение было более собранным, а в глазах не так сильно проступил тот опустошённый взгляд, как у Джона.

— У меня здесь есть работа для этой большой шишки Адипана, — сказала она. — Мы поможем тебе отсюда, Ревик. Просто верни Элли.

Ревик посмотрел на них всех, но едва мог что-либо видеть. Глядя на них, он ничего не чувствовал, не мог осмыслить то, что видел на их лицах. Он чувствовал, что его свет закрывается от них, но ему уже было все равно.

Он лишь хотел держать их подальше от себя. Убрать со своей дороги.

— Ладно, — сказал он.

Не произнеся больше ни слова, он зашагал.

Он прошёл через них и дальше, направляясь в ту сторону, где в последний раз видел Врега. Пройдя посередине коридора между рядами боевых самолётов, он попытался включиться обратно в рабочий режим, выйти из той спирали, по которой он начал скатываться, как только увидел эту четвёрку.

Хромая, Ревик сосредоточился на ноге, затем на всем остальном.

Теперь он знал, куда Териан забрал её.

Они получили информацию как раз в тот момент, когда Ревик прощался с Салинсом. Проникнуть внутрь будет непросто. Проникнуть таким способом, какого не ожидал Териан, будет ещё сложнее.

Терри будет ждать его; он ясно дал это понять.

Ревик подошёл к Врегу. Он подождал, когда старший видящий поднимет взгляд, затем прочистил горло, оценивая непрозрачные черные глаза.

— Салинс говорил с тобой? — спросил он.

Врег показал утвердительный жест, поклонившись с одной рукой.

Ничто из этого не казалось саркастичным и не демонстрировало затаённой злости. Вместо этого он казался готовым, внимающим и уважительным.

Как будто того утра и не было.

Ревик сухо подумал, что про эту группу можно с уверенностью сказать одно — они уважали иерархию подчинения.

По правде говоря, он немного скучал по этому.

— Теперь у вас есть полный доступ к конструкции, сэр, — сказал Врег, вновь без тени неуважения или даже чрезмерной холодности. — Я взял на себя смелость начать предварительный сбор оборудования и тактическое планирование для входа в воздушное пространство США. Из слов Отца Салинса я понял, что вы хотите отбыть быстро. Я не хотел ждать, когда вы освободитесь, чтобы задать очевидные вопросы.

Ревик кивнул.

— Я ценю это, — он позволил другому видящему почувствовать, что он говорил правду. — Ты подобрал команду? — спросил он.

Врег показал утвердительный жест.

— Лишь первичный состав, конечно же, — он показал на группу в униформе, толпящуюся напротив зоны беженцев. — Они ждут

вашей оценки. У нас в общей сложности примерно восемьдесят разведчиков, так что у вас есть некоторая свобода выбора.

— Восемьдесят? — Ревик немало удивился. — Так много?

Врег показал утвердительный жест.

Он добавил:

— Пршрое, ранги видящих, специализированные навыки — все находится в защищённом разделе конструкции. Я подожду вашего окончательного списка перед тем, как проводить предварительные брифинги.

— Что мне нужно в плане ключей для получения соответствующей информации?

Врег показал ему набор символов в пространстве. Они были достаточно сложными и многомерными, чтобы Ревик невольно одобрительно кивнул.

— Спасибо.

Он уже собирался подключиться, когда ощутил лёгкий тычок с другой стороны.

Он повернулся, встретившись с серыми глазами Балидора.

Они последовали за ним. Супер.

Балидор посмотрел на него, и в его глазах виднелось предупреждение.

«Осторожнее, брат», — послал он буквально шёпотом.

Разум Балидора поддел его сознание, показывая на свет конструкции.

Ревик проследил за его мысленным взором туда, куда показывал лидер Адипана.

В течение паузы, показавшейся долгой... он колебался.

Он просканировал извивавшиеся там серебристые нити, вплетённые в структуру самой конструкции. Существовать внутри конструкции — как и сам Ревик, просто потому что он находился в оплоте Салинса — это не то же самое, что использовать конструкцию. Чтобы получить доступ к закрытым участкам и манипулировать наслоённым светом как инструментом, ему придётся

открыться, резонировать со схемой в целом.

В некотором роде ему придётся стать единым с конструкцией.

Сканируя характеристики серебряных нитей, образывавших мета-структуру конструкции, Ревик понял, что именно означало предупреждение Балидора.

Там жил свет Дренгов.

Он густо плыл внутри конструкции, как и в свете Салинса — почти такой же насыщенный, каким он помнил его в Пирамиде. Что бы там ни говорил Салинс, что Териан поддерживал единственную прямую линию с Дренгами после крушения Пирамиды, он немного лукавил. Здесь тоже присутствовала их сила. Она отдавала немного другим привкусом. Она также была менее очевидной, словно их свет доходил до конструкции через обширный фильтр.

Отпечатки Дренгов оставались неопровержимыми.

Уставившись на этот свет, Ревик внезапно увидел Элли, стоявшую перед ним в грязном дворике. Рука Териана сжимала её горло, и она балансировала на цыпочках. Она была голой, покрытой синяками, многие из которых оставил он сам. Она орала на него, хоть Териан и держал её за ошейник... говорила ему не беспокоиться о ней.

От вида её, так близкой к нему, такой реальной вопреки расстоянию между ними, все обрушилось на Ревика.

Его сердце болело — болело так сильно, как ничто и никогда за всю его жизнь.

Однажды он сказал Териану, что переметнётся, если придётся.

Где-то в этом мгновении колебания Ревик осознал, что его разум принял решение ещё до того, как он на самом деле обдумал вопрос.

— Брат Ревик! — сказал Балидор вслух.

Ревик не повернулся, но крепче стиснул зубы.

Смахнув лидера Адипана из своего света, он взял ключи, предоставленные Врегом, теперь уже разозлившись. Не глядя ни на кого, он позволил серебрястым нитям резонировать с его *aleimi*, игнорируя тревогу, которую он ощущал от Балидора... и дрожь, которая пробежала по нему от того, как легко данная частота все ещё

встраивалась в его собственную структуру.

Через считанные секунды Ревик осознал, что адаптирует их вес, перестраивает себя с учётом этой добавившейся структуры, с учётом умножения его света от того, что держало бразды на другом конце.

На мгновение он замер совершенно неподвижно, глядя в перспективу, на которую он не смотрел уже лет сорок.

Такое чувство, будто ему суждено находиться здесь.

Ощущалось это как возвращение домой.

Глава 36

Принадлежащая

Я не могла видеть. Вспышки полыхали перед моими глазами, ослепляя меня.

Я ощутила слабую благодарность за то, что на мне есть одежда, хотя я знала, что это помогало лишь относительно. Наплыв тел толкал в направлении, противоположном тому, куда я пыталась идти, зажатая между охранниками и державшая скованные руки перед лицом.

Люди трогали меня везде, куда могли дотянуться, и они не очень-то деликатничали. Я слышала треск рвущейся одежды, ощутила, как их пальцы ласкают голую кожу. Я знала все это в какой-то части сознания, но продолжала смотреть прямо перед собой, стискивая зубы, чтобы сохранить спокойное выражение.

Я стала одной из тех персон в новостях — тех, которые способствовали продажам таблоидов и просмотрам основных сетей. Тех, над чьими фотографиями красовались кричащие заголовки. Тех, которые всегда умудрялись выглядеть обкуренными в то мгновение, когда камера ловила неподвижный образ их реальных лиц, не скрытых аватарами.

В моем случае это правда.

Прежде чем вертолёт приземлился, Териан вогнал мне в шею ещё один полный шприц чего-то там.

Это сработало на мне практически мгновенно, одурманив ещё до того, как он закончил расстёгивать ремни, удерживавшие меня в смиренном кресле в задней части военного транспорта. Когда он помог мне выйти за дверь, я едва не упала, накренившись в сторону, пока он не стиснул рукой мою талию и не дёрнул меня вверх.

Уверена, в массовых лентах я выглядела пьяной или совершенно распутной.

На моем изображении, конечно же, не будет аватаров.

Я была террористкой; они могли безнаказанно показывать моё настоящее лицо. Даже мёртвые люди имели больше прав на сокрытие

их настоящей внешности, чем я. Я никогда больше не сумею поддерживать анонимность в мире видящих или людей.

Если так подумать, у меня никогда и не было этой анонимности.

Однако эти изображения будут актуальными. Те фото, которые новостные ленты транслировали после смерти моей мамы, относились к периоду старших классов и колледжа. Мои волосы были не такой длины, не такого цвета, даже не такой текстуры. Моё лицо теперь выглядело иначе. Более худым, угловатым. Мои скулы сильнее выделялись.

Если верить Джону, мои глаза даже поменяли цвет.

О, и я стала выше.

Скандинавский Териан оставался подле меня, пока мы протискивались через толпу репортёров, ждавших на вертолётной площадке Белого Дома. Он крепко обхватывал меня рукой, пока охранники вели меня по газону Белого Дома в знаменитое здание.

Никто не заметил мальчика, шедшего за нами по пятам.

— Вы можете объясниться? — произнёс резкий голос.

Я подняла руки в наручниках, растопылив пальцы и моргая от ультра-яркого света. Териан схватил цепочку между наручниками и опустил мои руки обратно на колени. Я с трудом сосредоточилась на репортёре.

— Прошу прощения?

— Как вы оправдаете себя? — спросила блондинка. Её органическая гарнитура пульсировала ярко-синим цветом, который говорил мне, что каждое моё слово, даже сказанное шёпотом, скорее всего, услышат миллионы людей.

Оправдать себя? Я поразилась. Она ожидает, что я на это отвечу?

Даже под наркотиками ситуация казалась нелепой.

Диваны с узором «огуречик» стояли лицом друг к другу, между ними находился журнальный столик из полированного клёна. На

столике стоял фарфоровый чайный сервис, а также серебряный поднос с бутербродами из огурца и хумуса. Мы с Терианом сидели в Овальном Кабинете на двухместном диванчике, стратегически расположенном между двумя диванами, прямо перед журнальным столиком.

Самый знаменитый обитатель Овального Кабинета не присутствовал.

Скандинав отрешённым жестом прикоснулся к ошейнику на моей шее, позируя для камер, снимавших на заднем плане — серьёзный, задумчивый, привлекательный.

— Не уверена, что вы имеете в виду... — начала я, взглянув на него.

Женщина повысила голос и заговорила медленно, словно считала меня глухой или, может, слабоумной.

— Вы считаете себя террористкой? — сказала она.

Я представила драматичную музыку, раздавшуюся на фоне её смелого вопроса кровожадной видящей, после чего на экране покажут крупным планом её решительное, праведное лицо. Я не улыбнулась, но какой-то циничной части меня хотелось это сделать.

Однако Териан тренировал меня перед интервью. Он предупредил, что если я буду выглядеть хоть сколько-нибудь забавляющейся, это выставит меня как минимум высокомерной.

А в худшем случае — откровенно сумасшедшей.

Конечно, я знала, кто она такая. Я выросла, видя людей вроде неё на экране телевизора в своей квартире в Сан-Франциско. Я даже время от времени смотрела новости в Индии. Она — одна из тех журналистов, которые заработали репутацию, задавая острые вопросы и *добираясь до правды*. Однако я не знала никого, кто верил бы в это, даже когда я жила в Сан-Франциско.

Новостные ленты большую часть времени напоминали театр и пропаганду.

Однако именно эта женщина в частности всегда действовала мне на нервы.

У неё был голос, напоминавший твякающую маленькую шавку, а лицо переделывали столько раз, что она выглядела как восковая

кукла. В то время, когда я сильно пила после того, как Джейден изменил мне с той ужасной фанаткой, я время от времени использовала новостной канал этой женщины как будильник. Её голос был одним из тех звуков, ради отключения которого я выбиралась из постели, вопреки любому похмелью.

Ещё не зная о том, что я видящая, я понимала, что новостные ленты полны вранья. Все мои человеческие друзья тоже это понимали. Я просто не осознавала масштабы.

Моя мама говорила мне, что так было не всегда.

— Ты меня слышишь? — переспросила твякающая шавка, её голос прозвучал резче. — Ты террористка, Элисон? Или этот вопрос вызывает у тебя дискомфорт?

Я взглянула на Териана.

Он спокойно сидел в своём тёмном костюме, все ещё отрешённо глядя мою шею пальцами. Я знала, что этот жест тоже делался нарочно. Тело, которое он носил, выглядело как мужская секс-кукла, способная принимать нужную позу. Он выглядел абсурдно привлекательным и таким белым, что просто обязан быть человеком.

Ну, или так подумают новостные ленты.

Я подавила желание поддёрнуть вверх глубокий вырез сарафана, в который они меня запихнули, и импульсивно, неосознанно скрестила ноги, хотя знала, что это лишь ещё сильнее сексуализирует мою внешность. Мои ноги были обуты в сандалии, ленточки обвивали мои голые лодыжки.

Териан, наверное, одел бы меня в клубное платье без верха с панелями виртуальной реальности, если бы ему сошло это с рук.

Однако согласно пресс-секретарю и другим сотрудникам Министерства Обороны, им нужно, чтобы я выглядела безобидной.

Им нужно, чтобы я казалась максимально хрупкой и женственной.

Я гадала, насколько хорошо мои синяки будут различимы в национальных новостях.

Я прочистила горло.

— Нет, — ответила я. — Это не вызывает у меня дискомфорта. Я

просто не уверена, что именно вы имеете в виду.

— Что я *имею в виду*? — она фыркнула с неприкрытым презрением. — Я имею в виду... ты взорвала корабль, Элисон. Что ты чувствуешь, убив всех этих невинных людей?

— Эммм... нет, — сказала я. — Я не взрывала корабль.

Я посмотрела на стеклянные двери позади неё, тоскливо уставившись на зелёные газоны и сады. Я вытерла лицо руками в наручниках, затем тут же пожалела об этом, осознав, что только что во второй раз привлекла к ним внимание камер.

— Слушайте, — сказала я. — Все это было большой ошибкой. Я думала, вам это известно. Я думала, вы доказали, что за случившимся стоял Кейн?

Женщина бросила на камеру понимающий взгляд.

— Конечно. Непременно. Потому что все мы *знаем*, что у людей есть доступ к сверхъестественным способностям.

— У вас есть доступ к взрывчатке, — прямо сказала я.

Женщина бросила на меня прищуренный взгляд, словно кокер-спаниель внезапно заговорил по-английски. Я увидела, что пресс-секретарь, стоявший за оператором, замахал Териану руками. Когда Териан поднял взгляд, человек принялся показывать жест «прекращай», водя пальцем себе по шее.

— Думаю, Элисон хочет сказать следующее, — ловко вклинился скандинав Териан, отрешённо отмахнувшись от мужчины. — Есть и другие объяснения случившемуся, Донна.

— Хотите сказать, Пентагон *верит* в её историю? — фыркнула женщина.

При взгляде на Арийскую Секс-Куклу Донна едва не задыхалась.

Териан пожал плечами, слабо улыбнувшись. Он пожимал плечами как человек.

— Мы расследуем это, — сказал он. — Скажем так, мы детально пересмотрели её показания и пока не готовы отмахнуться от улик, которые обнаружились в процессе. Очевидно, может существовать другое объяснение тому, что произошло.

Женщина обольстительно улыбнулась ему, затем задумчиво

посмотрела на меня. Словно прочитав мои мысли ранее, она наклонилась ко мне, положив руки на свои колени и стиснув пальцы.

— Но разве ты не *встречаешься* с одним из террористов, Элисон? — она улыбнулась.

Я понимала, что это должна быть заговорщическая улыбка. Может, будто мы всего лишь две девушки, говорящие по душам. Пока за этим наблюдают миллионы людей.

— Ты знаешь, кого я имею в виду, — игриво протянула она. — Он стал объектом национального помешательства после атак в прошлом году...

В пространстве виртуальной реальности позади неё появилось изображение Ревика.

По мере того, как женщина говорила, оно сменялось другими изображениями, показывавшими разные углы, и даже наши совместные фото из Ванкувера. На изображения накладывался текст, адреса в виртуальной сети, фото горящего корабля у побережья Аляски, чертёж квартиры Ревика в Лондоне, а также кадры того, как старый слуга Ревика взорвал здание.

— Вам двоим посвящены целые каналы, — продолжала женщина все ещё тошнотворно игривым тоном. — Вы практически Бонни и Клайд мира видящих. Конечно, ты в курсе, что некоторый незрелый фрагмент человеческого мира считает вас двоих восхитительными?

Я выдохнула.

— Нет, не особенно.

Хотя я знала, как-то раз.

Я забыла обо всем этом, потому что когда это началось, Джон и Касс пропали, мою маму убили, и я считала, что Ревик погиб. Тогда мне было совершенно похер на все это.

Слова женщины как будто вторили моим мыслям.

— Конечно, легко романтизировать того, кто мёртв, не так ли, Элисон? А вот когда этот кто-то *жив* и является массовым убийцей, уже сложнее.

Когда я промолчала, она бросила на Териана вопросительный

взгляд, затем прочистила горло.

— Так ты все ещё встречаешься с ним, Элисон? Или ты с тех пор уже двинулась дальше?

Я почувствовала, как мою грудь сдавило, пока я смотрела на изменяющиеся изображения.

— Встречаюсь? — услышала я свои слова. — Нет.

— Ты не поддерживаешь сексуальную связь с этим видящим? — скептически переспросила она.

Я поколебалась.

— Ну...

— То есть, видящие, возможно, не считают это отношениями, — самодовольно сказала женщина, скрестив худые ноги под короткой юбкой делового костюма. — Но для людей подобная связь подразумевает некоторые *отношения*, Элисон. Прожив среди нас столько лет, ты, конечно, это понимаешь...?

— Он мой муж, — выпалила я.

Я ощутила улыбку Териана, но когда я посмотрела на него, его лицо оставалось невозмутимым, глаза отражали лёгкое беспокойство и всматривались в моё лицо. Какая же образцовая особь вдумчивого мужчины. Не будь он настолько безумным, это было бы даже смешно.

Голос женщины заставил меня повернуться.

— Твой муж? — переспросила она. — Серьёзно...?

Я услышала в её голосе ликование. Оно лишь сильнее разозлило меня.

— Ага, — сказала я. — Мы женаты. Так что, мы, знаешь ли... не встречаемся.

— Где он теперь? — спросила женщина, снова заговорщически улыбаясь. — Разве видящие не славятся патологическим желанием защищать своих супругов?

Я взглянула на Териана.

В янтарных глазах виднелось предостережение. Он коснулся моего плеча одной рукой — жест, который, наверное, должен

показаться подбадривающим.

— Ага, — сказала я и посмотрела на женщину, затем на неё, на виртуальное изображение лица Ревика. — Ага, наверное, так и есть.

Я смотрела, как Териан пожимает руку репортёра, Донны.

Я стояла там как собачка, ждущая хозяина возле кофейни. Я ощущала лёгкую тошноту, наблюдая, как она флиртует с ним, не раз касается его руки, наклоняется к нему и прижимается своей скорее-всего-искусственной грудью к его боку.

Однако её взгляд то и дело метался ко мне, как будто пытаюсь препарировать меня на месте. Её взгляд был откровенным и чрезмерно интимным. Она не стеснялась рассматривать моё тело, словно запоминая его, чтобы потом каталогизировать.

Она наверняка предположила, что мы с Терианом спали вместе.

Черт, да это наверняка предположит большая часть цивилизованного мира, особенно после этой трансляции, но и это не совсем случайно.

Я видела спекуляцию в глазах женщины-репортёра и на мгновение ощутила благодарность за ошейник. Хотя бы мне не приходилось слушать, что думала эта мерзкая женщина.

Я избегала её взгляда, пока Териан заканчивал с командами журналистов и шёл в мою сторону. Улыбнувшись мне почти дружелюбно, он жестом показал охранникам вывести меня из Овального Кабинета.

Мы прошли по коридору к лифту, который выглядел почти антикварным — пока я не увидела органические модификации в панели управления и двойных дверях.

Он кивнул портье, сделав жест пальцами и показав вниз. Я ощутила, как мой живот ухнул вниз от осознания, что этот жест означал для меня.

Он вёл меня обратно в мою клетку.

Я едва заметила охранника, сопровождавшего нас.

Куда больше я задавалась вопросом, как он уговорил мальчика остаться в стороне.

Словно услышав мои мысли, Териан взглянул на меня.

— Следующую часть нам придётся проделать быстро, Элисон, — пробормотал он, сверяясь с дорогими наручными часами с органическим компонентом. — Боюсь, наш дорогой юный друг теряет терпение.

Судя по этому, я предполагала, что Нензи орал на Териана через Барьер.

Мгновение спустя я вспомнила, где мы находились.

— Щиты? — пробормотала я.

Весь Белый Дом был покрыт плотными Барьерными щитами, поддерживаемыми несколькими дюжинами видящих в штате Пентагона и Секретной службы. Нензи вообще не должен дотянуться до Териана через весь этот лабиринт.

— Боюсь, они практически бесполезны против него, — пробормотал Териан, скрещивая руки перед собой. Он посмотрел на потолок лифта, слегка покачиваясь на пятках, пока мы спускались. — Я пытаюсь с этим разобраться. Похоже, ему известно, как полностью обойти щиты. Я думал, что он, возможно, поможет мне создать своего рода улучшение...

— Мне прямо не терпится посмотреть, как твоя башка взорвётся, — сказала я.

Териан взглянул на меня, вскинув бровь.

Затем он усмехнулся вслух.

— Тогда, наверное, хорошо, что у меня есть несколько запасных, — он улыбнулся ещё шире, затем подмигнул. — Однако я бы не торопился аплодировать смерти этого тела, Элисон. Думаю, ты предпочла бы его нескольким альтернативам.

Прислонившись к стене лифта, я бросила на него скучающий взгляд и закатила глаза.

И все же его комментарий заставил меня понервничать, возрождая воспоминания, которые я предпочла бы подавить.

Посмотрев вниз, я повозилась с наручниками. Это самый близкий намёк на угрозу с его стороны после отъезда из Индии, по крайней мере, в плане изнасилования.

Нензи предельно ясно дал понять, что я недоступна ни для кого, ни для человека, ни для видящего, вопреки множеству предложений денег и других взяток скандинаву за несколько часов наедине со мной.

Териан нарушил правило Нензи лишь однажды, примерно через два дня после моего пленения. Выдав ребёнку какую-то отговорку про медицинские тесты, он забрал меня в изолированную комнату из органической стали, через которую, видимо, даже Нензи не мог ничего видеть, и продержал меня там несколько часов.

Хорошие новости — я была в ошейнике.

Одного раза оказалось достаточно.

Конечно, я подумывала сказать Нензи.

Териан сказал мне, что случится, если я так поступлю. Угроза оказалась простой, но эффективной. Он скажет Нензи, что мы с Ревиком не завершили процесс образования связи.

Тогда Нензи выследит и убьёт Ревика.

Нензи не мог прочесть меня через ошейник. Я вынуждена была предположить, что Териан мог удержать Нензи подальше от своего разума. Я бы сказала, что в основном он добился этого, переместив любые инкриминирующие воспоминания из одного тела в другое и скрыв их от Нензи.

В любом случае, я не могла рисковать, особенно зная, что Ревик, если он все ещё жив, скорее всего, уже на пути сюда — и я не знала, сколько ещё тел Териана маячит поблизости. Если их больше одного, то убийство этого тела не принесёт мне никакой пользы.

Однако это не значит, что я не думала об этом и не представляла, как будут выглядеть мозги Териана, разлетевшиеся кусками по тусклым обоям Овального Кабинета.

И все же я легко отделалась, и я это понимала.

Если бы здесь не было Нензи, я бы сейчас проходила через то, что вытерпела Касс... и даже хуже, потому что Териан захотел бы сделать это публичным для Ревика. Он сдавал бы меня напрокат

каждому неудачнику в Белом Доме, у которого нашлось бы несколько долларов, а затем позволил бы слухам и кадрам видеосъёмки просочиться прямо в новости.

Мы добрались до низа шахты лифта.

Двери издали тихий сигнал. После паузы, в течение которой механизм безопасности сканировал нас во второй раз, двери открыли перед нами тускло освещённый безликий коридор.

Териан гостеприимным жестом показал на открывшийся проем.

Я вышла вперёд него, и он позволил мне идти первой, сжав мою руку только перед тем, как мы вошли в комнату в конце туннеля с низкими потолками.

Большую часть прямоугольного пространства занимал овальный стол.

Вокруг него сидела группа людей в деловых костюмах, занимавших почти все кожаные кресла с высокими спинками. Я всё ещё стояла там, чувствуя себя, как собачка на выставке, когда Веллингтон поднялся со своего места во главе стола. Улыбнувшись, он показал на два свободных места.

— Присоединяйтесь к нам, — гостеприимно сказал он.

Я села туда, куда показал видящий-скандинав.

Я избегала взгляда пятидесяти-с-чем-то-летнего человеческого мужчины, который открыто уставился на меня.

Я не могла понять, выражал ли его взгляд отвращение или какое-то сочетание отвращения и похоти. Чем дольше он смотрел на меня, тем сильнее багровело его покрасневшее лицо. Его взгляд метался от моей груди к лицу и обратно. Я взглянула на вице-президента, пожилого мужчину с седыми волосами, который сидел слева от Веллингтона.

Его оценивающий взгляд оказался не таким неоднозначным.

Супер. Меня окружают возбуждённые расисты-люди.

Лицо Веллингтона послужило почти облегчением после того, как я посмотрела на остальных.

— Итак, — сказала я. — Что на ужин?

Комната притихла ещё сильнее, если такое вообще возможно.

Затем Веллингтон разразился смехом, который прозвучал искренним.

Сидевшая с ним человеческая женщина средних лет, с темными волосами и глазами орехового цвета, засмеялась вместе с ним. И скандинав тоже.

Посмотрев на эту троицу, я осознала, что все они были Терианами.

В каком-то отупелом неверии наблюдая, как они смеются, я подумала, что моя жизнь просто не может испоганиться ещё сильнее.

Конечно же, я ошибалась.

Глава 37

В клетке

Я проснулась, прижимаясь лицом к полу полу-органической клетки.

Мои запястья и лодыжки были прикованы к решёткам, вделанным в тот же пол; здесь не было даже цепей, предоставлявших свободу хоть какого-то передвижения.

Моя шея и спина болели так сильно, что я едва могла поднять голову. Я мучилась от жажды. Я не чувствовала пальцы на руках и не знала, то ли это от холода, то ли от нехватки циркуляции крови. Я опять была голой, что только усиливало чувство беспомощности.

А ещё это злило меня.

За исключением одного окна в стене передо мной, комната оставалась темной.

Неспособность использовать Барьер делала все плоским, двумерным.

Конечно, я помнила мир таким; не так давно я знала лишь мир без экстрасенсорного зрения. И все же разница была такой колоссальной, что я чувствовала себя одурманенной.

Конечно, от этого все становилось не таким болезненным, но чувство депривации ничуть не ослабевало, как и депрессия, которой оно сопровождалось.

Я вообще его не чувствовала.

Я наблюдала, как ночные облака проплывают за одиноким окном. Мне понадобилась ещё секунда, чтобы осознать — это вовсе не окно, а экран виртуальной реальности. Моя клетка находилась в недрах подвала Белого Дома. Мы слишком глубоко, чтобы видеть облака, вне зависимости от времени суток.

Похожий на окно вид — это всего лишь очередная ложь.

Я старалась сохранять спокойствие. Мысли о нём сейчас не принесут никакого прока, так что я отгоняла от себя эти мысли. Вместо этого я сжимала кулаки, глядя на пустой коридор и стараясь

не позволить своему разуму думать о чем-либо, кроме текущей ситуации.

Мне нужно отсюда выбраться.

Моей ноги коснулись пальцы, приласкали мою кожу.

Я прерывисто вдохнула.

Моё сердце забилось так сильно, что грудь заболела, и я напряглась, затем выгнула шею, фокусируя взгляд в тусклом свете.

На протяжении минуты я не могла ничего видеть.

Крайне странно было не иметь возможности использовать свой свет, чтобы компенсировать ограниченность моих физических органов чувств. Мне вновь приходилось ждать, пока мои глаза адаптируются после того, как я отвела взгляд от фальшивого окна.

В конце концов, я различила его лицо.

Он сидел в центральной части клетки, скрестив ноги. Его лицо выражало сосредоточенность.

Чем дольше я смотрела, тем ярче становились его глаза. Они светились бледно-зелёным, освещая округлые контуры его лица.

Выглядело это зловеще, на самом деле. Отчасти потому, что его глаза напоминали мои.

Они также напоминали глаза Ревика — ну или то, как Ревик выглядел после нескольких первых ночей вместе со мной в том домике в Гималаях. Даже в ошейнике я чувствовала, как какие-то части меня реагируют на воспоминания. Силой отбросив их от себя, я наблюдала за этими новыми радужками, пока мальчик полз по полу. Я не шевельнулась, когда он лёг рядом со мной.

Я все равно мало что могла предпринять, когда кандалы толщиной в дюйм приковывали меня к полу.

Пальцы мальчика коснулись моего лица, убирая волосы с глаз.

— Нензи, — произнесла я. Мой голос звучал хрипло. Я прочистила горло, стараясь выработать достаточно слюны, чтобы нормально говорить. — Что ты здесь делаешь?

Он ответил по-английски, потому что я сама заговорила на этом языке.

— Он ушёл. Ты спала, — он снова приласкал моё лицо, и его пальцы задержались на моем подбородке. — Тебе больно? Ты все ещё мучаешься?

Я рефлекторно попыталась посмотреть на своё тело.

Я увидела бледную плоть, синяки, что-то напоминавшее порезы. Я сама себе казалась худой. Моё обоняние одновременно притупилось и тошнотворно обострилось. Компонент *aleimi* в моем обонянии пропал, но физические запахи буквально душили меня. Должно быть, я писала через решётку под собой, потому что ощущала этот запах.

Но на самом деле мне не было больно, если не считать ошейника. Остальной дискомфорт вызывался связанным положением, неспособностью шевелиться, а также ссадинами, которые металл натёр на моей коже.

Задумавшись на мгновение, я покачала головой.

— Только шея болит. И я хочу пить.

Мальчик мгновенно отвернулся, завожившись с чем-то в темноте.

Я не удивилась, когда секунды спустя он поднёс к моим губам прохладный контейнер. Как только он открутил крышку, я стала жадно пить, глотая, пока он держал ёмкость у моих губ. Несколько минут я только пила, время от времени останавливаясь, чтобы сделать вдох и глотнуть. Затем я кивнула и жестом пальцев показала, что мне хватит.

Он поставил ёмкость на пол камеры.

— Спасибо, — я подняла на него взгляд, щурясь в тусклом свете.

Он погладил мою руку, затем мои пальцы. Я видела, как его лицо напряглось от какой-то сосредоточенности. Немного занервничав от увиденного, я отвела взгляд и упёрлась подбородком в решётку. Я гадала, читал ли он меня — или только пытался.

— Нензи, где ты был сегодня? — спросила я, когда он не отодвинулся.

Мальчик начал отвечать мне сериями сложных жестов руками, пока я сама не показала отрицательный жест. Я сохраняла спокойный тон.

— Я не понимаю, — в ответ на его пустой взгляд я пояснила: — Тебе нужно сказать мне. Говори вслух, как ты делал это ранее.

Меня все ещё сбивала с толку его неспособность прочесть меня.

Ревик говорил мне, что ошейники экстрасенсорного сдерживания только мешали ему пользоваться собственным светом; ошейник, который надет на мне, не должен был влиять на способность ребёнка прочесть меня.

Ревик также говорил мне, что он страдал от огромного количества боли разделения со мной, пока находился в заключении у Териана. Он говорил, что ошейник мешал ему контролировать это, так что на самом деле все было только хуже, временами совсем невыносимо.

Почему я ничего не чувствовала? И почему Нензи не мог просто вытащить ответы из моего сознания?

Если уж на то пошло, почему Териан не мог это сделать?

— Тесты, — сказал Нензи, как только складки на его лбу разгладились. — Они проводят на мне тесты. Они хотят провести ещё больше тестов... на нас обоих, — добавил он.

— Что за тесты? — спросила я, хотя уже знала ответ.

Он показал на свою голову, жестами обозначая пространство над местом, где мы сидели. В ошейнике я видела лишь воздух там, куда он показывал, но я понимала. Он имел в виду структуры над его головой. Телекинез.

Почти смущённо подвинувшись ближе, он сел рядом со мной, скрестив ноги у моей грудной клетки, пока я лежала на животе. После минутной паузы он легонько положил руку на мою спину, робко поглаживая кожу пальцами.

Я наблюдала, как он пристально смотрит на меня. Я закрыла глаза от интенсивности его взгляда.

— Нензи, почему ты смотришь на меня так? — спросила я.

Он улыбнулся. Было в этой улыбке что-то, от чего моё сердце разбивалось, от чего моя грудь болела. И все же я должна найти способ как-то воспрепятствовать этому. Желательно так, чтобы он не захотел раскроить мой череп надвое.

— Нензи, — сказала я. — Думаю, ты путаешь меня с кем-то другим.

Когда я подняла взгляд, он погладил меня по волосам. Касаясь меня поначалу робко, он постепенно становился все смелее, пропуская сквозь пальцы длинные, слегка вьющиеся пряди, аккуратно распутывая колтуны. Это немного напомнило мне Ханну... но ещё сильнее Ревика, который делал нечто подобное несколько раз, когда мы оставались наедине.

У нас у обоих бывали моменты, когда мы хотели лишь касаться друг друга.

Наверное, в этом скрывалось некоторое собственничество. Но эти действия также выражали любовь, привязанность, чувственность, и... думаю, в нашем случае это вызывалось тем, что мы наконец-то можем делать это друг с другом.

Ревика всегда привлекали мои волосы — по крайней мере, частично.

Я закрыла глаза, вытолкнув это воспоминание из головы.

Нензи подобрался поближе ко мне.

Он продолжал касаться моих волос, отодвигать их, чтобы погладить плечо и шею сзади, где её не закрывал ошейник. Я так устала, что едва могла думать и даже не пыталась остановить его, решив, что, наверное, лучше не злить его без весомых причин.

Я пробовала расспрашивать Териана о мальчике, конечно же. И не раз.

Единственный случай, когда мы относительно нормально поговорили об этом — это когда мы находились в федеральном изоляторе временного содержания. Нас заставили прождать больше восьми часов, пока они оформляли все бумаги для пропуска нас через Сдерживание Видящих в Соединённые Штаты. Нензи занял не меньше времени, чем я, наверное, потому что Териану пришлось впервые фальсифицировать все его данные.

Конечно, я была голой и прикованной к металлической лавке.

Териан был как обычно само очарование. Он плюхнулся рядом со мной на скамейку, улыбаясь. Его пальцы коснулись моей щеки, пока я не отпрянула.

— Ты pomoжeшь мне с нашим юным другом, — пробормотал он. — Делай его счастливым, да? Это пойдёт на пользу нам обоим.

— Ага, — я продолжала осматриваться по сторонам. Комната представляла собой камеру десять на десять с белыми стенами, а единственной мебелью здесь служила прикрученная органическая скамейка.

— Он знает, зачем ты на самом деле хочешь его заполучить? — спросила я.

Териан сделал жест «более-менее».

— Он знал достаточно, чтобы торговаться со мной за тебя, — светловолосый видящий склонил голову, чтобы посмотреть на меня. В этом теле это придавало ему немного распутный вид — опять-таки, он был почти мультяшно красив.

— И он прав, конечно же, — он улыбнулся. — Я не могу ожидать от него работы на полную мощь, когда его базовые потребности не удовлетворены, — он подмигнул мне. — Бедный парень и без того много страдал.

Я фыркнула.

— Ты правда думаешь, что я сумею контролировать серийного убийцу-подростка потому что... что? У меня есть женские половые органы?

Териан усмехнулся.

— Определённо.

Я решила просто спросить в лоб.

— Почему я, Терри? Почему он думает, что знает меня?

В янтарных глазах мелькнул проблеск любопытства.

— Знаешь, я сам задавался этим вопросом, — его взгляд прошёлся по моему телу, затем как будто обратился внутрь себя. — Твоя раса имеет значение, конечно же. Но он, похоже, весьма увлечён именно *тобой*... и убеждён, что знаком с тобой лично. И он многое о тебе знает, Элли-птичка.

Я поморщилась от этого прозвища.

Улыбнувшись, он пожал плечами, засунув руки в карманы.

— Мне очень не терпится узнать, что тебе удастся выяснить, — сказал он. — Как только вы двое познакомитесь поближе.

— Не бывать этому, — сказала я с предостережением в голосе.

Его губы растянулись в очередной улыбке.

— О, я вполне уверен, что это случится, — сказал он. — Я очень сомневаюсь, что он примет отрицательный ответ... во всяком случае, он не станет долго терпеть отказ. Видела бы ты, какие грязные мыслишки с тобой в главной роли он уже лелеет.

Его улыбка отразилась и в янтарных глазах, когда он увидел, как я поморщилась во второй раз.

— Он тот ещё маленький вуайерист, наш Нензи, — добавил он. — Он почти не спал, пока вы с Ревин' познавали друг друга в той лачуге. И скажем так, не только Ревин' получил удовольствие от некоторых увеселений...

Я снова поморщилась. Я постаралась не вспоминать выражение обожания в глазах ребёнка, когда он впервые увидел меня.

— Да ты, должно быть, шутишь, — пробормотала я.

— Да нет же, маленькая птичка.

— Бл*дь, да прекрати ты называть меня так!

В ответ на его радостную улыбку я прикусила губу. Моя мать называла меня птичкой, маленькой птичкой, Элли-птичкой. Та самая мать, которая по вине Териана истекала кровью бесконечно долгие часы. Я знала, почему он делает это, но это вызывало у меня желание убить его голыми руками всякий раз, когда он произносил это прозвище.

Он провёл пальцами по моей шее. Я отдёргнулась от его прикосновения.

— Он невероятно ревновал, знаешь ли, — добавил он мягко. — Не могу сказать, что виню его. Мне и самому не раз хотелось убить Ревин'.

Я сглотнула, усилием воли сохраняя молчание.

— Думаю, он успокоится, — размышлял Териан. — Да. Минет на ночь от его подружки должен привести вещи в порядок в его маленьком мирке.

Я невольно скорчила гримасу.

— Иисусе. Да ты действительно больной.

Он снова усмехнулся.

Теперь же, лёжа на полу другой клетки, я вспомнила, как в тот раз подумала, что Териан чего-то мне недоговаривает.

Проигнорировав пальцы мальчика в моих волосах, я вновь перебирала его слова, пытаюсь решить, не давал ли он мне намёка на истинную личность Нензи. Я все ещё понятия не имела, был ли он тем самым Нензи, который в итоге превратился в Сайримна.

Даже если он был тем самым существом... каким-то непостижимым образом... это не объясняло, почему он думал, что знает *меня*, и уж тем более не объясняло то, как он восемьдесят с лишним лет не старел.

Я старалась не думать об интервью с той репортёршей, а также о том, что его показали на всех главных новостных каналах.

Двумя днями ранее Мировой Суд легально отменил мой прежний статус. Теперь я принадлежала правительству Соединённых Штатов. Конечно, будут ещё слушания, ещё больше бюрократической волокиты. Другие человеческие правительства бились в истерике, особенно Китай. Но в мире видящих не осталось никого, кто мог бы воспротивиться этому — во всяком случае, легально. Совета Семёрки больше не существовало. Териан позволил мне посмотреть видеозаписи бомбёжки Сиртауна, которую устроили неизвестные, а также неожиданную атаку на американскую армию, которая пришла «помочь».

Это были американские СМИ, так что я не знала, насколько правдивы эти сведения. Насколько я знала, американцы сами могли устроить бомбёжку.

Однако образы Сиртауна казались неопровержимыми.

С официальным правительством видящих теперь покончено. Сиртаун теперь стал частью военной зоны и практически опустел.

Я знала, что это должно возглавлять список моих забот — и в некоторой мере так и было. Где Вэш, живы ли мои друзья, что Балидор сделал с Адипаном, кто мог погибнуть в сражении — все эти вопросы тоже не давали мне спать по ночам.

И все же на передний план то и дело выходили мысли о том, как Ревик видит меня в новостях, сидящую в Овальном Кабинете, избитую, одетую в платье с глубоким вырезом, макияжем и ошейником, а рука Териана обнимает мои плечи.

Я знала, что у Териана имелись свои причины провоцировать Ревика. Понимание этого не помогало делу, как и тот факт, что Ревик увидит это притворство насквозь.

Я резко дёрнула головой, и ошейник звякнул на моей шее.

Это причинило боль. Но это вернуло мои мысли к настоящему моменту. Это напомнило мне, где я нахожусь. Это также напомнило мне, что я слепа. Ревик не умер. Я просто не могла его почувствовать. И если судить по Нензи и Териану, то Ревик тоже не мог почувствовать меня.

Скорее всего, в этом и заключался смысл ошейника — не дать Ревiku отследить меня.

При этой мысли в груди зародилась физическая боль.

Затем его руки оказались на мне, как и накануне ночью.

Я попыталась вырваться из его пальцев, но бежать было некуда.

— Нензи, нет. *Прекрати!*

Его руки ласкали мою спину до самого низа, затем проходились по ногам. Я почувствовала, как напряглись его пальцы, когда я отодвинулась так далеко, как позволяли мне кандалы. Он приласкал внутреннюю сторону моих бёдер, затем его рука скользнула выше...

— Нет! — вскрикнула я, выгибая шею. — Прекрати! Я не хочу этого. *Пожалуйста, прекрати!*

После небольшой паузы он убрал руки, посмотрев на моё лицо.

Его глаза светились слабым, бледно-зелёным светом.

— Пожалуйста, — мягко сказал он, касаясь моей щеки. — Пожалуйста, Элли.

— Нет! — я показала пальцами резкий отрицательный жест. — Нет!

Его глаза закрылись. Он поймал меня за волосы, крепко удерживая их своими маленькими пальчиками. Другой рукой он

ласкал мою спину, и я видела, что он смотрит на моё тело, хоть я и избегала смотреть на него.

Теперь я осознавала, что на нем нет одежды... факт, которого я тщательно избегала, когда смотрела на него ранее. Я ощущала малый размер его рук, краем глаза замечала белизну его кожи, худую грудь и похожие на пауков кисти рук.

Он выглядел таким юным.

Я отпрянула под его пристальным взглядом.

— Пожалуйста, — сказала я. — Пожалуйста, оставь меня в покое.

— Что я могу сделать? — в его голосе послышалось раздражение. Сейчас он казался мне старше, как это бывало временами. Не столько напуганный мальчик, сколько... некто другой. Он ласкал моё лицо. Он попытался коснуться моих грудей, но я тоже отпрянула.

— Ты хочешь этого, — мягко сказал он. — Я это чувствую. Ты хочешь, чтобы я касался тебя, — его голос охрип от желания. — Чего ты хочешь?

Слезы навернулись на мои глаза, отчего я лишь сильнее разозлилась.

— Пожалуйста, *отпусти* меня!

— Отпусти? — в его голосе прозвучало удивление. — Отпустить куда?

Я прикусила губу. Если я упомяну Ревика, это лишь сильнее разъярит его.

— Куда угодно, где я не буду пленницей! — выпалила я. — Куда угодно, лишь бы не быть здесь, с ним.

Он вновь мягко прикоснулся пальцами к моей руке.

— Это потому что ты связана? — спросил он. — Мне нужно развязать тебя?

— Да, — сказала я, кивая. — Да. Развяжи меня.

Его глаза всматривались в мои. Он вновь казался взрослым, настороженным и слегка агрессивным. Но там присутствовало и

нечто иное. Нечто, что я почти узнала.

— Я мог бы все равно сделать это, — сказал он. — Я мог бы оттрахать тебя. Ты не можешь меня остановить.

Я вздрогнула от его слов. Мои челюсти сильнее сжались.

— Да, — сказала я. — Ты мог бы. Но мне это не понравится, Нензи. Меня будет тошнить от этого. Я буду считать тебя омерзительным, — я помедлила, давая своим словам повиснуть в воздухе. По его глазам я видела, что это влияет на него. — И *ты* мне больше никогда не будешь нравиться, Нензи. Никогда. Меня будет тошнить всякий раз, когда ты коснёшься меня. Я захочу блевать от этого.

Видя, как он ещё сильнее мрачнеет, я закусила губу.

— Я сделаю все, что ты захочешь, — выпалила я. — Мы можем быть друзьями. Просто сними ошейник. Развяжи меня и сними ошейник. Мы можем... — я слегка поперхнулась следующими словами. — ...заняться любовью. Затем мы сможем уйти отсюда. Мы сможем уйти вместе.

Свет пульсировал в его радужках.

На мгновение это вернуло меня обратно, к Ревику. Я осознала, что вспоминаю его лицо, как оно выглядело в темноте.

В глазах мальчика я тоже видела желание. Возможно, он подумывал принять моё предложение. Однако я не могла сказать точно и пока что не позволяла себе слишком задумываться на эту тему. Не имея доступа к своему свету, я лишь могла пытаться соединить точки, опираясь на его слова, язык тела, взгляд его глаз.

Ужасно раздражало смотреть в это бледное серьёзное лицо и пытаться решить, стоит ли мне сказать больше или просто хранить молчание.

В итоге он выпустил мои волосы и обмяк на полу рядом со мной.

Он лежал на спине, глядя в потолок.

Его ладонь устроилась в его паху. Я не смотрела вниз, не слишком-то радуясь перспективе наблюдать, как он удовлетворяет себя... но он этого не сделал. Вместо этого он посмотрел на меня. Его лицо находилось всего в футе от меня, поразительный зелёный свет в его глазах начинал гаснуть, его завитки как жидкость вращались в

крошечных венках его радужек.

Повернувшись набок, он подпёр подбородок одной рукой, все ещё всматриваясь в моё лицо, затем окинул взглядом остальное моё тело. Он протянул руку и начал гладить меня по волосам.

Его лицо выглядело уже не таким напряжённым.

— Я подожду, — сказал он. — Я не хочу, чтобы ты торговалась. Не ради него.

Мне не нужно было спрашивать, кого он имел в виду. Он говорил о Ревике.

— Ты полюбишь меня вновь, — произнёс он мягче. — Полюбишь.

Наблюдая, как в его темных радужках продолжает пульсировать то слабое зелёное свечение, я позволила ему гладить меня по волосам. Я понятия не имела, что я тут могла сказать.

Глава 38

Нензи

Это был день.

Когда я открыла глаза, я сидела прямо, а не была прикована в положении лёжа на животе на полу из органического металла. Не было темной, ледяной клетки шесть на восемь с ребёнком-видящим, лапающим мою голую кожу. Не было органических кандалов.

Но то, где я находилась, было нереальным.

Я сидела у водопада в виртуальной комнате с высоким куполом.

Два неприметных привратника сторожили двери. Они игнорировали меня, когда я сунула ногу в воду, наблюдая, как она течёт по моей виртуальной коже. Птицы порхали туда-сюда, ненадолго садясь на тонкие ветки маленьких деревьев перед тем, как снова взлететь.

Мои глаза поднялись вверх, к гигантскому солнечному куполу.

Через стекло я видела утёсы из красного камня, а за ними синее безоблачное небо. Пропорции комнаты были массивными; их сложно было постигнуть умом. Одну из стен полностью образовывала голая поверхность камня, которая неровно выступала в комнату крутым утёсом, изгибавшимся внутрь, к металлическому потолку. Несколько водопадов струилось декоративными потоками по камням, украшенным пустынными цветами, извилистыми соснами и чем-то вроде шалфея и кактусов.

Я чувствовала запах цветов, даже не видя их. Я чувствовала прохладную воду на своих босых ногах.

Я была одета в шёлковое платье с разрезами на обоих бёдрах. Оно было бледно-зелёным, возможно, под цвет моих глаз. Мои волосы были уложены на макушке, изящно завитые кудри украшались цветами. Ожерелье с драгоценными камнями сменило то, что я в реальности носила месяцами — старенькую серебряную цепочку с кольцом матери Ревика. Я прикоснулась к нему пальцами, закрыв глаза и стараясь нащупать реальность сквозь мираж.

Я ощущала лишь гладкие обточенные грани камней, похожих на

стекло, а также более резкие края декоративного серебряного обрамления.

На мгновение я увидела перед своим мысленным взором Ревика, смотрящего прищуренным взглядом на кольцо. Он сказал, что указательный палец, на котором он носил кольцо моего отца, означает принадлежность. Так видящие в человеческом мире давали друг другу понять, что они женаты.

Я убрала руку с шеи и открыла глаза.

Я смотрела, как Нензи подходит ближе к поверхности скалы в дюжине ярдов от места, где я сидела. Его взгляд поднялся выше, замечая силуэт ястреба, парившего по другую сторону стеклянного купола. Я все ещё наблюдала за ним, опустив ногу в водопад, когда скандинавский Териан сел возле меня.

Я не обернулась.

И все же, увидев, что он что-то положил на пол у своих ног, я покосилась туда. Какая-то стеклянная палочка с узорными украшениями, почти напоминавшая антикварный кристалл. Уставившись на неё, я поколебалась, подумывая спросить его об этом.

Я не сделала этого, увидев, как он смотрит на моё лицо.

Он улыбнулся мне, в его глазах на мгновение промелькнуло приглушенное желание. Я осознала, что гадаю, желал ли он секса или чего-то другого.

Его взгляд проследил за моим взглядом до мальчика.

— Поначалу я думал, что ему нужна мать, — произнёс он непринуждённо, наблюдая за Нензи у камней. — Кто-нибудь, кто погладит его по головке и скажет, что все будет хорошо, — он слабо улыбнулся, приподняв бровь. — Он знал тебя по имени. Это так интриговало. Я хотел свести вас, двух детей, вместе и посмотреть, что случится.

Я скрыла своё удивление от того, что он добровольно делится информацией, и равнодушно кивнула, глядя на мальчика.

— Он знал, кто я такая, — сказала я. Это не было вопросом.

— Полагаю, именно это я только что сказал, да.

— Он... настоящий? — я посмотрела на Териана. — Он тот, о ком я думаю? Или какая-то копия, клон?

— Я не знаю.

Я смотрела, как Нензи протягивает руку, тихо посвистывая перед певчей птичкой с кроваво-красной головкой. Она изящно села ему на пальчик, слегка хлопая крыльями, чтобы балансировать на своём новом насесте. Я гадала, знает ли мальчик, что птичка не настоящая. Он улыбнулся ей, издавая тихие звуки в ответ, пока птичка пела и чирикала для него.

— Видеть его здесь похоже на сон, — осознав, что заговорила вслух, я стиснула челюсти. — Как он может быть таким юным?

— Физически ему, наверное... — Териан провёл мысленные подсчёты, склонив голову и глядя на мальчика. — ...Двадцать? Двадцать один? — он улыбнулся мне. — А ты сторонница дискриминации по возрасту? Уверяю, тебя, молодые видящие вполне половозрелые. Конечно, он может страдать от тех же проблем с выносливостью — ты, похоже, проклята получать таких партнёров.

Я ещё крепче стиснула челюсти. Стоило мне только подумать, что я могу получить от него нормальные ответы, как я тут же вспомнила, кто он такой.

Я решила притвориться, что не слышала его последних слов.

— Я не это имела в виду, — я посмотрела на него. — Териан, он клон?

Териан пожал плечами. Он взглянул на меня. Когда он окинул взглядом моё тело в зелёном платье, его глаза на мгновение ожесточились.

— Ты не можешь отказывать ему вечно, Элисон, — пробормотал он. Взгляд янтарных глаз метнулся ко мне, затем опять остановился на мальчике. — Ещё раз выкинешь такой фокус... предложишь ему секс за освобождение... за то, чтобы он причинил мне боль... и я запру тебя в Барьерной конструкции и позволю отряду солдат Веллингтона развлекаться с тобой целый месяц.

Его губы изогнулись в лёгкой улыбке.

— Я оставлю им реквизит и все необходимое.

Когда я подняла взгляд, глаза Териана оставались совершенно

неподвижными.

Осознав их выражение, я почувствовала, как мою грудь снова сдавило.

Я вспомнила, что этот мужчина пытал Ревика, Джона и Касс практически шесть месяцев подряд, избивая Ревика до полусмерти. Джон сказал, что при этом Териан пытался разговаривать с Ревиком. Не ради информации, и даже не пытаясь изображать допрос. Нет, он говорил с ним о погоде, вспоминал былые деньки, рассказывал шутки.

В мой мозг буквально врезался особенно жестокий образ, как он отрезает пальцы Джону и в то же время спрашивает у Ревика, что же рассорило их дружбу.

Джон не говорил мне этого. Ревик тоже.

Однажды я случайно уловила этот образ, пока Джон смотрел на свою изуродованную руку.

Я также видела, как он насилует Касс — в один из моментов её злости и в один из моментов грусти Джона. Я улавливала проблески, связанные с Ревиком, но по какой-то причине Касс и Джон защищали его ещё сильнее, чем сведения о себе.

Может, потому что я замужем за ним, а может, потому что он попросил их не думать о таких вещах в моем присутствии — а может, по другим причинам, над которыми я не хотела задумываться — но я редко улавливала что-то конкретное о том, что Ревик пережил с Терианом.

Я снова посмотрела на мальчика.

В отличие от Ревика, я для Териана ничего не значила. Я была всего лишь активом.

Как и с той проституткой, которая была у Нензи в детстве, мальчик был моей единственной защитой. Я позволила себе следить за ним взглядом, пока он смотрел на скалу из красного камня. Первая птичка улетела, но он смотрел на других, его глаза выражали возбуждённую сосредоточенность.

— Он бы никогда не согласился на это, — пробормотал Териан. — Но перспектива весьма заманчива.

Когда я подняла взгляд, та акулья улыбка вернулась на его лицо.

В глазах янтарного цвета стояло смертельно серьёзное выражение.

— Пытать тебя, — пояснил он. — Ты ведь именно этими мыслями только что утруждала свою хорошенькую головку... не так ли? Пожалуйста, скажи мне, что моё умение читать полные муки выражения лиц не совсем сошло на нет.

Я не ответила. Его взгляд вновь прошёлся по моему телу.

— Ты выросла, маленькая птичка, — сказал он. — Я вижу, почему наш чудо-мальчик сражён наповал... и почему Ревин' не сумел контролировать себя, как только наконец засунул в тебя свой член, — он помедлил, вероятно, для пущего эффекта. — Ты весьма очаровательная особь, даже в таком побитом состоянии. Не то чтобы до этого ты не была очаровательной, само собой. Но твоя красота, скажем так... созрела.

Я фыркнула; ничего не смогла с собой поделать.

— Боже, — произнесла я. — Ну спасибо, Терри.

Он улыбнулся, и в этот раз улыбка коснулась его глаз.

— Ты знаешь, что ты даже *говорить* начинаешь, как он? Твой супруг?

— И который же из них? — сухо спросила я, взглянув на мальчика.

— Не этот, другой, — похлопав меня по колену, он положил одну лодыжку на другую, скрестил руки и вместе со мной стал наблюдать, как мальчик карабкается по красным камням. — Я дал ему обещание, знаешь ли. В отношении тебя. Я не забыл.

Я не хотела знать, что это означает.

— Знаешь, — добавил Териан. — Я собирался спросить тебя. Я просто *умираю* от любопытства...

— Вот это уже хорошие новости, — пробормотала я.

Он усмехнулся, но глаза остались серьёзными.

— Телекинез, — сказал он. — То, что ты сделала с мальчишкой Элан, Мэйгаром. То, что ты продемонстрировала в прошлом году на мосту в Сиэтле. В той закусочной в Сан-Франциско. Но делаешь ли ты это самостоятельно?

Посмотрев на него, я скрестила руки и снова положила ногу на ногу.

Теперь все стало логично.

Он рассказал мне о мальчике, потому что он хотел, чтобы я ему что-то рассказала. Мне стоило догадаться. По неосторожности он убедил меня кое-в-чем другом; он действительно не мог прочесть меня через ошейник.

— И почему мне всегда достаётся забавная версия тебя? — спросила я.

Взгляд янтарных глаз метнулся в мою сторону.

— Я вполне серьёзен, — сказал он, и судя по голосу, так и есть. — Обычно требуется минимум десять лет интенсивных тренировок, чтобы манипулятор продемонстрировал такой уровень телекинетических способностей, а ты проделала это вообще без обучения. Я изучал структуры твоего *aleimi* и не увидел вообще никаких следов тренировок. Я искал маркёры того, что Ревин пытался структурировать твой *aleimi* до твоего пробуждения — но он этого не делал. Я не видел между вами вообще ничего, за исключением структуры, которую ты создала, когда приняла его как супруга. Нет никаких следов, что он вообще тебя обучал.

— Он немного обучал меня, — сказала я, пожимая плечами. — На корабле.

Териан пренебрежительно отмахнулся от этого.

— Тренировка, вопреки тому, что ты представляешь себе это как какой-то семинар на выходных с диаграммами и закусками на перерыве — это весьма утомительный процесс. Под тренировкой я имею в виду длительную работу над активацией структур твоего *aleimi*. В этом отношении ты не делала практически ничего, даже для обычных навыков видящих... и тем более для того, о чем я говорю. В этом ты натуральная девственница.

— Девственница, — пробормотала я. Отдёрнув свой разум от ненужных мыслей, я скрестила руки на груди. — Так что с того? Иногда люди рождаются с некоторыми способностями.

— Не с такими способностями, Элисон.

— Я не могу это контролировать, — сказала я. — Но опять-таки,

кому какое дело?

Слабо улыбнувшись, он пожал плечами, и это был человеческий жест.

— Тебе это неинтересно. Твоё право. И все же я бы очень хотел услышать теории Ревин' по поводу этой твоей странности. Уверен, они прямо-таки захватывающие.

— Почему ты решил, что у него есть теории?

— Ох, — Териан усмехнулся, похлопав меня по колену. — Я почти уверен, что они у него есть.

Я осознала, что невольно задумываюсь об этом. Он прав, конечно же. Если все это так необычно, у Ревика непременно имелась какая-то теория.

По правде говоря, я немного разозлилась, что он никогда не поднимал этот вопрос.

Но я сказала лишь:

— Я же перерождённая, верно? Может, я просто помню, как делала это ранее. Ну, в достаточной мере, чтобы справиться с основами.

Он закатил глаза и щёлкнул языком в знак лёгкого неодобрения.

— Ты сама в это не веришь. Кроме того, даже если бы ты в это верила... а ты *не* веришь... это бы не имело значения. Сайримн тоже был существом-посредником. Ему понадобились тренировки. Интенсивные тренировки на протяжении многих лет, если верить тем чокнутым религиозным фанатикам-Саркам, с которыми я говорил в горах, — он улыбнулся мне. — Ну, знаешь, с теми, которые на самом деле *тренировали* его. Я нашёл время поговорить с ними после того, как наткнулся на нашего мальчика. Они сказали, что у них ушли десятилетия, и эти годы были не самыми приятными.

Я уставилась на него, не в силах скрыть своё удивление.

— Они все ещё живы?

Эта мысль поражала меня.

И все же, как только я подумала об этом, все сложилось в логичную картинку.

Видящие жили долго. Конечно, кое-какие видящие со времён изначального восстания выжили до сих пор. В конце концов, Вэш же все ещё жив. И Тарси тоже. Сотня лет с точки зрения Сарка — это не так уж долго. Ревик все ещё считался «молодым» с точки зрения монахов, с которыми я говорила, а ведь он примерно столько и прожил.

Почему эта мысль никогда прежде не приходила мне в голову?

Я не сомневалась, что Териан говорил с ними. Совершенно логично, что он отправился туда после обнаружения мальчика.

Судя по тому, что я видела из жизни Сайримна, утверждение Териана тоже довольно точно; прошло как минимум двадцать лет прежде, чем Сайримн сумел сделать хоть что-то. Двадцать лет почти непрерывных тренировок со всем возможным давлением и применением силы.

Подмигнув мне, Териан нараспев позвал мальчика.

— Нензи, дорогой? — он подождал, когда темноволосая головка повернётся к нему. — Подойди сюда, пожалуйста? Я бы хотел кое-что показать тебе.

Я наблюдала, как мальчик приближается, и снова думала о словах Териана про то, что у Ревика есть теория на мой счёт. В чем бы ни заключались его проблемы с Ревиком, Териан, похоже, вполне искренне восхищался своим бывшим напарником. Он уже несколько раз упоминал, как ему хотелось бы позаимствовать мозг Ревика для той или иной цели, или просто узнать его мнение.

Вэш как-то раз вскользь упоминал нечто схожее — что Ревик умён, умнее большинства тех, кого он знал в Семёрке.

Он даже намекал, что Ревик притворяется глупым.

Конечно, я знала, что он умён. Любой, кто говорил с ним хоть несколько минут, прекрасно мог заметить его интеллект. И все же я улавливала лишь проблески этого интеллекта на корабле. Там он в основном читал мне лекции и часто выглядел откровенно скучающим. Мы никогда на самом деле не говорили о том, что могло бы представлять для него интересную интеллектуальную задачу.

Я гадала, насколько же сильно я его недооценивала.

Мальчик подошёл к месту, где мы сидели. Я увидела, как он

настороженно смотрит на руку, которую Териан держал на моем колене, и Териан тут же её убрал.

Видящий со скандинавской внешностью поднялся на ноги.

Нагнувшись, он подхватил стеклянный жезл с пола. Взвешивая его вес в одной руке, он показал его мальчику, позволив Нензи провести пальцами по резному кристаллу с боков. Предмет был примерно 75 сантиметров в длину, посередине толщиной в несколько сантиметров, а на одном конце заканчивался более крупным шаром. Эта штука казалась мне смутно знакомой по археологическим хранилищам под особняком в Сиртауне.

Мальчик робко прикоснулся к предмету, его глаза выражали любопытство.

— Это называется *urele*, Ненз, — сказал Териан. — Это предназначено для работы с экстрасенсорикой, — должно быть, он ощутил на себе мой взгляд, потому что его тон изменился, сделался более лёгким. — ...хотя можно найти и другие применения, полагаю.

Он бегло взглянул на меня, подмигнув и показав на стеклянный прут.

Я скрыла выражение своего лица, прикусив язык.

— Данная *urele* принадлежала нашему другу, Дигойзу Ревикку, — сказал Териан, все ещё улыбаясь мне. — Вас не удивит знание, что я украл это у него... после того, как он отказался от моего предложения вновь примкнуть к нашей маленькой организации, — улыбнувшись, он посмотрел на мальчика. — Видящие использовали такие штуки для экзаменов в школах видящих, Ненз. Раньше, когда такие вещи ещё существовали. Это был способ протестировать чей-то контроль.

Я видела, что Нензи смотрит на меня. Он нахмурил лоб, поджав губы. Он видел, что я зла на Териана.

Ему также не понравилось упоминание Ревика.

Слегка покачав головой, я закатила глаза, кивнув в сторону скандинава.

Нензи широко улыбнулся от облегчения.

Похоже, он все ещё думал, что наша с Терианом перепалка — это игривое дружелюбное подшучивание, как ссора между братом и сестрой.

И все же я осознала, что с интересом прислушиваюсь к словам Териана.

— Раньше, в те дни, — продолжал он, — существовала настоящая система рангов, а не эта искажённая, одобренная людьми система, которую теперь использует Мировой Суд. Однако в оригинальной системе, как и сейчас, видящим присваивалось два ранга. У них имелся ранг *aleimi*, основанный на их потенциале... то есть, то, с чем они родились. Затем они получали рабочий ранг, то есть, то, что они действительно научились использовать, — он улыбнулся мальчику. — Полагаю, некоторые из старичков в Памире даже знают свои изначальные баллы.

Я подумала о Вэше, не сомневаясь, что он знает.

Тарси также пришла мне на ум.

— Я бы хотел попробовать определить твой ранг таким способом, Ненз, — увидев, как взгляд мальчика становится резким, он улыбнулся. — Просто ради потехи. *Urele* реагирует на свет *aleimi*. Это немного похоже на игру на музыкальном инструменте. Тебе понравится. Обещаю.

Когда Териан посмотрел на меня, я также скептически вскинула бровь.

Он улыбнулся, поигрывая *urele* и подкидывая её в ладони.

— Но это же виртуально, верно? — спросила я.

— Нет, — сказал Териан, взглянув на меня. — Поверхностные элементы в этой комнате виртуальны. Птицы, камни, вода, стекло, текстура стен и пола. Ты, я мальчик — мы реальны. И *urele* тоже.

— Так где мы на самом деле? — спросила я.

Териан лишь улыбнулся.

— Так что? — спросил он, поворачиваясь к мальчику. — Как насчёт того, чтобы посмотреть, на что ты способен?

Нензи сделал короткую серию жестов руками.

Помедлив всего на долю секунды, Териан сделал утвердительный жест одной рукой.

— Ладно. Значит, я первый.

Я тихонько фыркнула, но Териан едва удостоил меня взглядом.

Сжав толстый конец *urele*, он подошёл к тому участку пола, который находился под самой высокой точкой арки стеклянного купола. Он несколько раз умело подкинул палочку в руках; затем, добравшись до центра широкого круга на полу, он резко бросил палочку в воздух.

Я вместе с Нензи наблюдала, как она подлетает вверх.

Примерно на полпути к куполу потолка жезл начал светиться.

Окна в стенах выходили на виртуальный восток, стекло было затемнённым, так что свечение палочки выделялось даже под высоким куполом. Я прищурилась, вновь жалея, что не имею доступа к своему экстрасенсорному зрению. Тот факт, что я вообще видела свет, говорил мне, что это не чисто Барьерная игрушка — при условии, что Териан не врал о реальности этой *urele*.

Стеклянная палочка достигла наивысшей точки арки броска Териана.

Тёплое свечение превратилось в резкую вспышку света.

Я отпрянула, и Нензи тоже.

Наши взгляды не отрывались от палочки в воздухе. Разноцветное пламя затопило тускло освещённое помещение, вспыхивая в узорчатом, прозрачном стекле.

Я взглянула на скандинавского видящего.

Это должен был быть какой-то виртуальный трюк.

Однако увидев его лицо, я засомневалась. Териан смотрел вверх, пристально наблюдая за *urele*. Его янтарные глаза выдавали какую-то сосредоточенность, он не отрывался от палочки, пока постепенно... постепенно... свет стабилизировался.

Замысловатая схема появилась на полу широким кругом.

Нензи рассмеялся в голос, восторженно хлопая в ладоши.

Я наблюдала, как формируется схема, похожая на галактику.

Urele начала медленно возвращаться... слишком медленно... к виртуальной земле.

Она исторгала искры, разноцветные завитки света. Картина под

нашими ногами источала миниатюрные солнечные вспышки. Изображение расширялось по мере того, как *urele* падала; разноцветный свет протягивался к противоположным стенам, покрывая мою кожу, камни, прозрачный водопад. Уставившись на узоры на моих руках и ладонях, я поражалась уровню их детальности.

Узоры неосознанно привлекали мой взгляд — гобелены замысловатых нитей, отличающихся всего на один полутон и представляющих собой отдельную живую схему.

Я с некоторым шоком осознала, что вижу визуальное представление света Териана, часть его *aleimi*-тела.

В это самое мгновение Териан легко поймал *urele* одной ладонью.

Изображение пропало, оставив комнату плоской и двумерной.

Искры продолжали сыпаться с палочки в руках Териана.

Поднявшись на ноги, я вопреки собственному желанию подошла ближе.

Он протянул *urele*, чтобы мы оба смогли посмотреть.

Свет как жидкость тёк от одного конца жезла к другому, струясь по паутинкам трещинок в стекле. Его *aleimi* образовывал цветные узоры в тоненьких трещинках, которые не были видны в стекле, пока его свет их не подсветил. Я изумлённо наблюдала, как жезл пульсировал то ярче, то мягче, пока Териан отражал в нем разные части себя самого.

— Конечно, — пробормотал Териан, взглянув на меня. — Это не все моё *aleimi*-тело. И все же. Я вполне не опозорился, ведь так?

Я бездумно покачала головой.

Я хотела это потрогать.

Я вновь вздрогнула, когда взрыв разноцветных ниточек заструился по зеленоватому стеклу, разлетевшись на части, а потом вновь собравшись одним озерцом света, переплетаясь тонкими ниточками. Я ничего не могла с собой поделать. Мне тоже хотелось попробовать. Может, это моя любовь к состязаниям, а может, это мой внутренний художник, а может, все это просто выглядело невероятно искусно.

Териан, должно быть, увидел что-то на моем лице.

Он рассмеялся, и это был самый искренний смех, что я когда-либо от него слышала.

— Прости, дорогуша, — сказал он. — Как бы мне ни хотелось увидеть, на что ты способна, боюсь, моя шкура мне слишком дорога.

Закусив щеку изнутри, я не поднимала взгляда, все ещё наблюдая за светом, мерцавшим в прозрачной палочке. Нензи тоже наблюдал за ним, очарованный не меньше меня. Коснувшись моей руки, он посмотрел на высокого широкоплечего видящего.

Должно быть, он задал Териану вопрос.

— Как-нибудь в другой раз, возможно, — сказал он. Ещё одна пауза. — Конечно, — сказал Териан, отвечая на другой вопрос мальчика. — Таким же образом?

Глаза мальчика подёрнулись дымкой, он не отводил взгляда от *urele*.

— Ну, ты можешь оставить её на полу, конечно, — разрешил Териан. Его голос звучал снисходительно; он явно наслаждался эффектом, который *urele* произвела на нас обоих. — Дизайн простой, отчасти чтобы содействовать видящим на разных уровнях. Нормальному Сарку на экзамене потребовалось бы несколько приёмов.

Он пожал плечами, доставая палочку *hiri* из кармана рубашки.

— Например, может потребоваться несколько бросков, по одному для каждого уровня навыков. Это может быть что угодно, экзаменаторы могут попросить бросить палочку тем или иным образом, в зависимости от того, что они знают о ранге с рождения и нынешнем уровне навыков. Поскольку ты телекинетик, тебе потребовалось бы удерживать её в воздухе, отражая через неё другие части твоего *aleimi*. Оценка контроля, видишь ли.

Териан вложил жезл в протянутую ладонь Нензи.

В бледных пальцах мальчика бутылочно-зелёная *urele* выглядела огромной.

Нензи взглянул на меня. Я уже лучше могла читать его лицо. Я понимала, что он хотел повторить то, что сделал Териан. А ещё он не хотел показаться дурачком во время этой попытки.

Значит, он соперничал с другим мужчиной. Я задумалась над этим.

Я все ещё размышляла, когда он подбросил *urele* в воздух. Он подкинул её далеко не так сильно, высоко или элегантно, как это сделал Териан; *urele* полетела по слегка кривой линии, примерно до середины изогнутых стен.

Но менее удачные отличия мгновенно сделались несущественными. Я видела, как пальцы мальчика сжимаются в кулаки, пока его глаза следили за бутылочно-зелёным стеклом. Я гадала, пытается ли он выяснить, как это работает...

...Когда *urele* резко взорвалась пылающими языками света.

Я уставилась на неё, раскрыв рот.

Я не моргала, пока свет проливался вокруг нас каскадами ливня. Свет Нензи казался трёхмерными нитями. Сложно сплетённый купол образовался вокруг нас троих, но если у Териана он напоминал призму, двухмерное изображение, то сейчас он выглядел почти так, словно состоял из настоящей воды. Пока я наблюдала, плотность купола становилась все более и более искусной.

Вскоре она превратилась в завесу тончайшего шелка.

Затем она растворилась, образовав идеально симметричные стены тонкой краски.

Моё сердце внезапно заболело. Я сочувствовала ребёнку, временами очень сильно; я ничего не могла с собой поделать. Почему-то при виде манифеста его света вокруг меня эмоции лишь резко сменились облегчением.

На что он способен, кем он на самом деле был — это невообразимо прекрасно.

Нельзя было допускать, чтобы он стал извращённым, темным инструментом Дренгов — или того мерзкого видящего, который им владел, Менлима.

То, что кто-то вроде него может превратиться в монстра... это немыслимо.

Urele воспарила ещё выше.

Я больше не могла видеть купол, солнце, синее небо. Я смотрела

в зенит водопада света. Завеса делалась плотнее по мере того, как он поднимал палочку выше. Теперь я уже знала, что он сам поднимал *urele*, экспериментируя со своим светом в бутылочно-зелёном жезле. Затем он взглянул на меня, и я увидела в его глазах слабое свечение, отличавшееся от обычного.

Это выражение больше шло сорокалетнему, а не четырнадцатилетнему.

Я вспомнила окна ржавой фабрики, разлетевшиеся вдребезги, вопль триумфа, когда осколки стекла хлынули наружу.

— Тебе это нравится, Элли? — спросил он.

Прежде чем я успела ответить, я увидела, как его глаза суживаются от усердия.

Когда я подняла взгляд, скопление света вспышкой отделилось от *urele*.

Я в неверии наблюдала, как оно трансформируется в форму птички. Огненное оперение выглядело так, будто принадлежало райской птице или фениксу. Его творение то вылетало за жидкую завесу света, то влетало вновь, как живое создание. Я изумлённо ахнула, когда оно превратилось в дракона с белой чешуёй, вновь скользнув сквозь водянистую завесу перед тем, как исчезнуть.

— Тебе нравится? — повторил он.

— Это изумительно, — сказала я. — Как магия, Нензи.

— Я тебе нравлюсь? — спросил он.

— Ты знаешь, что нравишься.

Шагнув ближе, он стиснул моё запястье.

— Тогда больше никакого мужа с ним, — сказал он, погладив пальцами внутреннюю сторону моей руки. — Я приму твою сделку. Но не просто для секса. Тебе придётся выйти за меня замуж. Выйти замуж за меня вместо него.

Териан рассмеялся.

Я ошарашенно посмотрела на мальчика, затем на искрящийся свет, каскадом спадающий на пол. Временами легко было видеть в нем какого-то невротического взрослого; временами же он вёл себя и говорил так, будто был намного моложе даже того возраста, на

который намекало его тело.

Света над его головой продолжали струиться искрами, образуя узоры на бледной коже, опадая на глиняную плитку как лава, струясь ручьями по полу. Я видела, как цвета изменяются, пока он говорил, меняют цвет с темно-зелёных и синих оттенков на насыщенно-оранжевые, разбавленные золотом и белизной.

Я посмотрела ему в лицо.

— Слишком поздно, Нензи, — сказала я.

Я невольно взглянула на Териана и увидела в его глазах предостережение.

— Ты не мог бы объяснить... дядя Терри? — сказала я, награждая его тяжёлым взглядом. — Или ты хочешь, чтобы мальчик снял с меня ошейник, и мы «поженились»?

Я видела, как он смотрит мне в глаза. Затем он пожал плечами, словно принимая мою правоту.

— Мне жаль это говорить, но она права, — легко произнёс он. — Видящие связываются на всю жизнь, мой юный друг. К сожалению, этот корабль уже уплыл.

Когда я посмотрела обратно на Нензи, я увидела, как он поджимает губы. Черные глаза всматривались в мои. Я видела там унылость, какую-то отчаянную нужду. Что-то в его выражении заставило меня помедлить.

Он вновь коснулся моей руки. Его пальцы сжали мою кожу.

— Останься со мной, — сказал он. Его голос зазвучал грубо. — Или я его убью.

Я взглянула на Териана. Он бросил на меня косой взгляд, но внимательно наблюдал за мальчиком. Посмотрев обратно на Нензи, я покачала головой.

— Тогда ты убьёшь меня, — просто ответила я.

— Нет, если я сотру его разум! — зло сказал он.

Я уставилась на него, настороженно оценивая его выражение.

Я заговорила осторожно, но сохраняла твёрдый тон.

— Нензи... это не заставит меня полюбить тебя.

— Ты не сможешь вечно быть одна, — сказал он. — Ты видящая. Тебе нужна компания кого-нибудь. Ты забудешь о нем... а я буду рядом.

Намёк, скрывавшийся за его заявлением, пугал меня. Он явно слишком много думал об этом.

— Нет, — повторила я с неверием в голосе. — Я его *не* забуду. Более того, я возненавижу тебя. И если ты сотрёшь его, я умру.

— Прекрати быть замужем за ним! Я его *убью*!

Я вздрогнула, глядя ему в глаза.

— Нет, — сказала я.

Вспышка света взорвалась вокруг нас словно маленькое солнце. Когда я посмотрела на мальчика, его лицо исказилось от ярости, тон сделался приказным.

— Проклятье, Элли! — крикнул он. — Я серьёзно! Я знаю, где он!

Я уставилась на него, поразившись перемене его тона. Он снова говорил так, будто ему сорок, и более того, я узнавала взгляд этих черных глаз.

У меня зародилось ужасающее подозрение.

Как только оно расцвело там, уже невозможно было окончательно вытолкнуть его из ума.

Услышав усмешку Териана, я подняла взгляд и увидела, что на его точёном лице залегли тени, отбрасываемые светом, который лился сверху. Его глаза смотрели настороженно, но он слушал этот разговор с искренним интересом. Чувствуя, как напрягаются мои челюсти, я моргнула и покачала головой, убирая пальцы мальчика со своей руки.

— Никому не удаётся постоянно получать желаемое, — я сердито посмотрела на Териана. — Мы можем быть друзьями, если ты меня отпустишь. Я помогу тебе найти свою супругу.

Глаза Териана превратились в стекло, сосредоточившись на моих.

Слегка сглотнув под этим взглядом, я вновь посмотрела на Нензи.

— Нет! — на глаза мальчика навернулись слезы, поразив меня. — Нет! Я люблю тебя. Я не хочу другую женщину. Ты моя жена...

— Нензи... — растерянно произнесла я. — Ты не понимаешь, что ты говоришь.

— Я наблюдал за тобой, — сказал он. — Я видел тебя в том фиолетовом доме. Я видел твою человеческую мать. Я видел твоего отца, и всех остальных. Я *наблюдал* за тобой. Ты была такой же, как и я, — в ответ на, должно быть, непонимающее выражение моего лица, он взорвался: — Ты швырнула плохого мужчину. Он убил тех свиней, как *Уилбур*. Ты заставила его остановиться!

Я почувствовала, как кровь отлила от моего лица.

В этот раз я прекрасно понимала, о чем он говорит.

Мой дядя Стефан владел фермой в Небраске. Он держал свиней, и когда мне было семь лет, я приехала погостить. Я только что закончила читать «Паутину Шарлотты». Естественно, я спросила у него, что он собирался делать с самыми слабыми поросятами.

Я не могла поверить его ответу. Я думала, это всего лишь история. Я не могла поверить, что кто-то действительно так поступал — убивал кого-то просто потому, что он маленький.

После этого все притворялись, что у дяди Стефана случился какой-то припадок. Они говорили, что может быть, он потерял равновесие, или его сбило с ног порывом ветра.

Но я заставила его поклясться.

Я заставила его поклясться, что он никогда больше не станет убивать маленьких поросят.

— Откуда ты знаешь? — мой голос зазвучал резче. — Нензи... даже Джон не знал об этом. Я никогда *никому* не рассказывала.

Затем, вспомнив время, проведённое в хижине с Ревиком, я осознала, что это не так. Я рассказала кое-кому. Только одному.

Моё чувство нереальности усилилось.

Я посмотрела на Териана, стараясь успокоиться. Существовало и другое объяснение, непременно. До меня дошло кое-что ещё.

— Моя мама? — обратилась я к Териану. — Ты узнал это от неё?

Мой дядя сказал ей?

Но Териан тоже слегка хмурился. Это могло быть притворство, но почему-то я так не считала. Он догадался? Сложил два плюс два, слушая слова Нензи?

Мальчик снова взял меня за руку, поглаживая мою кожу маленькими пальчиками, подвигаясь ко мне ближе, касаясь моего лица.

— Пожалуйста, Элли, — сказал он. — Я люблю тебя. Ты знаешь, что люблю.

— Ты меня не любишь, — мой голос прозвучал сердито — может, потому что я боялась или, как минимум, совершенно разнервничалась. — Я не твоя жена. Я жена другого мужчины. Ты меня даже не знаешь, Нензи!

Когда на его глаза вновь навернулись слезы, мой голос зазвучал ещё резче.

— Что бы ты там ни придумал обо мне... это не по-настоящему. Ты не можешь прочитать про кого-то, прочитать про их прошлое, факты из их жизни, и считать, будто знаешь их...

— Сначала ты была *моей* женой! — взорвался он.

Я почувствовала, что Териан уставился на мальчика вместе со мной.

Голос Нензи вновь отражал ту взрослую личность, утратив все детское звучание. Его бледное лицо покраснелось под каскадами света. Его кулаки сжались; он задышал тяжелее. В его глазах пылало тёмное пламя, искажённое отражающимся светом. Я видела там раздражение, но в то же время ярость.

— Ты ошибаешься, — сказала я.

— Нет! — его глаза вспыхнули бледно-зелёным светом.

— Да... ошибаешься! Ты запутался!

Териан коснулся моего плеча.

Когда я подняла взгляд, с его точёного лица ушло все веселье; с полных губ пропала усмешка. Он пристально смотрел мальчику в глаза. Его собственные глаза расфокусировались, глядя примерно в пространство над головой мальчика.

Тогда-то я заметила *urele*.

Свет окрасился цветом темной крови, красной с черными венами.

Похожие на дождь капли падали вокруг нас, отражаясь на бледной коже мальчика перед тем, как кровавыми ручейками стечь на пол. Бледно-зелёные глаза смотрели в мои, напоминая лампы, ярко выделявшиеся на фоне этой темно-красной завесы.

Посмотрев на него, я могла чувствовать лишь резкую волну сострадания.

— Ты хочешь, чтобы я притворно заботилась о тебе? — спросила я. — Твои ожидания настолько низки? Кто-то полюбит тебя, Нензи. Но это не могу быть я.

Пальцы Териана безжалостно впились в моё плечо, так сильно, что я вывернулась из его хватки. Когда я перевела взгляд обратно, я увидела, что Нензи смотрит на нас.

Он сосредоточился на моем лице.

Urele полыхнула белым. Свет взорвался из неё.

Он омыл стены густой волной, поднимаясь вверх.

Когда он достиг вершины, тяжёлая волна звука взорвалась со всех четырёх сторон, словно близкий раскат грома. Осколки стекла полетели наружу. Фрагменты разлетелись в мелкую крошку. Я в шоке осознала, что это были не окна виртуальной реальности, а нечто, находившееся за ними.

Когда я подумала об этом, иллюзия растворилась.

Купольная комната с мраморными полами, утёсами из красного камня и птицами, синее небо и пейзажи Нью-Мехико растаяли вокруг нас. Водопады потухли на плоском фоне, как это бывает с изображением проектора, когда гаснет свет.

Вокруг нас находилось пустое открытое пространство из серого металла и цемента.

Мы находились на складе. Или, подумала я, посмотрев на высокий потолок, может быть, в каком-то ангаре для самолёта.

Группа людей сидела на металлических трибунах за чем-то вроде плексигласового стекла. Лица, которые я видела, побелели,

глаза широко распахнулись. Охранники спешно сгоняли нескольких мужчин и женщин в униформе прочь с платформы, в бронированные автомобили, припаркованные за смотровой зоной. Двигатели автомобилей с рёвом пробудились к жизни, рванув с середины ангара, видимо, к дверям на другой стороне. Это выглядело бы комично, будь у меня время понять, что только что произошло.

Однако Нензи было наплевать на них.

Свет из *urele* вновь полыхнул, достигнув металлических стен. На нас посыпалось ещё больше осколков стекла, на сей раз и откуда-то свыше.

Я вскинула руки, защищаясь, но фрагменты все равно царапали моё лицо и плечи. Дрожь страха пробежала по моему телу вместе с осознанием того, что я уже подозревала — что я уже каким-то образом *знала*, все это время — и это правда.

Нензи не был молодым Сайримном. Он не был его потомком, клоном, экспериментом или даже сбитой с толку реинкарнацией.

Каким-то образом, Нензи на самом деле *являлся* Сайримном.

И как и говорила Тарси, он действительно искалечен.

Глава 39

Разведчик

Он лежал рядом с ней на боку, подперев голову одной рукой, чтобы иметь возможность смотреть на неё. Ласково убрав волосы с её лица, он поцеловал её, подавляя прилив чувства, которое все ещё причиняло боль. Она улыбнулась, заметив выражение его лица. Она выглядела усталой, но невероятно счастливой, и он задавался вопросом, знала ли она...

Она рассказывала ему о своём брате, о чем-то, что Джон сказал в детстве, а он мог думать только о том проблеске, когда он вынудил её признаться во всем, о той затяжной ревности, которую он все ещё ощущал и из-за этого чувствовал себя ублюдком...

Она вновь поцеловала его, улыбаясь. Её глаза сделались жидкими, и стоявшие в них эмоции стиснули его сердце. Он все ещё не до конца верил в это.

— Я люблю тебя, — прошептала она, лаская его лицо. — Я люблю тебя...

Он проснулся как от толчка.

Стараясь дышать, он смотрел в неосвещённый потолок тусклой комнаты в отеле. Все его тело болело. По щекам катились слезы, и у него был стояк. Боль в его свете заставляла каждый слой кожи вибрировать.

Он не мог пошевелиться.

Он попытался выдавить сиплое рыдание, хоть как-то дать этому выход, но не мог. Повернувшись на бок, он вместо этого стиснул живот рукой, повелевая чувству стихнуть, миновать, как-то отпустить его.

Постепенно он начал дышать.

Он ещё некоторое время лежал там, пытаясь вернуться в относительно нормальное состояние — хотя бы приблизительно. Его разум работал только тогда, когда он заставлял себя мыслить связно.

Он рефлекторно сканировал, искал её, но там ничего не было.

Ничего. Не было даже её самой в боли.

Подняв взгляд, он увидел, что Джон смотрит на него. Его глаза слабо отсвечивали в оранжевом свете, который пробивался через занавески на окне мотеля. Ревик видел там сочувствие, но не мог сейчас с этим справиться.

Перекатившись на спину, он закрыл глаза и положил руку на лицо, заставляя себя дышать медленнее. В итоге он сумел заставить своё сердце биться медленнее, сокращаться медленнее, качать кровь медленнее.

Он говорил себе, что у него нет на это времени.

У него нет времени.

Он уставился на виртуальную карту, изучая главную и вторичные структуры.

Он преимущественно запоминал фундаментальные детали. Отмечал входы и выходы. Определял расположение систем безопасности. Комнаты с внешними стенами. Укреплённые барьеры. Подземные пространства, не учтённые на планах, или просто пустые места, которые в действительности могут оказаться не пустыми. Он искал воздухопроводы, серверные хранилища, линии канализации.

Все, что могло обеспечивать вентиляцию или доступ под землю.

Он знал Териана. Он знал Галейта, если уж на то пошло.

Он мог ожидать потайных дверей.

Скорее всего, в реальности существовала лишь половина того, что показывалось на планах, вопреки тому, что это якобы «настоящие» планы, то есть, та версия, которая защищается Секретной Службой. Он понятия не имел, сумеет ли он получить

доступ к тем другим дверям, даже если они существовали, но он хотя бы знал, как начать их искать. Планы просто служили отправной точкой. Используя их, он мог искать лазейки, сделать несколько обоснованных предположений.

Правда в том, что у Ревика существовало мало вариантов проникновения в Белый Дом. Даже если бы Териан не был президентом.

В данной же ситуации обычные проблемы умножались в разы.

И все же политики оставались политиками.

Они мало менялись с годами. Ревик вблизи наблюдал за иерархиями, разворачивающимися в странах по всему земному шару. Человеческие иерархии всегда обладали определёнными общими чертами.

Когда он представил свой план Врегу, старший видящий рассмеялся.

— Благородство по-прежнему отсутствует в списке твоих качеств, не так ли, заморыш?

Ревик не потрудился отреагировать.

Вместо этого он наблюдал за другим разведчиком, зная, что тот продумывает логистику. Он ждал, что Врег найдёт деталь, которую он упустил, какую-то причину, по которой ничего не работает. Когда азиатский видящий с мощными руками переступил с ноги на ногу, и его взгляд размылся, во второй раз пробежавшись по шагам плана... затем в третий... Ревик поймал себя на том, что расслабляется.

После ещё одной паузы Врег кивнул.

— Это может сработать, — сказал он. — Я так понимаю, для себя ты подготовил другую идею? — он показал на лицо Ревика.

Ревик покачал рукой, затем показал отрицательный жест, когда другой не отреагировал.

— Я хочу войти через парадный вход, — сказал он.

Врег нахмурился.

— Я не знаю...

— Это не обсуждается.

Поколебавшись, Врег согласился, наклонив ладонь.

— Ладно, ладно. Это твоё шоу. Нам понадобится маскировка. Лучше обычных кровавых патчей и лицевых протезов.

Ревик показал подтверждающий жест.

— Да. У меня есть кое-какие идеи. Но ты сам что думаешь, если допустить, что этот вопрос решён?

— Это немаленькая деталь, — заметил Врег.

— Это деталь, — ответил Ревик. — Что ты думаешь?

Врег мотнул подбородком, слегка улыбаясь.

— Хорошо. Это сработает, заморыш. Но нам нужно найти уважаемую партию, к которой нужно будет присоединиться. У неё должны быть контакты с используемыми партиями. Нам нужно провести исследование вовлечённых типов и...

Они начали обсуждать детали до мельчайших подробностей.

Это было несколько дней назад.

Врег, возможно, отбросил формальности в общении с ним, но его способность принимать и исполнять приказы никуда не делась. Ревик даже гадал, не был ли это знак того, что Врег начинает доверять ему, раз он больше не использовал формальные ответы всякий раз, когда Ревик озвучивал просьбу.

Ревик не хотел тратить ни секунды впустую, но в то же время не хотел профукавать свой вполне возможно единственный шанс из-за небрежности.

Он прогнал несколько сценариев вместе с лучшими разведчиками, которых он только смог найти среди предоставленных ему видящих. После двух дней на грузовом самолёте он пришёл к заключению, что Салинс прав: Врег — лучший из них. Он по-своему немного напоминал Ревикку Балидора, хотя без такой искусности в экстрасенсорных навыках.

Приводить сюда Балидора никак нельзя.

Меньше всего ему нужно было, чтобы кто-то стоял над душой и проповедовал Кодекс, каким бы ценным кадром он ни был во всех

других отношениях.

Самое сложное на входе — замаскировать его свет. Все остальное после того изначального разговора уже проработано до мельчайших деталей.

Деньги не выступали ограничивающим фактором ещё до того, как Ревик подумывал запустить руку в свои запасы. Салинс настоял на том, что обеспечит все.

Нужно признать, что здорово ради разнообразия иметь доступ к настоящему оборудованию, а не обветшалому дерьму, которое обычно доставалось Охране Семёрки для таких операций. Даже Адипану не помешало бы хорошее обновление технологий, если судить по работе, проделанной в Сиккиме.

Ревик осознавал, что ходит по опасному краю, но ему становилось все сложнее и сложнее заставить себя переживать по этому поводу. Строго говоря, с точки зрения монахов, осуществлявших его реабилитацию, Ревик вообще не должен был пользоваться теми частями себя, которые он привлекал для реализации этой операции.

И с точки зрения Вэша, если уж на то пошло.

В некоторой мере это даже делалось намеренно.

Помимо того, что он получал от Салинса и его людей в плане поддержки и снабжения информацией, Ревик из шкуры вон лез, чтобы вспомнить каждую деталь своего пребывания в Шулерах. Это включало ныряние в воспоминания, пробуждённые месяцами плена у Териана, даже нарочное помещение в то состояние с помощью Врега и его команды. Защитная конструкция, которую использовали люди Салинса, связана с органикой их гарнитур и с *aleimi* их разведчиков, и это помогало, пожалуй, даже лучше, чем должно было.

Ревик не слишком задавался этими вопросами.

Строго говоря, он понимал, что это неправильно. Как минимум это чертовски рискованно. С этим он разберётся позднее.

Элли ему поможет.

В любом случае, он практически выбросил в окно любые мысли о следовании Кодексу, как только Териан вытащил его голую жену в цепях.

В целом план был относительно простым, но играл на слепых пятнах в стандартных протоколах безопасности Шулеров — и даже на нескольких нестандартных, которые Ревик помнил. Большая часть группы будет ждать поблизости в безопасном доме с конструкцией, которую они фактически строили по сменам... и с нуля... пока ни один из разведчиков не спал. Первая восьмёрка и Ревик проникнут на периметр, тогда как половина остальных будет работать целиком из Барьера.

Другая половина осуществит вторую волну прямого нападения на физическое здание.

Он сам отправится за Элли.

Эту часть он не желал обсуждать.

Она в любом случае будет с мальчиком. Он мог даже поспорить, что должен лично отправиться за ней, так как по контракту он должен найти мальчика и выполнить свою часть сделки с Салинсом.

Остальные обрушат систему безопасности Белого Дома и саму конструкцию, что они и так собирались сделать. От внимания Ревика не ускользнуло, что люди Салинса во многом наслаждались этой операцией. Они хотели вернуть Элли, конечно — она же Мост. Но они также наслаждались перспективой обрушить один из самых стойких современных символов человечества.

Ревик не возражал. Он мог использовать этот энтузиазм и в то же время получить желаемое.

Он знал, что если система действительно обрушится, то посреди Вашингтона начнётся настоящая военная перестрелка, так что у них также имелись запасные планы на такой случай.

Это все равно могло выйти из-под контроля, но опять-таки, Ревик готов был пойти на такой риск.

По правде говоря, Териан никак не может не ожидать его появления.

Ревик мог попытаться как можно сильнее оттянуть момент, когда он узнает, но при первых признаках шумихи Териан предположит, что это он. Ревик, конечно, много планировал, но у него по-прежнему имелось всего два запасных плана, оба чертовски рискованные, и ничто не изменяло простого факта.

Териан будет знать, что это он.

Кроме того, не имея контакта, работающего внутри, неизбежно приходилось полагаться на определённый процент догадок. Каждый запасной план будет чертовски сильно зависеть от того, что он найдёт, как только они проникнут на периметр. Что бы там ни оказалось, это подкинет как минимум несколько сюрпризов.

Понимание этого, честно говоря, ни черта не помогало.

Врег, похоже, все ещё считал подход главной команды забавным, но Ревик заметил, что он не наивен в отношении человеческой культуры или даже американской культуры, хотя из-за изолированности Повстанцев в горах можно было ожидать такого. Он задавался вопросом, сколько же операций за долгие годы люди Салинса провернули на этом континенте из Барьера, а то и вживую.

Он решил, что и это на самом деле его не волнует.

В любом случае, Врег сейчас полностью согласился с планом.

Покинув главное хранилище оборудования, Ревик вышел за дверь и оказался в гостиной их вторичного «безопасного дома».

Эту часть предоставили не люди Салинса; Ревик сам справился через контакты, имевшиеся у него в Штатах. Войдя в комнату, он очутился лицом к лицу к Кэт, не успев даже осознать, на кого он смотрит.

Прошло немало времени с тех пор, как он видел её во всем величии. Его взгляд привычно скользнул по её телу, задержавшись на туфлях на высоком каблуке. Шёлковое платье едва прикрывало её пах. Она улыбнулась ему с притворной застенчивостью, и Ревик нахмурился, отвернувшись.

Его взгляд скользнул по Джону и остановился на Уллисе.

— Что, бл*дь, она здесь делает? — спросил он.

Уллиса вскинула бровь. Она грациозно лежала на бархатном диванчике, её темно-рыжие волосы рассыпались по шее и декольте. Она как будто в любом помещении располагалась изящно, даже в их импровизированном военном штабе, но это не уменьшало её ценность как разведчицы.

— Ты сказал мне привести моих разведчиков, Ревик', - сказала она, все ещё приподнимая брови.

Он взглянул на Кэт.

— Я не имел в виду её. Зачем, бл*дь, ты её притащила? Ты чертовски хорошо знаешь, что я не могу доверить это ей, — он даже не потрудился повторно взглянуть на Кэт, произнося эти слова. — Я хочу, чтобы её выгнали отсюда. Немедленно.

Уллиса тихо щёлкнула языком.

— Ты можешь доверять всем нам, Ревин'. Ты это знаешь. Кэт сделает свою работу.

Ничуть не убедившись, Ревин повернулся к Кэт, поджав губы.

— Хотя что-нибудь случится с моей женой, а ты окажешься рядом — и я убью тебя.

— Или это сделаю я, — пробормотал Джон.

Русская видящая на мгновение как будто испытала боль, но её лицо тут же превратилось в холодную маску. Она презрительно взглянула на Джона, затем на Ревика.

— То есть теперь я получаю угрозы жизни? Вот как обстоит дело?

Ревин не отвёл взгляд.

После некоторой паузы Кэт, похоже, увидела что-то в выражении его лица.

Она убрала свой свет. Щёлкнув языком, она сдула чёлку с лица и пожала одним плечом, закатывая глаза.

— Расслабься, Дигойз. Мне же платят, не так ли?

Ревин показал пальцем на Уллису.

— Я не хочу, чтобы эта сука приближалась к Элли. Я серьёзно. Ответственность я возложу на тебя, 'Ллиса.

— Ревин'...

— Никаких возражений. Просто согласись со мной и скажи «да, сэр». Она может трахать мозги людям Териана, если ей так надо запустить в кого-нибудь свои когти.

Уллиса выглядела опешившей, но после небольшой паузы, испытующе посмотрев на Джона, она взглянула обратно на Ревика. Сделав примирительный жест, она выдохнула дым *hiri* и наградила

его озадаченным взглядом.

— Да, сэр, — пробормотала она.

Он пошёл мимо них в рабочую комнату за гостинкой. Увидев, что Джон поднялся на ноги, Ревик шагнул в сторону, позволяя человеку войти первым, но тут услышал, как Кэт бормочет на прекси, обращаясь к Уллисе.

— Да уж... эта сука Мост та ещё святая. Заставляет Ревик' опять вести себя как Шулер. Или только я это замечаю?

— Ш-ш-ш, — пробормотала Уллиса. — Его жену похитили, Кэт.

— Нахер. Это не оправдание...

Ревик позволил двери захлопнуться за ним, забыв их слова ещё до того, как перестал их слышать. Краем глаза наблюдая за Джоном, он сосредоточился на Вреге и слегка вздрогнул, когда опустился в кресло, чтобы дать отдых ноге.

Он не мог позволить себе хромать, когда они войдут в здание. Такие маленькие детали могут его выдать, и он знал, что в Белом Доме среди прочего есть оборудование по распознаванию походки. Зная Териана, он может настроить программу, чтобы та оповещала обо всех хромящих, просто на всякий случай.

Врег раскладывал оружие на длинном деревянном столе.

— Готов к маскировке? — спросил он, улыбаясь Ревик.

Ревик также проигнорировал подколку.

— Постоянный исполнитель здесь? — спросил он вместо этого.

Врег кивнул в сторону боковой двери. Вместо того чтобы встать, Ревик поддел видящего в соседней комнате через конструкцию. Он ждал, все ещё массируя верхнюю часть бедра, пока мужчина не появился в дверном проёме.

— Ладно, — сказал он, скрежеща зубами от боли в ноге. — Говори.

— Говорить? — зелёные как море глаза видящего слегка расширились.

При виде выражения лица Ревика его круглое лицо напряглось, улыбка немного дрогнула, когда он взглянул на Джона, затем менее

охотно обратно на Ревика. Его длинные светлые волосы покрывали шею сзади. Его лицо было таким красивым, что почти женственным, но он не нёс в себе маркеров исключительно гомосексуальных предпочтений, вопреки его явному интересу к Джону.

Его тело было близким. Не идеальным, но близким. Ревик поймал себя на мысли, что недобровольный был в куда более лучшей форме, чем он сам.

И все же в этом отношении модифицировать проще, чем наоборот.

Молодой видящий прочистил горло, скрестив длинные руки на груди. В обществе людей его безупречно вышколили; даже его манеры были идеальными. Ревик осознал, что вновь окидывает мужчину взглядом, сканируя его свет.

Врег сделал хороший выбор.

Он жестом показал молодому видящему приступать.

— Что вы хотите знать? — спросил мужчина.

— Все, — сказал Ревик, все ещё сосредоточившись на своей ноге. — Расскажи мне, что можешь, но в основном я хочу, чтобы ты впустил меня в свой разум и свет. Не скрывай от меня ни единой чёртовой детали... ни ради ложной скромности, ни ради национальной безопасности, ни ради чего-то ещё. Ты не получишь ни цента, если я обнаружу, что ты хоть в чем-то не полностью откровенен. Более того, если я останусь недоволен, я прослежу, чтобы СКАРБ узнал о твоей маленькой операции здесь... это при условии, что ты не разозлишь меня по-настоящему. Тогда я просто отстрелю тебе член и буду смотреть, как ты истекаешь кровью.

Позволив паузе повиснуть в воздухе, он удерживал взгляд недобровольного.

— Мы друг друга поняли? — спросил он.

Джон вздрогнул, посмотрев на Ревика.

Мальчишеское лицо мужчины-недобровольного вновь дрогнуло. Он взглянул на Джона, опять как будто в поисках ободрения. Он показал утвердительный жест.

— Ладно, — он выпрямился на стуле. — С чего мне начать?

— Я же сказал, мне нужно все, — прорычал Ревик. — Предпочтения, кокетливые прозвища, ритуалы, которые у вас двоих имеются... все. Проведи меня по тому, как проходит обычный визит, и представляй это в своей голове. Не опускай ни единой детали, начиная с охранника на входных воротах и заканчивая тем, что случается, когда ты уходишь.

Парень начал говорить, немного заикаясь.

Когда он приступил, Ревик откинулся на кресле, переплетая свой свет со светом недобровольного, чтобы иметь возможность не только слышать его слова, но видеть это, ощущать это, чувствовать запахи вместе с ним. Слушая, он сплетал карту света молодого видящего, складывал её на хранение в конструкции прямо по ходу создания, чтобы команда тоже могла её изучить, убедиться, что он ничего не пропустил. Всякий раз, когда мысленная хронология парня соскакивала, он останавливал его, заставлял промотать назад, пройти вместе с ним по следующим действиям, пока он не понял все.

Как только он прошёл от начала до конца, Ревик заставил его описать ещё несколько визитов, замечая любые маленькие отклонения. Их было немного.

Примерно через два часа он начал расслабляться.

— Ладно, — он взглянул на видящего из-под ладони, вытягивая раненую ногу. — Спасибо. Ты можешь идти. Но оставайся в пределах доступности.

Недобровольный поднялся на ноги, все ещё заметно нервничая, пока он покидал комнаты. Уходя, он напоследок взглянул на Джона, а Врег утешительно похлопал его по плечу, когда тот проходил мимо. Лицо Джона выражало почти откровенное неверие, когда он посмотрел на недобровольного, затем обратно на Ревика.

Ревик не потрудился ответить на его взгляд.

Большинство людей на удивление наивны относительно того, что подразумевал фетиш Сарков.

Если уж на то пошло, его жена тоже наивна в этом отношении.

Эта мысль вызвала резкий укол боли, такой сильный, что он застал его врасплох.

На мгновение Ревик лишь сидел на месте, прикрывая лицо ладонью. Он знал, что боль достаточно сильна, чтобы другие заметили; ни один из двух мужчин не пытался заговорить с ним, пока он ждал, когда боль пройдёт. Как только она начала стихать, он посмотрел направо, глядя на бутылку на столе рядом с Врегом.

Проследив за его взглядом, Врег покачал головой и тихо щёлкнул языком, его губы изогнулись в улыбке.

— Может, Салинс прав на твой счёт, — задумчиво произнёс он, подходя к столу. Он поднял бутылку. — Ты неплохой руководитель, когда у тебя есть мотивация. Ты получил то, что тебе нужно?

— Большую часть, — Ревик кивнул в знак благодарности, когда старший видящий налил и протянул ему напиток. Сделав большой глоток, он расслабился в кресле, потирая виски. — Кое-что все ещё не даёт мне покоя. Я хочу знать, откуда Териану стало известно, где мы находились в тех горах. Или кто-то сказал ему, кто-то из Семёрки или из людей Балидора... — он поднял взгляд, его челюсти напряглись. — ...или мальчик привёл его туда.

Джон, казалось, все ещё пытался прийти в себя после допроса недобровольного.

— А ты сам к какому варианту склоняешься? — спросил он наконец.

— Мальчик, — быстро ответил Ревик, хотя он не мог подтвердить своё заявление доказательствами. — Чего я не знаю, так это то, кого из нас он отследил.

— То есть? — переспросил Врег, приподнимая брови.

— То есть, возможно, ему не нужно узнавать меня, если он уже знает, где я, — сказал Ревик. — Если я — его связь с Элли, или она — его связь со мной... в любом случае, попытки обдурить его маскировкой могут оказаться совершенно пустой тратой времени.

Врег обдумывал это на протяжении секунду.

— То есть, ты можешь идти напрямиком в ловушку, — сказал Джон.

— Теоретически да, — Ревик осушил бокал и поставил его на столик у своего кресла. Взяв полупустую бутылку у Врега, он наполнил стакан, не глядя на них обоих. — Если только мы не

планируем, чтобы нас заметили. Если только я не ожидаю, чтобы он меня нашёл.

— Он не будет держать твою жену с собой, — скептически сказал Врег.

— Нет, — согласился Ревик. — Если только...

— Если только что? — спросил Джон.

Ревик нахмурился и поднял взгляд на Врега.

— Он хочет, чтобы моя жена влюбилась в него, верно? Мальчик.

Врег тоже нахмурился.

— Судя по твоим словам, да, — он уставился на Ревика, словно пытаясь прочесть что-то в его взгляде. Внезапно там вспыхнуло понимание, и остальная часть плана Ревика обрела смысл.

— Вот почему ты отправляешься туда таким образом? — спросил он.

Ревик пожал плечами, его взгляд оставался ровным.

— Это должно быть громко. Из Барьера, имею в виду. Достаточно громко, чтобы убедить его в том, что это по-настоящему... и что это я. Как ты и сказал, в противном случае он не будет держать её при себе. Наверное, он даже спрячет её где-нибудь.

Затем, без единой эмоции в голосе, он добавил:

— ...Если я не дам ему причины захотеть, чтобы она была там.

Джон разинул рот. Он уставился на Ревика, его глаза выражали неверие, словно он не сомневался, что расслышал его неправильно. То, что человек так быстро его понял, раздражало Ревика сильнее, чем ему хотелось бы показать.

Опять-таки, Джона нельзя назвать тупым. Или не наблюдательным.

Даже Врег поколебался, словно внезапно растеряв желание смеяться.

— Это может не сработать, — сказал он. — Ты рискуешь, рассчитывая, как он может повести себя в ситуации с данными переменными.

— Разве не этим и занимаются разведчики? — парировал

Ревик. — Что насчёт переменных? Все ведь логично, верно? Учитывая то, что мы видели?

— Кого ты используешь? Команда должна измениться, если мы действительно это делаем. Нам нужно дать им несколько вариантов... и они должны быть убедительными.

— У тебя в команде нет профессионалов? Ни одного?

— Нет. Ну... может, один, — Врег бросил на него виноватый взгляд, который говорил Ревiku, что тот прикладывает усилия, стараясь быть вежливым. — Обычно мы таким не занимаемся, командир Дигойз. Это идёт вразрез с нашими идеалами. Это особенно противоречит взглядам наших ярых сторонников, то есть практически всех, кого ты выбрал для этого дела.

— У вас есть кто-то из местных?

Врег взглянул на дверь.

— У тебя там две профессионалки...

— Нет, — сказал Ревик.

— А какой у тебя есть выбор? — он всматривался в лицо Ревика. — Я понимаю, что здесь присутствует личный аспект... поверь, я понимаю. Но ты просил моего совета в реализации. Я никак не могу порекомендовать проворачивать такое с новичками, которые не смогут тебя поддержать... или с недобровольными, которые не являются разведчиками. Или ты используешь тех двух, которые у тебя есть, или мы ждём. Найдём кого-нибудь другого. Но ты говоришь об отсрочке на несколько недель, чтобы вплести их в конструкцию, внедрить их личность в Вашингтоне, посвятить в план, обучить деталям...

Ревик хмуро уставился на дверь.

На мгновение его глаза расфокусировались. Он попытался выиграть время, подумать. Ища второе мнение, он взглянул на Джона. Человек наблюдал за ним так же осторожно, как Врег, но в хмуром выражении виднелось понимание.

Должно быть, Элли что-то сказала ему.

И вновь он не сумел подумать о ней без боли.

— Это чертовски рискованно, — серьёзно сказал Врег. — Даже

если ты используешь их.

— Всё будет рискованным, — отмахнулся Ревик. — Мальчик — телекинетик. Адипану понадобился год, чтобы победить последнего видящего-телекинетика, а у меня нет такой огневой мощи... или времени. Мне нужно дать ему причину...

— Не мальчик, — сказал Врег. — Она. Она может убить тебя, заморыш. Тебе это приходило в голову?

— Верно, черт подери, — сказал Джон. Его голос дрожал от ярости. — Я поверить не могу, что ты вообще рассматриваешь такой вариант! Должен быть другой способ.

Ревик уставился на дверь, заставляя свой разум пересмотреть варианты.

Голос Джона зазвучал резче.

— Ты не можешь использовать Кэт, Ревик. Не можешь.

Ревик не смотрел на него.

— Неважно, кто это будет, Джон.

— Черта с два неважно! Разве тебе на её месте не было бы важно, если бы это был Мэйгар?

Ревик колебался, глядя поверх вновь наполненного стакана. Поборов реакцию в своём свете, он отпил большой глоток. Пальцами показав признание его слов, он вновь наполнил стакан. Он избегал взгляда Джона.

— Мы сделаем это завтра, — сказал он. — Я не стану откладывать это ещё на день.

Джон уставился на него с разинутым ртом.

Врег колебался на долю секунды, затем показал жест подтверждения. Он зашагал обратно в главную гостиную. Помедлив у кожаного кресла, он остановился, чтобы ещё раз взглянуть на Ревика.

— Яйца у тебя имеются, заморыш, — сказал он. — Я не могу решить, то ли ты гений, то ли бл*дский идиот, но яйца у тебя на месте. Я сообщу план остальным.

Когда за Врегом закрылась дверь, Джон повернулся к нему.

— Ревик, чувак. Ты не можешь это сделать, — его лицо выглядело совершенно ошеломлённым. — Разве нет другого способа? Элли психанёт. Она окончательно слетит с катушек, бл*дь.

Ревик не ответил. И все же он осознал, что думает о комментарии Врега спустя много времени после того, как старший видящий оставил его здесь с Джоном и бутылкой, в потрёпанном кожаном кресле, в тесной комнатухе, пропахшей парфюмом.

Эта мысль приходила ему в голову. И не раз.

Затем он вспомнил, как кричащую Элли утаскивают прочь, как она царапает Териана, сопротивляется ему. Он вспомнил убитый взгляд её глаз, когда она сидела на диване в Овальном Кабинете, а Териан ласкал пальцами её шею в ошейнике, словно она была особенно дорогой шлюхой.

Он сделал ещё один большой глоток алкоголя, закрыв глаза.

Он поставил стакан на низкий столик, чтобы вновь наполнить его.

Обмякнув в кресле, он потёр виски и скользнул в Барьер, заново прорабатывая некоторые моменты плана в голове, ища недостатки, прогоняя сценарии под разными углами, чтобы уловить детали, которые он мог упустить или не просчитать.

Он пока не мог позволить себе слишком напиться.

Для этого будет время позже, когда ему понадобится заставить своё тело заснуть.

Когда через мгновение Ревик все ещё не ответил ему, Джон вышел из комнаты, не слишком деликатно захлопнув за собой дверь.

Глава 40

Семья

В главной гостиной Джон стал искать единственную видящую, которую он действительно знал — которая все ещё казалась настоящим союзником.

Не то чтобы Ревик не казался таковым, но по правде говоря, Ревик больше ощущался как семья. Даже если не считать его отношений с Элли, отношения Джона и Ревика вошли в те более мутные, более сложные воды — ещё во время их совместного плена.

Джон любил этого парня... очень сильно. Но, как и всегда это бывает с семьёй, периодически ему хотелось свернуть Ревiku шею.

Кроме того, Ревик сейчас явно был не в лучшей форме.

Он нашёл Чандрэ в углу — она внимательно изучала детальную электронную схему Белого Дома и его территорий. Взглянув на других видящих, стоявших и сидевших в комнате, Джон подсел к ней и тихо заговорил.

— Кому-то надо поговорить с ним, — сказал он. — Он совсем, бл*дь, слетает с катушек, Чан. Я имею в виду, *совсем*.

Он обернулся через плечо, сосредоточившись на Кэт, русской видящей, которая сверлила его прищуренным взглядом через всю комнату.

Повернувшись обратно к Чандрэ, он наблюдал, как темнокожая красноглазая разведчица поднимает взгляд от карт, поджимая очерченные губы. Она убрала косички с лица, но выражение её лица не дрогнуло, и она вернулась к изучению детализированных чертежей.

— Ты знаешь, что он планирует сделать? — тихо произнёс Джон. — Чтобы попасть туда, имею в виду. Чтобы заставить этого ребёнка прийти к нему. Ты слышала его идею?

Чан поначалу не ответила, не отрывая глаз от карт.

— Чан! — позвал Джон. — Ты меня слышала?

После небольшой паузы она подняла глаза, награждая его

ровным взглядом.

— Тебе приходило в голову, юный кузен, — произнесла она едва слышным шёпотом. — Что пока мы говорим, Териан и мальчик, скорее всего, по очереди насилуют его жену?

Джон поколебался, чувствуя, как его злость стихает.

— Ага, — сказал он. — Приходило, вообще-то.

— Приходило? — переспросила Чан. — Ну, а ты не думаешь, что Дигойзу это тоже приходило в голову... и возможно, он не желает ждать лучшего, более чистенького плана, чтобы проникнуть внутрь и помочь ей? — её красноватые радужки превратились в стекло, их взгляд обратился внутрь. — Время для мягкого проникновения уже миновало, Джон. Они, бл*дь, похитили *Мост*. Они теперь владеют ей. Теперь уже никаких переговоров. Никаких легальных средств вытащить её. Или так, или открытая война. Люди...

— Люди этого не делали, Чан! Это сделал Териан... один из ваших!

— Они позволяют этому случиться! — взорвалась она. — Они *наслаждаются* этим, Джон! Ты видел ту суку в новостях! Они обращаются с ней как со зверушкой в зоопарке. Териан, вероятно, сдаёт её напрокат любому червяку со стояком. Или ты думаешь, что эти синяки у неё появились после игры в шахматы с мальчиком?

Джон поджал губы. На мгновение ему нечего было ответить.

Затем до него дошло — не похоже, чтобы выбранные ею слова исходили от одной лишь Чандрэ. Более того, он вообще не помнил, чтобы Чандрэ ранее использовала слово «сука». Как только он уловил это, его накрыло очередным осознанием.

Он рефлекторно посмотрел вверх вокруг, словно это помогло ему увидеть конструкцию физическими глазами. Будучи человеком, он забывал, каково видящим, чьи сознания часто переплетались как единый организм.

— Ты можешь его слышать, — сказал он. — Ревика, имею в виду.

Она наградила его очередным ровным взглядом.

— Отстань от него, Джон. Он держится относительно хорошо,

учитывая обстоятельства.

— Ну конечно.

— Он в порядке, Джон.

— Он каждую ночь просыпается в слезах! Он, бл*дь, пьян, Чан... или ты не обратила внимания?

Она пренебрежительно отмахнулась от него.

— Ты не понимаешь.

— Что? — Джон ощутил, как нарастает его злость. — Дай-ка угадаю, потому что я человек?

— Он проведёт нас внутрь! Его план *хороший*, Джон... лучше, чем всё, что придумали мы, когда прогоняли сценарии на самолёте. Это даже может сработать так, что мы не окажемся втянутыми в войну.

— А если он сделается прежним? — произнёс Джон яростным шёпотом. — Ну, ты понимаешь... когда он был *Шулером*. Думаешь, Элли поблагодарит его за это? Или поблагодарит нас за то, что мы стояли в сторонке и позволили этому случиться?

Когда Чандрэ вернулась к картам, щёлкнув языком, Джон поймал её за руку здоровой ладонью и заставил повернуться.

— Ну же, Чан! Не я один это заметил. Сегодня я видел, как он минимум четырём людям угрожал пытками или смертью, и я не думаю, что он блефовал хоть в чём-то, — когда она снова щёлкнула языком и закатила глаза, он крепче стиснул её руку. — Ему откровенно *наплевать*, сколько придётся убить, людей или видящих. Он *планирует* убивать людей, Чан. И речь не о неизбежных сопутствующих потерях... это часть его стратегии! По-твоему, это похоже на Ревика, которого ты знаешь? Ему *наплевать*, развяжет ли он войну...

— Кодекс здесь нас не спасёт, Джон! — произнесла она с предостережением в голосе. — Ты разве не смотрел хотя бы новостные ленты, когда Сиртаун разбомбили в крошку?

— Я тоже был там, Чан, — произнёс Джон уже с искренней злостью. — Даже не *начинай* про это, бл*дь, ладно? Я был в самой гуще вместе с тобой.

— Ладно. Ну и сколько же, по-твоему, смертей, они включили в план игры для *этой* маленькой операции? — её подбородок вновь напрягся, и она сделала короткий жест рукой, отбросив косички назад резким движением головы. — Он одел её как бл*дскую шлюху. *Его* шлюху. Териан смеётся над нами, Джон! Он заслужил все, что он получит от Дигойза, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы видеть, что он это получит.

Выдернув руку из его хватки, она закрыла карту и наградила его очередным жёстким взглядом перед тем, как уйти обратно в рабочую комнату.

Джон лишь смотрел ей вслед.

Нет смысла догонять её. Она его не слышала.

Чандрэ теперь стала такой же, как они все.

Чем дольше они оставались с этой группой татуированных видящих из гор, тем более злыми и настроенными против людей они становились. Джон вновь посмотрел по сторонам, гадая, не исходило ли это и от Ревика тоже. От его внимания не ускользнули, что временами у его друга имелась немалая склонность к расизму. Элли ворчала по этому поводу. Даже Йерин упоминал это как-то раз.

В последнее время становилось только хуже.

Здесь что-то не так. Джон знал, что это как-то связано с видящими-повстанцами и их жутковатым лидером, Салинсом. Ревик, похоже, тоже это знал; просто ему наплевать.

Зная его, наверное, в его глазах это считалось компромиссом.

Было что-то пугающее в том, что целая армия незнакомцев просто вверила Ревiku контроль над операциями, не задавая никаких вопросов. Неважно, кем бы ни была его жена, и что бы с ней ни случилось, Джону это все равно казалось странным. Все они, даже тот монстр, Врег, который все меньше ненавидел Ревика по мере того, как тот превращался в полного ублюдка — все они без вопросов делали то, что говорил им Ревик.

Усевшись на плюшевое кресло, которое, наверное, под инфракрасным цветом сплошь светилось пятнами, Джон закрыл глаза и постарался унять беспокойство, скручивавшее его нутро.

Что-то в выражении лица Ревика...

Что бы там ни говорила Чан, Ревик вовсе не хорошо справлялся с этим.

Джон не давал себе времени подумать о том, через что сейчас могла проходить Элли. Он просто не мог задумываться об этом.

Однако он знал, что Ревик наверняка не сумеет заблокировать эти мысли, во всяком случае, не полностью. Он будет проводить параллели со всем, что он, Джон и Касс пережили от рук Териана. Он будет представлять себе сцены с мальчиком. Он явно выбит из колеи всей этой штукой с сексом и браком, в разгаре которой находились они с Элли.

Так что да, Джон понимал, почему он в некоторой степени сходит с ума.

И все же вид Ревика в таком состоянии пугал его.

Отчасти Джон думал, что если он сам ничего не мог сделать для своей сестры, то он мог хотя бы уберечь её мужа от краха, пока тот пытался спасти её жизнь. Он даже подумывал связаться с Вэшем или, может быть, Балидором, но Ревик предельно ясно дал понять, что не желает говорить с ними, как минимум, пока все это не закончится.

Ему чертовски хотелось, чтобы Касс была здесь.

Касс имела странное свойство проникать сквозь защитные барьеры Ревика. Ревик прислушался бы к ней. Возможно, на неё он тоже наорал бы, но он хотя бы выслушал её.

Однако Джон понятия не имел, где сейчас Касс.

И вообще, когда он в последний раз её видел, она тоже вела себя чертовски странно.

Балидор помедлил на каменистой тропе, положив руки на бедра.

Он посмотрел вверх, на склон ближайшего крутого утёса, где Касс и горный версианец медленно продвигались по узкой тропе, обнимавшей изборозждённую каменную стену. Красные и черные вены извивались по серой поверхности скалы, придавая ей сходство с изрезанной плотью.

Вопреки своим дерзким манерам и человеческой биологии, Касс, похоже, могла идти часами без единого признака усталости.

Балидор начинал гадать, как он вообще позволил уговорить себя на это. Когда Дигойз отказался от его помощи, ему нужно было присоединиться к своим братьям и сёстрам из Адипана, провожать беженцев обратно в Памир, к Вэшу.

— Касс! — крикнул он вверх. — У тебя все хорошо?

— Ага, — отозвалась она чем-то средним между громким откликом и криком. — Думаю, мы уже довольно близко. Это выглядит в точности как рисунок в книге. Багуэн тоже так думает.

— Ты вообще представляешь, каковы шансы? — произнёс Балидор с некоторым раздражением. — И вообще, эта книга может оказаться обманкой, Касс, или...

— Нет, — крикнула Касс в ответ. — Все верно.

Балидор заметил, что версианцу, похоже, нет дела ни до того, ни до другого.

Но с другой стороны, он явно следовал за Касс, словно она была каким-то человеческим пророком — может, из-за её отношений с Мостом. Балидор все ещё не знал его имени, хотя она называла его Багуэн. Балидор подозревал, что это какое-то искажённое слово версианского языка, которое она неправильно расслышала.

Они провели в походе несколько дней, единственную провизию они несли за своими спинами, а единственной их экипировкой было то, что Балидор имел при себе, когда покинул Сиртаун с Повстанцами, в том числе его пистолет.

В два из минувших дней ему удалось поохотиться.

Вода не была проблемой, по крайней мере, пока что, но он все сильнее тревожился из-за сокращающегося количества боеприпасов и из-за того, что они вообще делали здесь. Касс, похоже, решительно уверилась, что это лучший способ помочь Дигойзу и Мосту, но учитывая все факторы, вера Балидора в Касс начинала подкашиваться.

Чего бы она ни пыталась достичь, он не мог прочесть это своим экстрасенсорным зрением. Для него это подразумевало больше веры, чем допускал его рациональный рассудок.

И все же впервые за несколько десятилетий, а то и столетий, Балидор не мог сказать, что имелось какое-то срочное дело, требующее его внимания.

Сиртаун заброшен. Адипан разбежался.

Те, кто не отправился за Дигойзом и Мостом, возглавляли караваны беженцев до Памира, Сиккима или Ладакха, чтобы собраться и оценить их потери. Некоторые из этих групп пробудут в пути недели, если не месяцы. Конечно, Балидор мог бы помогать им, но опять-таки... не было жизненной необходимости в его присутствии.

Правительство видящих пребывало в полном хаосе, но сам Балидор мало что мог предпринять по этому поводу. Именно на Вэша ложилась ответственность реорганизовать Совет из тех, кто остался.

Он слышал новости от остатков Семёрки прямо перед тем, как он, Касс и версианец ушли из той землянки в Юго-Западном Китае. Новости были в основном плохими. Йерин убит американцами — а может, случайно погиб от рук Восстания. Американцы все ещё отрицали свою причастность, а Повстанцы придерживались утверждения, что они появились только после атаки, но в случае с Йерином конечный результат оставался прежним.

Вэш оплакивал своего сына, что замедляло восстановление правительства.

Скорее всего, в результате его отсутствия и ситуации с Мостом Совет фактически ушёл на перерыв. Балидор не хотел думать о том, что им делать, если этот перерыв никогда не закончится.

Балидор получил список погибших.

Он мог хранить все это в своём *aleimi*, потому что он был видящим. Он мог бы повторить его наизусть, если потребуется, но знать эти имена — уже само по себе плохо. Многих из погибших он знал лично.

И помимо этого, сама численность жертв ошеломяла. Балидор понимал, что возможно, становится свидетелем конца своей расы, или же начала её конца.

Ему стоило отправиться с Дигойзом.

Он знал, почему Дигойз не хотел его присутствия; это стало

понятно по его отговоркам, ещё до того, как Ревик подсоединился к той грязи Дренгов просто потому, что это могло сэкономить ему несколько дней с поисками его пары.

Вэш предостерегал его, что Ревик по-прежнему имел некоторые проблемы с привязанностью. Когда Балидор спросил, что Вэш думал о том, чтобы нанять бывшего Шулера в ряды Адипана, Вэш беспокоился только об этих проблемах с привязанностью. Ревик слишком большую часть своей жизни провёл в одиночестве, сказал Вэш. В этом отношении у него по-прежнему сохраняется уязвимость, и это никуда не денется, пока его супруга не поможет ему исцелиться.

Так что Балидору стоило отправиться с ним в Америку, но он этого не сделал, и возможно, теперь у них на руках проблема даже посерьёзнее того, что Мост принадлежит помешанному психу вроде Териана.

Если Дигойз, с его отношениями с Мостом, вновь переметнётся, он станет серьёзной проблемой. Более того, возможно, им придётся найти способ убить его так, чтобы не навредить ей — или хуже того, убить их обоих, чтобы предотвратить урон, который они могли нанести вместе. Ибо этот урон значительно перевешивал её способность помочь людям в грядущем Смещении.

Но и здесь Балидор не знал, что можно предпринять прямо сейчас.

Скорее всего, с этой проблемой невозможно разобраться, пока Элли не освободят из плена Териана. Балидору ненавистно признаваться в этом, но Дигойз, тёмный или светлый — их лучший шанс на достижение этой цели так, чтобы она при этом не погибла.

Нельзя допускать, чтобы она осталась с мальчиком, что бы ни случилось. С темным Дигойзом они могли справиться, какой бы устрашающей ни казалась эта перспектива. Это ничто в сравнении с будущим темным Сайримном бок-о-бок с Мостом.

Так что Балидор продолжал следовать за Касс и гигантом-версианцем, все это время пытаясь решить, как долго он мог придерживаться этой тактики оттягивания времени прежде, чем он развернётся и зашагает по долгой дороге обратно в Дхарамсалу или Дели, чтобы сесть на самолёт до Северной Америки.

Тем утром он решил, что приближается к своему пределу.

Он все ещё смотрел на Касс, наблюдая, как она ощупывает поверхность крутой скалы с узкими полосами, когда её рука внезапно исчезла.

Балидор моргнул, посмотрел ещё раз.

Её рука по-прежнему виднелась по локоть, а остальное скрылось в гладком камне безо всяких примечательных черт. Он видел, как её лицо расплылось в широкой улыбке, искажая толстый шрам, который пересекал её черты. Она отбросила назад волосы, выкрашенные в черные и красные цвета.

Затем она исчезла как будто прямо у него на глазах.

— Эй! — заорал Балидор на прекси, куда-то в сторону скалы. — Багуэн! Что случилось?

Гигант фыркнул, посмотрев на него вниз. Он коснулся каменной стены там, где секунды назад была Касс. Балидор видел, как исчезли его пальцы. Затем прямо на его глазах версианец тоже исчез.

Балидор закричал вновь.

— Касс! Мать твою!

Ни один из них не ответил.

Рассердившись, а теперь ещё и немного испугавшись, он вскочил на тропу, чтобы добраться до того уступа.

Он принялся скользить своим телом и ногами вдоль узкого края. Стараясь хорошо держаться за стену, Балидор проделал путь до крутого уступа, где стояли эти двое. Несколько раз, спеша добраться до места, где видел её в последний раз, он терял равновесие, и из-под его ботинок с органикой сыпались камешки. На самом деле, путь был вовсе не сложным. Он больше напоминал тропку для коз — узкий, усыпанный камешками уступ, где лишь временами имелась нормальная опора для ног.

Как Касс вообще умудрилась туда забраться...

Он помедлил, сосредоточившись, когда добрался до места в утёсе, где они исчезли. Балидор ощупал камень пальцами, ища проёмы, любые места, где порода поддавалась натиску. Сделав вдох, он надавил сильнее, сосредоточившись на том месте, где все ещё чувствовал отпечатки её рук.

... затем он внезапно очутился внутри горы.

Не было никакого предупреждения, никакого переходного периода. Не зная он лучше, Балидор подумал бы, что его поглотила сама скала. Или что его телепортировало.

Поморгав, чтобы глаза привыкли, он мельком обернулся на каменную стену за собой.

Её он изучит потом. Ему нужно найти Касс.

Он простёр свой свет *aleimi*, осматривая пещеру, в которой очутился. Вместо полной темноты она оказалась тускло освещённой фосфоресцирующим свечением на стенах, живой массой. Балидор легонько прикоснулся к ней руками в перчатках, вдохнул влажный гнилой запах, затем скорчил гримасу и продвинулся глубже в пещеру.

— Касс? — он говорил тихо.

Используя свой свет, он пошёл по следам её *aleimi* глубже в пещеру. Добравшись до того, что казалось ему концом, он осознал, что это лишь поворот в длинном коридоре. Он последовал за изгибом скалы. Он прошёл буквально десять шагов перед тем, как упереться в очередной тупик.

Эта стена, похоже, состояла из плотного вулканического стекла глубокого чёрного цвета. Внешне она напоминало плоское чёрное зеркало.

— *D'gaos*, — пробормотал он. — Где же эта человечка?

Простирая свой свет, он осознал, что по другую сторону камня находится обширное пространство, и протянул руку. Он ощупал поверхность, пока он вновь не...

... очутился в ином месте.

На мгновение он мог лишь стоять там, моргая от резкой перемены в освещении. Осмотревшись по сторонам, он остановил взгляд на стене органических машин, уставившись на них в каком-то неверии, пока голос Касс не выдернул его в настоящее время.

— Эй, 'Дори.

Балидор повернулся и увидел эльфийское лицо Касс.

Она подозвала его нетерпеливым жестом, её руки повисли в

воздухе над чем-то вроде главной панели управления, как минимум для нескольких органических машин.

— Ты узнаешь эти пульта управления? — спросила она, показывая на наборы клавиш. — Я не могу читать на этом языке.

Осторожно приблизившись, Балидор посмотрел на пульт, затем на обширный набор машин. Ряд органики уходил в каменные стены глубже, чем он изначально осознавал.

— Что это, бл*дь, такое? — спросил он по-английски.

Касс подняла взгляд, широко улыбаясь. Её глаза светились светом, которого он не видел в них за все месяцы, что они знакомы. Это было лёгкое веселье, счастливое ощущение триумфа, которое как-то приободрило Балидора.

— Видишь это? — спросила она, показывая на монитор.

Балидор проследил за её указывающим пальцем и уставился на проекцию виртуальной реальности. Нахмутив лоб, он попытался различить образ на экране, осознать его.

— Что это? — спросил он наконец.

— Космос, — сказала она, смеясь. — Можешь себе представить?

— Космос? — он тупо уставился на неё. — Кто в космосе?

Она улыбнулась ещё шире, и в этой улыбке было столько радости, что Балидор невольно улыбнулся в ответ, поражаясь глубине её эмоций.

— Фигран, — сказала она. — Но мы доставим его домой.

Глава 41

Сломленная

Я скорчилась в углу камеры. Я не могла пошевелиться.

Мой разум казался совершенно плоским и статичным. Я боялась, что я сломлена. Что я никогда уже не буду нормально функционировать. Я ощупывала свои части тела, но не могла заставить себя посмотреть.

Я не могла пошевелиться. Я действительно не могла пошевелиться.

Я знала, что меня наказывали... наказали... скоро снова накажут.

Угрозы размывались в моем сознании воспоминаниями о физической боли. Я не могла хорошо видеть. Я ждала его. Я ждала, когда...

Мой разум скользнул обратно в статичное состояние, затем вернулся в свою медленную петлю.

Меня наказывали. Наказывали за то, что я плохая. Я не помнила. Ничто не шевелилось нормально. Все мышцы в моем теле... все казалось как будто парализованным. Это было блаженство. Я не хотела, чтобы это заканчивалось. На мгновение...

Я зациклилась на одной детали. Я пускала слюни. Я пыталась держать рот закрытым. Я клала подбородок на колени. Я поворачивала голову вбок, но ничего не работало. Меня привалили к углу, как сломанную куклу.

Кровь покрывала пол. Тихо.

Пятно, кажется, не сделалось больше, чем прежде, но я не могла точно сказать, когда было это «прежде». Возможно, я умирала. Я ничего не чувствовала, но это возможно. Я хотела переживать по этому поводу. Я отчаянно хотела иметь мнение на этот счёт, но ничего не могла найти.

Он забрал меня в одну из тех комнат с зелёным кафелем.

Я ощущала частицы этого, но они были блаженно лишены моего света. Никаких орд человеческих охранников. Только он. Я что-то

сделала — что-то, что его разозлило. А может, напугало. Я не помнила, что именно. Я позволила своему сознанию гудеть на ровной, безжизненной ноте и больше всего желала заснуть, чтобы не находиться здесь ещё дольше.

Ему это нравилось, очень нравилось. Он хотел моего света. Он хотел...

Когда я услышала голос, я была уверена, что сплю и вижу сон.

— Эй! Мост!

Я узнала этот голос даже в громком шёпоте.

Я с трудом подняла голову, вновь положив подбородок на колени. Я все ещё пускала слюни. Я не могла пошевелить руками, чтобы вытереть их. Мои пальцы безвольно лежали по бокам, ладони разжались. Я уставилась в широкое азиатское лицо.

По какой-то причине слезы в его глазах удивили меня сильнее всего.

— Мост, — он опустился на колени, чтобы наши лица оказались на одном уровне. Он протянул руку, и его глаза увлажнились, слезы покатались по лицу. — Иди сюда. Можешь?

Я старалась держать глаза открытыми, глядя на лицо Мэйгара.

Я непременно спала и видела сон. Непременно.

— Элли!

Голос пронзил моё сознание, заставив мои глаза открыться.

Его паника напугала меня, заставила съежиться.

— Элли, что случилось?! Что не так?

Мальчик кинулся на колени рядом со мной. Его пальцы приласкали моё лицо, убрав влажные от пота волосы с глаз. Даже легчайшее прикосновение причиняло боль, заставляло меня отдёргиваться. Онемение ушло.

Он наступил в мою кровь и захныкал, вскрикнув. Его мучение

заставило меня вцепиться в него. На мои глаза навернулись слезы.

— Все хорошо, — услышала я свой голос. Мои губы онемели. — Все хорошо, детка...

Он уставился на меня радужками, светившимся слабым зелёным светом.

Я осознала, что сказала, только увидев слезы, навернувшиеся на его глаза.

На мгновение, на долю секунды я забыла, с кем нахожусь.

Он уже был на ногах. Он расхаживал передо мной, не отрывая от меня взгляда. Он вновь опустился на колени, прикоснулся к моему лицу.

— Элли, — пробормотал он. Он поцеловал меня. Его голос оставался мягким, но я слышала в нем жестокость. Адресовалась она не мне. — Элли... дорогая. Скажи мне. Кто сделал это с тобой? Тебе нужно сказать мне. Немедленно.

Я покачала головой, не глядя на него.

Его голос смягчился, вновь становясь слишком взрослым, слишком знакомым.

— Позволь мне посмотреть, — уговаривал он. — Позволь мне посмотреть, прошу, любовь моя.

Он бережно взял моё запястье в руку. Вновь всмотревшись в моё лицо, возможно, в поисках разрешения, он бережно убрал мою руку от моего тела, чтобы суметь посмотреть на меня. Я осознавала, что я голая. Почему-то это беспокоило меня сильнее того, почему он хотел посмотреть. Я попыталась прикрыться другой рукой. Я все ещё не очень хорошо могла двигаться. Мои руки казались вырванными из суставов. Я помню верёвки и что-то ещё...

Нензи вломился в мои мысли, снова всхлипнув.

Когда я подняла взгляд, он смотрел мне в лицо испуганными глазами. Он коснулся моей щеки, всматриваясь в глаза. Он поцеловал меня, касаясь моих волос так легонько, что я едва это ощутила. Я осознала, что вспоминаю проститутку, которая была у него раньше, когда он был таким молодым.

— Элли, — повторил он. — ...боги! Пожалуйста. Пожалуйста,

скажи мне, что случилось!

Я окинула взглядом пустую камеру.

Я вновь могла шевелиться. Вроде как. Это также означало, что моё тело болело настолько, что я закрыла глаза, повелевая себе вернуться в бессознательное состояние. Затем я подняла веки, вспомнив. Я посмотрела по сторонам, но Мэйгара нигде не было видно.

Пальцы Нензи крепче сжались на моей коже. Боль вынудила меня покрыться потом, но я все ещё не могла пошевелиться. Напряжение в его руке заставило меня вновь посмотреть ему в глаза.

— Элли, — тёмные глаза переполнились слезами. — Кто сделал это с тобой?

Я постаралась думать. Я вспомнила слова Териана, что он пообещал сделать.

— Я не знаю, — сказала я.

Он взял мою ладонь, вновь убрав её с моего колена и посмотрев на остальное моё тело. Я не проследила за его взглядом. Мне не нужно было смотреть туда, чтобы знать — там все плохо.

— Я в порядке, — соврала я.

Его челюсти напряглись. Его глаза сделались более яркими, словно жидкими. Слезы покатались по его щекам, прочерчивая ручейки на его безупречной коже.

— Кто это сделал, Элли? Это был один из людей? — злость сделала его голос хриплым. — Кто из них это сделал?

Я поколебалась, немного не веря и избегая его взгляда. Положив лицо на колено, я покачала головой.

— Под наркотиками, — сказала я наконец. — Не знаю.

— Ты ничего не помнишь?

Я показала отрицательный жест.

— Нет, — сказала я.

Несколько долгих моментов он сидел возле меня, обнимая одной рукой. Он положил руку на мою ногу, но я её не оттолкнула.

Прошло ещё несколько минут прежде, чем я осознала, что он

делает что-то со мной. Нога, которой он касался, ощущалась иначе, почти так, словно кожу и мышцы простреливало слабым, но ровным импульсом электричества.

Я подняла взгляд. Глаза Нензи выражали сосредоточенность, радужки светились как мигающий свет фонарика, у которого вот-вот сядет батарейка. Интенсивный взгляд не отрывался от места, где его ладонь касалась моей кожи.

Я все ещё наблюдала за светом в его глазах, когда он подвинул руку выше, на мой живот. Я тихо ахнула, когда там зародилось покалывание, но это не причиняло боли, так что я не отодвинулась. В итоге я осознала, что его действия постепенно облегчали боль там, где касалась его рука.

Постепенно, по мере его продвижения, я чувствовала, как мои мышцы начинают расслабляться. Я стала дышать глубже, когда он не остановился. Свесив голову между коленей, я старалась протолкнуть кислород в лёгкие. Конечно, ошейник делал все омертвевшим, но я больше не чувствовала себя так, будто вот-вот сдохну. Он передвинул руку на мою грудь, и я слегка вздрогнула, но затем расслабилась, когда тепло от его пальцев вибрацией разошлось по моей коже.

— Спасибо, — выдавила я. — Спасибо, Нензи.

Его пальцы на мгновение сжались на моем теле.

— Ты скажешь мне, Элли? Пожалуйста? Кто сделал это с тобой? Кто причинил тебе боль?

Я покачала головой.

— Я не могу сказать тебе то, чего не знаю.

— Я убью их всех, — прорычал он.

— Нет, — я положила ладонь на его руку. — Пожалуйста. Не нужно.

Мы все ещё сидели там, его ладонь лежала на моей грудной клетке, когда дверь в наружную камеру открылась с гулким лязгающим звуком. Я невольно вздрогнула, съёжившись за мальчиком.

Он перестал делать то, что делал, и поднял взгляд.

Я видела, как его глаза утратили свой свет, опять растворившись темными радужками на бледном лице. Его взгляд проследил за моим взглядом до двери, которую мы оба не видели. Его выражение заставило меня занервничать. Там виднелась ярость, но сдерживаемая холодной сосредоточенностью, которая почему-то пугала сильнее всего, что я видела в нём прежде.

— Нензи, — прошептала я, касаясь его лица, пока он не повернулся. — Нет, — мягко произнесла я и покачала головой, когда он посмотрел на меня. — Нет. Это были не они.

Я узнала голос скандинава и азиатской женщины, Рейвен, ещё до того, как они завернули за угол цементной стены. Подбородок Нензи напрягся. Он посмотрел на дверь, затем на меня. Его голос опустился почти до шёпота.

— Ты уверена, Элли? Ты же не стала бы мне врать?

Я покачала головой.

— Я не вру.

— Нам надо что-то сделать с ней... — услышала я бормотание женщины.

— Серьёзно? — пробормотал Териан в ответ. — И что же такого ты предлагаешь сделать, чего бы я ещё не пробовал? Нензи отказался принуждать её.

— Что за маленький ублюдок, — весело протянула Рейвен.

— Вот и я о том, — сказал скандинав, и в его голосе звучала улыбка.

Мальчик положил ладонь обратно на мою ногу, стиснув её.

Жест казался защищающим, и я сглотнула, осознавая, что расслабляюсь от того, что видела в его жидком взгляде. Он поцеловал меня, вновь посмотрев на меня, и в его глазах виднелась неподвижность, которая заставила меня замереть. В его глазах виднелось обещание.

Он не допустит, чтобы это случилось вновь.

На мгновение затерявшись там, я поймала себя на мысли, что вижу другую его сторону, может, даже взрослую версию Сайримна. Что-то там заставило меня подумать о Балидоре. Это выражение лица

подходило тому, кто привык быть за главного и чувствовал себя комфортно в этой роли.

Коснувшись его руки, я слегка улыбнулась ему.

Как только я точно убедилась, что контролирую выражение лица, я посмотрела поверх его плеча в сторону двери.

Сделав это, я тут же застыла.

Там стоял Мэйгар, державшийся за решётки. Позади него находилась Рейвен, азиатская видящая с черными волосами и яркими бирюзовыми глазами. Мэйгар ничего не говорил. Он не переставал смотреть на меня, почти не отрывая взгляда, когда Рейвен коснулась его руки.

Заметив выражение его лица, она нахмурилась и покосилась на меня.

— Наша девочка пользуется популярностью, — пробормотала она на прекси, обращаясь к Териану. В этот раз в её словах не звучало веселья. — Наверное, нам стоит попытаться удержать её под рукой. Хотя бы на какое-то время.

— Она знает прекси, Рейвен, — спокойно сказал Териан. — И мальчик тоже.

Женщина пожала плечами, ярко-голубые глаза выражали безразличие.

Мэйгар выругался так громко, что я вздрогнула. Взглянув на него, увидев тёмный взгляд его глаз, я попятилась за мальчика.

— Проклятье, — его голос переполнился яростью. — Я же тебе сказал, что ей нужен *врач*! — он показал в мою сторону. — Я думал, ты займёшься этим, Шулер!

Я видела, как скандинав переглянулся с Элан, и осознала, что слова Мэйгара адресовались ему. Я с трудом следила за ходом разговора.

Мэйгар знал Териана? Достаточно хорошо, чтобы орать на него?

Мэйгар сверлил скандинава суровым взглядом.

— Что ты творишь, позволяя этому маленькому чудику лапать её? — спросил он. — Доставь её к врачу! Немедленно!

Скандинав посмотрел на меня.

Вместо того чтобы широко улыбнуться, как я ожидала, он нахмурил брови. Это хмурое выражение казалось таким искренним, что я невольно уставилась на него.

Сделав это, я осознала, что он действительно может стирать собственные воспоминания, чтобы не дать мальчику почувствовать то, что он сделал.

— Твой мальчик прав, — сказал он, обращаясь к Рейвен, и шагнул вперёд.

— Видишь? — презрительно сказала она. — Она хочет умереть.

— Нет, — возразил Териан, щёлкнув языком от беспокойства и раздражения. — Я так не думаю, — он повысил голос. — Нензи? — в его голосе звучало глубинное беспокойство. — Что случилось с Элисон? Она в порядке? Похоже, у неё идёт кровь.

Нензи поднял руку, заслоняя меня от этих троих.

— Ты сделал это? — спросил Нензи у Териана. — Ты?

— Друг мой! Конечно, нет! Что с ней случилось?

— Скажи мне правду!

— Я не причинял ей вреда, Ненз! Обещаю тебе!

Нензи посмотрел на меня. Прикусив губу, я кивнула.

— Он говорит правду, — сказала я. — Не думаю, что это был он, Нензи.

Мальчик все ещё смотрел на меня, когда Териан дошёл до двери камеры. Я отпрянула, не сумев сдержаться, и стиснула руку Нензи. Посмотрев на меня, затем обратно на Териан, маленький видящий буквально прорычал:

— Оставайся снаружи! Не приближайся к ней!

Териан поколебался, положив руку на дверь. Он посмотрел на меня, затем на мальчика.

— Клянусь тебе, Нензи! Я этого не делал! Она сказала тебе, что это сделал я?

— Если бы она так сказала, ты был бы уже мёртв, — ответил Нензи.

Рейвен тоже повернулась к Териану, и её лицо исказилось от ярости.

— Ну, может быть, если бы ты не ранил его, не оставил прикованным в глуши умирать! — она резко щёлкнула языком в адрес Териана. — Ни еды, ни воды, голышом на солнце! Бомбёжка Сиртауна могла отложить его спасение на дни! Он наверняка *мёртв*, Терри. Скорее всего, она умирает, потому что он уже мёртв. И ты это знаешь, не так ли?

Териан вздохнул, положив руки на бедра.

— Рейвен, посмотри на неё! Она не умирает от голода. Её избили! Ты ослепла, что ли?

Но я едва слышала его слова. Я ощутила, как мою грудь сдавило.

Меня переполнило такой физической болью, что я не сомневалась — у меня сейчас случится сердечный приступ. Я стиснула свою грудь, стараясь дышать, но будучи уверенной, что дышать я не могу.

— *Du relante d'gaos...* что ты наделал, — сказала Рейвен. — Посмотри на неё. Её сейчас инфаркт хватит.

— Я это сделал? — с неверием переспросил Териан. — Кто только что трепался о смерти её супруга?

— Ей нужен чёртов доктор, — прорычал Мэйгар.

Он шарахнул ладонью по решёткам клетки.

Этот жест и эмоции, звучавшие в его голосе, на мгновение привели меня в чувство.

Я подняла взгляд, ища любое отвлечение, что угодно, что могло бы отвлечь меня от мысли о Ревике, лежащем голышом на том плато, пока вороны поедают то, что осталось от него после смерти от переохлаждения и обезвоживания.

Я не могла уложить это в голове и не могла сбежать от этого. Это поедало меня изнутри как тошнота по мере того, как образ обретал краски. Я не могла избавиться от этого. Я не могла приблизиться к этому так, чтобы не возникало желания начать бесконтрольно кричать.

Териан сказал мне, что мы с Ревиком не завершили связь.

Он сказал, что если Ревик умрёт, это будет адски больно, но это не должно убить меня. Он сказал мальчику, что это убьёт меня, потому что у него имелись свои причины желать, чтобы Ревик остался в живых. И было предельно ясно, что Нензи убьёт Ревика без весомых оснований.

Когда Териан говорил мне все это, это казалось правдой.

Мысль о том, что я могу выжить после этого, делала все только в разы хуже.

Я принадлежала правительству Соединённых Штатов. Териан и мальчик возьмут меня измором. Нензи был прав, в итоге я образую связь с ним из-за отсутствия других вариантов.

Если я не умру, это никогда не закончится. Никогда.

Насколько я могла предполагать, Вэш и Балидор тоже мертвы... и Джон, и Касс.

Я заплакала. Все болело. Даже без своего света я хотела умереть.

Мэйгар пристально смотрел на меня, неверие в его глазах смешивалось со страхом, который выбивал меня из колеи. На это тяжело было смотреть. Я помнила, что говорил мне Ревик, помнила его уверенность в том, что Мэйгар испытывал ко мне чувства, но я все ещё не могла в это поверить. Как он вообще оказался здесь, со всеми этими людьми? Последнее, что я знала — что он в какой-то коме.

Он все это время работал на Териана?

— Предатель, — пробормотала я, вытирая глаза и пристально глядя на него. — Сраный предатель.

Он удивлённо моргнул, но главным его выражением оставался шок.

Териан сделал одной рукой примирительный жест в сторону Мэйгара.

— Ну? Если ты настаиваешь быть дюжим юным смельчаком. Позаботься об этом, — он повысил голос. — Нензи, этот молодой парень прав. Нам нужно доставить Элисон в медицинское учреждение. Ты разрешишь ему пройти?

Нензи посмотрел на меня. Когда я неохотно кивнула, он

нахмурился.

Он посмотрел на Мэйгара. Взгляд его глаз сделался прищуренным, оценивающим.

— Ладно, — произнёс он наконец.

Мэйгар стиснул челюсти. Он посмотрел на мальчика, слыша в его словах то же предупреждение, что и я. Нензи продолжал держать руку передо мной. Его ладонь все ещё стискивала мою руку защищающим жестом — а может быть, властным. Я уже не знала, да и мне было все равно.

Он не причинял мне боли — по крайней мере, непосредственно. В отличие от всех этих людей.

Словно прочитав мои мысли, Мэйгар перевёл взгляд с мальчика на меня. Он уставился на маленькую ладошку на моем бедре, и на мгновение выражение его лица исказилось от отвращения. Я почувствовала, что крепче сжимаю челюсти, но лишь отвернувшись, положив подбородок на колено. Нензи взглянул на меня, приласкав моё лицо пальцами.

Мэйгар открыл дверь и вошёл в клетку.

Когда он приблизился к нам, Нензи стиснул мою ногу.

— Не причиняй ей боли, — сказал он. — Пожалуйста. Я убью тебя, если ты так сделаешь... но пожалуйста, не надо.

Мэйгар не потрудился ответить. Он прошёл вглубь клетки. Добравшись до нас двоих, он отодвинул мальчика в сторону, и движения его рук были не слишком-то деликатными. Нензи стерпел это от него — может, потому что он чувствовал намерения Мэйгара, а может, по какой-то другой причине.

Присев рядом со мной, Мэйгар стянул тонкое одеяло с раскладушки позади нас. Он аккуратно накинул его на мою спину и прикрыл меня.

Почему-то от этого простого жеста на мои глаза вновь навернулись слезы.

— Элли? — он коснулся моего лица, смахнув волосы с глаз. — Элли, я сейчас подниму тебя, хорошо?

Я посмотрела на него. На мгновение он вновь показался моим

другом, тем, с кем я шутила, пила и пыталась свести с Касс на поезде в Россию. В своём воображении я мельком увидела выражение его лица при нашей последней встрече — тот жёсткий взгляд охотника и пот над верхней губой.

Я хотела спросить его, почему он это сделал.

Вместо этого, вновь прокрутив его вопрос в голове, я кивнула.

Я не шевелилась, пока он просовывал одну руку мне под колени, а другой обхватывал за спину... и поднял. На мгновение я ощутила почти облегчение, когда он прижал меня, свернувшуюся комочком, к своей груди. Я слышала громкое биение его сердца возле уха. Однако он казался настоящим, живым. Не таким, как ходячие трупы Териана, не таким, как женщина с холодными безжизненными глазами, не таким как мальчик, который должен был умереть сотню лет назад. Я заметила, что его руки слегка дрожали. Крепко прижимая меня к груди, он вынес меня из клетки.

Я мельком заметила, что Териан вновь смотрит на меня сосредоточенными янтарными глазами, словно я загадка, требующая решения.

Затем плечо Мэйгара заслонило его, скрыв из виду.

Посмотрев вниз, я увидела Нензи, следовавшего за нами по пятам.

Глава 42

Недобровольный

— Посмотрите вверх, — фонарик посветил в лицо Ревика. — Вправо, — он повернул голову. — Влево, — он повернулся вновь.

Он чувствовал сканер своим светом, зная, что он прослеживает форму его костей под плотью, сверяет его зубы с зубными слепками, зарегистрированными и в местных правоохранительных органах, и в СКАРБ. Он знал, что органика, которую он на себе носил в натальной коже, должна суметь предоставить машине ложную карту, основываясь на очертаниях молодого недобровольного. Также этому поспособствуют детальные протезы, которые он носил, также снабжённые органикой.

Ему не о чем беспокоиться.

И все же он знал, что не будь он в костюме, то его ускорившийся пульс, скорее всего, уже активировал бы тревожный маячок сканера.

Он уже проделывал такое прежде.

Обычно он держал бы все функции своего базового тела под контролем; это базовый навык разведчика, даже не продвинутый уровень. Но он чувствовал, что приближается к ней. Он чувствовал это каждой частью своего тела настолько, чтобы покрыться потом.

Этот фактор он не учёл.

Ревик выбросил это из головы. Теперь уже слишком поздно.

Его свет сложнее замаскировать, чем его лицо и тело. Несколько видящих держали части этой маскировки из Барьера, но чтобы пройти мимо охраны, он полагался на команду Врега, создавшую временное поле, которое подражало свету недобровольного, чью личность он позаимствовал — наложение ключевых маркеров и структурных конфигураций, чтобы одурачить видящих, работавших на входе.

Тут использовалась Барьерная технология, существование которой лишь гипотетически обсуждалось, пока он работал на Семёрку, но Врег и его команда казались уверенными, что они сумеют такое проверить — по крайней мере, на достаточно долгое

время, чтобы провести его внутрь. Сам процесс схож с созданием мобильной конструкции вокруг личности Ревика.

Ревик не задавал слишком много вопросов о сути того, как такое можно сделать, но он не был глуп.

Обычно, для нормального функционирования конструкция должна крепиться к значительной физической массе. Зданию. Кораблю, если он достаточно крупный. Горе или любому крупному скоплению плотного камня. Даже водная масса может согнуться при определённых обстоятельствах.

Чтобы мобильная конструкция работала, она должна быть закреплена в Барьере.

Учитывая, что большинство Барьерных созданий не действовали прямо на Земле, оставались лишь Дренги — те же существа, которые некогда обеспечивали стабильность Пирамиды Шулеров.

Ревик не задавал вопросов.

И поскольку никто не дал ему другого объяснения, он закрыл вопрос.

Сканер охранника отключился. Человек невербально заговорил в свою гарнитуру, затем посмотрел на их водителя, Врега. Используя жесты пальцами, охранник показал ему проезжать за ворота.

Ревик ощутил, как его сердцебиение ускоряется.

Один барьер миновали.

Они добрались до входа в Восточное Крыло, через который им сказали войти — и клиент, и недобровольный, которым теперь притворялся Ревик. Проверив маркеры безопасности, которые он видел глазами, он осознал, что на самом деле никогда не был в этом здании прежде, даже в качестве туриста.

Он окинул беглым взглядом фасад по обе стороны от входа в Восточное Крыло. Он едва успел рассмотреть стены, промелькнувший сад и деревья, когда машина полностью остановилась. Он не видел знаменитых портиков северных и южных входов, или сада на южной стороне, потому что его заслоняло здание, но влияние структуры и то, что она собой представляла, все равно ударило по Ревiku сильнее, чем он ожидал.

Странно думать, что Галейт жил здесь.

Ревик бывал бы здесь чаще, если бы ранее принял другое решение в жизни. Более того, он наверно был бы в штате персонала Галейта.

Охранник приблизился, заглянул внутрь, затем отошёл от дверцы машины, жестом показывая ему выйти из автомобиля.

Ревик дёрнул ручку на двери и скользнул по сидению.

Он перенёс весь свой вес на здоровую ногу, затем одним движением встал. Они вложили подкладки в его обувь, чтобы изменить его походку; он беспокоился лишь о хромоте. Он крепко ставил больную ногу, выходя вперёд вместе с другим видящим и ровно распределяя весь свой вес. Скользнув между тремя другими разведчиками, вышедшими из машины после него, он источал своим светом скуку, и даже подмигнул охраннику, когда тот начал слишком пристально присматриваться к нему.

Нахмурившись, человек отвёл взгляд.

Как и с Ревиком, данные трёх других разведчиков подогнали под структуру костей, световые маркеры и черты лица трёх конкретных видящих из того же дома.

В отличие от него, они сделали все это, фальсифицируя данные и не надевая протезы. Это минимизировало шансы поимки, если как можно меньше видящих будут полагаться на органику, чтобы обдурить сканирующее оборудование. Кроме того, у охраны не было причин разыскивать троих других.

И все же кое-какой риск существовал. Териан мог знать его контакты в Штатах. Однако крайне мала вероятность, что он сам будет отслеживать записи камер безопасности, сколько бы тел у него ни имелось.

В любом случае, план заключался в том, чтобы отложить узнавание, а не избежать его полностью.

Все трое были одеты в дорогие костюмы и тонкие, лёгкие ошейники сдерживания видящих, которые легко не заметить беглым взглядом — во всяком случае, беглым взглядом человека. Ревик знал, что наружность не одурачит того, кто на самом деле работал здесь, будь то видящий или человек.

Он держал свой свет сосредоточенным на отпечатке недобровольного, которого он изображал.

Их одежда, волосы и внешность в целом заставляли людей, встречавшихся им в коридорах, не присматриваться к ним слишком тщательно.

Как минимум двое из тех, кого встретил Ревик, заметили ошейники, но никак не отреагировали, если не считать беглого повторного взгляда. Один взглянул на своего коллегу, вскинув бровь. Очевидно, большая часть персонала знала о пристрастиях высших чинов.

И женщины тоже приковывали взгляды, конечно же.

Сильнее всего щекотала нервы скорее психологическая часть, нежели какая-то конкретная угроза. Шагая через вход для посетителей на восточной стороне основного здания, Ревик осознал, что ему сложно не таращиться на различные детали обстановки, когда они вошли в центральный коридор, миновали некоторые из самых известных помещений на первом этаже. Количество прохожих тут же увеличилось, и он заметил, что добавилось ещё минимум три человека, наблюдавших за ними со стороны — незаметно, конечно же, но это явно была Секретная служба, и они вооружены.

Ревик держал взгляд опущенным, сосредоточившись на мужчине, который их вёл, как и проинструктировали охранники на воротах. И все же он замечал некоторые вещи. Тут дверь, там окна, проход, который он в своей голове привязывал к тому или иному фрагменту карты. Он не слишком хорошо был знаком с планом здания, пока не начал эту операцию, но он узнавал картины, промелькнувшие ковровые дорожки и пролёты лестниц, расположение окон и проходов.

Конечно, ему приходилось больше полагаться на физическое зрение и слух.

Он носил макет ошейника, который источал Барьерные помехи, но не блокировал его зрение по-настоящему, но здесь даже небрежное сканирование не останется незамеченным. Ревик чувствовал щиты конструкции, время от времени задевавшие его свет, и они были плотными, многослойными.

Однако команда снаружи все равно должна суметь его почувствовать.

Они добрались до другого конца центрального холла, миновали два портика, и Ревик ощутил, что слегка расслабляется. Он

чувствовал запахи кухни, поэтому знал, что они уже близки к лифту, который, по словам недобровольного, служил для него единственным способом добраться до места назначения на втором этаже.

Пришло время послать вспышку — небольшую, по крайней мере. Дать им что-нибудь, по чему можно будет оценить ход времени с его стороны.

Он вошёл в лифт с двумя другими видящими и сложил руки на поясище, тихо посвистывая.

«Малина», — подумал он отчётливо, позволяя шепотку голода прилипнуть к этому слову.

Он позволил своему разуму блуждать, скользнув обратно в скуку недобровольного, подумав о том, что он сделает потом, как он и его друзья будут под кайфом смотреть старые фильмы, отходя от стимуляторов, которые клиент скажет ему принять, чтобы усилить их реакции друг на друга.

Он позволил себе также подумать о клиенте, в каком он может быть настроении, сколько других там может оказаться.

Позволив этой мысли сформироваться, он взглянул на Тобиаса, одного из людей Врега, который тоже притворялся недобровольным. Он единственный из команды Врега сумел имитировать маркеры профессионала — хотя бы до приличной степени.

Они представили его клиенту как новичка, что, конечно же, заинтриговало его.

Ревик легонько пожал одним плечом.

— Ставлю десять долларов, что их четверо, — сказал он.

— Двадцать, — парировал Тобиас. — И ужин.

Охранник покосился на них, позволив себе слабую улыбку.

— Он что-то знает, — сказал Ревик. — Сколько?

Охранник пожал плечами на человеческий лад, но улыбка не сошла с его лица.

— Я не знаю, как вы, ледянокровки, это делаете... честно.

— Да брось, — Кэт, стоявшая по другую сторону, улыбнулась. Она прикоснулась к его руке, позволив завитку её света выплеснуться

наружу и обвиться вокруг его ноги. — Пойдём с нами, — пробормотала она. — Я тебе покажу, раз тебе так любопытно.

Охранник опустил глаза, позволив взгляду нарочито пробежаться по её телу. Она, как и Уллиса, надела облегающий костюм, пошитый на заказ. Он вскинул бровь.

— Ни капельки, — ровно сказал охранник.

И все же Ревик чувствовал, что мужчина реагирует на неё. Ему пришлось приложить усилия, чтобы не отойти от места, где они стояли. Не показывая этого лицом, он окинул человека взглядом и криво улыбнулся Тобиасу.

— Ты работаешь на них круглый год, — пошутил Ревик. — Мы здесь на несколько часов. И кто здесь чокнутый?

— Не дразни его, Ллевелин, — сказал Уллиса, коснувшись руки Ревика.

Тобиас рассмеялся, но охранник поджал губы и покачал головой. Он улыбнулся шутке, но нарочито отодвинулся от Кэт, наградив Уллису более долгим взглядом.

Больше он с ними не разговаривал.

Лифт добрался до верхнего этажа, затем остановился для сканирования безопасности. Это сканирование заняло дольше времени.

Пока он ждал, Ревик ощутил, что его свет резко сжался вокруг его тела.

Он снова реагировал на неё. Это все может быть в его голове. Он не мог нормально её почувствовать, но *что-то* он чувствовал — все равно что уловить слабый запах, полностью зависящий от ветра. Это сводило с ума, и он осознал, что снова покрывается потом.

Он затолкал свой свет глубже в мобильную конструкцию, ища холодной стабильности серебристого света. Он также ощущал свою физическую реакцию.

Внезапно он осознал, что другие видящие сосредоточились на нем, и не только в одном отношении.

Иисусе. Она здесь. Внезапно он осознал это всем своим телом. Она находилась где-то в этом здании. Одна лишь эта мысль послала

очередную рябь по его свету, такую сильную, что Уллиса положила ладонь на его руку.

— Ллевелин, — мягко произнесла она и подождала, пока он повернёт голову. — Дорогой, ты что-то принял?

Поколебавшись, он шаркнул ногой, скрещивая руки на груди. Следуя её намёку, он пробормотал тихий ответ.

— Немного.

— *D'gaos*, Ллеве, — произнесла она таким же мягким тоном. — О чём ты думал?

Он не ответил, но позволил оттенку раздражения вспыхнуть в его свете.

— Он не станет возражать.

— Посмотрим, скажет ли Джо то же самое, — пробормотала она.

Его маска охотника дрогнула, затем включилась обратно. Он сжал пальцы Уллисы в знак безмолвной благодарности. Он не позволял себе сосредоточиться на Элли, но где-то на фоне мысли все равно струились в этом направлении — оставалось надеяться, что это было слишком тихо, чтобы конструкция это заметила.

Они не будут держать её здесь. Она будет где-нибудь в подвале, если вообще на этой территории. План не изменился. Это все равно лучший способ заставить их прийти к нему.

Двери издали тихий сигнал и открылись.

По другую сторону стоял человек шестидесяти с лишним лет с густой шевелюрой седых волос. Он широко улыбнулся при виде Ревика, затем взглянул на троих других.

Ревик поклонился в вежливой манере видящих, как он мог бы обратиться к Вэшу или любому другому в Совете Семёрки. Этот человек любил церемонии, манеры и слог официальной культуры видящих, вопреки игнорированию правильного контекста их использования.

Поклон, который только что сделал Ревик, делался в монастыре, а не в правительственном здании, но мужчина и понятия не имел об его значении.

Настоящий Ллевелин просто экспериментировал с фрагментами

культуры видящих, пока не нашёл то, что было достаточно театральным для вкусов старика.

— Привет, мистер вице-президент, — сказал Ревик. — Этим вечером вы выглядите просто отлично.

— Иди сюда, мальчик мой! — сказал человек, протягивая руки.

Ревик без колебания вошёл в них. Он обнял старика.

Мужчина немедленно посмотрел вниз, и его улыбка сделалась ещё шире.

— Ты скучал по мне, Лу? — сказал он.

— Конечно, сэр, — сказал Ревик, слегка улыбнувшись.

— Что ж, тогда... заводи своих друзей! Заходите внутрь!

Ревик едва удостоил остальных взглядом, прежде чем последовать за пожилым человеком, официально сложив руки перед телом. Опять-таки, правильная поза... в совершенно неуместной ситуации.

Он и сам играл в такие игры, конечно — хотя, возможно, с большим уважением к религиозным формам. Всю свою жизнь он был вынужден подстраиваться под людей, которые интересовались и любили баловаться с культурой видящих, их стилем, языком, манерами, искусством, религией... и особенно их сексуальностью. И все же он нервничал. Нервничал так, как не нервничал в этой работе с тех самых пор, как впервые приступил.

Ему не придётся трахать старика.

Трэверс был вуайеристом и импотентом. Знай он больше, он, возможно, был бы опасен, но на деле же он являлся относительно милосердным представителем подкатегории тех, кто получал наслаждение, наблюдая за видящими, которые проводили время вместе. Он знал лишь базовые аспекты физиологии и психологии видящих, и только человеческие теории об их *aleimi*.

Те, кто знали достаточно о боли разделения и связями с супругами, оказывались полноценными садистами в своих извращениях.

В любом случае, находиться в Белом Доме без ошейника исключалось по причинам безопасности. При нормальных

обстоятельствах это и видящих в некоторой мере защищало.

Очевидно, Трэверсу казалось безопасным потакать своим слабостям здесь, потому что здесь имелись слои безопасности, защищавшие от внешних глаз, а также он получил скрытный кивок от Териана. Однако с точки зрения видящего, у этого человека крайне странные представления о безопасности, учитывая, что каждый видящий в конструкции мог видеть и слышать все, чем он занимается. И это никак нельзя обойти, потому что пространство обязательно должно оставаться открытым, чтобы защищать от наружного вторжения.

Очевидно, Териан хотел перестраховаться на случай, если Трэверс переступит черту.

Он определённо сделал это только что.

Вопреки запрету на изображающие устройства внутри самого Белого Дома, каждый видящий внутри конструкции беспрепятственно наблюдал за «вечеринками» Трэверса.

Трэверс, похоже, этого не знал, или, скорее всего, ему все равно. Видящие не принимались в расчёт, когда речь шла об его приватности — это касалось только других людей. Видящие становились опасными только тогда, когда они работали на кого-то другого, кто мог разоблачить его перед другими людьми.

Или, что более важно в его случае, сообщить в человеческие СМИ.

В любом случае, он слишком боялся болезней и боли, чтобы сам желать контакта.

Его страхи не совсем безосновательны. Те немногие болезни, которые видящие могли передать людям половым путём, чертовским смертоносны для людей. Самую распространённую болезнь видящие называли на прекси «белая слепота». Она могла убить человека за несколько дней. Для самих видящих это всего лишь изнурительный вирус, смертоносный только в исключительных случаях — например, как пневмония для людей.

Видящие не имели так много проблем по этой части из-за нескольких причин. Если бы они могли подхватить серьёзные человеческие ЗППП^[13], то наверняка к этому времени вымерли бы, учитывая, как большинство из них использовалось в человеческом

мире. А так им нужно беспокоиться в основном о различных паразитах и инфекциях, особенно если клиент (или хозяин, или насильник) был нечистым или любил причинять боль.

Они вошли в комнату.

Ревик окинул взглядом пятерых человек, которые их ждали.

Одетые как для коктейльной вечеринки, они сидели на стульях недалеко от мраморного камина, где за решёткой горел огонь — напротив низкого журнального столика с бокалами, несколькими бутылками крепкого алкоголя и двумя ведёрками льда.

Они уставились на четверых видящих с неприкрытым любопытством.

Ревик вежливо кивнул, поклонившись, как ему было сказано.

Затем, избегая взглядов, он осмотрел саму комнату, замечая мебель, которой, похоже, было более ста лет. Двухместные диванчики с расшитой золотой обивкой и темным вишнёвым деревом были выполнены в том же стиле, что и кровать размера кинг-сайз с замысловатым изголовьем из такого же дерева. Изголовье поднималось вдоль стены, заканчиваясь белоснежными занавесками, которые изящными арками опускались на гигантские подушки.

Комната была не очень большой по современным стандартам, но и маленькой её нельзя назвать. Зона сидячих мест протягивалась от двойных дверей до двух огромных окон с плотными золотыми шторами, которые кто-то уже задёрнул. Письменный стол из вишнёвого дерева стоял в одном углу, туалетный столик со стульчиком находился у противоположной стены. Свет ламп приглушили, но огонь в камине обеспечивал большую часть освещения в комнате.

Ревик ощутил, как его нервозность возвращается.

Не выдавая этого лицом, он взглянул на Уллису, затем обратно на старика, наблюдая, как последний устраивается на одном из резных диванчиков перед огнём, прямо напротив людей, которые сидели и ждали их появления.

Ревик скорее почувствовал, нежели увидел, что дверь за ними закрылась.

Он слышал, как наружные замки щёлкнули затворами, ощутил

команду безопасности за дверь. Пока что ничего не выбивалось из схемы. Все так, как ему рассказывал Ллевелин. И все же он не двигался несколько секунд, дожидаясь, когда старик нальёт себе выпить и обменяется любезностями с некоторыми людьми.

Наконец, вице-президент посмотрел на него.

— Ты идёшь?

Ревик почти не колебался.

— Конечно, сэр, — он соблюдал официальный тон и позу. — Я ждал приглашения.

Мужчина улыбнулся.

— Ты сегодня напряжён, Лу... расслабься, — он похлопал по месту рядом с собой на диване. — Присаживайся.

После кратчайшей паузы Ревик подошёл и опустился рядом с ним.

Он кивнул людям, которые выглядели так, будто хотели установить контакт, но не смотрел никому в глаза. Он старался вновь сосредоточиться, включиться обратно в игру. Он поймал себя на том, что опять думает об Элли, старается не гадать, может ли она видеть что-то в конструкции, и реагировала ли она на его присутствие здесь так же, как и он на неё.

Он затерялся в этих мыслях настолько, чтобы пропустить несколько секунд речи человека.

— ...сегодня немного подавленный?

Ревик перевёл взгляд, крепче запахивая на себе «плащ» энергии Ллевелина.

— Я в порядке, сэр.

— Хочешь выпить, Лу?

В этом отношении Ллевелин также дал ему инструкции.

— Нет... благодарю вас, сэр.

Человек улыбнулся.

— Все равно выпей стаканчик.

— Да, сэр, — следуя их маленькому ритуалу, он принял бокал и

сделал осторожный глоток, чувствуя, как усиливается его нервозность, когда человек показал на Кэт. Притворившись, что неправильно поняла, Уллиса шагнула вперёд, но старик настаивал.

— Нет. Светловолосая. Ты.

Уллиса шагнула назад, официально сложив руки перед телом.

Ревик ощутил острый приступ тошноты. Он попытался задавить его глотками алкоголя, но он вновь мог думать только об Элли, и что бы случилось с ним, если бы ситуация была обратной.

Он бы выжил из своего бл*дского ума.

Может, она ничего не увидит. Может, она увидит лишь проблеск, а потом все закончится, и он сможет объяснить, что сделал это для того, чтобы проникнуть внутрь. Что это был наименее рискованный способ, что он не мог позволить себе ждать, потому что не знал, как долго Териан будет держать её здесь...

Кэт опустилась перед ним на колени.

Когда она расстегнула его брюки, Ревик отвёл взгляд, чувствуя, как тошнота усиливается. Он допил содержимое бокала, но не поставил его. Дело не только в тошноте, которую он ощущал от близости Элли, которая в равной степени вызывалась нервозностью, адреналином, желанием и всем остальным. Вместо этого его пронзило отвращение, чувство, вызвавшее у него настоящую тошноту... но, похоже, это никак не повлияло на его физическую реакцию.

Он поклялся ей, что никогда этого не сделает.

Он сказал, что ей никогда не придётся волноваться об этом, что он никогда больше с ней так не поступит, ни по каким причинам.

Он говорил всерьёз. Он чувствовал, что Элли не доверяла ему, что могут пройти годы прежде, чем она полностью доверится ему — годы, в течение которых он с радостью будет доказывать ей, что она *может* ему доверять.

Боги. Что, если он ошибся? Что, если мальчик не придёт? Что, если планы неверны, если у Териана или Трэверса есть здесь какое-то изображающее устройство, или они нашли способ показывать её через Барьер? Что, если все это окажется впустую?

Кэт начала ласкать его, и его разум на мгновение опустел.

На несколько секунд он оказался обратно в хижине, вспомнил, как проснулся от ощущения рук Элли на нём. Резкая лента желания смешалась с тошнотой от ощущения другой видящей в его свете, отчего боль разделения усилилась... так сильно, что он гадал, сможет ли он вообще сдержаться и не накинуться на всех них.

Или хуже того, не попытаться убить их всех.

Ревик посмотрел на других видящих, возможно, ища помощи. Но он уже чувствовал это в их свете. Он видел это в их лицах, когда они смотрели на него. Он влиял на них. Они не сумеют сдержаться.

Он посмотрел на старика. Но Трэверс уже показывал на Уллису. Он похлопал по спинке диванчика, показывая, где он хотел её расположить.

Уллиса подошла сзади к месту, где сидел Ревик. Она положила ладони на его плечи, источая спокойствие, и он потянулся к ней, сжав её руки. Он закрыл глаза, и она опустила губы к его рту. Прежде чем он успел осознать намерение, они уже целовались, но вместо того чтобы отвлечь его от того, что с ним делала Кэт, поцелуй только ухудшил ситуацию. Ревик уже вцепился в волосы Уллисы, наполовину удерживая её рядом.

Когда он оборвал поцелуй, она опустила губы к его уху. Она заговорила на прекси, чтобы люди не понимали. Она произносила эти слова как шёпот любовницы, словно она поощряла его, но Ревик чувствовал в её словах сочувствие.

— Ревик', послушай меня. Ты можешь это сделать... с тобой все хорошо...

Он подавил очередной густой прилив боли. Он ощутил, как Уллиса отреагировала на это, и Тобиас подошёл к ней сзади. При взгляде на мужчину Ревика пронзила паника, столь физическая реакция, что он задержал дыхание, ощущая головокружение.

— Ты можешь это сделать, — повторила Уллиса, почти мурлыча. — Ты можешь. Она тебя любит. Она поймёт. Она будет знать, почему ты это сделал...

Он крепче стиснул её и вскрикнул, когда Кэт взяла его глубже. Затем он вцепился в её волосы, подавляя импульсивное желание ожесточённо отреагировать. Поскольку никто из видящих не носил настоящие ошейники, их восприятие тоже не приглушено. Ревик

никак не мог заблокировать или хотя бы приглушить других, не привлекая внимания к себе.

Более того, мальчик должен это почувствовать.

Он должен почувствовать его здесь. Он должен узнать его свет.

Ревик заставил глаза открыться, стал искать отвлечение, любое, что помешало бы его разуму погрузиться в те мысли.

Он попытался вспомнить Элли в хижине, но боль так резко усилилась, что он услышал хриплый вздох Тобиаса. Он сосредоточился на стульях вокруг него. Люди сидели там почти неподвижно. Больше половины держали в руках напитки, о которых, похоже, совсем забыли. Они уже реагировали на зрелище.

Хорошенькая брюнетка лет тридцати зачарованно уставилась на лицо Ревика, её взгляд периодически опускался к тому, как Кэт брала его в рот.

Они тоже почувствуют разделение. Они не поймут, что это такое, но почувствуют. Он уловил шёпот мыслей брюнетки, когда та тяжело сглотнула, глядя на его лицо.

Она уже решила, что хочет его трахнуть.

Он отвёл взгляд, крепче сжимая руку Уллисы.

— Ревик', - пробормотала Уллиса. — Ревик'... успокойся. Вспомни, зачем мы здесь.

Он услышал её в достаточной мере, чтобы бороться с этим. Она права; он не мог все запороть, только не сейчас. Закрыв глаза, он постарался содействовать, сосредоточиться. Он скользнул глубже в серебряные нити, но и там не смог найти никакой стабильности.

Он напомнил себе, что играет роль. Если он сломается, действительно выйдет из себя, то они наверняка подумают, что он опасен и позовут на помощь. У людей существовала тонкая грань между экзотическими отличиями и ужасом.

Стараясь превратить панику в хотя бы внешние проявления возбуждения, Ревик выгнулся навстречу Кэт, но реакция её света практически сдавила его мышцы прямо перед тем, как она впиалась пальцами в его больную ногу. Затем Тобиас запустил руку под его рубашку, и Ревик вновь ощутил тошноту, стараясь впустить свет другого видящего в свой, пока мужчина гладил его грудь и целовал

шею.

Голос Уллисы по-прежнему оставался центром его внимания, единственным якорем.

— Она поймёт, — бормотала Уллиса. — Она поймёт...

Он покачал головой.

— Нет, — выдавил он. — Не поймёт.

— Она любит тебя, Ревин'... она тебя любит...

Она любила его, подумал он. Она действительно любила его до всего этого.

Он это чувствовал. Какая-то его часть пыталась цепляться за сомнения, может, чтобы защитить себя, дать себе какую-то свободу на случай, если что-то случится, или она передумает до того, как они закончат. Даже недавно, в Сиккиме, он убедил себя, что она может не понимать, что она делает и что она ему говорит.

Он твердил себе, что она всего лишь молода, неопытна, что разделение пудрит ей мозги. Но он сам в это не верил.

Она любила его. Вопреки всему, что он с ней сделал, вопреки всему, кем он был.

Но он задавался вопросом, любила ли она его достаточно сильно.

Глава 43

Спасение

Я проснулась как от толчка.

Я не знала, где находилась. Я ощущала во рту вкус желчи, осознала, что вспотела. Я не знала, что со мной не так.

Что бы там ни было, мне было плохо.

Я перекатилась на бок... и осознала, что могу это сделать.

Мои запястья были скованны между собой, но не прикованы к чему-то ещё. Даже свернувшись в позе эмбриона, стараясь не паниковать из-за того, как сильно болел каждый сантиметр моей кожи, я осознала, что нахожусь в нормальной кровати.

Матрас был тонким. Одеяла пахли детской присыпкой.

Когда боль вернулась, я вновь ахнула, затем застонала, когда боль лишь усилилась. Выругавшись, я перекатилась на спину, но это не помогло. Что бы со мной ни случилось, это казалось не связанным с болью в моих ногах, бёдрах и руках. Это находилось так глубоко под моей кожей, что я не могла определить источник.

Такое чувство, будто я умираю.

Или словно что-то пыталось содрать мою плоть.

— Бл*дь, — прохрипела я, тараща в белый потолок, крепче обхватывая живот рукой и вжимая его в постель. Я ощущала тошноту. Однако проблема не только в этом — такое чувство, будто мне что-то насильно заталкивали в горло.

Я гадала, не отравил ли меня Териан.

Затем я стала задаваться вопросом, вдруг Ревик умер.

Когда эта мысль сформировалась, я закричала, затем задохнулась, когда боль усилилась и теперь уже пыталась сокрушить мою грудь. Я все ещё потела, только теперь ещё и хотела блевануть. Моё тело несколько раз содрогнулось, но похоже, я не могла добиться, чтобы это произошло.

Свернувшись плотным комочком на боку, я закрыла глаза,

застонав.

Где-то в этот момент дверь, должно быть, открылась.

— Элли? — сквозь тошноту пробился голос. — Элли, что случилось?

Я подняла взгляд, все ещё сжимая живот и стараясь дышать.

Это был Мэйгар.

Все вернулось одной нахлынувшей волной.

Затем я осознала, где нахожусь. Меня принесли в какое-то импровизированное медицинское учреждение, являвшееся частью тех же подземных помещений, где меня держали с тех пор, как доставили сюда. Однако я практически уверена, что теперь находилась на другом этаже — может, на этаж выше прежней камеры.

Я все ещё смотрела на Мэйгара, когда над головой мигнуло освещение. Он вместе со мной поднял взгляд, положив ладонь на изголовье.

Мы оба смотрели, как электричество то включается, то отключается.

— Что происходит? — спросила я. Мой голос звучал хрипло.

— Я не знаю, — пробормотал он.

— Где все? — мы были одни в белой комнате. Я не видела ни мальчика, ни Териана.

— Они ушли, — он посмотрел на меня. — Териан забрал мальчика с собой, — посмотрев на моё обнажённое тело, он, похоже, осознал, что делает, и заставил себя посмотреть мне в глаза.

— Элли, — сказал он. — Ведь это он сделал с тобой, не так ли? Териан.

— Ты можешь вытащить меня отсюда? — сказала я.

Мэйгар посмотрел на дверь, затем обратно на меня. Он не встречался со мной взглядом.

— Это сложно.

— Какого черта это значит? — я зло потянулась к нему. Я промазала и вместо этого схватилась за прикроватную тумбочку,

стиснув её как можно сильнее. На мгновение перед глазами все померкло от боли, а голос осип.

— Ты у меня в долгу, Мэйгар. Ты у меня в долгу, бл*дь! Сейчас, возможно, единственный промежуток времени, когда я наедине с тобой. Если они отвлеклись...

— Я не знаю, как долго они будут отсутствовать, — он нахмурился, качая головой. — Мы бы не ушли далеко. Система охраны мощная, и моя мать...

— Твоя кто?

Он снова посмотрел на дверь, затем на меня. Он понизил голос.

— Элан Рейвен. Женщина, которую ты видела ранее. С синими глазами.

— Это твоя мать? — я постаралась осознать это, крепче стиснув живот, когда по мне пробежала очередная волна тошноты, подняв желчь к горлу.

Следующие несколько секунд мне пришлось прикладывать усилия, чтобы меня не стошнило.

Я подумала о худой, атлетичной женщине с поразительными бирюзовыми глазами. Временами я забывала, что видящие были старше того возраста в человеческих годах, на который они выглядели. Она могла быть матерью Мэйгара. Конечно, могла.

— Ладно, — я кивнула, принимая это к сведению. — То есть, ты не хочешь оставлять её...

— Не в том дело, — сказал Мэйгар. — Честно, Элли, я для тебя — риск. Она может почувствовать меня, где бы я ни находился. Я не могу вытащить тебя отсюда, не приведя её прямиком к тебе.

— О, — я подавила очередную волну боли, в этот раз прострелившую мой позвоночник. — Боги, что, бл*дь, они мне дали?

— Ничего, — он с обеспокоенным видом поджал губы. — Морфий от боли, но это было несколько часов назад. Может, просто обезболивающее выветривается?

— Дело не в боли. Не... такое, — я подавила очередную волну, затем постаралась сесть со скованными запястьями. Скорчившись в неудобной позе на краю матраса, я посмотрела на себя. Я

почувствовала, как стискиваю зубы.

— Ты можешь хотя бы достать мне бл*дскую одежду? И избавиться от этого? — я подняла наручники. — Если ты и от ошейника сможешь меня избавить, с остальным я справлюсь.

— Элли, — Мэйгар протянул руку, чтобы коснуться моего лица, затем убрал ладонь, увидев мой взгляд. — Элли, они убьют тебя, но не отпустят. Я слышал, как Териан говорил об этом с моей матерью. Они волнуются, что ты дурно влияешь на мальчика. Что ты делаешь его хуже, — он колебался. — Думаю, единственная причина, по которой он все ещё тебя не убил — это беспокойство о том, как отреагирует мальчик. И ещё ему для чего-то нужен твой муж.

Я издала хриплый смешок, хватая ртом воздух.

— Ага. Что ж тут нового?

— Элли, — Мэйгар скрестил свои мощные руки, затем вздохнул, глядя на меня. — Поверить не могу, что говорю это, но ты не думала о... — он сделал вдох, жестикулируя одной рукой. — Ну, ты понимаешь. С мальчиком. Просто, чтобы выиграть себе время. Время, чтобы Дигойз добрался сюда с кавалерией, как минимум.

Я повернула голову, наградив его пристальным взглядом.

Мэйгар поджал губы.

— Я знаю, — сказал он с раздражённым выражением. — Но ребёнок ведь не будет хуже Териана, верно? Он, похоже, заботится о тебе. Мальчик, имею в виду.

Я уставилась на него.

Затем все со щелчком встало на место. Я просто была слишком отвлечена, чтобы заметить.

Это не Мэйгар.

Я уставилась в его лицо, стиснув зубы.

— Слишком, да? — сказал он, слабо улыбаясь.

Я сглотнула очередной приступ желчи.

— Териан.

Он вздохнул.

— Я знал, что последнее, пожалуй, переступает черту. Но я

просто *обязан* был попытаться.

Контур Мэйгара померк. Тонкая линия помех аккуратно разорвала его надвое. Я моргнула, держась за живот одной рукой. Я посмотрела на свои лодыжки, скованные между собой, и осознала, что никуда я не уйду.

— Боже, какая я идиотка, — произнесла я.

Образ скандинава на мгновение заменил внешность Мэйгара. Он улыбнулся мне.

— Нельзя винить за попытку, — сказал он. — Ведь так?

Затем свет разом погас — окончательно погас.

Я оказалась в полной темноте.

Я ощупывала окружение в этой непроницаемой темноте достаточно долго, чтобы осознать, что все ещё сижу на краю кровати, мои руки и лодыжки все ещё скованны, а остальное тело все ещё адски болит.

Я прислушивалась к своему дыханию в темноте, ощущая самую сильную тошноту в своей жизни, даже сильнее того пищевого отравления плохими суши в Джапантауне. Я все ещё сидела там, пытаюсь решить, что делать, когда в темноте вспыхнул оранжевый огонёк. Он находился в углу комнаты и вращался за металлической решёткой, как те лампы аварийного освещения, включавшиеся одновременно с генератором.

Я осознала, что нахожусь в комнате с цементными стенами, рядом с чем-то вроде кардиомонитора и двумя пакетами капельниц, свешивающимися с металлических держателей.

Я поискала выход, что-нибудь, что могло мне помочь. Во вращающемся оранжевом свете я различила плоский монитор, занимавший отдельную стену. Он оставался совершенно темным. Дверь находилась в другой стороне — не там, где она находилась в виртуальной версии комнаты, которую проецировал Териан.

В этой версии большую часть одной стены занимали шкафы.

На рабочей поверхности под ними я увидела стеклянные ёмкости с ватными шариками, шпателями для придерживания языка, длинными ватными палочками, чем-то вроде марли. В том же углу стоял столик на колёсиках, застеленный тканью и заваленный

металлическими инструментами. Все окрашивалось оранжевым из-за вращающегося света лампы над органической дверью.

Я соскользнула с кровати, шаркая по полу ногами в оковах.

Я повозилась с рядами аккуратно разложенных инструментов. Я искала что угодно, что могло бы перепилить органические оковы. Наконец, я нашла какие-то кусачки, которые казались достаточно толстыми и острыми, чтобы дать мне какую-то надежду.

Я села на пол, подобрала ноги, чтобы суметь дотянуться до цепочки между лодыжками. Подумав, что кусачки, наверное, предназначались для костей, я просунула одно из лезвий в металлическое звено цепочки. Вставив его достаточно глубоко, я повернула рукоятки боком, чтобы упереть один конец в пол. Используя весь свой вес, я надавила как можно сильнее на верхнюю рукоятку. При первой попытке мои руки соскользнули. При второй попытке я ощутила, что металл поддается.

Я согнулась, чтобы поближе посмотреть на цепь, подвинула лодыжки к телу так, чтобы сесть в позу сапожника^[14]. В металле образовалась вмятина.

Вставив клещи (или что это такое было) обратно в то же звено, я снова навалилась всем весом на рукоятки. После двух попыток я сумела окончательно перерезать металл.

Однако цепочка на лодыжках была простой задачей.

Попытавшись и не сумев найти угол, под которым я могла бы проделать то же самое с запястьями, я поднялась на ноги. Забравшись под больничную койку, я плечом приподняла один угол корпуса. Зажав лезвиями кусачек органическую цепочку, которая соединяла мои запястья, я пристроила рукоятки так, чтобы они находились прямо под ножкой кровати.

К счастью, в кровати тоже имелось немало органики. Она была тяжёлой.

Пот струился по моему лбу, пока я устраивала это всё, держала металлический корпус кровати плечом, и он уже начинал вгрызаться в мышцы моей спины. К концу я скрежетала зубами, но почему-то боль в плече даже стала желанным отвлечением от той боли, которая парализовала меня прежде.

Я начинала паниковать. Прошло слишком много времени.

Меня засекут.

С этой мыслью я подставила рукоятки под ножку кровати и слегка ахнула, приподнимая её вес спиной достаточно высоко, чтобы получилось расположить рукоятки под нужным углом. Опуская как можно медленнее, я использовала пол и вес кровати, чтобы сжать рукоятки кусачек.

В первый раз все соскользнуло, и кусачки отлетели в сторону.

Позволив кровати упасть, я ползала в оранжевой полутьме, пока не нашла их снова. Вставив их в то же звено цепочки, в котором теперь образовалась маленькая трещинка, я сделала вдох, затем во второй раз подняла спиной основание кровати.

В этот раз я заставила себя сосредоточиться, задержать дыхание и игнорировать тошноту, крепко удерживая рукоятки в нужном месте.

Я медленно опустила кровать.

Вес её корпуса плавно сомкнул рукоятки, чисто перерезав металл. Я издала изумлённый смешок, с некоторым неверием уставившись на свои освобождённые руки.

Я немедленно подняла ладони к ошейнику, ощупывая его пальцами.

Я подбежала к зеркалу, оттолкнув кардиомонитор с дороги и примеряя кусачки к толстому металлу ошейника.

Нереально.

Я все равно попыталась подсунуть их под металл. Преуспела я только в том, что порезала себе шею так, что кровь потекла тонкой струйкой.

Уронив инструмент на стол, я обшарила ящики, доставая все, что находила, и приподнимая в оранжевом свете, чтобы рассмотреть получше. Навесные шкафчики я тоже обшарила, ища что угодно, что могло бы разрезать или деактивировать ошейник.

Вместо этого я нашла таблетки.

И что более важно с моей точки зрения, одежду — что-то вроде синей медицинской униформы, которая в таком освещении выглядела темно-оранжевой.

Я без раздумий оделась в неё, накинув длинную рубашку через голову и рывком натянув штаны. Я туго затянула шнурки на талии и подвернула штанины, затем побежала к двери и начала нащупывать замок или дверную ручку.

Ничего не было. Вся поверхность была цельной и, наверное, сделанной из того же зелёного органического металла, что и моя камера, хотя в таком освещении сложно было сказать.

Я подумала, не стоит ли заколотить в дверь кулаком.

Прижавшись ухом к двери, я ничего не услышала.

Затем я стала искать панель, но после нескольких минут ощупывания каждой стены в комнате вынуждена была признать, что панель управления находится снаружи. Я вновь принялась шарить по ящикам, когда дверь за мной внезапно распахнулась.

На долю секунды моё сердце воспарило...

Я повернулась, держа в руке маленькую пилу и единственный скальпель, который нашла во всей комнате. Снаружи комнаты было так же темно, как и внутри, и там вращалось ещё больше оранжевых ламп.

Там стоял Нензи, его глаза светились ярко-зелёным в этой оранжевой темноте.

— Элли?

— Какого чёрта происходит? — спросила я.

Мой голос напоминал рычание.

Тошнота усилилась.

Держась за живот той рукой, которая сжимала пилу, я выставила перед собой скальпель как оружие.

Если мальчик на это отреагировал, то я не увидела ни единого признака.

Я подавила захлёстывавшее меня отчаяние, ощущение безысходности при виде ребёнка здесь, сейчас, когда я так близка к свободе — впервые так близко за все время пребывания здесь. Я пыталась решить, что мне стоит сказать, когда он протянул руку.

— Иди сюда, Элли, — сказал он.

Его голос вновь звучал старше, по-взрослому.

— Зачем? — спросила я. — Зачем я должна идти? — я сама говорила как ребёнок.

На глаза навернулись слезы — отчасти от боли, отчасти потому, что я не могла поверить, что все ещё не закончилось. Сама того не ожидая, я ждала, что Ревик откроет ту дверь. Я была так уверена, что это будет он, что оранжевые лампы означали, что он наконец пришёл и спасёт меня.

— Мы уходим, — сказал он, словно услышав меня. — Сейчас же, Элли.

Затем мы бежали по коридорам, петляя через тёмные дверные проёмы и боковые проходы, где не было ламп экстренного освещения.

Я, спотыкаясь, следовала за Нензи, все ещё стискивая скальпель и пилу, все ещё босая и скачущая вприпрыжку, чтобы поспеть за его быстрым темпом.

Я ненавидела то, какой слепой я была, вынужденно полагаясь на глаза в помещении, освещённом лишь этим ржавым светом. Я искала каждую линию и поверхность, которую я могла увидеть, пока свет не исчез и не оставил меня в относительной слепоте.

Нензи довёл нас до лифта.

Я увидела там пару охранников. Я уже собиралась схватить его за руку, предупредить, как вдруг они оба повалились передо мной. Я посмотрела на Нензи, затем перешагнула охранников, ища панели, открывающие двери лифта. Я нашла их, но они управлялись по ДНК и требовали сканирование сетчатки.

— Оставь ножи здесь, Элли.

Взглянув на свои руки, я поколебалась, затем бросила предметы на пол, все ещё не отводя взгляда от панели системы безопасности.

— Нензи, — позвала я. — Кажется, у нас проблема.

Он подошёл и встал рядом со мной.

Я наблюдала, как он кладёт ладонь на внешнюю панель управления. Его глаза вновь слабо засветились, и я покосилась на двух человеческих охранников. Я с некоторым изумлением осознала, что он не просто вырубил их. Он их убил.

— Нензи. Иисусе, — выдавила я. — Тебе необязательно было...

— Мы поговорим об этом потом, — сказал он.

Посмотрев на него, я открыла рот, чтобы возразить, затем закрыла его обратно.

Секунду спустя я забыла про охранников, когда панель под пальцами мальчика засветилась.

Я наблюдала, как включается сканер сетчатки. Он послал узкий лучик красного света по его лбу, глазам и лицу, как будто не касаясь света оранжевых ламп. Дойдя до основания шеи, он так же резко отключился, оставив нас в относительной темноте.

Двери лифта плавно открылись, издав тихий сигнал.

Мою грудь сдавило. Облегчение, тошнота, страх, полное недоумение... я не знала, радовалась ли я уходу с ним или нет.

Он начал заходить в лифт, когда я схватила его за руку.

— Териан, — выдавила я. — Мы ведь не идём куда-то с ним, так, Ненз? Мы не станем встречаться с ним наверху? С ним *или* Веллингтоном?

Нензи показал отрицательный жест.

— Нет.

— Что насчёт Мэйгара? — спросила я. В ответ на его озадаченный взгляд я жестами показала приблизительный рост мужчины-видящего. — Видящий, который отнёс меня к доктору. Который был с нами ранее. С татуировками.

Нензи нахмурился, качая головой.

— Нет.

Я поколебалась ещё долю секунды.

Нензи схватил меня за руку и потянул, но в то же время не затаскивал внутрь силой.

— Идём, Элли! — сказал он. — Мы должны спешить.

Я кивнула. Сделав вдох, я вошла в лифт.

Я смотрела, как он нажимает кнопку, но мой разум витал где-то далеко.

Так странно ехать с ним в лифте — тихий шорох движения, вычурные обои, которые больше подходили к верхней части здания, нежели к подвалам, шёпот и щелчки пронесившихся мимо этажей.

Внезапно я осознала, что мы миновали слишком много этажей.

— Нензи, — я снова схватила его за руку. — Куда мы направляемся? — я слышала в своём голосе нотки паники. — Нензи? Ты сказал, что мы не пойдём к Териану! Ты сказал, что мы не пойдём к нему или Веллингтону! Ты мне так сказал!

— Веллингтон *и есть* Териан, — сказал он, бросив на меня озадаченный взгляд, словно он поверить не мог, что я не в курсе. — И мы не пойдём к нему. Успокойся, Элли.

— Тогда почему мы не вышли на первом этаже? Почему мы...

— Сначала нам нужно сделать одну остановку, — сказал он.

Взгляд его глаз казался решительным, даже немножко триумфальным.

Увидев это выражение, я умолкла, будучи не в состоянии осмыслить его или понять, как оно увязывалось со всем происходящим.

Затем до меня дошло. В чёртовом *Белом Доме* отключилось электричество.

Единственное, что могло спровоцировать подобную аварию — это какая-то война.

Отступив дальше к стене с медным поручнем, я ощутила, как кабина замедляется, затем плавно останавливается. Несколько секунд кабина лифта оставалась на прежнем месте с закрытыми дверями, прогоняя по протоколам безопасности и сканируя нас, сверяясь с тем, где в здании мы должны находиться согласно файлам.

То, что Нензи сказал машине, заставив её открыть двери в первый раз, должно быть, предусматривало все факторы. Органический механизм теперь думал, что для нас совершенно

нормально находиться на втором этаже надземной части здания.

Я почувствовала, как учащается моё дыхание, когда двери открылись.

Крадучись, я вышла за Нензи, втайне желая, чтобы у меня остались при себе скальпель и пила. Хотя я знала, что от них не будет никакого толка, если мы столкнёмся с охраной, у которой как минимум имелись пистолеты, а в реальности, наверняка, ассортимент органических игрушек намного страшнее пистолетов.

И все же я испытывала странное успокоение просто от того, что на мне вновь есть одежда.

Я последовала за Нензи по коридору, все ещё слегка крадучись. Весь этаж, казалось, пустовал, но когда мы завернули за угол, я увидела двух охранников, которые сидели на стульях по обе стороны от закрытых дверей.

Затем до меня дошло. На верхних этажах электричество работало.

Я окинула взглядом коридор в обе стороны.

Заметив роскошную меблировку, я вновь осознала своё местоположение, а также безумие того, что я здесь, в медицинской униформе на три размера больше, сжимая руку видящего-ребёнка, который выглядел лет на двенадцать.

— Что мы здесь делаем, Нензи? — прошептала я.

Он жестом показал мне не шуметь, затем сосредоточился на охранниках.

Я увидела, как они оба рухнули практически в то же мгновение. Один даже не свалился со стула. Поначалу я не знала, убил ли он их, но когда мы подошли ближе, я увидела, что их груди все ещё приподнимаются.

— Спасибо, — прошептала я.

Он улыбнулся мне. Тот странный взгляд не уходил из его глаз. Он подошёл к двойным дверям, положив ладони на узорчатые ручки.

— Нензи! — торопливо прошептала я. — Там люди! Поэтому и охрану приставили. Понимаешь?

— Я знаю, — он улыбнулся ещё шире. — За этим мы сюда и

пришли, Элли, — увидев мой панический взгляд, он показал отрицательный жест. — Это не Териан. И не та женщина с глазами небесного цвета.

Я уставилась на него.

— Тогда что? Кто там?

— Идём сюда, — он подозвал меня жестом.

Я осторожно ступила ногой на ковёр. Забавно, но я ощутила укол чувства вины, когда увидела, что моя ступня кровоточит, и я оставляла кровавые следы на ковровой дорожке Белого Дома. Никогда не думала, что сделаю такое.

Когда я оказалась достаточно близко, Нензи взял меня за руку.

— Не сердись на меня, Элли, — мягко сказал он. — Тебе нужно знать. Тебе нужно увидеть, каков он на самом деле.

Затем, не сказав больше ни слова, он распахнул двойные двери.

Глава 44

Воссоединение

Я стояла у края дальней правой двери, заглядывая внутрь, но не показывая лицо и тело больше необходимого. Я остро осознавала яркий дневной свет за нашими спинами и тот факт, что для любого в тускло освещённой комнате он заставлял наши силуэты выделяться, как картонные фигурки на белом фоне.

В камине горел огонь. Несколько ламп стояло на боковых столиках, но их свет приглушили до минимума, так что они светили не ярче свечи или масляной лампы.

Мой взгляд сосредоточился на людях.

На постели лежала распростёртая обнажённая женщина. Мужчина занимался с ней сексом, его лицо исказилось, приближаясь к оргазму. Я уставилась на тело мужчины. Я не узнавала его лицо, которое было молодым, мальчишеским, обладало той красотой, которая никогда не привлекала меня. Его длинные светлые волосы были заплетены в косичку, которая свешивалась с плеч; она била его по спине всякий раз, когда он входил в женщину под ним.

Я уставилась на мышцы его рук, на длину его спины. Я наблюдала, как он трахает женщину и боковым зрением осознала, что в комнате присутствуют и другие. Я понимала, что все они наблюдали или занимались тем же, но не могла отвести взгляда от мужчины, который изначально привлёк моё внимание.

Затем я поняла. В какой-то момент я поняла.

В то же мгновение его рука, стискивавшая простыни у головы женщины поднялась. Я видела, как он повернулся так быстро, что мне даже не хватило времени вздрогнуть.

Я увидела пистолет в его руке...

Прогремело два выстрела, сопровождавшиеся маленькими вспышками.

Пули пронеслись так быстро к моей голове, что я не сомневалась — я мертва, он целился в меня. Однако выстрелы на самом деле были тихими, как у игрушечного оружия. Пистолет был органическим, не

металлическим, и таким маленьким, что почти казался частью его руки.

Я стояла как парализованная, когда Нензи упал.

Нет, не упал.

Вопреки размеру пистолета и тихому звуку, выстрелы отбросили его маленькое, худое, паучье тельце назад, вырвав его холодные пальцы из моей ладони. Я уставилась на его скорчившуюся фигурку, на его грудь, поднимавшуюся и опадавшую слишком быстро, на кровь, темнеющую на бежевом ковре, который я так боялась запачкать.

Кровь расползалась под ним быстро увеличивающейся лужей.

Я смотрела, как его дыхание постепенно замедляется. Я могла лишь смотреть на него, застыв, пока его глаза стекленели, утрачивая свет.

Другой мужчина оказался возле меня прежде, чем я осознала, что он сдвинулся с места.

Он встал над Нензи, наведя на него пистолет. Он тяжело дышал, глаза все ещё остекленели от секса, член оставался полностью твёрдым, и я не могла перестать смотреть на него, на его тело. Тонкий органический гипс окружал одно бедро, и я уставилась на сине-чёрный узор на его коже, прямо под пупком, в форме...

Я почувствовала, как подкосились мои колени.

Он схватил меня за плечи, и я посмотрела в его лицо, но я его не узнавала и ничего не могла почувствовать своим светом.

Тошнота вернулась с такой силой, что я не сомневалась — в этот раз меня стошнит. Я закрыла глаза, прислонившись к дверному косяку, не в состоянии дышать... дыша слишком часто...

— Элли.

Я узнала его голос и ощутила, как комната закружилась.

Я ни разу не подумала о том, что увидела.

Эти мысли не хотели находиться в моей голове, так что я позволила своему взгляду проскользнуть мимо него, в комнату, и остановиться на знакомом лице, знакомом теле, хоть прежде я никогда не видела это тело полностью обнажённым — лишь

достаточно оголённым, чтобы я видела в этом угрозу. Я смотрела в лицо Кэт, уверенная, что вижу галлюцинации. Затем я осознала, что именно она была той женщиной, что лежала на кровати.

Я съёжилась у двери. На мгновение я опустилась на колени, едва осознавая его присутствие, хотя он тоже стоял на коленях возле меня, обхватывая руками, прижимая дрожащими ладонями.

— Элли... дорогая... Элли... — он говорил с трудом. Я смотрела в его лицо и не узнавала. — Элли... у нас мало времени...

Я осознала, что остальные одевались.

Они вернулись в режим разведчиков.

Даже Кэт, казалось, вела себя исключительно по-деловому. Она надела белую блузу, поверх неё чёрный органический жилет, затем набросила что-то вроде делового пиджака.

Люди валялись без сознания. Где-то в тот промежуток времени, когда я не могла дышать, видящие отправили их всех в глубокий сон.

Незнакомый красивый видящий надел органический жилет поверх рубашки, затем бросил такой же жилет женщине с рыжими волосами. Я уставилась на неё, вновь затерявшись в какой-то воронке неверия.

— Уллиса, — выдохнула я.

Я не могла смотреть на него, хотя осознавала его присутствие рядом, чувствовала, как он наблюдает за моим лицом. Он пахнул сексом. Он вонял им. Я не могла чувствовать его, не могла чувствовать его свет, и я радовалась этому как ничему другому за всю свою жизнь. Я просто хотела, чтобы он убрался от меня, надел одежду и убрался нахер подальше, и не снимал грим или протезы или что там у него на лице.

Однако он делал что-то со мной. Я ощущала его пальцы на ошейнике вокруг своей шеи, осознала, что он держит какой-то инструмент...

— Нет, — выдавила я.

Слишком поздно. Он стиснул что-то рукой и крепко сжал.

Ошейник треснул. Я почувствовала, как он разломился надвое, затем тут же ощутила, как создание в устройстве на моей шее

умирает. До сих пор я и не осознавала, что это какое-то живое животное, обёрнутое вокруг моего горла как паразит.

Я ощутила, как это существо выпускает последний вздох, затем Ревик стал аккуратно вытаскивать зубцы из дырок сзади моей шеи. Его пальцы тряслись так сильно, что ему пришлось повозиться несколько раз прежде, чем он сумел снять эту штуку.

Оказалось, все не так драматично, как я ожидала.

Мой свет постепенно окутал моё тело, словно кто-то очень медленно добавлял громкость старому радиоприёмнику. Я уставилась на мужчину с телом Ревика, ощущая аккуратное прикосновение пальцев Ревика, даже ощущая его запах, когда его свет взорвался вокруг моего, скользнув в меня без предупреждения.

Ощувив реакцию его сердца, я вскрикнула, отталкивая его от себя.

Однако его руки обвили меня, слишком сильные, чтобы я могла отпрянуть.

Я не могла дышать, не могла сделать вздох, но он лишь крепче сжимал меня в объятиях, ласково убирая мои волосы с лица, притягивая к себе на колени. Я словно со стороны заметила, что татуировку на его руке не видно. Они каким-то образом скрыли её, как и шрамы, как и верхнюю часть его груди — как и его лицо.

Он был скользким от пота, и теперь, когда я чувствовала его свет, он переплетался со светом всех остальных, присутствовавших в комнате.

Я чувствовала на нем Уллису, незнакомого мужчину-видящего, какого-то человека, *Кэт...*

— Элли, — его голос был хриплым, переполненным слезами. — Элли, дорогая... пожалуйста. Пожалуйста. Детка, пожалуйста... — его слова оборвались, перепутавшись, почти как тогда, в той горной хижине.

Но об этом я сейчас тоже не могла думать.

— ...единственный способ... единственный способ, который я сумел придумать... — его руки до боли сжались вокруг меня. — Я знал, что ты у него... должен был добраться до него... не убив тебя...

Он ласково убирал мои волосы с лица, целовал меня, робко

скользил своим светом в мой свет. Я понимала, что он хочет большего. Он боялся. Боялся не только того, что я о нем подумаю, и даже не того, что я могу от него уйти.

Он боялся *меня*.

Он поцеловал меня в щеку, держа так крепко, что я не могла пошевелиться.

— Дорогая, пожалуйста... пожалуйста... я так сильно тебя люблю...

Я не могла смотреть на него.

Это даже не его лицо, но я не могла вынести мысли о том, что он посмотрит на меня, посмотрит сквозь моё выражение на то, что за ним скрывалось. Так что я смотрела в тускло освещённую комнату, наблюдая, как трое видящих собираются, проверяют оружие и боеприпасы, обшаривают карманы людей, скорее всего, ища органику и прослушивающие устройства. Я слышала их, слышала их голоса в Барьере, и осознала, что они не одни.

Они переговаривались с кем-то — с огромным множеством кого-то.

Это какая-то операция. Это была операция.

Я попыталась добиться, чтобы это приобрело какое-то значение в моей голове, но просто не могла.

Ревик тянул меня за руки, аккуратно побуждая встать.

Я позволила ему, но отводила от него взгляд.

Он прислонил меня к дверному проёму, и я стояла там, глядя, как он вновь входит в комнату. Он не смотрел на меня, когда Уллиса протянула ему кучу его одежды. Он оделся, и я невольно заметила, что он все ещё возбуждён, что свет других видящих все ещё реагировал на него сильнее, чем друг на друга.

Все они теперь оделись и направлялись в мою сторону, а точнее, к двери. Я наблюдала, не в состоянии отвести взгляд, как Ревик надевал ремень, затем ботинки, после чего накинул жилет, как и все остальные.

Уллиса помедлила у двери, коснувшись моего лица.

Её глаза увлажнились, и она поцеловала меня в щеку, сжав мою

руку. Я не посмотрела на неё в ответ, но ощутила в ней очередной прилив эмоций, который даже не пыталась расшифровать. Кэт обошла меня стороной, но я чувствовала, что Ревик при этом наблюдал за ней, и его свет все ещё выражал открытую угрозу.

Однако он смотрел не на меня.

И не я доводила его до оргазма, когда Нензи открыл ту дверь.

Я отводила взгляд от них обоих, закусывая губу.

Другой мужчина, незнакомый мне, глубоко поклонился с уважительным жестом. Он протянул мне органический пуленепробиваемый жилет, затем помог надеть его, когда мои пальцы неловко завозились с застёжками, не сумев их застегнуть. Он плотно затянул на мне жилет и подтянул органические застёжки на талии и рёбрах, чтобы бронежилет хорошо сел. Разобравшись с этим, он полез под свой пиджак и достал пистолет.

Он протянул его мне, рукояткой вперёд.

Я уставилась на него, затем посмотрела ему в глаза.

Он улыбнулся, жестом показывая мне взять оружие.

Но пальцы Уллисы сомкнулись на органическом корпусе, уводя его из моего поля зрения. Когда она сделала это, я ощутила странный прилив облегчения.

— Не сейчас, — пробормотала она, окинув взглядом комнату и Ревика. — Может, немного позднее, верно, Высокочитимый Мост?

Я все ещё не могла выдавить ни слова, но кивнула.

Я не смотрела в ту сторону, откуда чувствовала на себе пристальный взгляд Кэт.

Затем Ревик приблизился ко мне. Он содрал с себя большую часть лицевых протезов.

Он снимал последний слой со щеки. Он уже снял линзы. Его узкое лицо проступило из-под слоя грима — более ожесточённое, чем его маскировка, и как никогда усталое. Его глаза выглядели мёртвыми, и я осознала, что чувствую в его свете и другие вещи, отпечатки, которые я узнавала, но не от него.

Он сдёрнул с головы парик, открывая свои тёмные короткие волосы, прилипшие к голове от пота. Он швырнул парик в комнату,

не глядя, где тот приземлился, затем провёл пальцами по своим настоящим волосам, и я заметила, что он носит кольцо моего отца.

По какой-то причине эта маленькая деталь заставила моё сердце подскочить к горлу.

Теперь уже он избегал моего взгляда, так что я могла смотреть на его лицо, заставляя себя присмотреться к нему.

Он жив.

На мгновение я сумела закрыть глаза на то, чему стала свидетельницей, и воспроизвести в голове то, что он сказал, услышать его слова.

«...должен добраться до него... не убив тебя...»

Он взял меня за руку.

Я чувствовала в его пальцах осторожность, но в то же время беспокойство, желание выбраться отсюда — и почти отчаянное желание защитить, которое сильнее всего выбивало меня из колеи после всего случившегося. Я ощущала суматоху в Барьере. И чем сильнее я прислушивалась к чему-то помимо него, чем сильнее отрывала внимание от комнаты и других видящих, тем громче становилась эта суматоха.

Другие зашагали по коридору.

Ревик потянул меня следом, и я прибавила шаг, спотыкаясь в попытках поспеть за ними.

Затем я вспомнила про мальчика и повернула голову, уставившись на мёртвое тело на ковре. Но не совсем мёртвое. Мальчик повернул голову.

Остекленевшие глаза смотрели на меня.

Они смотрели на нас с Ревиком, и я видела, как его губы шевелятся, грудь старается сделать ещё один вдох, взгляд пытается цепляться за жизнь.

В его глазах мелькнула искра, начала светиться.

Ревик, должно быть, почувствовал это через меня. Он повернулся, в его руке вновь очутился пистолет. Я поколебалась на долю секунды... но даже этого оказалось достаточно.

— Подожди! — завопила я.

Я сказала это в ту же секунду, когда раздался выстрел.

Пуля попала в маленькую голову прямо между глаз. С такого близкого расстояния никто не промазал бы, тем более Ревик. Я видела, как голова мальчика разлетается на куски, обмякнув. Я увидела и одновременно ощутила его смерть.

Кончина была внезапной, и как только это случилось...

Я почувствовала, как Ревик пошатнулся.

Я схватила его за руку.

Прилив паники затопил меня, быстро затмив все остальное. Его колени подкосились. Я попыталась подхватить его, но он оказался слишком тяжёлым для меня. Я сумела лишь схватить его за рубашку и талию, стараясь удержать на ногах. Вместо этого я упала вместе с ним. В итоге я очутилась на коленях на ковре рядом с местом, где он повалился на бок, хватая ртом воздух.

Я заорала, зовя остальных и склоняясь над ним.

— Ревик! — я стиснула его волосы, всматриваясь в его лицо. — Ревик, нет. *Нет, нет, нет...*

Его глаза помутились. Я видела, как это случилось. Я могла лишь беспомощно стоять на коленях, пока он изменялся на моих глазах. Он пытался дышать, смотрел на меня, но было слишком поздно. Я ощутила это в его свете. Я чувствовала, как его свет перестраивается, собираясь вокруг и врезаясь в него.

Я знала. Я знала ещё до того, как поняла — может, даже ещё в пещере Тарси.

— Нет, детка. Нет, — прошептала я, лаская его лицо. — Нет, пожалуйста.

— Какого хера произошло? — потребовала Кэт, вставая возле нас. — Что ты сделала? Ты зарезала его, Мост?

— Нет, — сказала я.

— Он сделал это, чтобы спасти тебя! Он сделал это для *тебя*, Мост, неблагодарная ты сука...

— Заткнись, Кэт, — Уллиса опустилась на колени по другую

сторону от Ревика. Когда она протянула к нему руку, в моем свете полыхнула ярость. Я отпихнула её в сторону даже сильнее, чем собиралась.

— *Не трогай* его, мать твою! — прорычала я.

Она уставилась на меня нервным взглядом.

С трудом дыша, я осознала, что мои глаза тоже светятся. Я видела, как они отражаются в глазах Уллисы, окрашивая её лицо лёгким зеленоватым оттенком.

Прошло так много времени, что это шокировало меня.

Отвернувшись от неё, я сосредоточилась на Ревике. Я стиснула его рубашку, стараясь контролировать себя, всматриваясь в его лицо. Его глаза тоже светились. Он смотрел на меня, и на мгновение я увидела в его глазах мальчика.

— Элли, — произнёс он. — Что случилось?

Я убрала волосы с его лба, лаская его лицо.

— С тобой все хорошо, детка. Нам нужно выбираться отсюда, — я старалась говорить вопреки комку в горле. — Ты можешь идти?

Однако я чувствовала, как это обвивается вокруг него и меня.

Он посмотрел на меня, и свет в его глазах померк, а затем полыхнул ещё ярче.

— Элли, — я слышала в его голосе страх, но это вновь был Ревик. — Элли... что случилось? Что случилось... — он повернул голову, уставившись на мёртвое тело мальчика на ковре. Теперь маленький труп казался мне нереальным.

Я осознала, что он никогда и не был реальным.

Он был всего лишь сосудом, сломанной куклой.

Я видела, как Ревик начинает понимать, и почему-то от этого стало ещё хуже. Хуже всего, что я когда-либо видела на чьём-то лице за всю свою жизнь.

— Все хорошо, — беспомощно повторяла я. — Все хорошо.

— Элли... — ужас отразился на его лице. — Элли...

— Потом. Мы поговорим об этом потом, — я сохраняла ровный тон, потянув его за руку. — Ревик. Пожалуйста, детка. Нам нужно

идти. Немедленно.

Выражение его лица дрогнуло, затем как будто... фрагментировалось.

Я наблюдала, как он пытается осознать, что он чувствует, затем оттолкнуть. Это все равно что наблюдать, как два человека — а может, даже больше — борются за одно и то же пространство.

— Какого черта происходит? — пробормотала Кэт.

Однако теперь в её голосе звучал испуг. Когда я подняла взгляд, все ещё стискивая его рубашку, она уставилась на Ревика. Я понимала, что она смотрит на него своим светом. Она находилась в Барьере, и её глаза и лицо выражали один лишь шок.

— Какого хера с ним не так? — спросила она.

Я запнулась, попытавшись заговорить, но не могла сформулировать ни единого слова.

— Это он, — сказал другой голос.

Я повернулась. В этот раз заговорила Уллиса. Она так побледнела, что я едва её узнавала. Её кожа сделалась почти серой. Она стиснула мою руку.

— Это Реви'... мальчик. Он был Реви'. Он был разделён. Как Териан.

— Да, — выдавила я. — Да... пожалуйста, не трогай его.

— Я не стану, — она сделала вдох, но на её лицо не вернулся нормальный румянец. — Элли! — Уллиса вновь стиснула мою руку, так сильно, что это причиняло боль. — *D'gaos!* Что нам делать?

— Что это значит? — сказал Тобиас, теперь заговорив на прекси. — Что это? — в его голосе звучала злость, но я также слышала там страх. Он таращился на светящиеся глаза Ревика. — Объясните! — потребовал он.

Уллиса все ещё смотрела на меня. Она смотрела на меня так, словно я была спасательным кругом. Словно я могла спасти их всех, а может, просто спасти Ревика.

— Он... — она сглотнула. — Кто он, Элисон?

Я подумывала не ответить, затем осознала, что это бесполезно.

— Вы уже знаете, — сказала я, сжимая его рубашку в ладони.

Я с мукой посмотрела на неё.

Увидев ужас в её глазах, я стиснула зубы от желания защитить, которое ударило по мне почти физической мощью.

Я все ещё сжимала его рубашку, когда он сел. Он посмотрел мне в лицо, и я внезапно ощутила это; я ощутила его свет. Я все ещё чувствовала его внутри, но это было совершенно иначе — настолько иначе, что мой разум опустел. Я чувствовала, что он читает меня, и моё сердце гулко колотилось в груди, отчего стало тяжело дышать.

Просто было... столько *много* всего.

Словно он расширился в три раза крупнее своего обычного размера.

Его недоумение никуда не делось, но теперь оно вновь изменялось. Превращалось.

— Териан, — его лицо исказилось от ярости. — Он сделал это. Бл*дь, ты *соврала* мне, Элли. Это он причинил тебе боль, — он стиснул зубы, и на щеке вздулся желвак. — Проклятье. Почему ты мне *соврала*?

— Ревик, — я потянулась к нему своим светом, стараясь успокоить, но он сердито оттолкнул меня. — Ревик, все хорошо. Ты пережил шок, тебе нужно успокоиться...

— Сколько раз? Сколько, Элли?

Я вздрогнула.

— Иисусе. Сейчас это едва ли важно, разве нет?

— Где он, бл*дь?

— Я не знаю. Правда, не знаю.

Его лицо вновь изменилось. Его глаза сделались холодными, непроницаемыми. Они напоминали глаза змеи.

Нет, подумала я. Они напоминали глаза мальчика.

— Мэйгар здесь, — сказал он.

Посмотрев на Уллису в поисках помощи, затем на Тобиаса, я осознала, что эта информация для них ничего не значила. Я посмотрела обратно на Ревика, увидела, что он изучает мой свет с

открыто настороженным, злым подозрением. Я осознала, что ощущала в нем желание, но такое тёмное и извращённое, что оно уже не походило на то, что я прежде чувствовала от него или от любого другого видящего. Я даже не была уверена, что это адресовалось мне.

Я гадала, чувствовал ли то же самое мальчик. Это ли я видела в его глазах теми ночами в камере.

Я осознала, что с его светом происходили и другие вещи. Я осознала отпечаток, который раньше уже ощущала на нем. Это были Шулеры. Серебристый свет Дренгов просачивался сквозь части его структуры *aleimi* как дурной запах.

Я вспомнила выражение лица мальчика, как он настаивал, что я хотела его, что мы принадлежали друг другу, и внезапно на глаза навернулись слезы.

— Я вызвал у тебя отвращение, — сказал он.

— Нет!

— Дерьмо собачье. Ты предпочла позволить Териану изнасиловать тебя, но не дала мне прикоснуться к тебе!

— Ревик... Иисусе. Я не знала...

— Это не моё имя. И ты это знаешь, — его глаза превратились в жёсткое лицо. — Он сделал так, чтобы тебе это понравилось, Элли? Поэтому ты мне соврала? Чтобы защитит его?

Я не могла найти слов. Впервые за все время нашего знакомства я боялась его.

Я всматривалась в его глаза, те же прозрачные глаза, в которые я смотрела в той хижине в Гималаях... и я не узнавала его.

Он оттолкнул меня с дороги, резко поднимаясь на ноги.

Я смотрела, как он уходит.

Каким-то уголком сознания я понимала, что нахожусь в состоянии шока.

Через какой-то промежуток времени я услышала, как Тобиас пробормотал то же самое.

Они попытались заставить меня встать самостоятельно, прося меня словами. Через несколько минут Уллиса и Тобиас сдались и

силой подняли меня на ноги, потащив между собой.

К тому времени, когда мы вчетвером добрались до лифта, Ревика уже не было.

Глава 45

Мера предосторожности

Балидор смотрел, как Касс разглядывает трёхмерное изображение.

Она оторвалась лишь для того, чтобы взглянуть на гигантского версианца и отрешённо похлопать его своими изящными пальцами по мощной руке.

Балидор подумал, что сейчас гигант хотя бы бодрствовал.

Последние несколько часов он дремал на полу пещеры, чем бесконечно раздражал Балидора, потому что он храпел как дизельный двигатель.

Теперь версианец держался поближе к Касс, уставившись на тот же экран с озадаченным выражением на широком лице. Балидор невольно гадал, имеет ли он хоть какое-то представление, что они вообще тут делают.

Он хмуро наблюдал, как гигант поглаживает спину Касс.

Он отвёл взгляд, когда Касс посмотрела на него.

Она улыбнулась, увидев, что Балидор прищурился и разглядывает те же показания приборов.

— Ну что? — сказал Балидор. — Это сработало?

— Думаю, да, — она показала на арку света на дисплее, затем вздохнула, сдув чёлку со лба. — Если честно, я понятия не имею.

— Так что? Мы останемся в этой богом забытой пещере, пока нас не настигнет мистическое озарение, как эта машина работает на самом деле?

Касс пихнула его плечом.

— Ворчун, ворчун, — пожурела она.

Балидор знал, что он начинает раздражаться по мелочам. Созерцание того, как версианец лапает человечку, когда он сам несколько месяцев не чувствовал ничего, кроме боли разделения, тоже не помогало делу.

Он выдохнул, издав резкий щелкающий звук.

— Мы даже не знаем, что это даст, Касс! Почему мы возимся с этим?

— Ещё немножко, — сказала она, источая ещё больше той бодрой уверенности.

Он закатил глаза в манере видящих, но не утруждался тем, чтобы продолжать спор.

Они провели в пещере несколько дней, и такое чувство, будто они сделали всё возможное, пока Касс пыталась выяснить, как вытащить «Фиграна» из кокона в космосе, но они так и не перепрограммировали машины. Балидору пришлось применить свой свет к органике, а затем последовала масса проб и ошибок и совместной работы с Касс, чтобы вообще заставить машину поговорить с ними.

Она нашла какой-то ключ на полях книги Галейта.

Как только он разговаривал машину, Касс и Балидор вместе использовали этот ключ, чтобы расшифровать зашифрованную последовательность доступа к главному компьютеру. Всё это время Касс бомбардировала его вопросами про Териана и его тела. Похоже, она хотела знать каждую деталь, которую они выяснили о Шулере за те годы, что его изучал Адипан.

Словно прочитав его мысли, она принялась за старое.

— То есть, тела не стареют? — спросила она вновь. — Почему нет?

Она продолжала внимательно изучать консоль, по её глазам видно было, что она читает маленькие строчки символов и одновременно ждёт его ответа.

И всё же, когда он не ответил сразу же, она посмотрела на него.

— Эй. Фишка с нестарением. Как это работает?

Балидор сделал неопределённый жест одной рукой.

— Фактически они мертвы, Касс. Реанимированные трупы. Единственный способ, каким Териан может так тщательно завладеть телом — это убить изначального носителя тела. Затем он готовит физический носитель посредством какого-то процесса реанимации.

Он удерживает лишь небольшую часть их *aleimi*, чтобы привязать себя к телу носителя. Фактически это как марионетка, Касс.

— Марионетка из мяса, — сказала она, широко улыбаясь.

Балидор покачал головой, тихо щёлкнув.

— Да, — сказал он. — Если ты гадкий человек, не имеющий никакого уважения к живому свету других личностей... то именно так. Марионетка без мяса. С конечностями, которым можно придать нужную позу.

Она подавила смешок, и Балидор невольно улыбнулся.

Его раздражение вернулось, когда свет версианца вновь обвился вокруг неё, а толстые пальцы приласкали её руку.

Проклятье. Он действительно попытается соблазнить её у него на глазах?

— Так как он их всех контролирует? — спросила она.

Балидор снова вздохнул. Он выбросил из головы другого мужчину и одёрнул полу своей рубашки, расправляя одежду.

— Тут у нас есть только теории, — сказал он. — До крушения Пирамиды мы думали, что понимаем... но всё оказалось сложнее, чем мы думали.

Когда она жестом руки подтолкнула его продолжать, он вновь мягко щёлкнул языком.

— В Пирамиде, Кассандра, Териан удерживал все свои личности вместе, используя конструкцию... конструкцию внутри более крупной конструкции самой Пирамиды. Он использовал Дренгов, чтобы конструкция не имела привязки к месту, и тела могли отправиться куда угодно в физическом мире, при этом не потеряв связи с носителем.

Размышляя вслух, он скрестил руки на груди, и его тон сделался задумчивым.

— Если так подумать, мы никогда не пробовали надеть ошейник на одно из тел. Эффект мог бы оказаться интересным. Теоретически возможно, что они утратят связь с телом носителя, и потому погибнут. Хотя я не знаю такого ошейника, который бы вообще ничего не пропускал.

Он наблюдал, как она с сосредоточенным видом нажимает новую последовательность клавиш на клавиатуре.

Очевидно, для неё это не было так интригующе.

Он добавил:

— У нас есть свидетельство, что во времена Пирамиды все тела Териана могли переговариваться друг с другом на любых расстояниях. Пока его не отрезало от структуры Пирамиды, он оставался относительно нетронутым как цельное существо, каким бы разделённым он ни был.

— А после смерти Пирамиды? — поинтересовалась она.

— После того, как она разрушилась, — вежливо поправил он, — Териан сумел сохранить все свои тела. Мы не знаем, как именно он это сделал. Мы предполагали, что они все умрут, лишившись объединяющей структуры Пирамиды... так что нам пришлось скорректировать свою теорию. Может быть, он сохранил свои тела только потому, что он стал новой Главой сети Шулеров, и тем самым их прямой связью с Дренгами. Возможно, что Дренги помогли ему в этом, или же мы ошибались в своих изначальных предположениях относительно того, как он поддерживал целостность своего совокупного *aleimi*-тела.

Он взглянул на ряд органических машин, стараясь не смотреть, как версианец опять гладит её по спине.

— Мы всё же обнаружили, что после кончины Пирамиды он отрезан от текущей коммуникации между различными телами, — сказал он, всё ещё глядя в тёмный угол пещеры. — Его тела уже не действуют как часть единого гибкого разума. Они ведут себя скорее как индивидуальные личности... миниатюрные или частичные личности, занимающие разные физические сосуды. Они общаются через устройства, как мы с тобой, или через Барьер, когда есть возможность — как любой разведчик или обычный видящий.

Всё ещё размышляя, он пожал одной рукой.

— Конечно, будучи настолько близкими в энергетическом плане и исходя из одного источника, должно быть, они могут очень легко находить друг друга в Барьере. Принципы резонанса утверждают, что так и есть. Как супруг, ищущий свою пару, как родитель, ищущий ребёнка... только ещё легче. Понимаешь,

Кассандра?

Она кивнула, все ещё пробегаясь взглядом по символам.

Балидор гадал, сколько из сказанного им она вообще слышала.

Он заметил, что она довольно хорошо вникала в теорию, но вся концепция *aleimi* и его различных функциональных возможностей оставалась для неё практически загадкой.

— Итак, объясни мне ещё раз эту штуку с Фиграном, — сказал Касс, поднимая взгляд от светящейся консоли. — Почему изначальное тело отличается?

Балидор размял спину, затёкшую от слишком долгих часов сидения над тем же мутным монитором. Потирая глаза от усталости, он вновь посмотрел на потное лицо женщины-человека, поражаясь, что она все ещё бодрствует — и держится намного бодрее, чем он сам. Он неохотно посмотрел на Багуэна, затем отвернулся, заметив, что гигант опять пожирает взглядом её тело, а его свет теперь ласкал её куда более интимно.

Он чувствовал, что мужчина хочет, чтобы он оставил их наедине.

Будь он проклят, если он пойдёт наружу и станет ждать, пока этот монстр попытается уговорить её потрахаться в пещере.

подавив то, что ему хотелось бы сказать в ответ, Балидор посмотрел обратно на Касс. Он невольно гадал, насколько сильно влияет на неё свет гиганта, но по-прежнему не желал сканировать её, чтобы выяснить.

— Изначальное тело — это якорь, Касси, — объяснил он. — Если ты убьёшь оригинал, то все тела умрут. Не останется больше связи с физическим миром.

Увидев озадаченный взгляд Касс, он нетерпеливо щёлкнул языком.

— Просто доверься мне в этом, Касс. Мы годами изучали Териана и его тела. Принцип достаточно прост, хотя сам процесс довольно сложен. Как я и сказал тебе, всё становится намного проще, когда ты осознаёшь, что сознание видящих существует вовсе не в наших физических телах, а в наших *aleimi*. Видящие используют физический мозг как радио. Это устройство, которое воспроизводит

сигнал, но при этом не генерирует его самостоятельно. Понимаешь?

Касс сделала рукой жест «более-менее», но её взгляд говорил, что по шкале понимания она ближе к «менее», чем к «более».

— Это я понимаю, — сказала она. — Я знаю, что вы, ребята, живете наполовину здесь, наполовину в Барьере, верно? Так, по крайней мере, говорит Элли.

Балидор показал утвердительный жест.

— Да, Мост права. Но наш *aleimi* привязан к конкретному физическому телу. Можно сказать, что он закодирован на это тело. Убей тело, и мы вернёмся в Барьер. Тело умирает... и так далее.

— Ладно, — её взгляд оставался озадаченным. — Итак, объясни мне ещё раз про Фиграна.

Балидор выдохнул, потирая виски. Он взглянул на гиганта, который с безразличным видом слушал их разговор.

Балидор сосредоточился обратно на Касс.

— Териан разделяет его *aleimi*, — сказал он. — Изначально один Фигран содержал в себе то, что теперь разделено между всеми этими телами. Он не создал ничего нового, чтобы поместить в эти личности. Он просто разделил себя.

— ...Внутри Барьера мы, видящие, сделаны из множества различных частей. Каждый фрагмент состоит из разных структур, черт, способностей. Даже воспоминаний. Териан нашёл способ придать различным частям себя форму отдельных личностей. Он ломает тело своего *aleimi*, затем искусственно привязывает эти части к другим световым телам... которые закреплены в разных *физических* телах. Вот тут-то процесс воскрешения становится сложным. Он может использовать лишь недавно умершие тела, отчасти потому, что ему нужно частично сохранить структуру *aleimi* исходного носителя.

Видя по её глазам, что Касс опять не улавливает ход его мысли, Балидор сменил тему.

— Но изначально... настоящее, *живое* тело Териана... всё ещё вынужденно служит его единственным настоящим якорем, закрепляющим его в физическом мире. Самая сложная часть процесса — это то, как он поддерживает другие тела в живых.

— Ага, — она отмахнулась от этой части. — Только не уходи

опять в генетику. У меня от этого голова начинает болеть, — она помедлила, поднимая взгляд. — Но ты действительно уверен, что мы сможем убить *все* его тела? Если мы убьём Фиграна, имею в виду?

— Если этот Фигран — изначальное тело, то да.

— То есть, полагаю, это объясняет, зачем его поместили в космос.

— Да, — признал он. — Это-то и даёт мне надежду в отношении твоего безумного плана, — Балидор вновь склонился над консолью, читая символы. — Но мы никак не знаем, что эта последовательность *делает* на самом деле, Касс.

— А ты как думаешь?

Он покачал головой, тихо щёлкнув языком.

— Я понимаю этот текст не больше твоего. Однако, судя по этим символам... — он показал на последовательность пиктограмм. — ... Думаю, это действительно возвращает его на Землю.

Он просканировал дальнейший текст, стараясь разобрать его.

— Это вторую часть я не могу понять, — признался он. — Выглядит как какая-то мера предосторожности. Насколько я могу разобрать, тут говорится, что это сделает что-то с другими телами Териана, если Фигран когда-либо вернётся на Землю. Но никак не понять, что именно.

Вновь щёлкнув языком, он вздохнул.

— Если так подумать, это передаст им сигнал вернуться к телу-носителю и защитить его. Мы даже не знаем, сам ли Териан поместил всё это сюда, и не знаем, чего ради.

— Галейт, — Касс резко вскинула взгляд. — Ты думаешь, это построил *Галейт*? Как способ положить конец Териану, если придётся?

— Я ничего не думаю, — сказал Балидор.

Его голос сделался ворчливым.

— Но это же *его* дневник. Эта штука могла быть построена по его указанию.

— Но ведь Галейт уже однажды пытался убить Териана?

— Да, — Балидор согласился, показав жест. — Но возможно, он не принял решение уничтожить *их всех*, Кассандра.

Его взгляд вновь пробежался по пиктограммам, пока она, похоже, размышляла над этим. После очередной паузы он щелчком вытащил себя из оцепенения.

— Кассандра... это все теория. Мы не можем это прочитать, — он снова коснулся экрана, но новая последовательность ничего не прояснила. — В любом случае, слишком рискованно играть с этим. Это может быть какое-то оружие или...

— Оружие? — она подняла взгляд. — Ты шутишь, верно?

— Мы не знаем, какие запасные планы мог подготовить Териан.

— Дерьмо собачье! — выпалила Касс неожиданно резким тоном. — У него *Элли*, Дори'! Ревик может погибнуть, отправившись за ней. И Джон тоже. Сотни видящих уже погибли от этих бомб. Я *обещала*, что постараюсь им помочь. Я не струшу сейчас.

Посмотрев на неё, Балидор поколебался.

Он вынужденно признал, что в её словах был смысл.

— Возможно, — осторожно произнёс он. — Только *возможно*, заметь... что механизм, удерживающий его *aleimi* в различных местах, как-то связан с контейнером оригинального тела в космосе. Если это действительно так, то возможно, этот текст — предупреждение, что если мы опустим Фиграна, то остальные тела погибнут.

Он пожал одним плечом.

— Дигойз как-то раз сказал мне, что Галейт пристально присматривал за Терианом. Он знал, насколько Териан нестабилен. Возможно, что если Галейт построил это, то он создал меру предосторожности в виде спуска этого тела. На случай, если ему это понадобится.

Он встретился взглядом с Касс. Когда человечка расплылась в широкой улыбке, он невольно ответил тем же.

— Ладно, — признал он. — Эта перспектива интригует.

— Ты хочешь сделать это? — спросила она, сжимая его руку. — Или лучше я?

Балидор невольно усмехнулся.

— Сейчас?

— А чего ждать? — она широко улыбнулась.

Улыбнувшись в ответ, он коснулся её щеки тыльной стороной пальцев. Он не думал о том, что делает, пока не ощутил, как свет версиианца взорвался вспышкой собственнического раздражения. Взглянув на хмурого видящего, Балидор убрал пальцы и прочистил горло.

Он посмотрел на Касс, скрестив руки на груди.

— Думаю, это право принадлежит тебе, Кассандра, — сказал он.

Он наблюдал, как она наклоняется над консолью, читая символы. Если она и заметила позёрство мужчин, то никак этого не показала. Он слегка улыбнулся при виде её сосредоточенного лица, пока она набирала последовательность, которую они узнали.

Как только она это сделала, на экране вспыхнули новые инструкции.

— Как думаешь, что это значит? — спросила она.

Балидор наклонился поверх неё, глядя на строку мигающего текста. Простирая свой свет, он изо всех сил попытался прочесть символы, используя фотографическую память видящего, чтобы сравнить их с теми, что он видел в книге. При этом он ощутил, как что-то в его груди начинает расслабляться. Прочитав всё целиком во второй раз, он посмотрел на Касс и невольно улыбнулся.

— Что ж, друг мой, — сказал он. — Полагаю, это ты и искала.

— В смысле? — переспросила Касс, нахмурившись ещё сильнее.

Её лицо находилось в считанных дюймах, и Балидор осознал, что вновь смотрит на неё, заново открывая для себя тот факт, что она действительно была исключительно привлекательным человеком.

Увидев её ответную улыбку, Балидор осознал, что выглядело это не так деликатно, как ему хотелось бы.

Прочистив горло, он повернулся и постучал пальцем по экрану.

— Оно спрашивает у нас, хотим ли мы «консолидировать Фиграна».

— Консолидировать? — она снова нахмурилась. — Что это значит?

Когда Балидор лишь улыбнулся, в её глазах кофейного цвета отразилось понимание. Её лицо постепенно осветилось слабой надеждой.

— Неужели всё действительно может быть так просто?

Он широко улыбнулся.

— Не знаю. Поэкспериментируем?

Рассмеявшись, она сжала его ладонь. Балидор вновь ощутил прилив раздражения от наблюдающего версианца.

В этот раз ему было всё равно.

Глава 46

Возвращение

Я стояла среди деревьев снаружи длинного коридора на южной стороне восточного крыла Белого Дома.

Я не позволяла себе слишком ясно задумываться о том, где я нахожусь, а также о сюрреалистичности того, что я вижу это место свободным от людей, если не считать одинокую фигуру в униформе, которая быстро метнулась из одного освещённого сегмента коридора в другой. Я видела, как шевелились губы мужчины, пока он переговаривался через гарнитуру, затем он тоже пропал.

Он сжимал какое-то автоматическое оружие.

Об этом я тоже старалась не думать.

Мы не сумели его найти.

Остальные хотели покинуть это место, и я не могла их винить. Восточное крыло полыхало светом. Я слышала прерывистые звуки автоматных очередей в разных частях земель к югу. Люди передвигались по траве хаотичными скоплениями, некоторые бежали в униформах, похожих на снаряжение спецназа — это могло быть что угодно, от СКАРБа до ФБР или Секретной службы.

Большинство из них пока что были людьми, так что от них легко скрыться.

И всё же я всё сильнее нервничала из-за того, что слышала на улицах за воротами Белого Дома.

Если там ещё не развязалась война с перестрелкой, то скоро она начнётся.

Как раз когда я подумала об этом, Тобиас протянул мне свою гарнитуру, жестом показывая мне послушать. Как только я вставила её в ухо, в моем сознании взорвались звуки, отчего стало сложно думать. Поначалу я едва могла различить слова.

— ...теперь подтверждено. Пока мы с вами говорим, в Белом Доме происходит террористическая атака...

Визуальные образы затмили мой вид на тёмные земли, заставляя

меня очутиться в ярко освещённой новостной студии репортёров. Я мельком заметила золотые волосы Донны, с которой встречалась в Овальном Кабинете. Рядом с ней сидел мужчина-афроамериканец с мрачным выражением лица и нахмуренными бровями.

Я лишь мельком обратила внимание на их лица, когда в гарнитуре раздались звуки стрельбы.

На переднем плане появилось изображение того, как армейские отряды оцепляют район города с аллеями. Перестрелка происходила между фигурами в темной одежде и, похоже, городской полицией, разместившейся в другом углу того же экрана. Третье изображение показывало солдат в чёрной униформе военного подразделения Сдерживания Видящих, которые бежали вместе с человеческими морпехами и уже проникали на территорию Белого Дома.

На них было так много оружия и органического вооружения, что поначалу они даже показались мне нереальными.

Голос мужчины-репортёра резко ударил по моим ушам.

— Они ещё не определили точный источник или причину атаки, но нет сомнений, что вовлечены мятежные видящие. Четыре незарегистрированных видящих-иностранца были пойманы в ходе изначальной схватки. Несколько не-людей, согласно докладом, стреляли с первого этажа самого Белого Дома, а теперь, по слухам, удерживают в заложниках вице-президента на верхних этажах.

Карие глаза мужчины как будто посмотрели прямо в мои в этом пространстве виртуальной реальности.

Я гадала, как он выглядел в реальной жизни.

— Самого президента Веллингтона Секретная служба эвакуировала из его резиденции и доставила в безопасное место вместе с большей частью состава кабинета и старшими советниками. Он сделает заявление для прессы, как только ситуация в Белом Доме стабилизируется. В настоящий же момент у него для нас есть лишь одно послание. Весьма непоколебимое. Он сказал, цитирую: «Скажите им, что мы сделаем всё необходимое, чтобы удостовериться, что эти правонарушители не добьются успеха в своих целях дестабилизировать нашу великую нацию...»

Драматичная пауза.

— Донна? У тебя есть новые данные?

Светловолосая репортёрша улыбнулась, её изменённый цифровой голос содержал фальшивое возмущение, которое едва скрывало нотку восторга под ним.

— Мы только что получили новости, что террористка Элисон Мэй Тейлор, похоже, *сбежала* в ходе атаки видящих. Используя свои силы контроля над разумом, её сообщники сумели повлиять на команды Секретной службы, а также на команду безопасности Пентагона, которой поручили охранять её во время опроса. Террористическая ячейка видящих, судя по всему, проникла в подземный бункер под Белым Домом, где её держали. Теперь похоже, что её освобождение могло быть основной целью атаки...

Я сосредоточилась на изображении моего лица, показывавшегося через виртуальную реальность.

— Религиозные фанатики называют её «Мост». Сама Тейлор только и делала, что разжигала жестокость и другие формы опасного фанатизма в обществе видящих с тех пор, как в прошлом году раскрылась её истинная раса. До разоблачения Элисон маскировалась под человека и действовала как агент глубокого внедрения в Сан-Франциско, где её личность двадцать пять лет оберегалась приёмными человеческими родителями и братом, а также несколькими друзьями, которые, судя по всему, поддерживают видящих...

Донна сделала серьёзное лицо, когда камеры увеличили её аватар.

Я заметила, что она выглядела на добрых пятнадцать лет моложе настоящего возраста, а также обладала исправленным носом и более пухлыми губами, чем женщина, с которой я встречалась в реальности.

— Все задают себе вопрос: а действительно ли Элисон Тейлор является телекинетиком? Это ли настоящая причина, по которой её защищают террористы? Чтобы они сумели использовать её как оружие против всей человеческой расы? Ответ на этот вопрос непременно принудит командиров армии принять кое-какие непростые решения, особенно учитывая историю с последним известным видящим-телекинетиком...

Услышав лопасти вертолёт, я подняла взгляд, как только поняла, что звук исходит не из новостной передачи. Выдернув

гарнитуру из уха, я смотрела, как строй военных вертолётов пролетает над землёй, направляясь по диагонали с северной стороны к югу главного здания.

Пригнувшись и скрывшись из виду в тенях, я повернулась к Уллисе, поколебалась, затем посмотрела обратно на сам Белый Дом.

Я подумала о новостях, о количестве морпехов и агентов СКАРБ, которые направлялись в нашу сторону.

Возможно, они визуально увеличили численность для красивого кадра, но почему-то я сомневалась, что в реальности их будет намного меньше.

Я протянула гарнитуру обратно Тобиасу. Она мне уже не поможет.

— Вы трое идите вперёд, — я говорила тихо, переводя взгляд между Уллисой и Тобиасом. — Я его найду. Я знаю планы. Будет быстрее, если я пойду туда одна.

— Элли, нет! — воскликнула Уллиса. — Это безумие!

— Я не могу оставить его там! — произнесла я громким шёпотом. — Ты понимаешь? Я не могу так поступить. Так что или заткнись, или *помоги мне*, черт бы тебя драл!

Все трое просто уставились на меня.

Затем Тобиас показал утвердительный жест, покосившись на двоих других.

— Ладно, — сказал он. — Мы пойдём с тобой.

Я взглянула на Кэт. На мгновение я подумывала запротестовать против её участия. Она вздёрнула подбородок, и я по её лицу видела, что она ожидала, что я оставлю её позади.

Но нахер это все. Может, она сдохнет в перестрелке.

Она удивила меня, широко улыбнувшись.

— Вот это настрой, Мост.

— Тебе лучше держаться вне поля моего зрения, — предостерегла я.

Я ожидала, что это её разозлит, но она вновь удивила меня, улыбнувшись ещё шире.

— Ты говоришь совсем как он. Знаешь, да? — сказала она.

Я притворилась, что проигнорировала это, но моё сердце все равно заболело.

Мы пробрались обратно через сады, направляясь к округлой галерее южного входа. Мы присели в тени деревьев снаружи освещённого круга, который создавали огни нижних этажей. Мы ещё не поднялись, чтобы направиться к ближайшей двери, когда самолёты с рёвом вернулись.

Не успела я издать и звука, как Тобиас обхватил меня за туловище и дёрнул назад, глубже в сады, и накрыл своим телом.

Я сопротивлялась, вырываясь из его хватки. Страх вышел на передний план моего света.

Я знала, что это грядёт. Я это чувствовала.

— Они будут бомбить! — крикнул он мне на ухо.

Вой падающих бомб постепенно нарастал, и вот я уже не слышала больше ничего, даже своего мучительного вопля. Тобиас прав; они собирались не просто ударить по землям или окружающей местности.

Однако я орала не из-за нас четверых.

Нереальность происходящего затмилась ужасом от того, что это означало для меня.

Они бомбили Белый Дом.

А он находился внутри.

Глава 47

Реинтеграция

Териан вновь ощутил это.

Что-то в его свете как будто отключилось.

Секунды спустя это вернулось, словно само по себе.

Он уставился в низкий потолок, хмурясь и напрягая зрение. Какая-то часть его сознания также прислушивалась. Как будто на каком-то уровне он верил, что если приложит достаточно усилий, то одними физическими органами чувств сможет определить, что не так с конструкцией.

Как раз когда он подумал об этом, звук повторился вновь.

Сотрясение от удара. Какой-то взрыв, и судя по звуку, он раздался прямо над головой. Освещение вновь моргнуло, переключившись с белых ламп конференц-зала на оранжевые вращающиеся огни ламп экстренного освещения... затем обратно.

Мигание света продолжилось, зеркально вторя странным отключениям в его *aleimi*.

Ещё через несколько секунд белые лампы вновь зажглись, пока комната не приняла вновь обычный вид.

Териан моргнул, адаптируя глаза к неожиданной яркости. Он не особенно беспокоился об обрушении, только не здесь, внизу.

Проще всего на свете отключить электричество внизу, затем убедить людей, что совершена атака, и им нужно немедленно эвакуировать столичные здания в связи с угрозой террористов-видящих.

Кто знал, что он на самом деле окажется прав?

Ревин действительно не тратил время на ерунду в своих попытках вернуть Элисон. Хотя ослеплён эмоциями, хоть нет, а он спланировал этот побег из тюрьмы скорее как военную операцию, а не как своё типичное одиночное проникновение через парадный вход.

Териан мог лишь предполагать, что ему помогли, и в довольно

значительной мере. Ему стоило помнить, что его старый напарник будет не единственным видящим, который обладает сильной мотивацией освободить их драгоценный Мост.

И всё же, по всей видимости, Ревин' затаил более сильную обиду, чем обычно.

Весь кабинет, включая самого Веллингтона и Ксарет, исчез почти два часа назад вместе с кучкой советников. Всех остальных отослали домой, некоторых с эскортом полиции или даже с агентами СКАРБ. Как только подтвердилось проникновение на периметр, персонал со всей территории был эвакуирован.

Также благодаря Териану вице-президента Трэверса и его маленькую свиту не сумели найти. Их автомобили он тоже перегнал, чтобы избежать подозрения.

Теперь они официально числились «заложниками» армии террористов-видящих.

Териан искал возможность заменить Трэверса практически с того самого момента, как дал официальную клятву. Он позволил этой маленькой шараде длиться месяцами, зная, что в один из таких дней отставка этого гадёныша может прийти к стати.

Однако сегодня это явно оказалось полезным.

Команда Веллингтона вышла через верхний подвал, разместившись в пуленепробиваемых внедорожниках, чтобы добраться до безопасного места на другом конце города. Похожее на бункер помещение располагалось под пятнадцатью футами бетона, арматурной стали, пристальным взглядом нескольких дюжин их лучших видящих — и, конечно же, с маленьким ядерным арсеналом под рукой — и тем самым оставалось практически неприступным.

Теперь ему осталось ждать недолго. Он это чувствовал.

Как бы там ни было, он знал, что несколько бомб не помешают его старому другу нанести ему визит, если он достаточно мотивирован... а в этом Териан не сомневался.

Он слышал сигнал через свои имплантаты, когда лифт достиг нижнего этажа, улыбнулся, когда увидел статистические данные пассажира кабины.

Прикурив *hiri*, он откинулся назад в кресле, уложил ноги на стол

из красного дерева и скрестил лодыжки.

Страхивание пепла на пол Белого Дома, даже в формально не существующих подземных отсеках, приносило ему извращённое удовольствие даже сейчас.

Он подождал, пока не почувствовал, что он направляется в его сторону.

Затем он послал тычок своим светом, давая ему знать, где именно он находится.

Он всё ещё прислонялся к спинке кресла, держа в руке бокал, когда Дигойз вошёл в комнату, держа перед собой пистолет с органической составляющей.

Он вошёл медленно, проверяя углы и выпрямляясь из боевой позиции. Он всё ещё хромал, конечно же, его нога не полностью восстановилась от пулевого ранения несколько недель назад, но его естественная грация ничуть не пострадала. Лицо выглядело сосредоточенным, лишённым эмоций, но Териан поймал себя на том, что всё равно улыбается.

Он поднял руки — жест наполовину капитуляции, наполовину привязанности.

Он вновь узнал взгляд этих глаз.

Впервые за более чем пятьдесят лет он опять увидел своего друга.

— Ты убил мальчика? — спросил он.

Он услышал в собственном голосе триумф.

Дигойз не ответил.

Териан всё равно улыбнулся, ещё шире разводя руки.

— Не стреляй, братан, — сказал он. — Я сдаюсь.

Ревик переместил прицел пистолета.

Он выстрелил прежде, чем Териан успел моргнуть.

Сила выстрела застала Териана врасплох, особенно из такого маленького пистолета. Она сбросила его ноги со стола, заставив усомниться в том, что это изначально было мудрое решение. Выстрел едва не выбил его из кресла с высокой спинкой.

Он ахнул, схватившись за своё бедро и уставившись на кровь, которая сочилась между его пальцев. Элерианец выстрелил ему в ногу. Это была та же нога и примерно то же место, куда Териан приказал своим мужчинам ранить Дигойза несколько недель назад.

Вопреки мощи выстрела пуля осталась в плоти.

— Ты рискнёшь шутить со мной сейчас? — произнёс Ревик. — Серьёзно? Это кажется тебе хорошей идеей?

— Подожди! — Териан поднял другую руку. — Дигойз... друг мой. Успокойся, пожалуйста. Я могу объяснить!

— Ты можешь объяснить, — светлые глаза сделались хищными, на самой поверхности виднелась жёсткость. — Ты можешь объяснить похищение моей жены. Её избиение... *изнасилование*. Объясни это мне, Терри. Рискни.

— Я знал, кто ты, — сказал скандинав. Он заговорил быстро, пока элерианец не выстрелил вновь. — Разве ты не понимаешь? Я знал. Я пытался *помочь* тебе, Дигойз. Я знал, что сам бы ты до этого не дошёл.

Ревик навёл пистолет на его лицо.

— Мда, — сказал он. — Ну, спасибо, Терри.

— Я подозревал, что всё так обстоит. Вскоре после того, как нашёл мальчика, — Териан поднял руку выше, моля о перемирии. — Поначалу это было едва заметно. Но в нём было очень много от *тебя*... слишком много, бесчисленное количество дигойзовских сходств, чёрт подери. Я нашёл анализ образца крови изначального Сайримна, что помогло...

Увидев, что другой видящий хотя бы слушает его, он опустил руку ровно настолько, чтобы быстро глотнуть скотча.

— Затем я осознал, почему он так хорошо мне знаком, — сказал он. — И что случилось с тем Ревиком, которого я когда-то знал, — он поджал губы. — Ну, ты знаешь... с моим лучшим другом? Тем, которого бл*дские засранцы Семерки убили, чтобы «спасти его душу»?

Когда Ревик не отреагировал, Териан заговорил громче, всё ещё всматриваясь в глаза другого видящего.

— Когда Галейт и Вэш заключили свой маленький пакт... чёрт, у

них уже *был* мальчик. Они создали его и заперли в той горе. Они похоронили бл*дского *Сайримна* в той темнице — создание, которое только и делало, что боролось за наших людей. Что это за благодарность такая?

— О чём ты говоришь, мать твою? — спросил Ревик.

Но Териан видел это по его лицу.

Он слушал. Хотя бы часть его слов откладывалась в сознании Ревика.

Он пожал плечом свободной руки, ощущая, как злоба возвращается при мысли о правде в его словах.

— Так вот, у них уже был мальчик, — повторил он. — Полагаю, они решили, почему бы не использовать его, чтобы заодно похоронить моего друга, Ревин'-Шулера? Так что они и тебя туда запихали. Они оставили *тебя* там, в теле маленького крысёныша-мальчика... гнить, видимо.

Ревик перехватил пистолет.

— Немного притянута за уши, Терри.

— Разве? Ты знаешь, что невозможно по-настоящему уничтожить воспоминание, Ревин'? Никак нельзя очистить разум от его прошлого? О, это можно сделать *временно*. Через травмы, наркотики, даже внушение. Но от этого нельзя избавиться *по-настоящему*, — он снова отпил алкоголя. — Единственный способ сделать это наверняка, Ревин'... единственный способ быть *по-настоящему уверенным* — это отрезать проблемную часть *aleimi*. Поместить её в другое место.

Он помедлил, наблюдая, как Дигойз думает над его словами.

— Ты действительно думаешь, что Галейт отпустил бы тебя, если бы существовал *хоть какой-то шанс*, что ты сможешь вернуть воспоминания, которые он и Семёрка украли у тебя?

Челюсти Ревика напряглись, но Териан видел, что он всё ещё думает.

— Теперь ты помнишь, не так ли, Ревин'?

Глаза другого видящего сделались непроницаемыми, но Териан видел там достаточно, чтобы знать — он прав.

Он улыбнулся ещё шире.

— Ты помнишь. Я вижу, что ты помнишь. Это хорошо, Ревин'. Это самая замечательная...

— Ты всё ещё завираешься, Терри, — сказал Ревик. — Ты всегда завирался. Не знаю, какую игру ты ведёшь, но...

— Игру? Это не игра, уверяю тебя. Я смертельно серьёзен, друг мой. Разве ты меня не слушаешь? Ты вновь *цельный*!

Ревик уставился на него, его бледные глаза напоминали лампы в белом освещении.

— Ты всё ещё мне не веришь? — сказал Териан. — Тогда почему бы тебе не объяснить мне, откуда этот маленький говнюк так много знал о твоей *жене*, Ревин'... учитывая, что на него надели ошейник и похоронили под землёй *задолго до её рождения*? Объясни мне, как она сумела творить телекинез безо всякой тренировки, просто будучи твоей супругой. Ты знаешь, когда она впервые продемонстрировала этот свой «случайный» талант, Ревин'? Ну? Знаешь?

— Да, — ответил Ревик.

— И это время не показалось тебе интересным, Ревин'? — он помедлил, всматриваясь в лицо другого видящего. — Ну, вот тебе намёк. Ей было семь лет. А что ещё случилось, когда ей исполнилось семь, Ревин'?

Челюсти Ревика напряглись.

— Меня приставили к ней.

— Да. Именно так. А теперь объясни мне, как мальчик мог находить *тебя*, где бы ты ни находился, какими бы плотными щитами ни закрывал тебя Адипан или кто-то ещё? Я был в восторге, когда он сумел так легко найти тебя, но некоторое время спустя, признаюсь, я начал задаваться вопросами, почему это происходит.

Ревик посмотрел за него, всё ещё продолжая целиться в Териана.

Однако взгляд его бесцветных глаз ожесточился. Глядя на него, Териан это видел. Там было понимание, злость, узнавание, но в то же время отказ верить. Он с трудом переживал интеграцию, с трудом мыслил связно.

Скорее всего, он также пока что не мог полностью видеть свои новые элементы. Такое требует времени и немалого количества борьбы между различными частями его самого.

Это процесс, с которым сам Териан в некоторой мере знаком.

Ревик показал на Териана пистолетом.

— Продолжай говорить.

— Конечно, к этому времени ты должен был догадаться! — сказал Териан, сжимая свою ногу, чтобы замедлить кровотечение и продолжая изучать свет Дигойза.

— Догадаться о чём?

— Ты *Сайримн*, друг мой!

Последовала пауза.

Затем Ревик издал резкий смешок.

— Иисусе. Это жалко даже для тебя, Терри. Ты *внедрил* это дерьмо! Ты хочешь, чтобы я в это поверил, — его подбородок напрягся, печаль выплеснулась из его света. — Ты хочешь, чтобы Элли в это поверила.

Однако Териан улыбнулся, почувствовав кое-что другое в свете видящего.

— Ах, ты *знаешь*. Это внушает надежду. Я боялся, что они столько раз раздирали части твоего сознания, заполняли дыры разговорами про благодетель и поющими птичками, что от твоего разума ничего не осталось.

— Иди ты нах*й, — Ревик крепче стиснул пистолет. — Мне стоит убить тебя немедленно.

— Я не виню тебя за последние сантименты. И, — он улыбнулся, — я определённо готов исполнить первое... насколько я видел, ты там устроил знатное шоу. Уверен, что ты готов к повторению после такого-то?

Он приподнял бровь, похотливо улыбаясь.

— ...Уверен ли ты, что *она* готова? На минуту ситуация сделалась очень рискованной, не так ли? Очень захватывающе. Я почти решил, что она тебя *убьёт*.

Увидев на лице Ревика сомнение, смешавшееся с более натянутым выражением, Териан усмехнулся.

— Положи пистолет, Дигойз. Ты знаешь, что я говорю правду. Ты — Сайримн. Ты всегда им был... и мне слишком многое нужно рассказать тебе о тебе же самом, так что ты не хочешь меня убивать.

Ревик поколебался. Злость не уходила из его взгляда. Злость и та нотка неверия, смешавшаяся с чем-то, близким к пониманию и даже шёпоту облегчения.

Териан осознал, что улыбается и этому.

— Знание, кто мы есть на самом деле, утешает, — мягко произнёс Териан. — Не так ли, друг мой? Это столько всего объясняет.

Ревик уставился на него. На мгновение он выглядел так, будто хотел ответить, затем передумал. Опустив пистолет к боку, он не опустил его до конца.

— Ты работаешь с Салинсом? — сказал он.

— С Салинсом? Тем чудиком из гор? Боже помилуй, нет.

— Он сказал мне убить мальчика, — произнёс Ревик. — Он высказался предельно ясно. Сделал это платой за предоставление его людей.

— Ах, — Териан улыбнулся. — Да, логично. Полагаю, теперь ты получишь немало предложений, Ревик'. Позволь мне предостеречь тебя: выбирай с умом, друг мой.

Териан налил ещё один бокал скотча, надеясь, что это хотя бы приглушит боль в ноге. Налив второй бокал для Дигойза, он умело подтолкнул его скользящим движением по столу. Бокал остановился в нескольких сантиметрах от места, где рука Ревика висела вдоль его бока.

Элерианец лишь уставился на бокал, затем на Териана. Его взгляд оставался ровным вопреки шепотку противоречий, который видел Териан. Затем он издал отрывистый смешок.

— Да ты, должно быть, издеваешься. Думаешь, я стану пить с тобой? Ты действительно окончательно рехнулся, Терри. Ты похитил мою жену. Затем ты едва не убил её. Какую часть из этого ты не понимаешь?

— Думаю, ты захочешь услышать, что я могу сказать.

— Неправильно ты думаешь, — Ревик поднял пистолет, прицелившись Териану в голову. — Что бы ты ни мог сказать мне, я уверен, что Салинс знает больше. И он не *насиловал* мою жену... и не приковывал её к бл*дскому полу, чтобы какой-то извращённый ребёнок мог лапать её каждую ночь, — сглотнув, он приподнял дуло пистолета. — Салинс даже сдержал свою часть сделки. Строго говоря.

Териан поднял ладонь.

— Не думай, что он действовал в твоих интересах, Реви! Не допускай этого даже ни на секунду! Кто, чёрт подери, по-твоему, разбомбил Сиртаун? — он подождал, пока эти слова отложатся в сознании элерианца, и тот начнёт слушать. — У него есть свои мотивы. И я практически могу гарантировать, что они ещё радикальнее моих...

— Мне плевать, — сказал Ревик, всё ещё не опуская пистолет.

— Нет, тебе не плевать, — сказал Териан. — Мы могли бы работать вместе, Реви'.

— Поздновато для этого.

— *Да брось*, Реви! Подумай об этом! Ты пока что не помнишь всего, но ты вспомнишь. Тот ублюдок Менлим обращался с тобой как с последним дерьмом. Что бы ни случилось, ты и я... мы некогда были друзьями. Я бы никогда не поступил так с другом! Если бы только не пытался помочь ему! И я *помог* тебе, Реви! Мальчик точно убил бы тебя, если бы я не вмешался!

Ревик выстрелил ему в другую ногу.

Териан ахнул, обмякнув глубже в кресле. Кровь быстро окрасила другую его штанину.

То, как быстро это случилось — недобрый признак.

Пятно начинало расползаться. Он уставился на увеличивающуюся кляксу, затем на другого видящего.

Ревик пожал плечами.

— Не стоило тебе трахать мою жену.

— Ты прекрасно знаешь, почему я это сделал!

Ревик выстрелил ему в руку чуть повыше локтя. Сила этого выстрела разорвала мышцы и расколола кость. Териан обмяк в кресле. Он поискал скотч, но теперь его бокал оказался на полу. Скотч и вода впитывались в ковёр.

Териан наблюдал за этим, ощущая странное разочарование.

— Мне не очень-то есть дело до твоих причин, Терри, — сказал Ревик.

— Ревик! Подожди! Не убивай меня пока что, я...

Но прежде чем Ревик успел вновь выстрелить в него, прежде чем Териан успел сказать, чего ему стоит подождать... всё потемнело.

Не было никакого предупреждения.

Он даже не успел сделать последний вдох.

Всё, что он успел сделать — выдохнуть предыдущий, уставившись раскрытыми глазами в потолок. Его *aleimi* освободил труп скандинавского видящего, который он купил почти за миллион евро от того мудака-работоторговца в Эстонии, а вскоре после этого изнасиловал и убил для использования его трупа.

Уходя, Териан осознал, что смотрит на комнату из Барьера.

Дигойз опустил пистолет, с озадаченным выражением лица уставившись на светловолосый труп. Он пошёл вперёд, ткнув в безжизненный сосуд одной рукой, проверив пальцами пульс.

Териан видел, как он посмотрел вверх.

Вскоре после этого он осознал, что слышит лишь один пронзительный звук.

Звук нарастал ровными кругами, как сирена воздушной тревоги.

Затем Териан осознал, что именно этот звук он слышит: сирену воздушной тревоги.

Но для него это уже не имело значения.

Он умер... возвращался в главную систему для загрузки в очередное тело, в очередную часть света, а возможно, в бункер, где Ксарет и Веллингтон торчали прямо сейчас, играя в нарды и смотря новости об атаке видящих на Белый Дом и мобилизации армии.

Ну, или он так думал.

Оказывается, тут он ошибался.

Глава 48

Сайримн

Он стоял в лифте, наблюдая, как меняются цифры по мере того, как он медленно поднимался с десяти с лишним подвальных этажей под главной постройкой Белого Дома.

Его разум опустел.

Нет, не опустел.

Он вновь мог чувствовать её, но всё ещё её боялся, боялся того, что может обнаружить, если поищет её свет.

Теперь она его возненавидит.

Он уставился сквозь стены, читая органику, используя свои воспоминания о планах постройки, сопоставляя их с тем, что говорили ему живые машины, пока он слушал их своим светом. Это он тоже помнил. Он помнил, как говорил с созданиями, которые жили в стенах, знал их язык достаточно хорошо, чтобы это слегка напоминало хакерство.

Машины говорили с ним охотно, не сдерживаясь. Они показали ему все потайные ходы Териана и крысиные норы. Большинство из этого теперь не имело значения.

Удары сотрясали кабину лифта во время её подъёма. Он бегло присматривался к ним, держа руки вдоль боков, пока его разум то подключался, то отключался от разных частей конструкции.

Он ощущал там эмоции.

Он знал, это они принадлежат ему.

Лицо Элли, когда она смотрела на его тело; мёртвый взгляд её глаз, когда она всё осознала прямо перед тем, как её колени подкосились.

Он чувствовал, как сжалось её сердце.

Ненависть — неправильное слово. Он не заслужил ненависть. По правде говоря, он не различил ни единой волны истинных эмоций в её свете. Ни ощущения злости. Ни боли или печали.

Всё просто закончилось. Он прекратил существовать.

Те мгновения, когда она не смотрела на него...

Он видел цемент и органическую клетку, её голую спину и ноги, спутанные тёмные волосы, зелёные глаза, сверкавшие в полутьме. Он хотел её. Он даже подумывал принудить её, и не раз. Он был так уверен, что как только он это сделает, ей понравится.

Казалось таким нечестным, что она считала его недостойным, когда он так сильно её хотел... когда он просил её столько раз... когда он демонстрировал такую сдержанность.

Даже ошейник возбуждал его, но ему хотелось его снять, так сильно, что ему приходилось напоминать себе — она не останется с ним, если он её освободит. Пока что нет.

Может быть, вообще никогда, поскольку этот ублюдок запустил в неё свои когти.

Смятение волной пронеслось по его свету, но другой разум поднялся на поверхность, сильнее всего остального. Это сводило с ума — знать, что она так близко, но не иметь возможности её почувствовать.

Она была как пустая кукла, смотрела, но не видела его.

Боль исказила его свет. Он же думал об Элли. Элли он видел прикованной... Элли он подумывал изнасиловать.

Она пыталась одурачить его. Врала ему. Она не хотела его.

Вместо этого она хотела того сукина сына, который его запер...

Смятение переполнило его свет.

Она отвергла мальчика, зная, что Териан изнасилует её за отказ. Почему она допустила такое? Ей это понравилось? Такое возможно?

Нет. Он избил её. Он едва её не убил.

Он сказал, что сделал это не просто так, но никакая логичная причина не приходила Ревуку на ум, даже с точки зрения Терри.

Его друг, Терри. Он украл его жену... насиловал её.

Он упёрся рукой в кабину лифта.

Он поверить не мог, как сильно всё болело. Он никогда не ощущал такой боли разделения, даже в детстве, в горах. Он

чувствовал, что его тело занималось сексом — много и недавно. Это не помогало.

Он ждал её. На протяжении долгих чёртовых лет он ждал.

Они пообещали ему, что ему не придётся быть в одиночестве. Они пообещали ему, обучили всем древним текстам. Они показали ему, как они говорили всё те же самые вещи, что он не будет один, как только она придёт. Они также сказали, что она его узнает.

Они сказали, что она принадлежит ему.

Он должен был найти её. Он не мог её отпустить.

Её воспитали как человека, она не поймёт. Ему придётся помочь ей. Но сначала он должен выбраться отсюда. Она не станет ждать.

Люди Салинса ей не позволят. Они захотят доставить её в безопасное место.

Да и вообще, с чего бы ей сейчас ждать его?

Однако люди будут ждать. И люди Териана тоже. Его *aleimi* искал возможности, оружие. Та часть его чувствовала себя комфортно... работая в этом пространстве, делая то, чем он занимался всегда, лучше всего остального.

Охота была простой, неосложнённой.

Горючие газы, пробитая труба, жидкое топливо, деревянные частицы стен и штор в качестве уже горевшего фитиля, пороховой осадок, открытая проводка. Он видел каминны на планах.

Где-то здесь также имелся газ — может быть, на кухне.

Он слышал бомбы. Значит, самолёты. Топливо.

Две стороны работали вместе, но отдельно... на разных рельсах.

Навыки, такие знакомые вопреки долгим годам отсутствия, смешивались с его военной стороной, той частью, что спланировала операцию для проникновения внутрь. Его разделённый разум лучше всего работал с конкретными целями. Он отходил от курса только тогда, когда он думал о...

Боль вновь попыталась завладеть его светом.

Он должен найти её. Он должен убедить её... заставить выслушать.

Двери лифта открылись.

Он оказался на первом этаже здания.

Он простоял там, на мгновение дольше необходимого, и двери начали закрываться. Охранник увидел его, когда он выставил руку вперёд, чтобы не дать дверям закрыться. Когда органические панели вновь открылись, человек в чёрной броне поднял автоматическую винтовку.

Ревик на мгновение сосредоточился...

... и оружие разломилось в руках мужчины.

Корпус взорвался прямо ему в лицо.

Агент СКАРБа завопил, когда металл обжёг плоть, но вопль не продлился долго. Потому что Ревик сломал ему шею ещё до того, как тот закончил набирать воздух в лёгкие для первого вопля.

У него нет времени чувствовать это.

Он ощутил ещё одно поднывавшееся оружие и просканировал.

Он сломал механизм курка, затем переломил хребет хозяину оружия, заставив очередного солдата рухнуть на пол. Он стоял там, тяжело дыша, глядя на двух мужчин, которые лежали на широкой красной ковровой дорожке. Их тела не шевелились, как сломанные игрушки.

На мгновение он поколебался, переполнившись сомнением.

Затем егохватило какое-то изумление, пока он переводил взгляд с одного мужчины на другого. Он издал ошеломлённый смешок, и этот звук громко прокатился по пустому коридору.

Что-то новое задело его свет, и он вновь резко сосредоточился.

Он до конца вышел из лифта, потянувшись к тем верхним частям его *aleimi*, которые ощущались такими родными, что в груди зародилась настоящая боль.

Он это помнил!

Териан был прав.

Он помнил...

Эпилог

Памир

Я сидела рядом с Вэшем, скрестив ноги.

Мы были практически одни внутри огромной пещеры, рядом с огнём, который пылал жарко и высоко.

Подозреваю, причиной тому было то, что пещера находилась внутри огромной сети других пещер, уходивших глубоко в хребет Памира и дальше, между Таджикистаном и Китаем.

После бомбёжки Сиртауна эти пещеры постепенно заполнялись беженцами из северной Индии. После событий в Вашингтоне пришло ещё больше беженцев, которые спасались уже из человеческого мира. После террористической атаки на Белый Дом политический климат для видящих ощутимо изменился. Беженцы продолжали прибывать из Европы и Америк, даже из Африки и отдельных частей Азии, присоединяясь к нам в том, что быстро превращалось в новый (старый) оплот видящих в Азии.

Пожалуй, события действительно возвращались по кругу к исходному положению.

Монахи, которые до всего этого жили здесь более-менее сами по себе, в добровольном религиозном уединении, оказались достаточно добры, чтобы принять всех нас в своём доме. Однако я знала, что мы практически уничтожили умиротворённость их доселе тихой территории.

К счастью, пещеры были обширными.

И всё же ни один из нас не оставался там по-настоящему один.

Вопреки обширным масштабам и сложному переплетению, всё это место являлось гигантской конструкцией. Эта конструкция теперь поддерживалась Адипаном, чьи члены взяли на себя ещё больше своих традиционных обязанностей в свете «инцидента», как мы теперь это называли, или просто «истории в Вашингтоне».

Огонь освещал стены пещеры вокруг нас, включая высокую фреску, покрытую выцветающими изображениями животных и людей.

Я смотрела на неё, вспоминая, когда увидела её в первый раз.

Под миром находилась черепаха, рядом с королём, королевой и рыцарем отнюдь не с шахматной доски, а по океану и звёздным небесам плыл дракон. Мост стояла и держала молнию в руках, а рядом с ней смеющийся мальчик держал сине-белое солнце, его глаза были полны радости.

Я оторвала взгляд от лица мальчика, глотнув чая из своей кружки.

Пещера была на удивление тёплой, учитывая то, каким влажным и мёртвым выглядел лабиринт туннелей всего несколько недель назад, когда мы только прибыли сюда. В половине занятых пещер уже имелось электричество, в некоторых работы всё ещё велись — наши техники спешили, стараясь поспеть за притоком новых обитателей.

Однако, даже с технологическими удобствами, я знала, что мы переживём лишь только самые жаркие месяцы лета. Судя по тому, что мне говорили, большинство молодых видящих пережили шок, когда мы столкнулись с настоящим штормом в поздние месяцы того года.

Большинство Семёрки собиралось остаться, как делали это видящие за тысячелетия до нас.

Даже Тарси теперь жила с нами.

Ну, точнее, она жила с Вэшем.

Они делили одну из пещерных комнат, что, наверное, удивило меня — как и решение Касс забуриться вместе с гигантским версианцем, которого она встретила в то время, что я была в плену.

Вообще-то, история с Касс удивила меня не так сильно, хотя я понимала, что между ней и Чандрэ оставалось весьма нешуточное напряжение.

Даже Джон, похоже, начинал лучше ладить с миром видящих.

Он и Дорже каждый вечер играли в шахматы в самом крупном из ныне обитаемых общих помещений, а также я несколько раз видела его на ринге для спарринга — он учился *mulei* с Тензи и Гаренше, и некоторыми другими.

Ему определённо это удавалось лучше, чем мне.

Жизнь в горах была тихой, но так продлится недолго. И в наружном мире было не так тихо. У меня всё ещё имелся доступ к новостям, благодаря людям Балидора и нескольким довольно высокотехнологичным спутниковым тарелкам с органикой, которые установили выше в горах, под защитой герметичного покрытия от погодных условий.

Соединённые Штаты перешли в режим полной изоляции.

В большинстве крупных городов введено военное положение, буйствовали беспорядки, в основном в районах и компаниях, связанных с видящими или китайцами, которых обвиняли в сговоре с видящими-террористами — всё из-за тех усилий Териана по разжиганию войны в прошлом году. Границы Соединённых Штатов закрыты для всех видящих и огромного количества человеческих иностранцев. Они ввели обязательные тесты ДНК на входе во все правительственные здания, крупные банки, всё, что имело отношение к Уолл-Стрит и многим другим компаниям.

Те видящие, что всё ещё жили в Соединённых Штатах — то есть, те, что не успели вовремя выехать или должным образом замаскироваться — уже подвергались гонениям.

У нас было мало информации по деталям, но мы знали, что дело обстоит плохо — просто по мельком увиденным кадрам в Барьере.

Вашингтон, округ Колумбия, оставался полувоенной зоной.

Однако никто в Адипане не сумел найти Фиграна.

Его капсула плюхнулась куда-то в Атлантический океан, но Балидор не сумел направить никого из своих людей в те координаты, которые казались наиболее вероятными. Обилие органики в технике сделало невозможным определение точного местоположения, даже если не считать логистических сложностей, учитывая всё происходящее.

Большинство Семёрки было занято и до нападения на Белый Дом, и потом, когда в центре Вашингтона развязалась полноценная война с перестрелкой.

К тому времени, когда корабли добрались до места, где согласно спутникам, приземлилась капсула, органический контейнер или утонул, или уже не находился на прежнем месте.

Судьба самого Фиграна обсуждалась разведчиками Адипана и

Семёркой, однако одно ясно без сомнений — все остальные тела Териана погибли.

Веллингтона нашли погибшим в бункере вместе с министром обороны Андреа Джарвеш. Молодая девочка, которую Веллингтоны удочерили годом ранее, Мелисса Веллингтон, тоже загадочным образом погибла. Шумиха вокруг необъяснимых смертей так и не стихала в человеческом мире. А также не давал покоя тот факт, что я, видимо, «исчезла» из-под самой мощной охраны, которую только приставляли к отдельно взятому видящему... и сделала это, не оставив следа.

В атаках винили всех — китайцев, местных мятежников, видящих-террористов с Ближнего Востока. Американцы сбросили на Белый Дом очередную серию бомб после того, как Тобиас вколол мне наркотики и утащил с территории. Очевидно, этот второй этап бомбёжки стал ответом на смерти Веллингтона и Джарвеш, отчаянной попыткой уничтожить остатки террористической ячейки.

Успехом это не увенчалось.

К тому времени внутри не осталось никого, кроме трупов да случайно задержавшегося сотрудника Секретной Службы. Скандинавский Териан тоже был там, его тело вытащили из подземной комнаты, и в его конечностях нашли минимум три пули. Однако, по словам коронера, его убили не пули. Он умер прежде, чем успел истечь кровью.

Вместо этого его смерть списали на «необъяснимые причины», как и другие.

Обычные спекуляции о теориях заговора и сокрытии правды крутились в менее известных новостных передачах.

Ходили слухи о новом оружии, какой-то разработке технологии видящих. Ходили слухи о видящих-телекинетиках, обо мне и «ребёнке-видящем», которого тестировали на предмет телекинеза, пока меня держали в Белом Доме.

Элан Рейвен всё ещё нигде не всплывала. Мэйгар тоже.

Но мне не было дела до всего этого.

Однако время от времени я задумывалась о Халдрене.

Бывший президент Соединённых Штатов Дэниэл Кейн, также

известный как Рабан Новотны в Восточной Европе во время Первой Мировой Войны, или попросту Галейт — я всё ещё думала о нём как о Халдрене.

Мне много раз приходило в голову, что имя Галейт означало «щит» в старейшем из языков видящих.

После его смерти щит явно обрушился.

При жизни Галейт умудрялся поддерживать перемирие и с миром людей, и с миром видящих. Он по-своему защищал Семёрку, держа под контролем горных мятежников и держа в узде людские настроения, когда кое-кто хотел занять более агрессивную позицию относительно свободных видящих в Азии. Он создал СКАРБ, чтобы утихомирить страхи людей перед неконтролируемыми видящими, а затем ввёл туда своих видящих, чтобы эта организация не слишком перестаралась.

Он даже сделал то, что утверждал все эти годы.

Он защитил мир от Сайримна.

— Никто ничего от него не слышал? — спросила я совершенно без надобности.

— С прошлого дня? — ласково переспросил Вэш. — Нет, Элисон.

— И вы уверены, что он выбрался из Соединённых Штатов до того, как они закрыли границы?

— Вполне уверены, да, — сказал Вэш.

Он посмотрел на меня, и впервые за всё то время, что я его знала, я увидела в его темных глазах обеспокоенность, почти тревогу.

— Теперь, когда он в целостности, — добавил он. — ...и без ошейника, конечно же, он не сможет так легко скрыть свой свет из Барьера, Элисон. Теперь он превратился в маяк. Куда более заметный, чем он догадывается, пожалуй, — Вэш пожал одним плечом. — Он научится это компенсировать, я уверен. До тех пор мы можем хотя бы наблюдать за ним. Попытаться разглядеть прогресс реинтеграции и возможные побочные эффекты.

Я кивнула, лишь наполовину слушая его.

Я не собиралась опять спрашивать, почему никто не сказал мне

— или Ревику — кто он такой на самом деле. Я могла выслушать их доводы в миллионный раз, и они всё равно казались мне бредовыми.

И они ничего не изменят.

— Это опасно, — сказал Вэш. — То, что ты делаешь.

Я не утруждалась спрашивать у него, что он имеет в виду.

— Я ещё ничего не сделала, — сказала я.

— Ты должна твёрдо стоять на своём, Элисон. Ты не можешь идти на компромисс. Не можешь. Ты должна понимать, насколько опасна эта иллюзия.

На эти слова я тоже кивнула.

Но я этого не ощущала.

Иногда я думаю, что все мысли людей и видящих — это всего лишь истории, которые мы сами себе рассказываем о том, где бы мы поступили иначе, объяснения самим себе и всем, кто станет это слушать.

— Элисон, — мягко сказал Вэш. — Мужчина, которого ты знала как Дигойза Ревика — мёртв. Ты должна принять это. Ты должна ощутить правдивость этого факта.

Он помедлил, скорее всего, дожидаясь, когда я переведу на него взгляд.

Я этого не сделала.

— Две другие конфигурации личности всегда доминировали, — сказал он. — По крайней мере, с самого его детства, когда Менлим сломал его разум.

Когда я и в этот раз не посмотрела на него, Вэш вздохнул, тихо щёлкнув языком в знак крайней обеспокоенности.

Печаль шёпотом выходила из его света, а вместе с ней ещё больше того беспокойства, которое так сильно отличалось от того, как я обычно его воспринимала. Я осознала, что также ощущаю там чувство вины. В ответ я закрыла свой свет, поджав колени к телу, словно желая заблокировать всё остальное.

Вэш мягко щёлкнул языком.

— Наше время на исходе, Элисон, — сказал он. — Как только он

более полно интегрирует разные части себя, он станет ещё опаснее, — он помедлил, вновь словно дожидаясь, когда я повернусь. — Будут присутствовать аспекты, которые напомнят тебе твоего прежнего супруга, но он не будет твоим супругом. Он уже никогда им не будет, Элисон. Никогда. Ты должна это понимать.

Теперь он говорил почти испуганно.

— Чем раньше, тем лучше, — добавил он. — Тарси сказала, что она тебе говорила. Она предупреждала тебя в пещере. Возможно, тебе придётся его убить, Элли. Может возникнуть такая необходимость.

— Это будет самоубийством, — произнесла я, ощущая, как напрягаются мои челюсти.

Он положил ладонь на моё колено.

Не думаю, что он когда-либо был так деликатен со мной.

— Возможно, нет, — сказал он. — Ты не влюблялась в другие личности, Элисон. Я не думаю, что его смерть по-прежнему повлечёт за собой твою гибель... если так вообще когда-либо было. Ты вышла замуж за другого. Другого, которого больше не существует.

Запустив пальцы в волосы, я обеими руками сжала голову и уставилась в огонь, стараясь не думать над его словами.

Он позволил молчанию затянуться.

Дольше, чем я могла вынести.

— Я не хочу говорить об этом, — сказала я. — Я не могу, Вэш. Не сейчас. И это всё равно не имеет значения. Он и не приблизится ко мне.

— Ты не можешь позволить себе ждать, — предостерёг он. — Ты видела, насколько он опасен. Ты должна знать, увидев, кем он был тогда... а также по твоему времени, проведённому с мальчиком. Он станет лишь опаснее, Элли. Он уже не ребёнок, но его разум во многом действует по-прежнему. Возможно, так будет всегда, учитывая, что ему пришлось вынести.

Я позволила своему взгляду пробежаться по стене, осматривая высокую фреску с образами.

Я сосредоточилась на изображении мальчика, и перед глазами

всё размылось. Образы выглядели в точности так же, как в моих снах, только краска выцвела.

Возможно, где-то здесь притаилась какая-то метафора, но я не хотела об этом думать.

Вместо этого я поднялась на ноги.

Вот что хорошо в видящих — тебе не надо придумывать причину, чтобы уйти.

Ты можешь просто уйти.

Я прошла по узкому проходу, который вился в сторону от пещеры Вэша. Добравшись до очередного поворота, я пошла направо, по центральному проходу к моей комнате — или как там можно назвать пещеру, застеленную коврами и снабжённую электричеством. Её также полностью меблировали — поставили кровать, стол, книжные полки, лампу. Даже удобное кресло. Освещение поступало из органических генераторов, так что не мигало и не делалось коричневым, как в Индии.

Та секция пещеры, которую я выбрала для себя, находилась ближе к выходу, чем пещеры моих друзей — и этот факт сводил Балидора с ума из-за мер безопасности.

И всё же решение не было беспечностью с моей стороны.

Вэш прав. Я вела себя глупо.

В любом случае, с его стороны было бы безумием заявиться сюда.

Конструкции в пещерах было много тысяч лет, и на её фоне то, что я почувствовала в Белом Доме, казалось детской игрушкой. Я даже не приблизилась к тому, чтобы выяснить все сложные детали, покоившиеся в ней — как в плане функциональности, так и в плане информации, хранившейся в её складках; конструкция состояла из большего количества комнат и реальностей, чем сами пещеры. Она вмещала места и воспоминания, которые тянулись аж до времён элерианцев.

Моих людей, по словам Тарси.

Наших людей, полагала я.

От этой мысли мою грудь опять сдавило.

Меня уже предупреждали, что моя комната может оказаться довольно холодной в зимнее время, если я не найду способ защититься от ветра, который задувал в отверстия в горных стенах. Это даже вопреки значительному количеству ветрозащитных насаждений и щитов, размещённых снаружи этих дверей. За последние несколько недель мне говорили, что зимы в Памире придавали совершенно новое значение концепции смены времён года. Всё внутри пещеры умирало. По крайней мере, всё, что не поддерживалось искусственным путём.

В этой части света всё живое каждый год перерождалось, начиная с нуля, с самой смерти.

Но я уже приняла решение.

Я не могла остаться здесь.

Я их всех подвергну риску, если останусь здесь.

В любом случае, я уже решила, что не могу просто прятаться с остальными видящими. Пришло время вернуться, сделать что-нибудь. Конечно, мне придётся уйти незаметно; Балидор впадёт в истерику, если узнает, что я вообще подумывала покинуть Памир.

Но всё это детали, на самом деле.

Я не из тех, кто мог просто забиться в дырку в горах и ждать Армагеддона. Может, я отправлюсь к китайским видящим. Посмотрю, поговорят ли они со мной.

Я всё ещё обдумывала это в голове, приближаясь к своему сегменту пещер, как вдруг я резко остановилась.

Встав как вкопанная, я прислушалась.

Чувствуя, как сердце сжалось в груди, я всматривалась в темноту, внезапно уверившись, что я здесь не одна. Я посмотрела туда, откуда пришла, в сторону факелов, освещавших вход в пещеру. Нервозность рябью пронеслась по моему свету, но я не могла определить её источник.

— Касс? — позвала я. — Эй, это не смешно.

Никто не ответил.

Большинство других видящих к этому времени уже спало, да и вообще мало кто жил в этом сегменте пещеры. Обычно моими

единственными посетителями были Касс, Джон и время от времени Балидор. Я скучала по своим друзьям, но в то же время всё понимала.

В эти дни я представляла не самую весёлую компанию.

По правде говоря, я в основном находилась в одиночестве с тех пор, как мы вернулись из оплота Салинса — вероятно, именно поэтому Вэш попросил о встрече.

Мои друзья старались изо всех сил... по крайней мере, первые несколько недель.

В итоге я даже их взяла измором. Находиться в обществе других видящих также было утомительно. Я влияла на них, и мне ненавистно было видеть выражения их лиц, когда они задавались вопросами на мой счёт, что же я теперь буду делать, учитывая мои варианты.

Я сделала ещё один шаг.

Задержав дыхание, я прислушалась.

Прежде чем я успела вновь задышать, по моему свету скользнула боль.

Она была такой сильной, что я не могла пошевелиться, не могла видеть сквозь свет, вспыхнувший перед моими глазами. Может, это из-за всех факторов, которые, по словам других, делали всё хуже — фаза, на которой мы остановились, тот факт, что мы оба слишком много пробыли в одиночестве, тот факт, что я всё ещё иногда чувствовала, как он наблюдает за мной, задаётся вопросами.

Я стояла там, наполовину присев, подавляя прилив эмоций, которые пытались упорядочиться в моей голове, как он вдруг появился рядом со мной.

Шок заполнил мой свет.

Я уверена, что я спала...

Не успела я издать ни звука, как он накрыл мой рот ладонью, вжимаясь в меня, удерживая меня у каменной стены.

Я не сопротивлялась ему, но и не расслаблялась.

— Ш-ш-ш, — пробормотал он. — Идём со мной, — его боль усилилась, делаясь такой неукротимой, что я прикрыла глаза и ахнула ему в ладонь. — Идём со мной... пожалуйста, Элли.

Я уставилась в его лицо, стараясь думать вопреки этому, увидеть его по-настоящему.

— Не кричи, — сказал он, прижимаясь ко мне. — Обещаешь, что не будешь кричать?

Я почти не колебалась перед тем, как кивнуть.

— Как ты пробрался сюда? — спросила я, когда он убрал ладонь.

— Идём со мной. Пожалуйста, Элли... пожалуйста.

Боль очередным приливом заполонила его свет в таком количестве, что я едва его видела. Я чувствовала, как он притягивает меня. Мои колени подкосились, когда он притянул меня ещё сильнее, вплетаясь в меня так же сильно, как я в него, когда мы находились в хижине.

На протяжении долгого мгновения я не могла дышать.

— Прости меня, — пробормотал он. Слёзы навернулись на его глаза, и он принялся целовать моё лицо. — Боги, Элли. Прости меня, пожалуйста. Я люблю тебя. Я сделаю что угодно.

В моем сознании возникли образы, фрагменты того, что я увидела в ту ночь в Белом Доме. Я закрыла глаза, прогоняя эти образы прочь.

— Куда? — выдавила я. — Куда мы вообще пойдём?

Он вновь прижался ко мне, целуя моё лицо.

— Пожалуйста, любимая... просто пойдём. Позволь мне всё возместить тебе. Пойдём со мной.

Я чувствовала в нём мальчика — и того, другого, который меня пугал.

Однако я смотрела ему в лицо, и я видела Ревика тоже. Он ощутил моё колебание. Может, он даже ощутил моё решение — а может, как и я, знал, каким оно будет ещё до того, как я решила.

— Идём со мной, — сказал он и вновь поцеловал меня. Он говорил тихим, уговаривающим тоном. — Пожалуйста, любимая. Пожалуйста... я сделаю всё, что ты захочешь. Что угодно.

— Я не могу.

— Да... можешь. Ты моя жена. Ты всегда будешь моей женой,

Элли.

В этот раз по моему сердцу ударила такая боль, что невозможно было вымолвить и слова. Я снова пошатнулась.

— Я не смогу остаться, — сказала я.

Он улыбнулся. Это была та самая улыбка, которая разбила моё сердце, когда я впервые увидела её у мальчика. Теперь я не могла видеть её на этом лице.

— Однажды ты сможешь, — пообещал он, целуя меня в губы. — Я подожду. Я буду ждать тебя. Сколько бы ни потребовалось времени. Ты полюбишь меня вновь. Ты увидишь, Элли.

Я ощутила, как моё горло сдавило.

— Я люблю тебя. Больше всего на свете.

Он печально улыбнулся, коснувшись моей щеки.

— Нет, — сказал он. — Но полюбишь.

Потянув за пальцы, он положил мою ладонь себе между ног и поцеловал меня. Поцеловал ещё крепче, когда я ответила, скользнул другой рукой под мою свободную рубашку, ласкал мою кожу, пока я не ахнула ему в рот. Его свет сделался более агрессивным, притягивая мой свет, пока всё желание сопротивляться не покинуло мои конечности, пока я не начала прикасаться к нему в ответ.

Он начал стягивать рубашку с моего тела, но я остановила его, стиснув его ладонь и осмотревшись по сторонам, пока я пыталась убрать от него свой свет, пыталась думать.

Я уставилась на его лицо, не в состоянии отвернуться. Свет в моих глазах сделался бледно-зелёным, и я ощутила, как мою грудь сдавило.

— Мы не можем, — сказала я, стараясь обрести решительность. — Не здесь. Они захватят тебя, Ревик. Они не станут слушать меня, только не в этом вопросе.

— Тогда идём со мной, — мягко сказал он. — Пожалуйста.

— Куда?

Он снова улыбнулся, и я увидела идеальные образы в его голове.

Я вновь стояла там с ним, глядя, как желтеющее поле

становилось красным в свете садящегося солнца. Вдалеке на горизонте облака над зазубренными вершинами гор окрашивались золотым. Я похлопывала лошадь с белой мордой, тогда как он показывал в сторону домика, который устроился в долине под горами. В маленьком холодильнике, работавшем от солнца и ветра, гнила еда, лошади на ночь сбивались под деревьями, разбитое стекло, еда и полотенца покрывались плесенью на полу.

Меня пронзила такая интенсивная боль, что он стиснул меня, целуя в шею, затем в губы, издавая низкий звук и лаская лицо.

Я так сильно соскучилась по нему, что как можно крепче обхватила его руками, пытаюсь привлечь поближе к себе, словно вдохнуть его.

— Ш-ш-ш-ш, — пробормотал он. — Всё хорошо, — сказал он. — Мы всё наладим, Элли. Я могу достать нам еды. Я могу позвонить наперёд. Теперь у меня есть люди, которые мне помогают.

Но слишком много реальности.

Образ разлетелся на куски.

Я кивнула, прижимаясь к его груди и заставляя себя улыбнуться.

— Что насчёт лошадей? — спросила я, вытирая глаза и снова улыбаясь ему.

— Мы заведём их внутрь, — сказал он, улыбаясь в ответ. — Они нас согреют, Элли. Можем ездить на них до туалета.

Я беспомощно посмотрела на него.

— Ревик...

— Идём со мной, — умолял он. — Пожалуйста. Любимая... пожалуйста.

Посмотрев на него, я знала, что не могу ему отказать.

Но я также знала, что Вэш прав.

Кем бы он ни был, мужчина передо мной был на самом деле не Ревиком.

Как раз когда я об этом подумала, внутри конструкции сработала тревога. Я почувствовала это, когда Ревик вскинул взгляд вверх, и я увидела, как в его глаза возвращается хищный блеск. Те тёмные

части сместились над его головой, пальцы крепче сжались на моём теле.

— Я вернусь за тобой, Элли, — сказал он. Он поцеловал меня, и я чувствовала в его губах обещание. — Я вернусь.

Помедлив буквально на долю секунды, он посмотрел на меня, и та мягкость вернулась на его лицо. Он приласкал мою щёку, и на его глаза вновь навернулись слёзы.

— Я люблю тебя, жена, — прошептал он, вновь целуя меня. — Я обожаю тебя. Я совершенно обожаю тебя. Жди меня, Элли... пожалуйста.

Не успела я сформулировать слова, как он уже ушёл.

Я всё ещё стояла там, мой разум онемел и словно развалился на куски, когда ко мне подбежал Балидор. Я уставилась на пистолет в его руке, не видя его — затем не осознавая, что это такое. Его серые как сталь глаза смотрели сердито, почти зловеще, пока он не взглянул мне в глаза.

Он стиснул мою руку.

— Элисон, — он бережно тряхнул меня. — Элли. Ты в порядке? Он не навредил тебе?

Я не могла ответить.

Я стояла там, прислоняясь к стене и стараясь дышать, пока Балидор всматривался в моё лицо.

Лишь одна мысль повторялась в моей голове, по замкнутому кругу, который я не могла разорвать и даже осмыслить.

Вэш прав, подумала я. Он был прав.

Мой муж мёртв.

Ревик действительно мёртв.

Примечания

1

Момо — блюдо из теста с начинкой. Момо аналогично монгольским позам, китайским цзяоцзы, азиатским мантам, русским пельменям и итальянским равиоли.

Валовый национальный продукт (ВНП) — денежное выражение общего количества товаров и услуг, произведённых резидентами страны за год. В данном случае, видимо, общая стоимость нажитого всеми Шулерами.

Пиньята — мексиканская по происхождению полая игрушка довольно крупных размеров, изготовленная из папье-маше или лёгкой обёрточной бумаги с орнаментом и украшениями. Своей формой пиньята воспроизводит фигуры животных или геометрические фигуры, которые наполняются различными угощениями или сюрпризами для детей. Пиньяту подвешивают, затем одному из детей завязывают глаза, кружат на месте, затем дают в руки палку. Он должен найти пиньяту и попасть по ней палкой так, чтобы та лопнула и сладости посыпались наружу, а другие дети отвлекают его криками.

Шерпы, в единственном числе шерп и шерпа — народность, живущая в Восточном Непале, в районе горы Джомолунгма, а также в Индии.

Иными словами, Syrimne d' gaos с языка видящих переводится как «Меч Богов», где gaos — боги, а Syrimne — меч.

В оригинале слово «Шулер» звучит как Rook. Это слово также служит названием шахматной фигуры, которую на русском языке называют ладья или тура.

На русском эта шахматная фигура называется «конь», на английском — knight, т. е. рыцарь, всадник.

Шут — это название одного из старших арканов Таро. Эти арканы давно стали распространёнными архетипами, и возможно, именно это имеет в виду Тарси, говоря, что «многие проявились в других местах».

Трикстер — архетип в мифологии, фольклоре и религии — «демонически-комический дублёр культурного героя, наделённый чертами плута, озорника» — божество, дух, человек или антропоморфное животное, совершающее противоправные действия или, во всяком случае, не подчиняющееся общим правилам поведения.

В китайской культуре дракон — символ доброго начала ян. Кроме того, примечательно, что в китайской версии легенды о Великом Потопе бог сначала решил покарать смертных, а потом пожалел их и послал на их спасение огромную черепаху и гигантского крылатого дракона. Они помогли богу осушить землю и спасти людей, после чего три героя вновь создали мир. Например, где дракон проводил хвостом, там появлялись новые реки — в китайской культуре образ дракона вообще прочно связан с культурой воды.

7 футов — примерно 213 см.

4 фута — примерно 1,21 метра.

ЗППП — заболевания, передаваемые половым путём.

«Поза сапожника» — это название одной из поз в йоге. Немного похоже на позу лотоса, но лодыжки не перекрещиваются — нужно сложить ноги ступня к ступне. Посмотрите картинки в гугле.